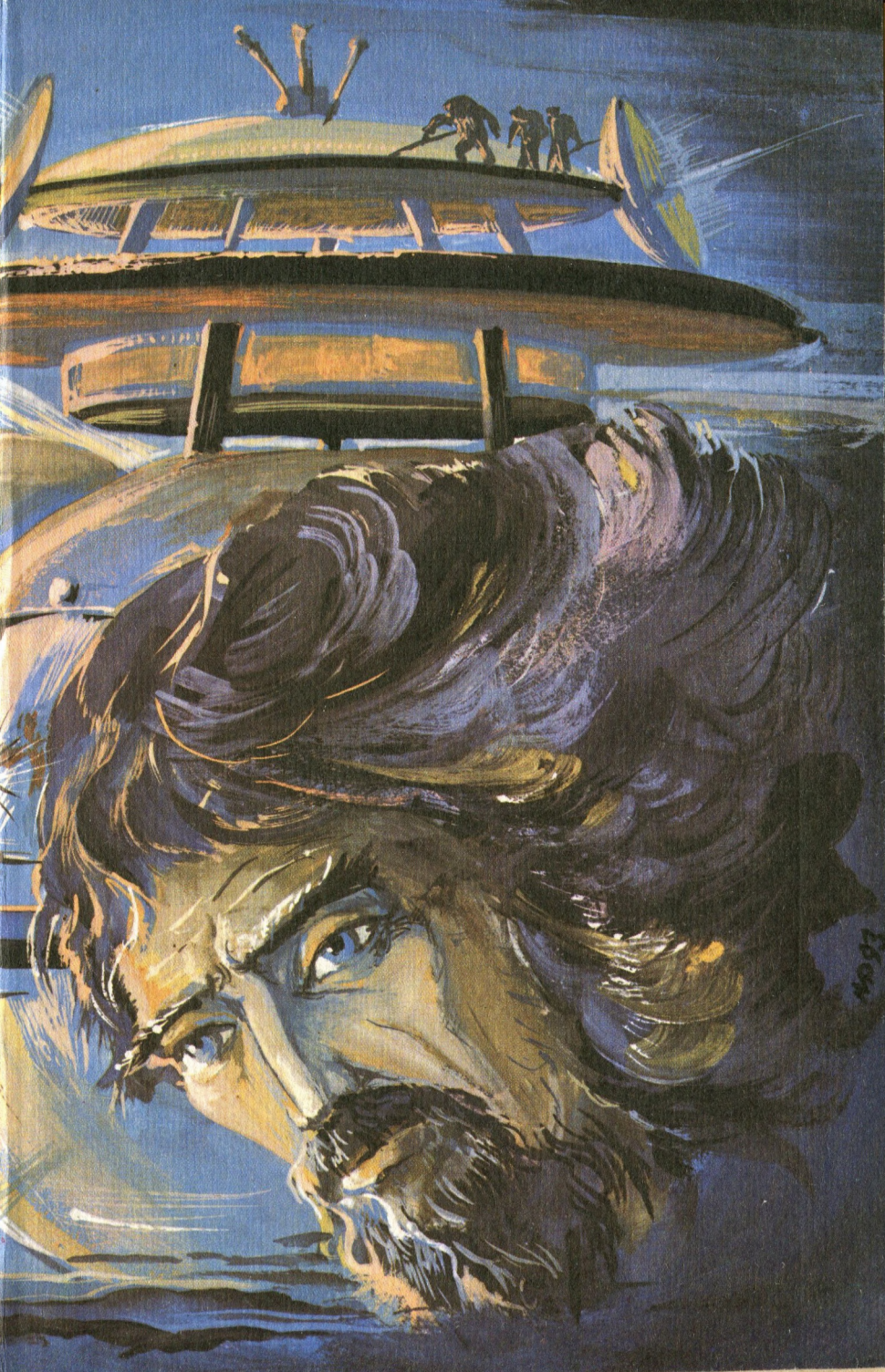
МИР ФАНТАСТИКИ
ПОЛЯ АНДЕРСОН
ВОССТАВШИЕ МИРЫ
ПОЛЯ АНДЕРСОН
ВОССТАВШИЕ МИРЫ



МИР ФАНТАСТИКИ

ПОЛ АНДЕРСОН

ВОССТАВШИЕ МИРЫ

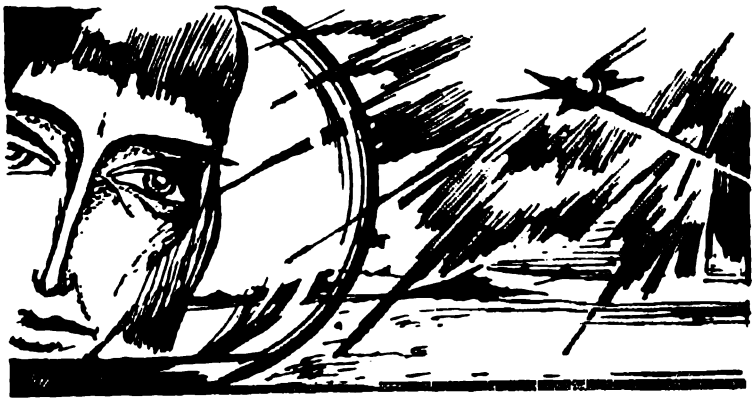
ТУЛА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПЕРЕСВЕТ»
НИЖНИЙ НОВГОРОД
НПП «ПАРАЛЛЕЛЬ»
ФИРМА «ФРЕГАТ»
1993

А $\frac{470304100—064}{А44(03)—93}$ без объявл.

ISBN 5—86097—064—1

© НПП «Параллель», 1993

ВОССТАВШИЕ МИРЫ



ПРОЛОГ

Создавайте единство.

Я/мы: ноги, принадлежащие Охраняющему Северные Врата и другим, которые могут быть; Паромщику и Скорбящему, которые не будут больше; Много Мыслей, Открывателю Пещер и Хозяину Песен, которые не могут больше быть; крылья, принадлежащие Искателю Железа и Освещающему Дом и другим, которые могут быть; Много Мыслей, которых не может больше быть; юные руки, что только учатся делиться воспоминаниями. Создавайте единство.

О, свет, ветер, река! Они слишком сильны, они хотят разделить меня/нас.

Сила. Это не первые руки, что приходят сюда вспоминать путешествие, совершенное за много лет до того, как они родились на свет. И не последние. Думайте о силе, думайте о покое.

Что-то размытое: две ноги, два лица... нет... у них были клювы?

Вспоминайте. Лягте свободно на землю под шепчущие листья; пейте свет и ветер, и шум реки. Пусть хлынет свободным потоком воспоминание о тех делах, что свершились еще до того, как мои/наши руки появились на свет.

Теперь яснее: они были такими странными; так как же можно их увидеть, не говоря уже о том, чтобы удержать их облик в памяти?.. Ответ: глаз учится видеть их, ухо — слышать их, язык ног и конечности крыльев и руки — трогать их кожу, ноздри — ощущать издаваемый ими запах.

Это идет хорошо. Быстрее, чем обычно. Возможно я/мы можем создать хорошее единство.

Укол радости. Привкус страха в воспоминаниях... что-то чужое, опасность, боль, смерть, и все вместе — мучение.

Лежи спокойно. Это было давно.

Но время тоже едино. Настоящее нереально, лишь прошлое-и-будущее имеют достаточную для реальности протяженность. То, что случилось тогда, должно быть известно нам. Чувствуй каждой клеточкой моих/твоих юных рук, что я/мы — это часть Нас — Нас из Громового Камня, работающих с железом, строителей, плужников, обитателей домов и обменщиков — и что каждое из единств, которое мы можем создать, должно знать и тех, кто пришел из-за неба.

Пусть единство снова вспомнит и отразит путешествие Открывателя Пещер и Скорбящего в те дни, когда чужие, обладающие лишь одним телом, но все же умеющие говорить, прошли через горы к неведомой битве. И каждое такое воспоминание дает мне/нам все больше внутреннего зрения, позволяет пройти немного дальше по той тропе, что ведет к пониманию их.

Хотя может случиться так, что мы путешествуем по этой тропе в неверном направлении. Тот, кто вел их, сказал однажды, что он (она, оно?) сомневается в том, понимают ли они сами себя, а если нет, то смогут ли когда-нибудь понять.

1

Тюрьма-спутник вращалась вокруг Ллинатавра по высокой орбите вдалеке от мест регулярного космического движения. Обзорник камеры Хьюга Мак-Кормака показывал ему планету в разных фазах. Иногда то была темнота, чуть тронутая по краям красно-золотистыми лучами солнца, — и лишь город Катарайнис звездой сверкал на ее фоне. Иногда — ятаган, ярко сиявший под солнцем. Время от времени он видел планету целиком — блестящий круглый шар, голубой в тех местах, где лежали океаны, и отмеченный серебристыми облаками там, где простирались континенты, огромные и зеленые.

Земля с такого расстояния выглядела точно так же. (Если смотреть на нее с более близкого расстояния, было заметно, что вид у нее изможденный, как у постаревшей красавицы, что знала в своей жизни много мужчин.) Но Земля была далеко, в паре световых столетий отсюда. И не один мир не походил на ржаво-коричневый Эней, по которому тосковал взор Мак-Кормака.

Спутник-тюрьма не вращался, тяготение на нем целиком

зависело от генераторов гравитационного поля. Тем не менее, его бег по орбите заставлял небеса медленно струиться мимо обзорника. Когда Ллинатавр и солнце исчезли, заключенный обрел возможность видеть другие звезды. Они были повсюду — немигающие, самоцветные, холодные, как зимний день. Ярче всех сияла Альфа Круцис — голубовато-белые гиганты-близнецы в десяти парсеках отсюда; но Бета Круцис — звезда-одиночка того же типа, светилась в той же части неба немногим дальше от них. Кроме того, тренированное зрение могло различить красное сияние Альдебарана и Арктура. Оно походило на костры, что, обогревали и освещали человеческое стойбище в ночной степи. Еще можно было поймать взглядом Денеб и Полярную звезду, но те были далеко за пределами и Империи, и территории врагов Империи. Свет их был холоден.

Во рту у Мак-Кормака пересохло.

«Если бы Катрин настроилась на мой разум, — подумал он, — она сказала бы, что у Левитикуса должно быть какое-то возражение против такого количества метафор».

Он не осмелился признаться себе, что ее образ все еще живет в его душе..

«Мне повезло, что я оказался во внешней камере. И нельзя сказать, чтобы я испытывал особые неудобства. В намерения Снелунда это явно не входило.»

Помощник начальника тюрьмы выглядел явно смущенным и высказал все извинения, на которые только осмелился.

— Это... э... приказ о вашем задержании, адмирал Мак-Кормак, — сказал он. — Прямо от губернатора. До суда или... до переброски на Землю, может быть... э... до дальнейших распоряжений... — Тут он посмотрел на факс на своем письменном столе, словно надеялся, что текст изменился со времени первого прочтения. — Так... одиночка, полная изоляция... Честно говоря, адмирал Мак-Кормак, я не вижу причин, по которым вам стоило бы запрещать пользоваться книгами, бумагой, даже проектором для препровождения времени. Я пошлю запрос Его Превосходительству и буду просить об этом.

«Я знаю причину, — подумал Мак-Кормак. — Частично она кроется в злобе, но главное — они хотят сломить меня. — Осанка его сделалась еще более горделивой. — Что ж, пусть попробуют».

Сержант дворцовой охраны, доставивший арестованного из катарайнисского порта, бесстрастным голосом произнес:

— Не величайте предателей титулами, которых они лишены.

Помощник начальника тюрьмы выпрямился, смерил охранника взглядом и произнес:

— Сержант, прежде, чем перейти на теперешнюю мою службу, я двадцать лет провел в рядах флота. Я создавал СПО. Под командованием Его Величества находится любой офицер имперской армии, любой член примыкающих к армии сил. Флот адмирала Мак-Кормака может быть лишен своего командующего, но до тех пор, пока командующий не будет снят с поста в результате тщательного судебного расследования или посредством прямого приказа с трона, вы обязаны выказывать ему уважение, иначе обнаружите себя в куда худшем положении, чем то, в которое вы уже попали.

Он покраснел, тяжело дышал и, казалось, хотел прибавить что-то еще. Очевидно, он видел все это в каком-то ином свете. Чуть помолчав, — смущенные охранники переминались тем временем с ноги на ногу — он добавил:

— Подпишите бумаги и уходите.

— Но мы должны... — начал было сержант.

— Если у вас есть большие полномочия, чем передача этого джентельмена под арест, позвольте мне на них взглянуть. — Пауза. — Подпишите и идите. Я не намерен препираться с вами.

Мак-Кормак тщательно запечатлел в мозгу имя и лицо помощника начальника тюрьмы. С той же тщательностью он отмечал всех причастных к его аресту. Придет день... если придет...

Что стало с начальником этого человека?

Этого Мак-Кормак не знал. С тех пор, как он уехал с Энея, ему не приходилось сталкиваться с гражданской судебной системой — военный флот располагал собственной. Отправка его сюда была оскорблением, смягчаемым лишь тем, что диктовалась, очевидно, желанием увезти его как можно дальше от братьев-офицеров — те могли попытаться его освободить. Мак-Кормак догадался, что Снелунд заменил прежнего начальника своим любимчиком или человеком, сунувшим ему крупную взятку, как он это проделывал со многими официальными лицами с тех пор, как стал губернатором сектора, и что вновь назначенный считал свою должность синекурой.

Как бы то ни было, адмиралу было предложено сменить мундир на серый комбинезон, хотя и позволили зайти для этого в кабину. Одиночная камера, хотя и лишенная украшений и роскоши, была достаточно большой для ходьбы, достаточно удобной и гигиеничной. В потолок был вделан аудиовизуальный сканнер, но помещен он был на видном месте, и никто не стал возражать, когда он завесил объектив простыней, снятой с койки. Он не видел и не слышал других людей, но через специальное отверстие получал вполне съе-

добную пищу и чистое белье, а для объедков и прочего имелся мусоропровод. И, наконец, здесь был обзорник.

Не видя солнца, планет, созвездий, молочного свечения Млечного Пути и тусклого сияния соседних галактик он мог бы скоро потерять всякую волю и начать клянчить об освобождении, согласный подписать что угодно, согласный целовать руку палачу, пока честные медики будут посылать в штаб-квартиру сообщения о том, что никаких следов пыток или воздействий на мозг заключенного не обнаружено. И причиной такого быстрого ослабления воли стал бы всего лишь сенсорный голод, потеря возможности гадать, сколько времени прошло с тех пор, как Катрин оказалась во власти Аарона Снелунда. Мак-Кормак признавал за собой право на слабость. Она не принадлежала к числу тех чувств, которых он стыдился. Но почему же губернатор не распорядился содержать его в темной камере? Проглядел, наверное, за другими делами. А точнее — судя по себе — Снелунд, возможно, просто не понимал, что мужчина может любить жену больше собственной жизни.

Конечно, со временем он мог бы заинтересоваться, почему здесь ничего не происходит. Если бы его соглядатаи точно описали ему ситуацию, он, без сомнения, отдал бы приказ о переводе Мак-Кормака в другое помещение. Но агенты, взращиваемые в отрядах охраны на маленькой искусственной луне, были существами довольно низкого уровня. Они, как правило, не имели права посылать отчеты непосредственно губернатору сектора, пользующегося неограниченной властью в радиусе 50 000 световых лет от Альфа Круцис и очень хорошего друга Его Величества из числа тех, которых тот пинал, едва придет такая охота. Нет, они не имели права на это даже в том случае, когда речь шла об адмирале флота, ранее ответственного за защиту всей этой части имперских границ.

Жалкие агенты должны были подавать отчеты нижним административным чинам, а те, в свою очередь, посылали их по соответствующим каналам. И бог весть, присматривал ли кто-нибудь за тем, чтобы материалы, подобные этим, не то, чтобы не затерялись, нет — не были положены под сукно.

Мак-Кормак вздохнул. Стук его башмаков по металлу перекрыл монотонное ворчание вентилятора. Сколько может длиться подобное попустительство?

Параметров орбиты спутника-тюрьмы он не знал. Тем не менее, он мог с достаточной точностью вычислить угловой размер Длинатавра. Он помнил лишь приблизительные данные планеты и пользуясь ими, мог вычислить радиус-вектор и нужный период. Нелегко манипулировать законами Кеплера, держа все цифры в голове, но что еще оставалось делать?

Результат более или менее подтвердил его догадку о том, что его кормят трижды за двадцать четыре часа. Он не мог точно припомнить, сколько раз получал пищу до тех пор, как начал считать, завязывая узелки на ниточке. Десять? Пятнадцать? Что-то в этом роде. Добавить это число к имеющимся 37 узелкам, и получится нечто между 40 и 50 космических циклов или 13-16 земных дней. Или 15-20 энейских.

«Эней. Башни Винхсума, высокие и серые, со стягами, трепещущими на фоне неба, полного птичьего щебета; путаница ущелий и утесов — красных, коричнево-желтых, бронзовых в том месте, где Ллианские рифы врезались в голубовато-серый полумрак, искрящийся светящимися капельками воды — Морское Дно Антонины; резкий металлический грохот Дикого Потока, когда он стремится вверх и вверх, а потом водопадом обрушивается вниз; и смех Катрин, когда они вдвоем скакали верхом, и ее взгляд, обращенный к нему, ее глаза, что голубели ярче высокого неба.

— Нет! — вслух воскликнул он. Голубые глаза были у Рамоны. У Катрин глаза зеленые. Неужели он уже путает свою живую жену с умершей?

Если только у него еще вообще была жена. Двадцать дней прошло с тех пор, как стража ворвалась в их спальню, арестовала их и увела по разным коридорам. Она оттолкнула их руки и сама пошла вперед под черными зрачками стволов. Она держалась уверенно и гордо, хотя на глазах у нее блестели слезы.

Мак-Кормак стиснул руки с такой силой, что побелели суставы пальцев. Боль сейчас была другом.

«Нельзя, — вспомнил он. — Если я буду терзаться тем, что сейчас для меня недоступно, я сам сделаю за Снелунда его работу. Что еще я могу сделать? Сопротивляться до конца.»

Не в первый раз он вызвал в воображении существо, с которым ему когда-то довелось встретиться, — воденита, огромного, чешуйчатого, хвостатого, четырехногого, с лицом ящера, но дружественно настроенного и более мудрого, чем многие ему подобные.

— Вы, люди, странные существа, — его глубокий голос гудел. — Вместе вы можете показывать примеры такой храбрости, что лежит у грани безумия. Но когда поблизости нет никого, кто может заранее объяснить вашим людям, как им предстоит умирать, воодушевление быстро покидает их и сменяется полным упадком духа.

— Дело, я полагаю, в наследственности и инстинктах, — отвечал ему Мак-Кормак. — Наша раса начинала как стадные животные.

— Тренировка может побороть инстинкт, — возразил дра-

кон. — Разве разумное существо не может заниматься самотренировкой?

Мак-Кормак кивнул сам себе.

«Что ж, я этого проклятого наставника заполучил. Может быть, однажды кто-нибудь — Катрин или дети, подаренные мне Рамоной, или какой-нибудь мальчик, которого я никогда не видел, сумеют полностью преодолеть инстинкт».

Он лег на скамью — единственная мебель, если не считать раковины и санитарного узла, — и закрыл глаза.

«Попытаюсь до обеда мысленно поиграть в шахматы за двух человек. Дайте мне достаточно времени, и я в совершенстве овладею техникой. Перед самой едой я еще раз займусь гимнастикой. Эта кашица в мягком сосуде немного потеряет, если остынет. Возможно, позже я смогу уснуть.»

Он не снял своей импровизированной завесы. Объектив регистрировал человека мужского пола, высокого, стройного, более активного, чем это представлялось из-за его обычной немногословности. Мало что выдавало в нем его пятьдесят стандартных лет — лишь проседь в черных волосах, да глубокие морщины на длинном худом лице. Он никогда не прятал лица от непогоды чужих планет, никогда не менял своих черт. Кожа его всегда оставалась смуглой и жесткой. Выступающий нос, прямой рот, выдающийся вперед подбородок завершали облик типичного долихоцефала. Большие глаза под нависшими бровями походили на кусочки льда. Когда он говорил, голос его звучал твердо; а за декады службы на границах Империи, вне родного сектора, он утратил акцент Энея.

Он лежал, и воображение его было так сконцентрировано на образах противников-шахматистов, что он не обратил внимания на первый взрыв. Лишь когда послышался второй — «крак!» — и стены дрогнули, до него дошло, что этот — уже второй.

«Что за шум?» — он вскочил на ноги.

Звук третьего взрыва был низким, металл ответил ему гулом.

«Тяжелая артиллерия, — подумал он. Пот выступил у него на лице, сердце застучало быстрее. — Что случилось?»

Он бросил взгляд в обзорник. Ллинатавр был все таким же безмятежным и безразличным.

У дверей послышался шум. Пятно возле ее молекулярной ловушки сделалось красным, потом серым — кто-то резал дверь бластером. Мак-Кормак услышал голоса, сердитые и взволнованные, но слов различить было невозможно. Выпущенная кем-то пуля прожужжала в коридоре, ударилась о стену и улетела в никуда.

Дверь была не особенно толстой, она служила лишь для

того, чтобы удержать человека. Она быстро поддалась и потекла вниз, собираясь на полу в лавовый ручей. Пламя бластера ворвалось в дыру, еще больше ее увеличивая, и Мак-Кормак отпрянул, ослепленный его блеском. Запах озона ударил ему в ноздри. На мгновение в голове его мелькнула безумная мысль: «Ну можно ли так обращаться с оружием?»

Пистолет перестал изрыгать пламя, дверь широко распахнулась, и в камеру бурей ворвалось с дюжину мужчин. На большей части из них были синие морские мундиры. Двое казались роботами в боевой броне. Они тащили за собой на полозьях огромную энергопушку Хольберта. Один был негуманоидом — допнарианский центороид, превосходящий размерами даже облаченных в броню людей. На его теле, лишенном какой бы то ни было одежды, висел целый арсенал, но он оставил его в кобурах, отдав предпочтение боевому топору, чье лезвие было окрашено красным. На обезьяньем лице существа сияла широкая улыбка.

— Адмирал! Сэр! — Мак-Кормак не узнал юношу, который кинулся к нему. — С вами все в порядке?

— Да-да. Что?.. — Мак-Кормак от изумления поперхнулся словами. — Что все это значит?

Молодой человек отдал честь.

— Лейтенант Насреддин Хамид, сэр, командую операцией по вашему освобождению, по приказу капитана Олифанта.

— Вы пошли на нарушение устава? — Мак-Кормаку казалось, что за него говорит кто-то другой.

— Сэр, вас хотят убить. Капитану Олифанту это известно наверное. — У Хамида был совершенно безумный вид. — Нам нужно торопиться, сэр. Мы прорвались без потерь: дежурный офицер знал об операции, и ему удалось договориться с половиной охраны. Он уйдет с нами. Некоторые отказались повиноваться и сопротивлялись. Должно быть, люди Снелунда. Мы прорвались и взяли над ними верх, но некоторые бежали. Они пошлют сообщение, как только наш корабль отвалит от спутника.

Все это казалось Мак-Кормаку нереальным. Он даже сомневался в здравом ли он уме.

— Губернатор Снелунд уполномочен Его Величеством, — услышал он свой голос. — Единственное место для разрешения спорных вопросов — зал суда.

Вперед выступил другой человек. Его речь еще не утратила энейскую напевность.

— Сэр, — он едва не плакал. — Мы не можем без вас обойтись. С каждым днем все больше восстаний на разных планетах... на наших тоже, в Бореа и на Железной Земле.

Снелунд пытается уговорить флот помочь своим грязным войскам подавить беспорядки... своими методами... водородными бомбами, если не помогают пожары, тюрьмы и пули.

— Война со своими, — прошептал Мак-Кормак. — И это в то время, когда варвары у границ...

Его взгляд метнулся в сторону Ллинатавра.

— Что с моей женой?

— Я не знаю... не знаю... ничего насчет нее, — промямлил Хамид.

Мак-Кормак посмотрел ему прямо в лицо. Гнев овладел им. Он схватил лейтенанта за лацканы кителя.

— Ложь! — крикнул он. — Вы должны знать. Олифант не послал бы людей в рейд, не проинструктировав их до последней детали. Что с Катрин?

— Сэр, в эфире помехи. Мы располагаем лишь одним наблюдательным судном. Вражеский корабль на сторожевой заставе мог...

Мак-Кормак так встряхнул Хамида, что у того лязгнули зубы, но сразу же отпустил его. Все увидели, как лицо его сделалось безжизненно спокойным.

— То, что Снелунд домогался Катрин, знал весь мой флот, — сказал он таким же безжизненным голосом. — Двор губернатора любит разводить сплетни, а то, что известно при дворе, скоро становится известно и всему Катарайнису. Она все еще во дворце, да?

Все старались смотреть куда угодно, только не в лицо Мак-Кормаку.

— Я слышал об этом, — пробормотал Хамид. — Видите ли, сэр, перед рейдом мы остановились на одном астероиде — сделали вид, будто это обычный отдых, — и вели разговоры со всеми, кто нам подворачивался. Один из таких людей был торговцем, он накануне приехал из города. Он сказал... он передал слухи о вас, сэр, и вашей леди, и насчет того, что вы «задержаны для расследования», а она и губернатор...

Он умолк.

Мак-Кормак похлопал молодого человека по плечу.

— Не нужно продолжать, сынок, — сказал он уже живее. — Пойдемте-ка на корабль.

— Мы не мятежники, сэр, — проговорил Хамид. — Вы нужны нам, чтобы обуздать этого монстра... а потом мы сможем донести правду до Императора.

— Нет, это уже не мятеж, — ответил Мак-Кормак. — Это — восстание. — Он возвысил голос. — Вперед, на корабль!

2

Метрополис, суверенный Адмиралтейский Центр, заметно выделялся даже среди Скалистых гор Северной Америки, словно был делом рук древних титанов, решивших вновь взгромоздить Пелион на Оссу, чтобы взобраться на Олимп.

— И однажды, — заметил Доминик Фландри своей молодой спутнице, чтобы продемонстрировать свой культурный уровень, — боги снова разгневаются, и нам останется лишь надеяться, что последствия окажутся менее плачевными.

— Что вы имеете в виду? — спросила она.

Поскольку он не собирался просвещать ее, а хотел лишь обольстить, он подкрутил усы и льстиво сказал:

— Я имею в виду, что вы слишком очаровательны, чтобы блистать перед вами интеллектом. Ну, а теперь, поскольку вы хотите увидеть этот хитроумный ящик — сюда, пожалуйста.

Он не сказал ей, что этот трехмерный звездный проектор предназначался, главным образом, для визитеров. Даже самое незначительное астрономическое расстояние слишком велико для того, чтобы любая из живописных карт, показываемых этим прибором, имела какую-либо ценность. Настоящая информация хранилась в ячейках памяти невзрачных компьютеров, которые были надежно скрыты от взоров праздной публики.

Въезжая сегодня на территорию Центра, Фландри вспомнил этот небольшой эпизод. Окончился он к обоюдному удовольствию, и вот сейчас вспомнился снова.

Вокруг него уходили вверх многоцветные стены, такие высокие, что флюоропанели на низших уровнях должны были постоянно светиться. Подъемники, подобные клубку спутанных лиан, громоздились между ними, уходя вершинами к облакам и солнечному свету. Воздушное движение наполняло небо жужжанием и блеском, и рисунок его танца был слишком насыщенным и сложным для чего угодно, кроме контролирующего электронного мозга; внизу движение было не менее обильным: транспорт заполнял башни, глубины тоннелей и камеры под тоннелями. Все эти машины и автобусы, воздушные и наземные, создавали шум не громче легкого шуршания эскалаторов, но все же голос или шаги в нем терялись. Адмиралтейский Центр жил в этом звуковом смоге, среди круглосуточного жужжания, похожего на то, что издает пчела, летающая над цветами — рабочее жужжание.

Здесь было средоточие имперской силы, отсюда Земля правила сферой неправильной формы диаметром в 400 световых лет, содержащей приблизительно четыре миллиона солнц,

из которых сто тысяч тем или иным способом платили ей дань.

При беглом осмотре все это внушало гордость. Но если посмотреть глубже...

Фландри очнулся от своих раздумий. Его кэб скользил к штаб-квартире «Интеллидженс». Он в последний раз затянулся сигаретой, затушил ее о диспозер и одернул мундир. Он предпочитал более франтоватый его вариант с таким числом элегантных отклонений от нормы, какое только позволялось весьма снисходительным уставом — и даже чуть большим. Но когда тебя отзывают из отпуска через несколько дней после его начала и приказывают доложиться самому адмиралу Кераскову, лучше предстать перед его взором в строгом белом кителе и брюках, причем последние должны быть заправлены в ботинки, с ремнем вместо шарфа на талии, в просторном сером плаще и фуражке, сидящей так, чтобы кокарда с изображением солнца находилась точно над серединой лба.

«Рубище и пепел были бы сейчас куда уместнее, — мрачно подумал Фландри. — Три, подумать только, три великолепные девушки, готовые и жаждущие отпраздновать неделю его рождения, которая началась бы завтра в гостинице «Эверест» с меню, на составление которого я убил два часа. И мы бы продолжили этот день достаточно недурно для того, чтобы доказать, что четверть столетия не такая уж страшная цифра. И на вот тебе!»

Машина, находящаяся в здании, договорилась с той, что была в кэбе и Фландри был поднят на пятидесятый уровень гаражного крыла. Включились гравзы. Он вручил свою карточку мэтру, тот перенес запись и запер дверь. Моряк-охранник у входа с помощью другой машины проверил идентичность его личности и подлинность вызова и позволил ему войти. Он прошел через несколько коридоров, пока не достиг нужного. Он неустанно шагал по лестнице, предпочитая собственное движение механическому бегу эскалатора.

Толпа двигалась мимо и растекалась по кабинетам. Она состояла из служащих всех чинов — от младших техников до адмиралов, в чьих головах вполне могла бы покоиться безопасность тысячи миров, и из ученых, которым с трудом удавалось защищать Империю от остальной вселенной, полной смертоносных сюрпризов. Вне всякого сомнения, все они были гуманоидами. Формы, цвета, слова, запахи, осязательные сигналы, когда он касался рукавом чужой кожи, неслись мимо Фландри в бесконечной хаотической круговерти.

«Толкотня, суета, поспешность, стремительность, беготня, беготня, беготня, — произнесла его досада. — Работа и работа, ибо ночь грядет — Долгая Ночь, когда Империя падет и

погребет людей под своими руинами. Ибо можем ли мы вечно оставаться хозяевами пусть даже нашей незначительной россыпи звезд на краю такой огромной Галактики, что нам никогда не познать и десятой ее доли? Возможно, нам никогда не удастся узнать больше того кусочка спирали, который нам уже известен. Да ведь мы не посетили и половины солнц того кусочка микропространства, на которое претендуем!

Наши предки были мудрее: когда ад вырвался на свободу, и их цивилизация была готова разлететься на куски, они залатали ее Империей и создали имперские силы. Но мы потеряли волю. Слишком легко нам все удавалось. А теперь на наших флангах — марсейане и бетельгейзиане, и варвары нажимают на нас извне... Почему я, собственно, должен беспокоиться? Когда-то карьера во флоте казалась мне вершиной славы. Потом я увидел обратную ее сторону. На любой другой службе я чувствовал бы себя гораздо лучше.»

Его остановила какая-то женщина. Должно быть, она оказалась здесь случайно — гражданские служащие не имели права появляться здесь в таких вот радужных одеяниях. Она же была создана именно для такого.

— Прошу прощения, — произнесла она. — Не могли бы вы мне сказать, как найти кабинет капитана Яна Ли? Боюсь, что я заблудилась.

Фландри поклонился.

— Конечно, моя госпожа. — Он отчитывался в этом кабинете по прибытии на Землю и теперь дал ей подробные наставления. — Передайте ему, пожалуйста, что капитан-командор Фландри считает, что он — капитан-счастливчик.

Она взметнула ресницы.

— О, сэр, — дыхание ее заметно участилось, в глазах блеснули лучики. — Я заметила, что вы из «Интеллидженс». Вот почему я вас спросила. Должно быть, это восхитительно! Я была бы счастлива...

Фландри просиял.

— Ну, поскольку мы оба знаем Яна Ли...

Они обменялись именами и адресами. Она ушла, покачивая бедрами и Фландри продолжил свой путь. Настроение его сразу поднялось.

«В конце концов, другая работа может оказаться просто скучной. — Он дошел до своего любимого места. — Вот здесь я сяду в лифт».

Переступив через порог, он расслабился, ожидая когда его поднимет мегагравное поле. Вернее, попытался расслабиться, но не преуспел в этом намерении на все сто процентов. Вне зависимости от перспектив знакомства с привлекательной

женщиной, вновь испеченный лейтком, выбранный для личного интервью с подшефом операции, неизбежно обнаружит сухость в горле и влагу на ладонях.

Он приложил ладонь к нужному углублению, поднялся на девяносто седьмой уровень и снова пошел по коридору. Здесь было тихо. Редкие негромкие голоса и случайное жужжание машины лишь подчеркивали тишину, царящую в этих суровых стенах. Все, кого ему пришлось здесь встретить, были выше его чином, взгляд у всех был отрешенный, а мысли блуждали среди далеких солнц. Дойдя до отдела Кераскова, он обнаружил, что вместо секретаря здесь сканер, а микрофон вделан в компьютер, впрочем, не достаточно совершенный для того, чтобы назвать его мозгом. Больший был и не нужен — основная фильтрация производилась на низших стадиях. Фландри топтался перед дверью не больше пяти минут, потом ему велено было войти.

Комната, в которой он очутился, была большой, с высоким потолком; пол был устлан толстым ковром. В одном углу стоял инфотивер и видеофон для внешней связи, в другом — небольшой холодильник. Кроме того, здесь было три-четыре картины и множество полок для мемо-отчетов о прежних победах. Дальняя стена одновременно служила экраном; в данный момент на ней было изображение Юпитера, каким он виден с приближающегося корабля, причем настолько реально, что у вошедшего перехватило дыхание. Он остановился на положенном расстоянии и так лихо отдал честь, что чуть было не вывихнул руку.

— Лейтенант-командор Доминик Фландри прибыл в ваше распоряжение, сэр.

На человеке, поднявшемся из-за стола, была обычная форма. Ни один из орденов, которые он, наверняка, имел, не сверкал на его груди. Исключение составлял лишь скромный рыцарский знак, заработать который было сложнее, чем дворянскую грамоту. Блеск этого знака затмил для Фландри даже свечение окольцованной планеты. Человек был низким и плотным, с усталым лицом мопса и ежиком щетинистых седых волос. Его ответное приветствие было почти небрежным, но сердце Фландри сделало лишний удар.

— Как раз вовремя, — сказал вице-адмирал сэр Илья Керасков. — Садитесь. Курите? — Он указал на коробку с сигарами.

— Благодарю вас, сэр. — Фландри собрал всю свою отвагу, выбрал сигару и заставил себя раскурить ее, а в это время кресло, на котором он сидел, приспособилось к его мускулам и позволило им расслабиться.

«Адмирал очень любезен. Я и не знал, что существует лучший сорт сигар, чем «Корона Австралии». На самом деле он знал несколько таких сортов, но и этот был совсем неплох.

Дым потешил язык приятным горьковатым привкусом и изящными спиралями устремился через ноздри в воздух.

— Кофе, пожалуйста, — предложил полновластный хозяин миллиона, пожалуй, агентов, рассеянных по всей Империи и за ее пределами. — Можно чаю или джайне.

— Нет, благодарю вас, сэр.

Керасков изучал его ненавязчиво и даже учтиво, он явно знал, что взгляд его похож на рентгеновские лучи.

— Мне очень неприятно прерывать ваш отпуск, лейтенант-командор, — сказал адмирал. — Вы, должно быть, с нетерпением ожидали его. Я вижу, у вас новое лицо.

Фландри заставил себя улыбнуться. Они никогда раньше не встречались.

— Да, сэр. То, что мне дали мои родители, было слишком невыразительным. А поскольку я направлялся на Землю, где биоскальп является таким же привычным, как косметика... — Он пожал плечами.

Взгляд собеседника все еще просвечивал его: рост 184 сантиметра, сложение атлетическое, широк в плечах и узок в бедрах. По белым рукам, с тонкими длинными пальцами, можно было догадаться, что их владелец питал отвращение к тем многочисленным занятиям, которые были необходимы для поддержания такой мускулатуры. Прямой нос, высокие скулы и подбородок с ложбинкой были приобретенными, а подвижный рот и переменчиво-серые глаза под слегка изогнутыми бровями — собственными. Говоря, он едва заметно растягивал слова.

— Вы, конечно, удивляетесь, почему из всего списка было выбрано именно ваше имя, — сказал Керасков, — и почему вам велено было явиться прямо сюда, а не к вашему непосредственному начальнику или капитану Яну Ли.

— Да, сэр. Я не считал себя достойным вашего внимания.

— Да и не жаждали его удостоиться. — Улыбка Кераскова была невеселой. — Но все же удостоились. — Он откинулся на спинку кресла, скрестил короткие ноги и принялся крутить короткими волосатыми пальцами. — Я отвечу на ваши вопросы. Прежде всего, почему именно вы... офицер, подобный тысячам других? Вы вполне можете сами догадаться об этом, Фландри, если уже не догадались. Я подозреваю, ваше тщеславие уже сообщило вам, что для определенного эшелона Сил вы не являетесь «подобным тысячам других». В вашем возрасте вы не достигли бы звания, которое носите, если бы дела обстояли так. Мы с особым интересом приглядываемся к вам со времени старкадского инцидента. Его, конечно, пришлось замять, но оно не забыто. Последующее наблюдение за вами выявило интересные детали. — Фландри не смог скрыть

своей тревоги, и Керасков снова усмехнулся. Смешок его походил на бряцание железных цепей. — Мы узнали кое-что, о чем вы умолчали. Не беспокойтесь пока. Компетентные люди, не говоря уже о выдающихся, к великому сожалению, в наше время встречаются настолько редко, что Служба держит под прицелом каждого. Вы или будете убиты, молодой человек... или действительно далеко пойдете.

Он глубоко вздохнул, прежде чем продолжить.

— Настоящее дело требует гибкости. Я не открою вам великой тайны, если скажу, что последний марсейанский кризис — явление гораздо более опасное, чем его представили широкой публике. Он мог бы сокрушить нас, не будь мы в состоянии противостоять ему. Тогда Империя действовала быстро и решительно. Но для этого нужно, чтобы подавляющая часть наших флотов была сосредоточена на границе до тех пор, пока марсейане не поймут, что мы действительно полны решимости защищать Джиханнах. Операции «Интеллидженс» в этой области пространства достигнут такого размаха, что истощат наши силы в других местах.

— А тем временем в нашем сюзеренитете, на другом его конце, возникло кое-что еще. Это потенциально опаснее, чем конфликт с Марсейей. — Керасков поднял руку. — Не воображайте, будто вы — единственный, к кому мы обратились за помощью, или что вы отвечаете нашим запросам по сравнению с другими более, чем на квант. Но при нашей истощенности даже квант — сокровище. То, что вы оказались на Земле неделю тому назад обернулось неудачей для вас, но удачей для Империи... возможно. Когда я запросил архив о том, кто мог бы оказаться нам полезным, обладая при этом нужной квалификацией, ваше досье оказалось среди всего лишь дюжины других.

Фландри ждал.

Керасков подался вперед. Налет напускной бравады окончательно покинул его. Говорил угрюмый, исполненный горечи человек.

— Теперь насчет того, почему вы были направлены непосредственно ко мне. Дело в том, что это — единственное место, в котором, как я уверен, нет никаких шпионских приспособлений, а вы — единственный, как я думаю, человек, который не станет на меня доносить. В добавление скажу вам, что вы можете отправиться в суд и повторить там то, что я собираюсь вам сказать. Меня сместят, а возможно — арестуют или убьют. Вы получите деньги, а возможно, и те льготы, которыми обычно пользуются лизоблюды. Я вынужден идти на риск. Не зная полностью ситуации, вы не можете быть полезным.

Тщательно выговаривая каждое слово, Фландри произнес:

— Я умелый лжец, сэр, так что вам лучше поверить моему слову, чем моей присяге насчет того, что я не очень умелый доносчик.

— Ха! — В течение нескольких секунд Керасков спокойно сидел в своем кресле. Потом он вскочил на ноги и принялся расхаживать по кабинету взад-вперед, прихлопывая в такт шагам кулаком по бедру. Слова посыпались из него одно за другим: — Вас не было. После Старкада вы посетили Землю для дальнейшего обучения и тому подобного. Вы должны были быть слишком заняты для того, чтобы внимательно следить за событиями. Ну, там скандал, непристойные шуточки, слухи — всякое такое до ваших ушей доходило. Это все знают. Но важные известия... Позвольте мне коротко вас о них осведомить. Три года прошло с тех пор, как умер бедный старый Император Георгиус и воцарился Джосип. Всем известно, что представляет из себя Джосип: он слишком слаб и глуп для того, чтобы его порочность причиняла какой-либо заметный вред. Мы все уверены в том, что вдовствующая императрица удержит его на верной стезе, пока жива. А он, благодаря ужасному обращению с собственным организмом, долго ее не переживет. И детей у него не будет... куда ему! А Служба Полиции, Генеральный Штаб, гражданская служба, офицерские части, аристократия солнечной и экстра-солнечных систем... там, конечно, больше жуликов и олухов, чем в былые дни, но осталось и несколько порядочных людей. Несколько. Я не сказал вам ничего нового, не так ли?

Фландри едва успел покачать головой, как Керасков снова принялся расхаживать и говорить:

— Я уверен, что вы пришли к той же оценке, что и большая часть информированных граждан. Империя настолько огромна, что ни один индивид не способен причинить ей существенный вред, несмотря на свою потенциальную опасность. Любой вред, приносимый Джосипом, почти наверняка должен быть нейтрализован группой придворных, политиков, плутократов и тому подобных, сконцентрированных на или вокруг Земли — так что потери невелики. Переживали же мы времена других плохих императоров. Логичное суждение. Верное, безусловно, в обычном смысле. Но возможны и варианты. Даже мы, находящиеся близ верхушки власти, были удивлены действиями Аарона Снелунда. Слышали о нем когда-нибудь?

— Нет, сэр, — ответил Фландри.

— Он придерживается золотой середины, — объяснил Керасков. — Цензорство на его планете было эффективно, как ничто другое. Суду известно о нем многое и людям вроде меня — тоже. Но наши данные были неполны.

— Позже вы узнаете детали. Я хочу сообщить вам факты, скрытые от широкой публики. Он родился на Венере тридцать четыре года тому назад от матери-проститутки и неизвестного отца. В тех местах люди быстро познают жестокие законы или погибают. Он был умен, талантлив и даже очарователен, когда хотел. В ранней юности он работал сенсоактером здесь, на Земле. Теперь, задним числом, я понимаю, как он мог действовать — самым тщательным образом изучив вкусы Джосипа, тратя свои деньги на именно тот биоскульпинг, который был нужен, а все свое время — на овладение именно теми манерами, которые были нужны. Когда они встретились, то сближение их прошло как по маслу. К двадцати пяти годам Аарон Снелунд совершил скачок от обычного катамита до фаворита кронпринца. Следующим его шагом было отстранение некоторых влиятельных лиц и помещение на их места тех, кто был предан лично ему.

У него появились противники, и дело было не просто в зависти. Честных людей беспокоило, что он получает власть под сенью короны, когда дела Джосипа пошли в гору. До нас доходили слухи об убийствах. Я не знаю, то ли Джосип и Снелунд встревожились, то ли один Снелунд почувствовал опасность и начал ответные действия. Во всяком случае, его проглядели.

— Георгиус, как вы помните, умер внезапно. На следующей же неделе Джосип сделал Снелунда виконтом и назначил его губернатором сектора Альфа Круцис. Вы понимаете, насколько все было рассчитано? Назначение на более высокую должность вызвало бы целую бурю, виконтов ведь целая туча. Многие сектора гораздо богаче, могущественнее, ближе к метрополии или обладают еще какими-либо достоинствами. Полицейский Отдел не допустил бы непроверенного человека управлять ими. Но Альфа Круцис — дело другое.

Керасков подошел к выключателю. Флюрио погасло. Изображение огромного Юпитера, вращающегося среди своих лун, исчезло. Его место занял трикон главных звезд Империи. Возможно, гнев Кераскова требовал выхода хотя бы в таком ничтожной действии, как смена изображения. Силуэт его тучного тела вырисовывался на фоне сверкающего тумана.

— Бетельгейзе, — он ткнул пальцем в красную искорку — гигантское солнце, что царствовало на пограничных территориях между Земной и Марсейанской империями. Здесь нас издавна беспокоила угроза войны. Теперь — Альфа Круцис.

Он указал рукой на отрезок величиной почти в 100 градусов. Другая рука нажала на кнопку управления экраном, переместив изображение примерно на 70 градусов к югу. Остро вспыхнули гиганты типа В, что, находясь в противопо-

ложном конце от земных владений, были родственны одинокой Бете из Южного Креста. Вокруг них не было почти ничего, кроме черноты. Дело было не в том, что в этой части яркая россыпь звезд была бессильна. Дело было в том, что они находились там, где земные законы были бессильны, там, где царили дикость и варварство, которые должны были в ближайшем будущем получить космические корабли и водородные бомбы, и домом их была темнота.

Керасков обвел этот центр округлой линией.

— Здесь, — сказал он, — и вправду может разразиться война.

Фландри осмелился нарушить молчание, последовавшее за этими словами:

— Имеет ли адмирал в виду, что дикие расы готовят новое нападение? Но, сэр, я понимаю так, что их все время держат под контролем. После битвы... э... я забыл ее название, но разве битва...

— Сорок три года назад. — Плечи Кераскова поникли. — Эта вселенная слишком велика, — сказал он устало. — Ни один разум, ни одна раса не могут предусмотреть всего. И мы позволили вредному семени взойти, а всходам расти до тех пор, пока не стало слишком поздно. Ладно, — он выпрямился. — Трудно было предусмотреть, какой вред Снелунд может нанести там — вред, куда больший, чем обычный конституционный кризис. Сектор весьма удаленный. Он не приносит особой экономической пользы и не особенно густо заселен; его лояльность и стабильность не более сомнительны, чем лояльность и стабильность остальных секторов. Там есть лишь две значимые вещи. Одна — ресурсы планеты Сатан. Но это — древнее владение герцогов Гермесских, и они вполне способны сами защитить свои интересы. Другая — позиция сектора как буфера между нами и варварами. Но оборона — дело адмирала флота; и такой адмирал у нас есть — великолепный для этой должности человек, Хьюг Мак-Кормак. Вы никогда о нем не слышали, но теперь получите все данные.

— Конечно, Снелунд неизбежно должен был жиреть. Ну, и что с того? Какой-то годовой процент, оторванный от прибылей Империи, не причинит ей особого ущерба. Он составит себе состояние, удовлетворяющее обычную алчность, и со временем удалится от дел, чтобы проводить свою жизнь в роскоши. Тем временем флот и гражданские службы должны вести свою обычную работу. И все счастливы. Подобная ситуация то и дело возникает и с успехом разрешается.

— Только на этот раз, — лениво протянул Фландри, — в дело забыли включить фактор педерастии.

Керасков выключил карту, включил флорио и бросил на Фландри испытующий взгляд. Ответный взгляд был вежливым и по-уставному безразличным. Наконец адмирал произнес:

— Он отбыл три года назад. С тех пор оттуда непрерывно идут жалобы о вымогательстве и жестокости. Но ни один человек не видел эти отчеты в количестве, достаточном для того, чтобы возбудить дело. А если бы и видел, что бы он мог сделать? Из центра невозможно управлять окраиной. Империя настолько велика, что ей не поможет полицейский, пытающийся поддержать мир и внутри, и снаружи. Племена, страны, планеты, провинции... автономны в самом широком смысле этого слова. Ужас миллионов чувствующих существ, отстоящих на двести световых лет, никак не влияет на жизнь нескольких триллионов других... или сколько их там. Просто не может влиять. А у нас — слишком много насущных забот. Казалось бы, что, собственно, может сделать губернатор периферийного сектора, решившийся злоупотребить своей властью?

Фландри подумал и ему стало не по себе.

— В конце концов, сам Мак-Кормак послал протест на Землю, — продолжал Керасков. — Протест адмирала, кавалера двух Звезд, достиг своей цели. В Полицейском Управлении заговорили о созыве комиссии для расследования. Почти немедленно пришло известие от самого Снелунда. Ему пришлось арестовать Мак-Кормака за попытку совершить предательство. Ему, видите ли, пришлось это сделать и он назначил временного командующего. Суд должен был состояться на базе флота, и членами его должны были стать офицеры соответствующего ранга. Но из-за этого марсейанского кризиса... вы следите за моей мыслью?

— Очень внимательно, — пробормотал Фландри.

— Провинциальные восстания не такая уж редкость, — сказал Керасков. — Сегодня нам гораздо труднее избежать их, чем в прежние времена.

— Что вы хотите от меня, сэр?

— Как я вам сказал, мы посылаем всех нераскрытых агентов, которых только можем найти, плюс нескольких инспекторов. При той территории, с которой придется иметь дело, им понадобится много времени на то, чтобы составить верную картину. Возможно, фатально много. Я хочу попробовать кое-что другое, и знать об этом будем только мы с вами. Человек, который может повсюду совать свой нос — неформально, но открыто, и с полномочиями передавать любые сообщения в случае надобности. Хозяин военного корабля, посылаемого к Ллинатавру в качестве подкрепления, имеет свой собственный вес. Например, у губернатора Снелунда не может быть ра-

зумных причин для отказа встретиться с ним. В то же время, если это корабль не флагманский, то его капитан не настолько важная фигура, чтобы вызвать серьезные подозрения.

— Но я никогда не командовал кораблем, сэр.

— Да неужели?

Керасков тактично не заметил замешательства, в которое вверг собеседника его вопрос, и продолжал:

— Мы нашли корабль, капитан которого недавно был повышен в чине. Согласно записям, на этом корабле очень дельный старший офицер. Подобное обстоятельство даст вам возможность сконцентрировать все внимание на истинной вашей работе. При нормальном течении дел, учитывая ваши способности, вы вполне могли бы получить корабль. Мы любим, чтобы у наших агентов была твердая почва под ногами.

«В моем случае эта почва не так уж тверда», — молнией пронеслось в голове у Фландри, но он едва обратил внимание на эту мысль. Его охватило страшное возбуждение.

Керасков снова сел.

— Возвращайтесь к себе, — сказал он. — Собирайтесь, сдавайте дела. Явитесь к тыловому адмиралу Ямагучи. Он снабдит вас данными о месте, записями, гипноблоками, синотрансформацией, стимпиллами, окажет любую помощь, которая вам потребуется. Я хочу, чтобы ваша информация была такой же полной, как и моя — и все это за 48 часов. После этого вы отправитесь на Первую Марсианскую Базу и получите диплом полноправного командира. Ваш корабль находится на орбите Марса. Отлет — немедленно. Надеюсь, что до получения необходимых знаний о корабле, вы сможете делать вид, будто знаете его до последнего винтика. Если вы поведете себя верно, мы проследим за тем, чтобы ваше временное звание превратилось в постоянное. Если нет — Бог да поможет вам, да и мне тоже. Удачи вам, Доминик Фландри.

3

Третья остановка «Азеноува» на его пути в Ллинатавр была и последней. Фландри хорошо понимал, что следует спешить. По прямой, при глубоком гипердрайве, кораблю требовалось немногим более двух недель, чтобы достичь места назначения. Возможно, ему следовало полагаться на отчеты и рапорты, которые ждали его по прибытии. С другой стороны, ему могло больше не представиться возможности узнать что-то из первых рук, а Снелунд мог подсунуть вместо правды все что угодно. Такая возможность казалась маловероятной,

но пренебрегать ей не следовало. А приказ, полученный Фландри, требовал от него широты мысли. Ему предписывалось послать отчет в Ллинатавр и явиться к новому командующему сектора Альфа Круцис «с максимальной быстротой и самой высокой степенью информированности, какую могло дать его новое звание». Секретный мандат от Кераскова давал ему право покинуть корабль и действовать независимо, но подобный шаг следовало предпринять лишь в самых крайних обстоятельствах, причем действия такого рода были строго подотчетны.

Он пошел на компромисс, сделав три остановки в выбранных наугад системах, находящихся в пределах сектора Снелунда и отстоящих не слишком далеко от основного курса корабля. Это добавило ему лишних десять дней. Два мира были колонизованы людьми. Населенная планета третьего солнца называлась Шалму и имела весьма продвинутую в техническом отношении цивилизацию. Благодаря спорадическим контактам с торговцами, они рано занялись разработкой железа и теперь обладали развитой технологией производства энергии, что выдвинуло их в разряд индустриальных миров. Процесс этот шел медленнее, чем на Земле: шалмуане были не такими жестокими, они не могли обращаться со своими собратьями как с паразитами или с бездушными орудиями производства.

Они с радостью вошли в состав Империи. Это означало защиту от варваров, уже причинивших им к тому времени немало неприятностей. Базу флота они даже не видели. Она была где-то там, в системе. Зачем рисковать живой планетой, когда прекрасно послужит и неживая? Но на Шалму стоял маленький гарнизон, и космонавты посещали его по пути. Торговцы охотно вели дела как с коренными жителями, так и с гарнизоном. Маленькая группа аборигенов была рекомендована друзьям-землянам в качестве стипендиатов и вернулась, начиненная современными знаниями. У шалмуан росла и крепла надежда, что их планета со временем станет полноправным членом цивилизации.

За все эти благодеяния Шалму платила скромные налоги, выражавшиеся в определенных количествах металлов, горючих материалов, продуктов питания, образцов местных художественных изделий и предметов роскоши — в зависимости от того, чем была богата данная часть планеты. Она соглашалась на власть имперского резидента, его слово являлось неоспоримым, но на практике он позволял развиваться местным культурам своим путем. Его солдаты и вправду препятствовали возникновению войн и проявлениям бандитизма, насколько это было возможно вообще, и большая часть жителей считала такое положение дел благодатным. Молодые имперцы, гуманоиды и негуманоиды, зачастую вели себя вызывающе,

но любой вред, который они причиняли шалмуанам, как правило, вполне компенсировался весьма суровым наказанием обидчика.

Словом, планета походила на большинство других, что попали под власть Земли. Строго говоря, все они приобрели больше, чем потеряли — монета Империи оборачивалась к ним, в основном, своим аверсом, еще не потускневшим.

Вернее, так обстояли дела еще совсем недавно.

Фландри стоял на холме. Позади стояли еще пять человек — телохранители. Рядом с ним стоял Ч'кесса, Премьер Совета Клана Городов Атта. Родная община Ч'кессы расположилась по склону холма — собрание аккуратных беленьких домиков, имеющих форму барабана, в которых жило несколько тысяч особей. Крытые дерном крыши, несмотря на остроконечную форму, одновременно являли собой и садики, поражающие буйством красок. Дорожки между домами были «вымощены» жесткой мшистой растительностью, исключая те места, где росли фруктовые деревья, чьими плодами мог пользоваться каждый. Пастбища и поля занимали лежащую вдали долину. Другие стороны холма были покрыты лесом.

Шалму походила на Землю, только тяготение здесь было слабее. Отдельные детали могли показаться странными, но собранные воедино они говорили о древних людских инстинктах. Широкие равнины, высокие горы, гребни волн над морями, сень лесов, неожиданный аромат крошечных белых цветов, растущих между старых корней, величавость огромного, увенчанного рогами животного; одинокие крики потомка крылатого существа, и люди. Черты Ч'кессы не слишком отличались от черт Фландри. А безволосая ярко-зеленая кожа, приспособленный для хватания хвост, 140 сантиметров роста, особенности лица, ноги, руки, внутреннее строение, экзотика вышитых одежд и жезл, украшенный перьями — разве все это имело такое уж большое значение?

Поднялся ветер. На таких планетах воздух всегда кажется чище, чем где-либо на Земле, как в огромном личном парке какого-нибудь богача. Вдали от машин вдыхаешь в легкие больше жизни. Но здесь у Фландри перехватило дыхание, а одного из телохранителей скрутило в приступе рвоты.

— Вот почему мы повинуемся новому резиденту, — сказал Ч'кесса. Он говорил на распространенном здесь англике.

У подножия холма, создавая своеобразную дорогу, высился ряд деревянных крестов. Тела на них еще гнили. Птицы-хищники и насекомые все еще висели над ними черным облаком на фоне сверкающего летнего неба.

— Видите? — с беспокойством спросил Ч'кесса. — Вначале мы отказались. Налоги нового резидента легли на нас тяжким бременем. Мне сказали, что он делает это по всему миру. Он сказал, что нужно платить за защиту от ужасной опасности. Тем не менее, мы платили, особенно после того, как услышали, что в те места, народ которых протестовал, падали бомбы или приходили солдаты с факелами. Я не думаю, что такое мог сделать старый резидент. Не думаю я также, чтобы император, да раскатится его имя во вселенной вечным эхом, позволил бы подобные вещи, если бы узнал о них.

«На самом-то деле, — подумал Фландри, — Джосипу на все это наплевать. Может быть, он смотрит пленки об экзекуциях и хихикает.»

Ветер снова изменил направление, и Фландри возблагодарил его за то, что он унес прочь запах гниения.

— Мы платили, — сказал Ч'кесса. — Это было нелегко, но мы слишком хорошо помним варваров. Но вот в этот сезон, нам были предъявлены новые требования. Мы, имеющие пороховые ружья, должны были поставлять мужчин. А те должны были отправляться в земли, подобные Яндувру, где у людей нет огнестрельного оружия. Там они должны были ловить туземцев для рынка рабов. Я не понимаю, хотя часто спрашиваю: зачем Империи с таким множеством машин нужны рабы?

«Прислуга, — подумал Фландри, — женщины для гаремов. Мы используем рабство как наказание за уголовные преступления. Но большого значения оно не имеет, и процент рабов в Империи невелик. Варвары же готовы хорошо платить за умелые руки. Сделки с ними не попадают в имперские отчеты, и компьютеры официальных органов не могут проверить их».

— Продолжайте, — сказал он.

— Совет Клана Городов Атта долго совещался, — сказал Ч'кесса. — Мы были испуганы, и все же идти на подобное казалось нам невозможным. В конце концов мы решили найти какой-нибудь повод к отсрочке, чтобы тем временем наши посланцы отправились в другие земли, на Искойн. Посланцы должны были явиться к коменданту, чтобы тот договорился за нас с резидентом.

Фландри услышал, как за его спиной кто-то пробормотал:

— Ну, и дела! Он что, хочет сказать, что флот подчинился такому приказу?

— Ну-ну, сэр, не клевещи на флот, — проворчал сосед первого. — Они ведь не палачи. Это сделали наемники. И задрай-ка свои люки, пока Старик тебя не услышал.

«Это про меня? — подумал Фландри в глубоком изумлении. — Это я Старик?»

— Я думаю, что наши посланцы были схвачены и заговорили под пытками, — вздохнул Ч'кесса. — Как бы там ни было, они не вернулись. Прибыл легат и сказал, что мы должны повиноваться. Мы отказались. Прибыли войска. Они согнали всех нас вместе. Сотню отобрали и распяли на крестах. Остальные должны были стоять и смотреть, пока все не умерли. Это заняло три дня и три ночи. Среди них была одна из моих дочерей. — Дрожащей рукой он указал на крест. — Возможно, мой господин сможет ее разглядеть. Вон то маленькое тельце, одиннадцатое, если считать слева. Оно почернело и распухло, и большая часть его исчезла, но она все еще прыгает и смеется перед моим взором, когда я возвращаюсь с работы. Она звала меня, просила помочь. Криков было много, но я слышал только ее голос. Но как только я пытался к ней подбежать, меня останавливал шоковый луч. Я никогда не думал, что буду счастлив, видя ее смерть. Нам было велено оставить тела, как они есть, под угрозой бомбежки. Чтобы проверить, послушались ли мы, над нами время от времени пролетает аэрокрафт.

Он опустился на шелестящую, серебряную псевдотраву, уткнулся лицом в колени и закинул хвост на шею. Ногти его скребли землю.

— После этого, — сказал он, — мы пошли за рабами.

Фландри некоторое время стоял молча. Он был в ярости, увидев, что сильные шалмуане учинили со слабыми. Налетев на караван закованных в цепи пленников, он арестовал предводителя и потребовал объяснения. Тогда Ч'кесса предложил посетить его общину.

— Где все жители вашей общины? — спросил наконец Фландри, ибо дома стояли пустыми и молчаливыми, и дым не вился над их трубами.

— Они не смогли жить здесь, рядом с этими мертвецами, — ответил Ч'кесса. — Они разбили лагерь в другом месте и лишь изредка сюда приходят. А увидев ваш корабль, мой господин, они, конечно, убежали, потому что не знают, что у вас на уме, — он поднял голову. — Вы видели. Можно ли нас винить? Верните меня к моим людям. За каждого раба, которого мы приведем, нам обещана плата. Она поможет нам рассчитаться с налогами. Я не получу ничего, если буду отсутствовать, когда караван достигнет летного поля.

— Да, — Фландри повернул прочь. — Идемте. — Плащ развевался за его спиной.

Еще один тихий голос за спиной:

— Я никогда особенно не любил наших братьев по мирозданию, Сэм. Но когда наши подданные боятся нашего же судна...

— Тише, — велел Фландри.

Шлюпка с шумом поднялась в воздух и понеслась через континент и океан. Все молчали. Когда внизу показались джунгли, Ч'кесса сказал несмело:

— Возможно, вы вступитесь за нас, мой господин.

— Я сделаю все, что смогу, — ответил Фландри.

— Когда император услышит, он рассердится на нас. Но мы шли неохотно. Мы страдали от лихорадки и умирали от отравленных стрел народа Яндувра.

«И разрушили его самобытную культуру», — подумал Фландри.

— Если уж нам суждено понести наказание за то, что мы сделали, пусть оно падет на меня одного, — попросил Ч'кесса. — Это не имеет для меня большого значения после того, как я увидел смерть моей малышки.

— Будьте терпеливы, — сказал Фландри. — У императора много подданных, которые нуждаются в его помощи. Придет и ваш черед.

Автопилот вывел шлюпку к тому месту, где они впервые встретили невольничий караван. Прошло всего лишь часа два, и Фландри вскоре нашел его, пробирающегося через болото в тех местах, где засада была менее вероятной, чем среди деревьев. Он подумал, что будет лучше посадить лодку на километр впереди, приземлился и и открыл шлюз.

— Прощай, мой господин, — шалмуанин опустился на колени, обвил своим хвостом лодыжки Фландри, отполз чуть назад, потом пошел к каравану.

— Возвращаемся на корабль, — приказал Фландри.

— Разве капитан не нанесет визит вежливости резиденту? — с явным сарказмом спросил молодой пилот. Он был еще бледен.

— На борт, Виллинг, — сказал Фландри. — Вам известно, что наша миссия заключается лишь в сборе информации, а у нас мало времени. Только Флот знает, что мы будем в Звездном Порту или Новой Индре, не так ли?

Руки младшего лейтенанта заплясали над приборами, и лодка взвилась на дыбы с такой яростью, что всем пришлось бы плохо, если бы не акселерационные компенсаторы.

— Извините меня, сэр, — процедил он сквозь зубы. — Разрешите спросить, капитан? Разве мы не стали свидетелями абсолютно незаконных действий? Те две планеты тоже переживают тяжелые времена, но их положение не может сравниться с положением этой — ведь у шалмуан, как мне кажется, даже нет возможности пожаловаться. Разве мы не обязаны доложить о том, что увидели?

Пот блестел у него на лбу и пятнами выступил на форме.

Фландри уловил его кислый запах. Оглянувшись, он увидел, что остальные четверо подались вперед, силясь услышать слова, заглушаемые ревом двигателя и свистом сжатого воздуха.

«Нужно ли отвечать? — спросил он себя, лихорадочно соображая. — А если да, то что я должен сказать, чтобы при этом не повредить дисциплине? Я слишком молод, чтобы быть Стариком».

Чтобы выиграть время, он принялся раскуривать сигарету. На видеоэкране возникло изображение звезд — лодка выходила в космос. Виллинг обменялся сигналами с кораблем, переключил автопилот на режим стыковки, обернулся и требовательно посмотрел на капитана.

Фландри выпустил дым и осторожно сказал:

— Вы хорошо знаете, что мы должны, во-первых, собрать правдивую информацию, а во-вторых, явиться непосредственно в распоряжение командующего на Альфа Круцис, если нам удастся обойти низших должностных лиц. Все, о чем мы узнали, будет подробнейшим образом отражено в рапорте. Если кто-то желает собрать дополнительный материал или сделать какие-либо комментарии — это его право. Тем не менее, должен предупредить вас, что не следует заходить слишком далеко. И вовсе не потому, что непроверенные факты, скорее всего, положат под сукно. — «Хотя, должен признаться, именно так часто и бывает». — Мы должны составить просто перечень фактов. — Он сделал широкий жест рукой. — Империя — это сотня тысяч планет, немногим более или менее того, джентльмены. Каждая — со своими миллионами или миллиардами населения, своими сложностями и тайнами, своей географией и цивилизацией, своими прошлым, настоящим и конфликтующими между собой видами на будущее — словом, каждая со своими собственными, неповторимыми отношениями с Империей. Мы не можем контролировать их все, не так ли? Мы не можем даже надеяться на то, что поймем их. Самое большее, на что мы способны — поддерживать мир. Самое большее, джентльмены. То, что кажется верным в одном месте, оказывается неверным в другом. Одни расы могут быть по природе своей воинственными и склонными к анархии, другие — миролюбивыми и похожими на муравьев, третьи — миролюбивыми и склонными к анархии, четвертые — сборищем агрессивных пчел. Я знаю планету, на которой убийство и каннибализм необходимы для выживания расы; высокий радиационный фон является там причиной высокой скорости мутаций, а это влечет за собой хроническую нехватку еды, и неудачных мутантов просто съедают. Мне известны общества в высшей степени разумных гермафродитов, расы с

более чем двумя полами, и несколько таких, которые регулярно меняют свой пол. Все они считают наш способ воспроизведения потомства вопиюще непристойным. Я мог бы продолжать в таком духе еще очень долго. А ведь есть еще и культурные различия. Вспомните хотя бы земную историю.

— Учтите бесчисленное количество индивидуумов и интересов, огромные расстояния, время, нужное на то, чтобы послать сообщение через расстояния... Это выше сил человеческих. Даже если бы мы могли устранить все эти препятствия, то координирование при такой массе данных все равно осталось бы физически невозможным.

Мы вынуждены давать своим проконсулам полную свободу действий. Мы вынуждены позволять им самим выбирать себе помощников, надеясь, что эти помощники будут знать местные условия лучше, чем имперские служащие. Добавлю, джентльмены: для того, чтобы просто выжить — не говоря уже о других причинах — мы вынуждены сдерживать естественные проявления солидарности. — Он махнул рукой в сторону курсового видеоэкрана. Альфа Круцис мертвенно-белым светом мерцала среди созвездий, но за ней... — Если мы не будем держаться вместе, мы — земляне и наши союзники-негуманоиды, — сказал он, — то уверяю вас, и марсейане, и варвары будут счастливы видеть нас разделенными.

Он не получил ответа, да и не ждал его.

«Не наговорил ли я лишнего? — подумал он. — И все ли они поняли?»

На экране появился его корабль. Крошечное веретенце, ничтожное по сравнению с огромной планетой, вокруг которой он вращался, выросло и превратилось в стальную громаду, мчащуюся среди звездных скоплений. Разрушительная мощь корабля была не больше, чем у эсминца — он обладал хорошей скоростью, но легким вооружением, а команда насчитывала едва пятьдесят человек. Но он был первым кораблем, которым Фландри командовал официально, и кровь быстрее заструилась в его жилах, когда он снова увидел его... даже сейчас, даже сейчас.

Стыковка получилась довольно жесткой. Возможно, Виллинг еще не совсем пришел в себя. Фландри воздержался от комментариев. Последняя часть кривой — здесь парадом командовал компьютер — оказалась лучше. Когда шлюпка легла в свое углубление, он отпустил телохранителей и пошел на мостик. Коридоры и шахты были узкими, стены были окрашены в серый и белый цвет. Гравитационные генераторы имитировали земную силу тяжести. Тонкие настилы не глушили звуков шагов, тонкие перекрытия передавали этот звук

во всех направлениях, звенели голоса, гудели машины. Воздух, пропускаемый сквозь решетки вентиляторов, был свежим, но каким-то образом приобретал по пути слабый запах масла. Каюты офицеров были маленькими, как пеналы, полубак мог бы быть вместительнее лишь при условии выхода в четвертое измерение; приспособления для отдыха годились, главным образом, для того чтобы о них упоминать. Но это был первый корабль Фландри.

В пути он читал официальные отчеты и просматривал черные ленты старых вахтенных журналов. Корабль был на несколько лет старше его самого. Своим названием он был обязан материку на Ардече — заселенной, вероятно, планете, хотя никому из команды еще не выпало шанса увидеть ее воочию. (Он слышал несколько версий о происхождении «Азеноува», и каждая из них помещала его в разное место, так что он мог находиться не менее, чем в четырех мирах; его занимало, сколько же других судов класса «Континент» могли носить то же название — ведь компьютерам приходится иметь дело с миллионами судов.) Судно это некогда входило в состав патрульного отряда, попавшего где-то в неприятную историю. Потом оно как-то оказалось вовлеченным в пограничный инцидент, и его капитан едва не попал под суд, но ему удалось привести достаточно веские оправдания. Во все прочие периоды своей жизни оно было обыкновенным патрульным судном... ведь должны быть и такие, не так ли? При подобных обстоятельствах бессмысленно ждать, что тебе отдадут честь. Люди просто сторонились, пропуская Фландри. Он вошел на мостик. Его помощник был уже там.

Ровиан с Ферры был несколько ниже ростом, чем человек с Земли. Мех его был бархатистым и черным, как ночь. Тяжелый хвост, когти на пальцах рук и ног, зубы-пилы могли наносить убийственные раны, а еще он был превосходным стрелком. Нижняя пара рук могла в случае надобности служить ему ногами. В таких случаях его мягкая неспешная походка превращалась в стремительную скачку. Обычно он ходил обнаженным, если не считать оружия и знаков отличия. По природе своей и воспитанию он никогда бы не стал капитаном, да и не желал им быть. Но он был способным и вдумчивым, а земная цивилизация оказывала на него благотворное действие.

— Ну, и как? — приветствовал он командира. Клыки мешали ему говорить на англике.

Наедине с Фландри он игнорировал формальности. Ритуалы людей немало забавляли Ровиана.

— Плохо, — ответил ему Фландри и подробно обрисовал ситуацию.

— Почему же плохо? спросил Ровиан. — Если, конечно, не считать, что может быть восстание.

— Этическая сторона значения не имеет. Ты ее все равно не поймешь. Обдумай-ка, кому это выгодно.

Фландри закурил и отыскал взглядом Шалму. Диск планеты безмятежно плыл в пространстве — наполовину темный, наполовину светлый.

— Почему Снелунд так поступил? — спросил он. — Ведь он здорово рисковал. Самая примитивная коррупция принесла бы ему больше, чем он мог бы потратить за всю свою жизнь. У него должна быть некая цель, реализация которой требует огромной суммы. Чего же он хочет?

Ровиан поправил хемосенсорную антенну, расположенную у него на макушке. Лицо его искривилось, глаза стали желтыми.

— Финансирование мятежа? Может, он надеется стать независимым правителем?

— М-м-м... нет... это не имеет смысла, а он, насколько я понимаю, далеко не глуп. Империя не стала бы долго терпеть его, и он был бы уничтожен. В случае необходимости и Джосип был бы смещен, чтобы расчистить путь для этой операции. Нет, тут кроется что-то еще... — Фландри снова перевел взгляд на своего коллегу. — Займись курсовой аппаратурой. Нужно, чтобы через полчаса она была готова к действию. Следующая посадка — на Ллинатавре.

Вибрация гипердрайва занимает лишь мгновение, хотя философы так и не пришли к согласию о значении этого термина. Вести идут куда медленнее. Сигнал, вне зависимости от мощности, не удавалось передавать на расстояния, превышающие световой год. «Щупальца» космических кораблей, путешествующих на квазискорости, теряют чувствительность за этим пределом. То же самое относится и к модуляторам, которые переносят сообщения со скоростью света: принцип неопределенности делает невозможным их усиление с достаточной уверенностью в том, что они не выродятся неизвестно во что.

Так что «Азеноуву» пришлось приблизиться к своей цели на два летных часа, прежде чем он смог получить сообщение. В сообщении говорилось о том, что адмирал Флота Хьюг Мак-Кормак бежал в систему Виргилиан. Достигнув ее, он поднял флаг восстания и провозгласил себя императором.

Известие это было с радостью встречено огромным множеством планет. Так же встретила его и большая часть людей, служивших ранее под началом адмирала, и большинство кораблей объявили о своем подчинении ему. Возникли две армии, а поскольку их цели и намерения были противоположны, они тут же превратились во враждующие. Гражданская война казалась неизбежной.

4

Когда Империя выкупила Ллинатавр у открывших его синтиан, она задалась целью стало сделать его привлекательным для переселенцев. Большая часть этого мира обладала богатыми природными ресурсами, обширными свободными территориями, восхитительным климатом и пейзажем. Штаб-квартира флота сектора находилась достаточно близко, на Ифри, и располагала достаточной мощью. Далеко не все варвары были настроены враждебно; существовали великолепные возможности торговли с многочисленными расами, особенно с теми, которые не имели еще космических кораблей, а также с другими имперскими планетами.

Так было в теории. Практика же трех-четырех поколений показала совсем другое. Люди утеряли, казалось, ту тягу к новым мирам, которая прежде побуждала их к действию. Лишь немногие соглашались покинуть насиженные места ради планеты, находящейся вне сферы безопасности, гарантированной близостью правительства, вдали от современных развлечений. Те, которые все же соглашались, предпочитали городскую жизнь сельской. Число переселенцев из соседних старых колоний, подобных Энею, тоже было невелико: люди уже успели пустить там крепкие корни.

Но все же Катарайанис стал достаточно крупным городом: два миллиона населения, если считать и то, что было не постоянным. Он стал административным и торговым центром, хотя большая часть заведений содержалась негуманоидами, а также средоточием злачных мест и центром связи. Обжитые районы, латифундии, шахты и фабрики вскоре уступали место лесам, горам и океанам, чье спокойствие не нарушалось даже намеками на движение, или пустым равнинам, где огоньки жилья были редкими и казались очень одинокими посреди темноты.

«Конечно, это помешает планете быстро превратиться в очередную выгребную яму», — подумал Фландри. Отчитавшись по прибытии, он переоделся в штатское и несколько дней провел инкогнито. Он не только осторожно расспросил несколько десятков буржуа и слуг, но и буквально прочесал Нижний город.

«Ну я наслушался такого, что впору блевать, — сказал себе Фландри. — Что ж, послушаем теперь Аарона Снелунда».

Сердце его забилось быстрее. Надо во что бы то ни стало сохранять бесстрастное выражение лица. В этом ему поможет не столько тренировка, сколько практика игрока в покер.

Пока движущаяся лестница поднимала его к весьма впечатляющему портику, он бросил взгляд назад. Губернаторский дворец размещался на высоком холме. Он представлял собою сооружение пастельных тонов, выполненное в стиле

прошлого столетия — своды и колоннады. Сады и здания для прислуги уступами отходили от него к подножию холма. Их сменяли более скромные резиденции, смыкающиеся с полями сельской местности на западе и с домами города на востоке. Коммерческие башни, не очень высокие, громоздились неподалеку от Луаны-ривер, за которой лежали трущобы. Сегодня горизонт был затянут легкой дымкой, дул холодный ветер, пахнущий весной. По улицам и в воздухе сновали машины. Их негромкий шум почти не был слышен за шорохом деревьев. Трудно было поверить, что Катарайнис стоял на пороге войны, был объят истерией, скован ужасом...

...до тех пор, пока гул не заполнил небо от горизонта до горизонта, и на него не наползла тень особого военного корабля, стремящегося в неведомые земли.

В дверях выросли фигуры двух мичманов.

— Просим назвать ваше имя, сэр, и дело, по которому вы сюда прибыли, — сказал один из них. Он не изменил положения своего оружия, но сжал его с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

— Капитан Доминик Фландри, командующий кораблем «Азеноув». Прибыл по договоренности с Его Превосходительством.

— Одну минуту, сэр... — второй занялся проверкой. Он не просто позвонил в секретариат, но настроил на посетителя сканер. — Все в порядке.

— Попрошу вас сдать оружие, сэр, — проговорил первый. — И... э-э... пройти небольшой досмотр.

— Что?!— У Фландри округлились глаза.

— Приказ губернатора, сэр. Никто не пропускается с оружием и без досмотра. — Вызывающе юный мичман облизнул губы языком. — Вы же сами понимаете, сэр. Когда изменяет Флот, мы... кому же тогда можно доверять?

Фландри посмотрел на смущенное лицо мичмана, перевел взгляд на его бластер и поднял руки, давая возможность себя обыскать.

Появился слуга. Он низко поклонился, провел Фландри к гравилифту и поднялся вместе с ним. Внутренняя отделка была роскошной, но роскошь эта отдавала дурным вкусом не столько из-за кричащих красок или уродливых пропорций, сколько из-за обилия деталей. То же можно было отнести и к комнате, в которую ввели Фландри. Пол был устлан ярким ковром-шкурой, переливающимся под ногами золотым и черным, стены выглядели так, будто их опоясала радуга, в каждом углу двигались диноскульптуры, воздух был напоен фимиамом и тихой музыкой, одна стена была полностью занята изображением придворных сцен, а за губернаторским

креслом висело изображение императора Джосипа в три человеческих роста высотой, причем живописец бессовестно польстил своей модели.

На страже стояли четыре наемника. То были не гуманоиды, а гиганты-горзуниане, косматые, как звери. Они были способны часами сохранять мертвую неподвижность статуй.

Фландри козырнул и застыл в ожидании.

В Снелунде не было ничего демонического. Он придал себе почти девическую красоту: огненно-рыжие волосы, молочная кожа, слегка косящие фиалковые глаза, вздернутый нос, пухлые губы. Невысокий и уже начинающий полнеть, он сохранил грацию танцора. Его богато изукрашенный китель, брюки-клеш, туфли в форме лепестков и золотое ожерелье вызвали у Фландри зависть. Когда он повернул выключатель мемоскрина, вделанного в ручку его кресла, на пальцах блеснули дорогие кольца.

— А-а, добрый день, капитан. — У него был приятный голос. — Я могу уделить вам только пятнадцать минут. — Он улыбнулся. — Приношу свои извинения и за это, и за то, что заставил вас так долго ждать приема. Но вы же сами знаете, какие сейчас тяжелые времена. Если бы адмирал Пикенс не проинформировал меня о том, что вы прибыли прямо из штаб-квартиры «Интеллидженс», то, боюсь, вам никогда не удалось бы проникнуть дальше моих помощников. — Он усмехнулся. — Иногда мне кажется, что они переходят все границы в своем стремлении оградить меня. Несведущий мог бы счесть их сборищем наискучнейших и тривиальнейших личностей... но вы удивились бы, капитан, узнав, сколько мне приходится... но, несомненно, есть посетители, которые обращаются ко мне с действительно важными проблемами.

— Да, Ваше Превосходительство. Чтобы не тратить попусту ваше время...

— Садитесь, пожалуйста. Я очень рад встречи с каждым, кто явился сюда прямо с нашей общей прародительницы. Мы ведь здесь, знаете ли, даже почту нерегулярно получаем. Как дела на старушке Земле?

— Хорошо, Ваше Превосходительство. Но я провел там всего несколько дней и был страшно занят. — Фландри сел и подался вперед. — Это было связано с моим назначением.

— Конечно, конечно, — сказал Снелунд. — Но вначале — минута откровенности. — Сердечность его сменилась деловитостью, голос сделался резким. — Вы получили свежие новости о марсейанском кризисе? Несмотря на местные проблемы, он беспокоит нас не меньше, чем другие миры Империи. А возможно, и больше. Нарушение единства на этой границе серьезно ослабило бы нас. Случись война с Марсейей

и мы окажемся в еще более тяжелом положении — ведь этим тут же воспользовались бы варвары. Вот почему мятеж Мак-Кормака должен быть немедленно подавлен, неважно какой ценой.

«Меня вводят в заблуждение», — понял Фландри.

— Я не знаю ничего такого, что не было бы известно общественности, сэр, — неспешно проговорил он. — Я уверен в том, что в штаб-квартиру на Ифри регулярно приходят сообщения с бетельгейзианской границы. Информационную пропасть следует искать в другом месте, если мне будет позволено использовать метафору, подразумевающую, что в данном случае пропасть — понятие не геологическое.

Снелунд рассмеялся.

— Хорошо сказано, капитан. Мы все изголодались по живости ума. Границы полны энергии, но лишены воображения — так всегда бывает.

— Благодарю, Ваше Превосходительство, — сказал Фландри, — но мне лучше перейти к сути дела. Извинит ли меня губернатор, если я окажусь несколько многословным? Необходима подготовка... в особенности потому, что мое задание несколько неопределенно. Оно заключается, собственно, в подготовке рапорта по тем фактам, которые я смогу узнать.

Снелунд лениво откинулся на спинку кресла.

— Продолжайте.

— Как новичок в этих краях, — решительно произнес Фландри, — я должен начать с изучения документов и с расспросов самого широкого круга людей. Мои старания добиться встречи с вами, сэр, были напрасны, если бы эта встреча ни к чему ни привела. Я хорошо понимаю, как вы сейчас заняты, но положение дел сделало наш разговор неизбежным. К счастью, от вас потребуется немногое: вам нужно лишь отдать приказ.

— Какой же? — Тон Снелунда был самым ободряющим.

«Он не ждет никакого подвоха, — заключил для себя Фландри. — Принимает меня за племянника какой-нибудь шишки, которому вся эта комедия нужна лишь для того, чтобы получить следующее повышение.»

— Я хотел бы поговорить с леди Мак-Кормак, — сказал он.

Снелунд дернулся в своем кресле.

— Насколько я знаю, она была арестована вместе со своим мужем и содержится под личным наблюдением Вашего Превосходительства, — продолжал Фландри с простодушной улыбкой. — Я уверен, что она много знает. Кроме того, у меня зародился план использовать ее в качестве посредницы. Переговоры с ее мужем...

— Никаких переговоров с предателем! — Снелунд ударил по ручке кресла.

«Как драматично», — подумал Фландри. Вслух же он сказал:

— Извините меня, сэр. Я не имел в виду, что он избежит наказания. Просто... меня удивляет, что никто не допросил леди Мак-Кормак.

Снелунд с негодованием ответил:

— Я знаю, что вы слышали. Здешние люди болтливы, как свора грязных старух. Я объяснил это старшему офицеру из «Интеллидженс» адмиралу Пикенсу, и я снова объясню вам. Она, похоже, крайне неуравновешенная особа — даже более неуравновешенная, чем ее муж. Арест вверг ее в совершенно истерическое состояние. Впрочем, даже определение «психопатическое» не будет в данном случае слишком сильным. Движимый простым человеческим чувством, я предложил поместить ее в удобной комнате, а не в камере. Против нее меньше улик, чем против него. Она живет в том же крыле, где размещаются мои личные апартаменты, только потому, что это единственное место, где она может жить спокойно, не подвергаясь преследованию всяких проныр. Мои агенты готовили материалы к предварительному следствию по делу Мак-Кормака, когда его преступники-друзья освободили его. Услышав об этом, его жена попыталась покончить с собой. С тех пор мои медики вынуждены держать ее под действием сильных седативных средств.

Фландри слышал иную версию, хотя никто не осмеливался высказаться напрямую — говорили намеками.

— Прошу у Вашего Превосходительства прощения, — сказал он, — но в штабе адмирала предположили, что, возможно, мне, как обладающему особыми полномочиями, позволено будет заглянуть туда, куда не допускаются другие.

— Их люди дважды встречались с нею, командор. И она ни разу не смогла дать показания.

«Еще бы. Когда у тебя есть преимущество в час-другой, нетрудно дать пленнику таблетку или сделать укол.»

— Понимаю, Ваше Превосходительство. И ее состояние с тех пор не улучшилось?

— Скорее, ухудшилось. По настоянию врачей я запретил дальнейшие визиты. Да и каких сведений можно ожидать от больной женщины?

— Возможно, никаких, Ваше Превосходительство. Тем не менее вы, я надеюсь, оцените мое намерение составить полный и объективный отчет. А поскольку мой корабль вскоре уйдет вместе с флотом, — «Если мне не удастся отделиться от него, используя свои полномочия», — эта возможность может стать для меня единственной. Не разрешите ли вы мне

несколько минут свидания, чтобы я мог послать на Землю удовлетворительное сообщение?

Снелунд рассердился.

— Вы сомневаетесь в моем слове, командор?

— О нет Ваше Превосходительство! Ни в малейшей степени! Речь идет всего лишь о проформе. О том, чтобы спасти мою, э-э... репутацию, сэр, потому что меня непременно спросят, почему я не проверил и эту деталь. Я могу отправиться туда прямо отсюда, сэр, а врачи пусть будут под рукой, чтобы я ненароком не причинил ей какой-нибудь вред.

Снелунд покачал головой.

— Видите ли, я наперед знаю, что вы его причините. Поэтому я и запрещаю вам свидание.

Фландри посмотрел на него с мягким упреком.

Снелунд потер подбородок.

— Я, конечно, понимаю ваше положение, — сказал он, пытаясь смягчить суровость отказа легкой улыбкой. — Земля от нас так далеко, что наш мир предстает перед ней лишь в виде слов, фотографий, карт. Гм-м... Дайте мне номер, по которому я смогу с вами связаться. Я велю своему главному врачу сообщить вам, когда вы сможете с ней увидеться. Временами у нее бывают прояснения, но и тогда речь ее довольно бессвязна. Подойдет ли вам такое решение?

— Ваше Превосходительство в высшей степени любезны, — просиял Фландри.

— Не могу обещать, что ее состояние улучшится до вашего отлета, — осторожно заметил Снелунд. — Осталось слишком мало времени. В таком случае вы сможете, без сомнения, увидеться с нею по возвращении. Хотя это вряд ли будет иметь смысл после того, как Мак-Кормак будет схвачен, не так ли?

— Проформа, Ваше Превосходительство, — пожал плечами Фландри.

Губернатор занес данные в мемоскрин, включая и номер, по которому можно будет передать сообщение на «Азеноув», и Фландри вышел, храня на лице выражение почтения и даже радости.

Он сел в кэб за пределами дворца и шумно, так, чтобы все слышали, отъехал в сторону пригородного порта. То, что эти несколько дней он провел внизу, не было тайной — того требовала его работа. Но впечатление о нем, как о лентяе, еще более усилится, если он сделает вид, что первое же препятствие заставило его вернуться на корабль. Какой бы аскетической ни была его каюта, она была куда роскошнее, чем тот блошиный закуток, что предлагали в гостинице. Катарай-

нис был перенасыщен космонавтами и моряками — корабль прибывал за кораблем.

— Почему вы здесь? — спросил он у капитана Леклерка из штаба адмирала Пикенса, к которому явился с полным отчетом. Ведь штаб-квартира на Ифри.

Леклерк пожал плечами.

— Так захотел губернатор.

— Но он не может...

— Может, Фландри. Я знаю, что Флот и гражданские правители провинций должны сотрудничать и только. Но губернатор — прямой представитель Императора. Поэтому он может приказать именем Императора, когда пожелает. Позднее это может вовлечь его в конфликт с Землей... но то будет позднее. При нынешних обстоятельствах Флоту лучше подчиниться.

— Но зачем такой приказ? На Ифри — нервная система флота. Это — наш естественный центр и основная стратегическая точка.

— Да, конечно, но Ллинатавр не обладает защитой Ифри. При теперешнем положении дел мы охраняем его от рейдов, которые Мак-Кормак может совершить просто из мести. В этом есть рациональное зерно. Уничтожение столицы сектора, а еще лучше — ее захват — дали бы Мак-Кормаку возможность взять под свой контроль весь сектор. А поскольку в дело вмешались мы, он будет слишком занят для того, чтобы думать о такой возможности, хотя, конечно, мы оставим здесь кое-какую защиту. — Леклерк цинично добавил: — А пока тянется период ожидания, наши люди насладятся полноценным и продолжительным отдыхом. Снелунд здорово старается поддержать в Катарайнисе свою популярность.

— Вы действительно считаете, что мы должны готовиться к битве?

— На то, как я слышал, есть еще одна директива губернатора. Она, конечно же, идет вразрез с темпераментом адмирала Пикенса. Я убежден, что он попытается обойтись мелкими вылазками и малой кровью... это устраивает его куда больше, чем превращение имперских миров в радиоактивные развалины. Но приказ гласит, что мы должны искоренить мятеж в тех местах, где он дал свои всходы. — Леклерк покривился. — Ну и коварный же вы человек! Я и не заметил, как проболтался. Вернемся к своим делам!

...В порту Фландри узнал, что шлюпку он сможет вызвать лишь через два часа. Он позвонил в гостиницу и ему доставили багаж. Поскольку тот состоял лишь из одного саквояжа, он не стал его проверять, а сразу отнес в дезинфекционную камеру. Оттуда он вышел в гражданской одежде и

в плаще с капюшоном. Он намеренно изменил походку, а саквояж его был вывернут наизнанку и таким образом поменял цвет. У него не было причин полагать, что за ним следят, но он охотно покупал себе лишнюю безопасность, когда за нее не надо было дорого платить. Он отправился на кэбе в непритязательный отель, оттуда — в другой, что располагался в Нижнем городе. Последние несколько кварталов он прошел пешком.

Ровиан нашел меблированный дом, населенный главным образом негуманоидами, притом не слишком разборчивыми. Свою каморку он делил с большим неуклюжим бетантаклидом с планеты с непроизносимым названием. От него страшно воняло гидрогенным сульфидом, но он был достаточно добродушным. К прочим его личным достоинствам добавлялось незнание языка эриау. Когда вошел Фландри, он повернулся на своей скамье, невнятно пробормотал приветствие на англике и вернулся к своим размышлениям.

Ровиан потянулся всеми своими шестью конечностями и звучно зевнул.

— Наконец-то! — сказал он. — Я уж думал, что сгнию здесь со скуки.

Фландри сел на пол, потому что стульев не было, и закурил, повинуясь, скорее, привычке, чем желанию курить. — Как корабль? — спросил он на основном марсейанском языке.

— Удовлетворительно, — на нем же ответил Ровиан. — Некоторые удивились, что старпом уходит, не дождавшись капитана. Но я представил дело так, будто отправляюсь за важным снаряжением и оставил на посту Валенсиа. Пока мы болтаемся на орбите, ничего особенного произойти не может, так что никаких особых комментариев не последовало.

Фландри встретился взглядом с глазами, чьи зрачки походили на щелки.

«Похоже, ты понимаешь куда больше в тех вещах, о которых, как считают твои сотоварищи-гуманоиды, чужакам знать не положено, — подумал он. — Я не стану прикидываться, будто понимаю, что выражают твои глаза. Но... мне нужно на кого-то полагаться. Наблюдая за тобой во время путешествия, я пришел к выводу о том, что ты честнее прочих».

— Я не просил тебя селиться в этой берлоге, а сказать, где ждать, — сказал он, пренебрегая правилами эриаунской грамматики. — Я считаю, что для наших планов важно соблюдение тайны. Теперь слушай.

Ровиан навострил уши.

Фландри описал свою встречу с губернатором. Он закончил словами:

— У меня не осталось никаких сомнений, что Снелунд

лжет насчет леди Мак-Кормак. Охрана и слуги шушукаются, и слухи ползут за пределы дворца. Дел у них мало, все упиваются злобными насмешками. Он набил дворец и дома в окрестностях типами, подобными ему самому. Суя повсюду свой нос, заводя дружеские разговоры с бездельниками, я легко развязывал языки. Двое-трое из них как следует напились, но потом сказали больше, чем сказали бы в нормальном состоянии. — Он не упомянул о том, что добавил в выпивку.

— Почему же в «Интеллидженс» ничего не заподозрили? — спросил Ровиан.

— Заподозрили, наверное. Но у них слишком много других дел, причем очень важных. И они не думают, что она может рассказать что-то полезное. И зачем ссориться с губернатором, рискуя своей карьерой ради жены повстанца?

— Ты ведь это делаешь, — возразил ему Ровиан.

— Ш-ш-ш, — Фландри подмигнул ему сквозь дым сигареты.

Дым голубовато-серыми завитками поднимался к солнечному лучу, с немалым трудом пробивавшемуся через оконное стекло, слой пыли на котором напоминал геологические напластования. От запаха гнилых яиц у Фландри разболелась голова — главным образом потому, что он напоминал запах гниющей плоти. Шум движения снаружи был едва слышен, временами в комнату проникал случайный хриплый вскрик.

— Видишь ли, — объяснил он, — я нахожусь на особом положении. Наш корабль действует сам по себе. Я не притянут за уши ни к одной из тех шестерен, которые должны провернуться прежде, чем завершится эта экспедиция Флота. У меня гораздо больше данных против Аарона Снелунда, чем у провинциальных офицеров. Я был свободен и имел возможность посидеть и поразмышлять. И я пришел к выводу о том, что глупо с его стороны держать Катрин Мак-Кормак взаперти лишь для того, чтобы весь двор мог хихикать по этому поводу. Адмиральский штаб тоже может придерживаться этой точки зрения... и не предпринимать никаких мер. Я вообще сомневаюсь в том, чтобы эти чинодралы могли испытывать к своим коллегам чувства более сильные, нежели мимолетную симпатию. Почему бы не подвергнуть ее допросу? В конце концов, может же она знать хоть что-то? А может, она была бы полезна при переговорах с ее мужем?

— Едва ли, — заметил Ровиан. — Его жизнь — битая карта.

— Угу. Вот поэтому-то мои вечно спешащие коллеги открестились от дальнейшей проверки. Но... я не предсказатель, но ее можно использовать для того, чтобы заставить его ог-

раничить свои действия... чтобы убедить его сдаться. Готов согласиться, что только хладнокровный ублюдок вроде меня может обдумывать подобные возможности. Но главное вот в чем: мы не имеем права ее потерять, она может нам дать хоть какой-то шанс. Но Снелунд держит ее взаперти, сочиняя небылицы насчет болезни. Почему? Зачем ему предпринимать действия, которые оборачиваются против него же? Его сектор разрывается на части. Почему он не хочет уступить в таком незначительном вопросе?

— Не знаю, — голос Ровиана выражал полное безразличие.

— Может, ей известно нечто, что он хотел бы утаить, — сказал Фландри. — Есть предположение, что Снелунд плохой губернатор. Но он лоялен, а Мак-Кормак — нет. Однако это только предположение.

— Тогда не следует ли тебе, воспользовавшись своими полномочиями, потребовать ее выдачи?

Фландри поморщился.

— Ха! Пять минут ожидания у ворот — и я получу не человека, а его тело. Или же десять минут искаженной гипнопробы — и перед нами идиотка без памяти. Пока мои шаги были чрезвычайно осторожными. Я, впрочем, и не жду вызова от Снелунда до ухода Флота.

— А после возвращения...

— Она вполне может «исчезнуть» во время кампании.

Тело Ровиана напряглось. Скамья, на которой он полусидел-полулежал, издала жалобный скрип.

— Ты говоришь мне все это неспроста, капитан, — сказал он.

— Как ты догадался? — Фландри быстро справился с изумлением и продолжал: — Думаю, мы сможем ее освободить, если точно рассчитаем время. Ты будешь ждать в городе с теми из нашей команды, кого выберешь сам, и с аэрокаром поблизости. Примерно за час до того, как армада стартует, я представлю адмиралу мои тайные полномочия и формально выведу нас из-под его командования. Безопаснее сосредоточить внимание Снелунда на Флоте, чем на дворце. Ты приведешь во дворец свой отряд, предъявишь ордер, который я тебе дам, и заберешь Катрин Мак-Кормак прежде, чем кто-либо успеет добраться до губернатора и спросить, что делать. В случае необходимости ты можешь стрелять: любой, кто попытается тебя остановить, вступит тем самым в конфликт с Империей. Но я не думаю, что такая необходимость возникнет, если ты будешь действовать достаточно быстро. Неподалеку будет ждать шлюпка. Ты и твои парни приведете на нее леди Мак-Кормак, переключите автопилот на космос, встретитесь с «Азеноувом», и мы тут же покинем эту систему.

— Рискованная операция, — сказал Ровиан. — И все это ради довольно призрачной цели.

— Ничего другого я придумать не могу, — ответил Фландри. — Главным в этой операции предстоит быть тебе, так что откажись, если считаешь меня дураком.

Ровиан облизнул свои зубы-пилы и махнул хвостом.

— Я не отказываюсь, мой капитан, — сказал он. — Я твой брат по присяге. Но мне кажется, что мы могли бы обсудить проблему глубже. Я уверен, что в рукаве у тебя есть пара козырей.

5

Силы Пикенса, корабль за кораблем, выходили на орбиту. Когда солнце Ллинатавра достигло зенита, суда построились и вышли в гипердрайв. Сгустки неосязаемой энергии закружились в космосе. Как единое целое военные корабли нацелились на звезду Виржил, чтобы найти человека, который провозгласил себя Императором.

Их было немного. Большинство было отправлено в помощь армии, противостоящей Марсейе, и это изрядно истощило флот сектора. Пугающе велико было число кораблей, присоединившихся к Мак-Кормаку. Из тех, кто сохранил верность губернатору, значительное число было оставлено для охраны — если не для острастки — ключевых планет. Было установлено, что восставшие располагают примерно тремя четвертыми той силы, которую смог собрать Пикенс, чтобы обрушить на них. Управляемые водородные бомбы и огненные лучи, собранные даже в таком большом количестве, не так уж эффективны, как думают обыватели. Простая проникающая радиация может обезвредить корабль, если не вообще прекратить его существование.

Памятуя об этом, Пикенс двигался осторожно, защищенный большим эскортом кораблей-разведчиков. Самые быстроходные его корабли могли покрыть расстояние за полтора дня, самые медленные — за три, но он рассчитывал на целых пять дней. Он не забыл той ловушки, которую бывший главнокомандующий некогда расставил вальдотарианским корсарам.

А на мостике «Азеноува» Доминик Фландри, подавшись вперед в своем капитанском кресле, скомандовал:

— Двадцать градусов к северу, четыре градуса по часовой стрелке, через 3000 километров развить квази-скорость и выровнять корабль, когда она установится.

— Есть, сэр. — Пилот повторил инструкции и запрограммировал компьютер, ведавший гипердрайвом.

Фландри сосредоточил внимание на консоли, находившейся перед ним, — ее приборы суммировали гораздо больше комплексных данных, чем те, которые находились в ведении пилота, — и изучал ее до тех пор, пока не счел возможным сказать:

— Вы можете удержать этот курс, Ровиан?

По сути дела, он спрашивал своего старшего офицера, шел ли эсминец так, как было запланировано — под прикрытием эскадры, так, что создаваемая им гиперволна заглушалась многими другими, давая ему возможность уйти от преследования. Они оба знали это, но оба знали и то, что ритуал следует соблюсти. Ровиан изучил приборы и ответил:

— Да, сэр. — Голос его был серьезен и торжественен.

Фландри включил общий интерком.

— Слушать всем, — сказал он. — Капитан обращается ко всем офицерам и команде. Вам известно, что наш корабль выполняет специальное задание, в высшей степени секретное и крайне важное. Для успешного его выполнения мы должны соблюдать полную коммуникационную тишину. Ни одно сообщение не должно приниматься никем, кроме меня или лейтенанта-командора Ровиана, ни одно не может быть послано без моего личного разрешения. Сейчас, когда предательство проникло даже во Флот Его Величества, ни на минуту не следует забывать о возможных уловках коварного врага. «Хороша казуистика?» — усмехнулся он про себя. — Офицеры связи действуют строго по моему приказу. Приступайте.

Он выключил интерком. Взгляд его обратился на видеоэкраны. Никаких космических кораблей. Самый огромный из них был затерян в бесконечности и обнаружить его можно было бы только с помощью приборов и головоломных вычислений. Звезды пренебрегали войнами ничтожных букашек, они были бессмертными. «Нет, и они не вечны. Их ожидает собственная Долгая Ночь.»

— Внешний коммуникатор замкнут на меня, сэр, — доложил Ровиан взглянув на главную панель. Он надел наушники приемника. Каждый сигнал извне должен был теперь поступать только к нему.

— Поднимись на мостик, — Фландри встал. — Я допрошу пленную. Когда придет время менять векторы, немедленно извести меня, но не жди моего прихода, маневрируй сам.

На самом деле он сказал Ровиану следующее:

«Следить за передачами по контрольному аппарату. Снелунд непременно взвоет, когда узнает о том, что произошло. Если к тому времени мы выйдем из гиперволны, он, возможно, пошлет за нами погоню. В любом случае он станет требовать нашего возвращения, и Пикенс может вполне уступить

ему. Тогда возникнет весьма пикантная ситуация. Едва почувствовав, что речь заходит о возвращении, мы резко меняем курс и убираемся ко всем чертям. И я смогу хоть присягнуть в том, что не получал от Пикенса никакого приказа. Это проще, чем убеждать трибунал, что я имел полное право не подчиниться ему».

Но этот код был известен только им двоим. Возможно, те из команды, кто участвовал в операции во дворце, догадались о происходящем. Но это сейчас не имело значения. Они — бывалые ребята и умеют держать рот на замке, а после того, что они видели по пути от Земли, любая возможность насолить Его Превосходительству должна только радовать их.

— Есть, сэр, — сказал Ровиан.

Фландри спустился по трапу и пошел по звонкому коридору к своей каюте. Звонка на двери не было, и он постучал.

— Кто там? — Голос, донесшийся из-за тонкой двери, был хрипловатым контральто с легким певучим акцентом... но сколько в нем было усталости, сколько пустоты!

— Капитан, моя госпожа. Можно войти?

— Я не могу вам запретить.

Фландри вошел в каюту и закрыл за собой дверь. Места в его каюте было лишь немного больше, чем того требовалось для койки, письменного стола, стула, шкафа, нескольких полок и ящиков. Потолок едва не касался макушки. Умывальник, туалет и душевую кабину скрывала легкая шторка.

Возможности как-то украсить каюту не было. Звон вибрации, запахи масла и нагретого металла наполняли воздух.

Катрин Мак-Кормак ему раньше видеть не приходилось. Внезапно все другое перестало для него существовать. Позднее, он вспомнил, что отдал ей глубокий поклон, потому что фуражка каким-то образом оказалась у него в руке, но как это получилось, он не помнил.

Он знал, что она на пять стандартных лет старше его. Она не отвечала земным стандартам красоты, была слишком высокой, слишком широкоплечей, слишком поджарой со слишком крепкими мускулами, выделявшимися под кожей, которая оставалась слишком смуглой даже после заключения. Лицо ее было широким во всех его деталях: далеко отстоящие друг от друга высокие скулы, широко расставленные ясные глаза (зеленые с золотистыми искорками под густыми черными бровями), широкая переносица прямого носа, большой красивый рот, сильный подбородок. Волосы челкой падали ей на лоб и были ровной линией подстрижены чуть ниже ушей. Они были густыми и волнистыми, медового цвета с примесью

золота и меди. На ней был короткий перламутровый халат и сандалии — одежда, в которой ее забрали из дворца.

«Мама была чем-то похожа на нее», — подумал Фландри.

К нему, наконец, вернулся дар речи.

— Добро пожаловать на наш корабль, моя госпожа, — он чувствовал некоторую натянутость своей улыбки. — Позвольте мне представиться. — Он так и сделал. — Всецело к вашим услугам, — закончил он и протянул ей руку.

Она не дала ему своей ни для пожатия, ни для поцелуя и не встала со стула, на котором сидела. Он отметил темные круги вокруг ее глаз, впалость щек, легкую тень морщинок...

— Добрый день, командор, — голос ее не был ни теплым, ни холодным — никаким.

Фландри присел на койку.

— Что я могу вам предложить? — спросил он. — В нашем распоряжении — обычный ассортимент напитков. Не желаете ли поесть, покурить? — Он протянул ей открытый портсигар.

— Мне ничего не нужно.

Он не отрываясь смотрел на нее.

«Прекрати богохульствовать, сын мой. Праздник для взора и так слишком затянулся. Она слишком красива и... — он не лукавил сам с собой, — у тебя уже зашевелились определенные мыслишки... и это после того, что она перенесла. Забудь об этом. Оставь свою подлость для другого случая.»

Он медленно проговорил:

— Вы не хотите пользоваться гостеприимством того, кто имеет отношение к Империи, не так ли? Прошу вас, будьте благоразумны, моя госпожа. Вы же знаете: чтобы выжить, вам придется принимать пищу, как вы это делали во дворце Снелунда. Почему бы не начать сразу? Мои намерения совсем не обязательно должны оказаться противоположными вашим. Я вынужден был доставить вас сюда, причем с риском для себя, для того, чтобы мы могли вместе обсудить кое-какие вопросы.

— Спасибо, командор, — проговорила она. Кажется, ее губы едва заметно дрогнули. — По правде говоря, кофе и сэндвич были бы весьма кстати.

Фландри отдал приказание по интеркому. Она отказалась от сигареты, но сказала, что не будет возражать, если он закурит. Он сделал несколько затяжек, потом заговорил снова:

— Боюсь, что эсминец оставляет желать много лучшего в отношении комфорта. Вы, конечно, останетесь в этой каюте, а я переберусь к моим помощникам — один из них вполне может обойтись матрацем, брошенным на палубу. Но мне придется оставить мою одежду и прочие принадлежности там, где они лежат сейчас. Надеюсь, что ни вестовой, ни я не бу-

дем слишком часто беспокоить вас. Питаться можете здесь или в кают-компании — как пожелаете. Я прослежу, чтобы вы получили свободный комбинезон или что там у них есть. Прошу прощения, что я не подумал о том, чтобы захватить женскую одежду. Ящик для хранения одежды я вам освобожу. Кстати, о ящиках. — Он встал и открыл один из ящиков письменного стола. — Его я оставлю незапертым. В нем нет никаких секретов. А вот вам сувенир от меня. — Он достал марсейанский боевой нож. — Знаете как пользоваться этой безделушкой? Могу продемонстрировать. Он, конечно, не слишком полезен, когда против тебя — пуля, бластер, стан-луч и тому подобное. Но вы были бы удивлены, если бы узнали, какие чудеса он может творить в закрытом помещении. — Он снова встретился с ней взглядом. — Будьте с ним осторожны, моя госпожа, — тихо проговорил он. — На моем корабле вам нечего бояться, но положение может измениться. Если честно, мне ненавистна даже мысль о том, что вам придется воспользоваться моим сувениром, и я низко поклонюсь Вселенной, когда станет ясно, что такой возможности уже не представится.

Воздух с шумом вырвался у нее из груди. Краска и бледность сменяли на ее лице друг друга с молниеносной быстротой. Рука, которую она протянула за ножом, задрожала. Она уронила ее, потом поднесла к глазам, сжала в кулак... Видно было, чего ей стоит не расплакаться.

Фландри, повернувшись к ней спиной, просматривал «Гэндзи-моногатари», которую принес с собой. Принесли еду. Когда он закрыл дверь за вестовым и поставил на стол поднос, Катрин Мак-Кормак уже овладела собой.

— Вы — страйдер, сэр, — сказала она ему. — Он удивленно поднял брови. — Это энейское слово, — пояснила она. — Оно означает сильного, доброго человека... джентльмена, пожалуй.

Фландри потеребил усы.

— Возможно, джентльмен — слишком сильно сказано, — он снова сел на койку. Их колени соприкоснулись. — За едой — ни слова о делах. Отвратительная привычка. — Она промолчала. — Вы любите музыку? — спросил он любезно. — У меня плебейские вкусы, но я самым подробным образом узнал, что называется высоким искусством. — Он включил селектор. — «Маленькая ночная серенада» у всех пробуждает радость.

— Прекрасно, — сказала она, быстро управляясь с едой. — Земная?

— Докосмической эры. Антиквариат во внутренних районах Империи ожил во всех сферах — от фехтования — это... э-э... такой вид спорта — до танцев. Наши представления об

ушедших веках более красочны, по сравнению с тем, чем они были на самом деле, как я думаю. Ведь то, что в них было плохого, надежно похоронено.

— А теперь мы хотим похоронить свои проблемы. — Она допила кофе и поставила чашку на пустую тарелку. — Если только они сами не похоронят нас раньше. Давайте поговорим, Доминик Фландри.

— Если вы чувствуете себя готовой к разговору. — Он закурил новую сигарету.

— Да, вполне. Времени мало. Вам предстоит решить, что со мною делать. — Она подняло темно-белокурую голову. — Я чувствую себя отдохнувшей, а скорбь побуждает меня скорее к действию, чем к унынию.

— Прекрасно, моя госпожа. — «Жаль, что у меня нет такого легкого регионального акцента.»

— Почему вы меня спасли? — спросила она мягко.

Он внимательно изучал кончик своей сигареты.

— Спасение — не совсем точное слово, — ответил он.

И вновь кровь отхлынула от ее лица.

— Уйти от Аарона Снелунда — спасение в любом случае, — прошептала она.

— Было так плохо?

— Я убила бы себя, если бы представился случай. Но он так и не представился. Поэтому я пыталась сохранить разум, планируя способы убийства Снелунда. — Она с силой сжала пальцы и продолжала их сжимать, пока не поняла, что делает. — Привычка Хьюга, — пробормотала она и разняла руки.

— Вы можете отомстить. — Фландри выпрямился. — Слушайте, моя госпожа. Я — полевой агент «Интеллидженс». Мне приказали расследовать положение дел в секторе Альфа Круцис. Мне пришло в голову, что вы можете рассказать нечто такое, чего никто другой рассказать не сможет. Вот почему вы здесь. Теперь так: я не могу проверить ваши слова, поскольку не стану применять гипноз и прочее такое, чтобы узнать то, чего вы не хотите говорить. Но если вы мне солжете, это будет хуже, чем если бы вы просто молчали. Хуже для нас обоих, учитывая то, что я хочу вам помочь.

Напряжение вновь вернулось к ней. Но эта женщина была крепкой породы.

— Я не стану лгать, — пообещала она. — Что же касается того, насколько я буду откровенна... это зависит от обстоятельств. Правда ли, что мой муж поднял восстание?

— Да. Мы движемся в порядках флота, который должен разгромить повстанцев, захватить и оккупировать планеты,

которые их поддерживают... в число которых входит и ваша родная планета, моя госпожа.

— И вы... тоже с Империей?

— Я — офицер Империи, ничего не поделаешь.

— Значит с Хьюгом... это правда. Он никогда не желал ничего другого, кроме добра... любой расе, повсюду. Если бы вы сами хорошенько поразмыслили, вы, я думаю, сами бы...

— Не рассчитывайте на это, моя госпожа. Но я выслушаю все, что вы пожелаете мне сообщить.

Она кивнула.

— Я расскажу о том, что знаю. Потом, когда я успокоюсь, вы сможете задать мне вопросы по своему усмотрению, чтобы увериться в том, что я говорю правду. Я думаю, что вы не станете ловить меня на словах.

— Обещаю.

Несмотря на всю ее печаль, Фландри чувствовал, как растет в ней возбуждение, как закипает в ней кровь.

«Клянусь всеми святыми, я на верном пути!»

Она тщательно подбирала слова, произносила их монотонно, но без всякого колебания. Лицо ее сделалось неподвижным, как маска.

— Хьюг никогда не планировал никакого предательства. Я бы знала об этом. Он посвятил меня во все секреты, чтобы мы с ним могли говорить о его работе. Иногда я сама подавала ему идеи. Мы оба с ума сходили от того, что вытворяла банда Снелунда. Поначалу цивилизованные миры, подобные Энею, страдали лишь от тяжелых налогов. Потом, мало помалу, начались штрафы, конфискации, политические репрессии... дальше — больше... А потом аппарат тайной полиции был узаконен. Но все это — ничто по сравнению с тем, что творилось на менее развитых планетах. У нас были связи, и мы сочли своим долгом сообщить обо всем на Землю, невзирая на то, что Снелунд — любимчик Императора. Но бедняги аборигены... — Хьюг начал борьбу. Для начала он получил выговор за то, что мешается в гражданские дела. Но жалобы его стали настолько серьезны, что начали постепенно просачиваться через бюрократические барьеры. Он начал получать ответы из Адмиралтейства с просьбой о более точной информации. Они приходили с почтой Флота: мы не могли больше доверять обычной почте. Мы провели этот год, собирая факты — показания очевидцев, фотографии, выписки из бухгалтерских книг, словом все, что могло подкрепить рапорт до такой степени, чтобы никто не смог от него отмахнуться. Мы собрались сами доставить его на Землю.

— Снелунд почуял неладное. Мы, конечно, принимали меры

предосторожности, но в вопросах конспирации мы были любителями, а вы даже представить себе не можете, как всепроникающи щупальца тайной полиции. Никогда не знаешь, с кем можно говорить открыто... Он написал официальное письмо, в котором предложил Хьюгу явиться для обсуждения планов укрепления защитной системы границ. У пограничных миров и вправду были большие затруднения, а Хьюг не из тех людей, которые могут бросить на произвол судьбы тех, кто нуждается в помощи. Я боялась подвоха, но так и не смогла отговорить его. В те последние дни мы все время держались вместе. Я заручилась поддержкой капитана Олифанта — старшего адъютанта Хьюга, одного из старейших друзей моей семьи. В случае предательства он должен был поднять тревогу.

— Мы остались во дворце. Так полагается принимать посетителей высокого ранга. На вторую ночь, когда мы уже собирались ложиться, нас арестовали. Меня отвели в личные аппартаменты Снелунда. То, что было потом — неважно. Через некоторое время я заметила, что он склонен преувеличивать свои возможности. Притворяться, будто я изменила свое мнение о нем, не было смысла. Напротив: ему нравилось видеть мои страдания. Но на этом и можно было сыграть, показывая, что страдаешь, только тогда, когда это нужно. И все же я не верила, что он совершит то, чем мне грозил. Он сказал, что я выйду оттуда полностью лишенная разума. Но надежда... Как я теперь рада, что цеплялась за эту призрачную надежду.

Она замолчала. Глаза ее были неестественно сухи. Она, казалось, не видела Фландри.

— Мне кажется, что место губернатора не было пределом амбиций Снелунда, — осторожно сказал Фландри. — Каковы его планы?

— Вернуться ко двору. Приблизиться к трону. И стать тенью Императора, управляющей всеми его действиями.

— Гм-м. Его Величеству известно об этом?

— Снелунд заявил, что они вдвоем составили план еще до его отъезда и теперь постоянно держат связь.

Фландри почувствовал боль — сигарета в его пальцах догорела. Он швырнул ее в диспозер и закурил новую.

— Я не верю, чтобы у нашего повелителя Джосипа были хотя бы три мозговые извилины, годные к действию, — пробормотал он. — Может быть, найдется пара спрямившихся. Но братишка Снелунд, конечно, заставляет нашего повелителя чувствовать себя великим мудрецом. Это тоже часть его хитроумного плана.

Звук его голоса вернул ее к действительности.

— Что вы сказали?

— Если бы вы на меня донесли, меня бы судили за оскорбление величества, — пояснил Фландри. — Но я почему-то думаю, что вы этого не сделаете.

— Нет, конечно! Ведь вы... — она осеклась.

«Я не намеревался вести ее к сияющим вершинам, — подумал он. — Но, кажется, создал именно такое впечатление, если она думает, что я могу присоединиться к восстанию ее мужа. Что ж, такое впечатление сделает ее более общительной, и послужит Цели, а на несколько дней — и более счастливой».

Он сказал:

— Часть плана мне ясна. Император хочет вернуть дорогого Аарона. Дорогой Аарон объясняет ему, что это требует грандиозных сумм, которые надлежит выколотить из сектора Альфа Круцис. Заручившись подобным объяснением, он может давать взятки, подтасовывать выборы, вести нечистую пропаганду, манипулировать людьми, может быть, даже держать на жалованьи кучу убийц... пока большая часть Полицейского управления на его стороне.

— Следовательно, многим влиятельным и облеченным властью людям шепнули словечко с трона. Жалобы на Снелунда должны замалчиваться, насколько это возможно, расследование их — затягиваться, а когда такое расследование все же начнется — ему воспрепятствуют всеми силами. Да-а. Я подозревал все это, исходя лишь из собственных данных. — Он нахмурился. — Но такие скандальные факты нельзя скрывать вечно. Многие покорятся Снелунду ради собственной карьеры, но лишь пока не поймут, к чему он клонит. Тогда они могут принять меры, хотя бы потому, что испугаются того, что он может с ними сделать когда наберет силу. Снелунд неглуп и это осложняет положение. Может быть, ни один крупный гражданский или военный деятель не способен его свалить, но не так-то легко справиться с целым роем мелких гражданских и военных чинов. Должно быть, у него есть план, как справиться и с ними. Что же он выдумал?

— Гражданскую войну, — ответила она.

— Что?! — Фландри выронил сигарету.

— Дожать их до такой степени, чтобы они подняли восстание, — хрипло сказала она. — И подавить его таким способом, чтобы не осталось никаких улик о прошлом. Он, конечно, желает победы этому Флоту, но не немедленной. Продолжительная кампания с карательными налетами на планеты высвободит тот хаос, который ему необходим. Но предположим, что ваш адмирал, — в чем я сомневаюсь, — сможет разбить Хьюга быстро. За этой победой все равно последовал бы «период усмирения», чем должны заниматься его наемни-

ки, и уж они бы получили точные инструкции, что и как делать.

— После этого он распустил бы их, а заодно и свои личные отряды. Он набирал их из подонков всех частей Империи, и они бы снова растеклись бы по всем щелям, рассосались бы чисто автоматически. Он обрек бы восставших на гибель, а себя провозгласил бы героическим спасателем границ. — Конечно, — вздохнула она, — он знает, что кое-какие концы не удастся спрятать в воду. Но он не считает их слишком важными, потому что рассчитывает сам обрубить большинство из них.

— Риск немалый, — пробормотал Фландри. — Но, великий Кришна, какой приз!

— Марсейанский кризис стал для него огромной удачей, — сказала Катрин Мак-Кормак. — Все внимание переместилось совсем в другую сторону, а большая часть Флота ушла отсюда. Он хотел убрать Хьюга с дороги, не только потому, что Хьюг был опасен для него, но еще и потому, что надеялся возмутить Эней и спровоцировать его на восстание. Для этого сектора Хьюг — фигура большая, чем просто командующий флотом. Он — верховный член Ллиона, что делает его главным человеком на планете, исключая резидента. По закону наш Кабинет имел право называть его лишь «экспертом-советником», но на самом деле он являлся Оратором во всех вопросах и возглавлял сопротивление Снелунду. А Эней, следуя традициям, задает тон всем здешним человеческим колониями и многим колониям негуманоидов. Ноздри ее вздрогнули. — Наконец, Снелунд просто боялся Хьюга!

Фландри растер каблуком упавший окурок. Потом он ответил:

— Боюсь, что Империя не позволит восстанию победить, насколько бы честны ни были намерения инсургентов.

— Но ведь правда станет всем известна! — запротестовала она.

— В самом лучшем случае ваше свидетельство будет учтено, — сказал он. — Вам пришлось пережить трудное время. Бесконечные инъекции наркотиков и воздействие на мозговые центры, не говоря уже об остальном, верно? — Он увидел, как она прикусила нижнюю губу. — Мне жаль, что приходится напоминать вам об этом, моя госпожа, но еще меньше мне хотелось бы вводить вас в заблуждение. Сам факт, что вы слышали, как губернатор рассуждает о своих планах, еще ничего не доказывает. Потрясение... паранойя... намеренное подсаживание фальшивых воспоминаний агентами тех, кто хочет дискредитировать губернатора — любой ловкий адвокат, любой подкупленный психиатр разобьет ваше свидетель-

ство в пух и прах. Вы можете потерпеть поражение даже в предварительном расследовании.

Она посмотрела на него так, будто он ее ударил.

— Неужели вы мне не верите?

— Я хочу вам верить, — ответил Фландри. — И среди прочих обстоятельств потому, что ваши свидетельства указывают, как и где искать факты, от которых не удастся так просто отмахнуться. Да, я пошлю капсулы с закодированным сообщением, распределив их по различным направлениям... из стратегических соображений.

— А сами вы домой не вернетесь?

— Зачем, если моему письменному сообщению поверят гораздо охотнее, чем вашему устному. Хотя и оно, надо сказать, не имеет большого веса. — Фландри помолчал. Ему хотелось, чтобы она ему поверила. — Видите ли, — проговорил он медленно, — голословные утверждения немного стоят. Нужны солидные доказательства. И целая их гора, если они направлены против императорского любимчика и большого человека, который поддерживает этого любимчика, собираясь сделать его еще влиятельнее. И... Снелунд совершенно прав: планета, против которой борются современными средствами быстро придет в такое состояние, что на ней улик не соберешь. Я думаю, что теперь пора навестить Эней.

— Что?!

— Мы попытаемся вступить в переговоры с вашим мужем, моя госпожа. Надеюсь, вы сможете склонить его к сотрудничеству. Тогда можно будет начать легальное преследование Аарона Снелунда.

6

«Звезда Виржил относится к типу F6. Она массивнее Солнца, менее яркая, с более высоким процентом ультрафиолета в своем излучении. Эней — четвертая из его планет. Он обращается по своей орбите за 1.73 стандартных года на среднем расстоянии в 1.50 астрономических единиц, а инсоляция составляет две трети земной. Диаметр его равен 10.700 километров, масса 0,45 земной, уровень гравитации на поверхности равен 0,635. Это помогает сохранению атмосферы, сравнимой с низшими уровнями комплекса Денвера и высшими — альтиплано Перуviano. (Следует помнить о том, что слабое притяжение означает соответственно малую плотность градиента плюс орогенические силы, недостаточные для поддержания высоких гор.) В течение веков молекулы воды поднимались в воздух и распадались под

влиянием энергетических квантов; водород уходил в космическое пространство, кислород тяготел к соединению с минералами. От океанов древности осталось лишь немногое, а пустыни сделались весьма обширными.

Основная причина колонизации была чисто научной: единственные в своем роде расы на соседней планете Дидо, которая сама по себе была не тем миром, в котором человек захотел бы поселить свою семью. Конечно, там жили всякие люди, но доминирующим был тип исследователя-интеллектуала. Потом наступил период Осложнений, и энейцам пришлось бороться за жизнь, полагаясь только на себя, поскольку долгие поколения они были отрезаны от внешнего мира. Они приспособились.

Возникшее в результате общество получилось более стойким и одаренным в сравнении с другими, и его граждане обладали такими качествами, как патриотизм и глубокое уважение к знаниям. После того, как цивилизация вернулась в район Альфа Круцис, Эней прочно утвердился в секторе, как неизменный лидер. По сей день Виржилский университет в Новом Риме собирает студентов и стипендиантов со стольких миров, что даже трудно себе это представить.

Империя неизбежно пришла к решению, что организация дел в этом критическом секторе требует положить конец энейской независимости. И конец этот был положен стараниями интриганов и «здравомыслящих» филистеров. Сотни лет копились обиды, хотя рядовые граждане соглашались с тем, что лучше поддерживать Империю во всем, и планета поставила много выдающихся людей на земную воинскую службу.

Военно-интеллектуальные традиции планеты продолжали развиваться. Каждый энеец учился обращаться с оружием, включая и женщин. Старые баронские семьи по-прежнему задавали тон. Возможно, для имперской книги пэров их титулы не имели большого значения, но зато они имели значение для их народа; он поддерживал свои цитадели и порядок на своих землях; он взращивал больше офицеров и профессоров, чем того требовала его статистическая квота. На Энее существовала традиция заключать браки независимо от социального положения будущих супругов. Жизнь верхних слоев энейского общества была в немалой степени подчинена строгим рамкам, хотя и их представители занимались спортом, имели свои праздники и так далее. Жизнь низших слоев была более непринужденной, но бытующие в них манеры выгодно отличались от тех, что можно было видеть в подобных слоях на Земле.»

Выше приведенное описание включает в себя много полезных фактов и опускает один, самый важный: для сотен тысяч гуманоидов Эней был родным домом.

Солнце почти село. Золотые лучи пролегли через Морское Дно Антонины, превратив его рощи и плантации в скопления голубовато-зеленых пятен и теней, огнем запылали на глади каналов, расцветив туман, что кольцом висел над соляными копями. Восточнее свет падал на утесы и скалы — там древний континентальный уступ Ллиона тянул к величественно-голубому небу многоцветную и выветренную громаду пурпурного, розового, желтого, коричневого и черного. Лавиния, луна планеты, казалась холодным маленьким рогом, увенчивающим всю эту массу.

И ветер тоже был холодным. Шум его смешивался с рокотом водопада, стуком копыт и звоном брони. Лошади скакали вдоль крутой тропы. Это были энейские лошади, косматые и мускулистые, и их аллюр, приспособленный к низкой гравитации, казался менее быстрым, чем был на самом деле. Хьюг Мак-Кормак скакал отдельно. Его сопровождали три сына — его дети от первой жены. По официальной версии они охотились на ваалхов, но ни одного не нашли и это их мало волновало. Истинная же цель этой прогулки состояла в том, чтобы просто вволю поскакать по этой земле, по их земле. Другого случая могло не представиться..

В небе показался ваалх. Крылья его тяжело рассекали воздух. Джон Мак-Кормак поднял ружье. Отец оглянулся на него.

— Не надо, — сказал он. — Пусть живет.

— Смерть прибережем для землян, так? — спросил Боб. В свои девять лет — шестнадцать стандартных — он был переполнен открытием того, что Вселенная не так проста, как его учили в школе.

«Он перерастет это, — подумал Мак-Кормак. — Он хороший мальчик. Они все хорошие, так же, как и их сестры. Да и какими еще могут быть, если их родила Рамона?»

— Я терпеть не могу убийства ради убийства, — сказал он. — Война — совсем другое дело.

— Ну, не знаю, — вставил Колин. Он был самым старшим. Поскольку ему предстояло быть следующим Первым, он, по семейным обычаям, не был отдан на службу. (Хьюг Мак-Кормак сделался наследником лишь тогда, когда его бездетный старший брат погиб в песчаной буре.) — Тебя не было здесь, отец, когда революция достигла Нового Рима. Но я видел толпу... простых честных граждан, как они выволакивали на улицу служащих политической полиции Снелунда, вязали их и забивали до смерти. И это казалось правильным. И сейчас еще кажется, когда вспоминаешь, что они натворили..

— И сам Снелунд отправился бы на тот свет, если бы я его поймал, — мрачно сказал Джон.

— Нет! — отрезал Мак-Кормак. — Ты не унизишься до его методов. Он будет убит так же открыто, как мы убиваем бешеных собак. Его сообщники предстанут перед судом.

— Если мы сможем переловить всех вшей, — сказал Боб.

Мак-Кормак подумал о безжалостных солнцах и мирах, среди которых прошла его жизнь, и сказал:

— Возможно, большей части удастся исчезнуть. Но что с того? У нас есть более важные дела, чем мщение.

Некоторое время они скакали молча. Тропа пересекала плато, похожее на степь, и впадала в мощеную дорогу, которая вела к Виндхому. Земля была жирной, влажной, и обильная растительность контрастировала с редкими кустами дварфа на изъеденных эрозией склонах. Трава покрывала землю почти таким же роскошным ковром, каким некогда было покрыто морское дно. Это была, главным образом, огненная трава, ее зазубренные листья были алыми по краям, но кое-где щетинилась трава-сабля и мягко покачивалась перистая трава. И вся она, по мере того как падала к ночи температура, закручивалась в спиральки, так что равнина казалась покрытой целым морем маленьким пружинок. Повсюду росли деревья — не только низкое местное железное дерево, но и вывезенные из других мест дубы, кедры, жасмин. Ветер перебирал их листья. Правее поднимался дым над фермерским коттеджем. Роботизированные латифундии не привились на Энее, и Мак-Кормак был рад этому: он всем своим существом чувствовал, что здоровому обществу необходимы крестьяне.

Колин пришпорил лошадь и подъехал к отцу. Его юное лицо с резкими чертами хранило печальное выражение.

— Отец... — он замолк.

— Продолжай, — ободрил его Мак-Кормак.

— Отец... ты думаешь... ты действительно считаешь, что мы можем победить?

— Я не знаю, — ответил Мак-Кормак. — Мы попытаемся, как следует мужчинам, вот и все.

— Но... сделать тебя Императором...

Мак-Кормак снова ощутил, как трудно ему договориться даже со своими близкими. С тех пор, как его доставили домой, у него не было ни минуты свободного времени — слишком много дел требовали его внимания. Этот день он буквально украл.

— Не подумай, что это нужно мне. Ты не был на Земле. А я был, и мне там не понравилось. Я никогда не чувствовал себя более счастливым, чем когда меня вернули в те места, которым я принадлежу.

«Имперский обычай, — пронеслось в его мозгу, —

перемещать тех, кто делает карьеру, перетасовывать их по разным районам, но в конце концов возвращать их, по мере возможности, в те секторы, откуда они родом. Теория: свои родные планеты они будут защищать более яростно, чем чужие миры. Практика: в случае революции большая часть персонала флота, равно как и гражданское население, обнаружит, что родные планеты значат для них больше, чем Земля, которую большинство из них никогда не видели. Проблема: если я одержу победу, успокоюсь ли я, как, несомненно, это сделает Джосип, если победят его адмиралы?»

— Но почему тогда? — спросил Колин.

— А что еще я могу сделать? — вопросом на вопрос ответил адмирал.

— Но... свобода...

— Нет. Империя еще не настолько прогнила, чтобы позволить разбить себя на части. И даже если бы это было так, я не позволил бы себе ничего подобного. Разве ты не понимаешь, что только единство стоит между цивилизацией... нашей цивилизацией и Долгой Ночью?

— Что же касается вооруженного протеста, то он, конечно, может стимулировать изменения в политике, но Империя не простит вожаков. Это обстоятельство приглашает всех недовольных начать стрельбу и предсказывает конец так же ясно, как и раскол. И кроме того, — Мак-Кормак с такой силой сжал поводья, что побелели костяшки пальцев. — Восстание, возможно, вернет мне Катрин, если на это вообще осталась какая-то надежда.

— Итак, твоя цель — сохранить Империю, но держать ее под контролем, — быстро проговорил Колин. Его желание отвлечь отца от мыслей о мачехе было столь очевидным, что у адмирала сжалось сердце. — Я — с тобой, ты это знаешь. Я совершенно искренне считаю, что ты дашь ей совершенно новую жизнь, что ты лучший император, который только был у нас со времен Исаму Великого, а может быть даже со времен самого Магуэля... и ради тебя я подведу к присяге даже свою жену и сына... если только это возможно. — Он махнул рукой в сторону неба. — Ведь Империя так огромна!

Виржил закатился, как будто повинуясь этому жесту Энейская атмосфера не обладала свечением, достойным того, чтобы о нем упоминать. Впереди засверкали Альфа и Бета Круцис, и почти в то же мгновение через небо перекинул свой мерцающий мост Млечный Путь. Вся равнина, что находилась справа, погрузилась в полную тьму, но Лавиния серебрила бывшее морское дно под находящимися слева скалами.

Мак-Кормак сказал:

— Революции нужен вождь, и выбор пал на меня. Обойдемся без ложной скромности. Я контролирую Кабинет главной части этого сектора. Я могу утверждать, что являюсь главным стратегом имперского Флота. Мои люди знают, что я принципиален в главных вопросах, принимаю близко к сердцу второстепенные и всегда стараюсь быть честным. Таким меня знают и сотни других планет, населенные гуманоидами и негуманоидами. Было бы только хуже, если бы я стал утверждать обратное.

— Но как... — голос Колина прервался. Лунный свет играл на его кожаной куртке и серебряном седле.

— Мы захватим контроль над этим сектором, — сказал Мак-Кормак. — Это в большой степени зависит от того, удастся ли нам одержать победу над силами Джосипа. Если удастся, то любое хоть сколько-нибудь значимое общество в радиусе десяти парсеков будет стоять за нас. А потом... Мне самому не нравится эта мысль, но я знаю где и как добиться союза с варварами. Я говорю не о нескольких дартианских кораблях, поддержкой которых мне уже удалось заручиться; нет, речь идет о настоящих диких воинах, живущих далеко от наших границ. Не беспокойся, я не позволю им грабить и не позволю обосноваться здесь, пусть они даже поклянутся, что не нарушат нашего союза. Они будут всего лишь наемниками.

Весь имперский флот никогда не сможет выступить против нас. У него слишком много других дел. Если мы сделаем все быстро и успешно, то будем в состоянии отбросить любые силы. А что будет дальше... этого я предсказать не могу. Надеюсь, что мы сможем хорошо управлять сектором. Надеюсь, что это придаст вес нашему посланию: конец коррупции и тирании, свежее начало под руководством новой династии, давным-давно назревшие реформы... Нам нужен только толчок, который стронет лавину. Тогда все орудия Империи не смогут нас остановить, потому что большая их часть будет на нашей стороне.

«Какая еще лавина? — мысленно усмехнулся он. — Где это на Энее снег, если не считать той пыльцы, что несет с собой полярный ветер?»

Они обогнули рощу и выехали к замку. Виндхом стоял на месте, которое когда-то было мысом, а теперь — просто скальным выступом. На стенах и в башнях сверкали желтые огоньки. Рядом бежала порожистая река Дикий Ров.

Но взгляд Мак-Кормака был устремлен вдаль, на плато Антонины, стелющееся далеко внизу, уходящее далеко к горизонту. Над ним зеленел последний луч заходящего солнца, а выше чистым белым светом горел Дидо — вечерняя звезда.

«Там Катрин работала ксенологом до того, как я ее встре-

тил, пять лет тому назад (нет, три энейских года; неужели я пробыл в Империи так долго, что забыл счет времени нашей планеты?), и мы полюбили друг друга и поженились.

Ты всегда хотела иметь собственных детей, Катрин, диуба, и я тоже, но всегда нам мешала моя служба; и однажды вечером...»

Он возблагодарил своего железного бога за то, что уже стемнело, и никто не видел слез у него на глазах. Он пустил лошадь в галоп. Дорога, прежде чем достичь ворот Виндхома пересекала возделанные поля. За ними, на лугу, расположился караван тинерантов. Транспорт их стоял поодаль, теряясь в темноте, а в свете, падающем из бойниц замка вырисовывались лишь силуэты палаток с трепещущими на них флагами Слышались приглушенные звуки шагов. Мужчины, женщины, дети, сидевшие вокруг костров, прекратили пение и танцы и приветствовали своего повелителя. Завтра эти бродяги откроют карнавал... а потом они понесут свое веселье дальше... хотя кулак Империи уже поднят над их головами.

«Не понимаю их», — подумал Мак-Кормак.

Копыта лошадей застучали по мощеному двору. Слуга поймал поводья лошади Мак-Кормака, и он соскочил на землю. Повсюду были воины. Вновь прибывшие люди Флота и воинский отряд семьи обменивались ревнивыми взглядами. Эдгар Олифант торопливо шел ему навстречу. Хотя Мак-Кормак властью императора повысил его до адмирала, тот не побеспокоился еще сменить капитанские звезды на погонах, добавив лишь повязку с лллианскими цветами на рукав кителя, тесно облегавшего его плотную фигуру.

— Со счастливым возвращением, сэр! — воскликнул он. — Я уже собирался послать отряд на розыски.

Мак-Кормак рассмеялся.

— Клянусь космическими далями! Неужели вы думали, что мы с мальчиками можем затеряться на собственной земле?

— Нет, сэр. Но, извините меня, это глупо — скакать куда-то одному, без эскорта.

Мак-Кормак пожал плечами.

— С эскортом я буду ездить позже, на Земле. А пока позвольте мне побыть в одиночестве. — Он ближе придвинулся к офицеру. — Вы хотите мне что-то сказать.

— Да, сэр. Два часа назад пришло сообщение. Не пройдет ли адмирал... э-э... Император со мной?

Мак-Кормак попытался придать своему взгляду, обращенному на сыновей, унылое выражение. В глубине же души он вовсе не жалел о том, что его разум направлен прочь от той орбиты, на которую он вышел... вновь вышел.

Прежнее величие кабинета Первого растворилось в груде новых предметов: телефонов, папок с расчетами, электронного оборудования и сканеров. Мак-Кормак опустился в кресло за заваленным бумагами письменным столом; по крайней мере хоть оно выглядело старым знакомым.

— Итак? — проговорил он.

Олифант закрыл дверь.

— Первое сообщение было подтверждено еще двумя разведчиками, — сказал он. — Имперская армада идет сюда. Будет здесь через три дня.

Не имело значения, имел ли он виду стандартный период или двадцатичасовые сутки Энея.

Мак-Кормак кивнул.

— Я не сомневался в достоверности первого сообщения, — сказал он. — Наш план остается прежним. Завтра в шесть по времени Нового Рима я поднимусь на борт моего флагмана. Через два часа наши войска выступят.

— Но вы уверены, сэр, что враги не займут Эней?

— Нет. Но я был бы удивлен, если бы они решились на это. Зачем? Ни меня, ни моей семьи здесь не будет, и я устроил так, чтобы нашим врагам стало об этом известно. А какую еще награду может дать им Эней до битвы? Тот, кто победит в космосе, сможет достаточно легко захватить и планету. А до тех пор к чему тратить силы, которые так нужны в другом месте? Если враг захватит планету, что ж... Но он отправится прочь из системы Виржила, как только обнаружит, что мы не собираемся ее защищать, а стремимся захватить настоящую добычу — Сатан.

— Но, тем не менее, ваши защитные кордоны... — сказал Олифант с сомнением в голосе.

— Вы имеете в виду защиту внепланетных баз, таких как Порт-Фридериксен? Там находятся лишь легкие суда, предназначенные, главным образом, для эвакуации.

— Нет, сэр. Я думаю о наших межпланетных патрулях. Что будут делать они?

— Они состоят из дартанских наемников. Их единственная цель — вводить противника в заблуждение, выигрывая время для нашего флота, — ответил Мак-Кормак. «Неужели я не объяснил ему все достаточно ясно раньше? Что еще я упустил с тех пор, как на меня обрушилась эта лавина? Нет, все в порядке, просто он был слишком занят административными делами внизу». — Несколько кораблей заняли позиции в ближнем пространстве. Их задача — атаковать любое судно Джосипа, которое им подвернется. То, конечно, будут разведчики, слабо защищенные, и победа будет легкой. Те, которым

удастся уцелеть, сообщат новость по назначению. Образ мыслей Пикенса хорошо мне знаком. Он будет убежден в том, что мы намерены вступить в битву на Виржиле, будет осторожничать и нипочем не догадается, что мы собираемся выйти к Бета-Круцис. — «Ах, старина Пикенс, ты всегда приходил с цветами для Катрин, когда мы приглашали тебя к обеду. Имею ли я право использовать против тебя знание твоих привычек? Ведь мы были друзьями?»

— Что ж, вы — Император, сэр. — Олифант указал на машины. — На сегодня еще много работы. Мы управляемся, но кое-какие детали требуют вашего внимания.

— Я займусь ими сразу же, еще до ужина, — сказал Мак-Кормак. — А вы будьте поблизости на случай, если мне понадобится ваш совет.

— Слушаюсь, сэр. — Олифант отдал честь и вышел.

Мак-Кормак занялся делами не сразу. Сперва он вышел на балкон, с которого открывался вид на скалу и богатые восточные земли внизу. Креуза, ближняя луна собиралась взойти. Глубоко втянув в легкие прохладный воздух, он ждал.

Спутник всплыл над горизонтом почти в полной своей фазе. Движение его было почти различимым. Двигаясь, он менял свою фазу. Погруженная в этот живой белый свет Антонина вернула себе, казалось, давно исчезнувшие воды. Как будто призрак волн закачался внизу, как будто прибой вновь забился о подножье виндхомского мыса.

«Ты часто говорила так, Катрин. Ты любила эти мгновения и считала их лучшими в нашем мире. Диуба, диуба, увидишь ли ты их когда-нибудь еще?».

7

Когда Виржил показался четким диском, «Азеноув» вынырнул из гипердрайва и начал набирать ускорение на гравзах. Каждый сенсор настроился на максимальную восприимчивость, но вокруг не было ничего, кроме бесконечного кипения космической энергии.

— По радио ничего не было? — спросил Фландри.

— Пока нет, сэр, — ответил голос Ровиана. Фландри выключил интерком.

— Мне самому нужно быть на мостике, — пробормотал он. — Что я делаю в своей... в вашей каюте?

— Оттачиваете разум, — ответила женщина со слабой улыбкой.

— Если бы! Почему на всех диапазонах полное молчание? Неужели вся система эвакуирована?

— Вряд ли. Но всем известно, что через пару дней придет враг. Хьюг просто гений в маскировке. Как и во многом другом.

Фландри внимательно посмотрел на нее. Слишком обеспокоенный, чтобы спокойно сидеть, но лишенный возможности ходить из-за тесноты, он стоял возле двери и барабанил по ней пальцами. Катрин Мак-Кормак казалось почти спокойной.

Почти все то время, что прошло от первого их разговора до этого времени, она спала. Это принесло большую пользу ее телу и, как он надеялся, хоть немного залечило душевные раны. Но для него это время оказалось нелегким. Решение броситься вперед флота и идти все время на квази-скорости, пытаясь доставить пленницу восставшему военачальнику, досталось ему непросто. У него не было никаких полномочий для таких переговоров. Его действия лишь с огромной натяжкой можно было рассматривать, как выполнение полученного им приказа: неизвестно еще, окажет ли присутствие жены хоть какое-то заметное действие на адмирала.

«Почему она позволила мне услышать любовь в ее голосе?» — подивился Фландри.

Вслух он сказал:

— Мой талант — в моей речистости. Но стрелы ее не попадут в цель, если этот маневр не принесет удачи.

Взгляд золотых глаз из-под челки цвета меда уперся в него.

— Вы не станете вынуждать Хьюга к уступке, — предупредила она. — Я ни о чем не стану его просить, как бы ни сложились обстоятельства. Его ведь расстреляют, не так ли?

Фландри вздрогнул. Пот выступил на его ладонях.

— Ну... прошение о помиловании...

Ему редко приходилось слышать столь мрачный смех.

— Вашей вежливости, командор, хватило бы на нас двоих. Может быть, я была колонисткой, может быть, я провела свою сознательную жизнь, изучая породу существ, связанную с человечеством едва ли больше, чем имиритяне ... но я изучила историю и политику, а положение жены адмирала Флота дало мне богатую возможность наблюдать и сравнивать. Империя не сможет простить Хьюга. — Тут ее голос дрогнул. — А я ... согласна, скорее, видеть мертвым, чем рабом с контролируемым разумом или пожизненным заключенным... такого сильного человека, как он.

Фландри достал сигарету, хотя собственное небо уже казалось ему сделанным из дубленой кожи.

— Идея, моя госпожа, состоит в том, что вы расскажете ему все, что узнали сами. Он, по крайней мере, бросит играть

в игру Снелунда. Он может отказаться от боевых действий около тех планет, которые сам Снелунд не прочь подвергнуть бомбардировке.

— Но без баз, без источников продовольствия ... — дыхание ее взволнованно участилось, и комбинезон, потревоженный этим движением, так ясно обрисовал формы ее тела, что Фландри не мог этого не заметить. — Что ж, поговорить мы, конечно, можем, — несчастным голосом заключила она. Восстановленные было силы покинули ее. Она протянула руку. — Командор... если бы вы позволили мне пойти...

Глядя в сторону, Фландри покачал головой.

— Мне очень жаль, моя госпожа. Против вас — серьезное обвинение, и вы не были оправданы. Единственный предлог, под которым я мог бы вас отпустить, это тот, что вы уговорите мужа сдаться, но вы сами сказали мне, что это невозможно. — Он втянул дым в легкие, и в голове его пронеслась мысль о том, что скоро ему нужно будет принимать противораковое средство. — Поймите, что Снелунду я вас не отдам. Я достигну восставших раньше, чем получу такой приказ. Вы отправитесь со мной на Землю. То, что вы сможете рассказать о «лечении», которому подверг вас Снелунд, и о его амбициях... что ж, это может причинить ему неприятности. Как минимум, ваш рассказ может вызвать к вам симпатию людей, достаточно могущественных, чтобы вас защитить.

Он снова посмотрел на нее и увидел, что ее лицо стало мертвенно-бледным. Взгляд ее застыл, на лбу выступили капли пота.

— Моя госпожа! — Отбросив в сторону сигарету, он склонился над ней. — В чем дело? — Он приложил руку к ее лбу. Лоб был холодным. Такими же были ее плечи и руки, когда Фландри коснулся их. Он еще ниже склонился над ней. — Моя госпожа...

Катрин Мак-Кормак шевельнулась.

— Стимулирующую таблетку... — прошептала она.

Фландри подумал, не вызвать ли ему корабельного врача, но решил, что не стоит, и подал ей таблетку и стакан с водой. Она глотнула. Когда он увидел, что тело ее вновь обрело прежние краски, а дыхание стало ровным, у него отлегло от сердца.

— Простите меня, — сказала она, и голос ее лишь едва возвышался над шумом корабельных машин. — Память — жестокая штука.

— Я сказал не то, что следует, — покаялся он.

— Вы не виноваты. — Взгляд ее был устремлен в пол. Он не мог не отметить, как длинны ее ресницы, выделяющиеся

даже на фоне бронзовой кожи. — Нравы землян отличны от наших. Для вас то, что со мной случилось — несчастье, мерзость, да, а для меня осквернение, от которого я никогда не смогу очиститься, причина, заставляющая меня сомневаться, захочу ли я когда-нибудь снова увидеть Хьюга... Может быть, вы поймете меня, если я расскажу вам, как он использовал наркотики и психотропные препараты. Раз за разом я погружалась в кошмар, когда я не могла думать, не была собой, не имела воли, не была ничем, только животным, делающим все, что он мне велел, лишь бы избежать боли...

«Мне не следовало бы это слушать, — подумал Фландри. — А она не стала бы говорить об этом, если бы самообладание полностью к ней вернулось. Но как я могу уйти?»

— Моя госпожа, — перебил он, — вы же сами сказали, что вы не были собой в такие мгновения. И вам не следует принимать это в расчет. Если ваш муж хотя бы наполовину такой, каким вы его рисуете, он все поймет.

Некоторое время она сидела неподвижно. Стимулятор слишком быстро сделал свое дело; очевидно химические препараты действовали на нее как-то по-особому. Наконец она подняла голову. Цвет ее лица сделался прежним, но тело, казалось, еще отдыхало. И она улыбалась.

— Вы и вправду страйдер, — сказала она.

— Э-э... теперь вы себя хорошо чувствуете?

— Во всяком случае, лучше. Мы можем поговорить о деле?

Фландри почувствовал глубокое облегчение. Ощутив слабость в коленях, он опустился на койку и принялся раскуривать новую сигарету.

— Да, я очень этого хочу, — сказал он. — В настоящий момент у нас общие интересы, и ваша информация может помочь нам успешно завершить дело, не обращаясь за помощью к матушке-Земле.

— Что вы хотите знать? Может быть, я не смогу ответить на одни ваши вопросы и откажусь ответить на другие.

— Согласен. Но давайте все-таки попробуем. Мы не нашли в этой системе никаких следов астронавигационной активности. Флот таких размеров, как флот Мак-Кормака, должен заявить о себе тем или иным способом. В крайнем случае, хотя бы излучением энергетических агрегатов. Что он сделал? Он мог бы приблизиться к солнцу, прячась за ним; он мог бы залечь в неподвижности на изрядном расстоянии отсюда — например, в половину светового года; или же он мог бы совсем покинуть систему Вмржила; или же... У вас есть какие-нибудь соображения?

— Нет.

— Вы в этом уверены?

Она бросила на него гордый взгляд.

— А что мне скрывать?

— Не нужно испепелять меня взглядом! Один эсминец — это еще не сила! Перефразируйте мой вопрос следующим образом: каким образом мы можем вступить с ним в контакт до начала битвы?

Она уступила.

— Я не знаю, и это — честный ответ, — сказала она, взглянув ему прямо в глаза. — Могу сказать вам только вот что: что бы Хьюг не планировал, все будет смелым и неожиданным.

— Превосходно, — проворчал Фландри. — Ну, а что насчет молчания в эфире?

— О, это, я думаю, легче объяснить. Мы не обладаем достаточным количеством станций с достаточной мощностью, с волнами нужной длины, чтобы наши передачи были различимы на достаточно большом расстоянии. А Виржил глушит их солнечными бурями. Главным образом, мы посылаем жесткие лучи через спутники. Радиофоны являются для нас обычным явлением — они нужны отдаленным деревням и усадьбам — но они, естественно, используют ту частоту, которую отражает ионосфера. Виржил дает Энею в высшей степени мощную ионосферу. Короче, мы можем обойтись и без больших станций и обходимся, чтобы вражеские навигаторы получили дополнительную проблему — неуверенность в своем положении относительно противника.

«Ты понимаешь даже этот принцип — никогда не оставлять врагу возможности свободного перемещения, никогда не упускать шанса осложнить ему жизнь, — с уважением подумал Фландри. — Мало кто из гражданских, включая и офицерских жен, понимают это».

— А как насчет межпланетной связи? — спросил он. — У вас в системе есть братские миры. Вы упоминали, что даже проводили на них исследования. Как вы думаете, эти базы эвакуированы?

— Нет. По крайней мере, не та главная, что находится на Дидо. Она некоторым образом сама себя обслуживает, и на ней слишком много различных приборов и записей, а кроме того, существуют еще связи с местным населением. — В ее голосе зазвучали гордые нотки: — Я знаю своих бывших коллег — вторжение не заставит их бежать.

— Но в случае надобности ваши люди могут установить связь с другой планетой?

— Да, вероятно. И они вполне могли это сделать еще и потому, что у Джосипа не может быть данных по всем мирам нашей системы. А то, чего нельзя найти, нельзя и разрушить.

— Они не решатся на такое, — запротестовал Фландри. — Разве возможно пойти на такое ради одной лишь злобы?

Она ответила ему с горечью в голосе:

— Откуда вам знать, что Его Величество приказал своему адмиралу?

Гудок вызова спас его от необходимости отвечать. Он нажал кнопку интеркома.

— Сообщение капитану с мостика, — послышался густой, чуть шипящий голос Ровиана. — На пределе досягаемости обнаружен корабль. Похоже он идет на пересечку.

— Сейчас буду, — ответил Фландри. — Вы слышали, моя госпожа?

Она кивнула. Он подумал, что она ясно видит его усилия сохранить внешнее спокойствие.

— Свяжитесь с третьей аварийной станцией, — сказал он. — Дозорные пусть облачатся в скафандры. Корабль привести в состояние боевой готовности. Когда мы столкнемся с этим типом, все должны быть в доспехах и с оружием наготове. Трое будут охранять вас. Они будут находиться примерно в середине коридора. Это — безопасное место, хотя и не следует обольщаться по его поводу. Скажете охраннику, что я велел, чтобы передатчик вашего шлема был напрямую связан с мостиком и командным пунктом. А сами оставайтесь в каюте и не во что не ввязывайтесь.

— Вы считаете, что нам грозит опасность? — спросила она.

— Я обязан предполагать худшее. — Он вышел.

На экране рубки Виржил выглядел удивительно большим. «Азеноув» вошел в систему на максимальной скорости, и ускорение буквально расплющило бы команду в лепешку, если бы не нейтрализующее поле. Это устройство препятствовало и проникновению радиации. Солнце пылало ясным светом, напоминая горящую корону.

Фландри опустился в командирское кресло. Ровиан сказал:

— Я думаю, что этот корабль шел по своему курсу с установленными на минимум генераторами, пока не нащупал нас. Если мы хотим встретиться с ним в районе Энея, — коготь черкнул по красноватой точке на экране, — то нам пора начинать торможение.

— М-м-м, не думаю, — Фландри потер подбородок. — Если бы я был на месте того шкипера, то меня бы не вдохновила перспектива встречи с вражеским кораблем возле моей

родной планеты, пусть даже этот корабль небольшой и хочет вступить в переговоры. Ибо все, что ему о нас известно, некому подтвердить, кроме наших же машин. — Ему не нужно было объяснять, какое разрушение можно причинить вначале атомным снарядом, который невозможно задержать, а потом — таранным ударом многотонного корабля, несущегося на скорости в сотни километров в секунду. — Когда важный город только один, смертнику есть из-за чего волноваться. Он может стать слишком импульсивным.

— Что же тогда ты намерен делать?

Фландри включил астрораму. Планеты-точки, орбиты-круги и стрелы векторов вызывали у него неприятное ощущение условности, зато все данные были максимально наглядны.

— Подумаем. Следующая планета — они называют ее Дидо — достаточно велика, но настолько важна, чтобы у нашего противника создалось двусмысленное впечатление о нашем к ней отношении. Кроме того — там научная база... а, на ней должно быть, люди с трезвым умом... Думаю, стоит занять позицию именно на орбите Дидо. Курс к третьей планете, Ровиан.

— Слушаюсь, сэр. — Распоряжения были отданы, вычисления сделаны, и двигатель, чья мощность была уменьшена, запел на низких нотах.

Фландри продиктовал радиограмму.

— Если необходимость в переговорах возникнет раньше, чем мы достигнем нужного нам места, прошу проинформировать. Мы будем держать приемник на стандартной волне, — закончил он и приказал слушать эфир.

Время не шло, а ползло.

— А что, если нам не позволят покинуть эту систему? — спросил Ровиан на эриау.

— У нас есть шанс, — ответил Фландри. — Риск, по-моему, не очень велик, учитывая то, какая гостья находится у нас на борту. Кроме того, я уверен, что наш друг Мак-Кормак по достоинству оценит тот факт, что мы забрали ее у этой свиньи Снелунда... Нет, пожалуй, не стоит оскорблять свиней.

— А чего ты, собственно, добиваешься?

— Бог знает, да и он не уверен, к какому разряду следует отнести мою информацию. Может быть, она — пшик. Может быть, откроется хоть ничтожная возможность смягчить конфликт, если не избежать его вовсе. Побудь на мостике десять минут, хорошо? Если я сейчас же не покурю, я взорвусь.

— А здесь ты покурить не можешь?

— Капитан корабля гуманоидов не имеет право на человеческие слабости. Мне прожужжали об этом все уши, когда

я был еще кадетом. Мне и без того придется объясняться с начальством, причем по более серьезным вопросам.

Ровиан издал звук, который можно было истолковать как смешок.

Шли часы. Виржил рос на экране. Наконец Ровиан сообщил:

— Последние данные о встреченном корабле указывают, что на нем поверили, будто мы направляемся к Дидо, и намерены прибыть туда одновременно с нами. Пока с кораблем не установлено никакой связи, хотя он уже должен принимать наши передачи.

— Странно. А что о самом корабле?

— Судя по нашим радарам, его тоннаж и мощность близки нашим, но это не военная модель.

— Эней, без сомнения мобилизовал все, что может летать, от ступ до метел. Вряд ли это судно решится на драку с кораблем, вроде нашего.

— Если только его напарник... — Ровиан имел в виду второе судно, появившееся на экране вскоре после того, как изменилось их положение по отношению к солнцу.

— Ты сказал мне, что это второе может прибыть на Дидо только после нас, если не уйдет в гипер; а я сомневаюсь, что его капитан настолько стремится к Дидо, чтобы пойти на это при такой гравитации. Нет, это, наверное, еще один разведчик, высланный на всякий случай.

Тем не менее, когда «Азеноув» приблизился к третьей планете, Фландри объявил состояние боевой готовности.

Планета громоздилась перед ним — большой крутящийся шар из снежных облаков. Ни одна луна не сопровождала ее в этом вращении. Региональная лоция описывала планету следующим образом: орбита умеренно-эксцентрическая, средняя величина радиуса-вектора равна одной астрономической единице; масса, диаметр и, следовательно, поверхностная гравитация лишь очень незначительно отличаются от земных; период вращения вокруг оси равен восьми часам сорока семи минутам, наклон оси к плоскости орбиты — тридцать восемь градусов; оксинитрогенная атмосфера горячее и плотнее, чем это требуется для людей, но пригодна для дыхания; d-аминный биохимический состав не вреден для человека, но и пользы ему не приносит — вот, в основном, и все. Миры слишком многочисленны, и информация о каждом должна быть лишь самой лапидарной.

Облачившись в защитный костюм, но оставаясь пока без шлема, Фландри вызвал по видеофону Катрин Мак-Кормак. В шлеме на экране, она напомнила ему изображения жен-

щин-воинов из старинных книг, которые ему приходилось читать.

— Итак? — спросила она.

— Я хотел бы связаться с вашей исследовательской базой, — сказал он, — но как, скажите на милость, я могу найти ее под этой накипью?

— Она может не ответить на ваш вызов.

— Но может и ответить. И вероятность этого увеличится, если ее обитатели узнают, что мне их известно их местонахождение. Этот корабль, что пасется рядом с нами, вынуждает ее к молчанию, а... В общем, если на базе сидят ваши старинные приятели, то они могут ответить вам.

Она подумала.

— Хорошо, я вам верю, Доминик Фландри. База, Порт-Фридериксен... — короткая слабая улыбка, — ее основал один из моих предшественников на западном краю Барка, как мы назвали самый большой континент. Тридцать четыре градуса пять минут восемнадцать секунд северной долготы. Думаю, вы сможете проверить эти данные по радару.

— Плюс термические, магнитные и тому подобные помехи. Спасибо. Готовьтесь к разговору через полчаса или час.

Взгляд ее был серьезным.

— Я скажу им правду.

— Этого хватит до тех пор, пока мы не найдем что-нибудь получше и подешевле. — Фландри отключился, но ему казалось, что он все еще видит на экране ее лицо. Он повернулся к Ровиану. — Займем приблизительно стоминутную орбиту до тех пор, пока не обнаружим базу, потом уже над ней передвинемся на синхронную орбиту.

Облаченный в броню хвост его помощника тревожно дернулся.

— Сэр, это означает, что корабль повстанцев найдет нас почти вне атмосферы.

— Полезно держаться выше планетного поля. Но разве ты не сообщал мне в своей последней информации о том, что скорость его слишком высока для того, чтобы он мог рассчитывать на какую-либо орбиту кроме гиперболической?

— Да, сэр, если только он не способен тормозить гораздо быстрее, чем мы.

— Его хозяин полон подозрений. Он, должно быть, хочет поторопиться, пока мы не начали швырять в него разные штуки. Это вполне естественно. Меня бы и самого нервировал вражеский эсминец, сиди я на грузовом корыте или что там у них. Видя, что мы настроены дружественно, он остановит-

ся... а к этому времени мы, если повезет, проделаем еще десять-пятнадцать тысяч километров и поговорим с учеными.

— Слушаюсь, сэр. Дает ли мне капитан разрешение установить все защитные экраны на полную мощность?

— Не раньше, чем мы свяжемся с Порт-Фридериксеном. У них должна быть целая куча приборов. Но во всем остальном — полная боевая готовность.

«Прав ли я? Если я ошибаюсь...» — ощущение ответственности, лежащей на нем одном, угнетало Фландри. Он пытался прогнать его, концентрируя внимание на предстоящих маневрах.

Вокруг Дидо «Азеноув» летел в режиме свободного падения — это был единственный возможный вариант. Шум и вибрация исчезли разом. Изображение планеты заполнило все экраны. Она ослепительно сверкала, когда корабль пролетал над той ее частью, где царил день, и была непроницаемо темной, когда путь корабля проходил мимо теневой ее стороны, кроме тех мест, где ощущалось мерцание заката и нежная дрожь едва занимающейся зари. Атмосферная буря сильно мешала поискам. Фландри вцепился в подлокотники кресла с такой силой, что кровь выступила у него под ногтями.

— Сейчас мы могли бы наблюдать второй корабль с помощью обычной оптики, если бы не планета между нами, — сказал Ровиан.

— Естественно, — отозвался Фландри. Тревожное состояние помощника передалось и ему.

Голос в интеркоме сказал:

— Похоже, мы ее обнаружили, сэр. Долгота верная, инфракрасные лучи указывают на континент на востоке и океан на западе, радар улавливает искусственные сооружения, мы можем даже уловить нейтронное излучение атомной установки. Хотя из-за проклятых помех ничего нельзя сказать наверняка. Проверим на следующем витке?

— Нет, — сказал Фландри, и обнаружил что голос его звучит гораздо громче, чем нужно. Он продолжал уже тише: — Замкните радар. Пока мы будем подниматься, пилоту придерживаться этой орбиты. Мы поднимемся параллельно ей и дальнейшее изучение будем вести оттуда. Теперь, когда наш актер перешел на немую роль, нам нужна стабильная орбита. Установи на максимум полевые экраны, Ровиан.

Когда старший офицер репетовал команду, в голосе его явственно звучало облегчение. Корабль снова ожил. Сложный комплекс гравитационных сил вывел его на кривую, что была ближе к кругу, чем к спирали. Влияние атмосферных штормов стало менее заметным.

— Дайте мне изображение чужого судна, как только это

будет возможно, — сказал Фландри. «Я бы чувствовал себя куда увереннее, если бы немного попялился на него». Он заставил себя откинуться на спинку кресла и ждать.

На экране появилось изображение. Человек вскрикнул. Ровиан зашипел.

Тонкий силуэт принадлежал кораблю, который никак не мог использоваться в мирных целях. Можно было с уверенностью сказать: к Империи он не имел отношения. Вооружение его было таким же мощным, как у «Азеноува», и так же составляло единое целое с корпусом. Задранный нос и выпущенные стабилизаторы, указывали на то, что он намерен проскочить атмосферу быстрее, чем земной корабль... как если бы он собирался грабить город...

«Варвары, — вспыхнуло в мозгу у Фландри. — Из какого-нибудь чертова края, с какой-то дикой планеты, где, может быть, сотню лет назад они еще только учились обращаться с железом, но кто-то посчитал полезным — в военных или коммерческих целях — обучить их космическим полетам, снабдить их машинами и нужными навыками... Не удивительно, что они нам не отвечали. Возможно, ни один из них не знает англика!»

— Белый свет, — рявкнул он. — «Сигнал мира. Может быть, они распознают хоть его. Хьюг Мак-Кормак не нанял бы их, если бы они не были хоть в каком-то контакте с его цивилизацией».

Приказ его немедленно выполнили.

Наемник выстрелил голубовато-белым энергетическим пучком. За ним последовали снаряды. Фландри услышал грохот возмущенного металла. Он с силой нажал на гашетку, и «Азеноув» немедленно ответил противнику. Это был ответ самого корабля. Человеческий мозг не способен осознать происшедшее за такой промежуток времени, и его реакция не могла быть столь мгновенной. Разрядились бластерные пушки, защитные устройства раскрылись, встречая снаряды. Секундой позже открылись каналы, выпускающие на свободу крупных птичек.

Взорвались атомные снаряды. Электромагнитные экраны могли воспрепятствовать ионному дождю, но не жару радиации и жестких лучей, не энергетическому шквалу и грубому удару торпед. Мегагравные силы могли замедлить их, но не остановить. Это должны были сделать интесепторы, если только могли.

У варваров было огромное преимущество: высокая скорость и оптимальная высота. Их корабль явно был лучше защищен.

Но недаром за плечами Ровиана были годы службы. Облако пламени окутало врага. Из одной части корабля вырвался сноп ярко-белых искр. То, что от него осталось, — скрюченное, сплю-

щенное, обугленное, полурасплавленное — кометой закружилось вокруг планеты, потом устремилось назад в космос.

Но и землянам досталось. Тактические эксперты подсчитали, что при таком обороте битвы, жизнь эсминца не может длиться более трех минут. Огненные лучи поразили жизненно важные центры «Азеноува». Ни один военный специалист не стал бы утверждать, что это полностью погубило корабль; но три взрыва были такими близкими, что их пламя ворвалось в коридор, бушуя, поджигая, круша машины, как фарфор, разрывая людей, как будто они были тряпичными куклами.

Фландри увидел, как подался мостик. Стальная пластина пилой прошла сквозь Ровиана. Хлынула кровь, но внезапное уменьшение гравитации разбило этот поток на отдельные красные частицы, быстро рассосавшиеся в воздухе. Окаменевший, оглушенный, чувствуя, что нос и рот его наполнены собственной кровью, Фландри успел все же закрыть лицевой экран и натянуть перчатки, о которых совершенно забыл, прежде чем последняя струя воздуха исчезла в отверстии.

Потом наступила тишина. Двигатели умолкли, эсминец достиг пика траектории и снова ринулся к планете.

8

На «Азеноуве» не осталось ни одной исправной шлюпки. Хотя корабль еще держался, основные системы вышли из строя, и времени на ремонт не было. Одна из четырех шлюпок оставляла, правда, слабую надежду. Хотя ее фузионный генератор не действовал, аккумуляторы могли снабжать энергией два двигательных конуса, которые казались исправными. Механизмы и приборы ее были целы. Можно было рассчитывать на аэродинамическую посадку. Все пилоты были или убиты или тяжело ранены, но Фландри доводилось водить боевые воздушные машины до того, как он перешел в «Интеллидженс».

Инженеры едва успели доложить обо всем этом — пора было покидать корабль; в атмосфере его ждал неминуемый конец. Борясь с удушьем, невесомостью и пустотой, выжившие с трудом пробрались в лодку. Если бы все они остались в скафандрах, места бы не хватило. Фландри установил нужное давление, пустив воздух из резервуара, и, как только все, пройдя через шлюз, расположились полукругом, включил приборы. Ему удалось найти место для трех скафандров, включая и его собственный, но тут он вспомнил, что не имеет права надевать его, если остальные люди окажутся незащи-

щенными. Однако, скафандры создавали хоть какую-то иллюзию безопасности.

Тех, кто пострадал сильнее, разместили в креслах с креплениями. Остальные сбились в проходе, и жизнь их теперь зависела от джи-поля. Фландри заметил, что Катрин тоже стоит среди них. Ему хотелось устроить ее в кресле второго пилота: цепи поля вполне могли сдать — им предстояло выдержать слишком большое напряжение. Но мичман Хэвлок обладал опытом в делах такого рода, и именно его помощь могла оказаться той крупицей, что перетянула бы чашу весов в пользу спасения.

Первое соприкосновение со стратосферой Дидо дрожью отозвалось в металле и в живой плоти. Фландри переключил лодку на свободный полет.

Остальное было невероятным: шлюпка словно метеор летела сквозь огонь, ужас, грохот, штормовой ветер, ночь, горы и провалы облаков, град, похожий на пули, безумные виражи и верчение мчащегося на нее горизонта, а все вокруг гудело и выло, и вибрация пронизывала тела до мозга костей, и сам черт выплясывал на приборной панели.

Фландри и Хэвлоку каким-то образом удавалось управлять шлюпкой. Они погасили, в основном, скорость, прежде чем добрались до той высоты, где высокая скорость могла бы стать фатальной. Они не запрыгали беспомощно в тропосферной части и не полетели кувырком, когда достигли нижних слоев атмосферы. Они избежали пиков, протянувших свои костлявые пальцы, чтобы схватить их, и чудовищного урагана, жестокость которого превосходила все бури, которые когда-либо знала Земля, а ведь он вполне мог бы закрутить их и швырнуть в море. Среди путаницы цифр и шкал, безумного метания рук над приборной панелью и ног над педалями, среди грохота, воя, жары, вибрации они все-таки сохраняли ориентацию.

Их желания были сосредоточены только на одном — достичь Порт-Фридериксена. Траектория спуска обвела их вокруг северного полушария. Определив на нем самый крупный континент, они изо всех сил прокладывали себе путь к нужной долготе и, оказавшись несколько западнее, начали планировать к ней.

Они могли бы точнее выйти к цели или, во всяком случае, оказаться ближе к ней, если бы их начальный вектор имел верное направление. Но автопилот сбился, когда «Азеноув» выбросило с орбиты. Теперь это обстоятельство усугублялось вращением планеты, которое вынудило шлюпку тратить энергию на ранней стадии торможения. К тому времени, когда она

достигла безопасной скорости, ее аккумуляторы были истощены. Перегруженная, она была лишена возможности баллистического маневра. Не оставалось ничего, кроме как использовать для посадки последние джоули.

Невозможно было использовать и хвостовые компенсаторы: люди, не защищенные скафандрами, в случае отказа джи-поля оказались бы раздавленными. Фландри выбрал большую проплешину, окруженную лесом. Между пригорками и поросшими осокой холмами блестела вода. Лучше уж болото, чем верхушки деревьев. Килевые тормоза засипели, перекрывая ворчание двигателя, шлюпка качнулась, встала на дыбы, задрожала и застыла под острым углом. Летающие существа тысячами поднялись в воздух, и все стихло.

Какое-то мгновение Фландри вообще ничего не соображал. Слабый ропот одобрения вывел его из оцепенения.

— В-в-все в порядке? — заикаясь спросил он. Пальцы его дрожали.

— Новых повреждений нет, сэр, — ответил чей-то голос.

— Может быть, и нет, — вмешался другой. — Вот только О'Брайен умер во время спуска.

Фландри закрыл глаза.

«Мой человек, — билось у него в мозгу. — Мои люди. Мой корабль. Сколько же нас осталось? Сейчас сосчитаю... Двадцать три с незначительными повреждениями, плюс Катрин и я. Семнадцать... шестнадцать — серьезно ранены. Остальные... Жизнь остальных была в моих руках!»

Хэвлок проговорил безо всякой интонации:

— Радио вышло из строя, сэр. Мы не можем позвать на помощь. Что предлагает капитан?

«Ровиан, та стальная полоса была предназначена мне, а не тебе. Оставшиеся жизни все еще в моих проклятых руках.»

Фландри заставил себя открыть глаза. В ушах стоял такой звон, что он с трудом различал собственный голос, и, как ему показалось, звучал он невыразительно.

— Долго поддерживать внутреннее поле мы не сможем: скоро потратим последние эрги. Давайте вынесем наших раненых, а потом уже начнем бороться с местным тяготением на наклонной палубе. — Он встал на ноги и посмотрел на людей. Никогда еще ему не приходилось видеть более суровых лиц. — Вы знаете эту планету. Можете ли вы дать нам какой-нибудь совет?

Катрин была скрыта от его взгляда теми, кто расположился ближе к нему. Низкий ее голос не дрожал, когда она ответила:

— Медленно уравновешивайте давление. Если мы находимся примерно на уровне моря, то воздух должен быть примерно в два раза плотнее земного. Вам известно, где мы находимся?

— Мы правили на энейскую базу.

— Если я не ошибаюсь, в этом полушарии сейчас должно быть раннее лето. Предположим, что мы недалеко от арктического пояса. Тогда день должен быть длиннее ночи, но ненамного. Однако, если принимать в расчет короткий период вращения, на яркий свет рассчитывать не приходится.

— Спасибо.

Фландри отдал необходимые распоряжения.

Сааведра, офицер связи, нашел инструменты, снял панель с радиоприемника и теперь изучал его.

— Может быть, мне удастся здесь кое-что подправить, тогда мы сможем сообщить на базу, — сказал он.

— Сколько вам понадобится времени? — спросил Фландри. Мускулы его вернули себе эластичность, голос — кое-какую ясность.

— Несколько часов, сэр. Я буду заниматься высокочастотным трансформатором с переменной связью, пока не окажусь на стандартной полосе частот.

— И может оказаться так, что слушать будет некому. А если они нас все-таки услышат, им придется проводить триангуляцию и... Да-а. — Фландри покачал головой. — Ждать мы не можем. Сюда идет другой корабль. Обнаружив то, что осталось от первого, он начнет охотиться за нами. И у них окажется великолепная возможность нас разыскать: облет планеты с металлическим детектором. Для такой примитивной планеты этого вполне достаточно. Я не хочу, чтобы мы задерживались у шлюпки — тогда на нас непременно сбросят бомбу.

— Что же нам делать, сэр? — спросил Хэвлок.

— Считает ли моя госпожа, что у нас есть возможность дойти до базы пешком? — спросил Фландри.

— Это зависит от того, где именно мы находимся, — ответила Катрин. — Топография, культуры аборигенов — все это на Дидо так же разнообразно, как и на большинстве других планет. У нас хватит еды?

— Думаю, что да. Такие шлюпки снабжаются значительным запасом провизии. Насколько я понимаю, здесь должно быть много пригодной для питья воды.

— Это так. Она дурно пахнет и пенится, но еще ни один дидонианский источник не вызвал болезни у гуманоида. Здешняя вода имеет несколько иной биохимический состав.

Когда шлюз был полностью открыт, воздух ворвался в шлюпку плотной струей. Запахи были странными и разными — то ароматные, то резкие, то гнилостные, то пряные, а некоторые вообще не поддавались определению. Люди тяжело дышали, лица их покрылись потом. Один из них принялся стаскивать с себя рубашку. Катрин накрыла его руку своей.

— Не стоит, — предупредила она. — Несмотря на облачность, количество ультрафиолета, достигающего земли, достаточно для ожога.

Фландри первым опустился по лесенке. Вес изменился ненамного. Он ощутил присутствие озона в болотных испарениях и подумал о том, что увеличенная порция кислорода может оказаться полезной. Его ботинки вязли в липкой жиже. Звуки жизни снова стали явственными: свист, бормотание, шорохи, щелканье крыльев. Теперь, когда его слух полностью восстановился, в плотном воздухе они казались ему особенно громкими. В зарослях сновали мелкие животные.

Эти заросли не были похожи на лес земного типа. Разнообразие пород было просто невероятным, от карликовых деревьев до стройных гигантов. Многие стволы были оплетены лозами и лианами. Такой же разнообразной была и листва. Никакой зелени — преобладали насыщенные коричневые и красные цвета, хотя среди них мелькали пурпурные и золотистые пятна; таких же цветов была трава, жестким ковром покрывавшая землю. Создавалось общее впечатление угрюмой пышности. Особо густых зарослей не было, но Фландри задумался о том, как придется прокладывать дорогу между этими деревьями. Он видел больше препятствий, чем ему хотелось бы.

Небо было жемчужно-серым. Низкие облака двигались по нему однообразной чередой. Неясно светящаяся полоса у горизонта обозначала Виржил. Фландри определил, что здесь едва наступило утро. Нужно было уходить до того, как поднимется солнце.

Он вдруг почувствовал облегчение. Работа предстояла тяжелая. И он был рад этому: она отвлечет его от мыслей о погибших людях и разбитом корабле.

У большинства раненых были переломы, некоторые были без сознания. Два человека получили серьезные ранения острыми кусками металла. Один был в глубоком обмороке и пульс у него едва прощупывался. А О'Брайен умер.

К счастью офицер-медик был на ногах. Дел у него было много. Выходя с руками, полными медикаментов, Фландри увидел, что Катрин помогает ему. Он удивился, что она еще здесь. Казалось, такая женщина должна была воспользоваться ситуацией и исчезнуть.

К тому времени, как последние припасы были выгружены, она закончила перевязывать раненых и помогала мужчинам копать могилу. Когда подошел Фландри, О'Брайен уже лежал в могиле. Вода пузырьками закипала вокруг него. Гроба у него не было. Катрин накрыла его имперским флагом.

— Будет капитан читать заупокойную службу? — спросила она.

Он посмотрел на нее. Она была так же измучена, как и он, но держалась прямо. Волосы ее намокли и повисли вдоль щек, но сохранили свою яркость даже в этом мире. На поясе ее комбинезона висели ножны, и он по очертаниям узнал в них мерсейанский боевой нож.

— Вы так хотите? — глуповато спросил он.

— Он не был врагом, — ответила она. — Он был из людей Хьюга и должен получить подобающие почести.

Она протянула ему молитвенник.

«Я? — подумал он. — Но я никогда не верил...»

Она наблюдала за ним. Все за ним наблюдали. Пальцы его оставляли пятна на страницах, когда он читал слова молитвы. Заморосил дождь.

Пока остальные закапывали могилу, Катрин коснулась рукава Фландри.

— Прошу вас уделить мне несколько минут, — сказала она. Они отошли в сторону. — Я осмотрела окрестности, — сказала она ему. — Изучила растительность, вскарабкалась на дерево, и увидела горы на западе... Если бы мы находились к востоку от Снежной стены, в это время года мы не встретили бы здесь так много птероподов. Так что гряда перед нами должна быть Маурисианом, так что, я примерно знаю, где мы находимся.

Его сердце на мгновение остановилось.

— А что насчет здешних земель?

— Я знаю их меньше, чем мне бы того хотелось. Я, в основном, работала в Геэтулии. Но первый свой сезон я провела именно в этом районе, хотя работа была скорее стажировочной, чем исследовательской. Главное вот в чем: у нас есть хорошие шансы найти Дидонис, где мы встретим людей, да и местная культура его достаточно высока; а если нам удастся набрести на общину, знающую один из наших языков, то я, вполне возможно, смогу поговорить с ними, и даже довольно свободно.

Черные ее брови сошлись у переносицы.

— Не стану скрывать, что было бы куда лучше, если бы мы сели западнее Маурисиана, и не только потому, что это сократило бы нам путь. Здесь можно встретить и дикие пле-

мена. Но, с другой стороны, мне, может быть, удастся договориться с ними насчет проводников.

— Хорошо. А вы не наметили для нас приемлемую дорогу?

— Конечно. Именно ее я, в основном, и искала. Нужно пройти лесом чуть меньше километра, а потом заросли станут пореже. Я нашла тропу, которая идет в нескольких метрах от болота примерно в том направлении, которое нам нужно.

— Хорошо, — сказал он. — Но как бы я хотел, чтобы мы с вами были на одной стороне...

— Мы и есть на одной стороне, — улыбнулась она. — Что вам остается делать, кроме как искать Порт-Фридериксен?

Память о поражении горечью отозвалась в нем.

— Пожалуй, больше ничего. Итак, грузимся и отправляемся. — Он повернулся на каблуках и отошел от нее, но чувствовал, что она смотрит ему вслед, и взгляд этот жег ему спину.

Люди тяжело нагрузились; кроме того, нужно было нести еще и раненых. Помимо еды, сменной одежды, посуды, оружия, аммуниции, пластиковых палаток и прочего, без чего нельзя обойтись, Фландри приказал захватить с собой три скафандра.

— Прошу прощения, но зачем они нам? — запротестовал было Хэвлок. — Конечно, в случае высылки разведчиков, импеллеры будут под рукой, но при здешней гравитации их хватит ненадолго, да и радиус действия будет никакой. И я не думаю, чтобы нам встретились такие существа, чтобы с ними пришлось сражаться в скафандрах.

— Быть может, нам придется их бросить, но я надеюсь нанять местных носильщиков. А часть пути мы можем их пронести сами.

— Сэр, с таким грузом люди будут буквально валиться с ног!

Фландри сурово посмотрел на молодого блондина.

— А вы предпочитаете валяться мертвым? — отрезал он. Фландри обежал взглядом усталых, грязных, понурых людей, за которых отвечал.

— В путь, — приказал он. — Помогите-ка мне, Хэвлок. Я не намерен нести меньше, чем остальные.

Вздох пронесся по шеренге, но люди повиновались.

Тропа оказалась настоящим благословением. Прутья и гравий, втиснутые в грязь дидонианами образовали достаточно твердую дорогу, ведущую через лес к холмам.

Мало-помалу наступили сумерки. Фландри велел продолжать путь, освещая дорогу фонарями. Он делал вид, что не

слышит замечаний, что вполголоса раздавались за спиной, но они причиняли ему боль. Потом наступила ночь, стало холодно, очень темно, и темнота эта была наполнена ворчанием и отдаленными криками. Люди, пошатываясь, продолжали свой путь.

Еще один час, похожий на кошмар, и Фландри разрешил привал. Тропу пересекал ручей. Высокие деревья окружали маленькую лужайку и создавали подобие крыши. Фландри включил фонарь, выхватив из тьмы листья и глаза людей.

— Вода и камуфляж, — сказал он. — Что скажите, моя госпожа?

— Хорошо, — отозвалась она.

— Видите ли, — попытался объяснить он, — нам нужно отдохнуть, а скоро наступит день. Я не хочу, чтобы нас заметили с воздуха.

Она не ответила.

«Я, потерявший корабль, и не стою ответа», — подумал он.

Люди освободились от своей ноши. Лишь немногие пожевали концентраты, прежде чем уснуть. Офицер-медик, Филип Капунан, сказал Фландри:

— Капитан, конечно, должен быть первым дозорным, но я буду занят еще час-другой — надо осмотреть раненых. Нужно поменять повязки, ввести свежие энзимы, сделать уколы антирада, дать анальгетики — обычный набор, так что помощи не потребуется. Вы вполне можете отдохнуть, сэр. Когда я кончу, то разбужу вас.

Фландри едва дослушал последние слова. Он мгновенно погрузился в сон. Последним его ощущением было то, что земляное покрытие — Катрин назвала его травой-ковром, несмотря на то, что оно больше напоминало красновато-коричневую губку, — превратилось в чуть сыроватый, но мягкий матрац.

Доктор разбудил его, как и обещал, и дал ему стимулирующую таблетку. Кофе был бы куда лучше, но он не осмелился развести огонь. Он прошел по поляне, нашел сухое место меж двух огромных корней, сел, прислонился к огромному стволу и расслабился. Дождь прекратился.

Рассвет на Дидо наступал бесшумно. Свет как будто вливался в теплый воздух капля за каплей, подобно бесплотному духу, неслышно крадущемуся меж спящих. Тишина была полной, если не считать журчания ручья и шороха капающей с листьев воды.

Послышались шаги. Фландри встал, наполовину вытащил из кобуры бластер. Увидев Катрин, он отпустил оружие и поклонился.

— Моя госпожа. Что... что вас так рано разбудило?

— Не могу спать. Слишком много мыслей. Не возражаете, если я посижу с вами?

— Как я могу возражать?

Они сели рядом. Он принял позу, которая позволяла ненавязчиво наблюдать за ней. Взгляд ее был устремлен вдаль. Усталость пеленой подернула ее глаза, белым налетом обметала губы.

Вдруг она повернулась к нему.

— Поговорите со мной, Доминик Фландри, — попросила она... Я все думаю о Хьюге... теперь я могу надеяться на встречу с ним... Но смею ли я с ним остаться? Не будет ли прошлое вечно тенью стоять между нами?

— Я же говорил, — «Целый космический цикл прошел с тех пор», — что если он упустит такую женщину, как вы, неважно, по какой причине, то он — просто идиот.

— Спасибо. — Она протянула руку и накрыла его ладонь своей. Он потом еще долго чувствовал это прикосновение. — Давайте будем друзьями? Такими, что называют друг друга просто по именам?

— Я был бы счастлив.

— По энейскому обычаю мы не будем разводить по этому поводу особых церемоний. — Улыбка ее была задумчивой. — Произнесем тост и... Но позже, Доминик, позже. — Она поколебалась. — В конце концов, для вас война окончена. Вы будете интернированы. Никакой тюрьмы, просто отдельная комната в Новом Риме. Я приду навестить вас, когда смогу, и приведу Хьюга, когда он будет свободен. Может быть, мы уговорим вас присоединиться к нам. Вот было бы здорово!

— Прежде нам следует достичь Порт-Фридериксена, — сказал он, не осмеливаясь на какое-нибудь менее банальное высказывание.

— Да, — она подалась вперед. — Давайте это обсудим. Я же сказала вам, что мне нужно с вами поговорить. Бедный Доминик, вы спасли меня от плена, потом от смерти, а теперь еще должны слушать мои жалобы. Давайте лучше говорить о насущном.

Он встретился со взглядом зеленых глаз, что смотрели на него с широкого сильного лица.

— Итак, — произнес он, — это весьма капризная планета, не так ли?

Она кивнула.

— Считается, что она начинала как венерианский тип, но потом столкнулась с гигантским астероидом. Волна, возникшая в результате этого удара, унесла с собой большую часть

атмосферы, но оставшейся части было вполне достаточно, чтобы продолжалась химическая эволюция, тоже не слишком похожая на земную — фотосинтез и так далее, хотя развившиеся в результате аминокислоты оказались поляризованными вправо, а не влево. Из-за этого же астероида возник сильный осевой наклон и, может быть, он же стал причиной такого быстрого вращения. Из-за этих факторов океаны не столь инертны, как этого можно ожидать на безлунной планете, а бури свирепы. Здесь высокая тектоническая активность, но это не удивительно, не так ли? Должно быть, поэтому мы не нашли здесь следов прошлых оледенений, зато нашли следы периодов аномальной жары и засух. Но, впрочем, наверняка никто ничего не знает. За время, в тысячу раз превышающее период человеческой жизни, мы проникли в тайны планеты всего лишь на пядь. Вот таков этот мир, Доминик.

— Понятно, — сказал он. — Но есть ли здесь территории, удобные для людей?

— Не так уж много. Слишком здесь жарко и сухо. Некоторые высокогорные и полярные районы лучше этого, а Порт-Фридериксен расположен в зоне ветров, зависящих от холодного течения. Тропики убили бы вас за несколько дней, если бы вы не смогли от них защититься. Нет, эта планета нужна нам не для того, чтобы на ней жить — только для исследований. Но она ведь и принадлежит ее аборигенам. — Тон ее вдруг сделался вызывающим. — Когда Хьюг станет Императором, он уж проследит за тем, чтобы всем аборигенам позволили развиваться своим путем.

— Если только станет. — Как будто кто-то чужой, забравшийся в мозг Фландри, заставил его произнести: — Зачем он обратился к варварам?

— Он не может успеть повсюду сам, и они нужны ему для охраны Виржила. — Она смотрела в сторону. — Я расспросила двоих ваших людей, которые видели корабль на экране, о том, как он выглядел. Судя по их описанию, это был дартианский корабль. Этот народ не враждебен нам.

— Пока им не представилась к этому возможность! Мы предложили им мир, а они все равно ударили.

— Они... что ж, дартиане часто действуют таким образом. Особенности их культуры мешают им поверить в то, что призыв к миру может быть искренним. Хьюгу пришлось взять всех, кого он мог — приходилось торопиться. Разве после всего, что было, у него были причины полагать, что кто-то захочет переговоров? Он же не бог и не может предусмотреть всего!

Фландри вздохнул.

— Думаю, что нет, моя госпожа.

Порыв ветра всколыхнул листву. Катрин немного помолчала, а потом мягко сказала:

— Знаете, а ведь вы еще ни разу не назвали меня по имени.

— Как я могу? — ответил он тусклым голосом. — Ведь из-за меня погибли люди.

— О, Доминик! — Слезы навернулись ей на глаза. Он и сам с трудом удержался от слез.

Они оказались друг подле друга. Она спрятала лицо у него на груди, он обвил рукой ее талию, а она левой рукой обняла его за шею, а правой гладила по волосам. Плечи его дрожали.

— Доминик, Доминик, — шептала она. — Я все понимаю. Я так хорошо тебя понимаю. Мой муж тоже офицер. Под его началом больше кораблей и больше жизней, чем ты можешь сосчитать. Сколько раз я видела, как он читал отчеты о потерях! Я честно тебе скажу: он приходил ко мне и запирал дверь, чтобы мы могли вместе поплакать. Он тоже делал ошибки, стоившие людям жизни. Какой командир их не делает? Но кто-то ведь должен командовать. Это — твой долг. Ты взвешиваешь факты, используя все свои знания, и решаешь; и пока ты действуешь, используя для этого все свои силы, ты не должен оглядываться назад. Не смеешь. Не имеешь права. Доминик, не мы создали эту жестокую вселенную. Мы лишь живем в ней, и должны пытаться и надеяться.

— Кто сказал, что ты допустил ошибку? Ты действовал совершенно правильно. Я не верю, чтобы какой-либо суд мог тебя осудить. Если Хьюг не мог предвидеть, что ты прилетишь со мной, как мог предвидеть ты?.. Доминик, выше голову, взбодрись.

Внезапно адское сияние заполнило восточный горизонт. Секундой позже воздух задрожал от рокота, а земля — от вибрации.

Люди повскакали с земли. Фландри и Катрин разомкнули руки.

— Что это?! — крикнул Сааведра.

— Это... — изо всех сил закричал Фландри, пытаясь перекрыть грохот, — это второй корабль варваров обнаружил нашу шлюпку.

Минутой позже они услышали нарастающий рев, который может издавать только корабль, идущий на высокой скорости. Он перешел в столь же ужасающий свист. Потом стих и он, и летающие существа вновь вернулись на ветви деревьев.

— Военное судно высокой оснащенности, — заключил Фландри. — Намеренно убило все живое в радиусе нескольких километров от места нахождения шлюпки. — Он сжал в кулаки вспотевшие руки. — До чего же я рад, что мы успели так далеко уйти!

Катрин взяла его руки в свои.

— Ты не один, Доминик, — сказала она. — Легче ли тебе от этого?

Нет, не легче. Но Катрин внушила ему достаточно смелости, чтобы подумать:

«Ладно. Мои метания ни к чему не приведут — мертвые останутся мертвыми. Моя задача — спасти живых... а потом, если только будет это «потом», как-то извернуться, чтобы мое начальство не судило меня слишком сурово. Моя совесть все равно осудит меня. Но, может быть, я научусь не обращать внимания на ее приговор. Имперский Офицер, научившийся такому, может принести немало пользы».

— Отдыхайте, друзья, — сказал он своим людям. — Следующие сутки проведем здесь, восстанавливая силы, а потом уж пойдем дальше.

9

Совершенно внезапно лес кончился и сменился ровным полем. Выйдя на него, Фландри увидел ряды кустов. Поле с одной стороны переходило в долину, над которой поднимался пар, а с трех сторон было обрамлено зарослями.

Фландри не сразу понял, что это поле — возделываемое.

— Стойте! — крикнул он. Его бластер птицей выпорхнул из кобуры.

Стадо носорогов? Нет... не совсем... нет, конечно. Заповедник лорда-советника Мулилеса Африканского находится за двадцать световых лет отсюда.

Полдюжины животных размером и строением очень напоминали носорогов, но их почти безволосая голубоватая кожа была скорее гладкой, чем морщинистой, а хвоста не было вообще. Но плечи каждого выступали в стороны, образуя настоящие платформы. Уши были большими и здорово походили на весла. На высоком лбу, выступавшем над парой птичьих глаз, покоился рог-нос, потом череп суживался, переходя в мордочку с очень мягким подвижным ртом. Но ощущение мягкости компенсировалось видом огромного острого лезвия и рядом зубов-пил в пасти.

— Подожди, Доминик! — Катрин поспешно подбежала к нему. — Не стреляй. Это ногас.

— Хм? — он опустил пистолет.

— Это наше слово. Люди не могут произносить слов дидонианского языка.

— Ты хочешь сказать, что они... — Фландри приходилось сталкиваться со странными языками, и все же каждому слову можно было подобрать хоть какой-то эквивалент. Какой смысл обладать разумом, если он не может приспособиться к окружению?

Подойдя поближе, он увидел, что существа вовсе не пасутся. Двое склонились в углу поля, выкорчевывая пни, в то время как третье катило аккуратное бревно к зданию, чья крыша возвышалась над холмом, а четвертое тащило примитивный деревянный плуг по корчевью. Пятое шло следом за четвертым и управляло плугом с помощью какой-то сбруи. Пара маленьких животных прыгала по плечам взрослых. Поле находилось поодаль, так что трудно было разглядеть отдельные детали сквозь дымку, зыбящуюся в воздухе. Шестое существо, находящееся ближе к Фландри, вырывало траву между кустиками.

— Идемте! — Катрин пошла вперед. Она шла легко, несмотря на свою ношу.

Последний их переход был трудным и долгим — они шли день и ночь, а на привале были слишком заняты, чтобы найти время для разговора. Однако оба они воспрянули духом, а Катрин так ожила, что, глядя на нее, Фландри забывал обо всем вокруг. Она становилась для него всем.

— Алло-о-о! — Она остановилась и помахала рукой.

Ногасы тоже остановились и покосились на нее. Их уши и носы дернулись и напряглись. Фландри снова вернулся в реальный мир. Звери могли напасть на нее.

— Деплой, — обратился он к тому из своих людей, который нес тяжелое оружие, — за мной! Остальные прикрывают нас. — Он подбежал к Катрин.

Захлопали крылья. Существо, которое раньше парило среди низких облаков, едва различимое с земли, опустилось возле шестого ногаса.

— Это крилло. — Катрин схватила Фландри за руку. — Жаль, что я не успела предупредить тебя заранее. Смотри, смотри. Это удивительно...

Ногасы были, по-видимому, более или менее млекопитающими, и обладали всеми полагающимися особенностями: пол легко было определить, так как женские особи имели вымя. Крилло походил на птицу... но так ли уж походил? Телом он был не больше крупного гуся, и весь был покрыт перьями, серовато-коричневыми в верхней части и светло-серыми в ниж-

ней, однако цвет их переходил в голубоватый на горле, на крыльях и на кончике длинного треугольного хвоста. Когти были сильными, приспособленными для того, чтобы хватать и держать. Очень длинная шея оканчивалась головой, выглядевшей так, будто она посажена на шею задом наперед. Лицо казалось состоящим, главным образом, из двух огромных топазовых глаз. А вместо клюва — лишь красный хрящ в форме трубки.

Крилло уселся на правое плечо ногаса. Из трубки показался липкий... язык? Фландри отметил, что на каждом боку ногаса, как раз под платформами, имеются узлы. Правый узел раскрылся, высвободив нечто вроде щупальцев по два метра каждое. Крилло вытянул свой язык так, что тот коснулся края усиков. Скрепленные таким образом, оба существа заковыляли к людям.

— Не хватает еще рукаса, — сказала Катрин. — Нет, подожди-ка. — Ногас, который шел за плугом, замычал. — Это зов. Собственный рукас хиша должен распрячь хиша, прежде чем этот хиш сможет подойти к нам.

— Но остальные... — Фландри указал на них. Четверо ногасов стояли все на тех же местах.

— Конечно, — согласилась Катрин. — Без других частей они просто животные. Они не могут ничего, кроме простой работы, которую они выполняют, пока не получат сигнал от целого... Ага. Вот так.

Новое животное появилось из-за кустов и заковыляло по бороздам. Оно меньше походило на обезьяну, чем ногас на носорога или крилло на птицу. Тем не менее, у землянина возникли именно такие ассоциации. Существо было бы с метр высотой, если бы держалось прямо, но казалось ниже. Для передвижения оно использовало все четыре конечности, короткие и кривые. Каждая заканчивалась тремя хорошо развитыми пальцами. Хвост его был приспособлен для хватания. Грудь, плечи и руки — огромных размеров, больше, чем у человека; кроме трех длинных пальцев на каждой руке имелось еще по отстоящему большому пальцу. Голова была массивной и круглой с шарообразными ушами и горящими коричневыми глазами. Подобно крилло, существо не имело ни носа, ни рта, просто трубку с ноздрями. Оно было покрыто шерстью, кроме тех мест, где находились уши, конечностей и горла — там виднелась голубая кожа. Оно... он было мужского пола. На нем был пояс с кисетом и железным ножом.

— Это дидонианин? — спросил Фландри.

— Рукас, — ответила Катрин. — Одна третья дидонианина.

Животное приблизилось к тому ногасу, что стоял ближе

к людям. Склонившись к его левому плечу, на котором сидел крилло, он с помощью собственного «языка» присоединился к оставшемуся свободным щупальцу.

— Ты же понимаешь, — торопливо проговорила Катрин, — что нам нужно было как-то их называть. На большей части дидонианских наречий существа имеют названия, приблизительно эквивалентные «ногам», «крыльям» и «рукам». Но если перевести все это на англик, получается путаница. Поэтому, поскольку энейский диалект включает некоторое количество русских слов, мы и использовали эти слова, назвав их «рукас», «ногас» и «крилло». — Тройное существо остановилось в нескольких метрах от них. — Оставь в покое свой пистолет. Хиш не причинит нам вреда.

Она направилась навстречу туземцу. Фландри, несколько сбитый с толку, последовал за ней. Симбиотическое содружество не было для него новостью. Самый удивительный его образец, который ему до сих пор приходилось видеть, представлял собой единение Тогру-Танакх-Кон на Ванрийне: гориллоподобное существо поставляло руки и силу; маленькое ракообразное — мозг и острое зрение, а третье было связующим звеном между двумя первыми, соединяя их нервные системы. Очевидно, эволюция на Дидоне шла похожим путем.

«Но ушла она гораздо дальше! — подумал Фландри. — Она довела этих существ до той грани, когда им не нужно даже есть, поскольку они могут питаться кровью большого существа. Господи, как это ужасно!»

Они с Катрин остановились возле автохтона. Густой, не лишенный приятности аромат, плыл в воздухе. Фландри никак не мог решить, в какую пару глаз ему смотреть.

Ногас заворчал. Крилло издал резкий звук через ноздри, которые, должно быть, обладали резонаторной полостью. Рукас надул свой горловой мешочек и выдал причудливый набор звуков.

Катрин внимательно слушала.

— Я не специалист в этом языке, — сказала она, — но в окрестностях Порт-Фридериксена говорят на похожем, так что я понимаю его достаточно хорошо. Имя этого хиша — Хозяин Песен, хотя слово «имя» в данном случае не совсем верно.

Она что-то произнесла в ответ. Фландри уловил несколько слов на англике, но понять фразу не мог.

«Наверное, дидониане слишком чужды, чтобы выучить человеческий язык, — подумал он. — Должно быть, ксенологи разработали свои жаргоны для каждой из лингвистических групп: шумы, в которые могут погружаться земные эпиглоты,

смешанные с семантическими моделями, которые могут понимать дидониане. Сколько же сил потребовала такая работа!»

Голос ответил ей.

«Неспособность человека говорить на дидонианском языке зависит не только от иного устройства бронхов и рта, — понял Фландри. — Хороший певец справился бы с этими звуками. Нет, главное в том, что их язык контрапунктен по своей структуре».

— Этот хиш не знает жаргона, — сказала ему Катрин. — Но его знает Открыватель Пещер. Они соберут его для нас.

— Хиш?

Она хмыкнула.

— Какое название может быть верным в подобной ситуации? Некоторые культуры настаивают на особом разграничении полов в данном единстве. Но, как правило, пол не имеет большого значения в подобной комбинации, и они создают их в таком сочетании, которое удобнее в настоящий момент. Поэтому, мы называем единство «хишем», независимо от того, из каких существ оно составлено, и не пытаемся толковать этот мир по своему образу.

Крилло отсоединился и поднялся в воздух. Рукас с ногасом остались скрепленными. Но они выглядели так, будто потух внутренний свет, наполнявший их прежде. Некоторое время они смотрели на людей, потом рукас принялся почесываться, а ногас вырывать траву.

— Для мышления нужны все трое, — заключил Фландри.

Катрин кивнула.

— Верно. Рукас обладает наиболее развитым разумом. Но один он подобен шимпанзе. Понятно это тебе, высокоинтеллектуальный землянин? А ногас сам по себе просто глуп. Собранные же втроем, они способны мыслить не хуже, чем любой из нас. Может быть, даже лучше, если только тут возможно сравнение. Мы все еще пытаемся найти между нами и ими что-нибудь общее. — Она нахмурилась. — Пусть твои мальчики уберут оружие. Мы — в гостях у доброго народа.

Фландри отдал приказ, но оставил своих людей на тех местах, где они находились. Прикрытие было необходимо на случай, если что-нибудь пойдет не так. Кроме того, нельзя было забывать и о раненых на носилках.

Следующий партнер освободился... нет, освободилась от плуга. Задрожала земля, когда ногас хиша бросилась в галоп. Должно быть крилло и рукас присоединились к ней крепко! Когда этот хиш приблизился к людям, Катрин обратилась к дидонианину на том же языке, но тоже безрезультатно, хотя и получила ответ. Она перевела его так: встреться с Умею-

щим Возделывать Землю, он знает о вашей расе, пусть даже ни один из хишей не научился вашему наречию.

Фландри потер подбородок. Фермент, замедляющий рост волос на подбородке все еще действовал, но его огорчало то, что эффект распространялся и на усы.

— Насколько я понимаю, — сказал он, — эти инди... эти существа соединяются в... э-э... единство в зависимости от того, какой состав является оптимальным для предстоящего дела?

— Да. Так обстоит дело у большинства культур, которые мы изучили. Упомянутое единство является, очевидно, тем, что подразумевает его имя — умелым фермером. В других комбинациях соединения хишей могут быть выдающимися охотниками, мастеровыми, музыкантами — кем угодно. Вот почему нет потребности в большом населении — не нужна специализация в пределах одной группы.

— Ты сказала «группы»?

— Мне это слово кажется более точным, чем «община».

— Но каким образом каждому известно, что умеет другой?

— Видишь ли, процесс запоминания нашей расы кажется легким, но он несовершенен: для того, чтобы информация не затерялась, нужно освежать ее в памяти, и искусство это приобретается практикой. Клетки памяти сохраняют информацию до тех пор, пока живо умение ее поддерживать. А у дидониан ногасы сохраняют знания по ботанике, потому, что имеют дело с землей; рукасы, действительно имеющие руки, помнят ремесла; крилло хранят знания по метеорологии и географии. На самом деле все еще сложнее: каждый вид хранит информацию каждого рода... особенно ту, что касается языка. Но ты, я думаю, и так это понял.

— Но все равно...

— Позволь мне продолжить, Доминик. — Катрин пылала таким энтузиазмом, какого Фландри никогда не наблюдал ни у одной женщины. — Вопрос культуры. Дидонианские культуры столь же разнообразны, сколь были когда-то земные. Результатом этого является то, что единства узнают друг от друга меньше, чем могли бы, из-за отсутствия концентрации внимания; эмоциональные и интеллектуальные контакты редки; сами группы находятся на первобытном уровне развития. Некоторые культуры в высшей степени ограничены в вопросах связей. Скажем, их составляющие должны принадлежать одному единству до тех пор, пока смерть не нарушит его, если не считать неохотно заключаемых временных единств с целью получения каких-нибудь сведений. Эти культуры тяго-

теют к более высокой ступени развития, которая, впрочем, нисколько не выше уровня каменного века, и совершенно истощены в эстетическом смысле. И во всех случаях дидониане не осознают полностью своих потенциальных возможностей.

— Понятно, — протянул Фландри. — Повесы против пуритан.

Она мигнула, потом усмехнулась.

— Это как тебе угодно. Во всяком случае, большая часть культур, подобно этой, поступает в данном вопросе оптимально. Их единства являют собой настоящие индивидуальности. Они очень подвижны в своих составляющих, зато каждое обладает максимумом талантов в своей специальности. Кроме того, менее развитые партнерства более скромны в своих потребностях. — Она посмотрела в небо. — Думаю, скоро для нас создадут Открывателя Пещер, — сказала она.

Двое крилло направлялись вниз. Очевидно, один принадлежал Хозяину Песен, а другой — Открывателю Пещер, хотя Фландри не мог отличить одного от другого. Вероятно, ногас и рукас были общими и для Хозяина Песен, и для Открывателя Пещер.

Еще несколько крилло появились над деревьями, новые рукасы появились то ли из леса, то ли из дома.

«Через некоторое время нам предстоит присутствовать на настоящем собрании», — подумал Фландри.

Он перенес внимание на Катрин и вновь созданного Открывателя Пещер. Между ними начался диалог. Первое время разговор шел с перебоями, поскольку оба собеседника несколько лет не практиковались в жаргоне и он отличался от того, на котором говорили в окрестностях Порт-Фридериксена. Но через некоторое время беседа оживилась.

Остальная часть группы, приблизившись, наблюдала и слушала, обмениваясь замечаниями. Здесь были все, кроме тех, кто, как Фландри узнал позже, были заняты охотой или сбором растений. Рукас подошел поближе, таща на плече толстую «пуповину» ногаса. Синие пальцы ощупали одежду человека и попытались расстегнуть кобуру бластера. Фландри не хотелось позволять этого, хотя оружие было на предохранителе, но Катрин могла не одобрить отказ. Сняв свой рюкзак, он разложил его содержимое на земле. Это дало занятие рукасам сразу из нескольких единств. Увидев, что они не крадут и не портят вещи, Фландри сел и предоставил своим мыслям возможность блуждать, пока они не наткнулись на Катрин. Там они и остались.

Прошел час-другой, короткий день уже клонился к закату, когда она позвала его движением руки.

— Они рады встрече с нами и готовы оказать нам гостеприимство, — сказала она, — но вряд ли они смогут провести нас через горы. Тамошние жители очень опасны. Кроме того, в это время года много работы в лесу и в поле. В то же время, общине наверняка понравится плата, которую я предложила: огнестрельное оружие и стальные инструменты. Они создадут того, кого называют Много Мыслей, и он обдумает вопрос. А нам пока предлагают остаться здесь.

Лейтенант Капунан был особенно доволен этим обстоятельством: те лекарства, которые были в его распоряжении, не давали состоянию его пациентов ухудшиться, но напряжение, вызванное путешествием, не способствовало выздоровлению. Если бы он мог остаться здесь с ранеными, когда остальные пойдут за помощью, Фландри бы это вполне устроило. Сам по себе переход мог стать причиной возникновения трудностей, но в таком случае их было бы меньше.

Люди направились к дому. Все чувствовали себя карликами среди громыхающих огромных существ. Все, кроме Катрин; она все время смялась и болтала.

— Для меня все это что-то вроде дома, — сказала она своим спутникам. — Я стала уже забывать, до чего увлекательно было работать на Дидоне, и как я любила эту работу.

«В тебе настоящий талант к любви», — подумал Фландри. Эта мысль сделала бы его предприимчивее в отношении любой другой девушки; но эта вызывала в нем небывалую робость.

Поднявшись на гряду, они увидели дальний склон. Он опускался, потом снова поднимался, образуя природное укрытие. Искусственные каналы, отходящие от реки, должны были препятствовать наводнению. В отдалении возносился к облакам утес. Оттуда доносилось ворчание водопада. Катрин указала туда рукой.

— Они называют этот район Громовым Камнем, — сказала она. — Названия мест у них гораздо точнее, чем имена единств.

Участок состоял из бревенчатых зданий с торфяными крышами и примитивного загона. Двор был крытым — для защиты от частых и сильных дождей. Большинство сооружений было сараями или яслями. Их занимал молодняк всех трех видов вкупе с четырьмя взрослыми каждого вида. Взрослые образовывали пары в различных комбинациях. Третьим в каждую из них становился подросток. Оставшийся незанятым молодняк расхаживал вокруг, дремал или ел. Маленькие ногасы питались молоком — из взрослых две особи женского пола были кормящими.

— Что это, школа? — спросил Фландри.

— Можно сказать и так, —ответила Катрин. — Первоначальные стадии обучения и развития. Они слишком важные, мы не должны их прерывать. Впрочем, этим частичным единствам все равно. По мере того, как дети растут, среди них появляются более юные партнеры. Но в конце концов они займут в уже установившихся единствах места умерших особей.

— Ого! «Если бы молодость знала, если бы старость могла». Похоже, дидониане разрешили эту проблему.

— И некоторым образом одержали победу над смертью. Потому что поколение за поколением личности как бы вливаются друг в друга, не теряя ранее приобретенного. Преемственность... Теперь тебе понятно, почему мы так интересуемся ими?

— Конечно. Я не обладаю темпераментом настоящего ученого, но вы заставили меня пожалеть об этом.

Она внимательно изучала его.

— Знаешь, Доминик, а ты на свой лад больше философ, чем большинство из тех, кого я знала.

«У меня прекрасная команда», — подумал он. — «Мои люди достойны и хорошего отношения, и хорошего командира, но бывают моменты, когда я с радостью оказался бы за десять парсеков от их больших ушей».

Двери и окна дома были открыты, и внутри было светлее и прохладнее, чем можно было ожидать. Пол был глиняный, и по нему были рассыпаны свежие прутья. Крышу поддерживали столбы и балки, украшенные фантастической резьбой. Стены были завешаны шкурами, примитивно выделанными коврами, инструментами, оружием и предметами, которые, как догадалась Катрин, были священными реликвиями. Вдоль них располагались стойла для ногасов, насесты для крилло, скамьи для рукасов. Выше были укреплены факелы, их зажигали с наступлением темноты. В очаге пылал огонь; кожаные колпаки, натянутые на деревянный каркас, помогали вытягивать дым в вентиляционные отверстия. Младенцы все трех пород, слишком маленькие для обучения, ковыляли повсюду, как ручные животные, каковыми, собственно, и были. Старые или больные особи, которые не могли работать, спокойно ждали в центре дома. Он представлял собой огромную комнату. Уединение было явно неведомо дидонианам. Но сколько же их понятий навсегда останутся за пределами человеческой психики?

Фландри указал на шкуру.

— Если они травоядны — я имею в виду тех крупных ребят — то для чего же они охотятся?

— Из-за тех продуктов, которые дают животные, — ответила Катрин. — Кожа, кости, жир, сухожилия... Ш-ш-ш!

Процессия приблизилась к насесту, на котором сидел старый крилло. Хромой, с покалеченным крылом, он все же напоминал Фландри орла. Каждый ногас наклонял перед ним свой рог. Летающее существо, что составляло Открывателя Пещер, поднялось вверх и опустилось на свой насест. Ногас протянул свои щупальца. Старик совершил соединение. Его глаза обратились в сторону людей и засияли ярким светом.

— Много Мыслей, — прошептала Катрин. — Их мудрейший. Хишу понадобится несколько минут на то, чтобы воспринять сообщение этого существа.

— Принадлежат ли партнеры этой птицы всем выдающимся членам группы?

— Ш-ш-ш, не так громко. Я не знаю местных обычаев, но здесь, кажется, Много Мыслей пользуется особым уважением... Ты имеешь в виду, что особи с лучшей генетической наследственностью должны входить в состав лучших единств, не так ли? Насколько я понимаю, Открыватель Пещер — исследователь и путешественник. Этот хиш первым встретился с людьми, разыскав ксенологический лагерь, находящийся в двухстах километрах отсюда. Много Мыслей получает смелость и силу от тех же ногаса и рукаса, но путешествия этого хиша совершаются мысленно... Ага, кажется, хиш уже готов. Мне придется повторить все, что я уже говорила — полученная ранее информация ушла вместе с первым крилло.

Разговор затянулся до ночи. Факелы были зажжены, огонь в очаге пылал, в каменных горшках готовилась еда. Ногасы, хотя и могли питаться сырыми овощами, предпочитали более густую и вкусную еду, когда могли ее получить. Из леса вернулись другие дидониане. Они освещали себе путь фосфоресцирующими губками. Каждый нес корзину со съедобными кореньями. Без сомнения эти охотники и фуражиры отсутствовали несколько дней. Дом наполнился гудением, пением, кашляющими звуками. Фландри и его спутникам стоило немалых трудов оградить раненых от назойливого любопытства хозяев так, чтобы не обидеть их при этом.

Наконец Катрин, сделав последний жест, выражающий почтение, так хорошо, как только смогла, подошла к своим спутникам. В отблесках красноватого света ее глаза и локоны ярко сверкали.

— Мне нелегко было его убедить, — возбужденно проговорила она, — но все же удалось. У нас будет эскорт — очень

небольшой, но все же эскорт — проводники и носильщики. Думаю, часа через сорок четыре мы сможем двинуться в путь... к дому!

— К вашему дому, — проворчал один из людей.

— Попридержите язык! — велел ему Фландри.

10

Давным-давно неподалеку от Беты Круцис прошла планета-бродяга. Блуждающие миры не являются чем-то необычным, но встреча одного из них со звездой — явление очень редкое даже для необъятной вселенной. Повращавшись некоторое время вокруг Беты Круцис, планета ушла на гиперболическую орбиту. Мир, размером приблизительно с Землю, был окружен оболочкой из горячих газов и паров. Потом, по мере отдачи внутреннего жара, атмосфера охладилась. Огромное голубое солнце вновь растопило океан, и вскипятило воздух, вернув его в газообразное состояние. На несколько лет на планете воцарилась ужасающая жара.

Межзвездный холод неизбежно должен был вновь овладеть планетой, так что случившееся не оставило бы на ней никаких следов. Но по воле случая инцидент этот совпал с давними отчаянными временами Политехнической Лиги, и кое-кто увидел в беглянке несметное сокровище. Доведенный до высшей ступени развития изотопный синтез, что так необходим пожирающим звезды цивилизациям, был самым слабым звеном промышленности. В качестве охлаждающей среды нужны были целые моря и океаны, в качестве свалки для радиоактивных отбросов — континенты. Каждый из известных безжизненных миров был или слишком холодным или слишком жарким, или же обладал еще каким-нибудь недостатком. И вот появился Сатан, теплый до той идеальной температуры, которую могла бы поддерживать жара ядерного производства. Едва ослабли штормы и землетрясения, как на планету хлынули предприниматели. Периоды беспорядков, частного владения, государственного владения, скачки потребления энергии и пропускная способность космопортов — все это оказывало на Сатан такое же влияние, как и на любую другую планету. На некоторое время планета была забыта. Но на ней, собственно, никто по-настоящему и не жил. Ни одно живой существо не могло вынести отравленного воздуха и радиоактивной почвы, если только речь не шла о коротком пребывании на планете при самой мощной защите. Роботы,

компьютеры и различные приборы — вот кто были ее настоящими жителями. Они продолжали работу, пока цивилизация дробилась на части, боролась и каким-то образом восстанавливалась. Когда имперская аристократия послала, наконец, на планету самоуправляемый фрахтер, тот принял на борт полный груз.

Защита Сатана стала главной причиной колонизации сектора Альфа Круцис и назначения туда сильного гарнизона.

Диск ее темным сердцем повис среди звезд на видеоэкране командной рубки Хьюга Мак-Кормака. Изображение планеты казалось несколько размытым из-за окружавшей ее дрожащей газовой оболочки, сквозь которую неясно виднелись светлые облака и океаны и темные континенты. Зрелище было скорбным, особенно если наблюдатель вызывал в воображении поверхность планеты — обглоданные, как кости, горы, долины в глубоких трещинах, голые каменные равнины, холодные застывшие моря — и все это погружено во тьму, прорезаемую лишь светом случайного прожектора или дьявольским голубым бликом флюоресценции, объято тишиной, нарушаемой лишь умирающим вздохом ветра или плеском навсегда стерилизованных вод, не посещаемо никем, кроме бездушных, безразличных роботов и машин.

Но для Хьюга Мак-Кормака Сатан означал победу.

Он отвел взгляд от планеты и устремил его в противоположном направлении, в открытый космос. Там, где сверкали созвездия, сейчас умирали люди.

— Мне следовало бы быть там, — сказал он, — я должен был настоять на своем.

— Вы ничего бы не смогли изменить, сэр, — сказал ему Эдгар Олифант. — Когда тактика разработана, игра идет сама по себе. И там вас могли бы убить.

— И было бы лучше. — Мак-Кормак хрустнул пальцами. — Мы болтаемся тут на безопасной орбите, а там идет битва — битва за то, чтобы сделать *меня* Императором!

— Но вы еще и Верховный адмирал, сэр. — Пока Олифант говорил, сигара в его зубах дергалась, и с нее падал пепел. — Когда начнут поступать данные, вы должны будете принять срочное решение, если возникнут непредвиденные обстоятельства.

— Знаю, знаю!

Мак-Кормак расхаживал взад-вперед по балкону. Внизу тянулись ряды компьютеров, люди сидели за столами или стояли у консолей, неслышно входили и выходили посыльные. Никто, начиная с него самого, уже не заботился о том, чтобы соблюдать устав. Все были слишком заняты, координируя бит-

ву с флотом Пикенса. Кое-какие подробности они узнали у захваченных герцогских охранников. Ни один человеческий разум не мог в полной мере охватить масштаб битвы.

Мак-Кормаку страшно не хотелось уводить «Персей» теперь, когда каждое орудие означало жизнь для энного количества его людей: корабль относился к числу дредноутов класса «нова», но ни одно другое судно просто не смогло бы вместить такую прорву оборудования.

— Мы еще можем успеть к битве, явившись к развязке свежей силой, — сказал он. — В прошлом мне уже приходилось действовать подобным образом.

— Но это было до того, как вы стали Императором, — ответил Олифант.

Мак-Кормак остановился и посмотрел на него. Тот продолжал, жуя свою сигару.

— Сэр, у нас не так уж много активных сторонников. Большинство лишь сидит и молится, чтобы им не пришлось участвовать в битве ни на чьей стороне. Зачем кому-то приносить все, что он имеет, на алтарь революции, если у него нет веры в то, что вы сможете принести ему лучшую долю? Мы, конечно, смогли бы рискнуть своим штабным кораблем, но мы не можем рисковать вами. Без вас революция захлебнется даже раньше, чем земные силы сумеют подавить ее.

Сжав кулаки, Мак-Кормак снова посмотрел на Сатан.

— Извините, — пробормотал он. — Я вел себя как ребенок.

— Это понятно, — ответил Олифант. — Два ваших сына сражаются там...

— А сколько там чужих сыновей? Гуманоиды ли, ксено ли, они умирают, их калечат... Ладно.

Наклонившись над перилами балкона, Мак-Кормак изучал большое табло внизу. Разноцветные его огни давали самую общую информацию — неполную и, зачастую, неточную, но позволяли представить трехмерную картину битвы.

Похоже, он выбрал верную тактику, решив, что Дэйв Пикенс не станет рисковать разрушением производственных комплексов Сатана. Таким образом, силы Мак-Кормака получали неприступную, точнее неприкасаемую цитадель. Это развязывало руки, позволяло рисковать. Конечно, Пикенс в самом крайнем случае может ударить; это обстоятельство следовало учитывать. Но тогда Мак-Кормак безо всяких угрызений совести может смешать с землей всю здешнюю машинерию. Будет ли планета разрушена или лишь удержана его флотом, продукция ее в любом случае окажется потерянной для врага, а это неминуемо его ослабит.

Но, Пикенс, казалось, предпочитал не рисковать — и проигрывал в результате.

— Предположим, мы победим, — сказал Олифант. — Что потом?

Это и раньше обсуждалось часами, но Мак-Кормак оставил вопрос открытым до окончания битвы.

— Это зависит от того, какие силы останутся у противника. Нам нужно захватить как можно больший объем пространства, не распыляя при этом свои силы. Собственно, вопрос снабжения для нас важнее, чем сама битва. Мы не сумели еще восполнить потери; мы не можем даже досыта накормить своих людей.

— Следует ли нам атаковать Ифри?

— Нет. Это слишком сложный путь. Если бы нам удалось отрезать его от внешнего мира, это было бы куда лучше. Кроме того, база неизбежно понадобится нам самим.

— Значит, Катарайнис? Я хочу сказать... но мы ведь получили информацию о том, что госпожу освободил какой-то правительственный агент... — Олифант замолчал, увидев что его фраза попала в цель. Мак-Кормак казался таким одиноким, как будто его забросили на Сатан. Наконец он смог проговорить:

— Нет. Они бы стали защищать его до последней возможности. Катарайнис был бы стерт с лица земли. Речь даже не о Катрин. Там слишком много других Катрин.

«Неужели император может быть способен на такие мысли?»

Видеоэкран мигнул и засветился. На нем возникло радостное взволнованное лицо.

— Сэр... Ваше величество... Мы победили!

— Что? — Мак-Кормаку понадобилось несколько мгновений, чтобы осознать услышанное.

— Совершенно определенно, ваше величество. Рапорты поступают один за другим. Итог еще не подведен, но сомнений больше нет.

Какая-то часть вдруг раздвоившегося сознания Мак-Кормака представила такую возможность.

Речь шла о связи не «из уст в уста», но «от машины к машине». Код был более, чем изменен — ключевые компьютеры получили инструкции выработать совершенно новый язык, с тем, чтобы остальные могли выучить его и использовать. Ибо даже незначительная несогласованность базовых языковых элементов делали расшифровку если не полностью невозможной, то всячески затрудняли ее. Следовательно, беседа роботов, сплетавших корабли в единую ткань флота, не

могла фактически быть нарушена извне; нельзя было подсунуть ложную информацию, спутать друга с врагом. Но история сохранила сведения о многочисленных попытках подделать сообщения, закодированные таким образом, хотя лишь очень немногие из них увенчались успехом, а коды в таких случаях немедленно менялись. Если бы можно было изучить язык вражеских машин и вмешаться, пока...

Нет. Все это пустые мечты. Мак-Кормак силой переключил внимание на экран.

— Потеря «Зеты Орионис» явилась решающей. Они повсюду выходят из боя.

«Нужно заняться делом. Нужно организовать преследование, но не сопровождать их слишком далеко. Необходимы тактические импровизации».

— Мы получили подтверждение, что «Виксен» невредим.

«Корабль Джона».

— От «Нью-Пропуса» сообщений нет, но оснований для тревоги тоже нет.

«Корабль Колина. Боб со мной».

— Еще минутку... Важное сообщение... Сэр, получено подтверждение! У «Акваилии» тяжелые повреждения. А ведь это судно почти наверняка флагманское. Они попались! Мы можем прихлопнуть их в любое время!

«Дейв, жив ли ты?»

— Отлично, капитан, — проговорил Мак-Кормак. — Ждите меня на мостике.

Аарон Снелунд, оставив стоять несчастного адмирала, облаченного в синий с золотом мундир, выбрал сигарету из драгоценного портсигара, покатал ее в пальцах, втянул в себя запах земной «короны» с марихуаной, закурил, с комфортом устроился в кресле и принялся смаковать сигару. В комнате не было больше никого, если не считать застывшего в неподвижности горзунианина. Диаскульптуры были выключены. Но музыка звучала — музыка, под которую танцевали господа и леди в масках в двухстах световых годах и половине столетия отсюда.

— Превосходно, — пробормотал Снелунд. Он кивнул крупному седовласому человеку, ожидавшему его внимания, — Не нервничайте.

Пикенс оставался все таким же напряженным.

— Сэр... — Голос его сорвался на фальцет. За одну ночь он очень постарел.

Снелунд прервал его взмахом руки.

— Не волнуйтесь, адмирал. Я изучил отчеты. Мне понятна ситуация, вытекающая из вашего поражения. Ведь человек не обязательно должен быть невеждой, только потому, что он губернатор. Не так ли?

— Конечно, ваше превосходительство.

Снелунд откинулся на спинку кресла, скрестил ноги, приспустил веки.

— Я вызвал вас сюда не для того, чтобы снова выслушать то, что я уже прочел, — холодно продолжал он. — Нет, я вызвал вас для разговора, который должен быть честным, поскольку состоится без свидетелей. Скажите мне, адмирал, что вы можете мне посоветовать?

— Об этом... об этом говорится в моем личном отчете... сэр.

Снелунд поднял брови.

Пот заструился по щекам Пикенса.

— Сэр, наши силы и после битвы не намного меньше сил... врага, — проговорил он. — Если не принимать в расчет Сатан. Мы можем консолидировать их в малом объеме пространства, удержать его, дать людям отдых. Мерсейанский кризис не может длиться вечно. Дождавшись подкреплений, мы сможем ринуться в решающий бой.

— Последний ваш «решающий бой» оказался весьма разочаровывающим, адмирал.

Пикенс дернул щекой.

— Губернатор получил мое прошение об отставке.

— И не принял ее. И не примет впредь.

— Сэр! — Рот Пикенса открылся сам собой.

— Спокойнее. — Снелунд сменил тон с осторожно-саркастического на мягкий, а манеры — с небрежно-ленивых на энергичные. — Вы не должны так казниться, адмирал. Вам всего лишь не повезло — вы столкнулись с человеком более опытным. Если бы не ваши таланты, от вашего флота вообще бы ничего не осталось. По сути дела, вы спасли половину своих сил. Вы лишены воображения, но более чем компетентны, а это — ценное качество в таких вот паршивых обстоятельствах. Нет, я не хочу вашей отставки. Я хочу, чтобы вы продолжали борьбу.

Пикенс вздрогнул. Слезы выступили у него на глазах.

— Садитесь, — предложил ему Снелунд, и Пикенс буквально рухнул в кресло. Снелунд выбрал себе новую сигару, выждал, пока адмирал придет в себя, и продолжал: — Компетентность и профессионализм означают организацию и целеустремленность — и вы их обеспечите. Я же обеспечу фантазию. Иными словами, отныне я замышляю, а вы исполняете. Понятно?

Вопрос его прозвучал, как удар хлыстом. Пикенс задохнулся и с трудом выдавил:

— Да, сэр.

Последние несколько дней Снелунд занимался нелегким делом — нужно было превратить гордого офицера в офицера податливого, не разрушив при этом его деловых качеств. Задача была сложная, но восхитительно интересная.

— Хорошо... Хорошо. Да, между прочим, курите, если желаете, — заметил губернатор. — Позвольте подробнее объяснить вам мой план. Первоначально я рассчитывал на результаты давления, оказываемого на леди Мак-Кормак. Потом этот болван Фландри исчез вместе с нею. — У вас есть какие-нибудь сведения о том, что с ними стало?

— Нет, сэр, — ответил Пикенс. — «Интеллидженс» еще не удалось внедрить своих агентов в ряды врагов. Это требует определенного времени... Но, собрав воедино разрозненные сведения, мы пришли к выводу, что вряд ли она соединилась со своим мужем. Но у нас нет сведений и о ее прибытии в какой-либо другой мир, на Землю, например.

— Хорошо, — сказал Снелунд. — Никто не позавидует Фландри, когда я вернусь. — Он молча втягивал дым в легкие, пока спокойствие вновь не вернулось к нему. — Но все это не имеет, в общем, большого значения. Картина изменилась. Я все обдумаю заново. Что же касается вашего предложения отдать Мак-Кормаку без сопротивления большую часть сектора, пока мы будем ждать помощи, то оно очень консервативно и очень опасно по своей сути. Он вполне может рассчитывать именно на это. Позволить ему провозгласить себя Императором, позволить ему упорядочить ресурсы и наладить защиту с этим его распроклятым умением... тогда, вполне возможно, что земные силы, когда они подоспеют, уже ничего не смогут с ним поделать. Подумайте о его короткой линии внутренней связи. Подумайте о массовом энтузиазме его людей. Подумайте о все увеличивающемся числе дезертиров, которые будут перебегать к нему с каждым его успехом. Подумайте о заразе, что может выйти за пределы этого сектора и пойти гулять по Империи до тех пор, пока в один прекрасный день не восторжествует повсюду!

Пикенс неуверенно пробормотал:

— Я...я думал обо всем этом, ваше превосходительство.

Снелунд рассмеялся.

— Более того, допустим, что Империя сумеет одержать над ним победу. И что же тогда, думаете, станет со мной? И с вами? Нам не дадут медалей за то, что мы допустили мятеж, а потом не смогли подавить его своими силами. Зарабо-

тают языки. Закивают головы. Соперники воспользуются удобной возможностью дискредитировать нас. Но если мы сможем справится с Хьюгом Мак-Кормаком в космосе, без чьей-либо помощи, и открыть тем самым путь для моей милиции, призванной очистить планеты от предателей... что ж, слава — универсальная монета. На нее, веди мы себя умно, мы смогли бы купить много. Рыцарство и чин — для вас; возвращение с честью ко двору Императора — для меня. Прав я?

Пикенс облизнул пересохшие губы.

— Не следует принимать во внимание отдельных индивидуумов вроде нас с вами, когда миллионы и миллионы жизней...

— Но ведь и они тоже принадлежат индивидуумам, не так ли? И потом, служа себе, мы служим тем самым и Империи, которой присягали. Так перестанем же корчить из себя идеалистов с кровоточащими сердцами. Давайте займемся прямым нашим делом — подавлением восстания.

— Что предлагает губернатор?

Снелунд погрозил ему пальцем.

— Не предлагает, адмирал. Велит. Детали мы обсудим позже. Но главная ваша задача — поддерживать пожар войны. Правда, мы должны тщательно охранять особо важные свои системы. Но у вас все равно останется для действий значительное количество сил. Избегайте крупных битв. Вместо этого — набеги, изводящие рейды. Ударьте... и отходите, никогда не атакуйте эскадру восставших, если только она не слабее вашей вдвое. Особое внимание обратите на разрушение торговых и индустриальных центров.

— Сэр?! Но ведь это же наши люди!

— А Мак-Кормак утверждает, что его. И насколько я его знаю, то, что он является причиной их страдания, поскольку его действия — причины наших действий, ослабит его самого. Уверяю вас, я не имею в виду безосновательное уничтожение. Напротив, мы просто обязаны иметь веские причины для поражения каждого цивилизованного мира. Оставьте мне обязанность принимать решения. Главное — и это суть моей мысли — все время ослаблять противника.

Снелунд выпрямился. Одна его рука все время сжимала ручку кресла.

— Боеприпасы и продовольствие, — проговорил он звенящим голосом, — вот что погубит Мак-Кормака. Он мог бы стереть нас в порошок в процессе одной битвы. Но истощение в порошок не сотрешь. Еда, одежда, лекарства, оружие, инструменты, детали кораблей, целые корабли — флот должен

получать все это непрерывным потоком, иначе он погибнет. Наша задача будет заключаться в том, чтобы подрывать их источники снабжения и перерезать их коммуникации.

— Но успеем ли мы? — спросил Пикенс. — Он наладит защиту, организует конвои, будет совершать контрнападения.

— Да-да, я знаю. Ваша деятельность, хотя она и очень ценна сама по себе — лишь часть нашего единого усилия. Остальная часть заключается в том, чтобы лишить Мак-Кормака эффективной гражданской поддержки.

— Я... э-э... я не понимаю, сэр.

— Этого многие не понимают, — сказал Снелунд. — Но подумайте о том, что именно бюрократические и функционарные аппараты составляют фундамент любого правительства. Неважно, платит ли им государство или какая-нибудь частная организация. Они лишь занимаются каждодневной работой. Они обеспечивают работу космопортов и линий перевозок, ведают доставкой почты, следят за бесперебойным функционированием электронных коммуникационных каналов, собирают и передают необходимые данные, следят за здоровьем людей, держат в узде преступность, распределяют ресурсы... Нужно ли мне продолжать? — Улыбка его стала шире. — Между нами... я очень высоко ценю полученный здесь опыт. Как вам известно, я произвел кое-какие изменения в работе полиции и администрации, которые считал эффективными. Я преуспел в своих намерениях лишь до определенной степени, лишь на планетах второстепенных, где сеть гражданской службы не получила настоящего развития. В других же случаях мне здорово мешал бюрократический аппарат. Это вам не флот, адмирал. Я нажимаю кнопку интеркома, отдаю настоятельное распоряжение — и ничего не происходит. Мемо недели и месяцы переходят от стола к столу. Запятая за запятой подвергаются обсуждению и согласованию. Бесконечные просьбы о разъяснениях начинают медленный путь обратно ко мне. Отчеты складываются в папки и предаются забвению. С таким же успехом можно было рубить туман мечом. И я так ничего и не смог поделать. Мне *предписано* иметь все эти организации. Для них не существует замены. Я намерен попотчевать Хьюга Мак-Кормака именно этим лекарством.

Пикенс тревожно подался к нему.

— Каким образом, сэр?

— Вот этот-то вопрос я и хотел обсудить сегодня. Мы должны связаться со всеми этими планетами. Следует убедить всех мелких должностных лиц, что служить повстанцам — в любой степени — совсем не в их интересах. Их природная робость и озабоченность сыграют нам на руку. Если вдобавок

мы одних подмажем, другим пригрозим, да плюс еще несколько несчастных случаев или бомбардировок... Вы понимаете ход моей мысли? Мы должны внедрить своих агентов по всему будущему королевству Мак-Кормака раньше, чем он успеет его занять и установить свою власть. Затем мы должны воспользоваться угрозами — через агентов, например — пропагандой, перехватыванием межзвездных транспортных судов вашими крейсерами... Да, я верю в то, что мы сможем расшатать машину гражданской службы Мак-Кормака, замедлить ее работу. А без нее и во флоте начнется голод. Вы со мной согласны, адмирал?

Пикенс сглотнул.

— Да, сэр. Конечно.

— Хорошо. — Снелунд встал. — Идемте в конференц-зал. Мой штаб ждет. Обсудим план в деталях. Хотите стимулирующую таблетку? Совещание может затянуться.

Да, он заставил говорить о себе — вначале на Венере, потом на Земле, потом в секторе Альфа Круцис. Он был сластолюбцем, но когда на его пути вставало препятствие или подвертывался выгодный шанс — и двадцать демонов не могли заставить его свернуть.

11

Катрин определила расстояние между Громовым камнем до Порт-Фридериксена примерно в две тысячи километров. Но то было расстояние по карте, которое воздушная машина преодолевает за пару часов, а космическое судно — за столько же минут или секунд. По земле же и пешком такой путь требовал недель.

Мало того, что путь был очень труден; большая часть его была неведома дидонианам. Подобно большинству примитивных народов, они редко уходили за пределы небольшой обжитой территории. Предметы обмена чаще передавались из общины в общину с караваном, проделывающим долгий путь. Поэтому те трое, что сопровождали людей, должны были сами выбирать дорогу. И часто, особенно в горах, плутали.

Короткий день тоже не ускорял путешествия. Аборигены отказывались двигаться в темноте, и Фландри вынужден был согласиться с тем, что идти ночью по незнакомой местности и вправду неразумно. Дни удлинялись по мере смены сезонов; в середине лета продолжительность дня составляла семь часов из восьми и трех четвертей. Но дидониане пользовались лишь четырьмя-пятью часами. И причина этого носила опять же

практический характер. В пути, отторгнутый от обильного питания, поставляемого фермами, ногас должен есть за троих — все, что ему удастся найти. Растительная же пища менее калорийна, чем мясная, и аборигенам нужно было немалое время на то, чтобы наполнить свои тела «горючим».

— Из нас двадцать четыре — гуманоиды, — сказал Фландри. — И еще шестнадцать, которых мы оставили, плюс доктор, он тоже есть хочет. Не знаю, протянем ли мы на нашем рационе.

— Мы можем воспользоваться кое-какой местной едой, — уверила его Катрин. — В некоторых растениях и животных есть левоориентированные соединения, напоминающие по своему составу земные соединения с глюкозой. Я могу показать растения тебе и твоим мальчикам.

— Что же, полагаю, мы можем поползать, поискать их... будем привыкать к лагерной устричной жизни.

— Устричной?

— А что делают устрицы? Главным образом ничего. — Фландри провел пальцем по своим усам. — Черт возьми, что за отвратительная щетина. Две вещи я не догадался спасти: бритву и зеркало.

Катрин засмеялась.

— Почему же ты раньше не сказал? У них здесь есть бритвы. Неуклюжие, не очень острые, но побриться ими можно. Позволь мне стать твоим парикмахером.

Касания ее рук ввергли Фландри в головокружение. Он был рад, что остальным она дала возможность самим заботиться о себе.

Все они в какой-то степени подпали под ее очарование. Он знал: это происходит не потому, что она — единственная среди них женщина. Каждый жаждал ее внимания и выказывал ей свое. Ему страшно хотелось, чтобы все это прекратилось, но он не мог приказывать — нервы у всех и так уже были натянутыми. Он не был для них больше капитаном, но лишь командиром: он сохранил свой ранг, хотя и потерял статус безраздельного хозяина корабля. Они охотно шли навстречу, но дисциплина, конечно, не была уже такой строгой. Упростились даже отношения между рядовыми и офицерами. Он чувствовал, что должен в какой-то мере воспрепятствовать этому, поскольку это вело если не к враждебному отношению к нему самому, то к холодной отчужденности: ведь он стоял в стороне от остальных с их вновь завязывающимися дружескими узами.

Однажды ночью он проснулся и, лежа без сна, случайно услышал разговор между несколькими своими людьми. Двое

заявляли о своем намерении не просто подчиниться интернированию, но примкнуть к войскам Мак-Кормака, если такой шаг покажется им благоразумным по прибытию на базу. Они убеждали своих друзей проявить такое-же благоразумие. Друзья отнекивались, но весьма добродушно. Вот это и беспокоило Фландри: то, что никто больше не беспокоился. Он начал подслушивать уже нарочно. Он не собирался ничего никому сообщать; просто ему хотелось знать, чего он может ждать от своих людей. Не то, чтобы он чувствовал особую потребность в каких-то доказательствах, нет, его забавлял сам процесс «сования носа».

Это началось сразу после того, как процессия оставила Громовой Камень. Троих дидониан Катрин представила как Открывателя Пещер, Приносящего Урожай и, к общему удивлению, Кузнеца. Было более чем сомнительно, чтобы единства думали о себе, называя себя по имени. Их названия совершенно точно базировались на личных качествах или событиях их прошлого. Каждое единство являло собой концентрацию особого качества — и ничего более.

Часто они обменивались третями, чтобы образовать Отыскателя Железа, Защитника Северных Ворот, или Несущего в Дом Свет. Катрин объясняла это частично потребностью в разнообразии, частично возможностью освежить привычки и знания, которыми располагало каждое единство, частично — квазирелигиозным ритуалом.

— Насколько я себе уяснила, единение является идеалом этой культуры, равно как и большинства остальных, — сказала она Фландри. — Они считают, что весь мир в потенции является единым. И они стараются достичь единения церемониями, мистическими созерцаниями, приемом галлюциногенов и так далее. Каждодневный обряд заключается в частом образовании новых связей. Годовой пик приходится для них на период осеннего равноденствия, главным образом потому, что в этот период для них доступны экстатические, трансцендентальные ощущения.

— Да, я полагаю, что такой расе должны открываться интересные сексуальные возможности, — сказал Фландри.

Она вспыхнула и отвела взгляд. Он удивился такой ее реакции — ведь она воспринимала жизнь как ученый. Ассоциации с периодом ее жизни в плену? «Нет, — решил он. — Жизненная сила слишком сильна в ней для того, чтобы позволить неприятным воспоминаниям надолго захватить себя в плен; шрамы, конечно останутся навсегда, но жизнерадостность уже вернулась к ней. Отчего же такая застенчивость?»

Они шли вдоль скальной гряды. Эта территория принад-

лежала другой общине, родственной племени Громового Камня, и она охотно позволила этот переход. Они уже поднялись выше зоны джунглей. Воздух здесь был тропическим по земным стандартам, но на удивление сухим, с бризом, что овевал кожу, ласкал волосы и нес с собой запахи, чья пряность не была неприятной. Земля была покрыта травой, больше напоминавшей коричневую губку. Вокруг царило радужное цветение с отдельными вкраплениями стрельчатых кустов, гранатовых деревьев и деревьев-фонарей. Слева высилась масса наподобие земных кораллов, их красные и голубые краски казались особенно живыми на фоне вечных серебристо-серых красок неба.

Ни один из дидониан не был законченным. Один представлял собой связь ногаса и рукаса; два рукаса были заняты сбором ягод, три крилло улетели на разведку. Необъединенные животные могли лишь выполнять несложные задания и распознавать нужду в соединении, когда она возникала.

Не считая легких вещей, которые несли рукасы, ногасы легко и свободно тащили весь багаж, захваченный с борта шлюпки. Идущие налегке люди свободно успевали за животными. Фландри велел им ускорить дело, помогая рукасам, и они разбрелись по холму.

Рядом с Фландри осталась только Катрин.

Он остро ощущал каждую ее черту: изгибы груди и бедер под комбинезоном, свободный танцующий шаг, блеск и игру волос над загорелым лицом, сияние огромных зелено-золотистых глаз, запах теплой плоти... Он сразу же изменил тему.

— Разве... э... пантеистическая концепция не является для дидониан естественной?

— Не более, чем монотеистическая является естественной для человека, — с такой же поспешностью ответила Катрин. — Все зависит от степени культуры. Некоторые общины имеют свои особенности в этом отношении, что выделяет их не только среди прочего населения мира, но и среди других общин. Их ритуалы напоминают мне празднества некоторых людских племен, приветствующих Могущественное и его главу. Они тяготеют к воинственности и хищничеству. — Она указала вперед, туда, где смутно маячили горные пики. — Боюсь, что нам придется миновать общину такого рода на своем пути. Это — одна из причин, по которой этот поход не вызвал энтузиазма в общине Громового Камня. Слова путешествуют независимо от того, путешествуют ли единства. Нужно напомнить Много Мыслей насчет нашего оружия.

— Существа, не боящиеся смерти — свирепые противники, — заявил Фландри. — Однако я не могу представить, чтобы дидонианина восхитила потеря одной из составляющих;

и каждый хиш должен обладать обычным желанием избежать боли.

Катрин улыбнулась, но улыбка была напряженной.

— Ты делаешь успехи. Из тебя бы вышел неплохой ксенолог.

Он пожал плечами.

— Благодаря моей профессии мне приходилось контактировать с различными племенами. И я остался при том убеждении, что мы, люди, самое странное племя из всех; но эти ваши дидониане тоже недалеко от нас ушли. Вам что-нибудь известно о том, как они эволюционировали?

— Да, раскопки дали кое-какие результаты. Древние хиши находились примерно в таком же состоянии. И почему это мы вечно находим средства на войну, а на все остальное их жалеем? Является ли первое причиной второго?

— Сомневаюсь. Думаю, для людей естественнее предпочитать войну.

— Придет день, когда они поймут истину.

— Вы недооцениваете способности человека великолепнейшим образом игнорировать то, о чем буквально вопит ему история, — сказал Фландри. И быстро, прежде, чем она переключилась мыслями на Хьюга Мак-Кормака, желавшего переделать Империю, он добавил: — Но окаменелости внушают куда больше надежды. Так какие же вы можете сообщить мне подробности относительно эволюции на Дидоне?

— Считается, что основные изменения начались примерно миллион лет тому назад. Предки ногасов паслись на спокойных равнинах, но суховеи слишком их иссушили. Это, наверное, и заставило их обратиться к деревьям, чтобы подбирать листья, которые предки рукасов роняли, срывая фрукты. Подобные же интересы сблизили их и с предками крилло. Но и деревья умирали. Крилло разыскивали корм в других краях и проводили туда ногасов. Рукасы следовали за ними как привязанные. В конце концов некоторые из животных смогли достичь дальнего восточного края Барканского континента. Там водились отвратительные гигантские насекомые, которые не только сосали кровь, но и заражали рану микробами так, что она не заживала по нескольку дней. Предки ногасов были меньше нынешних, и кожа их была тоньше. Они сильно страдали. Возможно, рукасы и крилло им помогали, убивая и поедая самых крупных из «пчел». Но потом они, должно быть, и сами начали сосать кровь, разнообразя свой скудный рацион.

— Дальнейшее их развитие я могу проследить и сам, — сказал Фландри. — Обмен гормонами, взаимная польза, скрепление союза. Счастье, что ни одному из единичных ор-

ганизмов не удалось развиться до высокосознательного уровня. А то пришлось бы мне сейчас очищать от них территорию. Но симбиоз, похоже, сделал свое дело на совесть. Завораживающие возможности для цивилизации.

— Мы не слишком выставляли их напоказ, — сказала Катрин. — И не только потому, что хотим изучать их в естественном состоянии. Мы не знаем, что может пойти им на пользу, а что — обернуться катастрофой.

— Боюсь, что это можно узнать только методом проб и ошибок, — возразил ей Фландри. — Я бы с огромным интересом проследил эволюцию такого единства от самого рождения в развитом техническом обществе.

— А почему бы не поместить среди дидониан несколько гуманоидов? — вспыхнула она.

— Прости меня. — «Ты даже негодование делаешь прекрасным». — Всего лишь неудачная шутка. Я ни за что на свете не стал бы делать ничего подобного. Я повидал слишком много всякого. И я забыл о том, что они твои близкие друзья. Я и сам хотел бы с ними подружиться, — продолжал Фландри. — В перспективе у нас — двух-трехмесячный поход и куча свободного времени на привалах. Почему бы тебе не обучить меня их языку?

Она посмотрела на него с удивлением.

— Ты серьезно, Доминик?

—Конечно. Правда, я не обещаю сохранить все эти знания на всю мою жизнь. Моя голова просто забита информацией вроде этой. Но сейчас язык мне пригодится. Я хочу вести с ними разговоры непосредственно. Так было бы безопаснее. И кто знает, может, я набреду на какую-нибудь новую гипотезу относительно дидониан, слишком невероятную, чтобы она могла прийти в голову энейцу.

Она положила руку ему на плечо. То был типичный для нее жест; она любила касаться людей, которые ее чем-то трогали.

— Ты — не имперец, Доминик, — сказала она, — ты принадлежишь нам.

— Если бы это было возможно... — пробормотал он, смущенный.

— Зачем тебе поддерживать Джосипа? Ты же знаешь, что он собой представляет. Ты же видел его любимчиков, таких как Снелунд, который, кстати вполне может оказаться на его месте. Так почему бы тебе не присоединиться к нам?

Он-то знал, почему. Ведь он смотрел на события, исходя из того, что революция победить не может. Но он не мог сказать ей об этом; только не в такой день, что вдруг сделался волшебным.

— Может быть, вы и убедите меня, — проговорил он. — Так как насчет уроков языка?

— Ну конечно же!

Фландри не мог запретить своим людям присоединиться к ним, и многие так и поступили. Однако, мобилизовав все свои немалые способности, он вскоре обошел их и они с позором бежали. Таким образом он обеспечил себе исключительное внимание Катрин на недели вперед. Он не обращал внимания на ревнивые взгляды, и сам больше не испытывал ревности, когда видел ее весело болтающей с кем-либо или стоящей у костра с его людьми и поющей.

Не встревожился он и тогда, когда один из его людей, Робинс, вернулся из совместного с Катрин похода за съедобными растениями с виноватым видом и синяком под глазом. Сама она пришла несколько позже, и с Робинсом вела себя так же, как и раньше. Должно быть, насчет этого инцидента существовал какой-то уговор, так как никто никогда о нем больше не упоминал.

Успехи Фландри в изучении языка восхищали ее. Ему же, помимо врожденного таланта, помогала школа «Интеллиджженс» — немилосердная и беспощадная муштра в области лингвистики и металингвистики, семантики и метасемантики, во всех известных фокусах концентрации и запоминания; научился он и тому, как учить. Немногие гражданские ученые получили такое блестящее образование в этой области; да они и не нуждались в нем так, как полевые агенты. В течение недели он понял структуру языка племени Громового Камня и ту его интерпретацию, которую он обрел в жаргоне людей. Задача эта была не из легких, если учесть, что разум дидонианин был совершенно чужд человеческому.

Или нет? Овладев основами грамматики и приобретя кое-какой словарный запас, Фландри, инструктируемый Катрин, начал понемногу разговаривать — с Открывателем Пещер, в основном. Вначале результаты были смехотворными, но через неделю практики он уже самостоятельно поддерживал разговор. Дидонианина и он и Катрин интересовали так же остро, как ее — хиши, и он предпочитал, чтобы эти разговоры слушали его соплеменники, что, впрочем, нисколько не беспокоило Фландри.

Открыватель Пещер был более предприимчивым, чем средний хиш. Личность его казалась очерченной более ясно, чем у остальных, включая все возможные варианты из тех особей, что принимали участие в путешествии. Дома этот хиш охотился, заготавливал дрова, а когда бывал свободен, занимался изучением края. Каждый год он совершал поход к

озеру, называемому Золотым, где менее развитые племена устраивали ярмарку, и приобретал металлическую утварь в обмен на меха и сушеные фрукты. Ногас этого хиша имел привычку соединяться с определенным рукасом их общего хиша и крилло из другого, образуя иное единство, Паромщика. В Громовом Камне ногас и рукас Открывателя Пещер принадлежали, кроме того, Много Мыслей и Мастеру Песен; крилло хиша (особь женского пола) — Заводиле в Танцах; рукас хиша — Мастеру Пищи, — и все вместе они принадлежали различным временным единствам.

Но они пользовались любой возможностью образовывать различные комбинации с целью обучения. Зачем существу, имеющему возможность создать выдающееся единство, входить в состав единства менее одаренного? Племя Громового Камня отличало — хотя и не слишком это подчеркивало — «первых» от «обычных». Это различие, казалось, было вызвано не чувствами, подобными снобизму или зависти; основа его была чисто прагматической. Альтруизм племени был развит до такой степени, что подобные чувства были им просто непонятны.

Или же таково было мнение Фландри и Катрин. Она допускала, что может ошибаться. Ну как можно узнать психику существа с тремя разумами, каждый из которых помнит свою его долю в другом существе, и, косвенно, то, что их связывало еще до его рождения?

В отделенном состоянии ногасы были безмятежными, хотя Катрин говорила, что в случае сильного раздражения они могут впадать в ярость. Крилло были эмоциональными и музыкальными, они могли издавать очень красивые и сложные фразы. Рукасы были энергичными, любопытными и живыми. Но то были общие для всех черты. Число индивидуальностей было настолько велико, насколько оно может быть велико у живых существ с хорошо развитой нервной системой.

Открыватель Пещер был влюблен в мир хишей. Его воодушевляла перспектива увидеть Порт-Фридериксен, а, возможно, и отправиться куда-то на космическом корабле. После того, как хиш уяснил основные понятия из области астрономии, ксенологии и галактической политики, он проявил в вопросах такую принципиальность, что у Фландри закрались сомнения: не выше ли потенциальные возможности разума у дидониан, чем у людей. Не может ли их техническая отсталость быть следствием случайного стечения обстоятельств, которые перестанут сдерживать развитие, когда возможности систематического прогресса сделаются для них ясными?

«Будущее принадлежит им, а не нам,» — подумал Фландри. — Катрин ответила бы: «Почему оно не может принадлежать всем?»

Тем временем переход продолжался — они шли сквозь дождь и ветер, при тумане и жаре, мимо странных, если не враждебных общин, и наконец достигли высоких и прохладных районов. Но дидонианам здесь было холодно, и они недоедали, поскольку растительность в этих местах была скудной. Несмотря на то, что крилло регулярно летали на разведку, они часто ошибались и сбивались с пути, так что приходилось возвращаться назад и снова искать путь.

И именно здесь, в Верхней Маурусии, их настигла беда.

12

Самый удобный путь к одной из троп лежал через каньон. Веками его вытачивала река, разливающаяся от зимних дождей и опадающая летом. Стены его защищали от ветров и несколько смягчали жару, поэтому растительность здесь была обильнее, а почва удобнее для ходьбы, чем тот голый камень, что преобладал в других местах. Поэтому, несмотря на извилистость и неровность, этот путь казался предпочтительнее.

Пейзаж был впечатляющим на свой мрачный лад. Река бежала по левую сторону от отряда — широкая, коричневая, шумная и опасная, несмотря на то, что была сейчас в относительно спокойном состоянии. Ковер однолетних растений создавал нечто вроде каймы, чей мрачный оттенок оживлялся мазками белого и алого. Местами росли невысокие деревья, чьи глубокие корни служили им якорями при наводнениях. Остальная часть каньона была лишена растительности, являя собой путаницу темных камней, фантастической формы трещин и выступов, подъемов и провалов. Серое небо, рассеянный неяркий свет смазывали краски и детали. Подобное зрелище вполне могло смутить с непривычки. Но легкие людей нашли здесь для себя прохладный, сухой и даже веселящий воздух.

Два крилло летели впереди, оглядывая дорогу. Паромщик оставался полным, и каждый рукас вел ногаса. Чужеземцы шли за ними, кроме Катрин, Фландри и Хэвлока. Женщина шла чуть поодаль, погруженная в собственные мысли. Должно быть, этот ландшафт напомнил ей родные Пейзажи Энея. Командир и его помощник шли в стороне, так, чтобы их разговор не слышали остальные.

— Черт возьми, сэр, почему мы, собственно, решили

явиться в Порт-Фридериксен на милость победителя, а не для того, чтобы драться? — Хэвлок казался искренне возмущенным. — Такое решение делает нас беспомощными, порождает предательские настроения.

Фландри удержался от того, чтобы сказать, что ему о них известно. Хэвлок был менее сдержан, чем все остальные; но некоторый барьер все же существовал между ними, и Фландри неделями располагал офицера к себе, прежде чем смог достичь определенной близости с ним. Он знал, что у Хэвлока осталась на Земле девушка.

— Видите ли, мичман, — сказал он, — я не могу давать никаких обещаний, потому что не расположен вести отряд на явную смерть. Но смерть эта, впрочем, может быть не такой уж верной. Почему бы вам не прощупать наших людей? Я не хочу, чтобы кто-нибудь обвинил меня в том, что я «забиваю людям головы», но вы спокойно могли бы выяснить, кто ... не будем говорить «достоин доверия» — мы считаем, что его достоин каждый, но, скажем так, полон энтузиазма. Вы могли бы, все так же спокойно, возбудить в них тревогу, что кто-то может остаться в стороне, если я решусь пойти на прорыв. Мы же будем продолжать разрабатывать эту тему, как скрытно, так и открыто. Большей частью скрытно, чтобы не возбуждать ненужных подозрений. Мы понемногу выведаем у Катрин план базы, и от этого во многом будет зависеть, какое я приму решение.

«Но от Катрин в еще большей степени».

— Отлично, сэр, — сказал Хэвлок. — Я надеюсь...

И тут на них напали.

Отряд, растянувшись цепочкой, как раз проходил мимо одного из выступов, чье основание терялось в груде валунов. Из-за этой-то груды и выскочила группа дидониан. Фландри успел подумать: «Дьяволы! Они, должно быть, прятались в пещере!» И тут же в воздухе зажужжали стрелы.

— Развернуться! — закричал он. — Огонь! Катрин, бросайся на землю!

Стрела просвистела у него возле самого уха. Ногас издал трубный звук, рукас вскрикнул. Бросившись на землю, Фландри навел бластер на врага. Те были по-варварски разукрашены перьями и ожерельями из зубов, тела их были расписаны яркими красками. Оружие их было примитивным — топоры, костяные стрелы и копья. Но и это было достаточно смертоносно в умелых руках.

Он бросил взгляд налево, потом направо. Во время путешествия он периодически тренировал своих людей в технике наземной битвы. Сегодня это пригодилось. Люди разбились на

два полукруга по обе стороны от командира. Каждый, у кого имелся пистолет — на борту военного судна не так уж много такого оружия — прикрывался двумя-тремя людьми со шпагами или кинжалами.

Энергетический луч вспыхнул... вспыхнул и погас. Зашипели бластеры, зажужжали станнеры. Рев голосов и животных криков поднялся над каньоном, перекрывая шум реки. Крилло исчезли за завесой пламени и дыма, рукас рухнул на землю, ногас помчался прочь, испуская дикие крики. Фландри увидел, что большая часть варваров поражена.

Но, сыграло ли здесь свою роль презрение к смерти, или возбуждение, вызванное моментом, только нападение продолжалось. Расстояние между двумя группами было небольшим, а Фландри никак не думал, что ногас может совершать такие молниеносные скачки. Уцелевшие проскочили через строй и набросились на троих из Громового Камня раньше, чем он успел осознать происходящее. Один из людей едва успел отскочить от летящего на него серовато-синего тела. Владельцы воспламеняющих воздух фламмеров едва успели направить их в другую сторону.

— Катрин! — голос Фландри потонул в общем грохоте. Он вскочил и огляделся. Он был отделен от нее неразберихой рукопашной схватки. И тут он увидел, как дерутся дидониане. Ногасы, почти неуязвимые для холодного оружия, наскакивали друг на друга, пытаясь бодаться. Рукасы кололи и рубили; крилло наносили сверху удары крыльями. Целью нападающих было лишить хищей единства.

Приблизились еще несколько горных ногасов, раненых и не могущих двигаться быстро. Несколько двучленных соединений держались поодаль, в резерве, готовые к действию, если в битве падут рукас или крилло. Восемь-девять полных соединений окружили трио из Громового Камня.

Нет, двоих и половину! Крилло Паромщика был, должно быть, убит стрелой. Тело его лежало пронзенное, невыразимо беззащитное, и перья на его хвосте раскачивались, овеваемые слабым бризом, пока ногас случайно не наступил на них. Его партнеры продолжали сражаться, но уже автоматически, без прежней ловкости.

— Бей ублюдков! — завопил кто-то из людей. Люди накинулись на воющую, мычащую, визжащую массу. Трудно было понять, почему дикари игнорируют гуманоидов, которые, собственно, и причиняли им наибольший ущерб. Наверное, вид их казался настолько странным, что дикари просто не могли осознать значения их присутствия.

Фландри побежал вдоль группы сражающихся, чтобы посмотреть, что с Катрин.

«Я ведь не дал ей оружия!» — с ужасом вспомнил он.

И тут он увидел ее. Она держалась поодаль от схватки, под очень высоким деревом, на которое могла бы взобраться в случае нападения. Лезвие марсейанского кинжала сверкало в ее руке. Держала она его умело. Губы ее были плотно сжаты, взгляд внимателен и тверд.

Он почувствовал невыразимое облегчение. Повернувшись, он бросился к кругу дерущихся.

Каменный топор раскроил голову рукасу Кузнеца. Рукас Открывателя Пещер двумя ударами отомстил за эту смерть, но не смог защитить свою спину, и копье вонзилось в нее. Он упал на рог дикого ногаса, который подбросил его в воздух, а потом растоптал.

Люди открыли огонь.

Это была настоящая бойня.

Оставшиеся дикари покатились вниз по склону каньона. Ни одно их единство не уцелело. Молодой землянин склонился над ногасом, раздавленным, но еще живым. Он избавил его от мучений и скорчился в приступе рвоты, рыдая. Жители Громового Камня могли составить теперь лишь одно полное единство. Из возможных соединений они выбрали Защитника Северных Ворот, который расхаживал вокруг, методически освобождая раненых от жизни.

Вся битва, от начала до конца, длилась десять минут.

Подбежала Катрин. Она тоже плакала.

— Сколько смертей, сколько ран... Неужели мы не можем им помочь? — Рукас пошевелился. Он, казалось, не был ранен; возможно, он находился под суперсоническим действием луча станнера. Защитник Северных Ворот приблизился к нему. Катрин раскинула руки. — Нет! Я запрещаю тебе.

Дидонианин не понял ее наречия, потому что единственный оставшийся ногас хишей был в Открывателе Пещер. Но намерение ее было явным. Сделав над собой почти видимое усилие, он отошел.

Потом, используя ту помощь, что могли предоставить люди, хиш занялся уцелевшими обитателями Громового Камня. Они терпеливо подчинялись. У крилло была сломана нога, у остальных были раны и порезы, но все они могли продолжать путь после короткого отдыха.

Никто не заговорил о битве. Никто вообще не говорил. Молча они проделали еще два-три километра, прежде чем остановились на отдых.

В верхних широтах Дидоны летние ночи были не только очень короткими, но и очень светлыми. Фландри шел под сине-черным небом, слегка серебрящимся, отмеченным легким

сиянием там, где лучи Виржила проникали сквозь верхние слои облаков.

Оно давало как раз столько света, чтобы можно было идти не спотыкаясь. Вдали утесы и скалы сливались в единую темную массу. Лагерь остался далеко внизу, и с утеса, на котором находился Фландри, костер его казался красной дрожащей точкой, подобной умирающей карликовой звезде. Звук реки наполнял воздух невнятным, но постоянным гулом. Гравий скрипел под его башмаками. Иногда попадались и более крупные камни. Где-то неподалеку забормотало на своем языке неизвестное животное.

Из тени возникла фигура Катрин. Он видел, как она отправилась в том же направлении, в котором ушел он, и догадывался, что она должна быть где-то неподалеку. Когда он подошел к ней ближе, ее лицо показалось ему бледным до прозрачности.

— О... Доминик, — сказала она. Годы, проведенные среди природы, научили ее доверять своим чувствам больше, чем глазам.

— Тебе не следовало уходить одной, — он остановился перед ней.

— Так было нужно.

— Следует хотя бы брать с собой пистолет. Я уверен, что ты умеешь обращаться с оружием.

— Да. Конечно. Но после сегодняшнего я не хочу прикасаться к оружию.

— Но ты наверняка видела насильственную смерть и раньше.

— Да. Несколько раз. Но от этого не легче.

— Нападение было самым подлым. Честно говоря, я сожалею только о наших потерях, и нам долго еще придется о них сожалеть.

— Мы проходили через их территорию, — сказала она. — Может быть, их это возмутило. Дидонианам, как и людям, свойственно чувство территории. А может их ввела в искушение наша утварь. Если бы не наш переход, то не было бы ни убийств, ни ран.

— Идет война, — сказала за него его внутренняя боль. — И то, что случилось сегодня, лишь незначительный эпизод твоей возлюбленной революции.

Он услышал, как воздух со свистом прорывается сквозь ее сжатые зубы. Ужас от содеянного заставил его похолодеть.

— Я... прости меня, Катрин, — произнес он. — Я не хотел. Я оставлю тебя одну. Но, прошу тебя, поскорее возвращайся в лагерь.

— Нет. — Вначале голос ее был таким слабым, что его

почти не было слышно. — Я хотела ... позволь мне остаться еще ненадолго. — Она схватила его за руку. — Но заклинаю тебя твоей честью, не нужно таких слов. Я рада, что ты пришел, Доминик. Ты понимаешь жизнь.

«Я?» — Как будто теплая волна разлилась в его груди.

Они постояли некоторое время, держась за руки, прежде чем, неуверенно засмеявшись, она сказала:

— И еще раз прошу тебя, Доминик, будь более практичным.

«Ты достаточно храбра, чтобы жить со своей печалью, — подумал он. — Но достаточно сильна и умна, чтобы повернуться к ней спиной, когда представляется такая возможность, и бросить все свои силы на завоевание Вселенной».

Ему страшно хотелось курить, но чтобы достать одну из немногих оставшихся у него сигарет, ему нужно было потревожить ее руку, и тогда она могла бы убрать ее совсем.

— Думаю, — несмело проговорил он, — что послезавтра мы сможем продолжить путь. После вашего ухода для меня собрали Освещающего Дом. Все составляющие хиша связывались в различных комбинациях с теми особями, что входили в состав Открывателя Пещер, и, среди прочих причин, для того, чтобы получить какое-либо распоряжение на жаргоне.

— Мы все обсудим. Теперь нам понадобится больше времени, чтобы закончить наше путешествие, но возвращение заняло бы еще больше. Оставшиеся хиши смогут справиться со своими обязанностями. Мальчики тоже понимают, что к чему. Мы запомним сегодняшний урок, и будем избегать таких мест. Так что, я думаю, все будет в порядке.

— Не думаю, чтобы нам помешали еще раз, — сказала Катрин, и голос ее вновь был прежним. — Новости распространяются быстро.

— Насчет того рукаса, что мы взяли в плен...

— Да? Почему бы не освободить животное?

— Потому что... видишь ли, Освещающий недоволен тем, что мы можем создать одного лишь полного хиша. Есть работы, вроде перетаскивания тяжелых бревен по крутым склонам, которые гораздо легче и безопаснее производить двоим, особенно учитывая тот факт, что у рукасов действительно есть руки. Далее. Нам придется посылать в разведку лишь одного крилло. Другому придется работать за троих, завершая неполные соединения и принимая решения, пока мы находимся в этой горной местности, от которой можем ожидать всяких фокусов. Одна пара глаз в воздухе — чертовски мало.

— Правильно. — Ему показалось, что он услышал шелест ее отросших за это время волос, когда она кивнула головой.

— Я не думала об этом раньше — удар был слишком силен... но ты прав. — Ее пальцы еще плотнее сжали его руку. — Доминик! Уж не намереваешься ли ты использовать пленника?

— Почему бы нет? Освещающий, кажется, придерживается того же мнения. Иногда такие вещи случались — так сказал хиш.

— В случае крайней необходимости. Но... схватка... такая жестокость.

— Послушай, я все это обдумал, — сказал он ей. — Проверь мои факты и логику. Мы заставим рукаса войти в состав единства с ногасом и крилло, принадлежавших Открывателю Пещер — самого сильного, самого рассудительного из тех, что с нами шли. Он подчинится под угрозой пистолета. Кроме того, ему нужно пить кровь, иначе придется голодать, не так ли? Один вооруженный человек, находящийся поблизости, предотвратит все возможные эксцессы. Как бы там ни было — два сочлена против одного — это что-нибудь да значит. Мы сделаем единство постоянным, во всяком случае, будем поддерживать его постоянным большую часть пути. За это время психика обитателей Громового Камня глубоко проникнет в психику руки. Новый хиш будет вначале растерян и настроен враждебно, согласен; но как бы он ни сопротивлялся, ему придется с ними скооперироваться.

— Но...

— Нам необходим хиш, Катрин! Я не предлагаю рабства. Рукас не будет поглощен. Он будет давать и получать, узнает что-то, что сможет передать своему племени, может быть, даже, послание дружбы, или что-то такое, что поможет им установить регулярные связи и это будет настоящим даром, когда мы отпустим его на волю.

Она помолчала, потом сказала:

— Смело, но честно. Да, в этом весь ты. Ты — больше рыцарь, чем те, кто пишут перед своим именем «сэр», Доминик.

— О, Катрин!

И вдруг он осознал, что обнимает и целует ее, а она целует его, и ночь вокруг вспыхнула костром, взорвалась пением труб.

— Я люблю тебя, Катрин, господи, как я люблю тебя.

Она освободилась от его объятий и отступила назад.

— Нет... — Когда он бросился к ней, она отстранилась. — Нет, пожалуйста, пожалуйста, не надо. Прошу тебя, не надо. Я сама не знаю. что со мной такое было...

— Но я люблю тебя! — крикнул он.

— Нет, Доминик, просто мы слишком долго шли по этому

опасному пути. Ты влечешь меня больше, чем кто-либо другой. Но я — женщина Хьюга.

Он опустил руки и остался стоять там, где стоял, и душа его обливалась кровью.

— Катрин, — проговорил он, — для тебя я перейду на вашу сторону.

— Ради меня? — Она снова приблизилась к нему и опустила руки ему на плечи. Голос ее дрожал от неудержимого полусмеха-полурыдания. — Ты просто представить себе не можешь, до чего же я рада.

Он стоял, окруженный ее ароматом. Сжав кулаки, он повторил:

— Не ради тебя. *Для* тебя.

— Что? — прошептала она, опуская руки.

— Ты называла меня рыцарем. Это неверно. Я не стану играть роль верного друга семьи и отвергнутого воздыхателя. Это не мой стиль. Я сам хочу быть твоим мужчиной, и буду добиваться этого всеми средствами, доступными человеку.

Ветер усилился и река ответила ему гулом.

— Ладно, — сказал Фландри ее тени. — Пусть это будет до тех пор, пока мы не достигнем Порта-Фридериксена. Только до тех пор. Я ничего ему не скажу, и буду жить своими воспоминаниями.

Она опустилась на землю и заплакала. Когда он сделал попытку ее успокоить, она оттолкнула его. Жест ее был не грубым, но решительным. Он отошел в сторону и одну за другой выкурил три сигареты.

Наконец она сказала:

— Я понимаю, о чем ты думаешь, Доминик. Если был Снелунд, то почему бы не ты? Но неужели ты не видишь разницы? Начиная с того, что я тебя очень люблю?

Он с огромным трудом выговорил:

— Я вижу, ты все никак не поймешь разницы между губернатором и порядочным человеком.

Из груди ее снова вырвалось рыдание, но на этот раз оно было сухим, как будто она уже выплакала все свои слезы.

— Прости меня, — сказал Фландри, — я совсем не хотел тебя обижать. Скорее бы у меня отсох язык, чем я согласился сказать что-то обидное для тебя. Мы не будем больше об этом говорить, если только ты сама не захочешь. Если же ты переменишь решение, завтра, через сто ли лет... я буду ждать, пока жив.

«И это чистая правда, — добавил его внутренний голос, — хотя слова эти подсказаны слабой надеждой на то, что смо-

гут потрясти ее воображение и отвратить ее внимание от этого тупоголового убийцы, Хьюга Мак-Кормака.»

Он вытащил бластер и сунул его в ее холодную ладонь. Она не очень уверенно взяла его.

— Если хочешь остаться здесь, то возьми вот это, — сказал он. — Вернешь мне, когда спустишься в лагерь. Доброй ночи.

Он повернулся и пошел. В голове его билась мысль:

«Отлично... если до сих пор у меня не было причины отречься от Его Величества Джосипа, пусть так будет и впредь. Попробуем расстроить ряды его мятежных подданных».

13

Все спали едва ли не сутки кряду. Потом Фландри объявил, что лучше потихоньку двигаться вперед, чем стоять на месте. Оставшиеся дидониане с успехом образовали несколько различных единств, как всегда это делали, когда нужно было принять важное решение, и согласились — эти земли были неуютными и неудобными для поисков пищи. Самое трудное было еще впереди, особенно учитывая те потери, которые они понесли. Следовало поскорее перебраться через горы и спуститься на прибрежные равнины.

То был адский труд. Людям приходилось большую часть времени тратить на поиски еды для ногасов. Когда истощение заставляло их делать привал, все мгновенно проваливались в сон. Катрин была сильной, но все же она оставалась тридцатилетней женщиной, а ей приходилось идти вровень с двадцати-двадцатипятилетними мужчинами. У нее было мало времени и возможностей поговорить... с Фландри или с кем-либо другим.

Ему одному удавалось это делать. Его люди, казалось, готовы были взбунтоваться, когда он объявил им, что освобождает себя от большей части работ ради того, чтобы установить контакт с новым единством. Хэвлок погасил этот настрой.

— Послушайте, вы же видели Старика в действии. Вы можете его не любить, но он не трус и не дурак. Кому-то надо ведь сообщаться с этими ксено. Не говоря уже ни о чем другом, подумайте хотя бы о том, что нам еще нужно перебраться через этот проклятый край... Почему не Катрин? Да ведь она жена человека, который сунет нас за колючую проволоку, едва мы доберемся до места. И то, что мы доверяли ей в критических обстоятельствах, не улучшит наши послужные списки... Да-да, тем из вас, кто намерен вернуться домой, не вредно подумать о своих послужных списках.

Фландри поощрительно подмигнул ему.

Вначале разговор между человеком и дидонианином казался невозможным. Внутри новой личности шла борьба: плененный рукас вливал в ногаса и криппо ненависть и страх, а те просто игнорировали его. Длительное время находясь в скрепленном состоянии, единство упорно работало — иногда угрюмо, иногда в состоянии оцепенения, постоянно на грани безумия. Фландри дважды приходилось драться; однажды рог ногаса прошел мимо него в каком-нибудь сантиметре.

Он настаивал. То же делали и двое животных, входивших в состав Открывателя Пещер. И ногас помалу стал осваиваться с кусочками чуждых опытов. Фландри пытался подобрать какой-нибудь эквивалент создавшейся ситуации. Шизофрения? Внутренний конфликт, основанный на борьбе противоречивых желаний, какой, например, переживает он, раздираемый любовью к Катрин и долгом по отношению к Земной Империи? Сомнительно. Существо находившееся перед ним, было слишком чуждым.

Он пытался руководить этим сращением — вначале своим поведением, потом своими словами. После того, как нервная система рукаса перестала ждать мучений или смерти, состояние замешательства было для него вполне естественным. Потом в ход пошел язык. Часть словаря Громового Камня умерла вместе с рукасом Открывателя Пещер. Но часть сохранилась и пополнилась, когда, на время, крилло был временно заменен другим рукасом. Дикое существо яростно сопротивлялось: оказалось, что его культура смотрела на трехчленное существо, в состав которого входили два однородных члена, как на извращение, но у него не было выбора. Когда щупальца были соединены, нервная система и кровеносные сосуды автоматически превращались в единое целое. Фландри использовал все свои лингвистические познания для того, чтобы провести комбинацию сквозь ряд лингвистических упражнений. Умело направляемый новый дидонианин начал выказывать признаки приспособления.

Когда отряд пробрался через горы, Фландри уже умел сообщаться с разумом, для создания которого приложил столько сил.

Единству, похоже, не слишком нравилось само название «хиш». Принятое им название, возникшее, скорее, из постоянного использования понятия, чем специально подобранное, концентрировалось в мычании, переведенном Катрин как «Скорбящий». Она мало общалась с хишем, и причиной тому была как поглощенность собственными переживаниями, так и простая усталость. Фландри такое положение устраивало. Об-

щаясь со Скорбящим в одиночестве — при этом, правда, присутствовал часовой, но он ничего не понимал — он мог добиваться от дидонианина того, чего хотел.

— Ты должен служить мне, — вновь и вновь повторял он. — Может быть, нам придется сражаться, и ты должен занять место хиша, которого больше нет. Только мне ты должен доверять, только меня слушаться. Я один могу освободить тебя в конце — причем оба ваши племени получат хорошие награды. А у меня есть враги среди подобных мне.

Он мог бы объяснить все подробнее, изложить, даже всю историю в случае надобности. Но он быстро понял, что в этом нет никакой необходимости. Скорбящий стоял по уровню развития куда ниже Открывателя Пещер и обладал меньшими знаниями. Люди для хиша были совершенно сверхъестественными существами. Фландри же, являвшийся, несомненно, их вождем и, сверх того, руководителем и учителем хиша, представлял собой сгусток *мана*. То, что он и Катрин рассказали Открывателю Пещер, переосмыслилось для него в ином свете, и служило теперь подкреплением нынешним словам Фландри о конфликте среди Могущественных. Мозг рукаса, получавший большее, чем у остальных двоих существ развитие, вложил свое психическое состояние в личность Скорбящего, результатом чего явилась подозрительность хиша к его сотоварищам, заботливо приглушаемая Фландри.

Когда они достигли нижних холмов, Скорбящий был его надежным оружием. Под влиянием ногаса и крилло, дидонианин начал просто предвкушать те приключения, которые ожидали его на службе у Фландри.

Последний же не мог точно себе представить, каким образом использует это оружие... если вообще использует. Все зависело от того, чем закончится путешествие.

Однажды вечером Катрин отвела его в сторону. Теперь их окружали джунгли. Было жарко, парило. Однако двигаться было легче, и дидониане вновь набрали потерянный вес. Он и она стояли в зарослях, отгороженные ими от мира, и смотрели друг на друга.

— Почему мы так давно не говорили друг с другом, Доминик? — спросила она его.

Взгляд ее был серьезным, она взяла обе его руки в свои.

Он пожал плечами.

— Слишком много дел.

— Дело не только в этом. Мы не осмеливаемся. Когда я тебя вижу, я думаю о том, что... Ты — человек, которому я меньше всего — не считая Хьюга — хотела бы причинить боль.

— Не считая Хьюга...

— Ты вернул его мне. Даже боги не смогли бы сделать большего.

— Неужели ты решила насчет нас по-другому? — взволнованно спросил он.

— Нет. Ты заставляешь меня желать, чтобы и я могла желать. Но... О, мне так больно. Надеюсь, скоро ты найдешь такую женщину, какая тебе нужна.

— Это уже случилось, — ответил он. Она поморщилась. Он понял, что сжимает ее руки изо всех сил, и ослабил пожатие. — Катрин, дорогая моя, мы — недалеко от цели, но намерение мое остается прежним. Будем вместе оставшийся путь... и по прибытии я присоединюсь к революции.

— Такие слова не стоят тебя, — ответила она, побледнев.

— Я сам это знаю, — сердито бросил он. — Венец предательства. Ради тебя я продаю свою душу. Но она все равно твоя.

— Как ты можешь говорить о предательстве? — тон ее был таким, как будто он глубоко ее обидел.

— Очень просто. Предательство, предательство, предательство. Ты слышишь? Революция — хуже, чем просто дьявольщина. Она — глупость. Вы...

Она вырвала свои руки и бросилась прочь. Он остался стоять и стоял до тех пор, пока тьма не окутала его.

«Эй, ты, Фландри, — мелькнула мысль. — С чего это ты решил, что космос создан для твоего личного комфорта?»

Нельзя сказать, чтобы Катрин избегала его после этого разговора. При сложившихся обстоятельствах это было бы невозможно, да она и сама не хотела этого. Напротив, она часто улыбалась ему, чуть-чуть застенчиво, и когда ей случалось обращаться к нему, тон ее был теплым. Он отвечал примерно тем же. Она, вне всякого сомнения, искренне сожалела о том, что причиняла Фландри боль; но она ничего не могла поделать с той радостью, что все яснее проявлялась в ней с каждым километром — в веселом свободном смехе, в особой грации, в остроумии ответов. Хэвлоку не стоило никакого труда исподволь выведать у нее все, что ей было известно об энейской базе.

— Черт побери, до чего же мне противно использовать ее таким вот образом! — сказал он, с глазу на глаз отчитываясь перед командиром.

— Будем считать, что это плата за нашу помощь, — ответил ему Фландри.

— Обычное оправдание вероломства... и былой жестокости.

— И будущей. Вот так. Но тем не менее... Том, мы просто собираем информацию. А вот удастся ли нам сделать нечто большее, зависит от того, как нас встретят на базе. Я уже говорил, что не стану рисковать очертя голову. Мы можем смиренно подчиниться интернированию.

— Если мы все же не...

— Если нам выпадет верный шанс испытать судьбу, будем делать это быстро, чтобы спасти хотя бы несколько жизней. Следует лишь помнить, что в число этих жизней непременно должна входить жизнь Катрин. — Фландри хлопнул своего помощника по спине. — Полегче, сынок. Я вынужден быть более осторожным, чем должен бы. И все равно, сынок, полегче. Помни о девушке, которая ждет тебя.

Хэвлок усмехнулся и зашагал прочь, широко отмахивая руками. Фландри некоторое время постоял, размышляя.

«Итак, у меня никогда больше не будет любимой девушки, если только Хьюг Мак-Кормак не будет настолько любезен, что даст себя убить. Может быть, тогда...

Мог бы я это как-нибудь устроить... так, чтобы она никогда не узнала... мог бы? Пустые мечты, конечно... Но предположим, что такая возможность представится... мог бы я ею воспользоваться?

Если честно — и сам не знаю.»

Подобно американскому тихоокеанскому побережью (на Земле, на матушке-Земле), западная часть Барка была изрезана холмами, спускавшимися к самому морю. Заметив сверкание воды, Катрин взобралась на самое высокое дерево, какое только ей удалось найти. Крик ее, как солнечный луч, коснулся каждого листа:

— Исток Вирсы! Что еще может быть! Мы — всего лишь в пятидесяти километрах южнее Порт-Фридериксена!

Она спустилась на землю. Вид у нее был торжествующий. А Доминик Фландри смог сказать только:

— Отсюда я пойду сам.

— Что?

— Пройду один, без шума, в скафандре. Прежде всего мы разобьем лагерь в каком-нибудь приятном месте. Потом я разузнаю, нельзя ли прислать за нами воздушное судно. Так будет быстрее, чем пешком.

— Позволь и мне пойти, — попросила она, дрожа от нетерпения.

«Ты можешь идти до тех пор, пока не погаснет последняя звезда, если только захочешь. Но ты не захочешь.»

— Мне очень жаль, но это невозможно. Радио тоже нельзя использовать. Слушать можно, передавать нельзя. Откуда

мы знаем, какое сложилось положение? Может быть, дела обстоят плохо; варвары, например, вполне могли воспользоваться нашей семейной сварой и оккупировать территорию. Я все узнаю. А если я не вернусь через... гм... два здешних маленьких уцененных денька... — «Тебе непременно надо ломать перед нею шута?» — ...то командование примет лейтенант Валенсиа. Он и примет окончательное решение.

«Я предпочел бы Хэвлока. Валенсиа слишком симпатизирует революции. Но я должен придерживаться субординации, даже когда лгу себе, даже когда у меня есть возможность причинить вред твоему делу, моя единственная, моя вечная любовь.»

Его слова несколько умерили общую радость. Отряд разместился в бухте, под прикрытием деревьев. Костра не разводили. Фландри облачился в скафандр. Он не давал никаких особых распоряжений ни Скорбящему, ни нескольким по-настоящему преданным ему людям: у них давно была разработана особая система сигнализации.

— Будь осторожен, Доминик, — сказала Катрин. Ее участие было для него словно нож острый. — Не рискуй собой. Ради всех нас.

— Не буду, — пообещал он. — Я люблю жизнь. — «О да, я надеюсь еще насладиться ею независимо от того, внесешь ли ты в нее настоящий смысл.» — Все будет хорошо. — Он активировал импеллер. Через секунду-другую ее фигурка с поднятой в приветственном жесте рукой скрылась из вида.

Он летел медленно, откинув шлем, и с наслаждением вдыхал соленый запах ветра с северного побережья. В океане безлунной Дидоны не было настоящего прибоя, он лежал серый под серым небом, но любой огромный водный резервуар обладает своим движением и своей тайной. И сейчас Фландри видел лабиринты волн и пены, участки покрытые водорослями, следы плавающих животных, а воздух был наполнен птичьими криками.

«Какой простор, — подумал он. — Как хорошо живут планеты, если люди позволяют им жить.»

Сердце его забилось быстрее, когда показался Порт-Фридериксен. Здесь была его судьба.

База занимала маленький удобный полуостров. Она была основана достаточно давно, чтобы превратиться в настоящий поселок. Префарбовые дома, убежища и лаборатории были побиты ветром, оплетены вьющимися растениями и сделались уже частью ландшафта; а между ними стояли дома, построенные из местных пород дерева и камня так, чтобы их мог овевать бриз, были разбиты сады и парки. Катрин сказала,

что в обычных условиях в поселке жило около тысячи человек, но из-за последних событий оно, несомненно, уменьшилось. Фландри, пролетая, заметил нескольких людей.

Внимание его обратилось на посадочное поле. Если там стоит хотя бы один крейсер, придется сдаться. Но нет, Хьюг Мак-Кормак предоставил охрану этого места довольно незначительному судну. Оно было небольшим — субэсминец класса «Победитель». Главным его вооружением была бластерная пушка, основным оружием — скорость и маневренность, штат составлял, как правило, двадцать пять человек — но суденышко довольно браво стояло на страже, и сердце Фландри забилось быстрее.

«Вот она, эта минута!»

Он приблизился. Если судить по тишине вокруг, на борту судна находились лишь двое часовых. Да и к чему остальные? С помощью приборов, аппаратов и компьютера управлять судном мог даже один человек. Порт-Фридериксен должен был узнать о приближающейся опасности за время, достаточное для того, чтобы экипаж занял свое место на борту. А сейчас он, несомненно, помогал гражданскому населению.

Над серийным номером судна блестело название: «Эрвин Роммель». Кто бы это мог быть, черт возьми? Немец какой-нибудь? Скорее всего, землянин, чье имя выкопал из груды исторических данных компьютер, которому поручили подыскать названия для нескольких тысяч «Победителей».

Из здания появились люди, заметили его. Он приземлился в небольшом парке.

— Привет, — сказал он. — Я потерпел что-то вроде крушения.

Весь следующий час он расспрашивал о Порт-Фридериксене. Его, в свою очередь, тоже основательно допросили. Он рассказал о столкновении с вражеским судном, о трудной посадке, о тяжелом переходе. Единственная деталь, которую он упустил, состояла в том, что он был не на стороне Мак-Кормака.

Если его план не сработает, энейцы, узнав правду, разозлятся, но не убьют его — такая уловка рассматривается как военная хитрость.

Они явно исполняли роль форпоста — кроме экипажа «Роммеля», еще несколько ученых и рабочих. Их работа состояла в том, чтобы поддерживать дружеские связи с дидонианами и вести дела на базе. Но при этом люди пытались одновременно продолжать научные исследования.

Они были в изоляции. Междупланетное радио хранило упорное молчание — имперские корабли не раз наведывались

в систему. Каждый месяц или около этого шлюпка с Энея подвозила продовольствие, боеприпасы и свежие новости. Последний раз она была всего несколько дней назад. Таким образом Фландри оказался в курсе последних событий.

С точки зрения энейцев, они не предвещали ничего хорошего. Производство, снабжение и коммуникации при Хьюге Мак-Кормаке распадались на глазах. Он уже отчаялся в своих попытках управлять значительным участком пространства. Вместо этого ему приходилось тратить все свои силы на защиту миров, которые он объявил своими. А силы эти были минимальными. И они, как ни старались, не могли предотвратить атаки сторонников Снелунда. Сейчас любая организованная флотилия могла бы уничтожить мятежников.

Предвидя такую возможность, Мак-Кормак держал основную часть своего флота в окрестностях Сатана. Если бы джосиписты собрали все свои силы, он узнал бы об этом от своих разведчиков, ударил бы первым и тогда уж полагался бы только на свои тактические возможности.

— Но им известно об этом, — сказал директор Джонет. Дрожащей рукой он погладил свою белую бороду. — Они не позволят нашему Императору дать генеральное сражение, к которому он стремится. Я даже не уверен в том, что Снелунд вызвал с Земли подкрепления. Возможно, он рассчитывает взять нас просто измором. Я уверен, что чем дольше будет наша агония, тем больше удовольствия он получит.

— Разве мы не можем уступить? — спросил Фландри.

Старик поднял голову.

— Пока жив наш Император — ни за что!

Люди соскучились по гостям, так что Фландри безо всякого труда узнал даже больше, чем ему было нужно. Они легко согласились на его предложения. Чем отправлять за его спутниками воздушные машины, не лучше ли использовать для этой цели «Роммеля»? Сейчас не было причин держать судно в боевой готовности. Джонет и капитан согласились с этими доводами равно как и с тем, что места для всех людей не хватит, если не оставить в поселке часть экипажа.

Фландри в своем плане предусмотрел и другие возможности, но такое решение все упрощало.

Он поднял корабль в воздух и повел его к югу. Потом вызвал лагерь. Кто-нибудь непременно должен был слушать вделанный в шлем приемник.

— Все прекрасно, — сказал он. — мы приземлимся на берегу к западу от лагеря и будем вас ждать. Позвольте мне переговорить с Хэвлоком... Том? Это я. Уэйну и Кристоферу пора начинать.

Это означало, что людям следует облачиться в воинские доспехи.

Корабль сел. Космонавты доверчиво спрыгнули на песок и приветственно замахали руками, увидев появившихся из-за деревьев путешественников.

Две фигуры, облаченные в блестящие металлические каркасы, взвились с воздух, поднявшись над вершинами деревьев. Секундой позже они уже парили над кораблем, и бластеры их были нацелены на членов экипажа.

— Руки вверх, пожалуйста, — сказал Фландри.

— Что?! — возопил капитан. Его рука метнулась было к кобуре, но пущенный сверху луч зашипел, едва не задев его. Из того места, в которое он ударил, посыпались искры и поднялся пар.

— Еще раз повторяю: руки вверх, — рявкнул Фландри. — Тот из вас, кто вздумает сопротивляться, будет мертв раньше, чем упадет наземь.

Лица людей исказились от ненависти, но они повиновались.

— Мы забираем корабль, — сказал им Фландри. — Можете отправляться домой. При бодрой ходьбе вам понадобится всего несколько часов.

— Иуда ты! — Капитан плюнул ему в лицо.

Утеревшись, Фландри ответил:

— Это зависит от точки зрения. Идите. — Уэйн сопровождал группу в течении некоторого времени.

Еще раньше загадочное исчезновение оружия сделало пленниками тех людей Фландри, чья лояльность вызывала сомнение. Более озадаченный, чем рассерженный, Освещающий Дом ввел на борт корабля несоединенных существ, а Скорбящий помог Катрин подняться по трапу. Увидев ее, Фландри нашел себе неотложное дело в другой части корабля.

Когда все люди оказались на борту, он включил гравзы. Подлетев к поселку, он вывел из строя межпланетный передатчик, выстрелив по его мачте. Потом он передал предупреждение и дал людям возможность эвакуироваться. Когда все разбежались, он сжег еще несколько приспособлений.

У энейцев оставалась еда, убежище, медикаменты и боеприпасы. Но они не смогут ни отправиться куда-то, ни переговорить с кем-либо, пока не придет шлюпка с Энея, а она ожидалась не раньше, чем через месяц.

— Направление — восток, мичман Хэвлок — приказал Фландри. — Мы заберем своих ребят из Громового Камня и оставим там наше поголовье. И заодно раздобудем еду для нового дидонианина. Думаю, этот хиш мне еще понадобится.

— Где же, сэр?

— В Ллинатавре. Мы покинем эту систему без шума и пыли. Выйдя в космос, мы с максимальной скоростью отправимся к Ллинатавру.

— Сэр? — Радужное выражение на лице Хэвлока сменилось озадаченным. — Прошу прощения, капитан, но я не понимаю. Я хочу сказать, что теперь, когда мы превратили катастрофу в триумф, когда мы знаем свежий вражеский код, причем враг об этом не подозревает, разве не следует нам немедленно лететь к Ифри? Особенно, если учесть, что Катрин...

— У меня есть свои резоны, — ответил Фландри. — Не бойся, Снелунду ее больше не видать.

Выражение его лица, мягко говоря, не поощряло дальнейшие расспросы.

14

И снова металлическая теснота, пахнущий химией воздух, неумолчный шум двигателей, но зато и холодное мерцание звезд, одна из которых сияла особенно ярко. Перелет на этом корабле от Виржила до Ллинатавра должен был занять менее двух стандартных дней.

Фландри облачился в капитанский мундир. Кают-компания была слишком мала, чтобы вместить всех, но он включил аудиовизуальные интеркомы. Команда увидела Фландри в белом мундире, не слишком хорошо сидевшем на нем, но, вне всякого сомнения, являющем собой приличествующую его рангу форму. Как и все они, он выглядел изнуренным; скулы резко выступали на его лице, а глаза казались неестественно яркими по контрасту с дочерна загорелой кожей, но в отличие от большинства из них, он не выказывал удовольствия от своей победы.

— Слушайте внимательно, — сказал он: — Такое ненормальное положение, как наше, требует соблюдения ряда формальностей.

Он занес в вахтенный журнал данные, которые должны были легализовать захват им «Роммеля» и его положение хозяина этого корабля.

— Некоторые из вас были помещены под арест, — продолжал он. — Это было сделано ради предосторожности. Когда идет гражданская война, нельзя доверять тем, чьи позиции определены нечетко. Арест этот был кратковременным и вынужденным. Хочу особенно подчеркнуть, что задержание это ни в коей мере не отразится на моем отношении к лояльности или компетентности этих людей. Более того, я буду ходатай-

ствовать о том, чтобы каждый из находящихся на борту получил повышение и награду.

Их веселое оживление не вызвало у него улыбки. Все тем же монотонным голосом он продолжал:

— Используя предоставленные мне полномочия и в согласии с уставом Флота, предусматривающим вербовку в экстренных обстоятельствах, я объявляю существо с планеты Дидона, известное под именем «Скорбящего», зачисленным в ряды военнослужащих Его Величества в ранге рядового. Учитывая особенности данного существа, оно будет приравниваться к трем обычным новобранцам.

Ответом ему был смех. Люди решили, что во Фландри заговорил сидящий в нем чертенок. Но они ошибались.

— Все детекторные системы будут держаться в режиме повышенной готовности, — продолжал он после окончания короткой церемонии. — Сразу же по установлению контакта с каким-либо имперским судном, офицер-связист сигналит о сдаче и просит об эскорте. Позволю себе предположить, что, взяв нас на абордаж, экипаж судна будет держать нас на положении арестованных до тех пор, пока не получит подтверждения нашей лояльности. Тем не менее, я уверен, что к тому времени, как мы выйдем на орбиту Ллинатавра, все подозрения будут с нас сняты.

— И последнее. На борту корабля находится важная пленница. Я сказал мичману Хэвлоку, который, должно быть, передал мои слова остальным, что госпожа Мак-Кормак не будет возвращена губернатору сектора Альфа Круцис. Сейчас я хочу обосновать это решение, так, чтобы помещенное в секретный отчет, оно послужило оправданием наших действий, ибо в противном случае оно послужит обвинительным материалом для военного суда.

Не в компетенции офицеров флота принимать важные политические решения. Учитывая особенные обстоятельства, связанные с личностью госпожи Мак-Кормак, включая сюда и сомнения относительно правомочности содержания ее под арестом, я пришел к выводу о том, что передача ее его превосходительству *была бы* решением важным в политическом отношении, причем последствия его могли бы быть самыми угрожающими. Мой долг — доставить ее властям Флота, которые сами во всем разберутся. В то же время мы не сможем прямо отказать его превосходительству, если он потребует ее выдачи.

— Поэтому, как глава этого судна и офицер «Интеллидженс» Имперского Флота, облеченный особой миссией, наделенный особыми полномочиями и так далее, я

классифицирую присутствие среди нас госпожи Мак-Кормак как особо секретное. Она будет скрыта до того, как нас возьмут на абордаж. Никто не смеет упоминать о ее присутствии до тех пор, пока мы не получим доказательств того, что имеем дело с полномочным правительственным агентом. Тот, кто нарушит это требование, будет считаться преступившим границы закона и правила безопасности и будет отдан под трибунал. В случае настойчивых расспросов можете сказать, что она бежала незадолго перед тем, как мы оставили Дидону. Всем понятно?

Ответом ему были одобрительные крики.

Фландри сел.

— Отлично, — устало промолвил он. — Займите свои места. Пусть сюда приведут госпожу Мак-Кормак. Мне нужно с нею поговорить.

Он выключил интерком. Его люди ушли.

«Я их купил, — подумал он. — Теперь они отправятся на корабле хоть в ад, если только я буду командиром этого корабля. — Он не чувствовал никакого волнения. — Но у меня нет особого желания быть командиром».

Фландри открыл пачку сигарет, найденную среди припасов. Он сидел один в неуютной кают-компании. Кругом было тихо, если не считать шума машин и шагов часового в коридоре.

Но когда вошла Катрин, сердце Фландри подпрыгнуло. Он встал. Она закрыла за собой дверь и остановилась перед ним. Взгляд ее был мрачен. Нож, который он ей дал, висел у нее на бедре. Она все молчала и молчала, и он, заикаясь начал:

— Я... я надеюсь... здешняя капитанская каюта не слишком неудобна для вас.

— Каким образом вы намерены меня скрыть? — спросила она. Голос ее был таким же, как всегда.

— Мицуи и Петрович кое-что переделают в почтовой капсуле. Мы утеплили оболочку и провертели дырки для воздуха, снаружи они будут незаметны. Мы сможем поместить туда еду, питье и... э... все, что вам необходимо. Скучно лежать так, в темноте, но это продлится лишь двадцать-тридцать часов.

— И что потом?

— Если все пойдет так, как я ожидаю, нам разрешат стационироваться на орбите Ллинатавра, — ответил он. Специалистам по кодам не понадобится много времени на то, чтобы снять данные с наших компьютеров. Тем временем нас допросят, и люди, по мере возможности, будут отправлены на катарайнисскую базу, чтобы дожидаться там разрешения на дальнейшее перемещение. Процедура будет простой и быстрой; Флот заинтересован в данных, которыми мы располага-

ем, а не в рассказах о приключениях, которые мы пережили, добывая их. Они могут подождать до расследования дела о потере «Азеноува». Самым важным для них будет поразить повстанцев раньше, чем они переменят код.

Как капитана «Роммеля» я буду отстаивать свое право на самостоятельные действия. Мой статус может оспариваться; но в суматохе ни один бюрократ, я думаю, не станет разводить особую канитель. Мне с легкостью разрешат нести ответственность за это судно, особенно в свете того, что свобода перемещения для меня необходима. «Интеллидженс» намекнет на это.

Как главный, я потребую, по крайней мере, двух помощников. Когда стоишь на орбите, помощники — это, как правило технический персонал. А я дам понять, что в этом отношении Скорбящий стоит троих и готов выполнять все мои распоряжения, так что нет нужды занимать двух специалистов, которые могут быть полезными в другом месте.

Когда ты останешься одна, хиш позволит тебе выйти.

— Почему? — спросила она.

— Что «почему»? — Он притушил сигарету и вытащил другую.

— Я не понимаю... почему ты сделал то, что сделал... с Хьюгом. Я не ожидала от тебя этого. Я считала тебя храбрым и достаточно честным для того, чтобы стоять за правое дело, но теперь я склоняюсь к тому, что у тебя низкая и подлая душонка.

. Но вот чего я понять не могу, просто в голове не укладывается, это то, как ты... после всего... смог снова потащить меня в рабство. Ведь если бы ты не велел Скорбящему схватить меня, то среди твоих людей не нашлось бы ни одного, кто не отвернулся бы, когда я метнулась бы к лесу.

Теперь он просто не мог смотреть ей в лицо.

— Ты мне нужна, — промямлил он.

— Для чего? Чтобы выжать из меня до последней капли ту малость, что мне известна? Чтобы дразнить мною Хьюга в надежде свести его с ума? Как пример в назидание другим? И не важно, имперская ли справедливость или имперское милосердие принесут мне смерть, когда убьют Хьюга. — Она не плакала, не умоляла. Краем глаза он видел, как она медленно и недоуменно покачивает головой.

— Не *могу* понять.

Фландри сдался. Попытаться доказать ей что-то было все равно, что стучаться кулаком в стальную стену.

— А я не могу объяснить тебе это сейчас, — взмолился он. — Все еще слишком неясно. Предстоит еще столько сделать. Но...

Она прервала его:

— Я буду играть в твою игру: ведь это — единственный способ избежать лап Снелунда. Но я предпочитаю больше тебя не видеть. — Голос ее был все так же спокоен. — Ты окажешь мне большую любезность, если не будешь присутствовать, когда меня будут запихивать в этот гроб.

Он кивнул. Катрин вышла. Скорбящий тяжело затопал следом.

Несмотря на трудные времена, стол губернатора сектора Альфа Круцис был великолепен. Более того, он был самым очаровательным хозяином, обладая редким даром слушать и способностью делать остроумнейшие замечания. Хотя большая часть Фландри являла собой пантеру, прятавшуюся за внешней улыбчивостью, меньшая его часть наслаждалась этой первой за долгие месяцы по-настоящему цивилизованной трапезой.

Он закончил описание событий на Дидоне как раз тогда, когда бесшумные слуги унесли последние золотые тарелки, внесли бренди, сигары и исчезли.

— Удивительно! — восхитился Снелунд. — До чего же интересная раса. Вы сказали, что захватили один образчик с собой? Я хотел бы познакомиться с этим существом.

— Это легко устроить, ваше превосходительство, — сказал Фландри. — Гораздо легче, чем вы, возможно, предполагаете.

Брови Снелунда едва заметно приподнялись, а пальцы сжали ножку бокала чуть сильнее обычного. Фландри, вольготно раскинувшись в кресле, наслаждался букетом напитка, игрой красок внутри бокала, нежной музыкой, доносящейся неведомо откуда. Они находились на верхнем этаже дворца. Комната была небольшой, но роскошной. Стена была открыта навстречу летнему вечеру. Воздух из сада нес с собой запах роз, жасмина, и еще каких-то экзотических цветов. Внизу сверкал город — целая россыпь огней, сверху лилось свечение башен, весело мигали огоньки воздушных машин. Шум уличного движения доносился сюда едва слышным шепотом. Трудно было поверить в то, что все вокруг заняты приготовлениями к войне.

Снелунд не пытался давить на Фландри. Тот мог в своей горячности и неблагоразумии похитить Катрин Мак-Кормак для «специального допроса, долженствующего помочь достижению успеха в деле». Он мог потерять вначале корабль, а потом пленницу по своей горячности и неосторожности. Но после того, как он вернулся с уловом, который позволял адмиралу Пикенсу уничтожить восставших единым смертонос-

ным ударом, без помощи с Земли и без многочисленных и утомительных карательных операций, губернатор не мог не быть отменно-вежливым с человеком, спасшим его политическое лицо.

И все же, предлагая секретную беседу, Фландри не ожидал обеда наедине.

— Вот как? — выдохнул Снелунд.

Фландри посмотрел на него: пышные волнистые волосы, женственные черты лица, яркая — пурпурная с золотом — одежда, блеск и мерцание драгоценностей. «А за всем этим, — подумал Фландри, — скрываются сильная воля и опыт».

— Дело в том, сэр, — сказал он, — что мне предстоит решить одно деликатное дело.

Снелунд кивнул, улыбаясь, но глаза его при этом остались неподвижными и жесткими как два камня.

— Я это подозревал, командор. Некоторые детали вашего рапорта и поведения, некоторые приказы, отданные вами, которые в обычных обстоятельствах были бы бессмысленными, не прошли мимо моего внимания. Вы должны благодарить меня за то, что я не отдал некоего распоряжения, с которым вы, я это чувствую, не стали бы спорить. Мне было интересно, что у вас на уме.

— И я очень благодарен вашему превосходительству. — Фландри раскурил сигару. — Для вас этот вопрос тоже не прост. Позвольте напомнить вам о дилемме, стоявшей передо мной на Дидоне. Леди Мак-Кормак пользовалась среди моих людей чрезвычайной популярностью.

— Естественно. — Снелунд рассмеялся. — Я научил ее кое-каким необычным фокусам.

«У меня нет оружия под этой формой, Аарон Снелунд. У меня нет при себе ничего, кроме рук и ног. А еще есть черный пояс каратэ, плюс знание других видов борьбы. Если бы не дело, я с радостью принял бы смертный приговор в обмен на радость видеть тебя разобранным на составные части».

Поскольку существо это могло вспомнить, какой была ее душа, когда он заставлял ее распахиваться, и теперь искал подтверждений, Фландри кисло усмехнулся.

— Настолько нам не повезло, сэр. Она отказалась даже от моего предложения, каковой факт я сообщаю вам под большим секретом. Но... она ведь была среди нас единственной женщиной... красивой, яркой. К концу путешествия большая часть людей была влюблена в нее. Она оставляла у них впечатление о том, что ее пребывание здесь было... э-э... неприятным. Честно говоря, сэр, я боялся мятежа, если люди

узнают о том, что она будет передана вам. И я не мог пойти на риск потерять код.

— Значит, вы потворствовали ее побегу. — Снелунд сделал глоток. — Все указывает на это, командор. Разумное решение, хотя вы не осмелились отметить его в отчете. Ею можно будет заняться и позже.

— Но, сэр, я ничего такого не делал.

— Что?! — Снелунд резко выпрямился.

Фландри поспешно заговорил:

— Оставим экивоки, сэр. Она выдвинула против вас весьма серьезные обвинения. Есть люди, которые не прочь воспользоваться ими для того, чтобы доказать, что причиной восстания явились ваши действия. Я этого не хотел. Если вы достаточно хорошо знаете историю, то согласитесь со мной: самый действенный повод к возникновению беспорядков это вид мученика, а особенно — мученицы, привлекательной женщины. Империя пострадала бы. Я пришел к выводу, что мой долг — придержать ее. Чтобы добиться согласия моих людей, мне пришлось убедить их в том, что она не будет возвращена сюда, но она будет доставлена в отдел Флота, законы которого защищают заключенного, а тот волен давать или не давать показания.

Лицо Снелунда покрылось смертельной бледностью.

— Продолжайте, — сказал он.

— Примерно через три дня флот будет готов к броску на Сатан, — продолжал Фландри, — поскольку разведчики подтвердили тот факт, что доставленный мною код все еще используется. Я не намерен его сопровождать. Мои люди ждут, что я добьюсь разрешения послать «Роммеля» на Ифри, на Землю или в другое место, где судно будет в безопасности. У них есть возможность выяснить, сделал ли я это. Вы же знаете, что слово, выпущенное на свободу, может пройти достаточно долгий путь. И если станет известно, что я не выполнил своего обещания, я не могу ручаться, что все мои парни будут хранить тайну. И в такой ответственный момент вы бы были скомпрометированы, сэр.

Снелунд осушил свой бокал и вновь его наполнил.

— Почему вы говорите мне все это?

— Я уже объяснил вам причину. Как патриот Империи я не могу позволить ничего такого, что могло бы продлить восстание.

Снелунд внимательно изучал его.

— Значит, она вам отказала? — сказал он, наконец.

— А мне ничего и не нужно было от такого товара, прошедшего через столько рук, — сердито бросил Фландри. По-

том, уже спокойно, он добавил: — Но речь не об этом. Моя обязанность... по отношению к вам, ваше превосходительство, равно как и к Империи...

— Да-а, — протянул Снелунд, — не мешает иметь в должниках человека, который успешно поднимается по самой высокой лестнице, не так ли?

Фландри казался смущенным.

— Д-да, думаю, мы с вами сможем договориться, — сказал Снелунд. — Что вы предлагаете?

— Дело обстоит таким образом, — начал Фландри. — Согласно официальной версии, на «Роммеле» сейчас нет никого, кроме моего составного дидонианина. А хиш никогда не заговорит. Если бы мне суждено было сегодня получить приказ — отправиться в определенное место, но, скажем, «отбыть» для рекогносцировки и отчета... — то делу мог бы помочь телефонный звонок вашего превосходительства кому-либо из штаба адмирала Пикенса. Я мог бы подняться на корабль и «отбыть». Что же касается моих людей, то, не получая известий о леди Мак-Кормак в течение года, они постепенно, перестанут о ней думать — новые дела, новые чувства. Забвение — хороший союзник, ваше превосходительство.

— Так же, как и вы, — улыбаясь, проговорил Снелунд. — Я уверен, что нашим карьерам предстоит тесно переплестись, командор. Если я смогу вам доверять...

— Пойдемте, убедитесь сами, — предложил Фландри.

— А?

— Вы сказали, что вам было бы очень интересно встретиться с моим дидонианином. Здесь нечего скрывать. Я дам вам орбитальные координаты «Роммеля», и вы сами поднимитесь к нему на вашем флиттере, никому ничего не говоря. — Фландри выпустил клуб дыма. — Вам, вероятно, хотелось бы лично произвести экзекуцию, чтобы быть уверенным в том, что она соответствует тяжести преступления. Время есть.

И он стал ждать.

На лбу Снелунда выступили капельки пота, и он алчно выпалил:

— Да!

Фландри не смел поверить, что в его руках тот приз, за который он боролся. Если бы он потерпел неудачу сейчас, он бы бросил всю свою жизнь на то, чтобы добиться его другими способами. Он почувствовал вдруг такую слабость и головокружение, что даже засомневался, сможет ли выбраться отсюда.

Однако ему удалось это, и уверенность снова вернулась к нему. Губернаторская машина доставила его на катарай-

нисскую базу, где он переоделся в рабочий мундир, получил соответствующий приказ и поднялся на флиттере к «Роммелю».

Фландри сидел на мостике один, погруженный в собственные мысли. Видеоэкран показывал ему планету и звезды, сияющие своей обычной спокойной красотой.

Завибрировал металл, зашипел шлюз, быстро заработали гравзы. Фландри встал и пошел встречать гостя.

Снелунд, тяжело дыша, вышел из шлюза. С собой он нес сумку с набором хирургических инструментов.

— Где она? — быстро спросил он.

— Сюда, сэр, — Фландри пропустил его вперед. Он, казалось, не обратил внимание на пистолет Фландри, захваченный на тот случай, если бы Снелунд явился с телохранителями. Но их не было — ведь и они могли бы оказаться болтливыми. Скорбящий стоял возле капитанской каюты. Испытывал он ксенологический интерес, или нет, но Снелунд едва взглянул на хиша и лишь нетерпеливо поглядывал на дверь, пока Фландри говорил на жаргоне:

— Что бы ты ни услышал, стой здесь, пока я не отдам тебе другого распоряжения.

Рог когаса кивнул в знак понимания. Рукас тронул топор, висевший у него на боку. Крилло насторожился.

Фландри открыл дверь.

— Я привел тебе гостя, Катрин, — сказал он.

Она испустила такой вопль, что он долго потом слышал его в своих кошмарах. Его марсейанский нож блеснул в ее руке.

Он вырвал у Снелунда сумку и перехватил его руки жестом, отнюдь не напоминающим пожатие. Пинком закрыв за собой дверь, он сказал:

— Любым способом, какой пожелаешь, Катрин. Абсолютно любым.

И тут Снелунд закричал.

15

Усевшись в пилотское кресло шлюпки, Фландри активизировал приборы и включил видеоэкран. Пространство расступилось перед ним. Мрачный Сатан и блестящие звезды медленно проплывали мимо «Роммеля», пока он крутился вокруг планеты. Дважды Фландри замечал, как серебряное с черным мелькало на фоне созвездий и Млечного Пути: военный корабль. Но одни чувства не могли убедить его в том, что он находится в центре флота повстанцев.

Потом ему сказали об этом приборы и несколько кратких разговоров, когда он очутился в пределах радиосвязи. Даже когда Катрин говорила с Мак-Кормаком, между ними стояла неведомая преграда. Предупрежденный офицером связи, Мак-Кормак имел время приготовиться. Как мог он быть уверен в том, что это не ловушка? Если он действительно говорил со своей женой, а не с ее электронной тенью, то она могла находиться под воздействием мозгового излучателя и произносить те слова, которые вкладывал в ее среднее ухо оператор. И те безразличные предложения, которые она произносила, так же, как и ее безжизненный голос, могли лишь укрепить его в этом страшном предположении. Фландри был удивлен. Он считал само собой разумеющимся, что адмирал должен был плакать от радости. Объяснялось ли это простой потребностью в приватности, или же в этот самый важный и самый напряженный момент она таким образом удерживала себя от истерики? Она повиновалась приказаниям Фландри, ничего не скрывала от него и настояла на том, чтобы два человека дежурили у плотно закрытой двери его каюты, пока все не будет закончено. Мак-Кормак согласился, хотя голос его звучал не совсем твердо; а потом все пошло очень быстро — объяснение направлений, расстояний, подходов и орбит — и Фландри уже не мог узнать, что она чувствовала.

Но когда он собрался выйти, она взяла его за руки, посмотрела ему прямо в глаза и прошептала:

— Доминик, я молюсь за вас обоих. — Ее губы коснулись его губ. Они были холодными, как и ее пальцы, с солоноватым привкусом. Прежде, чем он успел ответить, она ушла.

Пока они летели сюда, между ними установилась странная близость. Кровавый подарок, который он ей преподнес; выношенный им план и то, как она прекрасно ему помогала после того, как поняла, что он останется ему верен; и, временами, разговоры о прежних днях и далеких мирах, особенно о событиях на Дидоне — Фландри сомневался в том, что мужчина и женщина могут быть ближе друг к другу даже во время медового месяца. В одном смысле — да, несомненно, могли, но оба они избегали разговоров об этом.

И вот в поле зрения появился «Персей» — и это, так или иначе завершало ее приключения. Флагман казался огромным, как луна, ярко сверкали пушки, подобно кристаллическому лесу светились сенсоры. Его окружали корабли-спутники. Глазок индикатора на приборной доске перед Фландри мигнул, и голос в приемнике сказал:

— Мы взяли вас на абордаж. Давайте.

Он включил гравзы. Шлюпка оставила «Роммеля» и попала под контроль «Персея». Переход был коротким, но напряженным для обоих сторон. Как мог Мак-Кормак быть уверен в том, что все это — не уловка, чтобы доставить атомную бомбу на его корабль и взорвать его?

«Никак, — подумал Фландри. — Особенно после того, как я отказался от сопровождающих. Конечно, этот отказ мог быть продиктован страхом оказаться схваченным патрульным судном — и он отчасти был им продиктован — но все равно... Он смелый человек, этот Мак-Кормак. Он неприятен мне до мозга костей, но он смелый человек.»

Лацпорт открылся и поглотил его. Несколько мгновений он сидел, слыша, как шипит нагнетаемый воздух. Открылись клапаны. Он вышел из шлюпки навстречу ожидающим его людям. Их было полдюжины. Они мрачно наблюдали за ним, не хватая его, но и не приветствуя.

Он с интересом оглядел их. Их лица, так же как и его, были отмечены печатью голода и напряжения, но казались более угрюмыми.

— Успокойтесь, — сказал он. — Осмотрите мое судно, если хотите. Там нет никаких ловушек, уверяю вас. Впрочем, не будем зря терять время.

— Сюда... пожалуйста. — Лейтенант, возглавлявший группу, пошел вперед, и шаги его были быстрыми и напряженными. Часть людей осталась для того, чтобы обследовать шлюпку.

Те, кто шли следом за Фландри, были вооружены. Его это не беспокоило. Прежде, чем он сможет уснуть, ему предстояло посмотреть в лицо опасностям куда худшим, чем эта.

Они прошли по металлическим туннелям и углублениям, мимо сотен глаз, в молчании, нарушаемом лишь биением пульса корабля. Наконец они дошли до двери, охраняемой четырьмя часовыми. Переговорив с ними, лейтенант открыл дверь. Он отдал честь и доложил:

— Командор Фландри, сэр.

— Впустите его, — ответил спокойный низкий голос. — Оставьте нас одних, но будьте наготове.

— Слушаюсь, сэр. — Лейтенант отступил в сторону, и Фландри прошел мимо него. Звуконепроницаемая дверь закрылась с мягким шипением.

Молчание тяжелым облаком сгустилось в салоне адмирала. Он состоял из двух кают. Эта, главная, была обставлена очень просто: кресла, стол, диван, простой ковер. Все было светло-серого цвета. Несколько картин и анимаций придавали комнате индивидуальность: семейные портреты, виды родных

мест. Такую же роль играли шахматы, а еще — книжная полка, на которой стояли самые разнообразные книги — военные и юридические труды, классика и научные монографии. Одна из внутренних дверей была открыта, и за ней виднелся кабинет, где Мак-Кормак, должно быть, часто и подолгу трудился. «А спальня, конечно, совсем уж аскетическая, — подумал Фландри, — камбузом и баром пользуются редко, а...»

— Приветствую вас, — сказал Мак-Кормак. Он держался прямо, хотя и был изнурен не меньше своих людей; одежда его была очень аккуратной, и знаки отличия ярко сияли на его плечах. Он уже не молод, заметил Фландри: в волосах его седины больше, чем это было видно на фотографиях, и кости на лице выступали резче, и морщин было побольше, а глаза запали так, что нос и подбородок казались крупнее, чем были на самом деле.

— Добрый день, — на мгновение Фландри ощутил благоговение, но тут же прогнал его и вновь сделался холоден.

— Вы могли бы и отдать честь, командор, — спокойно сказал Мак-Кормак.

— Это было бы нарушением устава, — ответил Фландри. — Вы ведь сложили с себя полномочия.

— Вот как? Что ж... — Мак-Кормак повел рукой. — Может быть, лучше сядем? Не желаете ли что-нибудь съесть?

— Нет, благодарю вас, — ответил Фландри. — У нас нет времени на дипломатию: флот Пикенса обрушится на вас через семьдесят часов.

Мак-Кормак опустился в кресло.

— Мне об этом известно, командор. Вы, знаете ли, задали работу нашим разведчикам. Подобное скопление сил скрыть невозможно. Мы приготовились к бою, мы рады ему. — Он посмотрел на молодого человека и добавил: — Вы заметили, что я обращаюсь к вам по званию. Я, Император всех подданных Земли. После войны я собираюсь даровать амнистию всем, кто действовал против меня. Возможно, даже вам.

Фландри сел напротив него, положил ногу за ногу и улыбнулся.

— Вы откровенны, не так ли?

— Лишь отчаяние побудило вас торговаться, используя мою жену в качестве заложника. — Мак-Кормак сурово сжал губы. Его ярость мгновенно стала явной, хотя голос и не стал громче. — Я презираю тех, кто опускается до таких методов. Неужели вы могли себе представить, что я покину тех, кто мне доверился, чтобы спасти одного человека, пусть и самого дорогого для меня? Сообщите Снелунду и его бандитам, что для них не будет ни мира, ни прощения, пусть даже они убе-

гут на край вселенной. Но и умереть можно по-разному, и если моей Катрин будет причинен вред, люди еще миллион лет будут вспоминать об их конце.

— Я не могу выполнить ваше поручение в точности, — ответил Фландри, — учитывая то, что Снелунд мертв. — Мак-Кормак встал. — То, что мы с Катрин хотим вам сообщить, заключается в следующем: если вы и ваши сторонники примете битву, это будет конец для вас.

Мак-Кормак подался вперед, схватил Фландри за плечи и встряхнул изо всех сил.

— Что все это значит?! — закричал он.

Фландри одним движением вырвался.

— Не нужно хватать меня, Мак-Кормак, — проговорил он.

Теперь они оба стояли — двое высоких мужчин, подстать друг другу. Кулаки Мак-Кормака были сжаты. Дыхание со свистом вырывалось из его груди. Руки Фландри были спокойно опущены, но колени напряжены, и он был готов в любой момент отразить нападение. Так они стояли тридцать безумных секунд.

Мак-Кормак овладел собой, сделал несколько шагов по комнате и вернулся обратно.

— Хорошо, — сказал он придушенным голосом. — Я согласился с вами встретиться, следовательно, должен вас выслушать. Продолжим.

— Так-то лучше. — Фландри снова опустился в кресло и достал сигарету. Внутри у него все еще дрожало, его попеременно бросало то в жар, то в холод. — Дело в том, — продолжал он, — что у Пикенса есть ваш код.

Мак-Кормак так и застыл на месте.

— Имея его, — излишне подробно продолжал Фландри, — он легко рассеет вас на мелкие группы и переловит вас раньше, чем вы сможете убежать. У вас нет времени на перекодирование, и никогда уже не будет. Ваша карта бита, Мак-Кормак.

Он махнул сигаретой.

— Катрин это подтвердит, — добавил он. — Она — свидетельница всего, что произошло. Скоро вы с ней очутитесь с глазу на глаз, и она расскажет вам чистую правду, без какого-либо медикаментозного воздействия. Надеюсь, вам не понадобится никаких психологических тестов, даже если вы не та влюбленная парочка, за которую она вас выдает. Кроме того, после разговора с нею вы можете послать команду для изучения моего центрального компьютера. Она обнаружит ваш код на его записях. Это, конечно, сделает гипердрайв

невозможным для меня, но я не возражаю против того, чтобы подождать Пикенса здесь.

Мак-Кормак не сводил взгляда со своего письменного стола.

— Почему она не поднялась на борт вместе с вами? — спросил он.

— Она находится под моей охраной, — ответил Фландри. — Ей не грозит абсолютно ничего, если только ваши люди не начнут делать глупости... вроде стрельбы по моему судну. Но если я вовремя не покину ваш флагман, моя команда примет соответствующие меры.

«Которые, дорогой Хьюг, вы, конечно, интерпретируете следующим образом: у меня есть достаточно тренированные люди, которые в случае вашего плохого поведения, смогут увести корабль. Подобное заключение вполне естественно, и я намеренно не делал ничего такого, что могло бы увести вас от него. То, что вся моя команда — это Скорбящий, который не сумеет провести даже шлюпку через бассейн, и что приказы, отданные хишу, не имеют никакого отношения к тому, что может случиться... все это вам лучше не знать. Лучше я сообщу вам кое-какие сведения приватного характера.»

Мак-Кормак поднял голову и внимательно всмотрелся в него. Шок, вызванный изумлением, прошел, к адмиралу вернулись его самообладание и разум.

— Она — *ваша* заложница? — спросил он с каким-то клекотом в горле.

Фландри кивнул, затягиваясь сигаретой. Табак действовал на него успокаивающе.

— Угу. Это долгая история. Катрин расскажет вам большую ее часть. Но главное вот в чем: хотя я и служу Империи, но нахожусь здесь неофициально и без ее ведома.

— Почему?

Пристально глядя на собеседника, Фландри ответил, четко выговаривая каждое слово:

— По ряду причин, включая и ту, что я — друг Катрин. Я — тот, кто отобрал ее у Снелунда. Я взял ее с собой, когда отправился посмотреть, есть ли возможность излечить вас от мании величия. Вы оставили систему Виржила, но один из ваших прелестных варварских корабликов атаковал нас и уничтожил наш корабль. Мы высадились на Дидоне и пешком прошли до Порт-Фридериксена. Там я захватил военное судно, с которого и снял код... то самое, которым теперь командую. Когда я привел его к Ллинатавру, мы с моими людьми сохранили тайну Катрин. Они считают, что космос принадлежит в равной мере и ей. Я завлек на борт судна губернатора

Снелунда и держал его за запястья, пока она перерезала ему горло. Мы с вами пошли бы на худшее, но у нас с вами во всем организме благопристойности меньше, чем у нее в одной пряди волос. Она помогла мне избавиться от улик, потому что я намерен вернуться домой. Мы выпихнули его на метеоритную траекторию у внешней планеты. Потом мы направились к Сатану.

Мак-Кормак содрогнулся.

— Вы хотите сказать, что она перешла на вашу сторону... к вам? Неужели вы с ней...

Сигарета Фландри упала, разбрасывая искры. Он вскочил, схватил Мак-Кормака за китель, с внезапно проснувшейся в нем яростной силой зажал в другой руке сопротивляющиеся руки Мак-Кормака, и начал трясти адмирала, крича:

— Укроти язык, сукин сын! Да будь на то моя воля, это ваше тело летало бы в космосе! Но есть Катрин. Есть люди, которые следуют за вами. Есть Империя. Лучше встаньте на колени, Мак-Кормак, и возблагодарите глупого бога, которого вы взяли себе в подручные, за то, что мне приходится искать какой-нибудь способ спасти вашу жизнь, потому что иначе вред от вас удесятерится!

Он с силой оттолкнул адмирала от себя. Мак-Кормак с трудом сохранил равновесие и, оцепенев, смотрел в лицо стоящему против него и пылающему яростью молодому человеку. И его собственная ярость поутихла.

Фландри отвернулся.

— Прошу прощения, — бесцветным голосом сказал он. — Я не извиняюсь, поймите. Я лишь сожалею о том, что потерял самообладание. Непрофессионально с моей стороны, особенно если учесть, что у нас мало времени.

Мак-Кормак кивнул.

— Я сказал, что буду слушать вас. Может быть, сядем и попробуем начать сначала? — Фландри невольно восхитился им.

Они неудобно пристроились на краешках кресел. Фландри достал новую сигарету.

— Между мной и Катрин никогда ничего не было, — сказал он не сводя глаз с крошечной красной точки. — Не стану отрицать, я хотел бы этого, но... ничего не было. Она всецело предана вам и всему, что с вами связано. Думаю мне удалось убедить ее, хотя и не до конца, что ваш курс ошибочен. И, во всяком случае, она полна решимости последовать за вами куда угодно и помогать вам во всех ваших делах. Разве такое решение не заслуживает благоговения?

Мак-Кормак глотнул. Через несколько мгновений он произнес:

— Вы замечательный парень, командор. Сколько вам лет?

— Наполовину меньше, чем вам. И все же мне приходится объяснять вам, что такое жизнь.

— Почему я должен вас слушать, — Мак-Кормак произнес эти слова вопросительно, но интонация была не самая смиренная. — Вы ведь поддерживаете мерзкое правительство. Вы сами признаетесь, что хотите разрушить мое дело?

— Оно разрушено и без меня. Мне известны успехи вашей оппозиции. Мы с Катрин надеемся, что нам удастся удержать вас от дальнейшей траты жизней, сокровищ и кораблей.

— Наши перспективы не так уж плохи. Я разработал план...

— Самым худшим его последствием была бы ваша победа.

— Что? Фландри, я... я всего лишь человек со своими слабостями, но *любой* был бы лучше на троне, чем Джосип, назначивший Снелунда губернатором.

С улыбкой, потому что его собственная ярость умирала, уступая место жалости, Фландри ответил:

— В этом Катрин все еще согласна с вами. Она все еще считает вас самым подходящим человеком для этого дела. Я не смог убедить ее в обратном, да и не очень старался. Видите ли, не имеет значения, права она или ошибается. Факт остается фактом: вы могли бы дать нам самую блестящую в истории администрацию, но все равно ваше воцарение было бы катастрофой.

— Но почему?

— Вы разрушили бы принцип законности. Империя переживет Джосипа. Обширность ее интересов, осторожность ее бюрократического аппарата, ее размеры и инерция сдержат его, помешают нанести непоправимый вред. Но если бы вы взяли трон силой, то почему бы другому адмиралу не проделать то же самое в другом поколении? И еще раз, и еще, пока гражданские войны не разобьют Империю на мелкие куски. Пока не придут марсейане и варвары. Вы сами нанимали варваров, чтобы бороться против Земли, Мак-Кормак. Принимали ли вы предосторожности или нет, но вы их нанимали, и этот факт останется, и рано или поздно придет повстанец, который пообещает им в награду всю Империю. И потом придет Долгая Ночь.

— Я никак не могу с вами согласиться, — с жаром возразил адмирал. — Поддерживать обреченный режим...

Фландри прервал его.

— Я не собираюсь обращать вас в свою веру. Я просто объясняю вам, почему сделал то, что сделал. Невозможно восстановить то, что было с такой тщательностью дискредитиро-

вано. Все, чего достигла ваша революция — это убийства, разрушение кораблей, в которых мы испытываем жесточайший дефицит, зарождение мятежных настроений, которые не улягутся еще годы — и все это в критическом приграничном районе.

— А что же мне следовало сделать? — продолжал спор Мак-Кормак. — Оставим в стороне мою жену и меня. Подумайте о том, что Снелунд сделал с этим сектором. О том, что бы он сделал, если и когда вернулся бы на Землю. Есть ли другое решение, кроме как с корнем вырвать этот сорняк?

— Вырвать... уничтожить... все вы, радикалы одинаковы, — сказал Фландри. — Вы думаете, что все зло проистекает из одного-двух источников, и если только вы до них доберетесь, жизнь автоматически превратится в райскую. Все куда сложнее. Почитайте исторические труды и увидите, что за результаты давал каждый взрыв насилия со стороны реформистов.

— Все это ваши теории! — вспыхнул Мак-Кормак. — А я... мы смотрели в лицо фактам.

Фландри пожал плечами.

— Было много различных путей, — сказал он. — Кое-какие начали разрабатываться: жалобы на Снелунда, давление на Императора с тем, чтобы Снелунд был выведен из состава кабинета или, по крайней мере, находился под контролем. Если бы с этим ничего не вышло, вы могли бы организовать заговор против него лично. Не стану отрицать: он представлял собой опасность для Империи. Предположим, после того, как вас освободили, вы и ваши друзья могли бы устроить налет на дворец с целью освободить Катрин и убить Снелунда. Разве этого не было бы достаточно?

— Но что бы мы делали потом?

— Поставили бы себя вне закона, — Фландри кивнул. — Примерно так, как это сделал я, хотя я и надеюсь скрыть вину, которой за собой не чувствую. Если даже оставить в стороне мое личное благополучие, факт этот, получи он огласку, явил бы собой плохой прецедент. К числу ваших пробелов, Мак-Кормак, относится недооценка общественного лицемерия.

— Мы не могли... прятаться за чужую спину.

— Да, конечно, и вам нужно бы было сразу сделать то, что вы и многие другие вынуждены будете сделать сейчас — уйти за пределы Империи.

— Вы с ума сошли! Куда?

Фландри снова встал и посмотрел на него сверху вниз.

— Это вы сошли с ума, — сказал он. — Мне кажется, что только упадком нашего духа можно объяснить тот факт,

что мы, в наши дни, перестали думать об эмиграции. Лучше сидеть дома, думаем мы, и цепляться за то, что имеем и хорошо знаем — за свой комфорт, свои гарантии, свои связи... чем навсегда раствориться в этой огромной и странной вселенной... И это даже тогда, когда то, за что мы цепляемся, разлетается под нашими руками в пух и прах. Но пионеры все же действуют. Есть еще место — вся галактика за теми несколькими звездами, которые, как мы считаем, наши.

— Вы сможете скрыться, если отправитесь в ближайшие несколько часов. За это время ваши люди успеют забрать семьи и высадить тех, кто не захочет улетать. Этим придется полагаться на милость правительства, хотя, я думаю, необходимость вынудит его быть снисходительным. Рандеву назначьте у максимально отдаленной звезды. Вряд ли какой-либо из ваших кораблей будут преследовать за пределами границы, если даже его обнаружат. Уходите как можно дальше, Мак-Кормак, так далеко, как только сможете. Найдите новую планету. Найдите новое общество. Никогда не возвращайтесь назад.

Адмирал тоже встал.

— Но я не могу отказаться от своих обязательств, — простонал он.

— Вы однажды сделали это, когда восстали, — сказал Фландри. — Ваш долг — спасти то, что вы еще можете спасти, и прожить остаток своей жизни с сознанием того, что вы здесь сделали. Может быть, руководство людьми на их пути к новой жизни утешит вас. — «Уверен, что со временем так и будет. Веры в собственную правоту в тебе столько же, сколько в истинном короле». — И Катрин. Она хочет уйти. Она очень этого хочет. — Он встретился взглядом с Мак-Кормаком. — Ни одно существо никогда не имело большего права на то, чтобы покинуть цивилизацию, чем она.

Мак-Кормак болезненно сморщился.

— Никогда не возвращайтесь, — повторил Фландри. — Даже не думайте о том, чтобы набрать варваров-наемников и вернуться. Тогда вы превратитесь во врага, настоящего врага. Я хочу чтобы вы дали в этом свое слово чести. Если не дадите его мне и Катрин, то ей не будет позволено вернуться к вам, чтобы вы со мной ни сделали. — «Я вру, как последняя скотина.» — Если вы дадите его и нарушите, она вам этого не простит.

Несмотря ни на что, вы умелый руководитель. Вы — тот человек, который сумеет подготовить эмиграцию, сумеет сообщить, убедить, организовать, действовать. Дайте мне слово, и Катрин прибудет к вам в моей шлюпке.

Мак-Кормак закрыл лицо руками.

— Слишком все это внезапно. Я не могу...

— Ну что ж, если хотите, давайте сперва обговорим кое-какие практические вопросы. Я уже взвесил различные детали.

— Но... я не могу...

— Катрин все равно ваша, — с горечью проговорил Фландри. — Докажите же мне, что вы достойны ее.

Она ожидала в шлюзе. Часовые замкнули ее в свой круг, как стая волков. Ему бы хотелось, чтобы на лице ее, которое он видел в последний раз, не было столько муки и страдания.

— Доминик?.. — прошептала она.

— Он согласился, — сказал ей Фландри. — Ты можешь идти к нему.

Она качнулась. Он подхватил ее и поддержал.

— Ну-ну, — сказал он грубовато, хотя сам с трудом сдерживал слезы, и погладил ее по блестящим растрепанным волосам. — Ну-ну, все кончено, мы победили, ты и я... — Она продолжала клониться. Он едва успел удержать ее.

С дорогой ношей на руках, он прошел в больничный отсек, уложил ее и сделал стимулирующий укол. Через несколько секунд краски вновь ожили на ее лице, ресницы дрогнули, зеленые глаза разыскали его взглядом.

— Доминик! — крикнула она. В голосе ее дрожало рыдание. — Это правда?

— Сама увидишь, — улыбнулся он. — Но будь осторожна. Я впрыснул тебе самую минимальную дозу.

Она подошла к нему, все еще измученная и потрясенная. Их руки встретились. Поцелуй их был долгим, почти бесконечным.

— Я хочу, — надломленным голосом произнесла она, — я почти хочу...

— Нет. — Он снял ее голову со своего плеча.

Она отступила назад.

— Тогда я хочу, чтобы у тебя было все, что только может быть в жизни хорошего, с девушкой, которая действительно создана для тебя.

— Спасибо, — сказал он. — Насчет меня не беспокойся. Все, что произошло, стоило того неприятного, что у меня было. — «И будет всегда». — Не стоит медлить, Катрин. Иди к нему.

И она пошла. Он следил за шлюпкой, уносящей ее к Мак-Кормаку, пока та не исчезла. Потом он стал ждать техников Мак-Кормака.

16

Странные солнца мерцали вдалеке. Темнота поглотила последние из имперских звезд.

Мак-Кормак закрыл за собой дверь каюты. Катрин встала с дивана. Она хорошо отдохнула — вначале под действием седативных средств, потом транквилизаторных — и лечение вкупе с хорошим питанием вернули ей былую красоту. На ней было серое переливающееся платье. Оно оставляло открытыми шею и ноги до икр, и, туго перехваченное в талии, подчеркивало изгибы ее сильного тела.

Он остановился.

— Я не ожидал, что ты уже здесь, — вырвалось у него.

— Медики освободили меня, — ответила Катрин, — учитывая то, что мне полезна смена впечатлений. — Улыбка ее была робкой.

— Но... да, пожалуй, — сказал он, и голос его звучал напряженно. — Мы точно установили, что наш маневр вокруг этой туманности сбил с толку разведчиков противника. В межзвездном пространстве, не нанесенном ни на одну карту, им никогда нас не найти. Да я и не думаю, чтобы они очень этого хотели. Слишком рискованно посылать так далеко корабли, необходимые на границах Империи. Нет, нет, мы не встретимся с ними — если только не вздумаем вернуться.

Она испуганно воскликнула:

— Это невозможно! Ты же обещал!

— Я знаю. Не то, чтобы я не мог ... если бы... Нет, я не боюсь, я не хочу. Фландри, черт бы его побрал, был прав. Мне пришлось бы искать союзников, а этим союзникам пришлось бы предложить на разграбление Империю. Будем же надеяться, что угроза моего возвращения вынудит их найти хорошего губернатора.

Но она сказала только:

— Диуба, как ты можешь в такую минуту думать о политике и о войне?

— Прости меня, — проговорил он. — Никто не предупредил меня о твоем приходе. А мне нужно было приготовиться.

Она подошла к нему вплотную, но они не обнялись.

— Приготовиться? — переспросила она.

— Нет, нет, ты подумала совсем не о том. И потом, тебе не следует так резко вскакивать. Сядь-ка лучше. Просто... э... нужно все заново устроить в спальне и...

Она быстро закрыла глаза. Когда она снова их открыла, самообладание уже полностью вернулось к ней.

— Бедный Хьюг, — проговорила она. — Ты тоже очень испуган. Я должна была подумать о том, как тебе будет больно.

— Чепуха, — ответил он и потянул ее к тахте.

Она сопротивлялась так настойчиво, что он опустил руки. Прижавшись щекой к его груди она сказала:

— Подожди. Мы пытаемся не думать о нас. О том, чем я могу быть для тебя после всего, что со мною случилось. Но если то, что осталось во мне невысказанным... что касается меня и Фландри... это не значит, что мы... Клянусь, это не так.

— Я не могу в тебе сомневаться, — проговорил он в ее волосы.

— Нет, просто ты настолько благороден, что не можешь не верить в меня изо всех сил и даже не пытаешься предположить что у нас было. Бедный Хьюг, так жить невозможно.

— Но вместе мы... — он теснее прижал ее к себе.

— Я помогу тебе, если ты мне поможешь. Мне твоя помощь нужна не меньше, чем тебе моя.

— Я понимаю, — мягко проговорил он.

— Нет, Хьюг, не понимаешь, — серьезно ответила она. — Я поняла правду, когда была одна, когда мне не оставалось ничего другого, кроме как думать и думать, пока не придет сон. Я заново пережила то, что случилось со мной во дворце. И именно мне предстоит излечить от этого тебя. Но тебе придется излечить меня от Доминика, Хьюг.

— О, Катрин... — прошептал он.

— Мы попытаемся, — тихо проговорила она. — И мы сможем это сделать, хотя бы наполовину, хотя бы настолько, чтобы можно было жить. Мы должны...

Вице-адмирал Илья Керасков собрал в стопку лежавшие на его письменном столе бумаги. На экране за его спиной сияло изображение Сатурна.

— Ну что ж, — сказал он. — С тех пор, как вы вернулись, я внимательно изучал все ваши отчеты и прочие данные. Вы были очень занятым молодым человеком, лейтенант-командор.

— Да, сэр, — сказал Фландри. Он сидел, но так прямо, что было видно: он весь внимание.

— Я сожалею о том, что пришлось вас отозвать и вы смогли провести в Луна-Прайм только две недели. Приятно оставить за своей спиной все земные неприятности. Но кое-что требует проверки.

— Да, сэр.

Керасков хмыкнул.

— Не беспокойтесь. Мы проведем вас сквозь строй необходимых формальностей, но конфиденциально могу вам сообщить: вы уже не на крючке, и временное звание командора останется при вас навсегда. До тех пор, пока ваш следующий трюк не принесет вам понижения или повышения. Будем считать, что счет открыт.

Фландри откинулся на спинку кресла:

— Благодарю вас, сэр.

— Вы кажетесь несколько разочарованным, — заметил Керасков. — Ждали большего?

— Но, сэр...

Керасков наклонил голову вбок, и улыбка его стала шире.

— А вам бы следовало поклониться мне за то, что вы уже получили. Это ведь моих рук дело. И мне пришлось как следует попотеть, чтобы добиться этого! Правда, — продолжал он со вздохом, — то, что вы достали код, требует дополнительной награды. Но зато остальное! Помимо потери «Азеноува» во время, мягко говоря, безрассудного рейда, вам вменяется в вину много различных вольностей, а кроме того — использование данных вам полномочий в личных целях. Например, освобождение по своему почину пленницы губернатора сектора, увоз ее, потеря ее...

Боюсь, Фландри, что какого бы звания вам не удалось добиться, вы никогда не получите другой команды.

«Это не наказание».

— Сэр, — сказал Фландри, — мой отчет показывает, что я действовал в рамках устава. То же самое можно сказать и о показаниях людей, служивших под моим началом.

— Если принимать во внимание их в высшей степени либеральную интерпретацию происшедшего, все ваши действия были совершенно законны. Но, мошенник вы эдакий, я-то, главным образом, защищал вас потому, что вы нужны «Интеллидженс».

— Еще раз благодарю вас, адмирал.

Керасков открыл ящичек с сигарами.

— Возьмите, — сказал он, — и выкажите вашу благодарность: расскажите мне, что произошло на самом деле.

Фландри взял сигару.

— Обо всем говорится в моем отчете, сэр.

— Да, и я прекрасно узнаю ласку по тому, как она от меня ускользает. Вот, например... Буду цитировать прямо по вашему замечательному отчету: «Вскоре после отбытия с госпожой Мак-Кормак на Землю — с минимальным экипажем на борту судна, ради развития наибольшей скорости и до-

стижения полной секретности, — я, к несчастью, был замечен и атакован вражеским военным судном, которое взяло нас в плен. Доставленный на флагманский корабль, я с удивлением обнаружил повстанцев в состоянии подавленности. Узнав о том, что адмиралу Пикенсу известен их код, они решили покинуть пределы Империи. Госпожа Мак-Кормак предпочла отправиться с ними, и мы с моим дидонианским помощником остались одни на моем выведенном из строя судне. После прибытия лоялистов я был освобожден и вернулся домой, вернув домой и вышеупомянутого дидонианина вместе с обещанной наградой, а потом взял курс на Землю...» Ладно, оставим это, — Керасков отложил листок. — А теперь скажите: какова математическая вероятность того, чтобы патрульному судну удалось обнаружить такой корабль как ваш?

— Видите ли, сэр, — сказал Фландри, — то, что кажется невозможным, порой все же случается. Очень плохо, что повстанцы стерли записи моего компьютера о курсе моего гипердрайва. У меня бы были доказательства. Впрочем они есть и в моем отчете.

— Да, вы в своем отчете выстроили солидную цепь причин, — большую часть из которых нельзя проверить — из-за которых вы вынуждены были делать то, что сделали, или не делать ничего. Вы, должно быть, потратили на это весь обратный путь из сектора Альфа Круцис. Давайте честно. Вы намеренно отправились к Хьюгу Мак-Кормаку и сообщили ему насчет кода?

— Сэр, это было бы предательством.

— Вы не одобряете это, равно как и то, что произошло с губернатором, не так ли? Любопытно, что в последний раз его видели незадолго до того, как вы улетели.

— Многое могло случиться, сэр, — ответил Фландри. — В городе были беспорядки. У его превосходительства были личные враги. Любой из них мог воспользоваться случаем и свести с ним счеты. Если адмирал подозревает меня во лжи, он может санкционировать гипнопробу.

Керасков вздохнул.

— Ладно. Вы же знаете, что ни на чем таком я не собираюсь настаивать. Знаете вы и то, что никто не станет искать возможных свидетелей — слишком большая работа, а выигрыш ничтожно мал. Если оставшиеся повстанцы будут сидеть спокойно, мы позволим им раствориться среди прочего населения. Вы свободны, Фландри. Просто я надеюсь... впрочем, то, что я не копал слишком глубоко, может быть и к лучшему. Курите, курите. И можно послать за спиртным. Скотч любите?

— Просто обожаю, сэр!

Керасков проговорил несколько слов в интерком, положил локти на письменный стол и глубоко затянулся сигарой.

— Но скажи-ка мне хоть одно, блудный сын, — попросил он, — дай мне хоть один правдивый ответ во имя всех звезд и созвездий. Во мне говорит чистое любопытство. Скоро ты получишь длительный отпуск. Где и как твое извращенное воображение подскажет тебе его провести?

— Среди тех приятностей, о которых упоминал адмирал, — честно ответил Фландри. — Вино, женщины и песни. Особенно женщины.

«И кроме памяти, — подумал он с улыбкой, — это все, что оставила мне жизнь. Но она счастлива. И этого для меня достаточно».

ЭПИЛОГ

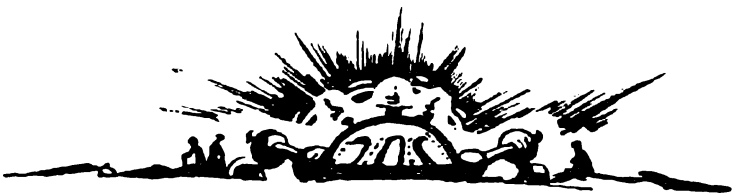
Я помню. Нога уже стара, медленно ходит, и плоть ее болит, когда туман окружает хижину, стоящую на дне зимней ночи. Крылья, оставшиеся от Много Мыслей, слепы. Он сидит на своем месте один, кроме того времени, когда кто-то из молодых приходит за знаниями. Крылья, что принадлежали Открывателю Пещер и Скорбящему, принадлежат сегодня другому из Громового Камня. Руки Много Мыслей и Открывателя Пещер давно уже сложили свои кости в западных горах, откуда давным-давно пришли руки Скорбящего. И все же память жива. Узнавай, молодая рука, о тех, кто создавал единство до того, как я/мы появились на свет.

Это больше, чем смесь из песни, танца и ритуала. Мы, из нашей общины, не можем больше считать, что Наша узкая земля — это целый мир. За джунглями и горами лежит море, за небесами есть звезды, о которых мечтал Открыватель Пещер и которые видел Скорбящий. И есть чужеземцы с единственным телом, те, кто изредка навещают нас ради обмена или беседы, но о ком Мы слышим даже чаще, чем о соседних племенах, хотя сейчас Мы внимательно их изучаем. Их боги и их деяния будут трогать нас все больше и больше по мере того, как проходит время, и они будут производить изменения где-то еще, а не только в Громовом Камне; и изменения эти явятся причиной того, что время вновь пройдет различными потоками от той устойчивости, которую я/мы с такой легкостью себе воображали.

И над всем этим самое важное: как можем Мы достичь единения со всем миром, если не понимаем его?

Так лягте же свободно на землю, молодые руки, старые ноги и крылья. Пусть ветер, река, свет и время проходят сквозь вас. Отдыхайте всем моим/вашим существом, наращивая ту силу, что приходит из мира — силу воспоминаний и силу мудрости.

Не бойтесь чужеземцев с единственными телами. Ужасна их сила, но Мы тоже сможем овладеть ею когда-нибудь, если изберем этот путь. Скорее жалость вызывает эта раса, ведь она никогда не познает радости единения.



ЗИМА МИРА

I

Как-то на исходе зимы трое мужчин направлялись в Аулхонт, где находился зимний сад Донии Герварской. Цель их путешествия лежала на реке Стальон, в четырех днях пути от аванпорта Фальд, и преодолеть это расстояние путнику из Арванета оказалось весьма нелегким делом.

В прошлом месяце солнце вступило в Элк, и теперь в мире царила не одна ночь, но земля всѐ еще была покрыта снегом и оставалась по-прежнему белой. Старый жесткий наст хрустел под копытами. Ветер, пронизывающий пространство, наполненное ровным вечерним светом, вонзался в тела путников, напоминая о находящейся за горизонтом тундре и ледяных торосах.

Местность вокруг напоминала тайгу. Зыбкие бледно-голубые сумерки обступали путников со всех сторон. Из полумрака выплывали лапы мрачных сосен и голые, повисшие под тяжестью сосулек ветви берез и плакучих ив. Фиолетовый цвет неба на востоке, с редкими ранними звездами, плавно переходил к молочной бледности зенита и прозрачной зелени с плавающим кровавым кругом на западе. Над головами каркали в своих гнездах вороны. Высоко в небе парил орел, и солнце золотом вспыхивало на его распростертых крыльях. Справа и слева от всадников то и дело вспархивали куропат-

ки. Из густого черничника вылетел фазан во всем великолепии своего радужного оперения. На южном склоне горного кряжа несколько сот крупных животных ковыряли копытами наст в поисках мха и оставшихся клочков травы. Среди них были и степные олени, и кони, и еще какие-то неизвестные путникам животные с круто изогнутыми рогами, и карликовые бизоны. Время от времени доносился лай дикой собаки и совсем уж издалека — ответное тявканье койота. Эта богатая земля принадлежала жителям Гервара.

Двое из мужчин были здешними, они родились в Рогавики. Это были широкоплечие и высокорослые длинноногие люди — шпоры низко вонзались в лохматые бока маленьких пони. У них была светлая кожа, удлиненные головы, а на широких лицах с короткими носами и развитыми скулами выделялись раскосые глаза. Одеты они были одинаково: рубахи, отделанные бахромой, брюки из оленьей кожи, украшенные разноцветными иглами дикообраза, мягкие полусапожки и меховые плащи с капюшонами. У каждого было по два ножа с массивными широкими лезвиями и по тонкой палке с наконечником — их использовали как метательное оружие. Кроме того, к седлам были приторочены копья, топорики, луки с колчанами, полными стрел, и лассо. У Жано были рыжие волосы, заплетенные на затылке в косичку, темнокаштановая грива Кириана доходила ему до плеч. В этом возрасте — им было семнадцать и восемнадцать лет — у них еще не могло быть настоящих бород, поэтому они были гладко выбриты. Жано был старшим сыном Донии, Кириан — ее последним мужем.

Третьим всадником был Казиро, бывший вор, мошенник и головорез, а ныне — первый заместитель главы Братства Рэттлбоун, а значит, главарь всех воров, мошенников и головорезов. У него было желтое лицо с пронзительно черными глазами, типичное для жителей Арванета, но в нем не было видно обычной чистоты их черт. В свои пятьдесят лет он был сухопар, невысокого роста, лицо же отличалось резкими чертами. Волосы, подрезанные выше ушей, борода и усы были слегка тронуты сединой. Выдающиеся вперед зубы — те, что еще сохранились, — стучали от холода. Его легкая рубаха, штаны и туфли были уместны на юге, но не здесь. Он кутался в накидку с чужого плеча и грязно ругался, ножны длинной рапиры торчали из-под накидки, словно окоченелый крысиный хвост.

Жано и Кириан должны были проводить его в Аулхонт как можно быстрее, и курьер сообщил Донии, что он напра-

вился в Фулд на лошади. Они уже не охотились по дороге, а просто погрузили на пони мясо, мед и сушеные фрукты. Второй пони нес на себе палатку — горожанин не мог коротать ночь под открытым небом. Третий вез вещи Казиру. Четвертый был на подмене и про запас на случай какого-нибудь непредвиденного происшествия. Кроме того, не стоило ожидать от горожанина, что он сможет ехать быстрым шагом.

В тот день они трижды замечали дымки, и каждый раз Казиру спрашивал, не туда ли они направляются. Его проводники отвечали, что нет. Разговор давался с трудом: они плохо знали языки друг друга и с грехом пополам объяснялись на рагидьянском. На этом языке Казиру говорил свободно, да и спутники изучили его достаточно, чтобы торговать и воевать. Они сумели объяснить, что эти места населены членами братства Донии — самый точный эквивалент слова gorozdy, который им удалось подобрать. Это братство было самой крупной неофициальной ассоциацией семей во всем Герваре. Казиру понял так, что вся эта местность принадлежит Донии. Он и раньше слышал, что она правила здесь каким-то образом, хотя не мог себе представить, каким именно.

Наконец всадники поднялись на вершину скалистого гребня. Жано махнул рукой: «Там!» — улыбнулся, пришпорил своего пони и пустился галопом вниз по склону, что-то крича. За ним рысью последовал Кириан, увлекая за собой пони гостя и вьючных животных.

Казиру внимательно осмотрел долину. Сумерки уже спустились в долину. Гора, на которой он стоял, плавной дугой уходила вправо, переходя на севере в отвесную грубую стену. Здесь явно был похоронен древний город — ему казалось, что среди деревьев и кустов видны следы раскопок. К западу и югу местность становилась ровнее, только река Стальон рассекала ее, а пышные вечнозеленые деревья, растущие по берегам, являли что-то вроде защитной полосы. С вершины хребта Казиру видел мили и мили снега, лежащие за серостальной рекой, слегка окрашенные в розовое лучами заходящего солнца. Он взглянул немного ниже. Там он увидел то место, куда ехал — прекрасное убежище от проклятого ветра, воющего по-волчьи.

Здания стояли широким четырехугольником, внутри он был вымощен булыжником. Снаружи стены были почти полностью скрыты густой березовой порослью. Казиру показалось, что он различает амбар, коптильню, мастерскую, конюшню, псарни, хлев для трех видов животных, которых приручали жители Рогавики. Строения были сложены из не-

отесанных бревен, крыши обложены дерном, но все казались крепкими, сработанными на совесть. Жилые дома стояли внутри, длинные и широкие, хотя и менее высокие, чем хозяйственные постройки. Это объяснялось тем, что большая часть жилых помещений располагалась под землей. Из двух труб поднимался дым. В южном конце сквозь стекло просвечивал громадный черный коллектор солнечной энергии, явно изготовленный в Арванете. Посреди двора торчал остов ветряной мельницы, привезенной откуда-то из Рагида.

Собаки с лаем бросились им навстречу, то ли приветствуя, то ли задирая. Они были чем-то схожи со своими хозяевами — такие же высокие, поджарые, светлой, отдающей в седину масти. Дыхание белыми облачками вырывалось из пастей и оседало инеем на мордах. Жано успокоил их. У входа — дверью служило высокое слуховое окно — их приветствовал мужчина, черный на фоне желтого проема.

Он проводил их по лестнице в гардеробную, а затем в главную комнату. Деревянные полы, покрытые шкурами и привозными тканями, приятно грели озябшие ноги. Перегородки не раздвигались. Они были украшены причудливой резьбой и грубо раскрашены. В самой большой комнате на побеленных глиняных стенах, на фоне нарочито примитивной росписи, изображавшей животных, растения и силы природы, висело оружие. На полках стояли сотни книг. От рагидьянской печи, выложенной аккуратными кафельными плитками, шло приятное тепло. Свет давали масляные лампы, привезенные из южных земель. Среди пучков зелени и фруктов под потолком висели и цветочные саше, от них воздух был сладок. Когда путешественники вошли, девушка отложила в сторону горбатый струнный инструмент, на котором только что аккомпанировала своей песне. Казалось, последние ноты все еще звучали, скорее задумчивые, чем бравурные.

Люди сидели, скрестив ноги, на выступах, идущих по периметру зала, или на подушках вокруг низкого стола. Здесь было шестеро детей Донии, начиная с Жано и кончая трехлетней Вальдеванией; жена Жано, которая оставалась здесь все время, пока он отсутствовал, ибо он был ее единственным мужем; двое мужей Донии, считая Кириана — двое других были в отъезде; три незамужние женщины: старая, средних лет и молодая; и, наконец, сама Дония. Их лица и тела ясно говорили, что все они принадлежат к жителям Рогавики. В остальном они были мало схожи, не считая, конечно, одежды и причесок — в жарком помещении они ходили либо легко одетыми, либо вовсе голыми.

Дония вскочила с настила, на котором лежала, вытянувшись на медвежьей шкуре и протянула обе руки Казиру. По пути она быстро и страстно обняла Кириана.

— Добро пожаловать, дружище, — она слегка запиналась, произнося слова на языке южных земель. — Ах, подожди, — засмеялась она. — Прости меня, я разучилась. — Скрестив ладони на груди, низко поклонившись, она произнесла вежливое приветствие его города: — О гость, пусть Благодать Божья воссияет над нами.

Усмешка тронула губы Казиру.

— Едва ли это случится, если дело касается меня, — ответил он. — Ты что, все позабыла за эти три года?

На мгновение она помрачнела, потом продолжила, медленно выговаривая фразу за фразой:

— Я помню... Да, ты мошенник... но тебе можно доверять, если у тебя достаточно причин быть честным... И почему вы проделали такой долгий путь... трясясь по кочкам... вместо того, чтобы с удобством путешествовать на пакетботе... если мы вам не нужны... А может быть, вы не нужны нам?

Ее взгляд уверенно изучал его. Он смотрел на нее так же испытующе, пока она кружила по комнате, но его внимательно-напряженный взгляд был взглядом вора.

Она почти не изменилась с тех пор, как приезжала в Арванет, где они встретились впервые. В свои тридцать пять лет она оставалась стройной, движения плавными, а рукопожатие сильным. Он смотрел на ее матерчатую юбку с карманами, разглядывал ожерелье из зубов и раковин. отметил густо наложенную краску, чьи тона варьировались от голубого до красного. Она была полнее большинства женщин Рогавики, но под каждым изгибом ее ладного тела чувствовались мускулы. Груди были тяжелы от молока — женщины народов Севера кормили грудью еще несколько лет после родов, причем не только своих младенцев, но и уже подросших детей или детей своих знакомых, а иногда даже взрослых, если тем надо было поскорее восстановить силы. Поражало неистовое выражение ее лица: сверкающие раскосые глаза серо-зеленого цвета, нервно раздувающиеся ноздри, крупный, почти мужской рот над квадратным подбородком. Волнистые желто-каштановые волосы, перетянутые украшенной бусами лентой, ниспадали до плеч. Под конец сумеречной зимы кожа ее стала молочно-белой и, казалось, даже светилась в полумраке. Несколько веснушек рассыпались на переносице едва заметными крапинками летнего золота. Нос был прямой, но изящный, словно его вырезала рука искусного ваятеля.

— Входите, располагайтесь, будьте как дома, — пригласила она. Своим младшим детям, уже вступившим в переходный возраст и детям постарше она сказала несколько слов, и те ушли. Скорее всего, она попросила их разгрузить багаж Казиру и приготовить пищу. За время путешествия он выучил некоторые слова и фразы рогавикьянского языка — Брат Кинжала в разноязычном Арванете быстро учился языкам, иначе просто пропал бы — но все же не смог уловить, что она сказала. То же самое было и позже, когда члены этой большой семьи обменивались друг с другом быстрыми фразами. В лучшем случае ему удавалось разобрать отдельные слова. Он и раньше слышал, будто здесь у каждой семьи возникают собственные традиции и даже свой диалект, но действительность обескуражила его.

Помнится, когда они впервые встретились в Южном городе, он сразу признал в ней чужестранку. Они проводили время в умной и приятной компании. Дония отказалась отдаться ему, хотя женщины ее народа, по слухам, не отличались строгим поведением. Пожалуй, тогда она произвела впечатление недалекой дочери примитивного народа. Арванет, древняя столица всего известного мира, был подобен лабиринту со своими тонкостями и секретами. Но этот дикий безлюдный Север просто не имел права на такое.

Привыкший к стульям Казиру кое-как примостился на краю выступа, опустив ноги на пол. Дония улыбнулась и подложила ему под спину подушки, чтобы он мог на них откинуться. Сама она устроилась справа от него, а Ивен, ее первый муж — слева. Пару лет Ивен был ее старшим мужем. Этот высокий мужчина с бледно-голубыми глазами и рыжей, тронутой сединой, бородой носил тунику из привозного льна, из-под которой виднелся длинный шрам на бедре — память об охоте на быков.

Члены семьи, свободные от домашних дел, расселись на ковре. В их открытых взглядах сквозил искренний интерес, и все-таки они держались отчужденно и замкнуто — именно такими описывали их все путешественники из цивилизованных мест... Они были неторопливы и непосредственны. Жано и его девчонка-жена вышли, обняв друг друга. Лукева, шестилетняя дочь Донии, принесла на подносе стеклянные бокалы с горячим медом. Казиру с благодарностью принял напиток, согрел о бокал озябшие ладони, вдохнул густой летний аромат, и боль от ушибов и ссадин, полученных с непривычки в седле, смягчилась и отступила.

— Может быть, вы отдохнете ночь, а уж потом мы пого-

ворим о цели вашего приезда? — спросил Ивен на удивительно хорошем рагидьянском. «Возможно, он каждый год раз или два ездит по торговым делам в долину Кхадрахад на Юго-Западе, — подумал Казиру, — или, может быть, освоил язык во время войны: Дония рассказывала, как члены ее семьи, и она тоже, лет десять назад, выступили против имперского вторжения... а может, и то и другое.» — Скоро мы будем ужинать, а потом вы можете сразу лечь спать.

— Да, наверное, так будет лучше. — согласился Казиру. Он залпом выпил мед. — А как вы здесь поживаете? Какие новости?

— У нас ничего нового, — ответила Дония. Она говорила на арванетском, пересыпая его рагидьянскими словами, часто останавливаясь, чтобы мысленно перевести конец фразы. — Все идет своим чередом. Среди нас появилась Вальдевания, раньше ты ее в моей семье не видел. Так же, как и Кириана. Мы с ним поженились в последнее зимнее солнцестояние. Прошло два года, как мой третий муж умер — утонул во время рыбной ловли: его ялик перевернулся и ударил его по голове.

— Я соболезную... — вставил Казиру.

— Мы скучаем по нему, — сказал Ивен.

— Да, — Дония вздохнула, нагнулась, чтобы погладить волосы Кириана, и улыбнулась Ивену через голову Казиру. — Люди теряют и находят... в конце концов мы возвращаем земле то, что она когда-то нам одолжила. А как жил ты?

— По-разному, — горожанин пожал плечами. — Бывало всякое, как обычно, до тех пор, пока этой осенью Арванет не был захвачен.

Дония ждала, опершись на локоть. Пальцы стиснули бока, она почувствовала легкий озноб. Из темноты, сгустившейся за открытыми окнами, донеслось уханье совы.

— Зная таких, как ты, Казиру, я не сказал бы, что это хоть как-то могло на тебе отразиться, — медленно произнес Ивен. — Мало ли разных хозяев было в Арванете за столько тысячелетий? И все они думали, будто город принадлежит им. Со временем их сметали, а Арванет оставался.

— А наши норы в Лэарсе никто не трогал, да? Такие, как я, выживали всегда, подобно крысам. Верно, более или менее. И все же, когда приходят хорьки, худо и крысам. Боюсь, что теперь именно такой случай. — Он резко подался вперед. — Прошу вас, прислушайтесь ко мне! Какие слухи дошли до вас, живущих в Герваре, что лежит так далеко на севере по реке Югулар, что даже корабли сюда не доплывают? Что жители Империи из Рагида двинулись на восток вдоль берегов

пролива Дольфин, захватили Арванет и занимают его и по сей день? Вы считаете, будто вам нет до этого дела? Южанам, мол, все равно будет нужен металл? Торговля будет продолжаться? Ваш народ будет все так же свободно кочевать по своим землям? Но послушай, Дония, послушайте, все северяне, теперь все обстоит иначе. Прежняя Империя распалась триста лет назад. Сейчас ее восстанавливают баромьянцы, воины с южных гор. Их сила и властолюбие грозят всем нам в равной степени.

Сам я поначалу не думал, что это завоевание нанесет нам какой-либо ущерб. Напротив, любая суматоха, нам, Братьям, только на руку. Но все вышло иначе. Хорьки и в самом деле залезли в наши норы. Отчаявшись, я заказал билет на первое же почтовое судно, назвавшись фальшивым именем. В гостинице Агамеха я нашел курьера и заплатил ему, чтобы он доставил тебе, госпожа моя, письмо, в котором я сообщал, что еду. В Фульде Жано и Кириан встретили меня. И вот я здесь.

Он сделал паузу, чтобы передохнуть и глотнуть меда. Мед уже начал гудеть в его голове, словно пчелы из давно умершего лета проснулись и зажужжали над лугами.

— Значит, ты считаешь, что баромьянские помещики из Рагида намерены вторгнуться и в наши земли? — спросил Ивен.

— Я в этом уверен, — ответил Казиру.

Дония отбросила назад свои волосы.

— В наших древнейших сказаниях говорится, что южане всегда стремились завоевать нашу страну, пахать наши земли и пасти скот на наших пастбищах, — сказала она, — но всякий раз терпели поражение. Уже на моем веку мы сражались с ними на Пыльных Равнинах до тех пор, пока они не отступили к свое реке Кхадрахад. Тогда их тоже возглавляли баромьянцы. Если это ничему их не научило, что же, пусть снова ведут свои войска через долину Югулар. Глупцы снова получат свое.

— Говорю тебе, что капитан, захвативший Арванет на сей раз, не похож на тех, кто приходил до него, — буквально взмолился Казиру. — Я понимаю, что одних моих слов для вас недостаточно. Но вы хотя бы присмотритесь, прислушайтесь, попробуйте сами все почувствовать, обдумайте все это.

Глаза Донии вспыхнули. Последнее время она вела тихую жизнь, если сравнивать с прошлыми временами.

— Может быть, мы еще поговорим об этом, — негромко сказала она.

И они обсуждали это весь следующий месяц. Связные приводили глав Семей со всей округи, иногда даже с территорий, которые лежали за пределами Гервара. Они внимательно слушали, совещались меж собой, не таясь от пришельца, соглашаясь, что в этом деле интересы Братьев совпадают с их собственными. Тем временем Казиру наслаждался щедрым гостеприимством северян. Несколько незамужних женщин искали уединения с ним — ими двигало любопытство, — и Казиру по мере сил старался не разочаровать их. Но как ни приятна была любезность северян, его отношения с ними оставались довольно поверхностными. Он уже не надеялся мобилизовать жителей Рогавики. Для них просто не существовало проблемы, ради которой он сюда приехал. Все его потуги растолковать им опасность оставляли их равнодушными.

Когда лед на Югуларе растаял, и первый корабль из Арванета пришел в Фульд, Казиру отправился домой. Дония обещала ему еще подумать над его словами. Но прошел еще целый год, прежде чем она действительно серьезно задумалась над этим.

II

Джоссерек Дэррейн вихрем вылетел из каюты, где его держали под стражей. Позади с окровавленным лицом распластался на полу второй помощник капитана — Риджел Герлах. Его финка сверкала в руках Джоссерека.

Моряки, занимающиеся своими делами на палубе «Сканнамора», закричали, увидев мчащегося на них гиганта. Трое попытались остановить его, но тот взметнул свое тело над палубой и ударил одного ногой в живот. Моряк упал навзничь и судорожно забился на палубе, глотая воздух широко раскрытым ртом. Ухватившись за трап, Джоссерек клинком ножа отразил удар второго преследователя, потом дотянулся до поручней правого борта, ухватился за кофель-нагель, вывернул его из гнезда и обрушил на голову последнего из противников, который чуть не налетел на него с разгона. Последний рывок — и беглец прыгнул за борт.

Столб воды, поднятый прыжком, взлетел вверх и тут же обрушился на тело пловца. Когда он открыл глаза, вокруг был желто-зеленый сумрак. Он мог различить лишь мерцающую белесую поверхность воды, да смутные очертания днища грузового судна над собой. Заткнув нож за пояс, он еще глубже

ушел в холодную маслянистую воду. Протискиваясь под килем судна, он оцарапал спину об острые раковины, и теперь за ним тянулся кровавый след. Наконец он оказался между левым бортом и шершавой громадой пристани.

Когда глаза его, казалось, уже были готовы лопнуть, а в ушах оглушительно зазвенело, он устремился вверх.

Едва не задохнувшись, он вынырнул и глотнул воздух, пахнущий солью, рыбой, дымом и смолой. Он слышал беготню на палубе, вопли ярости, возбужденные крики перепуганных чаек. У самой пристани беглец был почти незаметен в глубокой тени от корпуса судна. К тому же грохот бабы, заколачивающей в дно сваю, и скрежет якорных цепей перекрывали все остальные звуки. «Ну что ж, если так, мы на правильном курсе», — подумал он.

Какое-то время он отдыхал, держась за носовой фалинь, почти полностью погрузившись в воду. Шум наверху прекратился. Никто из матросов не рискнул преследовать беглеца в воде — слишком опасное это занятие. Офицеры должны сожалеть, что упустили его: если бы они привезли его на суд в Ичинг и устроили бы показательную казнь, это послужило бы хорошим уроком для всех, кто захотел бы последовать его примеру. Но оставался еще местный патруль — тот должен искать его, а если и не найдет, то ничего страшного. Джоссерек был изгнанником-чужестранцем, слишком заметным здесь, так что ему оставалось отправляться только прямехонько в преисподнюю, а там он вряд ли сумеет долго прожить. Скорее всего, его труп найдут на какой-нибудь узкой улочке, или отлив оставит на берегу распухшее тело с перерезанной глоткой. А если его корабль еще не отчалит, это послужит еще более наглядным уроком.

Но, скорее всего, баромьянцы сделают все возможное, чтобы поймать его. Как только местный комендант получит сообщение о побеге, он сразу вышлет наряд на поиски. Возможно он не станет обращаться к помощи полиции, а обойдется своими солдатами. Властям, как правило, никогда не нравится, когда где-то поблизости гуляет на свободе чересчур вспыльчивый человек. Кроме того, это будет еще и весьма достойным делом: одни только боги знали, какими напряженными стали в последнее время отношения между жителями Киллимарейча и Рагида.

Поэтому, парень, лучше тебе отправиться в Арванет, и как можно скорее.

Держась за канат, Джоссерек осмотрелся, прикидывая, как бы ему половчее выбраться отсюда. На корабле его поса-

дили в карцер, да еще привязали к скобе, собираясь оставить в таком положении до тех пор, пока корабль не войдет в пролив Дольфин. Кое-что он все-таки сумел разглядеть сквозь боковые иллюминаторы, когда корабль пришел в Ньюкип и пришвартовался. Но немного.

«Сканнамор» закрывал все поле зрения. Это был большой четырехмачтовый корабль с мощным вспомогательным двигателем, вращавшим винт. Судно было прекрасно приспособлено для длительных плаваний, но это плавание было длиннее обычных. Как правило, купцы, торгующие между Киллимарейчем и Рагидом, просто пересекали Материнский океан и швартовались в одной из бухт западного побережья Империи. Чтобы не рисковать судном в проливе Проклятия, капитан Бах опускался южнее Оренстейна, потом долго шел на запад по Фелинскому океану, пока не огибал Эфлис, и наконец, сворачивал на северо-восток и двигался к конечной цели путешествия через Рэмпант. Он привозил шкуры, солонину, шерсть — эти товары пользовались устойчивым спросом, а теперь, после войны — особенно. (Почему-то варварские племена, кочующие по северной Андалине, не желали пользоваться преимуществами свободной торговли, отдавая предпочтение охоте. Путешественники, которым довелось там побывать, рассказывали, будто земля там дрожит от топота диких животных.)

Но хотя путешествие было длительным, оно не представляло ничего особенно необычного с точки зрения мореплавателя.

Взгляд Джоссерека обшаривал нос и корму корабля, внимательно изучая все, что находилось слева, справа и позади. Вдоль реки Югулар тянулись верфи и склады. Некоторые из них действовали и около них на якорных стоянках было много судов. Но «Сканнамор» был среди них единственным настоящим кораблем. Остальные — мелочь: каботажные шхуны, люггеры, рыбацкие лодки, никогда не выходившие из пролива, неуклюжие пароходы, которые возили грузы вверх по реке. Берег Ньюкипа представлял из себя беспорядочное нагромождение стен, парапетов и башен. В лучах восходящего солнца кое-где краснел обросший мхом кирпич, отсвечивали высокие окна, отливало красным и золотым знамя Империи.

Поверхностный осмотр мало что давал, и Джоссереку пришлось положиться на карты, книги, рассказы моряков, словом, на то, что он видел и слышал раньше. Несмотря на название, Ньюкипу было больше трехсот лет. Когда-то портовым городом был Арванет, но море отступило, дельта заили-

лась, реку углубили, и Арванет перестал быть портом. Теперь Древний из Древних лежал почти в ста милях от берега.

Теперь? Целые цивилизации родились, прожили свою жизнь и сгинули, из их останков родились новые — вот сколько длилось это «теперь». Джоссерек покачал мокрой головой. Однако не время было размышлять над путями цивилизаций. Светало, и следовало поискать укрытие понадежней.

Преследователи наверняка решат, что он будет прятаться в Ньюкипе. Городок маленький и к тому же обнесен стеной. Здесь почти негде укрыться. В Арванете больше дыр и нор, чем в корпусе судна, источенным морскими червями, и среди полумиллиона его жителей затеряться куда как легче. Не говоря уже о... но это пока подождет. Сначала туда нужно добраться, причем добраться незамеченным. А там уж он посмотрит, как лучше выжить.

До его слуха донеслось шипение пара и плеск воды, звук приближался, настораживая и вселяя надежду. Да, это его шанс, может, самый счастливый, каких еще не было за бурно прожитые тридцать два года. Шло буксирное судно и тащило за собой три баржи. Судя по дыму, поднимающемуся из трубы, машина работала на дровах, кроме того, гребные колеса располагались по бокам корпуса. Это означало, что судно построено в здешних краях: на равнинах было мало лесов, и жители Рагида использовали для своих немногочисленных кораблей жидкое топливо или газ. Завоеватели-баромьянцы до сих пор использовали их суда для военных и транспортных целей. Теперь Империя копировала двигатели, работающие на спирту и метане, которыми с давних пор пользовались тамошние мореплаватели.

Баржи были гружены бревнами, коробками разносортных товаров, полученных, скорее всего, в результате каботажной торговли и предназначенных для столицы.

Джоссерек поплыл наперерез каравану. Он плыл кролем, и большая часть его тела была погружена в воду, поэтому его трудно было заметить среди портового мусора, плавающего тут и там. Когда буксир приблизился, он нырнул, дал ему проплыть мимо и показался из воды рядом с последней баржой со стороны, противоположной кораблю. Борт у нее был не более двух футов над водой. Он ухватился за веревки ограждения и дал себя протащить немного. Вокруг него бурлила вода, и теперь, когда горячка преследования осталась позади, она показалась ему холодной. В дрожь бросала и мысль об акулах, которые вполне могли здесь быть.

Он рискнул и подтянулся так, что подбородок оказался

вровень с палубой — он хотел сперва взглянуть, что там происходит. Пара пикинеров расположилась около хибары на передней барже — охрана от грабителей. Они не обращали внимания на то, что делалось на корме, а кроме них на баржах каравана никого не было. Он быстро перевалился через борт.

Три корзины, стоявшие в ряд, образовывали стенку — подходящее укрытие. Да еще он мог подтащить сюда бухту фламандской бечевки, сидеть на которой было приятнее, чем на голых досках. Он сделал непроизвольное, быстрое движение пальцами. Эту привычку он приобрел за время бродяжничества — жест признательности феям, когда кости выпадали удачно. Суеверие? Может быть, а может, и нет. Веры, как таковой, у Джоссерека не было. Он принимал культ богов, которым поклонялся его народ, хотя видел в этом много противоречий: не борьбу добра со злом, а простое противопоставление, подобное противопоставлению зимы и лета. Сам он никогда, даже в раннем детстве, не приносил богам никаких жертв.

Он стащил с себя одежду и расстелил на палубе, чтобы она просохла. Обуви не было — она была бы слишком необычной для жителей восточного Оренстейна, по ней его могли опознать. Все его одеяние состояло из мужской блузы свободного покроя и широких брюк, а на щиколотке до сих пор болтался обрывок веревки, которой его привязали. Сидя среди корзин, он разрезал ее, потом соорудил себе набедренную повязку из валявшегося тут же клочка материи — глупо было попусту шокировать людей, которые могли увидеть его с берега. Наконец, успокоившись, он расслабился.

Джоссерек был крупным мужчиной. Даже среди мужчин своего народа он выделялся своими шестью с четвертью футами роста и соответствующей шириной плеч. Голубоглазый, с крупными чертами лица, немного горбатым носом, он обычно ходил чисто выбритым, но за время заключения у него отросла борода, скрывающая шрам на левой щеке. Черные волосы доходили до мочек ушей, в которые были вставлены небольшие медные колечки. На мускулистом правом предплечье была вытатуирована змея, обвивающая якорь, а на левом — дельфин.

Там, где кожу прикрывала одежда, она была просто смуглой — как и у большинства жителей Киллимарейча, среди его предков были и уроженцы западного Оренстейна. На открытых же местах кожа была гораздо темнее.

«Нам встретится сегодня не одно судно, где экипаж, да и

пассажиры тоже, не прочь выследить нас, братец Джоссерек, — подумал он. — И вряд ли нам удастся прикинуться невысоким, стройным, с кожей шафранового цвета жителем Арванета или коренастым, рыжеволосым, почти безусым баромьянцем, верно ведь? Но если к нам не особенно присматриваться, мы, пожалуй, сойдем за рагидьянца, а большую часть имперской армии составляют именно рагидьянцы, так что солдат имперской армии, расслабившийся после купания, развалившийся на палубе в полуголом виде, может быть, и не вызовет особенных подозрений.»

Он раскинулся со скучающим видом, словно весь этот караван принадлежал ему лично. Поймав чей-нибудь случайный взгляд, он весело махал рукой в ответ.

Движение здесь было не таким интенсивным, как в главном порту, но все-таки оживленнее, чем он ожидал. Казалось, завоевание не нанесло особого ущерба торговле. Наоборот, новые хозяева, баромьянцы, стимулировали кипучую деятельность в этом застойном древнем полисе.

Вскоре Джоссерек увидел, что вниз по течению спускается вереница барж, груженных ржавыми железными листами и рельсами. Должно быть, северяне обменивали этот металл на товары и пряности с юга. Но эта партия вряд ли предназначалась для Рагида — тамошние жители обычно покупали все это в Арванете и переправляли домой сушей. В любом случае, местные традиции накладывали отпечаток на их деятельность: в душе они были людьми сухопутными и неохотно доверяли ценный груз морю.

У баромьянцев, страстных лошадников, живущих в туманных горах к югу от Рагида, интерес к морю и вовсе не проявлялся... пока они не разграбили Империю и не объединили ее заново. А сейчас... Хм-м. Джоссерек почесал бороду — высохнув, та торчала. Сейчас они только приветствовали распространение имперского влияния на островах Харрикейнского моря и среди жителей туокарских лесов. А это уже вызывало беспокойство, ибо торговцы из Киллимарейча и их государства — соседи по Материнскому океану — сами были весьма заинтересованы в этих районах.

«Что ж, все это нам уже известно. Этот груз ржавого железа всего лишь подтверждение уже известного, а никакое не открытие. И тем не менее, зрелище впечатляющее. Нигде больше не добывают столько превосходного металла. На каких же сказочных залежах трудились эти чужестранцы?»

Еще одно судно тащило гребные баркасы, бревенчатые плоты и патрульные галеры. Команда, хоть и бросала на

Джоссерека подозрительные взгляды, ни о чем не спросила. Когда мимо него проплывала благоухающая дивными ароматами, украшенная золотыми арабесками четырехвесельная яхта с музыкой на борту, принадлежащая, похоже, какой-то аристократке, он удостоился более внимательного взгляда. Дважды из камышей и тростников залива выворачивалось каноэ, в котором сидел коротконогий дикарь с болот Анвара. По сторонам расстилались изрезанные каналами равнины с ухоженными плантациями, принадлежащими городским помещикам. Стояла весна, повсюду было зелено, только фруктовые сады белели и пламенели буйным цветом. Пахло цветами. Лишь когда он проплывал рабочие поселки и птицефермы, расположенные за шаткими заборами, запах жилья перебивал вездесущий запах цветения.

На закате буксир причалил на ночь к берегу. Откуда-то появились люди. Кто-то суетился, занимаясь швартовкой, кто-то раскладывал на берегу костры. Джоссерек был к этому готов. Он прыгнул в воду и поплыл к берегу, держа одежду над головой. Кто-то крикнул в быстро спускающиеся сумерки: «Эй, что это?» Другой голос ответил: «Наверное, аллигатор, в этом году они заплывают сюда с начала весны.»

Добравшись до берега, он скрылся в кустарнике, густо покрывающем пологий берег. Невдалеке он обнаружил дорогу и пошел по ней, шлепая босыми ногами по булыжному покрытию, в котором легионы повозок проложили едва заметную колею. Вскоре он высох и оделся. Мягко светили большие весенние звезды, но от тумана, спускающегося на пахоту, ощутимо тянуло сыростью.

Его опять охватило томительное ощущение заброшенности; раньше ему было просто не до того. Но теперь ему пора было подумать, как он, беглец, которого уже, без сомнения, ищут, без гроша в кармане, сможет просуществовать здесь несколько лет. В первую очередь следовало поразмыслить, как побыстрее добраться до города.

Когда ему было пятнадцать лет, его отправили в трудовой лагерь за нападение на морского офицера, вздумавшего смеяться над его лохмотьями. Через два года он бежал, бродяжничал, голодал, пока наконец не добрался до побережья, где нанялся на пароход, владелец которого слишком нуждался в матросах, чтобы пренебречь его услугами. С тех пор он переменил множество занятий, но не забыл, как обращаться с лошадями.

Та, которую он выбрал, была слишком хороша для своего стойла. Конюшня стояла на самой окраине селенья. Горячий конь негромко фыркал, когда он его выводил, приплясывал,

пока Джоссерек надевал на него уздечку, найденную в той же конюшне, потом быстро помчал его в город, подгоняемый ударами голых пяток. Наверняка, хозяин плантации оставил его в этой дыре попастись по весне на свежей травке. Джоссерек пожалел, что пришлось убить не ко времени залаявшую собаку, спрятать ее труп и ждать потом, пока разбуженный хозяин не решил, что тревога была ложной и не отправился спать. Может быть, дворняга была любимицей детишек, что жили в этой хибаре.

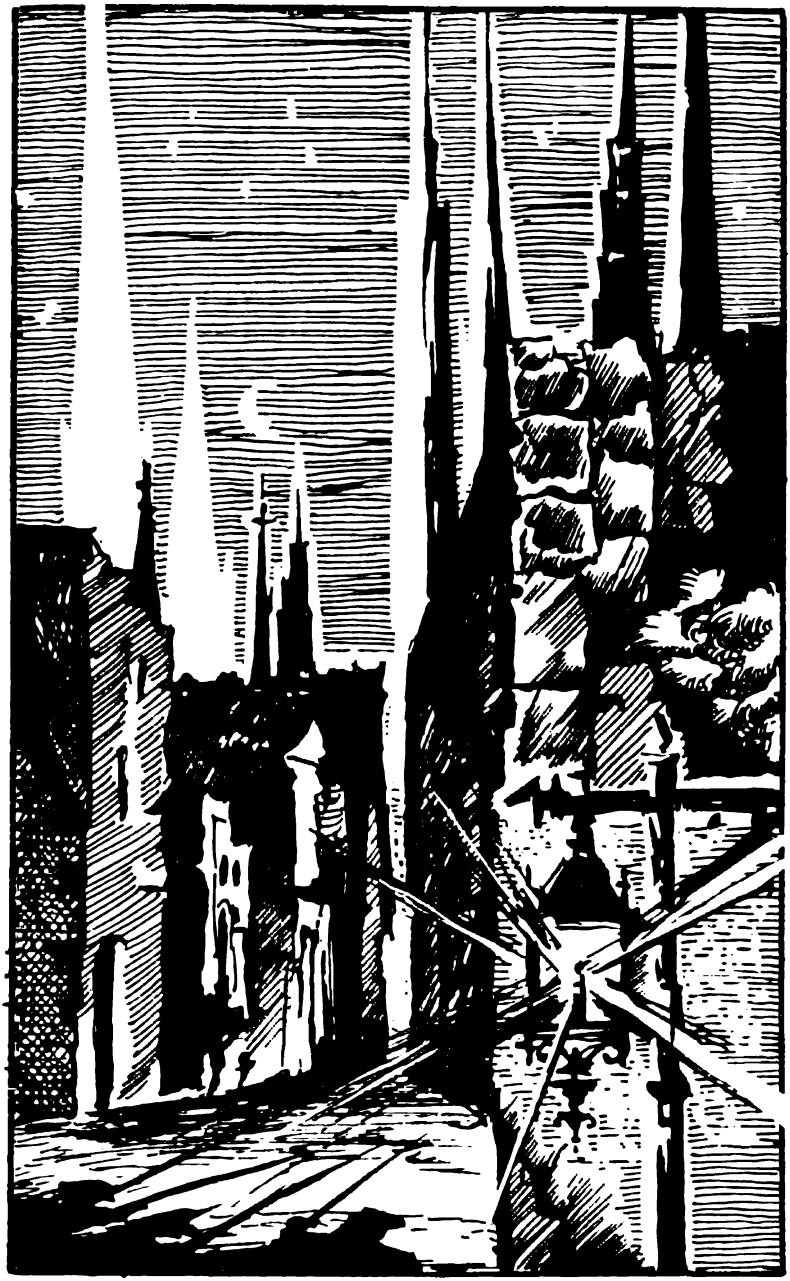
К утру он добрался до Арванета.

Среди нагромождения стен виднелись башни. Одни из них устремлялись в небо, другие, казалось, жались к земле — нескончаемые века сложили облик древнего города: острые крыши и плоские крыши, темные переулки, тускло освещенные звездным светом... В большей части города было темно и тихо, лишь кое-где горели редкие фонари, да изредка раздавался неясный шорох. Столетия минули с тех пор, когда Арванет лежал на берегу бухты Югулара, теперь здесь остался лишь жалкий ров с водой, носивший название Лагун.

Настоящая река протекала теперь более чем в пяти милях отсюда, но равнина, на которой стоял город, была изрезана каналами. От Большого Восточного Шоссе в город вела единственная мощеная дорога. Джоссерек видел, что вдоль ее горели фонари. В конце дороги виднелся пропускной пункт, охраняемый усиленным нарядом. Джоссерек решил, что лучше будет спешиться. На рассвете паромщики выберутся из гостиницы, стоящей на конечной остановке по дороге в Ньюкип, и паром отчалит. Но он не собирался на нем плыть. Колдуны странных минувших времен населяли эту местность странными и ненасытными существами... но болезнь, которую можно было подцепить в этой грязи, если пуститься вплавь, была еще опаснее, чем вымышленные чудовища.

Около парома плавал ялик, привязанный на цепи. Джоссерек без труда срезал деревянный замок — металл стоил больших денег на черном рынке. Весел не было, но он заметил подходящую доску, оторвал ее от полусгнившей пристани и использовал вместо весла.

Он взял немного влево, потому что напротив стояло много речных судов, а на берегу размещались склады, где наверняка была сильная охрана. Плыть с помощью доски было неудобно, ялик двигался медленно, но, когда приближающийся рассвет окрасил небо и воду в мертвенно-бледный цвет, сделав его хорошо различимым на фоне реки, он забыл о неудобствах, стараясь как можно быстрее пересечь русло.



Он миновал недавно построенный канал, разделявший лесной заповедник и земли предместья. Мимо проплывали имения с тщательно ухоженными садами. Движение на Королевском канале уже началось — он постарался проплыть мимо побыстрее — потом миновал Западный канал с высокой аркой перекинутого через него моста. Параллельно каналу шла дорога. А далее — Вестрич, бурьян, кустарник, болото, карликовые дубы и пихты, бегущие по направлению к невидимому Унвару. Каналы выходившие на противоположный берег вели в город. В их устьях возвышались башни, стены, некоторые каналы были перекрыты решетчатыми воротами. Сигейт, Грэнд Бэстион, Литл Бэстион. Пушки, катапульты, шлемы и наконечники копий ярко блестели в лучах рассвета, знамена Империи развевались на сыром порывистом ветру.

Когда солнце взошло, он решил, что заплыл достаточно далеко. Эту часть города явно населяет всякий сброд. Честные люди сюда по доброй воле не пошли бы. В северной части города было бы безопаснее — район Холлоу Хаузис, по слухам, был почти заброшен, — но что бы он там ел? Он причалил к невысокому пирсу. Тот был каменный и меньше пострадал от времени, чем деревянный паром, хотя железные кнехты, планки и кольца давным-давно исчезли, да и сарай позади него пустовал. Джоссерек на мгновение задержался в своем ялике, размышляя, не стоит ли привязать его, чтобы потом продать. Нет, лучше, чтобы он исчез... пусть плывет. Может быть, законный владелец отыщет его.

Он спрыгнул на берег.

— Стой, — раздался голос. — Брось цепь. Не двигай руками и не пытайся достать нож.

Очень осторожно он подчинился, потом медленно повернулся и увидел троих мужчин, которые пристально следили за каждым его движением.

III

Зимние снегопады уступили место дождям и туманам, которые крались по извилистым улочкам, превращая стены в тени, а людей — в призраков. Почти с самого первого дня, когда его армия, переправившись на плотах через Лагун, прокладывала себе путь к сердцу древней твердыни, поднимая над ней свои победоносные знамена, Сидир испытывал острое беспокойство. Он не так часто вспоминал блеск лакированных безделушек и парадные церемонии Имперского двора в Наисе,

хотя там Недели, его молодая жена из древнего рагидьянского рода наградила его худеньким малышом, как Черный Зангазенг, где Энг, жена его молодости, жила со своим крепким потомством из шести человек среди покрытых снегами вершин вулканов. Но еще чаще он вспоминал горы, окружавшие город Хаамандур, пастбища, где паслись табуны лошадей, селения баромьянцев, в которых под бриллиантовыми звездами сверкали костры и бурлило веселье, вспоминал ковбоев и пастушек, одинаково вооруженных и не боящихся ничего; стада, которые они пасли, скачку на ветру под музыку своры гончих до тех пор, пока где-нибудь у воды они не находили дикого кабана или оленя; и тогда он брал свое копье... В Арванете он частенько вспоминал поговорку своих горных сородичей: «Рысь захватила клетку.»

С утра было ясно, облака собрались только к обеду, их пригнал ветер, дующий с болот Унгара и пахнущий ими. Теперь небо низко нависло над землей, мрачная стена с запада надвигалась все ближе, сверкали молнии, погромыхивал гром. Несмотря на широкие окна, в Лунном Зале по углам сгустилась тьма. Лиловые стены, расписанные серебром, выглядели уныло.

Но буря несла не столько грозовую свежесть, сколько влажную летнюю духоту.

Сидир подался вперед, его пальцы сжали водяных мокасиновых змей, вырезанных на подлокотниках кресла.

— Я правильно понимаю вас, Ваша мудрость? — спросил он. Сделавшись наместником Императора, он за несколько месяцев стал почти свободно говорить на языке Арванета, однако его речь до сих пор казалась грубоватой из-за неистребимого баромьянского акцента. — Совет не одобряет имперскую инициативу?

«Кажется, я взял верный тон, — подумал он. — Не слишком жесткий — я мог бы просто смести эту теократию, срубив пару-другую голов, если бы мне, если бы Империи не было нужно это сотрудничество. И все-таки, они должны все время помнить, кто здесь хозяин. Или, может быть, следует разговаривать с ними помягче? Эти люди так чужды нам!»

Эрсер Эн-Гаван посмотрел на него странным взглядом. Сидир не мог сказать, что было в этом взгляде: угрюмость, хитрость, презрение, испуг или что-то еще. Это был мудрец средних лет — темная раздвоенная бородка, глубокие морщины залегли на желтоватом лице по сторонам аккуратного носа и рта, на руках они образовывали частую сеточку. Пальцы с розовыми ногтями он сложил домиком. Он носил подобающую

его знанию серую мантию до пят, точнее, до кончиков туфель с загнутыми носами. На цепочке висел дымчатый хрустальный шарик, на котором была выгравирована карта мира, такая древняя, что даже беглым взглядом можно было определить доледниковые очертания материков. Это был Святейший Советник Мира.

Сидир считал его главой города-государства по гражданским делам, и это позволяло Эрсеру заниматься чем-то конкретным, чего не могли себе позволить другие епископы. Если рассматривать его, как советника по делам божественным, то следовало учесть, что вся религиозная жизнь Арванета давно свелась к взаимным интригам между конфессиями в то время, как население увязало в суевериях, ересях, неверии или поклонялось неизвестным богам. Не стоило рассматривать его и как военного советника — со времени завоевания города Империей он сложил с себя ответственность за военные дела, оставив за собой лишь ничего не значащий титул.

Хотя Великий Мудрец из Совета и председательствовал на этом маленьком собрании из трех человек, он являлся лишь номинальным главой города. Его предшественник возглавил движение сопротивления имперским захватчикам, но мирно почил в почетном заключении после победы. Сидир не уточнял, как это случилось. Вряд ли то интересовало и Юрусана Зот-Зора. Достаточно было одного намека подчиненным Сидиру рагидьянцам, а уж они сами хорошо знали, что надо делать в таком случае. Городские аббаты выбрали главой государства безвредного мямлю, которого тактично предложили завоеватели.

Поэтому Эрсер Эн-Гаван что-то значил для бывших правителей Арванета. Разумеется, иногда он собирал своих единомышленников; на этих сходках они спорили о том, как они могли бы организовать борьбу против завоевателей. За минувшие полтора года он принес немало пользы местной аристократии. Его обходительность, умение дать здравый совет, его личные идеи, слишком тонкие, чтобы принять их за высокомерие, склоняли завоевателей к новым и новым уступкам.

Тем более удивительными казались его сегодняшние слова.

— Главнокомандующий знает, что мы никогда не усомнимся в мудрости указа, исходящего от Славного Престола. — Его речь напоминала змею, скользящую по шелковому ковру. — И все-таки... извините за то, что я прошу разъяснений... является ли предлагаемая кампания непосредственной волей Императора, или же это... решение администрации,

вынесенное официальными лицами, которые могут ошибаться... скажем, на правительственном уровне?

Сидир громко рассмеялся.

— Эрсер, ты спрашиваешь, мой это приказ или нет? А если нет, то насколько высоко стоят те, против кого ты собираешься выступить, отказываясь выполнять его?

— Нет, нет! О Боже, который превыше всех и вся, скажи Его Величеству, что я говорю только то, что думаю. Главнокомандующий и... — едва заметное колебание и слабое движение прикрытых веками глаз в сторону Юрусана, — представляют здесь Славный Престол. Поэтому их обоюдное желание не встретит ни малейшего противодействия. Но они настолько разумны, что готовы прислушаться к голосу Совета, который, смею напомнить, наследует тем, чьи предки тоже имели... кое-какой опыт в делах Империи.

Юрусан сидел неподвижно. Застывшее лицо, застывшая фигура. Вероятно, он, как учил Философ, размышлял о Девяти Принципах Достоинства, руководствуясь которыми можно снести и более серьезное оскорбление, чем то, которое нанес Эрсер. Дав своему соправителю несколько секунд на ответ, Сидир ответил сам:

— Что ж, Ваша Мудрость, вы имеете право спросить. Да, настал черед северных территорий. Более того, я могу сказать, что именно они рассматривались как основная цель. Не хочу сказать ничего плохого, но Арванет всегда торчал, словно бельмо, на глазу Императора, хотя со стратегической точки зрения он не цель, а всего лишь перевалочный пункт на пути к цели. — Он простер руку. — Там впереди полконтинента!

— Мы это знаем. — Может быть, Эрсер хотел сказать этой фразой, что летописцы Арванета на протяжении многих веков наблюдали, как те или иные завоеватели стремились к этим местам. — Сначала Рагид хотел завоевать эти равнины для своих фермеров, а в последнее время Баром подошел к самым их границам и мечтает о новых пастбищах для своего народа. Божественную волю исполняют теперь люди из Скейрада, и это завоевание рассматривается не просто, как выполнение принятого решения, а как веление рока. И все же могу ли я, по своему невежеству, спросить, почему силы Империи не могут просто взять и двинуться на север из долины Кхадрахад?

— Потому что такие попытки предпринимались не один раз, даже во времена современной династии, десять лет назад, но они не приносили успеха... Ученый должен бы это знать.

— Сидир подавил негодование. — А сейчас прорыв вверх по Югулару сможет расколоть силы противника пополам, отрезать их от поставщиков металла, позволит нам создать базы на плодородных землях, и тогда мы начнем понемногу вытеснять их. А позже, когда их силы будут подорваны, Рагид нанесет прямой удар.

Эрсер выжидающе молчал. Сидир побарабанил пальцами по ручкам кресла, потом вдруг взорвался:

— Послушай! Давай я тебе объясню все с самого начала. Бывает, что самые простые вещи понять труднее, чем иное тайное учение. Из всех трех слоев населения Арванета на нас больше всего озлоблены светские помещики, и это понятно. Мы насильно превратили их во владельцев плантаций, и через несколько поколений их родословные уже никого не будут интересовать, потому что именно мы приберем к рукам налоги с сельского населения. Мы будем назначать и поднимать их, как нам заблагорассудится. Когда мы откроем северные земли для поселений, у ваших древних благородных семейств появятся конкуренты в торговле продуктами и хлопком. Поэтому неудивительно, что они жалуются, устраивают тайные сборища и всячески хитрят.

Но вы то в своих церквях почему их поддерживаете? Вам следовало бы больше прислушиваться к мнению Гильдий. Вы же знаете, что все больше и больше ваших торговцев поддерживают Империю. Они рады ее приходу. Империя разрывает путы архаичных законов и обычаев, которые здорово им мешали. Она расширяет и обеспечивает безопасность торговли. А если они выигрывают деньги, значит, они выигрывают и власть. И они ни в коем случае не собираются этому препятствовать — ведь все делается за счет класса, который в былые времена только смеялся над ними.

За ними будущее. За вами, может быть, тоже. Совет и законы, согласно которым он избирается, и церкви, которые оберегают эти законы — все мудрецы призваны сыграть важную роль в делах Империи. И не теоретически, как это было в прежние времена, а в реальной практике... — завершая свою тираду, Сидир привел поговорку баромьянцев: — ...не то что, когда вы были главными призраками на кладбище. И добавил: — И поэтому вы должны меняться, шагая в ногу со временем, жить и процветать вместе с остальными провинциями Империи, а не погибать вместе с епископами.

— Не всегда самое лучшее — меняться в соответствии со временем, Главнокомандующий, — медленно произнес Эрсер. — Народы, которые шли на это со слишком большой готов-

ностью, канули в лету. Арванет перенес все. — Его тон стал деловым. — Да, мы выслушали многих членов Гильдий. Некоторые из них, действительно, опасаются неприятностей. Например, торговля металлом с Рогавикой существует с незапамятных времен. Возникли и устоялись разнообразные формы. Разрушить нынешние договоренности и соглашения, означало бы отобрать у многих хлеб и заморозить торговлю.

— Только на время, — вспылил Сидир. — Вы же знаете, сколько сил мы уделяем тому, чтобы создать механизмы поддержки, например, субсидирования, чтобы преодолеть трудности переходного периода. И вскоре прерванная торговля снова возобновится. Большинство торговцев пойдет на это, если я объясню.

Взгляд Эрсера изменился. Или, может, он стал испуганным? Голос его упал до шепота почти неслышимого за шумом ветра.

— Вы действительно предлагаете... перекроить весь путь до Неизвестного Рунга?

— Возможно. Моли планы еще не созрели окончательно. Они будут меняться по мере поступления новых сведений. — Сидир откинулся назад. — Если все пойдет гладко, то да. Рунг будет полностью принадлежать Империи. Мой основной план — проведение кампании через Югулар — получил высокое одобрение, и мне предоставлена полная свобода действий. Я сказал бы, небывалая свобода. Поэтому вы, Ваша Мудрость, можете представить мне все ваши аргументы, все, которые имеете. У меня достаточно полномочий решать любые вопросы.

Эрсер помолчал немного, потом сказал:

— Главнокомандующий — здравомыслящий человек, поэтому он готов выслушать самого смиренного из своих слуг. — Его не слишком удачная попытка задеть Юрусана не ускользнула от Сидира, но рагидьянец на нее никак не отреагировал. — Пусть Главнокомандующий позволит сказать нам вот что... Его план смел и достоин его предков, чья отвага вернула Империи мир и единство. И все же... не слишком ли он смел? Мы, мудрецы, в принципе согласны с ним. И тем не менее, являясь преданными слугами Славного Престола, считаем своим долгом и правом давать совет, когда это возможно. И вот что мы считаем: вам не следует начинать вторжение в этом году. Ни в этом, ни в следующем, ни еще через год. Северные территории ждали долго и могут подождать еще. Древний Арванет с его противоречивыми проблемами требует к себе особого внимания. Одни солдаты не смогут удержать

его; здесь требуется еще и искусство управления государством. При всем моем глубочайшем уважении к Главнокомандующему, я хочу напомнить ему, что многие властители за прошедшие тысячелетия искренно считали, что им удалось покорить Арванет.

— Ты просто боишься. Ты боишься, что я двину на север большую часть своих сил. И что будет тогда? Мятежи? Да неужели они настолько безумны, что пойдут на это? Ведь они знают, что я могу вернуться и покарать их.

— Духовенство, конечно же, предаст проклятию всех, кто попытается поднять мятеж. Но у приморцев в прибрежных водах стоят корабли.

— Торговцы и авантюристы всегда мутили воду. Среди островов никогда не было по-настоящему спокойно, ссоры время от времени перерастали в бои — все это мне хорошо известно. Но мне известно и то, что они не смогут взять приступом ни одно укрепленное место, а союзников на берегу у них нет. Да и командование Киллимарейча состоит совсем не из глупцов. В крайнем случае Ичинг постарается поставить на место большую часть смутьянов из морских районов, чтобы те не спровоцировали войну с Империей. Они попросту не готовы к ней... пока.

— Если ваша армия жаждет неприятных сюрпризов... Главнокомандующий, Рунг не случайно называют непредсказуемым! Мы здесь, в Арванете, а его влияние когда-то распространялось и на нас, — мы сами располагаем скудными сведениями о нем, да и эти сведения в большинстве своем основаны на мифах и домыслах.

— Но вы никогда не пытались толком осмыслить то, что уже знаете. И, простите меня за прямоту, ваши ученые никогда на заботились о том, чтобы получить новые, достоверные сведения. А меня это интересует. Все идет как надо. — Сидир глубоко вздохнул. — Может быть я и не дойду до Рунга в этом году. Я не так уж и тороплюсь, как кажется вам. Я не буду ради тщеславия рисковать своими людьми, своими отважными всадниками.

Эрсер внимательно взглянул на него.

— Но вы собираетесь рисковать собой, — пробормотал он. — Могу ли я убедить вас не делать хотя бы этого? Посылайте свою армию, если это так уж необходимо, но сами оставайтесь здесь, с нами.

— Что? — воскликнул удивленный Сидир. — Вы хотите, чтобы я остался? Я, чей конь оставлял кровавые следы на ступенях Королевского Храма?

— Вы правите строго, но справедливо. Мы в долгу перед вами уже за то, что вы очистили город от преступников.

— Я правлю не один. — Сидир говорил резко, ибо счел за лучшее пресечь постоянные попытки Эрсера задеть Юрусана. — Я занимаюсь военными вопросами. Арванет и его окрестности усмирены. Моя власть там установлена. А вот гражданскими делами ведает Наместник, выразитель воли Императора.

— Это так. — Исследование тысячелетнего развития различных слоев общества приучило Эрсера к мысли, что даже искреннее желание оказать услугу может стать предметом насмешки. — И все же двое таких незаурядных людей не имели бы одинаковых званий, если бы их задачи не переплетались. Позвольте мне перечислить, чем должен будет заниматься Главнокомандующий лично.

Впервые с того момента, как Юрусан официально приветствовал Советника, он принял участие в разговоре:

— Ваша мудрость, полагаю, что сейчас вы углубитесь в бесконечные детали. И боюсь, что у нас сегодня просто нет на это времени. Все это лучше сначала представлять в виде письменных докладов, фактов, цифр, которые можно проанализировать и подробно изучить. Если вы это сделаете, Ваша Мудрость, то при соответствующих обстоятельствах мы снова примем вас здесь и подробно все обсудим.

Во взгляде Эрсера блеснула ненависть. Он опустил веки, прикоснулся ко лбу кончиками пальцев в знак уважения и произнес:

— Я понимаю, что Главнокомандующий и его коллега сейчас заняты. Я подготовлю доклад, как этого требует Наместник, так быстро, как только секретарь сможет записать его под мою диктовку. Скорее всего, в следующий раз я буду беседовать только с Главнокомандующим. Нет причин беспокоить августейшего Наместника, которого, впрочем, я всегда искренно рад видеть. Видит Бог, я говорю правду.

Последовала церемония прощания. Наконец инкрустированная перламутром дверь захлопнулась и хозяева Арванета остались в Лунном Зале одни.

Сидир не мог сидеть на месте. Он встал и начал прохаживаться взад-вперед перед мраморным камином, потом пересек зал и встал у окна, заложив большие пальцы за кожаный пояс. Зал располагался на пятом этаже Полинского дворца, и окно было большим. Перед Главнокомандующим раскинулась широкая панорама завоеванного города.

Слева он видел сады Элзин, окружающие озеро Норму, к

которому сходились все каналы Арванета. Справа изгибались арки Патрицианского моста, повисшего над Новым и Королевским каналами и, казалось, над всей рутиной и обыденной суетой столицы. Впереди расстилалась площадь, окруженная мраморными фасадами все еще величественных зданий. Время не пощадило их, выщербив колонны и обрушив резные карнизы. Время же сделало стекло, через которое он смотрел на город, радужно-фиолетовым, и казалось, что бесчисленные века оставили свой отпечаток и на облаках.

И все-таки этот мир был так полон суеты, как и всякий другой. На площадь выходило несколько основных улиц. За окружающими площадь общественными зданиями виднелись плоские крыши строений попроще — магазинов и жилых домов, построенных, в основном, из бурого кирпича. Перед ними теснились палатки, где люди в потрепанной одежде торговали немудрящими товарами. между палатками и ларьками бродили горожане, поросята, прыгали вездесущие воробьи. Время от времени по улице бочком пробегала тощая собака или медленно проплывал тяжело груженный фургон на скрипучих колесах.

Солдат не было видно, если не считать полицейского из местных — из-под зеленого мундира торчал подол полосатой рубахи, не оставляющий сомнений в характере его профессии. Сидир следил, чтобы его армия как можно меньше выделялась среди местного населения. Здешние мужчины носили рубахи, доходившие почти до колен. Большинство из них с приходом тепла скинули штаны, башмаки и зимние плащи с капюшонами и расхаживали теперь в сандалиях и вязаных шапках. Одежда местных длинноволосых женщин мало чем отличалось от одежды мужчин, разве что их рубахи были покороче и открывали смуглые ноги с узкими коленями. Материю здесь предпочитали яркую, носили много дешевых блестящих украшений. Исключение составляли старики, кутающиеся в неряшливые одежды неопределенного цвета, а также монахи и монахини четырех орденов мудрости — Красного, Белого, Серого и Черного.

Жители Арванета были невысоки ростом, стройны, у них были темные волосы, темные глаза и шафрановая кожа. Черты лица тонки и приятны. Обычно они двигались грациозно и проворно, и это делало их облик еще более изящным. Мертвый груз тысячелетней цивилизации не лег тяжким бременем бессмысленных традиций на неорганизованные, большей частью безграмотные низы. До Сидира долетал рыночный гомон, шарканье ног, стук лошадиных копыт, обрывки разгово-

ров, смех, мелодия дудочки, под которую какая-нибудь танцовщица выделывала свои па на дощатом помосте, скрип тележных колес. Он мог представить себе запахи курева, дыма, навоза, жареных на вертеле бычьих ушей, человеческого пота, дешевых духов... все это смешивалось с вонью каналов и болот. И вся пестрота города растворялась в надвигающихся раскатах грома, выцветала в пока еще далеких вспышках молний. Упали первые капли дождя, близилась буря.

Сидир вдруг вспомнил, что он не один в зале, и повернулся к Юрусану.

— Что вы думаете о нашем госте? — спросил он и тут же почувствовал, что хотя он и задал свой вопрос на рагидьянском, но в нем сквозит чисто баромьянская грубость и прямота. «Этот дьявол примет меня за глупца, — подумал он. — Я не хочу сегодня оскорбить его еще больше. У нас обоих и без того достаточно проблем.»

— Мне кажется, мы совершаем ошибку, пытаясь поладить с этими так называемыми мудрецами, — ответил Юрусан. Голос его был совершенно лишен каких бы то ни было эмоций. Но как бы ровно не звучал его голос, эта сдержанность была равносильна тому, как если бы он наносил удар.

— А вы что предлагаете? — спросил Сидир.

— Это чисто риторический вопрос, Главнокомандующий. Распустить Совет, уволить чиновников и управлять Арванетом напрямую. Отстранить глав церквей. Держать в узде и контролировать низших чиновников, наказывать всех даже за малейшую непокорность, причем немедленно и беспощадно. Подготовиться к конфискации имущества церквей. Оно огромно и неплохо пополнит имперскую казну.

— Я чувствовал, что вы вынашиваете подобные идеи. Нет. Нам понадобится для этого целое море администраторов, которые приедут не просто управлять завоеванной провинцией, а найдут здесь самый настоящий сумасшедший дом. Не говоря уже о десятке-другом полков, которые понадобятся для поддержания порядка. Все это отсрочит покорение северных земель на несколько лет.

— Здесь Эрсер был прав. Покорение долго ждало и подождет еще.

— Не подождет. — Сидир старался говорить спокойно. — Юрусан, ты не похож на последователей толанской философской школы. Находясь в стороне от политической рутины, ты должен бы быть в первых рядах защитников освященного веками общественного уклада.

— Этот уклад больше не свят, — гнев прорвался-таки

сквозь маску спокойствия. — Это общество мертво. От него остались высохшие мощи, и ничего более. Ему следует устроить приличные похороны и поскорее забыть.

— А-а... ну, теперь ваши побуждения понятны, — вздохнул Сидир.

Они стояли друг против друга.

Юрусан Зот-Зора был выше ростом, хотя возраст ссутулил его, волосы на голове поредели, густо пронизанная сединой борода закрывала грудь, бледная кожа стала похожа на пергамент, покрытый коричневыми пятнами. Но возраст не мог стереть черты истинного рагидьянца, а глаза за очками в золотой оправе оставались яркими, как ляпис-лазурь. Он носил плоскую черную шапочку выпускника философской школы с серебряной эмблемой Забета. Зеленая мантия с пуговицами из слоновой кости, красная лента и красные туфли, сумка для документов придавали его фигуре значимость, а палка с набалдашником в виде головы змеи служила знаком его почтенного возраста, а вовсе не опорой для немощного тела.

Сидир, сын Роэла из клана Шалиф был выше ростом и шире в плечах, чем большинство баромьянцев. Его бабку-рагидьянку взяли в наложницы, когда орды Скейрада впервые вторглись в эти края. Лишь недавно всадники из Хаамандура перестали думать об Империи как о добыче, и начали думать о ней как о наследстве. Он был мускулист, в свои сорок пять он сохранял юношескую упругость мышц. Его ноги не были кривыми, как у большинства наездников, потому что в горных краях он провел только несколько детских лет, после чего отправился учиться в более цивилизованные места. Его безбородое лицо было бронзового цвета, узкие темные глаза тонули в морщинах. Темные волосы, тронутые сединой, он стриг на рагидьянский манер. На правом бедре он носил эмблему своих имперских полномочий — кинжал в хрустальных ножнах. Лезвию работы дамасских мастеров времен второй из Трех Великих Династий, было не менее двадцати столетий. На шее Главнокомандующего красовалось витое ожерелье из чистого золота — он мог себе это позволить. Это было Ожерелье Зрелости, которое имели право носить только взрослые мужчины-баромьянцы. На нем были облегающие брюки и рубашка из грубой голубой ткани, туфли из тисненой кожи и короткая куртка для верховой езды — привычная одежда кочевников.

— Вот что я скажу вам, Юрусан, — Сидир решил говорить без обиняков, чтобы между ними не разрослась ссора. — Из летописей вам должно быть известно, каким образом Ар-

ванет впервые принес цивилизацию в Рагид. Но прошло очень много времени. Когда Аянская империя в Кхадрахаде достигла расцвета, Арванет уже умер и смердел. Ваша раса полагала, что она — цвет многовекового развития. А когда вы пришли сюда, то обнаружили город, который был великим еще до того, как ледник начал ползти на юг. Этот город помнил свое величие и отнесся к вам презрительно, как к скопищу мужланов, которые, к счастью, скоро будут уничтожены, как и многие до них. Это приходилось терпеть день за днем, месяц за месяцем. И все, что вас окружало, сами знания здешних мудрецов, убеждало вас, что это не пустое хвастовство. Да... Эрсер и все остальные поняли вашу слабость и быстро научились вас дразнить.

— Что, Главнокомандующий? — вспыхнул Юрусан.

— О, я сам вырос в такой обстановке, когда на меня смотрели как на обезьяну из диких лесов. Я к этому привык. Думаю, что я неплохо ладил с жителями Арванета, то же самое можно сказать об их отношениях с народами Севера. У тех тоже не было особых оснований для претензий. Но вот северяне и выскочки-баромьянцы собираются воевать. Что же касается арванетцев и рагидьянцев... — Он протянул руку к посоху старика и очень осторожно сжал его. — Юрусан, я очень ценю вас... может быть, больше, чем вам кажется, особенно после того, как увидел, что вы человек небезразличный. Мне нужна ваша помощь, ваши знания, ваш опыт управления. Но вы предоставите их для моих и только для моих целей, иначе я вынужден буду обратиться к кому-нибудь другому. Мы не равны, это правда. Никогда не забывайте: Император носит рагидьянские одежды, цитирует рагидьянских классиков и молится рагидьянскому Богу, но при этом он остается внуком Скейрада и скорее прислушается к вождю из Хаамандура, нежели к принцу из Наиса.

Ученый взял себя в руки. Маска спокойствия снова опустилась на его лицо.

— Главнокомандующий, — произнес он, — в четвертом завете Тола говорится: «Если семя зла брошено, не поливайте его и не согревайте. Оставьте его небу и уйдите...» Давайте пойдем каждый своим путем и будем заниматься каждый своим делом, а по вечерам будем встречаться и смотреть, насколько честно каждый из нас служит Славному Престолу. И насколько каждый из нас подвержен человеческим слабостям. И давайте начнем завтра... пообедаем вместе вечером.

— Хорошо, — согласился Сидир, немного остыв. Они обменялись поклонами и Юрусан вышел, шаркая подошвами.

Сидир постоял у окна еще некоторое время. Дождь перешел в ливень. Все сверкало и гремело.

— «Мне стыдно? — спрашивал себя Сидир. — Иногда люди, достигшие власти, окружают себя зеркалами, и эти зеркала отражают все как есть... их не могут затуманить никакие слова».

Его младшая жена была хрупка и застенчива. Ее приданое и принадлежность к знатному рагидьянскому роду делали его положение еще более прочным, но были не так уж необходимы. И все-таки в ее присутствии он чувствовал себя, словно перед трибуналом — он научился манерам, но воспитан был иначе. В Хаамандуре с Энг он чувствовал себя свободно, смеялся, испытывал настоящую страсть... Нет, не совсем так. Мир Энг был миром высокогорья, местных сплетен, песен, сказаний и легенд, пастушьих историй. Даже в Зангазенге, хотя это был маленький, захолустный городок, она тосковала по привычным палаткам. Поэтому во время нечастых встреч с ней, он быстро от нее уставал... Любовницы, проститутки, случайные связи — он всего-навсего пользовался их телами, не более того. Он вдруг испугался своих мыслей. — Что за черт навел меня на эти мысли? Откуда этот страх перед Империей?

Его рагидьянская половина ответила словами на баромьянском языке: «Это цивилизация. В Арванете есть древние вещи, но теперь это просто высохшие мумии. Одного возраста недостаточно. В них должна быть жизнь. Именно это есть у Империи. И с другой стороны, Рагид умирал, раздираемый войнами, пока не пришли мы, баромьянцы со своими сильными лекарствами и не спасли его. Сегодня... сегодня Рагид обязан нам жизнью. Но тогда чего мы так стесняемся? Откуда же эти сны наяву, будто мы понемногу превращаемся в рагидьянцев?»

— Входите! — бросил он, услышав тихий стук в дверь. Мальчик-дворецкий спросил, может ли войти член Гильдии Понсарио ан-Астраль, пришедший в назначенный ему час.

— Да-да! — прогремел Сидир. — Только сначала зажгите здесь свет. — Рабы, ждавшие этого распоряжения, внесли свечи и газовые лампы, зеркала светильников наполнили комнату мягким светом.

Сидир не двинулся с места, пока они не ушли. Потом дверь открылась, впуская следующего посетителя, и снова закрылась. Он не знал, зачем этот торговец попросил сегодня утром срочной аудиенции. Должно быть, причина была достаточно важной. На людях Понсарио вел себя, как изнеженный

сибарит, но это была не более чем маска. Спина Сидира напряглась, желудок сжался в предчувствии беды. Но это было почти приятным ощущением — он устал от недомолвок, непонимания и конфликтов, устал от интриг, этикета, волокиты. С Понсарио у него были простые отношения: они недружелюбно относились друг к другу, как орел и свинья, и при случае с радостью спустили бы друг с друга шкуру. Но пока они казались едва ли не друзьями.

Гость отвесил три поклона, которые по этикету полагались принцу, а именно к этому титулу, согласно изданному Юрусаном декрету, приравнивалось звание вице-короля.

Сидир ответил, так же придерживаясь этикета:

— Главнокомандующий Светлейшего Величества принимает вас.

Все это смахивало на торжественный фарс, без которого, а иногда и вследствие его, порой умирали люди и сгорали целые нации. Да это и было торжественным фарсом.

— Вольно! — скомандовал Сидир. — Хотите чаю? Или, может быть, кофе, шоколаду?

— Спасибо, сэр. Я предпочел бы немного подогретого вина, но я знаю, что вы не пьете в рабочие часы, поэтому, с вашего позволения, воспользуюсь вот этим. — Понсарио достал портсигар розового дерева. — Хотите сигару? — Он демонстрировал уважение к духу товарищества, употребляя второе, самое почтительное из пяти местоимений второго лица, имеющихся в его языке. (В рагидьянском языке таковых было три). — Только что привезли из Мандано.

— Я не понимаю в них толку. — Сидир покачал головой. Он курил трубку, да и то не часто. Солдату не подобают редкие и дорогие удовольствия. Он сел и жестом указал Понсарио, что тот может сделать то же самое.

Член Гильдии опустился в кресло. Он был до смешного толстым. Короткие ноги и плоское лицо говорили, что его предки жили среди болот. Он только достиг среднего возраста, а уже полысел и красил остатки волос на голове и бороду. На ногтях были нарисованы золотые звезды. Из-под роскошных мехов виднелся подол вышитой рубашки, на пальцах блестели перстни. Он обрезал сигару, чиркнул пружинной зажигалкой с кремешком, зажег от нее палочку с серной головкой и прикурил, выпустив облачко ароматного голубого дыма.

— В чем дело? — прямо спросил Сидир.

— Сэр, я знаю, что вы очень заняты, — начал Понсарио. — И, по правде говоря, я сомневался, то ли идти прямо к вам, то ли обратиться к кому-нибудь рангом пониже, то ли вообще

ни к кому не обращаться. Внешне все выглядит довольно обычно, ничего особенного, мелкий инцидент. И все же... — Он бросил обгоревшую палочку в фарфоровую пепельницу, которую держал дракон, вырезанный из красного дерева. — Морской народ с каждым годом отправляет все больше кораблей в Материнский океан... они плывут к северо-восточному Тускару и к островам Харрикейнского моря. Зачем?

— Думаю, за прибылью, от которой и ты не отказался бы, — сухо ответил Сидир.

— В самом деле, сэр? Неужели обычные торговцы потащатся вокруг Эфлиса или рискнут идти Проливами Проклятий? Кроме того, два мощных экваториальных противотечения могут затащить корабли в район айсбергов. К чему такой риск, не говоря уже о том, сколько на это требуется времени. У приморцев есть более удобные пути и более выгодные места для торговли, ближе к дому: все побережье Ованга вдоль Материнского и Коварного океанов, западное побережье Андалина и Туокара до самых льдов... это не считая островов. Зачем же плыть так далеко?

— Несомненно, некоторые экспедиции тайно финансируются, — ответил Сидир. — Я и не думаю, что этому народу вообще и Киллимарейчу в частности понравится, если Рагид захватит весь Андалин, а потом повернет на юг и вторгнется в Туокар. Мы не просто потесним их, но сами станем крупнейшей морской державой. — Он нетерпеливо взмахнул рукой. — Мы уже завоевали эти земли, Понсарио. Так зачем же ты явился?

— Ах, да, сэр, верно... К старости я стал многоречив. — Торговец вздохнул. — Так вот, не так давно «Сканнамор», грузовое судно из Ичинга, пришвартовалось в Ньюкипе. Мой агент побывал там по делам, касающимся части их груза. У них на борту был мятежник. А вчера этот мятежник сбежал. Караульная служба была поднята на ноги. Кстати, ваш баромьянский комендант проделал громадную работу по реорганизации этой службы. Он направил двоих верховых на север, на тот случай, если беглец направится туда. Понимаете, этот парень опасен, и лейтенант Миморай хотел застраховаться от каких бы то ни было случайностей. И он был прав. Поступило сообщение, что из Лорд Долигу украдена лошадь, а позже ее нашли около Лагуна, но без всадника. Дальше — больше. С переправы у трактира исчез ялик. В Ньюкипе не обнаружено никаких следов беглеца, хотя это должно было оказаться не таким уж трудным делом. Похоже, он двинулся в Арванет... или я ошибаюсь?

— Гм-м... ну и что?

— Лейтенант Миморай тоже не видит в этом ничего особенного. Но мой агент думает иначе. Желая помочь капитану «Сканнамора», он пустил в ход свои связи и проследил за сообщениями караульной службы. Когда сегодня он узнал, куда вероятнее всего направился беглец, он добился разрешения воспользоваться телеграфом. Вы ввели замечательное новшество, просто замечательное, сэр. Как только связист принял его сообщение и передал мне, я попросил аудиенции у вас.

— Ближе к делу. Зачем?

— Прошу помнить, сэр, что мои опасения могут оказаться неоправданными. Вообще-то, среди торговцев Киллимарейча встречаются всякие люди, в том числе и не склонные соблюдать какие бы то ни было правила. Их торговля расширяется так быстро, что они вынуждены набирать в экипаж всякий сброд — бандитов из своих же городов, туземцев с отдаленных островов, людей невежественных и грубых, всяких бродяг-одиночек. Вся эта публика заражена духом индивидуализма, который свойственен Киллимарейчу вообще. Однако, при этом они не забывают о своем иностранном происхождении, напротив, они стремятся подчеркнуть его. Этакое самоутверждение, понимаете? Во время долгих и опасных плаваний характеры проявляются ярко, возникают столкновения и конфликты, офицеры, которые поддерживают дисциплину и накладывают наказания, становятся ненавистны, это еще более усугубляет трения, возникают заговоры, которые зачастую кончаются захватом корабля. Бунтовщики уходят в тропические воды на поиски богатства.

Сидир не перебивал. Он смирился с тем, что Понсарио, похоже, настроился произнести целую лекцию. Может быть, в этом был какой-то смысл. Будучи баромьянцем, Сидир имел мало дел с приморцами. Некоторые сведения о них могли ему пригодиться.

Член Гильдии выпустил кольцо дыма.

— Этот сбежавший мятежник, сэр, — его зовут Джоссерек Дэррейн, — не укладывается в эту схему. Мой агент подробно побеседовал о нем с капитаном и считает, что ему можно доверять, по крайней мере, в этом вопросе. Джоссерек был толковым малым, но вдруг затеял драку. Когда вмешался второй помощник капитана, чтобы восстановить порядок, Джоссерек обрушился на него, и потребовалось несколько человек, чтобы его оттащить. Нападение на корабельного офицера считается в Киллимарейче тяжким преступлением. Однако второй помощник несколько раз посещал преступника, когда тот нахо-

ился в заключении. Он хотел завоевать его доверие и узнать, чем было вызвано такое ненормальное поведение. В Ньюкипе Джоссереку предоставилась возможность сбить второго помощника с ног и выбраться на волю.

Так не кажется ли вам странным, сэр, абсолютно достоверный факт, что безумец, который якобы никогда в этих краях не бывал, отправился в далекий Арванет, а не близкий Ньюкип? И что ему удалось туда добраться? А если посмотреть на это дело с другой стороны, то разве не странно, что здравомыслящий человек сначала уходит в плавание, потом ищет убежища у бандитов в Лэарсе? — Понсарио сощурился от табачного дыма. — Все это весьма и весьма необычно, если, конечно, не было спланировано с самого начала.

— А что говорит второй помощник капитана? — спросил Сидир.

— Он говорит, что после удара он чуть было не потерял сознания, и теперь у него провалы в памяти. Не знаю, говорит он правду или нет. Ведь не могу же я снять его с корабля и поместить в камеру пыток. Это ведь может привести к нежелательным последствиям.

— Пытки займут слишком много времени, а тому, что говорят под пытками, не всегда можно доверять, — сказал Сидир. — Стало быть, вы полагаете, что этот мм-мм... Джоссерек является агентом Совета Старейшин? Чепуха. За чем он мог шпионить? И как он мог передавать сообщения?

— Что касается второго вопроса, сэр, то разве вы не слышали про беспроволочный телеграф? Это недавнее изобретение Киллимарейча. Мы знаем только то, что он существует. Но экспедиции, которые болтаются в южной части пролива Дольфин, кроме пушек и катапульт наверняка оснащены им. Такой аппарат могли провести в Арванет контрабандой.

— Да, я о нем слышал. Но зачем? Во имя Девяти Дьяволов, что делать иностранному шпиону среди бандитов? Что он рассчитывает там получить? Разве что нож в спину...

Понсарио почесал бороду.

— Сэр, этот инцидент окончательно утвердил меня в моих подозрениях. Я давно хотел предупредить вас, что северяне, возможно, более осведомлены о ваших намерениях, чем это положено врагам.

— Но какое это имеет отношение... О, не обращайте внимания, продолжайте.

Сигара дымилась, постепенно становясь короче.

— Я согласен, что оснований для подозрений не так уж много, и все они носят предположительный характер. Новый

порядок, который принесла с собой Империя, прервал существовавшую с давних пор тайную связь между членами Гильдий и Братствами преступников. Но я могу подкупить или обмануть кого-нибудь из бандитов в Лэарсе. У меня есть основания полагать, что около года назад глава их шайки посещал Рогавики... но я не уверен, что он там добился чего-нибудь. А поскольку представители приморцев несколько раз в год посещают Ньюкип, он мог вступить в контакт и с ними. Многие из торговцев Киллимарейча являются офицерами флота в запасе. Корабли Совета Старейшин рыщут по всему свету. Совет может передавать сообщения в Ичинг, так почему бы ему не послать человека, который мог бы воспользоваться этим каналом связи. Вероятно, польза от этого невелика, но так ведь и риск невелик. Так, наверное, считали все, кроме самого агента. Но как бы там ни было, очевидно, что северяне и приморцы являются союзниками в борьбе против Империи.

— Но к чему вся эта долгая болтовня о... Ладно, — Сидир кивнул головой. — Любой житель Киллимарейча, вступивший в Арванет, будет под нашим наблюдением, а если он попытается от него избавиться, то попадет под подозрение. Но один отчаянный малый, сбежавший из-под стражи, вряд ли так для нас опасен.

— Здесь что-то неладно, — убежденно сказал Понсарио. — Я едва ли не единственный человек, который этим заинтересовался, едва узнав о случившемся. Этот корабль с таким же успехом мог доставить пряности из Инниала, кокосовые орехи из Толомо или облицовочный материал из Корал Рэйндж с восточного Оренстейна... — с его языка легко слетали названия товаров и мест, откуда те поставлялись, он выговаривал их с любовью и с удовольствием. Почувствовав хмурый взгляд Сидира, торговец неохотно остановился — ...или что-нибудь еще, поставляемое на законных основаниях в какую-нибудь другую Гильдию. Мои уважаемые конкуренты в эти смутные времена слишком озабочены своими делами, чтобы думать о чем-нибудь еще, хотя бы о восстановлении порядка... Что ж, возможно, все это просто мои фантазии. Но уж коли я так или иначе поделился своими подозрениями относительно северян, и коли это является еще одним подтверждением того, что... — Его слова лились и лились.

В душе Сидира не было презрения. Он презирал торговца за то, что он торговец, не более, чем собаку за то, что она собака.

— Возможно, — медленно произнес он. — Теперь скажи

мне, известно ли тебе, каких результатов я добился, когда ездил в Лэарс? Да никаких! Это стадо мерзавцев за столом убийцы! Мне не удалось даже закрыть Воровской рынок. Теперь он просто кочует с места на место, вот и все. Где в этом муравейнике можно отыскать твоего беглеца?

— Я могу предложить вам неплохую версию, — негромко сказал Понсарио. — В кварталах...

Название утонуло в раскатах грома.

IV

Щелкнула наружная задвижка. Дверь отворилась.

— Оставаться на месте, — произнес человек из Лэарса.

Он и его товарищ — двое из тех троих, что захватили Джоссерека на рассвете — были худощавы, лица их покрывали оспины и шрамы, но двигались они с точностью кошек. Их рубахи и сандалии были хорошего качества, волосы и бороды аккуратно подстрижены. Кроме того, у первого имелся пистолет, взятый, скорее всего, у имперского офицера, или, вернее, у его трупа. Огнестрельное оружие очень редко встречалось у солдат, но не у преступников. Главарь банды явно доверял этому человеку, да и сама банда наверняка имела довольно высокий статус.

Медленно и осторожно Джоссерек повернулся от окна, сквозь решетку которого смотрел на тонущую в дождливых сумерках улицу. Окно не было застеклено и с улицы в пустую крохотную комнатенку, где он провел весь день, тянуло холодом, сыростью и зловонием. Резкий свет ламп из коридора бросал гротескные тени на глиняный пол и облупленные стены.

— Чего вы боитесь? — спросил Джоссерек. Он свободно говорил на языке Арванета. — Какие неприятности я мог бы вам доставить, даже если бы захотел?

— Вот это мы и хотим узнать, — ответил бандит. — Подойди.

Джоссерек подчинился. Сознание, что его надежды не оправдались и его поиски уже начались, вызывало у него дрожь. Его захватили, с ним очень хорошо обращались, его, конечно, обезоружили и заперли здесь. Но они объясняли это отсутствием Казиру, а именно он должен был решить, что делать с пленником. Они оставили ему хлеб, сыр, воду, бадью и еще его мысли. Он провел часы, вспоминая прошлое, такое часто случалось с ним и раньше. А у такого человека, как он, было много красочных воспоминаний.

По коридору он прошел в комнату, которая никак не соответствовала убогой обстановке всего этого дома и его грязным окрестностям. Плюшевый ковер ласкал ноги, багровые обои казались очень яркими в свете лампы, мебель была резная, инкрустированная слоновой костью и перламутром, в курительнице тлело сандаловое дерево. Сидящий мужчина был одет в шелковую тунику темного цвета. Украшений на нем было немного, но подобраны они были со вкусом. Правда, одежда странным образом не гармонировала с его телом, говорившем о том, что человеку этому пришлось здорово голодать в начале жизненного пути. Он был карликового роста, с невыразительным мышиным личиком. Волосы были седые и редкие, борода — совсем белая, но глаза оставались живыми и яркими.

Стражи уселись на стулья по углам.

— Мои приветствия, — вкрадчиво произнес хозяин. — Меня зовут Казиру, я заместитель главы братства Рэттлбоун. А кто ты?

— Джоссерек Дэррейн из Киллимарейча.

— Ах, да. Присаживайся.

Джоссерек сел, стесняясь своего большого роста. Мужчина достал из коробки сигарету и зажег ее от лучины. Джоссереку он закурить не предложил, а только посмотрел на него долгим оценивающим взглядом.

Пленник поерзал на своем стуле, скрещивая то руки, то ноги.

— Прошу прощения за свой внешний вид, — сказал он. — И за запах. — Ему давно пора было помыться, сменить одежду и соскоблить щетину. — Сначала мне было некогда, а потом меня поместили в сухой док.

— Пожалуй. — Казиру понимающе кивнул. — Может быть, ты расскажешь мне свою историю?

— Я уже рассказывал вашим людям, но... Да, сэр. Я плавал матросом на корабле «Сканнамор», от Ичинга досюда через Фортис Кэйп, я имею ввиду через южную оконечность Элфиса. Знаете? Во время плавания я ввязался в драку с одним матросом из-за местной женщины. Размазал его по палубе. А потом он со своими двоюродными братьями, тремя ублюдками из Ики, устроил мне веселую жизнь. Когда мы шли Харрикейнским морем, страсти накалились. Я решился. Я собрался или прикончить их, или отбить охоту со мной связываться. Ридж Гэарлах, второй помощник капитана, пытался меня остановить. Потом они утверждали, будто я напал на него. Чепуха! Он накинул мне на шею веревку и начал ду-

шить, а эти ублюдки прыгали вокруг и пытались вспороть мне брюхо. Я вынужден был вырываться и вырвался-таки. Гэарлах слегка получил по башке. Потом все скопом навалились на меня.

— Как тебе удалось бежать?

— Гэарлах не такой уж гад. Он знал, что я ударил его вынужденно, хотя это меня и не оправдывало. Мне грозили пять, а то и все десять лет трудовых лагерей. Он приходил ко мне, расспрашивал. Меня посадили в карцер. И вот вчера он подошел совсем близко ко мне. Я видел, что он расслабился, и ударил. Потом забрал нож, перерезал свою веревку и вырвался на свободу. Пять лет долбить скалу или чистить рыбу для какого-нибудь проклятого спекулянта по приговору суда — нет, это не для меня. — Джоссерек вкратце описал свое путешествие. — Ваши парни схватили меня, когда я причалил к берегу, и привели сюда, — закончил он.

Казиру затянулся сигаретой и еще раз кивнул.

«Готов поспорить, что он уже тщательно проверил мой рассказ», — подумал Джоссерек.

— Они должны были только отобрать у тебя твои пожитки и отпустить, — сказал Казиру, — но ты сказал им, что хочешь работать в Лэарсе.

— А что мне еще делать, сэр?

Казиру почесал усы. Потом задумчиво сказал:

— Стать Братом Кинжала вовсе не так просто, как стать бандитом в какой-нибудь трущобе. Помимо всего прочего, нам надо хранить свои традиции, а это не под силу простому грубияну. Люди построили Арванет еще до наступления ледника. В те времена они умели летать, если верить мифам, они летали даже на Луну ... а миф не может лгать. Уже тогда — около десяти тысяч лет назад, — существовал Арванет, хотя, может быть, под каким-то другим названием. Здесь все освящено временем, все обычаи живут века и века. И в Лэарсе тоже. Наше Братство было основано еще в те времена, когда в Рагиде правила Эянская империя. Лэарс пережил ту цивилизацию, переживет и нынешнюю, и те, что придут ей на смену. Мы не так просто посвящаем чужестранцев в наши секреты. Откуда нам знать, может быть ты шпион конкурирующего Братства или Имперского Наместника. И те и другие стремятся покончить с нами.

— Сэр, — Джоссерек выдавил улыбку, — я не так уж незаметен среди ваших людей. Если я здесь останусь, вы обо мне еще узнаете. А что касается служения Рагиду, то разве я прибыл сюда не из Киллимарейча?

— А где ты научился нашему языку?

— Раньше я плавал по Харрикейнскому морю. Несколько лет назад жил — по личным мотивам — на побережье Мандана. Вы, может быть, знаете, что там работал агент Гильдии Драмстеров, который имел дело со спирто-водочными заводами. Он дал мне работу на грузовой платформе. Я оставался там больше года и дослужился до транспортного смотрителя, поэтому пришлось учить арванетский язык. Мне всегда хорошо давались языки. Это врожденный талант, но одного таланта мало, нужна практика. Мне приходилось плавать меж островами Материнского моря. После того, как я уехал из Мандано, я встретил женщину вашего народа. Она попала в какую-то неприятную историю и уехала из Ичинга с капитаном морского судна. Тот ее бросил, и мы какое-то время жили вместе и разговаривали на ее языке. Но это все неважно...

«Особенно, если учесть, что все это ложь. Почти все. Я действительно способен к языкам. Однако рассказ получился вполне правдоподобный. Мы с Мулвеном Роя много над ним поработали.»

— М-м, а что ты сможешь делать живя среди нас?

— Практически все. Я был моряком, но долго жил и на берегу, был охотником, рыбаком, рудокопом, работал в поле, сплавлял лес, плотничал, трудился каменщиком, пастухом, дрессировал зверей, побывал и наемным солдатом... — Джоссерек остановился.

«Будет правдоподобнее, если я не закончу» — подумал он.

Казиру внимательно изучал его. Тишина становилась гнетущей, это ощущение усугублялось и громким стуком дождя по оконным стеклам.

— Посмотрим, — произнес наконец вожак. — Чувствуй себя как дома, мой гость... при условии, что не покинешь этот дом без разрешения и в одиночку. Понятно? Мы все хорошенько обсудим еще раз... через час, за ужином. — Он обратился к сторожам: — Секор, проводи Джоссерека в мою ванную. — Потом к другому: — Арано, найди... мм-м... Ори и пошли ее поухаживать за ним. И пусть кто-нибудь принесет ему чистую одежду и все, что ему потребуется для туалета.

— Вы очень добры, сэр, — сказал Джоссерек.

— Возможно, вскоре ты переменишь свое мнение — усмехнулся Казиру. — Все будет зависеть только от тебя.

«Труп в Лэарсе — всего лишь мясо для бездомных собак. Сегодня утром, по дороге с пирса, я видел, как маленький голый ребенок играл на улице. Он катал человеческий череп».

Секор, настроенный теперь более дружелюбно, проводил

чужестранца по коридорам, отделанным дубовыми панелями. В ванной его ждали два полных чана, от воды валил пар. Ори оказалась молодой и довольно хорошенькой. Когда Джоссерек забрался в первый чан, она вынырнула из своих незамысловатых одежд, натерла его, побрила, сделала маникюр, все время напевая. Потом он с наслаждением плескался в ароматной воде второго чана. Его реакция не была для него неожиданностью: прошло немало времени с тех пор, когда его корабль покинул Эфлис. Когда он выбрался из воды и она стала вытирать его полотенцем, его руки непроизвольно начали блуждать по ее телу. — Прошу вас, сэр... — прошептала она. — Казиру не понравится, если вы опоздаете. Но если вы хотите, я приду к вам сегодня ночью.

— Конечно хочу! — Джоссерек умолк, окинул взглядом хрупкое тело. Личико у нее было почти детское, окаймленной черными косами. Он отпустил ее и, медленно выговаривая слова, спросил: — Ты рабыня?

— Я сестра Ори.

— Что?

— Вы не расслышали, сэр?

— Не забывай, что я чужестранец.

— Мы... нас... воспитывают в качестве прислуги... так было всегда. — Ори нагнулась, чтобы насухо вытереть ему ноги. — Я изгнанница, — произнесла она покорно. — Агент Казиру дешево купил меня. Но я постараюсь угодить вам.

Джоссерек за ее спиной поморщился.

«Я должен привыкнуть к рабству. Боги свидетели, я видел немало примеров рабства. В Киллимарейче хвастают, что у них нет рабства, что они свободные люди, но даже там есть не только трудовые лагеря — может быть, это и правильно: надо же получать какую-то пользу от заключенных, — но в портовых районах полным-полно агентов, обманом вербующих матросов на корабли. — Он вздохнул. — Удивительнее всего, что рабы воспринимают свое положение как должное.»

Морская комната, куда его поселили, была не так претенциозна, как ее название. Кто-то нарисовал на ее стене морскую корову — вот и все, что здесь было морского. Однако она вполне устраивала его. В шкафу для него было приготовлено несколько рубах, так что было из чего выбирать, плащ и две пары сандалий. Он скинул халат, который дала ему Ори прежде чем он вышел из ванной — у арванетянцев было табу на наготу, это еще раз напомнило ему о низком социальном положении Ори — и оделся. Одежда оказалась впору.

— Ты ожидала, что тебе придется иметь дело с таким большим, как я? — засмеялся он.

— Мы иногда развлекаем рагидьянцев, сэр, или северян.. О! — испугавшись сказанного, она в ужасе прижала пальцы к губам. Джоссерек ничего не сказал на это, но пульс у него зачастил.

Когда он застегивал пояс из змеиной кожи, в кошельке, привязанном к нему, что-то звякнуло. Он проверил содержимое кошелька: монеты свинцовые и бронзовые с надписями, выполненными витиеватым арванетским письмом. Зная уровень здешних цен, он прикинул, что может прожить на эти деньги дней десять, если не будет особо расточителен, и, конечно, если Казиру отпустит его. Может быть, это своего рода взятка? Нет, для взятки слишком мало. Это либо проявление доброжелательности, либо грязное оскорбление. Мулвену Роа следовало послать сюда человека, который был бы лучше знаком с обычаями этой расы. Но Мулвен сказал, что у тех, кто знает их лучше, нет некоторых других достоинств, которые есть у меня.

Перед Джоссереком возник образ его шефа — Мулвена Роа. Тот был родом не из Киллимарейча, а с Ики, что близ экватора. У жителей его острова была угольно-черная кожа, белые, как снег волосы, глаза часто были желтого цвета. Последний раз они виделись в Ичинге. Они сидели в комнате, в окна которой врывался соленый летний ветер, а за окнами черепичные крыши полого спускались по склону к бухте, в которой дремали лодки. А далеко-далеко в голубой глади океана выбрасывали фонтаны два кита...

«Нет. Не стоит тосковать. Ты не можешь себе этого позволить.»

Местное гостеприимство включало в себя графин вина, сигареты из табака с марихуаной и туалетные принадлежности. Нож, ножницы и бритва отсутствовали; Ори сказала, что сама будет его брить. Все коробки были из дерева: стекло или обожженная глина могли при необходимости послужить оружием. Без сомнения, девушка будет ежедневно докладывать о том, что он говорил и что делал. Джоссерек принял эти условия. Если Казиру был тем самым человеком, на которого он рассчитывал, если по счастливой случайности он нашел именно тех, кого искал, в первый же день поисков — тогда Казиру был прав, принимая меры предосторожности. Джоссерек тоже.

— Вы придете обедать, сэр? — спросила Ори.

— Я голоден, как морской бес, — ответил Джоссерек.

Она проводила его в столовую и ушла, многообещающе улыбнувшись. Фрески на стенах комнаты давно поблекли, и никто не позаботился восстановить их. Зато между многорожковых светильников-бра висели богато расшитые драпировки. Сияющий полировкой пол с выложенными на нем павлинами и фламинго был в одном месте сильно поврежден. Видно было, что его ремонтировали и при этом на поврежденном месте выложили чье-то имя. Джоссерек догадался, что пол был поврежден во время битвы, произошедшей несколько веков назад, когда был убит тогдашний глава братства Рэттлбоун. Накрытый на три персоны стол был украшен хрусталем и фарфором, красиво расставленным на кружевной скатерти. Яркий свет бра играл на хрустальных гранях, воздух наполняли аппетитные запахи, вокруг стола бесшумно скользили слуги. Все они были мужчинами, все были одеты в черные рубахи, все были вооружены саблями, у всех были сурово сжатые рты и каменные лица. За окнами была ночь, разрываемая шуршащими струями дождя.

Вошел Казиру. Джоссерек поклонился.

— Итак, теперь ясно видно, что под вашей дикарской внешностью скрывалось нечто иное, — сказал Казиру.

— И это иное чувствует себя гораздо лучше, сэр. С нами будет третий?

— Вы ведь не хотите, чтобы караульная служба узнала, где вы находитесь, Джоссерек Доррейн? И вы могли бы пойти на убийство, лишь бы это осталось неизвестным. Я думаю, вы поймете, что наша гостья — очень почетная гостья — требует такой же осторожности.

— Что я должен сделать, чтобы вы мне поверили, сэр?

— Вот это мы и постараемся выяснить.

Потом появилась она, и кровь быстрее побежала по жилам Джоссерека.

Она была ниже его на ширину ладони. Тигры в лесах южного Ованга двигались так же грациозно, как она — он видел их. Ее сильное тело знало бег, верховую езду, плавание, охоту, борьбу и, конечно, любовь. Глаза, широко расставленные на высокоскулом лице, были цвета зимнего моря солнечным днем. Янтарные волосы, спускавшиеся до плеч, были так же аккуратны, как и простая, без украшений, туника мужского покроя. На правом и левом бедре висело по ножу — один тяжелый, другой с тонким изящным лезвием. Он видел, что и тот и другой были не просто украшением — они явно знали вкус плоти.

— Это Дония из Гервара, страны Северных земель, —

торжественно произнес Казиру. В Арванете, когда говорили о очень уважаемых людях, называли сначала имя. — Джоссерек Деррейн из Киллимарейча.

Она подошла поближе, и они поклонились друг другу, как это было принято в городе, но к чему ни он, ни она не привыкли. В Киллимарейче было принято класть друг другу на плечо правую руку. А в Рогавике — в Рогавике каждый приветствовал другого, как хотел, или как это было принято в его семье. Рассказывали, что северяне редко прикасались друг к другу при первой встрече, но ее голова наклонилась достаточно близко к его голове, ему даже показалось, что до него донесся солнечный запах женской кожи. Он видел, что меж золотыми волосами и черными бровями и в уголках глаз кожа ее покрыта сеточкой мелких морщинок. Она наверняка была на несколько лет старше его, хотя ни в чем другом это не проявлялось.

— Казиру кое-что рассказал мне о вас. Надеюсь, вы и сами о себе расскажете. — Она говорила на языке города довольно коряво, произнося слова хрипловатым контральто. Он не мог понять, искренен или наигран ее интерес к нему. Рассказывали также, что жители Рогавики очень скрытны.

«Если я ее не интересую, надо будет это как-то исправить, — подумал он. — Она относится к тому типу людей, который я ищу.»

Казиру подал знак, слуги отодвинули стулья, и все трое уселись за стол. Белое вино, наверняка охлажденное в леднике, было разлито в бокалы. Джоссерек поднял свой.

— У нас дома есть обычай, — начал он. — Когда встречаются друзья, один из них желает остальным благополучия, а потом все вместе выпивают. Могу я это сделать? — Казиру кивнул. — За ваше счастье!

Казиру сделал глоток, Дония — нет. Ее взгляд встретился со взглядом Джоссерека, и она спросила:

— Откуда мне знать, что мы друзья?

Ему оставалось только раскрыть рот от растерянности. Казиру хихикнул.

Молчание затянулось, и Джоссерек сделал попытку выйти из положения:

— Но, надеюсь, мы и не враги, мадам?

— Этого я тоже не знаю, — ответила она. — Это мы узнаем потом. А пока... — Она улыбнулась на удивление мягко. — Я не имею ввиду ничего дурного. Многие жители Рогавики выпили бы с вами. Но в нашем Братстве мы пьем только с самыми близкими друзьями.

— Понимаю. И прошу прощения.

— Про...?

— Он хочет сказать. что тоже не имел в виду ничего дурного. И он сожалеет, что побеспокоил вас, — пояснил Казиру.

— Да? — пробормотала Дония. Она изучающе смотрела на Джоссерека через стол. — Откуда у грубого матроса такие хорошие манеры?

— Я попал в беду, — сказал Джоссерек, — но это не значит, что я неотесанный мужлан.

— Казиру рассказал мне то, что вы рассказывали ему. Кое-что. Но я хотела бы услышать все с самого начала. — Донии слегка нахмурила лоб и выглядела теперь удивленной. — Я не могу понять, как человек может спокойно идти туда, где с ним могут произойти такие ужасные вещи.

— Не всем же быть охотниками или торговцами металлом, мадам. Но ведь я как-то должен зарабатывать себе на жизнь.

— Ведь вы... моряк? Я никогда раньше не встречала моряков.

— Мм-мм... моряк я постольку, поскольку это наиболее доступная работа. А на самом деле я бич.

— Кто? — спросил Казиру.

— Это слово очень распространено на Материнском океане, — пояснил Джоссерек. — У нас есть люди, в основном мужчины, у которых нет корней; они скитаются с острова на остров, перебиваются случайными заработками и нигде долго не задерживаются. Некоторые из них — никчемные или даже опасные типы: нищие, жулики, воры, бандиты, убийцы, которые время от времени задерживаются там, где, по их мнению, безопасно.

Казиру грустно усмехнулся.

— Это не самое тактичное замечание, произнесенное в этом доме.

Ближайший слуга немного подался вперед.

Мускулы Джоссерека напряглись.

Дония разрядила обстановку, громко рассмеявшись.

Джоссерек собрал всю свою сообразительность.

Я не хотел оскорбить вас, сэр, — произнес он. — Просто некоторые наши выражения не вполне типичны для Арванета.

— Ладно, так кто же такой бич? — спросила Дония и залпом выпила свое вино.

— Это... Хорошо, я попробую объяснить. — У Джоссерека появилось внезапное чувство, что она не позволит Казиру никаких выходок по отношению к нему. — Это честный рабо-

чий, который время от времени переезжает с места на место, — сказал он, чувствуя, как спадает напряжение, и улыбнулся ей в глаза. — Не всегда буквально соблюдающий закон. Среди бесчисленного множества неразумных малых народов в Океании существует слишком много дурацких закончиков, и все они требуют, чтобы эти закончики соблюдались. Но у нас есть свой кодекс. Кроме того, мы гордимся своим профессиональным мастерством. У нас есть король, этикет, ежегодные собрания, никто не регистрирует членство, никто не агитирует за вступление в наши ряды, никакой такой ерунды. Слухи расходятся быстро. И все вскоре узнают, кто настоящий бич, а кто нет.

— Никогда раньше не слышала ни о чем подобном, — сказала Дония.

Принесли черепаший суп.

Она вовсе не кокетничала, когда слегка прикрывала глаза, давая Джоссереку возможность побольше рассказать о себе. Ее просто и естественно интересовал его мир. Он был удивлен, как много она о нем знала. Но это были книжные знания. Он был первым из морского народа, с кем она встретилась лицом к лицу.

Если его догадки были верны, ему предстояло завоевать ее доверие. Казиру был лишь средством на пути к этому.

«Опасное средство. Его тоже следовало бы привлечь на свою сторону, добиться его заинтересованности, сделать своим союзником. Тем более, что пока неясно, почему Дония оказалась гостьей в его доме.»

Когда он осторожно спросил ее об этом, она ответила: — Мы с ним старые друзья. Я приехала, чтобы узнать, чего я могу ожидать теперь, когда Рагид захватил Арванет. Ничего больше. — На северных землях немногословие не считалось недостатком.

Джоссерек стал рассказывать им о своей жизни, причем говорил правду, хотя и не всю.

Он родился у дочери смотрителя дока в Ичинге в результате связи между нею и отпрыском благородного семейства.

— У нас в Киллимарейче все еще существует конституционная монархия. Она руководит Советом Старейшин — земельными магнатами и капиталистами — а также неким совещательным органом, который выбирается племенами, хотя в наше время принадлежать к тому или иному племени значит не больше, чем иметь ту или иную фамилию.

Они могли бы пожениться, но конкуренция поглотила отцовское состояние, и он умер в результате несчастного

случая, работая грузчиком в порту. Джоссерека воспитывали мать с дедом. Он всегда любил упрямого и практичного старика. Но потом появился отчим, который так никогда и не принял мальчика. Это толкнуло подростка в уличные компании. Уже спустя много времени после того, как он был осужден, после удачного побега и скитаний по четверти земного шара он заехал на постоялый двор, который содержала его семья. Его дед умер. Он пробыл там очень недолго и больше никогда не возвращался.

— А разве вас, беглого каторжанина, не разыскивали? — поинтересовался Казиру.

— Я был полезен кое-кому, и он, пустив в ход свое влияние, добился для меня прощения, — ответил Джоссерек. — Но, может быть, достаточно обо мне?

— Вы говорите, как образованный человек...

— Вы удивитесь, если узнаете, сколько свободного времени остается у удачливого солдата, чтобы смотреть, читать, размышлять, слушать образованных людей, если есть на то желание. Вот например, вы, мадам Дония. Я очень бы хотел вас послушать.

— Как-нибудь потом, — сказала она и ненадолго задумалась. — Может завтра? Сегодня вы, наверное, захотите пораньше лечь спать. А я... — Она казалась чем-то взволнованной, — Мне нужно побыть одной. А завтра давайте прогуляемся вдвоем, Джоссерек Деррейн.

— Подождите... — попытался возразить Казиру.

Она окинула его взглядом.

— Мы прогуляемся.

Про себя Казиру явно подумал: «Я могу следить за ним. Если будет нужно, я убью его.»

...Несмотря на то, что несколько недель Джоссерек был совершенно одинок, он нашел Ори на удивление неинтересной, но ничего ей не сказал. Это было бы несправедливо. Она сделала все, что знала и умела. Может быть, дело было в том, что он не мог не представлять на ее месте великолепную гордую Донию.

V

— Однажды, — сказала женщина из Гервара, — я видела Сверкающую воду, которую вы называете Материнским океаном. Я никогда не смогу этого забыть.

— Как это случилось? — спросил мужчина из Киллимарейча. — Я думал, что ваш народ живет только на суше. — Он попытался вспомнить карты, которые когда-то изучал.

Они были, как он сейчас понимал, чертовски условными. Цивилизация мало что знала об Андолине, лежащем за пределами южной полосы, населенной строителями Рагида и Арванета. На востоке лежали дикие леса, они простирались от морского побережья до невысоких гор Идис. Тамошние равнины тянулись на запад, где находилась Рогавики, через реку Югулар до гор Тян-Шан, через огромные нераспаханные земли, на севере уже придавленные ледником.

— Мы торгуем, ставим ловушки на зверя далеко от ваших краев, — ответила она ему. — За хребтами Тян-Шан простирается огромное открытое плато. Там живут степные зайцы и койоты. Дальше вздымаются горы Мункастл, там уже царит ледник. Но и там есть проходы, а в пограничных районах много бобров, норок и диких кошек. О, там высота, мощь, величие, там звучит голос тишины! Ночью там светло от звезд.

Джоссерек посмотрел на нее долгим взглядом. Неужели она наконец начала понемногу сбрасывать свою броню?

Они вышли из дома рано утром, одетые так, чтобы не привлекать к себе внимания. Вторжение привело сюда не только военных, но и множество гражданских рагидьянцев. Джоссерека, одетого в балахон, полы которого были подвязаны к поясу, чтобы не мешать ходьбе, можно было принять за предпринимателя или чиновника из какого-нибудь имперского городка. Серьги и стрижку скрывал спускающийся из-под шапки шарф. Светлые волосы и типичные для северянок черты лица Донии скрыть было не так просто. Но, посмеиваясь про себя, она показалась — точнее не скажешь — в прозрачной тунике, звеня украшениями из меди и стекла, ее ярко накрашенные губы призывно улыбались. — Некоторые наши девушки, потеряв надежду выйти замуж, подрабатывают на арванетских факториях, — пояснила она. — Кое-кто из них находит дорогу в город, но они никогда не задерживаются здесь надолго.. — Она немного поколебалась. — Мы считаем, что это тоже честная профессия. Чем же еще может промышлять одинокая женщина? А южане и вовсе считают, что она ничем другим и заниматься не может.

Если не считать этих объяснений, предпринятых, чтобы не шокировать спутника, она мало что о себе рассказала. Дония решительно настояла на том, чтобы они шли не на юг, к Большой Арене, в богатые кварталы, а кружили в центре. Она очень мало говорила, пока они пробирались сквозь тесноту и гомон улиц и улочек, бедных улиц Лэарса, улиц Братьев Кинжала и преступников, которые выросли здесь и вышли отсюда, из этих слепых кирпичных развалюх.

Квартал заканчивался неожиданно. Перед ними простилался проспект Дьяволов — оживленная улица, соединяющая Старый Бастион с Домом Совета, который денно и нощно охраняли милицейские патрули. До этого места за ними следовали Секор и Аранно — необходимая предосторожность в случае нападения. Здесь Дония отправила их назад тем жестом, которым дома отсылала своих собак.

И почти сразу же после того, как они с Джоссереком вдвоем углубились в район Холлоу Хаузиз, она начала говорить. Она говорила с готовностью, даже с нетерпением. Расспрашивала о странствиях, а потом...

— Ах, я трижды переходила Мункастл. Но это было довольно давно. Четыре живых мужа, пятеро живых детей, большой зимний сад... собственность хватает нас за пятки, разве не так? А члены моего Братства, особенно молодежь, спрашивают у меня совета и ждут помощи. А у меня ведь еще много дел: визиты, надо руководить нашим участием в торговле металлом, да еще большие сезонные сборы наших людей... и охота... Ах, охота! Но тогда мне было шестнадцать, и я только год была замужем за Ивеном, у меня было немного дел. Ни за чем не надо было следить. В нашей группе все были молоды. Мы решили, что тем летом не будем ставить капканы в наших краях, а двинемся на запад, поищем там что-нибудь интересное. Странники, бывавшие там до нас, рассказывали, что за высокими ледниками лежат обширные земли, населенные дружелюбными племенами. Мы взяли с собой подарки, чтобы отблагодарить за гостеприимство, мы всегда берем с собой подарки, когда выходим за пределы своей территории — ножи и стальные иглы собственного изготовления, бусы и медальоны, дешевые цветные камни, привезенные из Арванета, несколько... усиливающих?.. стекол из Рагида. Итак, мы выехали на рассвете и двинулись вперед.

Она взяла его за локоть. Он почувствовал тепло ладоней и маленькие бугорки мозолей на них.

— Смотри — хорошее место, здесь можно отдохнуть, — предложила она.

Небо сияло, словно промытое недавним дождем, по нему плыли редкие облака. Свет лился на здания, и те, казалось, впитывали его. Многие из них были разрушены: стены без крыш, трубы без стен, колоннады без карнизов. Все густо заросло плющом. Груды булыжников под ногами поросли куманикой и первоцветом, вздымались тополя, трава аккуратно обрамляла булыжники мостовой. Памятник забытому герою весь покрылся мхом, но камень там и сям проглядывал сквозь

зелень. В воздухе стоял запах жасмина, где-то слышались шутовские рулады пересмешника.

Дония устроилась на замшелом камне, положив подбородок на колени, обхватив руками голени. В миле поодаль путники видели черную глыбу Дрим Эбби, это было одно из немногих мест в районе, где сохранилась хоть какая-то жизнь. Совсем рядом висело гнездо иволги.

Джоссерек примостился рядом, стараясь не прикасаться к ней, как бы не влекло его обнаженное, слегка тронутое загаром тело. — Значит вы добирались и до океана? — спросил он. — Ну и как, путешествие было удачным?

— О да! — Она улыбнулась, глядя прямо перед собой. — Я видела, как валы с грохотом разбивались в белые и зеленые брызги. Я плавала в этих водах... холодных, горьких, но таких нежных. Я видела чаек, морских львов, морских выдр. Мы доставали моллюсков, похожих на забавные орешки, живущие в норах. Мы плыли на лодке и над нами вставал тихий серебряный рассвет. Мимо проплывали киты. Один из них выставил голову из воды, и может быть, пожелал нам доброго утра.

— Я бы этому не удивился, — заметил Джоссерек. — Они встречаются в Киллимарейче — киты, дельфины — и знаете, они думают и чувствуют, как и люди.

— В самом деле?! — радостно воскликнула она.

— Да, так утверждают наши ученые. Может быть, это предрассудки. Понимаете, согласно основной религии нашей страны, они являются священными животными. Дельфины — олицетворение богов жизни, а акулы — богов смерти... Впрочем, не берите в голову. По-моему, наш миф просто оправдывает закон об их охране.

— У вас запрещается их убивать?

— Да. Мясо, жир, китовый ус — все это довольно ценные вещи, поэтому киты и дельфины охраняются патрульной службой. Я...

«Нет, рассказывать о том, как Мулвен Роа нашел меня, пригласил к себе домой, уговорил устроится на работу, сначала в китовую полицию, а потом, когда я научился работать с такелажем... еще рано.»

— Мне приходилось быть свидетелем схваток между патрульными катерами и командами браконьеров.

— Я рада за вас, — мрачнея, сказала она. — Вы остро ощущаете свою принадлежность к той жизни. Я не знала.

Ее ирония тронула его.

— Если мы будем добры к китам, моя дорогая, сознание

будет меньше докучать нам, когда дело коснется людей. Кроме того, в трудовых лагерях тоже кое-чему учат. Но если уж вы хотите считать меня идеалистом — прекрасно.

— Мы в Рогавике никогда не убиваем диких животных на продажу, — добавила Дония. — Это было бы неправильно. — И добавила уже деловым тоном: — И это было бы глупо. Мы живем хорошо, потому что нас мало, а стада огромны. Если изменить это соотношение, нам придется сделаться фермерами. — Она сплюнула: — Фу, я путешествовала в фермерских землях Рагида. Это даже хуже, чем город.

— Хм, — Джоссерек задумался. — Идеализм может и не подействовать на вас. Вы не похожи ни на одну женщину из тех, что встречались мне раньше где бы то ни было в этом мире. Я слышал, что ваши люди не переносят толпу. По-моему, именно поэтому вы оживились, когда мы пришли в этот пустынный район. Так что вы думаете о фермах, пастбищах, плантациях?

— Да там же все и вся посажено в клетку, — сказала она и чуть помолчав, продолжила: — Города тоже плохи, но не до такой степени. Некоторое время мы можем терпеть вокруг себя чужаков, пока их зловоние не начнет досаждать нам. Но мы и не обязаны выдерживать слишком долго. А фермерам приходиться терпеть это всю свою жизнь. Здесь, в городе, почти все представляют друг для друга лишь кусок мяса на двух ногах. Это ... гадко. — Она потянулась, тряхнула головой, отбросив назад волосы. — А среди этих заброшенных домов царит мир.

— Мадам, — сказал Джоссерек, — если мое присутствие начнет раздражать вас, предупредите меня об этом.

— Хорошо. И хорошо, что вы мне об этом сказали. — Потом она спокойно добавила: — Я могла бы и переспать с вами.

— Да? — Он задохнулся и схватил ее за плечи. Сердце его бешено заколотилось.

Она рассмеялась и оттолкнула его.

— Не сейчас. Я не проститутка, принимающая клиентов — как пришел, так и ушел. Казиру со своими прихвостнями надоедают мне; они спрашивают, пытаются советовать, как мне поступать. Они хотят, чтобы обедала за их столом, а у меня сразу пропадает аппетит.

«Может быть, позже? Где-нибудь на твоих открытых равнинах, Дония? Ко мне вернулось самообладание. Ну что ж, пока мне придется пользоваться услугами Ори. Я остыл. Почему ты считаешь, что я, бедный матрос, вообще когда-нибудь воспользуюсь твоими услугами? И считаешь ли ты так?»

— Что ж... и все равно, я польщен, — сказал он вслух.

— Там будет видно, Джоссерек. Когда я встретилась с тобой, я ничего не знала о таких как ты. — Она помолчала с полминуты. — Казиру говорил, что тебе подобных больше всего волнуют деньги. Я не очень-то в это верю теперь, когда узнала, что вы защищаете китов.

Джоссереку представилась возможность продемонстрировать такую же бесстрастность, какую демонстрировала она все это время, а заодно между делом представить себя и свой народ в выгодном свете.

— Мы не так уж алчны, — сказал он, осторожно подбирая слова. — Большинство из нас, я хотел сказать. В Киллимарейче мы сделали человека свободным, дали ему возможность самому устраивать свою жизнь, тонуть или плыть в русле довольно-таки мягких законов. А для тех, кто к этому не привык, это непросто, уж я-то знаю. А вы, северяне, как поступаете со своими проигравшими?

Дония передернула плечами.

— Как правило они умирают. — Потом она спросила: — А Казиру мне не лжет? Он утверждает, будто морской народ злится на Империю только за тар... как уж это у вас называется?

— Тариф? Да, в какой-то мере. В Арванете никогда не было большой пошлины на ввоз товаров. И сейчас наши компании, естественно, недовольны тарифами, которые установила Империя. Да еще при нынешней конкуренции на юге пролива... Но это проблемы торговых компаний. У большинства из нас нет особых причин для конфликта.

— Тогда почему же вы... — Она замолчала, не договорив.

Он перешел в наступление: — А вы почему здесь?

Она сидела молча, не глядя на него. Сквозь разрывы в облаках пролились солнечные лучи. Пересмешник раскатился счастливым щебетом.

— Я обещал не задавать подобных вопросов, но ничего не могу с собой поделать.

— Тут нет никакого секрета, — ответила она ровным голосом. — Я уже сказала вам вчера. Ходят слухи, что Империя собирается вторгнуться в Рогавику со стороны Арванета. Казиру разнюхал это, его сведения подтверждаются. Он предупредил меня, что это может произойти скоро, и я приехала чтобы убедиться в этом лично. Теперь я могу рассказать об этом дома. Их не так уж много, но под новым руководством они по-новому сражаются. Последний раз они вторглись с севера, из Кхадрада, в основном силами пехоты. Мы, как это

бывало всегда разбили их. Но уже тогда баромьянская конница доставила нам немало хлопот. Хорошо еще, что у них было слишком мало воды и фуража. Мы нанесли им удар во время пылевой бури и... Но долина Югулара — совсем другое дело. Да и армия тоже другая. — Она вздохнула. — Я мало узнала. В Арванете больше нет настоящих воинов. Они не понимают, они даже не могут описать, что это за поход, зачем... Рагидьянцы, которых я встречала сама, и те, что приезжали к Казиру, чтобы получить взятку — глупые солдаты, покорные, как волы. А вот баромьянцы... Но как мне сблизиться с кем-нибудь из баромьянцев?

— Вы опасаетесь, что очередное вторжение может оказаться успешным?

— Никогда. — Она гордо выпрямилась. — Вставайте, нам пора идти дальше... Если бы знали хоть что-то о них, наши потери могли бы быть меньше.

Он шел на шаг позади нее. Черепки хрустели под ногами. Ломая кустарник, путники шли по тому, что некогда было проспектом.

— Что вас свело с Казиру? — спросил он. — Если это не секрет.

— Мы встретились несколько лет назад, когда я впервые приехала сюда. Но не в качестве проститутки, — уточнила она. — Нужно было кое-что обговорить. Гильдия Металлистов собиралась расширить с нами торговлю, и нужно было встретиться с другими Гильдиями, которые поставляли нам товары, ради которых мы и занимались торговлей. Конечно, никто не мог выступать от имени всех северян. Но некоторые из нас считали, что мы сможем выяснить, чего хотят торговцы и объяснить это дома. Мы путешествовали вместе, потом мы часто встречались с членами Гильдий порознь. В то время все они так или иначе были связаны с Лэарсом. Через... Понсарио эн-Острал я, он был... Я встречалась и с Казиру. Мне не о чем было говорить с Понсарио. Тот хотел, чтобы мы продавали ему мясо и шкуры или поставляли больше мехов, а мы ни за что на свете не хотели этого делать. Но с Казиру мы нашли общий язык.

«Вы оба хищники... — подумал Джоссерек, но тут же устыдился своих мыслей. — Нет, не ты, Дония. Ты не ищешь человеческих жертв. Насколько мне известно, вы, жители Рогавики, никогда ни на кого не нападали, никогда ни с кем не воевали, если вас к этому не вынуждали. И только когда враг оказывался в ваших землях... Неужели это правда? Неужели возможна такая непорочность?

— Он... может быть... — Она подыскивала слово. — Интересным. Удивительным.

— Он живет за счет города, — сказал Джоссерек, скорее затем, чтобы спровоцировать ее на более подробный рассказ, чем ради нравоучения. — Он берет, но никогда не дает.

Дония снова пожала плечами.

— Об этом пускай город и беспокоится. — Затем она окинула его понимающим взглядом, который буквально пронзил его: — Если вас это так волнует, то почему же вы ищете таких людей, как Казиру?

— У меня не было другого выхода. — Чтобы как-то оправдать себя, он продолжал: — Вообще-то, я переборщил, члены братства Кинжала занимали и занимают важное место в жизни города. Они контролируют преступность и держат ее в определенных рамках.

— По-моему, они выкачивали из нас куда меньше, чем все остальные, и, как вы справедливо заметили, приносили определенную пользу.

Он подозревал, что она говорит совершенно серьезно, тон у нее был спокойным, таким тоном натуралист мог бы рассуждать о социальном устройстве муравейника.

— И все-таки, — настаивал он, — Я слышал, что они были еще и тайными союзниками Гильдий. Мудрецы и помещики пытались держать Гильдии в подчинении. При необходимости Братства могли поставлять торговцам телохранителей, наемных убийц, сыщиков, грабителей. Их посредничество было удобно для спекулятивных сделок в застывшем обществе, в то же время легальный бизнес мог принимать от них вклады. Такие дела. Но в последнее время все изменилось. Баромьяно-рагидьянская империя наступает на горло мудрецам и помещикам и одновременно ведет борьбу с преступным миром. И поощряет торговцев, так что они больше не нуждаются в Братствах. Поэтому Братства ищут новых союзников.

— Таких, как приморцы? — негромко поинтересовалась Дония. И когда Джоссерек ничего не ответил, пообещала: — Я больше не буду задавать этот вопрос сегодня.

«Она понимает все так, как я и надеялся, — пело в нем. — Даже, может быть, лучше, чем Казиру. Да и должен ли Казиру понимать все?»

Его позиция предстала перед Джоссереком даже более четко и развернуто, чем картина северных земель Донии. Человек из Лэарса был — со своей точки зрения — разумно, а с точки зрения Джоссерека — досадно предусмотрителен в

разговоре и поведении. Когда он в прошлом году искал капитана из Киллимарейча, чей корабль стоял в Ньюкипе, откуда ему было знать, что все его слова будут переданы и кому они будут переданы? Для народов Океана здесь не существовало ни консульств, ни постоянных представительств. Капитан, скорее всего, надеялся извлечь из этой болтовни какую-нибудь выгоду. Вполне возможно, что в течении месяцев подобным же образом обращались и к другим командирам, но так получилось, что именно этот оказался из морского резерва и отправил по радио сообщение в штаб разведки.

Наушник из Арванета даже не сказал, какое Братство он представляет. Он на многое намекал, но не обещал ничего. Намекал, например, на возможность установления связи с северянами, которым принадлежали основные источники металла в Андалине и которые не были уже просто дикими обитателями равнин, ибо столетие за столетием успешно расправлялись с претендентами на их охотничьи угодья. С северянами, которые, устав от бесконечных вторжений, могли оказаться полезными союзниками приморцев: ведь у них тоже были свои проблемы в отношениях с этой опасно приободрившейся Империей... Какое-нибудь Братство было бы радо обсудить возможность таких связей, но не со случайными чужестранцами и не у них дома, а с полномочными представителями и непосредственно в городе — с целью выработки соглашения, которое, конечно, учитывало бы и их интересы.

«Мы не можем выбрать именно такой путь, — решил тогда Мулвен Роа. — Эти отбросы общества рассуждают точно так же, как и остальные жители Арванета, или большинство рагидьянцев. Десять лет переговоров для них не более, чем щелчок пальцев. Баромьянцы не будут ждать ни целую жизнь, ни хотя бы десять лет, чтобы учинить очередную крупную заваруху. Нам необходимо двигаться быстрее, иначе мы потеряем все шансы, которые пока еще есть. — Он усмехнулся собственным мыслям. — Мы пошлем туда солдата.»

Конфликт с Риджелом Гэарлохом разрешился легко, ибо дело касалось Морской разведки. Джоссерек ударил его несильно. На борту «Сканнамора» он один знал правду, если не считать тех троих моряков с острова Ики, его родного острова, но с ними Мулвен Роа имел отдельный разговор. Чем меньше людей в курсе дела, тем меньше вероятность предательства... скажем, со стороны человека, накурившегося марихуаны в публичном доме.

Но теперь и сам Джоссерек был в растерянности. Он не осмеливался пролить свет на характер своей миссии первому

же попавшемуся главарю банды в местном преступном мире. Никто из них, в свою очередь, так быстро не доверился ему. Началось взаимное прощупывание. Например, чем больше он наблюдал за Казиру и особенно за Донией, тем больше в его речи проскальзывало слов, не свойственных простому моряку. И они в свою очередь, — если они были теми, за кого он их принимал, — изучали его и давали ему понять...

Не торопиться. Раньше он давал себе один-два месяца на поиски того, кто ему был нужен. Но сейчас, похоже, на это отпущены считанные дни. И тогда он сможет расслабиться и просто наслаждаться этими прогулками.

Словно почувствовав его настроение, Дония сказала:

— Давайте наслаждаться тем, что мы имеем.

И они наслаждались.

Среди пустых домов они нашли много странного, восхитительного, вызывающего щемящее чувство утраты. Однажды они набрели на небольшую усадьбу, где была спортивная площадка. Они с удовольствием поболтали бы там, но почему-то им стало неловко, словно прежние хозяева могли вдруг вернуться и застать непрошенных гостей. За северным рукавом королевского канала они вновь очутились в густонаселенном районе. Но здесь были в основном культовые постройки: аббатства, церкви, могилы, здесь медленно расхаживали монахи и монахини, здесь отсутствовала та ужасающая жизнь торгашей и нищих, которая так волновала Донию. Они дошли до Пэлис Роу и двинулись вдоль него, так они шли, пока им не надоело это сооружение и тогда они свернули в сады Эльзы, где их ждал лабиринт дорожек, загадочные, экзотически подрезанные кусты, клумбы, на которых цветы образовали символические узоры. На озере Нарму они взяли напрокат каноэ. Цена была довольно высокой, но именно поэтому на воде было не так уж много отдыхающих. Под арками Патриаршего моста они съели очень поздний ленч — зубатка, приготовленная на пару и печеный картофель были куплены с ручных тележек. Потом они проскользнули на Большую Арену, где уже более ста лет не было ни одного зрителя, и выпили там холодного пива.

Прошел час, прежде чем Джоссерек оценил, насколько уместным было дружеское молчание Донии. Женщина из Киллимарейча надоела бы ему своей болтовней, женщина откуда-нибудь еще, может быть, никогда не провела бы с ним бок о бок целый день, а если бы и провела, то вообразила бы себе целый роман. А Дония просто не говорила о себе много, не расспрашивала о его жизни, и не делала никаких никчем-

ных замечаний относительно окружающей действительности. Несмотря на то, что она, можно сказать, пригласила его на эту прогулку, он никоим образом не чувствовал, чтобы она пыталась выведать его намерения. Она хотела оценить его не в заключении и не за развлечениями у Казиру. Она просто хотела провести с ним время после полудня.

К концу они вынуждены были немного поторопиться. Солнце стояло низко, тени заполнили улицы, Лэарс был не самым подходящим местом для прогулок привлекательной женщины и невооруженного мужчины, который, судя по одежде, был при деньгах. Выйдя днем, они вероятно, рисковали, выставляя напоказ отличительные знаки, которые выдал им Казиру и благодаря которым они находились под защитой Братства Рэттлбоун. С наступлением темноты эти знаки не спасли бы их, в сумерках ни один свидетель не смог бы опознать нападающих, даже за большое вознаграждение.

Фаунтик Стрит лежала на границе районов: к югу располагались магазины и дома, чьи владельцы на ночь запирали ставни и баррикадировали двери, к северу — кирпичные ночлежки. Джоссерек и Дония пошли по этой улице к Пеликан Лэйн, которая доходила до Цирка у Фонтана, выходила к его входу и огибала его. На открытом месте было полно верховых.

— Баромьянцы, — прошептала Дония.

Джоссерек кивнул. На высоких лошадях восседали маленькие всадники с кожей медного цвета, чьи черные волосы были подрезаны на рагидьянский манер, а редкие бороды подстрижены так, как это принято у горцев. Они были обуты в сапоги со шпорами, на них были кожаные штаны, латы поверх рубах из грубой голубой ткани, конические стальные шлемы защищали головы. На седлах висели небольшие круглые щиты, украшенные полковыми тотемами, у некоторых были топоры, но большинство были вооружены луками. У всех на поясах висели мечи и кинжалы, в руках — копья. От их животных сладковато пахло, копыта цокали по мостовой. Отряд насчитывал десятка два всадников.

— Что происходит? — спросил Джоссерек, приблизив губы к ее уху так близко, что соломенные волосы щекотали его. Сердце замерло.

— Я не знаю. Может быть, налет на Лэарс? Облава? Казиру говорил, что они устраивали их, когда Наместник узнал, где скрываются главари Братства Кинжала.

— Мм-м... Как вы считаете, мы должны уносить ноги?

— А что нам еще остается делать? Согласно новым пра-

вилам владельцы трактиров обязаны сообщать о заграничных гостях, особенно о тех, кто не может представить разрешение на въезд. Тем, кто не подчинится этому правилу, вероятнее всего, перережут глотку и вытрясут кошелек. А что касается меня... — она сердито махнула рукой.

Джоссерек понял, что она приехала нелегально. Казиру смог устроить. Но сейчас это не имело никакого значения. Они отступили к Пеликан Лэйн и пересекли улицу в безопасном месте. По улице двигался редкий транспорт, мулы тащили фургоны, несколько пешеходов торопливо шли по своим делам, в стороне от Лэарса не было видно никого, там все попрятались по своим норам. Эти жилища не так уж разрушены, но ужасны, полузасыпаны мусором и разными отбросами. Здесь бродили дворняги и уличные коты — когда-то эти дома тоже, наверное, были брошены владельцами. В темноте каждый шаг отдавался гулким эхом. В зябком воздухе стоял запах помоев.

Дом Казиру возвышался над соседними, теснившимися по сторонам зданиями. Свет, льющийся из его окон освещал небольшую площадь перед фасадом.

— Вот мы и дома, — произнес Джоссерек и шагнул вперед.

Несмотря на сумерки, он заметил, что входная дверь разбита вдребезги.

Раздался чей-то крик, из дома высыпали люди. Из двух соседних зданий тоже. Сверкнули поднятые клинки.

— Оставайтесь на месте!

«Значит, когда они не нашли нас здесь, они устроили засаду», — мелькнуло в голове у Джоссерека. Раздался топот. Его запястье схватила твердая рука, перед глазами возникло лицо баромьянца.

Джоссерек резко высвободил руку и ударил коленом вверх. Солдат отпрянул, взвыл от боли и выронил меч. Подоспели другие. Джоссерек крутился и увертывался. Сталь свистела по тому месту, где он только что находился, но каждый раз он успевал отпрыгнуть в сторону.

— Берите их живыми, скоты! — орал кто-то на языке Гаамандура.

Мелькнула мысль: «Все это немного облегчает мне жизнь.» Он заметил Донию, прижавшуюся к стене. Она упустила свой шанс. Но эти кавалеристы были непривычны к грязной уличной драке врукопашную. Под рукой Джоссерека хрустнула чья-то кость, брызнула кровь. Ребром ладони он ударил кого-то по шее. Теперь он был свободен. Он убегал, его ноги

были длиннее и проворнее, чем у преследователей, поэтому он быстро скрылся от них в тумане. Позади него низко гудел рог, скликая солдат к Фаунтин Серкас. Но было уже поздно.

«Так где же теперь укрыться шпиону, посланному морским народом?»

VI

— Да проклянут его Девять Дьяволов! Казиру исчез из своего дома, когда мои люди заняли его, — произнес Сидир скрипучим голосом.

— Может быть, у него есть подземный ход, известный только ему одному, — предположил Понсарио. — Говорят, что в лисьих норах один вход и один выход. А у этого лиса и того больше. Боюсь, что вашим псам теперь долго не удастся взять его след.

Сидир покосился на жирное плоское лицо купца. — Почему ты никогда раньше не говорил мне о Казиру? — требовательно спросил он.

Понсарио поерзал в кресле, сложил руки на животе и окинул взглядом Лунный зал. Утро освещало его, дымился ароматный кофе, в открытое окно проникал мягкий ветерок, слышался скрип повозок. Рыжий мужчина положил руку на кинжал.

— Главнокомандующий, у вас не меньше тысячи разных обязанностей, — сказал Понсарио. — Повинуясь вашему приказу, я, равно как и мои коллеги, информировал вас о тех Братствах, которые больше всего угрожали вашим намерениям, таких, как Братство Потрошителей с их академией убийц. Но это случалось редко, сэр, только когда мы сами получали хоть какую-нибудь информацию. Лэарс умеет хранить свои секреты, особенно с тех пор, как Гильдии начали от него отходить. Но неужели мы должны были беспокоить вас по каждому пустяку? — Его взгляд стал целеустремленным. — Я знаю, что ваш выдающийся коллега наложил вето на предложение полностью очистить это место от бандитов. Помимо того, что при этом пострадало бы много невинных людей, появилось бы немало новых проблем — большие перемены не свершаются за одну ночь. Я уверен, что Главнокомандующий с этим согласен.

Сидир улыбнулся. — Кроме того, вы, члены Гильдии, предпочитаете иметь туза в рукаве.

— Мм-м... Сэр, могу ли я почтительно напомнить вам,

что Казиру занимался бизнесом, а значит принимал иностранных агентов, выявление и поимка которых наверняка доставили вам массу хлопот. Вы ведь поймали их?

— Одного. Женщину-северянку. Мужчина из Киллимарейча, который был с ней, сбежал.

— Они точно принадлежат к этим нациям, сэр?

— Да, об этом свидетельствуют захваченные жильцы дома. Мы их допросили. Этот парень из Киллимарейча утверждал, будто он беглый матрос, но Казиру проявлял к нему куда больше интереса, чем к простому матросу. Что касается женщины, то она, несомненно, шпионила здесь.

Понсарио цедил кофе, явно довольный тем, что разговор ушел в сторону и его больше не обвиняют.

— По-моему, сэр, Казиру всего лишь посредник. У него нет никаких особенных планов, он просто хочет урвать свой кусок. Вероятнее всего, он получал деньги и всякие подарки. На что здесь можно было рассчитывать? Житель Киллимарейча — одиночка. Его нужно было захватить, чтобы узнать, был ли у его хозяев какой-нибудь серьезный план. Северянку же нельзя даже агентом назвать.

— Почему?

— Как почему, сэр? — Понсарио вскинул брови. — Вы же знаете, что у них в стране никогда не было даже подобия какого-никакого правительства. Лишь несколько озабоченных матриархов, которые и матриархи-то только у себя дома, могли послать сюда кого-нибудь, чтобы навести о вас кое-какие справки. Это в лучшем случае. В Рогавики нет ни государства, ни племени, ни милиции, ни военных кадров, которые поддерживали бы боеспособность, совершая набеги и участвуя в междуусобицах. Говорят, что там практически нет законов, обычаев или повинностей, нет даже никакой возможности наказать непокорных.

— И все же, — оборвал его Сидир, — они сохраняли цивилизованные поселения на огромной территории на протяжении всей истории, о которой упоминается в летописях. Они уничтожали все армии, посланные, чтобы завоевать их территории для поселенцев. Откуда у них силы? Я вызвал вас сегодня утром, Понсарио, отчасти для того, чтобы узнать, где может скрываться Казиру, а отчасти, чтобы спросить, чего ожидать от этой женщины, которую мы схватили.

Торговец самодовольно ухмыльнулся. — Торговцы и мирные путешественники по Северным землям утверждают, что ни одна женщина в мире не сравнится... как женщина... с северянкой. — И добавил уже серьезно: — Но они готовы на

все. Даже в плену они смертельно опасны. Они либо превращаются в маньяков-убийц, либо используют первую же возможность, чтобы склонить кого-нибудь к предательству... иногда даже ценой собственной жизни.

— Да, я слышал. Эта сука тоже отчаянно сопротивлялась, прежде чем ее повязали. Но потом, говорят, она сделалась спокойной.

— Почему Главнокомандующий спрашивает о северянах меня? Разве вам недостаточно опыта, полученного во время вторжения десять лет назад?

— Нет, — ответил Сидир. — Та кампания была лишь частью крупного мероприятия и имела задачей захватить побольше ферм и пастбищ для Рагида. Мы тогда двигались на северо-запад, в Танву. — Он заметил вопросительный взгляд купца. — Тамошние жители живут почти так же, как и баромьянцы. Некоторые из них — мелкие землевладельцы, другие — пастухи. Они расселились по высокогорьям, хотя в их краях достаточно земель, удобных для возделывания. Они довольно воинственны. Когда-то они получили от Империи достаточно знаний, и это в течение столетий давало им возможность жить независимо от нее. Некогда они были вассалами Агенской империи, а сейчас мы пытаемся добиться, чтобы они стали нашими вассалами. Тогда я командовал бригадой. Никогда прежде я не встречал таких храбрых противников.

— И вы разбили их?

— Да. И это утешило нас после поражения в Рогавике и помогло моей карьере, но сейчас... — Сидир вздохнул. — Я изучил о северянах все, что мог и насколько позволяло время. Но я так и не понял до конца, что они собою представляют.

— Что ж, сэр, у меня самого были с ними кое-какие связи, хотя и небольшие. — признался Понсарио. — Они привозят меха для моей Гильдии, которая, в свою очередь, поставляет им ткани. Однако большая часть операций идет через Гильдию Металлистов, поэтому я имею обо всем лишь самое общее представление. Они живут рассредоточенно, в основном за счет охоты, летом кочуют со стадами, а зиму проводят дома. У большинства женщин двое, трое, а то и больше мужей. У незамужних женщин, кажется, есть иные возможности. Войны между группировками Рогавики никогда не случались; у них в чести искусные охотники и ремесленники, но не воины. Я никогда не слышал, чтобы там когда-нибудь случались убийства или грабежи. Хоть, наверное, бывает и такое, ибо наши люди сообщают о том, что иногда, крайне редко,

кое-кого изгоняют из семей. В Рогавики уважают земли соседних народов, как цивилизованных, так и отсталых. Но когда вторгаются в их земли, они сражаются со свирепостью россомахи. Заметьте, сэр, как только захватчики уходят, они снова готовы восстановить с ними дружественные отношения. Создается впечатление, что они не помнят зла, какие бы обиды им не наносили. — Понсарио со стуком поставил пустую чашку. — И все-таки понять их до конца невозможно. Они приветливы к чужестранцам, которых считают безопасными для себя, но те, кто там бывал, говорят, что они никогда не раскрывают перед посторонними своей сущности. Может быть, у них ее просто нет. Они не особенно церемонятся. Их женщины часто ложатся в постель с гостями, но ведут себя как норки или демоны, а не как женщины.

— Это все, что вы можете мне рассказать? — спросил Сидир.

— В общих чертах да, сэр.

— Все это я слышал и раньше. Вы попусту занимаете мое время. Пришлите мне письменный доклад о Казиру и Братстве Рэттлбоун, обо всем, что знаете... но составьте его более сжато, чем вы привыкли говорить.

Понсарио поклонился и удалился из комнаты. Сидир какое-то время продолжал сидеть, хотя нетерпение грызло его. Так много надо сделать! Обезопасить цивилизацию, сделать ее сильной и надежной — тем самым обеспечить будущее для клана Шалиф и, прежде всего, для потомков его собственного отца... а для этого надо завоевать половину континента. А много ли вокруг людей, которым можно по-настоящему доверять?

Несколько сот поджарых хриплоголосых баромьянских сержантов. Да еще лучшие офицеры... Во имя Колдуна, сколько раз за последнее время я собирал товарищей на дружеские пирушки? Часто ли? Были времена — напивались до состояния веселого безобразия, хвастали, вспоминали былое, орали песни, у каждого было по девочке, такой же доступной и изощренной, как и те яства, которые они нам дарили; катались на лодках, играли в азартные игры, выплясывали в кругу под рокот барабанов, напоминавший топот копыт; дружба, дружба...

Он отбросил все это. Командир Имперской рагидьянской армии не мог приглашать своих подчиненных на оргию, не мог и принять такое предложение от кого-нибудь из них. До тех пор, пока не окажется вновь у себя дома, под высокими вулканами.

А пока... Вызов дрожал в нем, словно натянутая струна. Он поднялся и стремительно вышел, громко стуча каблуками. Стражники у дверей в знак приветствия ударили себя древками копий по кирасам.

Коридор был длинный, со сводчатым потолком, отделанным полированным гранитом и малахитом, но едва освещенный газовыми рожками. В конце его, за аркой, начиналась винтовая лестница. Сидир вдруг остановился, пораженный, — навстречу ему шел Юрусан Зот-Зора.

Кажущийся очень высоким в своей мантии, рагидьянец тоже остановился. В течение нескольких биений пульса оба молчали.

— Приветствую вас, Главнокомандующий, — сказал наконец рагидьянец.

— Приветствую вас, Имперский Наместник.

Когда чувство взаимной неловкости сгладилось, Сидир произнес:

— Позвольте выразить вам лично — я намеревался сделать это позднее — сожаление, которое мой адъютант передал вам вчера вечером. Я не смог пообедать с вами наедине, как мы договаривались. Задача оказалась сложнее, чем я предполагал.

Свет от ближайшей лампы отсвечивал от очков Юрусана так, что на баромьянца смотрели два крохотных огонька.

— Я понимаю вас. Понимаю и высоко ценю вашу вежливость. Вы еще занимаетесь этой проблемой?

— Да. А ваша честь тоже ею интересуется? Я приношу извинения, если не объяснил вам вовремя, в чем дело. Это было и есть почти обычное военное дело, никакой непосредственной угрозы гражданскому правительству. Мы просто арестовали нескольких преступников. А ведь еще до того, как мы покинули Наис, я потребовал, чтобы полиция перешла в распоряжение армии.

— Разумное суждение, хотя, извините меня, не совсем верное. Когда я услышал о пленнице, которую вы захватили, — слухи разносятся быстро — я направился сюда, чтобы узнать о ней как можно больше. Потом я собирался пойти к вам.

— Она просто бессовестная шпионка... или, если угодно, разведчица врага. Ничего больше. А что вы хотите?

Сидир почувствовал, что Имперский Наместник может справедливо оскорбиться на его резкость. Но Юрусан стал еще более официален.

— Я вижу, вы неплохо ее содержите. Что вы собираетесь с нею делать?

Сидир вспыхнул.

— Буду держать ее здесь.

— Она... хорошенькая. Но ведь у вас есть выбор. Здесь столько красивых девушек. Стоит ли заниматься этой весьма опасной женщиной?

— Во имя предков! Я не собираюсь брать ее себе. Я просто попытаюсь с ней познакомиться. У меня пока нет опыта обращения с этими людьми, а мне приказано завоевать их страну. Узнать хотя бы кого-нибудь из них — уже полезно.

— Никто еще не узнал жителей Рогавики достаточно близко, Главнокомандующий.

— Я слышал. Но насколько они загадочны? Как чувствуешь себя с ними в тесной компании? Этот экземпляр — пленница, она всецело в наших руках, она зависит от нашей доброй воли, и может помочь мне больше, чем торговцы и бродяги, с которыми я встречался.

Юрусан оперся на свой посох.

— Это знакомство может принести вам немалые страдания, — сказал он наконец. — А это, в свою очередь, может подвергнуть опасности людей, идущих за вами.

Сидир фыркнул.

— Меня предупреждали, что пленники из северян часто ведут себя агрессивно. Не считаете же вы, что я, окруженный охраной, должен бояться, что на меня набросится женщина?

— Может быть и нет. А может быть, и того хуже. — Юрусан посмотрел вдоль коридора. Двери были закрыты. Века прошли с той поры, когда Арванет управлялся множеством чиновников. Здесь было более уединенное место, чем Лунный зал или даже секретная комната. — Выслушайте, умоляю вас! — Его белая борода колыхнулась, когда он подался вперед, чтобы говорить тихо и доверительно. — Когда я был молод, мне доводилось путешествовать далеко вглубь территории Северного народа. Имперский маркграф попросил, чтобы туда были направлены уполномоченные. Я был при них писарем. Домашний скот с юга и дикие звери с севера то и дело пересекали границу. Ни южанам, ни северянам это не нравилось, поэтому и те и другие убивали таких животных, и те и другие несли из-за этого убытки. Мы обговорили соглашение. Решили, что с целью точного обозначения границы, будут навалены груды корней. Время от времени рагидьянцы и рогавикьянцы будут встречаться в обозначенных местах и приносить хвосты убитых перебежчиков. Те, у кого хвостов окажется меньше, будут возмещать разницу: металлом с их стороны и монетами с нашей, согласно формуле, что эти зве-

ри приносят больше вреда, чем стоят их туши. Этот метод, по-моему, работал достаточно хорошо — соглашение было возобновлено даже после того, как провалилась наша последняя попытка вторжения в их земли. Но дело в том, Главнокомандующий, что у этого народа не было ни короля, ни вождя, ни совета — никакого представительного лица или органа, который мог бы сойти за него. И мы вынуждены были зимой, когда они ведут более или менее оседлый образ жизни, в течение нескольких месяцев переезжать от стойбища к стойбищу и вести переговоры с каждой отдельной семьей. Поэтому я считаю, что узнал их лучше, чем кто-либо другой.

Сидир ждал. Он и раньше что-то слышал об этом.

— Их женщины часто проявляли к нам интерес, — продолжал Юрусан старческим голосом. — Они радушно приглашали нас к своим телам. Некоторые из них провожали нас, служили проводниками.

— Я наслушался сказок от торговцев. — Сидир собрал все свое презрение. — Они нашептывают, будто все женщины Рогавики, все без исключения — суки, суккубы, сверхъестественные женщины. Рассказывают, что любая из них может отдаться любому мужчине по своему желанию, никогда не зная удовлетворения, но за это он становится ее беспомощным рабом, которого уже ничего в жизни не интересует, кроме нее. Миф! Сказки! Почему же агенты с верховьев реки не попадают в такие ловушки?

— Я считаю, что короткая встреча, помимо сладких минут, оставляет дикие воспоминания. Кроме того, мнение о женщине, с которой имел дело, определяется еще и тем, что она так же независима, как мужчина, так же разумна и опасна. В самом деле, нельзя сказать, что ее мужья раболепствуют перед ней. И все же... и все же... знаете ли вы, что дикари из дремучих лесов — жители восточной Рогавики ведут с ними кое-какие дела — считают, что народ северных равнин — как мужчины, так и женщины, — являются некоей разновидностью эльфов? И я могу понять, почему они так считают, могу понять суеверие южан и порой думаю, что не так уж они и суеверны... Я, знавший Брузу Старрок в течение полумесяца, не могу забыть ее уже полвека.

Голос Юрусана умолк. Конец фразы словно утонул в пустоте коридора. Сидир стоял, удивленный. Такое самообнажение не было свойственно философу — кстати, рагидьянская аристократия никогда не влюблялась в отличии от своих крестьян или баромьянцев — женщины, по их мнению, были для этого слишком низки.

Может быть именно это утроило силы совершенно дикой девушки, давшей им отпор.

— Я... я ценю ваше доверие, — произнес наконец Сидир.

— Мне было не так легко поступиться ради вас своей гордостью, — пробормотал Юрусан. — Просто я знаю, что та девушка... с которой у меня что-то было... она мертва. — И добавил жестко: — Я хочу, чтобы вы убили свою пленницу. Или освободили. Или еще как-нибудь избавились от нее. Если вы этого не сделаете, то хотя бы остерегайтесь ее, остерегайтесь всегда. Если вы почувствуете, что ее чары начинают действовать на вас, скажите об этом мне и, может быть, я помогу их разрушить, прежде чем станет слишком поздно.

Его рука дрожала на рукоятке посоха. Без всяких церемоний он протиснулся мимо Сидира и зашаркал по коридору.

Сидир неуверенно размышлял над его словами. Неужели старик сказал правду?

«Ха! Держу пари, что женщины Рогавики в постели лучше, чем все остальные.» И он двинулся по коридору, хотя сомнения не оставили его. Каменные марши лестницы, ведущей вверх через Воронью башню, были истерты подошвами до впадин. Слабо мерцали свечи на холодных стенах. Эхо отдавалось в узком лестничном колодце издевательским смехом.

Но помещения наверху были просторными, удобными, были хорошо обставлены. Четыре пикинера охраняли площадку. Это были рагидьянцы — держать здесь лучших воинов не имело смысла. Крупные, с прекрасной выправкой, в голубых камзолах и брюках, в обуви на толстой подошве, в кожаных кирасах, обшитых латунными бляхами, и круглых касках, на которых были выгравированы эмблемы их полка, они эффектно приветствовали его. Сидир почувствовал прилив гордости, и он окончательно вытеснил дурные предчувствия. До вторжения баромьянцев солдаты в Рагиде значили чуть больше, чем разбойники, ошивающиеся среди отбросов нации, и вполне этого заслуживали. До сих пор над ними порой иронизировали образованные люди, но теперь солдаты стояли стеной на границе цивилизации, защищая ее от варварства. Он прошел мимо них и плотно закрыл за собой дверь.

Дония была на ногах. Она приказала, чтобы взамен наряда проститутки ей принесли платье. В одной из комнат была ванная. Пленница выглядела бы совсем свежей, если бы не лиловый синяк на правой скуле и багровая ссадина на левом запястье. Сидир знал, что ее жестоко избили, прежде чем смогли связать. Но ее манера держаться не изменилась. Солнечный луч, падавший через окно, окрашивал ее промытые,

причесанные волосы тусклым золотом и золотой же пылью искрился на изгибах ее фигуры под тонким черным шелком.

И вдруг Сидир подумал: «Если Юрусан приходил сюда посмотреть и увидел эту пуму из своего мертвого прошлого, то нет ничего удивительного, что он был потрясен».

Он сам видел ее прошлой ночью, но недолго. Она была растрепанной, грязной, в полубессознательном состоянии после побоев. Допрашивать ее было бесполезно. Кроме того, он сразу решил, что она может пригодиться ему. Он приказал, чтобы ей оказали необходимую помощь и поместили в подходящую комнату, потом вернулся к своим офицерам, чтобы посмотреть, как они управляются с захваченными слугами Казиру и Братьями Кинжала.

Но теперь, когда он почувствовал исходящее от нее дыхание жизни...

Он взял себя в руки.

— Приветствую вас, госпожа, — сказал он, назвав свое имя и звание. — Мне сказали, что вы Дония из Гервара.

Она кивнула.

— Вы удовлетворены теперешним обращением с вами? — продолжал он. — Вам что-нибудь нужно? — он улыбнулся. — Что-нибудь, кроме свободы?

Ее изумление испугало его.

— Честно говоря... — тут она запнулась.

— Вы вскоре снова обретете свободу, если...

Она подняла ладонь.

— Довольно, не пустословьте. Да, я нуждаюсь кое в чем. Здесь скучно, нечем заняться, разве что смотреть на город да на пролетающих птиц. Пришлите мне что-нибудь для развлечения.

— Что?

— Если вы осмелитесь доверить мне резцы для гравирования, я смогу украсить вам седло. Мне хотелось бы выполнить гравировку по серебру с чернью, но если у вас нет наших лез... инструментов, я могу научиться работать вашими. Я не думаю, чтобы у вас были книги из Рогавики, но я могу справиться и с языком Арванета, если кто-нибудь растолкует мне ваши буквы.

— В Рогавики есть книги, да еще на языке Рогавики? — изумился он.

— Да. А теперь вы, Сидир Рагида, можете сесть и поговорить со мной. — Дония свернулась на кровати калачиком.

Он взял стул.

— Я за этим и пришел, — сказал он. — Поймите, мне

очень жаль, что с вами обошлись так грубо. Но ведь вы были гостьей бандита и подружкой иностранного шпиона. Вы оказали сопротивление при аресте, и, кажется, двое из моих людей будут носить отметины до самой могилы.

— Я чуть было не выцарапала глаза одному из них, — сказала Дония то ли весело, то ли мечтательно, Сидир не понял.

— Видите ли, вы не оставили нам выбора, — возразил он. — Надеюсь, сегодня вы предоставите нам его.

— Каким образом? Едва ли я смогу рассказать вам о Джоссереке больше, чем вы, конечно, уже успели узнать. Ха, он неплохой спутник для пеших прогулок. К тому же, он никогда не говорил мне ничего больше, кроме того, что он моряк, попавший в беду. Может быть, попозже он бы и рассказал что-нибудь, если бы вы не поторопились.

— И тогда вы рассказали бы мне об этом?

— Нет, — сказала она, словно это самой собой разумелось. — Вы же мой враг.

— Вы уверены?

— В недалеком будущем вы собираетесь вторгнуться в наши земли.

— Может быть. Вопрос еще не решен окончательно. Поэтому я хочу поговорить с лидерами Рогавики. Вы первая, кого я нашел, Дония.

— Я не лидер. Таких, в вашем понимании, у нас вообще нет.

— И все-таки мы можем поговорить, не так ли? Как благородные противники.

Она скорчила гримасу.

— Благородных противников не бывает.

— О, не торопитесь. Оппоненты могут уважать мнение друг друга, если они не хотят конфликтов и вынуждены соблюдать правила приличия.

— Если вы не собираетесь с нами воевать, оставайтесь у себя дома, — сказала она холодно. — Разве это не самое простое.

— У Империи есть свои нужды, которые ею и управляют. Но она может дать вам больше, чем отобрать: безопасность, торговлю, культуру, знания, прогресс. Перед вами откроется весь мир.

— Я видела ваш домашний скот, он тоже неплохо живет.

— Я не злодей! — воскликнул Сидир.

— Н-нет. — Она в раздумье смотрела на него, веки по-

луприкрыты, палец на подбородке. — А я и не имела вас в виду. Я держу собак.

— А я держу вас?!. Я был груб, прошу прощения. Я попробую еще раз. Мне нужно услышать от вас вовсе не то, что вы знаете про Казиру или про этого типа из Киллимарейча. Я хочу узнать про вашу страну, про ваш народ, обычаи, желания, мечты... Иначе как я смогу обращаться с ними по-человечески? Я должен общаться с ними в какой бы то ни было форме. И вы можете помочь мне в этом, Джония.

— Вы не отпустите меня?

— Со временем отпущу. А пока... Вы ведь приехали, чтобы изучать нас? Я могу вас кое-чему научить, это поможет вам впредь вести себя более разумно. А пока я обещаю вам хорошее обращение.

Она успокоенно вытянулась, наблюдая за ним. Потом громко расхохоталась.

— А почему бы и нет? Если ваши люди не будут досаждать мне своим присутствием и разговорами, если разрешите мне выходить отсюда, хотя бы под охраной...

— Конечно. Хотите на днях поехать со мной на охоту?

— Да, очень. Кроме того... Сидир, долгое время меня окружало слишком много народа. Меня это так раздражало, что я все ночи проводила наедине с собой. Эта башня, чистое небо вокруг нее... Она похожа на горную вершину вдали от всех зданий. Хотя я и пленница, здесь я чувствую себя почти счастливой. Вы и ваши баромьянцы, наверное, ближе ко мне, чем к людям Рагида или Арванета. Вы расскажете мне когда-нибудь о вашей родине? — Она сидела прямо, вытянув к нему руку повелительным жестом. — Вы и в самом деле охотничья собака. Подойдите сюда.

Он больше не смог вернуться к работе ни в этот день, ни в этот вечер.

VII

В течение следующего месяца облетели последние цветы и распустились последние листья. С Севера пришло сообщение: река Югулар освободилась ото льда, а дороги по ее берегам подсохли настолько, что по ним может пройти тяжелая конница. К этому времени к Сидиру подошло подкрепление. В день Короля, седьмого Дои, восемьдесят третьего года тридцать первого обновления Священного рескрипта (по имперскому летоисчислению) его армия двинулась вперед.

Остался лишь самый минимальный гарнизон, которого хватало лишь на то, чтобы поддерживать порядок в городе, близлежащих селениях и на побережье. В поход выступило более тридцати тысяч человек. Большая часть из них не должна была идти до конца. План Сидира состоял в том, чтобы по мере продвижения основывать по берегам Югулара опорные базы и таким образом покрыть всю территорию сетью опорных пунктов. Чтобы начать строительство, ему требовалось много материалов. Караваны мулов заполнили торговые пути, буксиры пенили воду, волоча за собой баржи. Впереди речного каравана величаво двигался «Вейрин», украшенный золотом поверх жемчужно-серого корпуса и надстройки, оснащенный мощным гребным винтом. Этот корабль был построен рагидьянцами по образцу кораблей Киллимарейча — роскошное транспортное и служебное судно, предназначенное для командного состава войск.

«Эта экспедиция совершенно не походит на те, что предпринимались раньше, когда баромьянцы весело плыли вниз по реке, походя занимаясь грабежом и разбоем», — думал Джоссерек, забравшись на борт. Ему стало известно, что Сидир не мог больше откладывать создание последней базы, откуда кавалерия баромьянцев должна была начать последний решительный бросок.

Его сведения носили косвенный характер и исходили в основном от Казиру. Скрываясь от властей, он почти никого не видел, кроме него. У заместителя главы Братства были свои потаенные мышиные ходы, и он кружил по городу в своей потрепанной одежонке, не попадаясь на глаза ищейкам Сидира. Джоссерек был уверен, что наткнись на него имперцы, его наверняка задержали бы, но поиски были свернуты — начиналась подготовка к войне. Казиру выделил Джоссереку комнату с зарешеченным балконом в доме, где держал награбленное и наворованное за долгие годы преступной жизни. Ни у кого, кроме самого хозяина и слуги, который прислуживал и Джоссереку, не было ключей от этой сокровищницы. Джоссерек мог пользоваться книгами, спортивными снарядами, но женщин в этом доме не было. Это был скучный месяц, если не считать разговоров с Казиру.

«Опасность! — ликовало в Джоссереке, когда он вновь ощутил многолюдство улиц, причал, трап под ногами, палубу. — Выбраться из этого города во что бы то ни стало, не жалея пота и даже крови. И если здравый смысл против такой авантюры, то пусть его сожрут акулы, этот здравый смысл.»

— Имя и должность, — спросил рагидьянский боцман, когда Джоссерек ступил на борт «Вейрина».

— Сэйг Аммар, сэр, — ответил он. — Кочегар.

Боцман недоверчиво переводил взгляд с него на судовой журнал и обратно.

— Откуда вы?

—Танва, сэр. Человек, которого сначала назначили на эту работу, заболел, его звали Лужежан, сэр. Так вот, он заболел. И получилось так, что я об этом узнал, сэр. Я пошел в Якорный Зал и нанялся на эту работу.

Фактически все уладил Казиру. Он сунул в лапу поставщику угля — взяточничество все еще процветало среди некоторых членов Гильдии, — и при найме предпочтение было отдано Джоссереку.

— Ага, вот запись... — Боцман продолжал внимательно рассматривать нового матроса. Джоссерек мог бы снять серьги, подстричь волосы, отрастить короткую бороду, прикрыть колени грубой рубахой рагидьянского покроя и повесить на плечо матросскую сумку. Но свой акцент он бы спрятать не смог, равно как не мог скрыть признаки смешения рас на своем лице.

— Из Танвы, вот как? А разве у тамошних жителей нет обычая, как можно реже покидать свой дом?

— Совершенно верно, сэр, так оно и есть. Но я убежал из дома еще мальчишкой. — Удобнее всего было утверждать, что он родился в северо-западной провинции Империи. Горцы из тех краев были мало известны на берегах пролива Дольфин.

Боцман пожал плечами. Остальные члены команды тоже требовали его внимания. Это была самая пестрая публика: имперские купцы воспитали меньше моряков, чем требовала оживлявшаяся торговля.

— Понятно. Ты ведь не умеешь ни читать, ни писать, верно? Тебе растолкуют наши правила. Помни, мы живем по законам военного времени. Измажь большой палец в чернилах и поставь отпечаток вот здесь. Теперь спустись вниз на вторую палубу и доложись помощнику инженера.

Джоссерек предпочитал парус и даже на борту моторных судов работал всегда наверху. Эта черная дыра оказалась жарче, грязнее, душнее и шумнее, чем он предполагал, а работа была куда более нудной и изматывающей, чем та, к которой он привык. Но на собственном судне Сидира, никто из начальства не мог даже косо посмотреть на кочегара, если тот хорошо справлялся со своими обязанностями и вел себя прилично.

В свободное время Джоссерек занимался обследованием судна, что было вполне естественно для новичка и ни у кого не вызывало подозрений. Несколько раз издалека он видел Донию, но в первые четыре дня никак не получалось подойти к ней поближе.

Он смыл сажу и угольную пыль, надел чистую одежду и вылез из своей дыры подышать свежим воздухом. Людей вокруг было немного, а в той части палубы, откуда он появился, и вовсе никого. Позади него возвышался полуют, где размещались камбуз, плотницкая мастерская и другие служебные каюты. Впереди располагалась трехъярусная рубка. В ее верхней передней части возвышался капитанский мостик, а на самом верху торчала труба. Тенты образовывали плоские навесы, под которыми находилась привилегированная часть команды. Джоссерек нашел себе укрытие между двумя небольшими медными орудиями и с удовольствием дышал свежим воздухом.

Корпус дрожал под ногами. Бриз относил дым и гарь в стороны и веял в лицо запахами сырости и ила, тростниковых зарослей и влажной почвы. Хотя солнце стояло в зените, на западе клубилась гряда кучевых облаков и воздух оставался прохладным. То там, то тут виднелись зацепившиеся за песчаный островок или корягу подтаявшие льдины. Опасаясь их, команда придерживалась середины русла, и взгляду Джоссерека открывалась широкая водная гладь, простирающаяся до берега. Он следил за рыбой, плещущейся за бортом, за цаплями на отмелях, стрекозами, ранними москитами, за стволами деревьев, вывороченных весенним половодьем. Берега были крутыми и обрывистыми, внизу росла густая трава, а наверху — ивняк и кустарники. Дальше местность начинала плавно подниматься, там преобладал изумрудно-зеленый цвет с вкрапленными в него яркими пятнами диких цветов. Местами виднелись заросли кустарника, дубовые и пихтовые рощицы. До самого горизонта не было никаких признаков жилья, за исключением разрушенного замка. Эта территория еще не принадлежала Рогавике. Ее когда-то захватил и все еще удерживал Арванет. Но гражданская война прокатилась здесь, оставляя развалины, а следом еще и чума, так что ни у кого не возникало желания восстанавливать здешние поселения, да и сил на это не было. Полис вполне устраивала та чисто формальная повинность, которую несли немногочисленные местные племена, переселенцы из диких лесов. Здешний лес еще не начал цвести. Даже при таком незначительном продвижении на север замечалось, что стало холоднее — чувствовалось дыхание ледника.

«Пешком здесь далеко, — отметил для себя Джоссерек. — Наверное, баромьянцы недовольны скоростью продвижения. Но все-таки просто невероятно, какой скорости добивается Сидир от своей пехоты, артиллерии, саперов и начальников штабов. Я не верил, когда он публично объявил, что по его подсчетам они доберутся до Фулда за двадцать дней. Теперь верю.»

Необходимость проверить сведения такого рода и привела его на борт этого судна. Конечно, он был не единственным разведчиком, другие тоже поставляли сведения, но все-таки эта информация была неполной, ее не хватало, чтобы решить вопрос, насколько грозной была возрожденная Империя, особенно на суше. Каждая крупинка информации была существенна.

Джоссерек обвел взглядом войска. С такого расстояния они казались темной массой, перемещающейся вдоль берегов и по долине, чем-то вроде медленного цунами. Он слышал, как громыхали фургоны, раздавался топот ног и стук копыт. Барабаны грохотали — бах-дах-дах-дах, бах-дах-дах-дах. Виднелись поднятые знамена и пики, степная трава колыхалась на ветру. Он различал одиночных всадников в авангарде и на флангах, видел блеск стали. Когда верховые пускали коней в галоп, их плащи развивались на ветру. Время от времени всадник подавал сигнал и тогда волчий вой рожка прорезал слитный грохот барабанов.

Джоссерек с трудом оторвался от этот впечатляющего зрелища и тут заметил Донию.

Она обогнула кормовой балкон и теперь стояла, держась за поручень и вглядываясь вдаль. С головы до ног она была одета в голубое рагидьянское платье. Неужели Сидир решил, что его любовница не должна носить одежды Арванета? Джоссерек заметил, что она похудела, что лицо ее стало невыразительным, но все же ее фигура до сих пор дышала здоровьем и несломленной гордостью.

Сердце его запрыгало. Осторожность, прежде всего осторожность... На нижней палубе баромьянский офицер дымил трубкой. Он выглядел очень молодо, скорее всего, ему не пришлось участвовать в прошлой кампании против Рогавики, и вряд ли он мог понимать язык северян. И все-таки — осторожность. Небрежной походкой, но стараясь не переигрывать, Джоссерек вышел из своего укрытия и запел песню, хотя и негромко, но и не так тихо, чтобы не быть услышанным. Мелодия была из Эоа, а слова... на северном наречии.

— Женщина, у тебя есть друг. Стой спокойно, слушай молча.

Если бы баромьянец понял его и поинтересовался, откуда он это знает, Джоссерек объяснил бы, что он научился этой песне у собутыльника в таверне, с которым когда-то имел торговые дела. Он присовокупил еще несколько строк, чтобы все это походило на банальную любовную песенку. Но офицер, скользнув по нему равнодушным взглядом, продолжал спокойно курить.

Пальцы Донии впились в поручни, но взгляд, которым она окинула бродягу, был равнодушен. Он продолжал петь:

— Вы помните меня, я из Глиммерватер. Мы с вами были вместе в тот день, когда они вас схватили. Вы можете со мной встретиться?

Она едва заметно кивнула головой.

— В передней части этого корабля, внизу, есть кладовка. — Он знал, что в ее языке нет слова, обозначающего форпик. Он подмигнул ей. — На носу корабля, куда я могу незаметно пробраться низом, есть ванная комната для людей вашего класса. Можете вы зайти туда незаметно? — снова кивок головы. — За ванной комнатой есть лестница, ведущая вниз, мимо закутка, куда складывают канаты, этот отсек я и имею в виду. Там можно безопасно встречаться. Я работаю у котла, но после вахты я бываю свободен. — Он назвал часы, и едва не сбился, услышав удары гонга, зовущего к ужину. — Какие из них вам подходят? — Он повторил, чтобы удостовериться, что она не перепутает. Она сделала знак, что ее устраивает сегодняшний вечер. — Отлично! Если вы или я не сможем придти сегодня, то попробуем завтра, идет? Всего доброго.

Он отправился на ужин, поскольку пренебрегающий ужином кочегар мог вызвать подозрения. Он безразлично проглотил успевшую надоесть кислую капусту с куском говядины. Хотя следовало сделать вид, будто он, как обычно в полдень, спит, Джоссерек выскочил из гамака и пронесся мимо остолбеневшей второй вахты в гальюн.

Армия разбила лагерь, и флотилия тоже остановилась. Лучи заходящего солнца пробивались сквозь вентиляционную решетку, когда Джоссерек поспешил к выходу. Запах дегтя, исходящий из якорного рундука, привел его на место. Он шел, не боясь, что его увидят. Любой офицер мог послать кочегара в носовую кладовку за чем-нибудь. Кроме того, вероятность, что сюда в это время сунется кто-нибудь, была невелика. И все-таки, сердце Джоссерека стучало, пока он си-

дел в темноте и ждал. Когда появилась Дония, он выскочил из укрытия, схватил за руку и увлек за кучу корзин.

— Ах, медведь! — Хотя она казалась бледной тенью прежней Донии, но руки ощущали тепло и упругость ее тела, а губы тосковали по ее губам. Ему показалось, что он чувствует слезы, но не мог разобрать, чьи они.

Наконец она отстранилась и прошептала:

— Мы не должны оставаться здесь долго.

— Как вы? — спросил он.

— Я... — остального в ее фразе он не понял и сказал ей об этом.

— Тогда давайте говорить на арванетском, — согласилась она уже спокойнее. — Я уже неплохо на нем говорю. Мы с Сидиром практиковались в арванетском, когда я не обучала его языку Рогавики. У него на это было мало времени. А вы неплохо им владеете. Где вы ему научились?

— Сначала поговорим о вас, — настаивал он. — Что случилось? Как с вами обращаются?

— Хорошо, благодаря Сидиру. Он никогда не угрожал мне и не прибегал к принуждению. Он дает мне свободу, какую может, создает мне всяческие удобства. При каждой возможности он рядом. Он — хороший любовник, мне нравится. Жаль, что скоро я возненавижу его.

— Почему вы остались? Разве вы не могли ускользнуть?

— Могла. Проще всего с наступлением темноты спрыгнуть за борт и плыть к берегу. Едва ли кто-нибудь из баромьянцев или рагидьянцев умеет хорошо плавать. Но я хочу побольше узнать о его планах и силах. Я уже многое узнала и узнаю по сей день. Думаю, нам это здорово поможет. — Ее ногти впились ему в руку. — Ваша очередь! Вы ведь разведчик из Киллимарейча? Разве нет? Разве не поэтому вы освоили кое-что из языка Рогавики?

— Верно. Три—четыре года назад, еще до нападения на Арванет, мы были уверены, что Империя полезет на север. И это наступление вверх по Югулару действительно началось. Понимаете, у нас были шпионы в Рагиде. Моя служба наняла инструктора по языку, человека из Гильдии Металлистов. Он провел среди северян почти всю жизнь, торгуя и путешествуя.

Джоссерек пренебрег лингвистическим и антропологическим анализом, а также приемами, которые помогли бы быстро и уверенно пользоваться этим анализом. Может быть позже, когда они оба будут в безопасности.

Кроме того, трудно этим заниматься, когда эта женщина, такая живая и теплая, стоит вплотную и дышит ему в лицо.

Важно было выяснить, насколько можно доверять познаниям того агента. В основе толкования каждой идиомы языка Роговики, каждой лингвистической конструкции, лежали предположения. Разные способы доказательств, хотя их было не так уж много, показывали, что предположения эти далеко не всегда были верны, а некоторые и вовсе ошибочны. Дело было в том, что торговец учил Джоссерека смешанному языку, беглому и грамматически правильному, но все-таки упрощенному, в котором опускалась значительная часть основных понятий.

Он уподобился туземцу с отсталого острова, который мельком видел корабли Киллимарейча, двигатели, хронометры, секстанты, подзорные трубы, компасы, орудия, но для всех сложных механизмов у него было только одно название... скажем, «ветряк», и он сроду не слыхивал о механике, термодинамике, химии, уж не говоря о свободной рыночной экономике или эволюции живых организмов на протяжении геологического периода.

Джоссерек не мог даже догадываться, насколько чужой она может оказаться ему.

— Какое у вас задание? — спросила она.

— Наблюдать за всем вокруг, — ответил Джоссерек. — Особенно за вашими людьми. Нас интересует, сможете ли вы объединиться против Империи. Не то, чтобы ее экспансия впрямую угрожала морскому народу. Мы не хотим войны. Но если мы каким-нибудь образом... если я могу помочь вам, — он прижал ее к себе. — Я сделал бы все, что от меня зависит.

— Как вы попали на борт?

— Через Казиру. Когда в дом ворвались люди Империи, его там уже не было.

— Да. Я знаю. Но за вами обоими охотятся. Он наверняка прятался, когда ты нашел его.

— Конечно, в то время я не знал, что он остался на свободе, но я рассчитывал, что он должен сообщить своим собратьям, где он и чем занимается. И, скорее всего, почти каждый из Братьев Кинжала, независимо от ранга, сможет мне об этом рассказать. Как только стемнело, я остановил первого же бандита, разоружил его и задал свой вопрос. Если бы мне не повезло с ним, я попытался бы еще раз, но мне повезло. Обо мне сообщили Казиру и вскоре отвели к нему. Конечно, я признался, кто я таков, но он и раньше подозревал это. Он сообщил мне новости, включая и ту, которая стала притчей во языцех — насчет вас с Сидиром. Словом, он рад был помочь мне, хотя и по злобе.

Он в общих чертах рассказал ей обо всем остальном. Они перекинулись еще несколькими фразами, всего лишь несколькими. Пока они ничего не планировали, только делились надеждами, предостережениями, договаривались о дальнейших свиданиях и сигналах срочной связи. Он рассказал, когда он работает, когда отдыхает, о двух вентиляционных устройствах на палубе, через которые хорошо передается звук — через одно — в двигательный отсек, а через другое — в ту нору, где спали простые матросы.

— Если я вам понадоблюсь очень срочно, крикнете в одно из вентиляционных устройств, и я мгновенно появлюсь. — Он нащупал свой нож и отметил, что во время вахты может воспользоваться еще либо ломом, либо гаечным ключом.

— Я сделаю лучше, — сказала она ему. — Сидир боится за мою безопасность не меньше, чем налета партизан. Он повесил мне на шею свисток. Я свистну три раза. Хорошо?

— Хорошо, — ответил он, поцеловал ее на прощание, и ушел, удивляясь ревности, которая его одолевала, когда дело касалось ее и Сидира.

VIII

Дожди изводили армию девять дней кряду. Вечером десятого дня в ледяном ореоле вокруг полной луны замерцали звезды. Лунное сияние плясало в хохочущей тьме. За рекой простиралась бледная равнина, на траве лежал иней, тут и там алмазами сверкали ледяные кристаллы, густые заросли тополей вздымали к небу голые ветви. Широко раскинулись лагерные костры, повсюду светились фонари караульных, но это были лишь искры в огромном пространстве ночи, которая растворила в себе и доносящиеся невесть откуда голоса врагов, и окрики часовых, и звук одинокой флейты. В холодном ночном воздухе ощущался легкий запах дыма.

Отпустив последнего человека из тех, кто хотел с ним переговорить, Сидир поднялся по лестнице из своего кабинета на верхнюю палубу. На минуту он остановился, напряг и расслабил мышцы, вдохнул и выдохнул, пытаясь обрести ясность ума после трудного дня. День, проведенный за рабочим столом, утомил его. Неужели он еще когда-нибудь снова сядет в седло?

«Да, с помощью Бога, объявленного вне закона, — подумал он. — Надо только потерпеть. Ягуар в ожидании добычи может лишь крутить хвостом. — Он скривился. — Беда в том, что у меня нет хвоста и нечем крутить».

Чтобы успокоиться, он окинул взглядом судно, швартовые тумбы, крышки люков, лебедки, тянущиеся от орудий тени, пики караульных, вздымающие свои острия вверх к созвездиям. Он хорошо знал их — Оцелот, Меч-Рыба, Копье... Но некоторые, голубь например, были не видны в этих широтах, а другие были незнакомы ему. Прямо над головой он отыскал Марс и любовался его голубоватым свечением до тех пор, пока — он сам не знал, почему, — из глубин сознания не всплыло то, что он слышал в Наисе от астролога, который выискивал забытые архивы и рисунки в могилах забытых королей. Тот утверждал, будто когда-то Марс был красным; таким люди его наблюдали, пока не пришел ледник.

Безмерная апатия захлестнула Сидира.

«Неужели я действительно приведу людей к Неизвестному Рунгу, который был выстроен так давно, что с тех пор изменилось даже небо? — Он расправил плечи. — Но удается же это северянам, нынешним моим врагам и охотникам за металлом тоже.»

От этих мыслей перед ним возник образ Донии. Он вспомнил, что она ждет его в своей каюте, и в нем проснулся внезапный жар. Он быстро отошел от поручня и большими шагами прошел вдоль по палубе, мимо бледно-желтого окна, к своей двери и распахнул ее.

Каюта была узкая и строгая, роскошной была только кровать, на которой, скрестив ноги и сложив руки под грудью, выпрямив спину и высоко подняв голову, сидела Дония. Несмотря на холод, на ней была только головная повязка, украшенная бусами, да еще висел свисток на шее. Лампа, висевшая на цепи, светила слабо, в воздухе стояла дымка, но женщина выделялась среди беспорядочных теней на фоне ползущей из углов темноты.

Сидир закрыл глаза. Пульс у него частил, но рассудок делал его твердым и сдержанным. Не спеши. Будь мягким. Не так, как прошлой ночью.

— Я, мм-м.. сожалею, что освободился так поздно, — сказал он на арванетском. На туалетном столике лежала книга. Она много читала на арванетском, явно стараясь освоить его грамматику. У нее было время — экспедиция еле ползла вперед. Но свет в каюте был таким слабым...

Она много играла на лире, которую он сам отыскал для нее; по словам Донии, она напоминала ей арфу, на которой играли в Рогавики. Она наслаждалась жизнью, задавала вопросы всем и обо всем, роскошно ела и пила, играла в карты и кости, демонстрируя отличную реакцию и растущее мастер-

тво, а иной раз, выпив бокал вина, пела песни своего народа. Один раз она танцевала на празднике, но это оказалось слишком возбуждающим зрелищем, и потом она танцевала только для него. И на этой постели... кроме последних двух-трех дней. Потом она загрустила, если можно так сказать. Она словно надела на себя маску, говорила только по необходимости, часами сидела неподвижно. На все вопросы Сидира она отвечала односложно, лишь бы он поскорее отвязался.

«Прошлой ночью она отказала мне. Стоило ли заставлять ее силой, как я это сделал? Она покорно стерпела меня. Любая рабыня была бы лучше.»

Ее близость мучила его.

«Нет. Никогда. После того, что было, я не могу с собою овладать. Я сделаю ее такой, какой она была раньше».

Она молчала и он продолжал:

— Меня задержал курьер из Бэрридауна. — Это был перевод на арванетский названия места, где он оставил первое из своих подразделений, чтобы основать здесь базу. Это было позавчера. — А поскольку мы намерены создать там вторую базу, я хотел знать, как там идут дела.

— Ну и как? — хотя она говорила безразличным голосом, но все же говорила. И ему захотелось сказать ей что-нибудь приятное.

— Патруль заманили в засаду. — Он изобразил досадливую гримасу. — Двоих убили, троих ранили. На рассвете каждый был найден связанным. «Неужели она улыбается?»

— Хорошо, — пробормотала она.

— Что хорошо? — Он пытался изобразить вспышку гнева. — Что погибли люди?

— А почему бы нет? Они там далеко не увальни.

— Но... — Сидир расставил ноги, широко раскинул руки, пытаясь вразумить ее. — Дония, это было бессмысленно. Четверо из тех, кто сидел в засаде, погибли. Двое из них — женщины. Остальные наверняка видели, что они проиграли, но продолжали сопротивляться, даже когда к нашим пришла подмога. Это же безумие — атаковать так близко от нашего лагеря.

— Что ж, они убили двоих, а потом и третьего. И убьют еще больше.

— Мы даже не вторгались на их территорию. Наш отряд разместился на торговом пути.

— Слишком ясно было видно, зачем вы туда пришли, — сказала Дония, подаваясь вперед. Она была заинтересована, и это смягчило ее холодность. — Теперь-то ты поверишь мне,

Сидир? Вы не можете захватить северные земли. Вы можете только убить северян. В конце концов часть ваших людей вернется домой... а сколько смельчаков поляжет там?

Какое-то время он стоял молча, потом пробормотал:

— Марс был красным, когда ледник начал наступать.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничто не вечно, ни жизнь, ни форма, ни содержание.

Он помалу начал надеяться, что ему удалось проникнуть за стену, которой она окружила себя. Он хотел незаметно перевести разговор на их отношения и выбирал подходящий момент. Он шагнул к туалетному столику.

— Хочешь вина? Я налью.

Она не ответила. Он налил из графина в фужеры красного вина, подал ей один, поднял свой, как принято у баромьянцев, и сделал глоток. Вино было кислое на вкус, с восточного побережья Рагида, где созревает виноград.

— Дония... — Он сел на край матраса. Его глаза искали ее взгляда. Его тело тосковало по ней, но он сдерживал себя. — Умоляю тебя, выслушай. Я знаю, почему ты несчастлива. Когда мы пересекли южную границу Рогавики, ты что-то затаила в себе. Я спрашивал тебя, но так и не получил ответа. Почему ты не хочешь мне сказать, что ты чувствуешь, почему не даешь помочь тебе?

Ее взгляд был похож на взгляд пойманной рыси.

— Ты знаешь, почему, — грустно ответила она. — Потому, что ты идешь войной на мою землю.

— Но я никогда этого не скрывал. И тем не менее в Арванете... да и в начале нашего путешествия...

— Тогда это были только намерения, они могли и не осуществиться. А когда это все-таки случилось, все стало иначе.

— И все-таки... ты же не будешь утверждать, что Рогавики населяет одна нация. Здесь живет не твой народ. Твой дом еще далеко отсюда.

— Поэтому я пока могу себя сдерживать, Сидир. Но все-таки больно осознавать, что сегодня страдают народы Яира и Лено, а завтра страдания постигнут и народ Магла.

— Им просто нужно усвоить, что они находятся в подчинении у Престола и соблюдать Имперский мир. Никто не собирается их тиранить.

— Сюда хлынут пастухи и землепашцы.

— Но они будут хорошо платить за землю.

— Это будут вынужденные сделки. Рассуждая так, можно договориться до того, что земля не будет принадлежать никому, ибо ни у кого нет глупой бумаги, по которой эту землю

можно назвать своей. Но за какую плату можно вернуть наших диких оленей, лосей и медведей?

— Потребуется много времени, чтобы колонизировать такую обширную страну. Понадобятся целые поколения, чтобы ее обжить. Лишь ваши внуки смогут сказать, что они, наконец, цивилизованы.

— Никогда. Это невозможно.

Ее упорство рассердило его. Он глотнул, и вино немного успокоило его.

— Почему? Мои предки... Но я повторяю тебе свое предложение. Ты и твой Гервар, вы сотрудничаете с нами. Вы не оказываете сопротивления. Вы не помогаете никаким другим народам в борьбе против нас. Напротив, вы помогаете нам убедить их принять тот порядок, который должен быть. И тогда никто не будет пересекать ваши границы без вашего разрешения, и никакие переселенцы не потревожат вас, если этого не захотят ваши потомки.

— Почему я должна этому верить?

— Черт бы тебя побрал! Я же объяснял!

«Необходимо вербовать союзников среди населения...» Он осушил свой бокал.

Она тоже отпила немного. Стал ли ее тон мягче?

— Я еще раньше возненавидела бы тебя, если бы ты не сделал такого предложения. Но этого не может быть... Я слишком хорошо представляю, как все будет, но я все равно благодарна тебе, если действительно произойдет так, как ты сказал, Сидир.

Обнадеженный, он оставил свой бокал и наклонился ближе к ней. Вино играло у него в жилах.

— А почему так не должно быть? — настаивал он. — Сильный, талантливый народ, такой, как твой, под влиянием Империи может подняться так высоко, как захочет. Мы с тобой подходим друг другу, как лук и стрела. Юг хочет разделить не только вашу землю, но и смешать нашу кровь. — Он уронил свою левую руку на ее правую и улыбнулся. — Кто знает, мы можем стать родоначальниками новой имперской династии, ты и я.

Она тряхнула головой. Густые пряди взметнулись. Она улыбнулась ему в ответ, нет, усмехнулась, нет, оскалила зубы.

— Этому уж точно не бывать, — сказала она гортанно.

Задетый за живое, он сглотнул от удивления и только потом возразил:

— Ты хочешь сказать, что, по вашему, рогавикьянки не

могут иметь детей от чужестранцев? Я не могу в это поверить.

— Это не всегда так, — голос ее стал бесстрастным. — Мулы могли бы рождаться довольно часто, если бы мы не мешали семени, брошенному в нас, пускать корни.

Он уставился на нее.

— Что-о? Разум может управлять телом? Шаманы, которых я видел... — Но тут его сознание сосредоточилось на более явном издевательстве. — Какие еще мулы?

— В древних сказаниях говорится, что метисы, даже если они выживали, оставались бесплодными. Сама я этого не знаю. — Ее губы снова вытянулись, когда она ненадолго замолчала. Она словно насадила его тело на рыболовный крючок. — Сейчас матери, как правило, оставляют их при рождении на съедение канюкам.

Он отпрянул от нее и вскочил на ноги.

— Сука! — выругался он. — Ты лжешь!

— Неужели ты думаешь, что я буду нянчить твоего щенка? — хихикнула она. — Да я задушу его при первом же крике! С радостью.

Сердце у него гулко забухало. Сквозь красноватую дымку он видел ее загорелое тело, вытянувшееся на постели. Сквозь раскаты грома он услышал ее потрясающе уверенный голос:

— Считай, что тебе еще повезло, Сидир, ведь я не оторвала у тебя твое мужское достоинство.

«Она такая же сумасшедшая, как и все остальные, — гудело у него в голове. — Она просто ловко это скрывала. Раса маньяков...»

Его ладонь с громким звуком ударила ее по щеке. Она едва шевельнулась от удара, грудь вздымалась и опускалась ровно, как и прежде.

Кем она для него была — притворялась, что была — эта мысль рубила его, словно топором. Мучаясь сам, он отплатил ей тем же. Жестокость за жестокость.

— Вот как! — заорал он. — А ты знаешь, для чего они существуют эти твои грязные дикари? Я тебе этого не говорил, потому... потому, что надеялся... — Воздух царапал ему глотку. — Послушай-ка, ты, сука! Если они не сдадутся, мы вышибем землю у них из-под ног, мы перебьем всю дичь.

Он почти не слышал ее рыданий. Хлестнул ее рукой по губам. Она откатилась в дальний угол кровати и сжалась. Он ударил сильнее. — Да, бизонов, носорогов, пони, антилоп, оленей, диких ослов высоко в горах, карибу в тундре, лосей и медведей в лесах... фермерам это не под силу, пехоте не

под силу, а баромьянским лучникам на лошадях — раз плюнуть. Пройдет лет пять, и последнее стадо в прерии погибнет, и последний житель Рогавики приползет к нам, выпрашивая кусок. Теперь тебе понятно, почему им лучше прекратить убивать наших людей... пока еще не поздно?

Она тяжело дышала. Внезапная жалость нахлынула на него и погасила его ярость.

— Дония, — пробормотал он и потянулся к ней, — дорогая, прошу тебя...

— Йе-о-оо-оо, — вырвалось из нее. — Йа-а-я-р.

Встав на четвереньки, вцепившись ногтями в одеяло, широко раскрыв рот, она раскачивалась из стороны в сторону. Ее зеленые глаза с маленькими точками зрачков горели. Она издавала нечеловеческие звуки, от которых мороз продирал по коже. Он отступил, держа руку на рукоятке ножа.

— Дония, — бормотал он, — что с тобой? Успокойся, попытайся успокоиться.

Он уперся спиной в перегородку.

Он видел, как она летела на него, пальцы скрючены, мертвенно-бледное лицо искажено, зубы готовы превратиться в клыки. Мелькнул его нож. Но прежде, чем он успел ударить, она налетела на него, и они покатились по полу. Она извивалась у него на животе, пытаясь дотянуться ногтями до глаз. Брызнула кровь. Он перехватил нож и приставил его кончик ей под ребра. Каким-то образом она почувствовала близость ножа. Быстра и гибкая, как ласка, она извернулась, схватила его запястье и резко вывернула его. Он едва не выронил оружие. Свободной рукой он едва отбивался от нее. Она вцепилась зубами в запястье руки, державшей нож и сжала челюсти. Правой рукой она нащупала его горло и начала душить его, левая рука нашаривала пах. Бедрами она сдавила ему ногу, навалившись на него всем телом. Ее незащищенная грудь была так плотно прижата к нему, что до нее невозможно было добраться. Спиной она принимала удары его левой руки.

Он знал, что она может убить его.

Он закричал. Ворвавшийся стражник даже задохнулся, увидев эту цену. Он никак не мог ударить пикой в этих двух насмерть сцепившихся людей, опасаясь задеть своего хозяина. Наконец, он ударил Донию тупым концом пики.

Она отпустила Сидира, переваливаясь через него и ползком выбралась на палубу. Стоявшие внизу видели, как она в лунном свете медленным, каким-то парящим прыжком, перелетела на главную палубу. Любой южанин, рискнув на та-

кой прыжок, переломал бы себе все кости. Но она спружинила, поднесла свисток к губам и свистнула. Солдаты пытались зажать ее в угол, но не смогли. Она перебегала с места на место, жестоко дралась и дико выла.

В ответ раздался вопль. Огромный смуглый мужчина возник откуда-то снизу. Сидир показался как раз вовремя, чтобы стать свидетелем схватки, которая за этим последовала. Темнокожий размазал по палубе одного, ударил кулаком по шее другого, покалечил еще четверых. Потом мужчина и женщина добежали до борта и бросились в воду. Взметнулись фонтаны брызг, и они исчезли.

Пятна фонарей огромными светляками кружили около бортов. Вокруг раздавались крики и топот ног.

Боль от ударов, потрясение, ужас Сидира тонули в ощущении потери. Теперь он осознавал только ее.

— Дония, — стонал он, стоя на холоде. Кровь капала у него с бровей и заливала глаза.

Мелькнула мысль, быстрая, как удар меча: «Зачем я ее зову? Кто она мне? По правде говоря, это просто ведьма, с которой я проводил время. Я думал прошлой ночью, что не могу с собой справиться. Такого еще никогда не бывало, чтобы я не мог с собой справиться».

IX

Когда Джоссерек проснулся, солнце было уже высоко. Воспоминание о случившемся вечером моментально вышибло из него остатки сна. Тревога. Схватка. Полмили к берегу при сильном течении, поддерживая плывущую рядом Донию. Бегство от патрульных, поднятых по тревоге световыми сигналами и звуками горнов. Часы длиною в смерть, когда они шли по направлению, определенном Донией, по звездам, полностью доверившись ее охотничьему чутью. На рассвете они вынуждены были остановиться у замерзшего пруда. Чтобы согреться, они обнялись и погрузились в сон...

Он присел на корточки.

— Пусть этот день принесет тебе радость, — приветствовала она его, мягко выговаривая рогавикьянские слова. Когда она успела проснуться?

Она срезала траву его ножом.

Он встал и осмотрелся по сторонам. Из безграничной небесной голубизны лился свет. Тепло пронизывало его обнаженный торс, растворяя боль, зализывая ссадины и царапины

звериным языком. Равнина простиралась до самого горизонта. Кругом росла трава высотой по пояс, которая неохотно раздвигалась перед идущим. Подобно морю, она переливалась на солнце, меняя оттенки от темно-зеленого рядом до серебристого вдали. Как и море, она вздымалась под ветром высокими волнами. Дикие цветы плавали в ней, словно рыбы, поодаль были разбросаны островки старого высокого чертополоха, а совсем далеко на западе угадывались стада рогатых животных — они двигались величаво, словно киты. Вокруг порхали яркие бабочки. В воздухе кружилось множество птиц, но он мог назвать лишь некоторых из них: луговые жаворонки, дрозды, краснобровые тетерева, ястребы; клином летели дикие гуси. Ветер гудел, трепал одежду, приносил запахи растений, глины, животных, разогретой солнцем пыли.

Людей не было видно. Хорошо. Он расслабился, будто их никто никогда не преследовал. Кроме конечно...

Дония оставила свое занятие и подошла ближе. От вчерашней тигрицы-людоедки не осталось и следа, ничего не осталось и от бегущей зигзагом лисицы. К нему мягко двигалась женщина, одетая лишь в воздух раннего лета, волосы легко развевались вокруг улыбающегося лица и падали на грудь. Его словно прострелило, но... здравый смысл взял вверх.

«Она меня не приглашает. В руке у нее мой нож».

Однако она вернула ему нож, и он автоматически убрал его в ножны. Единственным его одеянием были брюки, которые он носил, когда работал в трюме. Ноги у него были все изрезаны и побиты. У нее же, казалось, все было в порядке, она даже не выглядела утомленной.

— Как ты? — спросила она.

— Буду жить, — пробормотал он. Большая часть его разума была занята телом. — А ты?

Ее радость вырвалась наружу, словно освободившись из какой-то западни.

— Й-й-а-а, свобода! — Она прыгала, воздевала руками, кружилась, делала немыслимые пируэты среди шуршащих стеблей, которые то скрывали, то вновь открывали для обозрения быстрые ноги и крутые бедра. — Свободные лососи, свободные соколы, свободные пантеры, — пела она, — там, где светит солнце, где ревет ветер, все танцует и танцует вокруг сердец, живущих в мире...

Слушая песню и глядя на ее неистовый танец, он совсем забылся. И все-таки какой-то частью своего мозга он попытался понять, традиционная это песня, или собственная импровизация Донии. Она пела на местном диалекте, он не до

конца понимал смысл, и поэтому решил, что песня ее собственная.

«Разве не говорили, что северяне — гордый народ?»

Спустя несколько минут Дония вернулась к действительности и к нему. Она дышала несколько учащенно, и он заметил, что ее кожа покрылась капельками пота, и это еще более усилило аромат ее тела. Он напился из пруда. Пил долго, чтобы остыть и отвлечься, а заодно и утолить жажду. Вода стояла в углублении среди больших серых валунов. Она была мутноватой, но, несомненно, более чистой, чем в любом колодце Арванета. Когда он оторвался от воды, то увидел, что Дония подобрала заостренный камень, величиной с ладонь и внимательно рассматривает его.

— Пока я добываю пищу, сооруди костер и нарежь еще травы, как это делала я, — протараторила она.

Он сдержанно подчинился приказу женщины. Снова разум одержал победу над порывом. Она знала эту страну, а он нет.

— Что мне использовать на топливо? — спросил он. — Зелень не годится. Да и к чему ее портить?

— Собери кизяк, вроде вот этого. — Она указала на белую лепешку. — Сначала накроши его немного для растопки. А трава понадобится нам чтобы укрыться не только от холода, но и от солнца, да и от мух тоже. Я умею плести из нее. Ночью, когда самый холод, нам лучше двигаться, а отдыхать — днем, когда жарко. В одежде из травы мы сможем идти, пока не подберем себе что-нибудь получше. На стоянке... М-м, да, лучше я сооружу для тебя еще какую-нибудь обувь.

Она пошла.

— Подожди, — позвал он. — Ты забыла нож. И сколько тебе понадобится времени?

К Донии вернулось ее хорошее настроение.

— Ты уж не выгоняй меня, если мне не удастся раздобыть что-нибудь прежде, чем ты соорудишь ложе из кусков торфа, или если я принесу канюка, хотя ими и брезгуют.

Оставшись один, Джоссерек задумался. Его нож, конечно же, пригодится им. Ее охотничий камень оказался куском бетона, оставшимся от дороги, разрушенной еще до наступления ледника. В любом случае, это была удача, хотя он подозревал, что для того, чтобы выжить в этих краях, нужна вовсе не удача.

Она вернулась быстро, как и обещала, принесла убитого кролика и несколько перепелиных яиц.

— На этой земле всего вдоволь, верно? — заметил он.

Ее настроение быстро изменилось, она помрачнела.

— Да. Мы ее бережем. Прежде всего мы поддерживаем нашу численность на достаточно низком уровне. — Злость вырвалась-таки наружу: — И вдруг придут эти имперские подонки? Не бывать этому!

— Да, но и я ведь тоже что-то наподобие их.

Она сузила глаза.

— Наподобие их? — повторила она. — А насколько мы можем доверять цивилизованной... расе?

— О, клянусь, что у людей моря нет территориальных притязаний на Андалине. Подумай, мы ведь живем так далеко. В этом не может быть никакого смысла.

Волей-неволей он вынужден был перейти на арванетский, но не на благородный древний язык интеллектуальной элиты, а на жаргон торговцев и докеров.

Тем не менее она поняла его и спросила:

— Тогда в чем же состоят ваши интересы? Почему это вторжение вас так волнует?

— Я говорил тебе...

— Это не такая уж веская причина. Наши встречи на корабле были слишком кратковременны, чтобы я смогла сделать вывод об истинных причинах. Но теперь... Если бы приморцы просто хотели понаблюдать за нами, они послали бы кого-нибудь открыто. Они могли бы назвать себя собирателями знаний, сказать, что им просто интересно... Ученые, да, ты мне рассказывал, когда мы бродили по городу, что у вас их много. К чему рисковать, если вами движет только любопытство?

Джоссерек почувствовал облегчение.

— Ты проницательна!

«Но не слишком ли проницательна для дикарки?»

— Пока вы побеждаете, но мы не теряем надежды. Мыслящих людей нашего народа интересует сера.

— Сера? — Она вскинула брови. — Ах, да. Желтое горючее вещество, которое мы называем «зевио».

— Самые богатые месторождения в мире остались вдоль пролива Дольфин, — воскликнул он. — Мы получали серу в основном из Арванета, когда он контролировал месторождения. Теперь это подмяла под себя Империя, а она запрещает экспорт. Из серы делают порох. Скейрад считал себя покорителем баромьянских кланов, но его наследник, по словам императора, станет покорителем мира. — Его передернуло. — Я не считаю, что даже самые дальние его потомки смогут когда-нибудь завоевать весь мир, но в Ичинге весьма недовольны нынешним положением дел.

— Да. Это разумно. Мы можем тебе доверять. — Дония

бросила кролика, хлопнула Джоссерека по плечу и сверкнула улыбкой. — Я рада.

В висках у него стучало. Он смог бы прямо сейчас сгрести ее в охапку, но она отошла, осторожно положила перепелиные яйца и сказала:

— Если ты будешь готовить, то я займусь нашей одеждой.

— Да, я здорово голоден, — признался он.

Они занялись работой, каждый своей. Ее пальцы проворно сновали сплетая травяные нити основы.

— Куда мы пойдем отсюда? — спросил он. — Или, для начала, где мы находимся?

— Западнее Югулара и севернее реки Крэбэппл, которая в него впадает. Я следила за нашим маршрутом. Ближайшая стоянка — в Булгаре, до него идти пешком еще дня два. Нет, я забыла, что твои ноги слишком нежные. Пожалуй, дня четыре. Будь осторожен, когда начнешь сдирать шкуру с кролика — я хочу сшить из нее мокасины для тебя. Невыделанная шкура скоро растрескается, но ее хватит, чтобы дойти до стоянки. А там — лошади и дом, так что не стоит беспокоиться.

— Твой дом далеко, верно? Ты так же хорошо знаешь всю территорию Рогавики?

Она кивнула головой.

— Стоянки, зимние сады и другие постоянные жилища. Я знаю их по картам, даже если сама никогда там не была. Их не так уж много.

— Но как же ты сможешь их найти? — Он округлил глаза. — Я не вижу ни единого ориентира.

— У нас нет компаса, значит, мы будем ориентироваться по звездам и солнцу. Все зависит от того, как быстро мы пойдем. Над стоянками круглые сутки виден дым. В ясную тихую погоду этот дым виден на горизонте за тридцать, а то и за сорок миль. — Она перевела расстояние в единицы, принятые в Арванете и нахмурилась. — Обитатели стоянок вынуждены тушить костры с приближением солдат империи. И так будет продолжаться, пока мы не выжжем всю эту саранчу.

Хотя воздух был теплых, его передернуло.

«Я считаю себя бандитом. Я убивал людей и спокойно спал после этого, но ее тон, ее взгляд... Неужели солдаты империи действительно могут повредить ей. Неужели это чума, которой все равно, кто перед ней? Неужели им чуждо все человеческое? Как ее народу удалось на протяжении всей своей истории избегать войн и не причинять никому вреда?»

Он искал и не находил ответа.

— Дония... — спросил он наконец. — Дония, почему ты стала такой дикой вчера ночью? Разве мы не договаривались, что будем шпионить, собирать информацию, по крайней мере до Фулда?

Она выронила рукоделие. Рот у нее сжался, на шее набухли мышцы. Он услышал тихое рычание.

— Прости меня, — прошептала она в смятении.

Глубоко дыша, она с трудом возвращала себе спокойствие, лицо и грудь вновь приобретали нормальный цвет. Но голос все еще оставался надтреснутым.

— Я должна была убить Сидира. Но мне это не удалось. Демоны терзают меня. В следующий раз позволь мне вытрясти из него душу.

— Но... но ты... и он... Ты говорила, что любишь его, или что-то в этом роде...

— Это было до того, когда он двинулся на север. Когда он вторгся в Яир и Лено, я почувствовала... я уже не сомневалась, что рано или поздно то же случится и с Герваром. Если бы он взял меня туда... Но сначала он мне говорил... если мы не подчинимся императору... он перебьет всю дичь... Неужели ты не понимаешь?! — закричала Дония. — Если я столкну тебя с утеса, что тебе останется делать, кроме как упасть? И что мне оставалось делать, кроме как вцепиться ему в горло?

Она взвизгнула, вскочила и умчалась.

Джоссерек был поражен. Ему и раньше приходилось видеть нечто подобное у воинов: ею овладела ярость такой ураганной силы, что она должна была либо бежать, что было сил, либо, наброситься на него, на какое-нибудь животное, на стенку — на что угодно, лишь бы выплеснуть ее. На все, что может быть разрушено или убито. Она каталась среди высокой травы, рычала, простирала руки кверху, словно пыталась вырвать из неба солнце.

Значит обитатели Рогавики именно такие, как утверждают южане, решил житель Киллимарейча. В лучшем случае, это дикари. Они научились кое-чему, но не обрели ни разумности, ни терпения, ни способности контролировать себя. Он недоумевал, почему они вызывали в нем грусть. Или, может быть разочарование? От них нет никакой пользы, как от союзников — они даже опасны до тех пор, пока их не завоюешь или не истребишь. А они обречены на это, потому что, в сущности, слабы и малочисленны. Нет. Не стоит ждать от них многого ни в политическом, ни в военном смысле. Что касается Донии, то она вела себя настолько здраво и разумно, так

знающе и заинтересованно, как ни одна женщина, виденная Джоссереком. Но это только внешнее. Ее настоящее лицо глубоко скрыто. Это скорее Акула, нежели Дельфин.

Он вернулся к своим кухонным делам. Ему по-прежнему нужна была ее помощь. Во время их путешествия, он будет присматриваться к окружающему, может быть, что-нибудь и окажется полезным. Но при первой же возможности он отправится в рагидьянский порт на западном побережье и отчалит домой. А дома он расскажет Мулвену Роа, что здесь для приморцев нет никакой надежды.

Дония обежала большой круг, вернулась и теперь, опустившись на землю, тяжело дышала. От пота ее волосы стали мокрыми и слиплись. Пот капал со щек, струйками стекал меж грудей. От нее исходил острый запах, который постепенно сменялся чистым ароматом женщины. В глазах у нее снова засветился здравый смысл.

— Ты себя лучше чувствуешь? — осмелился спросить Джоссерек.

Она кивнула.

— Да, немного. — Они... не убьют... стада. Нет, они умрут сами. Унг-нг-нг, хорошо пахнет.

Она снова была в хорошем настроении, вся ее ярость ушла в бег.

Его едва не стошнило от перепелиных зародышей, но она грызла их с видимым удовольствием. Кролик был мягкий, и Джоссерек принялся за него с аппетитом, но в жарком не было ни соли, ни специй.

— Всегда пей кровь, — посоветовала она, когда он об этом сказал. — Когда мы тронемся в путь, мы будем питаться лучше.

— А мы можем убивать пасущийся скот? — скептически спросил он.

— Я могу, если мы захотим, или можем отбить какого-нибудь детеныша. Но нам незачем будет этим заниматься. Я сделаю рогатку и мы будем стрелять птиц. Кроме того, здесь полно всевозможных маленьких зверушек, а еще раков, моллюсков, лягушек, змей, трав, корней, грибов. Я же говорила тебе, что это — щедрая земля. Скоро ты сам в этом убедишься.

Она поела и поднялась. Он продолжал сидеть, скользя взглядом по ее фигуре. Он видел ее во всем великолепии и вспомнил, что «Рогавика» означает «Дети неба». Она потянулась и рассмеялась навстречу тем расстояниям, которые так влекли ее.

— Сегодня мы займемся подготовкой, — сказала она тихо и счастливо. В этот момент она была так же обнажена, как растущие у ее ног одуванчики. — Это не так утомительно. Мы успеем и отдохнуть. Но прежде всего, Джоссерек, сольемся воедино.

Она поманила его к себе. О, эти проклятые дикари! Джоссерек бросился к ней.

X

Пройдя шесть миль, они встретили женщину со стоянки Булгор. Она ехала верхом на пегом мустанге проверять силки, расставленные на пернатую дичь. Но встретив чужестранцев, она изменила маршрут и теперь сопровождала их.

Это была женщина средних лет, высокая и крепкая, как и большинство северян. Волосы ее были заплетены в косы, кожаные брюки служили ей единственной одеждой. Медные браслеты, бусы из медвежьих клыков, хвост фазана, заткнутый за головную повязку, составляли ее украшения, если не считать ее собственного тела, разрисованного ярким орнаментом. Хотя седло на ее лошади было немногим лучше обыкновенной подушки со стременами, уздечка выглядела вполне современно. Из снаряжения у нее были постельные принадлежности и нож, причем последний был явно инструментом, а не оружием.

— Эге-гей! — воскликнула она, натягивая поводья. — Добро пожаловать, путники. Я Эрроди, вон оттуда.

— А я Дония из Гервара в Алухонте, что на реке Стальон, — ответила пешая женщина. — Мой спутник — Джоссерек Дэррейн из земли Киллимарейча, что лежит за Глиммервотер.

— Тогда добро пожаловать трижды, — сказала всадница. — Вы устали? Может быть, кто-нибудь из вас сядет на мою лошадь?

Джоссерек заметил, что ее гостеприимство было довольно официальным. Заметил и то, как осторожно она вела себя после первого, явно ритуального приветствия. Не то, чтобы она вела себя недоверчиво или безразлично — Дония как-то сказала, что его стать пленит всех женщин, что встретятся на их пути — но сдержано, осмотрительно, лукаво, как кошка. Это полностью соответствовало характеру ее расы.

Но это не относилось к Донии. У него никогда не было такой женщины, он даже не слыхал никогда о такой любов-

нице. Однажды между поцелуями, в сиянии луны, забыв про ночной холод, он сказал ей об этом.

«С Сидиром я сдерживала себя, — прошептала она в ответ. — О, как хорошо иметь друга». Ее рука коснулась его волос, взъерошив их, а потом опустилась ниже.

Его поразила мысль: «Она почти ничего не рассказывает мне, а я рассказал о себе все. Но в разговоре она всегда обходит себя стороной.

Если бы только у нее была душа, стремления, любовь, помимо любви к жизни. Если бы она была не просто здоровым животным. Нет, — прервал себя Джоссерек, — в ней должно быть что-то еще. У нас просто не было времени на серьезный разговор. Мы шли, добывали еду, разбивали лагерь, ели, пили, любили, спали, опять шли. Ее подгонял страх за свой народ».

Как бы он хотел, чтобы все было именно так.

Он услышал, как она отклонила предложение ехать на лошади. Из-за гордости он тоже отказался, несмотря на свои больные ноги. Надев более или менее сносную обувь, он все-таки не мог идти нормальным шагом, его силы и выносливость были иного рода.

После обмена традиционными фразами, Эрроди ехала молча.

— Ее не удивило то, что мы ей сообщили? — спросил Джоссерек на арванетском языке.

— По-моему, да, — ответила Дония. — Да и вся стоянка будет удивлена. Нам даже не придется повторять свою историю.

Он размышлял над всем этим, а еще над тем, что женщина одна, без оружия, разъезжала по безлюдной местности, и над тем, что не услышал обычной благодарственной фразы на языке Рогавики. Это говорило о том, что этот народ принимал хорошее отношение, мир, поддержку, как нечто само собой разумеющееся. Как примирить с этим индивидуализм, с трудом насыщаемую жадность и строго обозначенные права на собственность, о которых говорили южане?.. Или, может быть, они скрывают свою мудрость в глубине своих душ? И они по-настоящему мудры, если не считать тех моментов, когда убийственная ярость переполняет их. Он помотал своей замороченной головой, устало шагая по степной траве.

День был солнечный и ветреный. Стремительно неслись облака, похожие на белые паруса. Ястреб парил, опираясь на ветер. Выйдя в открытое поле, он увидел, как вороны стелются над землей, распластав крылья, как мелкие волны бегут по дождевым лужам. Шумела живая изгородь — орешник, яб-

лоня, сахарный тростник и бук шуршали вокруг построек. Четверо молодых женщин занимались прополкой — зерновыми и садовыми культурами было занято несколько акров земли. Все это выращивалось и для себя, и на продажу. Когда женщины заметили незнакомцев, они бросили свое занятие и последовали за ними. Так же поступили и все прочие.

Дония и раньше говорила, что типичная стоянка напоминает зимний сад, только больших размеров. Полудом-полуземлянка стоял в восточной части двора, застекленные окна блестели между овощными грядками, пологая крыша была обложена дерном. Оставшуюся часть двора занимали конюшни, сараи и мастерские. Все было построено из дерева, а местами выложено кирпичом и дерном, ровным и твердым. Довольно расточительное расходование древесины, особенно здесь, на равнине, где природа поскупилась на лес, доказывало, что северяне поддерживают прочные связи с торговцами лесом за пределами своих земель. Большие фургоны и телеги, видимые через двери сараев, наверняка использовались для доставки бревен. Посередине вымощенного кирпичом двора стояла ветряная мельница, а с южной стороны дома виднелся коллектор солнечной энергии; и то и другое было изготовлено южанами. По стандартам Ичинга они были грубоваты, но северян вполне устраивали. Сегодня не было повода, чтобы из трубы шел дым, но высоко над крышей трепетал красный флаг, чем-то напоминавший пугало. Кроме того, на уровне глаз перед входом был укреплен череп буйвола, искусно покрытый глазурью. Это был памятник Событию, которое дало название этой стоянке.

Здесь было около тридцати жителей. Трое из них были мужчины, более крепкие, чем рагидьянцы. Они выполняли самую тяжелую ручную работу. Большинство женщин было в возрасте 16—17 лет и старше. Одежда их была самой разнообразной, а иногда ее просто не было, на стоянке платье не считалось обязательным. Джоссерек подумал даже, что здесь вообще ничто не считается обязательным. Они не толпились и не галдели, а просто держались друг друга, предлагая помощь. Как бы хорошо Дония не обращалась с Джоссереком, вид такого множества гибких обнаженных тел возбуждал. Молоденькая рыженькая девушка поймала на себе его взгляд, улыбнулась и жестами изобразила недвусмысленное приглашение.

Дония это заметила, улыбнулась в ответ, и спросила Джоссерека на арванетском:

— Хочешь с ней переспать? Она хорошенькая.

— А как же ты? — растерянно ответил он.

— Для меня здесь нет никого подходящего. У здешних мужчин много работы. Да и сама я хочу немного поразмыслить в одиночестве.

Эрроди спешилась и быстро заняла место с другой стороны от Донии, пытаясь взять ее за руку. Дония на это легко, по-дружески мотнула головой. Эрроди отпустила ее руку, язвительно скривила губы и жеманно пожала плечами, как будто хотела сказать: «Ну что ж, дорогая, если ты не захочешь, никто не будет тебе навязываться.»

Внутри дом северян выглядел иначе, чем описывали путешественники. Там была большая общая комната, в ней стояли столы из деревянных брусьев, предназначенные для общих трапез. Стены были обшиты красивыми деревянными панелями, но личных вещей здесь почти не было, они размещались в отдельных комнатах. Среди них были и комнатки, предназначенные для гостей. Эрроди прошла к встроенной скамье, остальные растянулись на ковре, сшитом из собачьих шкур — в Рогавике стульями не пользовались. Рыженькая девушка устроилась в ногах у Джоссерека, ее раскованная поза явно подтверждала ее намерения.

Дония сделалась серьезной.

— Сегодня вечером мой друг может поведать вам о далеких землях и захватывающих приключениях, — сказала она. — А сейчас я расскажу о том, что произошло со мной.

— О том, что южане снова наступают? — Эрроди издала презрительный звук. — Мы это знаем.

— Да, это вы знаете. А знаете ли вы, что они намерены построить базы по всей реке Югулар и действуя с этих баз, разорить весь наш край?

— Думаю, что они могут и это сделать.

— Рано или поздно они обнаружат Булгар. И по-моему, это произойдет очень скоро. я наблюдала за всадниками на учениях.

— Мы готовы покинуть это место при первом же признаке их приближения. Многие семьи только среди обитателей Юрика уже пообещали взять по два-три человека наших, так что у всех будет убежище.

Эрроди говорила уверенно и напористо, хотя остальные помалкивали, словно сложив с себя всякую ответственность, уверенные, что случай поможет им победить, каким бы ни был их враг. Однако Джоссерек заметил, что Дония не полностью раскрывает планы противника.

Она кратко рассказала, как они очутились здесь. Присут-

ствующие загудели, глаза заблестели в полумраке, руки и ноги задвигались, тела подались вперед. Жители Рогавики были весьма любопытны и питали слабость к интересным рассказам.

— Вам потребуются кони и одежда, — сказала Эрроди.

— Сначала мы хотим вымыться, — улыбнулась Дония.

— Нет, сначала надо выпить. Наша медовуха славится повсюду.

Здесь оказалась и ванная комната, в ней даже был душ. Металлические рогульки, сколько угодно горячей воды. Разглядывая Донию сквозь клубы пара, Джоссерек сказал:

— Та девчонка, конечно, ничего себе, но не думаю, чтобы она смогла заменить тебя.

— Нет, вряд ли, — последовал невозмутимый ответ. — Я старше ее, и я замужем. Никто не может узнать мужчин как следует, пока не поживет с ними бок о бок несколько лет. У этой бедной девушки всегда будут только мимолетные связи. В конце концов она начнет заниматься любовью с женщинами, так поступают многие на стоянке.

— И тебя не волнует, если я... Хотя, честно говоря, я предпочел бы тебя.

Дония наклонилась и поцеловала его.

— Ты любезен. Но нам предстоит долгий путь после того, как мы покинем эту стоянку, и я должна использовать каждую возможность, чтобы спокойно подумать. — Она помолчала. — Да, весь завтрашний день мы побудем здесь, ты как следует отдохнешь, насладишься этой девушкой и кем-нибудь еще. Мало ли кто будет тебя домогаться.

— А что собираешься делать ты?

— Одолжить лошадь.

«Что ж, — подумал он, — охотник, чтобы найти уединение для своего тела, ударяется в бродяжничество. Но каким образом им удается добиться такого уединения души? — Вспыхнуло негодование. — Почему она полагает, что мне не надо поразмыслить над дальнейшим путем?»

Вскоре они выбрали себе по два комплекта одежды из имеющегося запаса. Нижнее белье, мягкие ботинки, рубашки из грубого полотна и пестрые шейные платки, широкополые фетровые шляпы, ветровки, пончо на случай дождя. Кроме того, они взяли орудие и инструменты, постельные принадлежности и лошадей. Казалось, никто официально не стоял во главе стоянки. Эрроди приняла управление на себя, а ее компаньонки вернулись к работе, кроме той девушки, которая положила глаз на Джоссерека. Она сказала, что ее работа подождет. Звали ее Корэй.

Эрроди ручкой со стальным пером составила список взятых вещей, куда вписала их согласованную стоимость, а Дония все это подписала.

— Как этот документ будет работать? — поинтересовался Джоссерек?

— Это инмак... — Дония подбирала слова. Она потратила несколько минут, чтобы растолковать ему смысл этого документа, хотя все было очень просто.

Стоянка представляла собой ряд независимых хозяйственных механизмов, управляемых отдельными женщинами и теми немногими мужчинами, которые по разным причинам не вписывались в нормальную жизнь Рогавики. (Корэй потом упомянула, что кузнец был хромым. Что касается остальных, то один из них ушел из дома из-за ссоры в семье, хотя он и не любил об этом рассказывать, а второй был жизнерадостным здоровяком, предпочитавшим наемный труд жизненным невзгодам и ответственности.) Все они были из разных мест. Джоссерек подумал, что именно поэтому они не станут оказывать серьезного сопротивления завоевателям, если те придут сюда — у них нет прочных эмоциональных связей с этим местом.

Конечно, кое-что стоянка уже потеряла. Стоянка продавала товары и выполняла работы, которая могла выполнить лишь группа людей, ведущих круглый год оседлый образ жизни. Она была постоялым двором, рынком, специализированной фабрикой, обслуживающей окраинную зону. Путешественники — а жители Рогавики много путешествовали сами по себе — могли найти здесь все, что требовалось в пути. Большое внимание уделялось здесь замене уставших пони на свежих. Любая разница при договорных сделках или расчетах могла оплачиваться наличными — здесь имели хождение и имперские, и арванетские монеты. Можно было заплатить натурой или подписать вексель, как это сделала Дония. Этот вексель будет выкуплен ее семьей при предъявлении. Возможно, он пройдет через много рук, прежде чем поступит по назначению.

— А что, если он никогда не будет выкуплен? — поинтересовался Джоссерек.

— Мы, северяне, не так мелочно относимся к вещам, как остальные народы, — ответила Эрроди. — Мы живем среди такого изобилия товаров, что это не будет играть существенной роли.

— Мы подкинем этот вексель Сидиру, — прошептала Дония.

Корэй тронула Джоссерека за локоть — она хотела показать ему стоянку.

Сначала она гордо повела его в печатную мастерскую, где работала сама. Плоский пресс выдавал хорошо сверстанные страницы с текстом и непонятными рисунками.

— Мы умеем и переплетать книги, — сказала она, — но, как правило, покупатели сами делают это зимой.

— Откуда вы получаете бумагу? — спросил он.

— Чаще с юга. Иногда получаем местную. На стоянке Вайтваттер построили бумажную фабрику. Это на самой кромке диких лесов.

Однако это, а потом и многое другое, что он увидел на этой стоянке, указывало на хорошо развитую богатую торговлю. Здешние семьи, довольно самостоятельные экономически, предпочитали покупать добротные вещи. Много изделий текло на север в обмен на металл, добытый в древних руинах, и многие из них, если не основная часть, были местного изготовления. Кроме того, местные жители были не чужды изобретательству. Корэй тараторила о недавно разработанном переносном ткацком станке, о самострела, описание которого было получено у приезжего с гор Тян-Шана. Брошюра, которую она печатала, описывала астрономические наблюдения человека из Иглз Гатера. Кроме рагидьянского телескопа, этот человек в своих исследованиях использовал навигационный хронометр, каким-то образом нашедший к нему путь из Киллимарейча. Джоссерек счел бы здешний рынок весьма привлекательным и оживленным, если бы Империя не грозила наложить на все это свою лапу и установить монополию.

Было очевидно, что вся торговля, равно как и производство, были частными. Для управления ими не существовало никаких правительственных Гильдий, ни один закон ничего не запрещал.

— Подожди-ка... Твой народ продает южанам меха, — сказал Джоссерек, — но, насколько я знаю, вы никогда не продаете ни мясо, ни шкуры больших диких животных. Вы обмениваетесь ими между собой?

— А почему бы и нет? — спросила Корэй. — Друзья часто делятся между собой шкурой бизона или ляжкой кабана, или чем-нибудь еще.

— Я имею ввиду не подарки, а регулярную торговлю. Предположим, я предложил торговцу лошадьми сотню лошадиных шкур за живого коня.

Она отпрянула, ее глаза расширились.

— На это никто не согласится.

— Почему?

— Это было бы... неправильно. Неправильно. Мы живем бок о бок с дикими животными.

— Понятно. Извини. Прости невежество чужестранца. — Джоссерек погладил ее. Она оттаяла и прижалась к нему.

Его интересовало все, что он видел, но особенно внимательно он изучал энергосистемы. Ветряная мельница представляла собой обыкновенный каркас с крыльями. Спирт использовался в качестве горючего для паяльных ламп и некоторых других приспособлений, его гнали из продуктов брожения диких зерновых и фруктовых культур. (Изготовление бренди было особой операцией.) Основным источником энергии был солнечный коллектор, от которого черные водопроводные трубы вели к подземному резервуару из обожженной глины. Там, под давлением, температура воды поднималась много выше точки кипения. Простейшие обменники подавали тепло для обогрева и приготовления пищи.

Единственными домашними животными были лошади, собаки и соколы, которые мало отличались от своих диких собратьев. Когда Корэй прижала к себе щенка, а здоровенная, поджарая сука зарычала, как только Джоссерек приблизился, он вспомнил про то, чего здесь не было.

— А у вас здесь, что, совсем нет детей? — спросил он.

Неужели она вздрогнула? Во всяком случае, она отвернула лицо в сторону, так что он едва расслышал ее ответ:

— Нет. На стоянке нет. Здесь никто не выходит замуж, я никогда об этом не слышала.

— Но ведь здесь бывают проезжие мужчины и...

— Было бы неправильно растить безотцовщину. Довольно тех детей, которые рождаются от наших мужчин.

— Я хотел сказать...

— Я понимаю. Разве ты не знал? Многие женщины Рогавики при желании могут не зачать.

«Возможно ли, — поразился он, — Это психоматика. Разум воздействует на тело и вызывает гормональные изменения. Но как они это делают? Наши ученые, конечно, захотели бы разобраться в этом.»

— И это всегда срабатывает?

— Нет. Но тогда есть другие способы.

Он ожидал, что она начнет говорить о механических и химических средствах, которые странно было бы встретить в этих краях. Но Корэй просто сказала:

— Не беспокойся за меня, Джоссерек. Союзы между нами и чужестранцами редко приводят к зачатию.

Она оставила щенков и подошла к нему.

Вечером их ожидал обильный ужин. В основном он состоял из различных сортов мяса. Мужчина мог считаться здоровым, если он съедал убитое животное со всеми потрохами, и большинству северян это было вполне по силам. Но мясная диета разнообразилась рыбой, курицей, яйцами, хлебом, кобыльим молоком и сыром, фруктами, травяным чаем, пивом, вином, медом, ликерами. В конце концов от этого изобилия у Джоссерека зазвенело в голове. Застольная беседа была дружеской и перемежалась шутками, несмотря на то, что вверх по Югулару двигался враг. Однако чем-то эта беседа показалась Джоссереку странной — в ней было куда меньше любопытства, чем обычно бывает в разговорах такого рода. В любом другом месте чужестранцу не могли не задать вопросов, касающихся его жизни, привычек, веры, обычаев, мнений и надежд, а тот, в свою очередь, мог рассчитывать на аналогичные сведения о своих хозяевах. В Булгаре ему рассказали о своей земле, об истории, о том, что здесь происходило сейчас — все это были сведения общего характера; ему же предоставили возможность рассказывать то, что он считал нужным.

Чтобы развлечь его, три девушки исполнили танец под аккомпанемент арфы. Танец начинался темпераментно, а закончился так, что большинство зрителей вскоре разошлись спать по двое.

Так начался и закончился этот вечер. А в часы между его началом и концом, собравшиеся жадно слушали его рассказы о Материнском океане. Вопросы сыпались со всех сторон, были остры и больше всего напоминали шквальную стрельбу из луков.

Кроме него здесь было еще двое гостей, мужчина и женщина — курьеры с разных маршрутов, оставшиеся здесь на ночь. Из их рассказов он понял, что почтовая служба тоже была организована отдельными личностями, причем приносила немалый доход. Очевидно, она охватывала всю территорию этих народов и действовала быстро и надежно.

...Гибкая изобретательная Корэй подарила ему радость, хотя это был не тот восторг, который доставляла ему Дония. Она уснула, свернувшись у него на руке, а он еще долго не спал, всматриваясь в темноту и пытаясь разобраться в этом народе. Они не были дикарями. Конечно же, они не были дикарями. Тогда какое же место они занимали в великом хаосе?

XI

В судоходной части реки Югулар, в нескольких милях южнее мощного, но коварного притока Бизон Ривер, лежал Фулд, самый северный из торговых портов Арванета. Выше по течению русло Югулар было сильно загромождено камнями, которые сносило сюда во время зимних паводков. Летом, когда вода спадала, камни увлекало на юг. Сидир стоял на веранде особняка и смотрел, как поток врезается в перекаты, разбиваясь в бело-зеленые брызги. Какой бы мелкой на была эта река, она была опасна для солдат имперской армии — лишь немногие из них умели плавать.

Дом стоял на высоком левом берегу. Он был построен в южном стиле из привезенной с юга древесины и кирпича и окружен небольшим двориком. На фоне остроконечных крыш, на которых снег не держался, хотя его здесь и было не так уж много, дом выглядел нелепо. Сад при доме был беден, комнаты, хотя и просторные, казались промозглыми и неуютными. Сидир всегда удивлялся, почему строители дома не построили его по подобию местных зимовий, которые, по свидетельству бывавших там людей, были очень уютны. Затем пейзаж полностью овладел мыслями полководца, и он подумал, что строители, скорее всего хотели, чтобы дом как можно больше напоминал им о родине.

Внизу, вдоль пристани, тянулись мастерские, бараки, таверны. там же стоял «Вейрин». Баржи и буксиры каравана бросили якоря в коричневых водах реки. На другом берегу виднелась железнодорожная станция, куда с запада приходили товары для Рогавики. Приходили, пока сюда не пришел он, Сидир. В миле от поселения были разбросаны пикеты, купола палаток с развевающимися над ними знаменами, заслоны из фургонов и составленных вместе повозок, образующие заслоны, пушки. Там жили его отборные воины, баромьянская конница, отборная рагидьянская пехота, стрелки и оружейная прислуга, чье мастерство во всем мире считалось непревзойденным. Он привел их сюда и поведет дальше.

Однако в этой стране они казались затерянными. Здесь холмы сменялись долинами, высокая трава — короткой, леса почти не было, лишь изредка попадались небольшие рощицы. И все это непонятным образом удлиняло расстояния и делало этот край еще более чуждым. Сегодняшний день был прохладным, краски его были бледны. По небу стального цвета не-

слись черные клочья туч, порывы ветра приносили одинокие капли дождя, больно секущие кожу.

Инил ан-Гула указал пальцев в сторону реки.

— Да, — произнес он — вы правы, река образует здесь границу. К востоку от нее живет народ Улгани, а к западу — Гервара.

Гервар... Дония. Сидир стиснул зубы.

— Но это исключение, — продолжал Инил. Это был морщинистый желтокожий мужчина небольшого роста, знающий жизнь в основном по книгам и откровенно напуганный войной. Несмотря на это он не мог отказаться от беседы с человеком из цивилизованного мира. — Как правило, территории семей не имеют четкой границы.

Эта фраза пробудила в Сидире воспоминания. Он старался понять северян, использовал для этого любую возможность, все время расспрашивал про них у Донии, и все время ему казалось, что главное ускользает от него. Он никогда не был уверен, что хотя бы начинает правильно понимать их.

— Да, но я слышал, что племена отстаивают свои земли с одержимостью фанатиков, — сказал он.

— Это так, это так, Главнокомандующий. Именно поэтому Империя и совершает непоправимую ошибку.

Сидир досадливо отмахнулся.

— Фанатики похожи на сухие палки. Они не гнутся, они ломаются, и заново их уже не составишь.

— Рогавика — совсем другое дело. У них нет лидеров, которых можно было бы вынудить заключить с нами мир.

— Я знаю, что лучше для нас. У людей, живущих изолированно друг от друга, отсутствует взаимная поддержка, та паутина долга и сознания, тот страх прослыть трусом или быть наказанным за предательство, что заставляет организованные группы сопротивляться. — Сидир вспомнил об инцидентах в низовьях реки — сведения о них приносили ему быстроногие курьеры — засады в кустах, удары ножом среди ночи, замаскированные ямы с острыми кольями на дне, засыпанные колодцы, подброшенный в лагерь глиняный горшок, полный гремучих змей... — Я не отрицаю, что они опасные и коварные враги. Но опасны они лишь тогда, когда у них появляется возможность ударить исподтишка. Я предпочел бы, чтобы они были глупцами или использовали общепринятые методы борьбы. Но даже если они будут действовать по-прежнему, мы возьмем их по частям. Мы примерно накажем одних, чтобы остальные знали, что их ожидает. А пока Фулд будет должным образом охраняться.

— Надеюсь, вы правы, — вздохнул Инил. — Но, извините меня за дерзость, из ваших слов следует, что вы совершенно не разбираетесь в их характере.

— Я ценю дерзость. — Сидир выдавил улыбку. — Ложь и лесть не просто бесполезны, они вредны. — «Неужели Дония лгала мне, — подумал он, — или я просто не сумел понять, что она пыталась объяснить? Неужели ее любовь ко мне была фальшивой, или же она просто наслаждалась мною таким, каков я есть? Конечно, когда она обратилась ко мне за помощью, это было не рассчитанное предательство, а акт отчаяния. Что же я сделал не так, Дония?»

— Тогда объясни мне, — попросил он. — Как, ты говоришь, племена определяют свои территории?

— Во-первых, Главнокомандующий, это не племена, — ответил Инил. — И не кланы. Наше слово «семья» лишь приблизительно соответствует их слову «рорскэй!». Семьи внутри такого «рорскэй» имеют тенденцию заключать смешанные браки, но это не обязательно. Это лишь результат соседства. В этих смешанных браках муж входит в семью жены — без всяких там церемоний, глубокие чувства, может быть, вообще отсутствуют, хотя один Бог знает, какие чувства жители Рогавики считают важными для себя. За двадцать пять лет торговли с ними я так в этом и не разобрался.

Сидир потер подбородок.

— И тем не менее, этот муж будет защищать семью, в которую он вступил, не на жизнь, а на смерть.

— Да. Как правило, народность — это набор семей, которые по традиции охотятся на одной определенной территории. Эта территория огромна. На всех северных землях проживает менее сотни народностей, в каждой из них — по двести-триста человек. Стада, за которыми они кочуют, достаточно четко определяют зоны их обитания, ибо у этих животных есть определенное чувство территории.

«Неужели именно это взбесило Донию? В ее первобытном восприятии мира — стада это ее дом? Ее боги, духи ее предков?»

— Отдельные представители и группы партнеров перемещаются свободно, — продолжал Инил. — Они всюду желанные гости, так как приносят с собой новости и вносят разнообразие в скучный быт стоянок. Никто не запрещает им охотиться. Но серьезного вторжения какой-нибудь крупной группы в чьи-то охотничьи угодья никогда еще не бывало. По-моему, это вообще немыслимо.

— Даже в трудные времена? В бескормицу?

— У них не бывает трудных времен. Численность населения здесь сохраняется достаточно низкой, поэтому им всегда хватает еды, даже если поголовье скота падает... скажем, во время очень суровой зимы.

«И это тоже ненормально. Это признак упадка, признак того, что народ вымирает. То же самое, что в Арванете. Вымирает наиболее сильная в умственном отношении часть населения. Именно поэтому Империя сможет завоевать северян. Но тогда слаба и Дония?»

— По-моему, их религия запрещает завоевания. — предположил Сидир, — Как и многое другое.

— Я не уверен, что у них есть то, что мы называем религией, — сказал Инил.

— Что?

— О, я слышал предположения, что некоторые из них делают некое подобие духовной карьеры. Но я полагаю, что все это только предположения.

«Никакие войны не смогут их сплотить. Никакие лидеры не смогут ими управлять. Они не опираются ни на какую веру. Тогда как же они выжили?»

Инил закутался в плащ.

— Очень холодно, Главнокомандующий, — пожаловался он. — Не пойти ли нам в дом?

— Иди, если хочешь. Я хочу еще немного подышать. Вскоре я присоединюсь к тебе.

— Ледник уже затронул и ваши области, верно? — пробормотал Инил и удалился.

Сидир посмотрел ему вслед. Что это все могло значить, тысяча чертей?

Его внимание снова вернулось к окружающему. Ему предстояло сделать многое, очень многое. Прежде всего следовало собрать сведения. Без проводников из местного населения — некоторые коренные жители часто присоединялись к завоевателям, во всяком случае, в других краях так и было — его разведывательным отрядам придется пробираться вперед наощупь, сталкиваться со всякими неожиданностями, составлять карты всех местностей, попадающихся на их пути, где за каждым камнем может сидеть стрелок, а в каждой яме прятаться смерть. И они смогут сделать это, его парни, и сделают. И где-нибудь они отыщут дом Донии и оцепят его, чтобы сделать его обитателей заложниками или уничтожить в назидание строптивым. Но он должен попробовать решить все миром. Какое все-таки короткое лето в этих местах, населенных призраками!

И она тоже жила здесь...

«Почему?

Попробую быть объективным. Красивая. Необычная. Великолепный характер. Мужской ум и нервная система. И может быть, прежде всего... тайна. Никогда не знаешь, что там у нее внутри. И ничто из перечисленного не объясняет, почему эта потеря так кровоточит в моей душе.

И почему я говорю о какой-то тайне. Вернее всего, она просто не брала ничего в голову, и ничего серьезно ее не интересовало. И она была готова точно так же, как и со мной, кувыркаться с тем кочегаром или с кем-нибудь еще. Но она была неспособна долго хитрить, первая же случайная ссора привела ее в бешенство. Я не могу забыть не саму Донию, а свою мечту.

А к чему мне мечта?»

Женщин Рогавики называют колдуньями.

Споря с его рагидьянским разумом, в нем зашевелился характер потомственного дикаря. Он почувствовал, как кусается ветер, вздрогнул и скрылся в доме.

XII

Уже несколько дней Дония и Джоссерек двигались на север, в Гервар, прежде чем встретили группу охотников. Джоссерек не стал считать, сколько их было. В этих пустынных местах время и пространство слились воедино, здесь имели значение только события — порывистый ветер с дождем, радуга, преследование антилопы, чтобы добыть пищу, или бегство от стаи диких собак; закат, просвечивающий алым сквозь прозрачные крылья летучих мышей, кружащих над озером, шумный взлет глухаря из ягодника, брод через холодную, как лезвие ножа, реку, непроизвольный смех над играми лисят, находка улья с медом в трухлявом пне, дикая любовь при свете луны, потом нежная любовь на рассвете, а как-то раз — сумасшедшая любовь — небеса тогда налились багровым и ревели, изрыгая грозу. Все эти события отдельными волнами накатывались на монотонные мили и мили пространства. Он видел, что местность медленно меняется. Низкие пологие холмы и долины стали уже привычны глазу. Чаще стали встречаться деревья и низменные луга, потом пошли болота. Ночи стали холоднее.

Когда Дония заметила слева от себя струйки дыма, она свернула в том направлении.

— У них могут быть новости, которых мы еще не слышали, — пояснила она. — Но главное — рассказать им то, что известно нам. К наступлению летнего Лэндмита нужно собрать как можно больше сведений.

«Лэндмит — это не Китмит, который наступает на каждой территории почти одновременно с солнцестоянием, — вспомнил Джоссерек. — Лэндмит на два месяца позднее. Черт! Неужели им понадобится столько времени, чтобы начать объединяться? К тому времени Сидир будет уже в Рунге.»

Но он уже знал, что спорить бесполезно.

— Где мы сейчас находимся? — спросил он.

— Ты имеешь ввиду, на чьей земле? На фераньянской. — Дония щелкнула языком и ударила пони каблуками. Пони понесся рысью. Джоссерек последовал за ней, следом потянулись две запасные лошади.

К лагерю охотников они подскакали незамеченными — их скрывал горный кряж. С вершины Джоссерек разглядел у ручья дюжину круглых палаток с коническими крышами. Их владельцы явно принадлежали к членам одного Братства — ассоциации семей, проводивших вместе зимние месяцы. Многие из них и охотились вместе. (Некоторые, особенно молодежь, и зимой и летом странствовали в других районах).

День был солнечный и теплый, сильно пахло торфом. И взрослые и дети собрались между палаток и готовили ужин. Громадный степной олень был подвешен среди котелков над углями. Рядом стояло несколько легких фургонов, на которых через равнину возили грузы. Усталые тягловые лошади, прихрамывая, паслись рядом. Ездовые лошади, собаки и соколы были на охоте. Взгляд Джоссерека скользнул по зеленому склону в сторону горизонта, на восток, и там увидел охотников. Охотники гнали стадо — огромную волну желто-коричневых тел; земля дрожала от грохота копыт. Сами верховые цепочками скакали по краям стада, держа в руках луки и копья.

— Неужели они смогут все это съесть прежде, чем мясо испортится? — вырвалось у Джоссерека. Это как-то не вязалось со ставшей уже привычной полурелигиозной заботой о земле и том, что на ней живет.

— Они сначала как следует высушат его и прокоптят, а потом отвезут домой, включая шкуры, кости, жилы, хвосты — в дело пойдет все, — объяснила Дония.

— Ты рассказывала, что зимой тоже охотишься.

— Немного и недалеко от дома. Заготовленная впрок пища помогает нам выжить во время метелей, или когда мы

едем куда-нибудь далеко, или когда мы просто бездельничаем, или занимаемся искусством. Ведь не думаешь же ты, что мы проводим зимы как койоты? — Дония задорно засмеялась и пустилась вниз по склону.

Джоссерек удивился, когда жители лагеря, заметив их, схватились за оружие — путешественники рассказывали о гостеприимстве и доверчивости рогавикьянцев. Дония видимо тоже обратила внимание на их поведение: она раскинула пустые руки и остановилась на краю стоянки. Инициативу взяла седовласая пожилая женщина, сохранившая стройность и гибкость. Единственной ее одеждой была длинная юбка.

— Добро пожаловать, путники, — объявила она. — Мы из Равенз Рест, а меня зовут Дераби.

Дония представила себя и своего спутника.

— Почему вы так настороженно отнеслись к нам? Разве солдаты Империи уже добрались до фераньянцев?

— Пока нет, — ответила Дераби. — Но проезжие рассказывали нам, что они продвигаются на север, опустошая все кругом. Мы опасались, что вы — их разведчики. Несколько дней назад мы столкнулись с такими. Вот и подумали, что вы — тоже, хотя вы одеты по-нашему и вас всего двое. Йа-ах, слезайте с лошадей и отдохните. Авело, присмотрите за лошадьми наших гостей.

— Лазутчики, — пробормотала Дония. Она быстро справилась со своим раздражением. На вопросительный взгляд Джоссерека она ответила: — Я объясню тебе потом, если захочешь. Это еще одна опасность. Но это не страшнее диких собак и бурных рек, с которыми мы уже сталкивались.

Детишки так и крутились вокруг чужестранцев и все как один хотели показать им лагерь. Джоссерек узнал, что палатки были сделаны из тонкой кожи, натянутой на легкие деревянные каркасы со стальными креплениями. В центре каждой был очаг, а над ним — колпак из листового алюминия, соединенный дымоходом. Оконные отверстия и вход были затянуты сеткой от москитов. Он обратил внимание на множество всяких вещей, здесь был даже спортивный инвентарь, всевозможные игры, музыкальные инструменты и книги. На стенах были выжжены какие-то знаки, смысла их он не понял, но на вид они были довольно красивыми. Фургоны тоже были украшены медью и золотом.

Среди присутствующих было две матери, сегодня была их очередь присматривать за всеми детьми. Их собственным детям было по два-три года, они уже давно ели твердую пищу, но время от времени тянулись к груди за глотком молока.

Джоссерек знал, что кормление грудью снижает способность к воспроизводству потомства. Этому же способствовал малый вес тела, а большинство рогавикьянок были худощавыми. Кочевой образ жизни не только способствует детской смертности, но и поддерживает низкую рождаемость. Необходимость этого диктовала практика: женщина не могла заботиться больше чем об одном младенце, а едва начавшие ходить дети сильно ограничивали ее подвижность.

«Хоть здесь и это не осуждается, — подумал Джоссерек. — Все, включая саму Донию, утверждали, что медицина и санитария здесь на высшем уровне; лишь немногие из них умирают молодыми. У них есть лошади и фургоны для перевозок. У них существует истинное равенство полов — мужчины принимают участие в воспитании детей, а в доме, где проживает несколько семей, всегда найдутся мужчины. Материнство — это не помеха, во всяком случае не долговременная помеха. Вроде бы рост населения здесь должен быть таким же, как и в сельской местности. Но вместо этого он здесь чрезвычайно низок, самый низкий, о каком я когда-либо слышал. Собственно, здесь нет никакого прироста, за исключением злых времен, когда бывают большие потери населения.

Это подразумевает наличие каких-то регулирующих механизмов, религии, закона, обычая, социального давления, соответствующих учреждений. Но у жителей Рогавики все это полностью отсутствует!

Конечно, браки у них носят довольно своеобразный характер, и это тоже играет существенную роль. Что говорила об этом Дония? Три женщины из пяти никогда не рожают. Как такое положение дел может сохраняться в течение веков и даже тысячелетий? Ведь это же противоречит природе человека».

Случайно он получил частичный ответ на свой вопрос. Первой в лагерь возвратилась молодая, явно беременная женщина, сопровождаемая зрелой женщиной. Обе привлекли его внимание. На лице у первой были следы слез, хотя она выглядела почти спокойной. «Это уже ненормально», — подумал он. Вид у второй был еще более поразительный. Ей было около сорока. Высокая блондинка, она, очевидно часто, как и сейчас, ходила без одежды — кожа у нее была везде темно-коричневой, и на ее фоне волосы казались почти белыми. Она явно была не замужем, на ее теле не было серебристых следов растяжек от родов, как на теле Донии. Но двигалась она неторопливо, и на лице ее было какое-то тяжелое выражение,

чего он здесь ни у кого не замечал. Правой рукой она держала молодую женщину за талию, помогая ей, а в левой руке сжимала палку с набалдашником в виде солнца с лучами из моржовых клыков — эти животные еще встречались в Материнском океане.

— Кто это? — тихо спросил Джоссерек.

— Проводник, это ясно видно, а вторая — из Братства, и проводник ей помогает. — ответила Дония.

— Что это значит?

— Потом объясню.

Женщина сказала, что ее зовут Крона из семьи Старрок. Она далеко ушла от места, где родилась и где остались ее южные родственники. Ласково попрощавшись с молодой женщиной, она заговорила с Донией. Джоссерек не слышал о чем они говорили — возвращающиеся охотники громко и весело приветствовали его.

Некоторые из них остались на месте охоты до утра — сторожить убитых зверей от птиц. Их костры мигали в сумерках.

— Жалко, что завтра вам снова в путь, — сказал седобородый мужчина по имени Тамавео. — Они хотели бы послушать о ваших приключениях.

— Но у нас найдется, о чем рассказать, кроме наших приключений. — ответил Джоссерек. Он разделял желание Донии рассказать про вторжение в северные земли, подобно которому не было до сих пор, хотя и не думал, что от этого будет какой-то толк.

— Мы знаем, — пальцы, обхватывающие ручку палки побелели. — Вернулись мучители. Еще одно поколение наших людей должно умереть, чтобы мы от них освободились.

— Нет, — возразил Джоссерек. — Это вторжение не похоже на те, что были раньше.

Жена Тамавео затаила дыхание и схватила его за руку. Она была не старше той женщины, которую сопровождала Крона. Дония когда-то сказала ему: «Легко догадаться, что случилось в той семье. Умерла хозяйка. И ради детей ее мужья решили не расставаться. Конечно, они могли бы найти себе зрелую женщину, но во всей округе у таких женщин уже были мужчины, и на их предложение могла согласиться только такая вот девушка.»

— Как это? — прошептала жена Тамавео.

Дония кивнула Джоссереку. «Не своди их с ума и не предлагай им отказаться от игры.» Он едва мог ее видеть. Она сидела напротив, их разделял костер. Рядом с ней сидела Крона. Вечером стало прохладнее, и проводница оделась в

длинное серое платье и голубую накидку с капюшоном. Одежда делала ее еще более загадочной на фоне сидящих вокруг костра людей, одетых в шерсть и оленью кожу. Ужин заканчивался. Легкий ветерок донес запах мяса, похлебки и хлеба до диких собак, которые отозвались глухим рычанием. Одна за другой замерцали звезды, наконец на севере взошла Вега и встала на страже ночного неба.

Джоссерек слегка кивнул.

— Это не землепашцы и не пастухи, которые приходили сюда ради ваших земель, — сказал он. — Это не медлительная пехота и не неуклюжие драгуны, которых легко застать врасплох, отрезать от снабжения на сухих и пыльных равнинах Кхадрахада. Кулак и клыки этой армии — баромьянские всадники, такие же быстрые и выносливые, как ваши, так же приспособленные к жизни в пути, но лучше вооруженные, лучше... — он не мог найти подходящее слово, которое обозначало бы «дисциплинированные» и вынужден был заменить его, — подготовленные к совместным действиям, чем вы. Рагидьянская пехота займет несколько опорных пунктов, из которых баромьянские всадники будут охотиться за вами.

Дония говорила, что их не испугает сама мысль о нападении.

— Расскажите нам еще что-нибудь, — ровным голосом попросила Дераби. Она нагнулась и потрепала по щеке свою внучку.

Он рассказывал, а они слушали. Луна уже давно взошла. Вопросов было много, причем умных. Но все вопросы касались исключительно тактики. Как можно мечом сражаться против баромьянцев, вооруженных пиками и одетых в латы? Нельзя ли заманить противника в зыбучие пески, которых много по берегам мелководных рек? Стоит ли устраивать ловушки в траве, устанавливая замаскированные ножи, чтобы перерезать сухожилия коням? О стратегии не было и речи, как и о возможности поражения.

Под конец, когда люди начали зевать и понемногу расходиться по своим палаткам, Тамавео пригласил гостя из Киллимарейча к себе, в свою палатку. Дония и Крона исчезли в темноте, не дождавшись его. Джоссерек заметил, что этот мужчина, как старший муж, возглавил свою семью, что, казалось бы, входило в обязанности жены. Однако слово «возглавить» здесь не особенно подходило: в этом обществе ничто не могло управлять поведением человека, кроме его самого. Может быть, правильнее было сказать «взял инициативу в свои руки»? Несмотря на ночь, сожители Тамавео были до-

вольны, что он пригласил к себе чужестранца, в то время как другие семьи выражали добродушное разочарование.

Когда они очутились в палатке при свете бронзового светильника тонкой работы, хозяин произнес с той непосредственностью, с какой жители Рогавики разговаривали между собой:

— Человек из Глиммерватер, ты делаешь нам много добра. Может мне, в свою очередь, подарить тебе вот это? — Он развязал на груди плащ из тяжелого шелка, вытканного на юге, отороченный мехом, как это было принято на севере.

— Зачем... да, вы очень добры, мне очень приятно, — поблагодарил Джоссерек. Ему никак не удавалось подобрать подходящие слова благодарности на местном наречии, и его благодарность прозвучала так, словно подарок не представлял ничего особенного, хотя он был искренне благодарен, да и плащ был великолепен.

— Чей этот белый смех? Я никогда не видел такой шкуры.

— Это горная кошка.

— Вот как? — Джоссереку доводилось видеть небольших диких кошек, которые явно были родственниками домашних, таких было полно в Киллимарейче. Но те имели грязно-бурую окраску, которая хорошо подходила для маскировки. — Это... — Черт! Он не знал, как сказать «альбинос».

— Конечно, зверя убили зимой, — с гордостью добавил Тамавео.

Наверное, выследить и добыть это животное было нелегким делом, поэтому его шкура так высоко ценилась.

Что-то мешало Джоссереку заснуть, и он долго размышлял над тем, что увидел. Он встречал кошек всюду, куда бы его не заносила судьба. Ученые выдвинули теорию, согласно которой люди до наступления ледника держали кошек дома и это было повсеместно. Кошки было попросту очень распространенными домашними животными. Но он не встречал кошек, которые меняли бы свою окраску в зависимости от времени года, как это делали горностаи или полярные зайцы.

Значит, эти кошки образовывали новый род... Что это значило «новый»? С течением неисчислимых тысячелетий, с изменением климата, вызванным сползанием ледника с полюсов, естественный отбор мог выделывать с живыми существами невероятные шутки. Генетическое родство могло оказаться нарушенным... Он вспомнил про остров, где все жители имели по шесть пальцев на руках и ногах. А угольно-черная

кожа и снежно-белые волосы в сочетании с медно-красными глазами Мульвена Роа из Ики...

«Что ж, я не ученый, занимающийся наследственностью. Просто я немного читал об этом, в основном после того, как начал плавать с китовыми патрулями и впервые задумался о том, откуда взялись эти великолепные животные...»

Он уже спал. Во сне он видел, как трубили слоны. Но эти слоны не были похожи на тех, которых он видел в тропиках Ованга или Эфлиса. Они были волосатые, с огромными изогнутыми бивнями. И они шли по тундре, покрытой ледяными торосами.

Дония явилась ночью. На рассвете, когда в тумане уже слышались голоса охотников, она устроилась рядом с Джоссереком и сказала:

— Проводник Крона закончила свои дела здесь. Теперь она направляется на стоянку Данхет — это нам по дороге, особенно, если мы хотим, чтобы наши известия распространились как можно шире. Поэтому я предложила ей присоединиться к нам. Ты не против?

— Пожалуй, я не против, — подумав, сказал Джоссерек, — А чем она вообще занимается?

— Разве ты не знаешь? Она странствует в поисках мудрости. Поэтому она не живет ни в семье, ни в Братстве, свободно путешествует, а за гостеприимство платит тем, что учит людей или помогает кому-нибудь, как той девушке, которую мы вчера видели. Это благородное призвание для тех, у кого есть достаточно сил, чтобы следовать ему.

«Ее присутствие может помешать нашим с Донией отношениям, — подумал Джоссерек. — С другой стороны, мне это интересно, да и много ли проку, если я буду против.»

— А в чем заключается ее помощь? — спросил он. — Вы долго беседовали наедине. Я уверен, что она тебе об этом рассказала, или ты сама догадалась. Может быть, и мне полезно быть в курсе дела, хотя бы для того, чтобы не ляпнуть чего-нибудь невпопад.

— О, все очень просто, — безразлично, не высказывая ни жалости, ни сострадания, ответила Дония. — У девушки есть неплохие перспективы выйти замуж. Оба ее отца занимаются торговлей и могут дать ей хорошее приданое, — Поскольку отцовство становится сомнительным после того, как женщина заводит себе второго мужа, рогавикьянцы не исключают никаких возможностей. Другими словами отцами ребенка считаются все мужья женщины. — Она развлекалась, как и другие женщины, но с ней приключилась беда.

Джоссерек знал, что в основе местных нравов лежало часто встречающееся бесплодие. Наряду с играми и забавами девушки, по достижении половой зрелости вступали в брак. Молодые жили несколько лет под присмотром родителей, пока не появлялись дети.

— Это... — он вынужден был перейти на арванетский. — Позор?

Дония кивнула.

— Если бы незамужние женщины стали рожать, как жены, нас вскоре стало бы очень много.

— Разве нельзя заставить их воздержаться от этого?

— Конечно нет! Они же люди. — Еще одно доказательство, что рогавикьянцы недалеко ушли от домашних животных. — Но кто теперь захочет ее взять, кто захочет ей чем-нибудь помочь, кто разрешит жениться на ней? Ей остается либо бежать, либо становиться распутницей в полном смысле этого слова, или чем-нибудь еще в этом роде.

— Что же ей делать?

— То же, что делают все. Но беда в том, что она сама еще почти ребенок и вдобавок очень чувствительна. Крона провела здесь несколько дней, успокаивая ее.

— Каким образом?

— Она уговаривала ее показать ребенка всем, как только он родится. А что еще делать? — Дония улыбнулась. — И рассказать обычную историю, будто ребенок родился в результате связи с южанином. Тогда никто не захочет его сохранить, и все согласятся его уничтожить. — Она отвернулась. — Эй, разве нам с тобой нечем заняться?

Джоссерек не двинулся с места. Голоса за стеной, наступающий рассвет, отступающий холод — все это, казалось, отступило.

«Почему меня это волнует? — подумал он. — Неужели я решил, что эти люди не способны лицемерить? И бог знает, может быть, аборт или убийство новорожденного достаточно обычное дело в этом мире. Что из этого? Должно быть, я куда крепче связан с культурой Киллимарейча, чем подозревал, если я нутром чувствую, что и здесь нерожденные или новорожденные дети тоже имеют человеческие права, что они не совершали никаких преступлений, за которые их можно лишать этих прав.

Северяне думают иначе. Но почему меня это беспокоит? Что еще можно ожидать... от расы, которая абсолютно чужда мне?

И все-таки надо бы мне еще немного пожить среди них.

Если у них хватит решимости сопротивляться Империи до конца, может, я сумею научить их, как уничтожить побольше имперских солдат, прежде чем они вынуждены будут сдаться сами, прежде чем капитулируют их последние умирающие от голода воины, жалея, что не умерли раньше, подобно своим нежеланным детям».

XIII

На второй день путешествия втроем они столкнулись с бродягами.

Дония первая увидела их отряд. Чтобы попрактиковаться, Дония пустила лошадь во весь опор и скрылась за холмами, пропав из поля зрения своих спутников. Такие броски она предпринимала почти регулярно с тех пор, как они выехали из Булгара. Она тренировалась с обоими лошадьми, пускала их иноходью, демонстрируя различные маневры, поражая спутников смелостью и мастерством вольтижировки. Такие трюки, без сомнения, снискали бы ей среди приморских жителей славу знаменитой наездницы.

— Это может понадобиться, — объясняла она Джоссереку. Теперь лошади служили ей так же послушно, как руки или ноги.

Он не пытался следовать ее примеру, до она и не требовала от него ничего такого. С него хватало, что он вполне сносно держался в седле. Крона не отставала от них, но не считала нужным повторять трюки Донии — своих лошадей она воспитывала с того времени, когда они были еще жеребятами, и они повиновались каждому ее приказу. Поэтому она ехала рядом с Джоссереком, и они беседовали. Несмотря на свои взгляды, она ему понравилась.

Ей был интересен его мир, поэтому она спрашивала больше, чем рассказывала сама. И все-таки она была не такой замкнутой, как остальные жители Рогавики. Это не было следствием самовлюбленности или недостаточной осмотрительности. Вскоре Джоссерек понял, что ему редко приходилось встречать такую рассудительную и уравновешенную собеседницу. Крона была вооружена, но ее оружием были ножи, топорик, легкий арбалет — все это годилось только для охоты. Значит она не допускала, что кто-нибудь может угрожать ей. Они ехали рядом, и она неспешно рассказывала ему о себе.

— Чаще всего незамужние женщины остаются в своих

Братствах, — начала она. — Всегда есть прок от лишней пары рук. Еще больше нужны дополнительные головы.

Его и раньше удивляла крепость здешних семей. Неужели мужу не надоедает делить свою жену с другими мужьями? Должно быть, его нетрудно соблазнить. Когда он спросил Донию, та ответила, что нет. Жена должна обладать силой, позволяющей делать счастливым несколько мужей. Девушка еще до замужества должна решить для себя, действительно ли она хочет стать женой. Необрученные всегда могли удовлетворить свои сексуальные потребности. Как правило, незамужние женщины вели свободный образ жизни, но не так уж редко их примеру следовали и мужчины, юноши, проезжие путешественники, а иногда и чей-нибудь муж. Единственным условием таких связей было то, что в результате не должны появляться дети. Внебрачные связи были не так уж важны сами по себе, если брак был крепким. А брак, как правило, бывал крепким. Теоретически он мог распасться в любое время. Практически же браку сопутствовали такие «узы чести», что тот, кто разрушал их без взаимного согласия, рисковал навсегда потерять уважение друзей и близких.

Джоссерека поразила мысль, что их связь с Донией может быть для нее просто случайностью. Он не осмеливался спросить, так ли это. Вместо вопроса, он сказал, что на его родине две или больше женщины под одной крышей нипочем бы не ужились. Донию это озадачило. О чем можно скандалить? Что касается ее семьи, то у каждой женщины всегда был свой угол, свои вещи, работа, игры, развлечения, и они не вмешивались ни в чьи дела. Работы, требовавшие от них совместных усилий были организованы так, чтобы выполнять их как можно быстрее и легче. Этого требовал простой здравый смысл.

«Значит, здравого смысла у рогавикьянцев больше, чем у кого бы то ни было», — пошутил он, и тогда ему вспомнилась и ее внезапная ярость, и многое другое.

— Но многих не устраивает жизнь дома, — продолжала Крона. — Они образуют товарищества или вступают в них, чтобы ставить капканы или торговать. Они селятся на стоянках, где чувствуют пульс всей северной земли, скитаются за границей, пробуют себя в различных занятиях. Многие, по слухам, возвращаются богатыми. Некоторые становятся бродячими художниками, ремесленниками, изобретателями, учеными, они обучают книжной премудрости, собирают новые знания о природе. Другие ищут знания вне природы, такие становятся Проводниками.

Слушая ее, он испытывал интерес и удовольствие одно-

временно. Она выглядела очень привлекательно. Крона ехала рядом, одетая так же, как он, но рубашка у нее была наполовину расстегнута, а непокрытые волосы свободно развевались на ветру. Она вела себя просто и вместе с тем более сердечно, чем Дония, у которой раскованность перемежалась с приступами животной жизнерадостности и бессловесной страсти. И все-таки от Донии и остальных северян ее отличало нечто большее, чем жезл, привязанный к подпруге, или одежда завернутая в спальный мешок; большее даже, чем брошенная ею фраза о том, что она добровольно обрекла себя на пожизненное безбрачие.

— Я пытаюсь понять нечеловеческую природу, — сказала она. — Поэтому сама я должна избавиться от человеческого образа и превратиться в камень, звезду, реку или ледник.

День был безоблачный, солнечный, но прохладный из-за северного ветра. Местность снова стала безлесной. Деревья исчезли, зато появились пруды и речушки, разбросанные на большом расстоянии друг от друга. Трава превратилась в сухие бурые клочья. Гуще стали серо-зеленые заросли вереска, который цеплялся за стремена и хлестал по коленям лошадей. Кое-где попадались кусты бузины. Зайцы выскакивали из-под копыт, вспархивали вороны и куропатки, но крупных диких животных нигде не было видно.

«Эта земля бедна, почва здесь песчаная, вода не задерживается, дожди летом — редкость. Не задерживайтесь там, быстрее пробирайтесь к более плодородным землям», — советовали им фераньянцы. Интересно, что думает Крона об этом пустынном крае?

— Похоже, что люди вроде тебя находятся в постоянном движении, — заметил Джоссерек. — Вы везде желанные гости, ибо утешаете попавших в беду и помогаете воспитывать молодых.

— Мы живем ради того, чтобы узнать как можно больше, — ответила она. — А это требует единства разума и тела. Но это единство отличается от единства лошади и седока — тело и разум неотделимы друг от друга. Это единство сродни единству птицы и полета. Оно дается нелегко, чтобы достичь его, необходимы подвижничество и аскетизм. А подвижничество и аскетизм сами по себе способны создать барьер между разумом и телом. Птица должна парить и скользить, взлетать и падать. Связи с народом и даже семейные узы тоже могут оказаться обузой на этом нелегком пути. Наша цель состоит в том, чтобы добиться самоконтроля более полного, чем тот, которого люди добиваются в обыденной жизни. Если я умею

контролировать себя, как я могу не поделиться этим умением с теми, кто в нем нуждается, кто оказал мне гостеприимство? Но контроль над собой — не самоцель. Это просто первый шаг на пути к постижению истины.

— Мне приходилось встречать аскетов, которые стремились к тому же, — заметил Джоссерек. — Некоторые считают, что достигнут цели, если будут угодны Богу, который является источником всего сущего. Считается, что Бог в одной из своих ипостасей — тоже человек. Другие надеются слиться со всем сущим. По-моему, их вера близка к твоей.

Сказав это, он тут же задумался, насколько слово «вера» подходит для того, что он имеет в виду. Может быть, следовало сказать «отношение к жизни» или «видение мира»? Дония говорила ему, что семьи соблюдают собственные ритуалы, но ей были известны только ритуалы ее семьи, да и те она не захотела обсуждать. Ясно, что у жителей Рогавики отсутствовали какие-либо религиозные убеждения, равно как и мифология. Религия чужестранцев казалась Донии забавной.

Крона посмотрела на него долгим взглядом голубых глаз.

— Нет, — объявила она. — Если я тебя правильно поняла. Я слышала об идеях, о которых ты сейчас упомянул, но они мне непонятны. Несомненно, реальность — это...

Забывшись, она употребляла непонятные ему слова. Потом, заметив, что он не понимает, попыталась объяснить доходчивее, но добилась не многого. Понятия, которыми она оперировала, были для него слишком непривычны. У него создалось впечатление, что с ее точки зрения, бытие стремилось к стиранию граней между предметом познания и познающим. Познание не являлось стремлением «я» к какому-то определенному пределу, а представляло собой рост познающего... или, если выразиться более метафорично, поглощение чего бы то ни было знанием. В то же время, самое «я» не являлось монадой. Оно было динамично связано с постоянно изменяющейся Вселенной, и в то же время ни в коей мере не было бессмертным. Крона не делала различия между знанием, открытием, интуицией, логикой и эмоциями. Они были равноценны и равнозначны с точки зрения понимания и совершенствования.

Он наконец признал со вздохом:

— Опираясь на свой жизненный опыт я, кажется, с трудом, но могу понять, на что ты намекаешь. Я научился смотреть на все не просто как на пустые слова, а как на осмысленное описание Космоса и на способ существования в нем. А может, и нет. Все больше и больше я задумываюсь

над тем, смогу ли я — или какой-нибудь другой чужестранец — понять ваш народ.

— Что ж, — улыбнулась она, — вы тоже загадка для нас. Давайте попробуем получить от всего этого удовольствие.

Некоторое время они ехали молча, как старые друзья. Потом вернулась Дония. Она галопом скакала по гребню холма прямо к ним. Ее вьючная лошадь немного приотстала. Ветер доносил запах пота. Глаза Донии горели зеленым огнем на застывшем бледном лице.

«Что-то случилось», — подумал Джоссерек. По коже пробежал мороз. Крона оставалась безразличной.

— Там бродяги! — выкрикнула Дония. — Их с дюжину или больше! Похоже, они увидели меня раньше, чем я их. Когда я их заметила, они уже неслись ко мне.

Крона посмотрела по сторонам. Взгляд ее скользил по пустынной местности.

— Нам даже негде укрыться, — сказала она. — Мы у них в руках.

— Скорее я воткну в себя нож, чем сдамся им! Попробуем взять на север. Уже недалеко территория Зелевея. Мы поищем помощи там или, хотя бы доскачем до вспаханной земли — на пахоте им труднее будет преследовать нас. Это лучше, чем петлять по фераньянской пустоши. — Дония расхохоталась. — Если уж нам удается обгонять диких кошек, то нам удастся отделаться и от этих бандюг. Их кони тощие и заморенные, но у каждого по три-четыре запасных. Вперед!

Она пустила лошадь быстрой рысью. Животные выдерживали большие перегоны, если менять аллюр. Сейчас им предстоял путь в несколько миль. Джоссерек скакал рядом с Донией. Перекрикивая свист ветра, грохот копыт, храп лошадей, он спросил ее:

— Чем эти бродяги опасны?

— Они из тех, кто не может ужиться со своим народом и начинает за ним охотиться, — мрачно ответила Дония. — Они прячутся на заброшенных пустошах, устраивают засады, нападают на путников. Нас преследуют женщины. И горе тому, кто попадется им в лапы. — Она прикусила губу. — Однажды мы нашли девочку, которую они поймали. Перед смертью она рассказала о том, что с ней делали. Мы собрали отряд и хотели покончить с ними, но они рассыпались по равнине, и нам удалось поймать только троих. Мы приколотили их гвоздями к деревьям и так оставили. Может быть, поэтому они больше не совались в Гервар.

Он вспомнил, что слышал об этом в лагере. Последовавшие за тем разговором события вытеснили это у него из головы.

— Если ты знала, что в этом районе орудуют бродяги... — начал он.

— Было маловероятно, что они на нас нападут, — отрезала она. — Это просто невезенье. А теперь — вперед!

Появились бандиты. Они скакали нестройной группой. До них было мили полторы, и криков еще не было слышно.

«Двенадцать, — подсчитал Джоссерек. — И много запасных лошадей. После того, как наши кони устанут, нам от них не уйти. Но нас трое. Неужели мы не сможем ничего сделать? Черт бы побрал эту голую равнину! Если бы нам удалось найти укрытие, мы могли бы расстрелять их из луков или в узком месте уничтожить по одной или по двое. Но место, как назло, совершенно открытое...»

Баромьянским воинам Сидира такая западня нипочем. Хорошо вооруженные, одетые в доспехи, тренированные, они разобьют банду и скормят бродяг псам. И потом продолжат свой путь и очистят землю от им подобных. А эти рогавикьянцы не могут собрать один полицейский отряд! Возмущение от того, что он может погибнуть так нелепо, горькой желчью разлилось во рту. Это общество — одна из ошибок истории. Оно должно исчезнуть в результате естественного отбора.

— Йоу, хо-оо, ррра-оу! — раздалось где-то впереди.

Двое огибали слева холм, который лежал на пути у Джоссерека. Они ехали на косматых мустангах, сменных лошадей с ними не было. Эти двое совершили бросок наперерез.

Дония выхватила стрелу, натянула лук и выстрелила. Тетива зазвенела. Стрела метнулась в сторону бродяг, но не достигла цели. Всадница уклонилась, соскользнув с седла и повиснув на одной ноге. Потом она снова выпрямилась и рассмеялась резко и грубо.

Ее напарница подъезжала все ближе. У нее был лук, а первая вооружена пикой. Волосы у обеих были настолько спутаны и так грязны, что Джоссерек не мог разобрать, белые они или просто русые. Копоть, засохшая кровь и жир покрывали кожу. Груди передней всадницы болтались при скачке, ребра на ее боках, казалось, можно было сосчитать без особого труда. На одной были кожаные брюки с ножами за поясом, за плечами второй всадницы развевался плащ.

— Йе-йа-ах! — закричала она и пустила стрелу, целясь в лошадь.

Стрела попала в цель. Запасная лошадь захрипела и упала.

«Эта пара дьяволиц уложит нас здесь отдыхать», — подумал Джоссерек. Он натянул поводья и вонзил каблуки в брюхо лошади. Та встала на дыбы. Он бросился в атаку.

— Идиот!.. — услышал он крик Донии.

Все громче раздавались насмешки фурии. Ее глаза горели над впалыми щеками белым огнем, разинутый рот брызгал слюной.

— Эй, иди, иди сюда! Смелее. Быстро мы тебя не убьем. Мы пришпилим тебя копьями к земле и поиграем... кастрируем тебя, годится?... Йо-йе!

Лошадь у нее была норовистая, и он никак не мог заставить свою приблизиться к ней.

Кружа вокруг нее, он заметил, что к ним мчится Дония. За ней скакала Крона, пытаясь справиться с забеспокоившейся запасной лошадью. А предводительница разбойниц все сокращала расстояние.

— Джоссерек! — звала Дония. — Вернись! Помоги Кроне! Здесь от тебя нет никакой пользы.

Она обогнала его, круто остановила лошадь и бросив злобный взгляд на разбойницу, с насмешкой спросила:

— А со мной ты не хочешь поиграть, свинья?

Лучница взвизгнула, развернула лошадь и помчалась прочь. Ее напарница последовала за ней.

«Они изуродовали бы меня. Просто так, ради спортивного интереса, — понял Джоссерек, после того, как все это услышал. — А женщин они не станут убивать сразу. Но все равно убьют. — Он был уже склонен не подчиниться Донии. — Я должен... нет. Она знает, что делает. Может быть, просто хочет быстро и легко умереть.»

Он вернулся. Раненая лошадь все еще пыталась вырваться и убежать, она рвалась и Кроне никак не удавалось с ней справиться. Джоссерек изо всех сил схватился за уздечку. Через минуту Кроне удалось утихомирить лошадь.

Рана была неопасной, но нужно было срочно принимать меры. Они снова пустили лошадей рысью. Расстояние между ними и преследователями сократилось вдвое. Мысленно Джоссерек был рядом с Донией.

Она неслась по пустоши. Те двое сквернословили и насмехались позади нее. Впереди маячил высокий куст бузины. Дония мгновенно развернулась перед ним. Вот когда пригодились долгие часы тренировок! А две сумасшедших бабы не смогли так быстро остановиться и проскочили вперед справа и слева от куста. Дония пустила лошадь вслед за ними, управляя коленями. В обоих руках сверкнуло по ножу.

Один вонзился в спину лучницы, распоров тело снизу вверх, другой угодил в бок ее напарницы между грудной клеткой и бедренной костью. Обе рухнули на землю. Лучница неподвижно лежала в траве, другая, воя и харкая алой кровью повалилась в колючий кустарник.

Пустив лошадь галопом, Дония присоединилась к своим путникам.

— Держи, — она бросила поводья Джоссереку. — Ты поведешь мою лошадь, а я поеду на раненой, пока она сможет двигаться. Потом мы ее прикончим. — Она прыгнула на спину раненой лошади.

— Галопом! — прокричала она.

Ощущение мощного ровного движения овладело Джоссереком. Ветер свистел в ушах, выдувая слезы из глаз. Он бросил взгляд назад и увидел, что преследователи отстали. Они равнодушно отнеслись к потере товарок. Но через некоторое время они прокричали что-то друг другу и остановились. Он видел, как они спешились, перенесли свое незамысловатое снаряжение на свежих лошадей и подтянули стремена.

Рана лошади Донии кровоточила, она спотыкалась. Джоссерек слышал ее мучительное дыхание.

— К ночи они нас догонят, — холодно констатировала Крона.

— Мы будем держаться вместе, верно, Джоссерек? — спросила Дония. — Мы еще отправим несколько из них на съедение муравьям. Но поклянись, если увидишь, что я в безвыходном положении и ничего не могу сделать, ты меня убьешь. Я обещаю тебе то же самое. Сдаваться нельзя. Если они одолеют, лучше искать спасения в смерти.

Крона хранила молчание. Джоссереку было интересно, поступит ли она так же, как они с Донией, или примет пытки и унижение, как последнее испытание твердости духа. Но почему нужно выбирать между пытками и смертью? В сознании у него забрезжил выход из положения.

— Дония! — закричал он, глаза у него возбужденно блестели. — Крона, мы можем с ними справиться!

Дония изумленно уставилась на него, проводница же осталась безучастной. Так же мерно стучали копыта лошадей.

— Каким образом? — спросила Дония.

— Надо поджечь траву. На равнине она быстро загорится, а ветер дует прямо на них. Быстрее!

Горечь послышалась в голосе Донии.

— Я боялась, что ты это предложишь, — сказала она так тихо, что скрип седла почти заглушил слова. — Нет. Унич-

тожить землю... добровольно? Нет. Я сама тебя убью, если ты это сделаешь.

Его взорвало.

— Ты тайный агент Империи! — взревел он. — Ты начнешь когда-нибудь думать? Мы, только мы одни, можем предупредить северян о планах Сидира. — И уже обращаясь к Кроне: — Если рогавикьянцы не сдадутся, баромьянские всадники уничтожат все стада на северных землях. Перебьют всех животных. И у них есть все возможности сделать это. Неужели это известие не стоит нескольких квадратных миль равнины, которые снова зарастут травой?

Дония застонала, Крона закрыла рукой лицо. Пальцы ее так напряглись, что выступили сухожилия на тыльной стороне ладони и побелели костяшки. Когда она открыла лицо, ее Джоссерек едва расслышал ее за грохотом копыт:

— Он говорит правду. Мы должны так сделать.

Прошла еще минута, прежде чем Дония выдохнула:

— Да, пожалуй.

Джоссерека захлестнуло ощущение первой, пусть и не очень значительной победы.

Он не ожидал, что хотя бы одна из них пойдет на это. Он осадил лошадь, сорвал несколько веток с куста и набрал немного хворосту. Это заняло немало времени. Не сразу ему удалось зажечь сухую листву, но вскоре огнем был охвачен весь пучок.

Теперь Джоссерек поскакал, делая зигзаги. Он наклонялся то влево, то вправо, касаясь своим факелом травы и кустов. Поднялось зарево. Оно волной расходилось от Джоссерека, двигаясь в сторону преследователей. Пламя вздымалось и клокотало, дым вскипал, словно морская пена, пепел клубился над обуглившейся землей. Сквозь гарь он с трудом разглядел, как отступали бродяги. Их неистовые вопли едва слышались в гуле пожара.

Они, должно быть, обогнули горящий участок, и теперь огонь окружал их со всех сторон. Они явно были ненормальными. Те, кому было уже нечего терять, горели заживо. Остальные пытались вырваться из огненного кольца, но пламя настигало их.

Ненормальные? Джоссерек подумал об этом и остановился. Лошадь дрожала и тяжело дышала под ним; глубокое, болезненное дыхание — так же дышала лошадь Донии. Ветер с ледника развевал гриву, обдувал пот, блестевший на крупе. Вой ветра перекрывал рев пожара.

«Если женщины действительно сумасшедшие, то сумасше-

ствие у них чисто рогавикьянское. И... наверное, они оставили нас в покое, не потому, что спасовали перед пожаром. Они до смерти перепугались. Они, вероятно, считают, что тот, кто способен поджечь землю, слишком страшен, чтобы иметь с ним дело. Как бы там ни было, они ведь тоже жители Рогавики.»

— Дело сделано. — Несчастный голос Кроны был едва слышен, словно она находилась где-то очень далеко.

И тут он почувствовал, что готов принять решение.

— Нет, — возразил он, обращаясь к ним обоим. — Все только начинается.

— Что ты имеешь в виду?

Он высоко поднял голову.

— Я имею в виду, что больше не позволю никому указывать мне. Дония, мы должны рассказать на стоянке и в лагере все, что мы знаем. Неважно, если это их разозлит. Известие, которое мы несем, не должно умереть вместе с нами, как это едва не случилось сегодня. Может быть, это единственное, что сможет их объединить. Вы, северяне, не солдаты. Но прошло то время, когда ваши люди могли заботиться только о собственных домах. Когда на кого-нибудь из ваших нападали, ему на помощь в лучшем случае приходили добровольцы из других семей. Даю руку на отсечение, они больше искали приключений, нежели действовали осознавая, что сегодня помогут они, а завтра помогут им. Теперь вы должны измениться, или вас ждет разгром. Все северяне, от Диких Лесов до Тян-Шана, должны объединиться, чтобы дать отпор врагу. И они не могут позволить себе спокойно кочевать за своими стадами, ожидая, пока соберется общее собрание и что-то там решит. Они должны сплотиться как можно быстрее. Ты слышишь меня, Дония?

XIV

Сидир задержался в Аулхонте на три дня, хоть знал, что армия его недоумевает, что поползли уже слухи. Но вот курьер принес сообщение, которое стронуло его с места.

— ... да, сэр, отряд из полка Золотого Ягуара...

— Какой именно отряд? — прервал его Сидир.

— Отряд Копья Кхалла. Они натолкнулись на банду местных жителей, более многочисленную, чем обычно. Полковник Фелгэй полагает, что охотники начали объединяться. Как обычно, они атаковали сразу, не вступая в переговоры, и на-

несли нам тяжелые потери. Понимаете, сэр, у них завелось новое оружие: они таскают с собой гнезда шершней и забрасывают их в гущу наших порядков. Когда лошади разбегаются куда попало, они вырезают солдат, причем каждый справляется с тремя-четырьмя нашими. Бок о бок с мужчинами сражаются женщины, на их счету почти половина убитых. Оставшиеся в живых отступили, перегруппировались и послали за подкреплением. Тем временем противник занял позицию на голой скале. Целому полку не удалось выбить их оттуда. Взять высоту можно только с большими потерями. Полковник Фелгэй послал меня сообщить вам об этом и получить дальнейшие указания.

«Отряд Копья Кхалла, один из самых лучших моих отрядов разбит кучкой дикарей», — пронеслось в сознании Сидира.

— Мы можем держать осаду скалы, пока они там все не вымрут, сэр, — предложил гонец. Это был кривоногий, невысокого роста ветеран-баромьянец старой закалки, который говорил то, что думал, не особо считаясь с мнением офицеров. — Но это задержит нас: потребуется много людей, чтобы удерживать их от вылазок, которые могут дорого нам обойтись.

— Ага, — Сидир потер подбородок. — Отсюда до того места дня полтора езды. Попробуй отдохнуть хоть немного. Через час мы выезжаем. — Он отдал приказ своему адъютанту по-рагидьянски: — Подготовьте свежих лошадей и конвой из гм-м... шестерых.

— Как, сэр? — запротестовал тот. — Так мало?

— На этой земле дьяволов я предпочитаю не лезть с советами к Главнокомандующему, — сказал гонец. — Мы очистили дорогу вдоль реки, за нами чисто. Ведь я добирался сюда один.

— Шестерых, — повторил Сидир. — А теперь вы свободны. Оба.

Оставшись в главной комнате один, он дал волю эмоциям. Вокруг лежали земли Гервара. Может быть, среди тех бандитов была и Дония? Он почувствовал дрожь в коленях, чуть-чуть, самую малость.

«Глупо, глупо! Все говорит против такого предположения». — Неуверенность смазала забрезжившую надежду. — «А все-таки почему бы не предположить, что она отправилась домой? Ведь в этих местах она обычно зимует. Это и есть сама зимовка. И у меня есть шанс показать ей, как бережно я отношусь ко всему, что ей принадлежит.»

В любом другом месте он приказал бы своим людям все разорить, разграбить и сжечь дотла. Когда наступят холода, люди-волки поневоле внимут голосу разума. Тогда им придется занимать те жилища, которые он позволит им занять. Это могло бы сработать в нетронутых районах. «Могло бы, могло!»

Но когда Инил ан-Гула, агент в Фулде, сказал, что иногда бывал у Донии по делам и может провести имперцев в ее зимний сад, Сидир лично возглавил поход и приказал своим людям не причинять никакого вреда никому и ничему. Он нашел этому разумное объяснение; такие добротные строения могут послужить хорошей базой для дальнейших операций. Потом, когда стемнело, он разыскал в доме огромную кровать, на которой она наверняка спала...

Он расхаживал по туземному ковру, на стенах висело туземное оружие, таинственные фрески смотрели на него, любимые вещи Донии окружали его: книги, лампы, вазы, корзины, безделушки. Сквозь окна под самым потолком сюда проскальзывали солнечные лучи. В теплом воздухе стоял слабый запах кожи, которой были обтянуты подушки кровати. Его переполняло сознание, что все это принадлежало Донии. Он так и не узнал, что у нее за душой до той последней ночи, когда она хотела перерезать его горло. Как бы ему хотелось прочитать эти рогавикьянские страницы, но он не умел.

«Я не могу здесь больше оставаться, — с усилием признался он самому себе. — Мне вообще не следовало сюда приходить. Работа в штабе должна завершиться прежде, чем я отправлюсь в поход... прежде, чем степной ветер выдует из меня эту навязчивую идею. А если мы не отправимся в ближайшее время, лучше подождать до следующего года. Летом дорога в Рунг будет слишком трудна; а зима в краю ледников наступает быстро.»

Он надеялся, что это вторжение принесет Империи не только небывалые трофеи, не только позволит выбить врага из края, где находятся основные месторождения металла. Разве боевой дух не нуждается в победах? А он сам? Разве его стремление к победе совместимо с отказом от великого похода? Он уже чувствовал едва заметную неуверенность в войсках — дисциплина была по-прежнему на высоком уровне, боевой пыл не ослабел, но смеялись солдаты все реже и реже, и все чаще проявляли излишнюю осторожность, а когда он по ночам завернувшись в плащ ходил по лагерю, то слышал, как они говорят о доме...

«Тогда чего ради я здесь торчу? Нет, я отправлюсь в полк

Золотого Ягуара. Там можно лицом к лицу встретиться с крупными силами рогавикьянцев, там я узнаю хоть что-нибудь полезное. А потом я направлюсь прямо в Фулд. Хотя, если Дония среди них...»

Нет!

Сидир ударил кулаком в ладонь, повернулся на каблуках и вышел из комнаты. Через час он уже был в пути.

Они быстро ехали по широкой, выбитой копытами тропе, идущей на запад вдоль реки Стальон. За века колеса повозок проложили по обе стороны тропы глубокие колеи. Это был Сандог Трейс — главный торговый путь, пересекающий территорию, чьи размеры по сравнению с Империей были мизерными. Гонец легко отыскал его по звездам. Казалось, он совсем не устал, ехал быстро, да и стража не отставала: их подогревало желание честного открытого боя, им надоели постоянные засады и ловушки.

Утро бодрило. Маленькие облачка плыли в головокружительной высоте неба, ласточки с цвиканьем рассекали воздух. Вода блестела, у берега, в густых зарослях камыша играла рыба, блестя светлым, как лезвие сабли, боком. Щедрая земля зеленела вокруг, трава и купы деревьев источали запах свежести и обновления. В двух милях поодаль спокойно паслись дикие олени.

Страна Донии.

— Эх, — вырвалось у одного стражника когда они остановились, чтобы дать отдых лошадям. — Когда мы разберемся с ними, я бы поселился где-нибудь здесь, прямо вот на этом месте. Какое было бы ранчо!

— Подожди продавать то, что у тебя в Бароме, дружище, — посоветовал гонец. — Я думаю, что еще лет десять в северных землях нельзя будет селиться.

— Почему?

— Из-за местного населения. Из-за чего же еще? Пока не умрет последний из них — самый последний, не исключая грудных младенцев, — каждую минуту можно ожидать, что тебя прикончат.

— Ха, послушай-ка...

— Нет, это ты послушай. — Гонец поднял палец. — Я не хочу тебя обижать, но ведь ты провел большую часть времени в гарнизоне, а я был в поле. И уж я-то их изучил.

— Им не выстоять, — вмешался другой стражник. — Я участвовал в Хозенской компании. Тогда мы тоже думали, что дикие племена никогда не сдадутся. Вы не видели войны, если никогда не стояли перед тысячей размалеванных дьяво-

лов, готовящихся к смертельной атаке! Но три года спустя я прелестно проводил там время с самой хорошенькой темнокожей девушкой из тех, что когда-либо украшали травяные хижины. И мне было жаль уезжать оттуда.

— Что ж, я расскажу вам о здешних женщинах, — ответил гонец. — Если вам удастся поймать хотя бы одну из них, стреляйте не раздумывая.

— О, они такие злючки?..

— Послушайте меня. Я слышал об этом от других мужчин, да и сам был свидетелем кое-чему. Местные женщины — сущие дикие кошки, они спят и видят, как бы вас убить. Приставьте ей к горлу нож, и она сама напорется на лезвие, вопя, что рада умереть, если сначала сможет выцарапать вам глаза. Бейте ее, сажайте в клетку или обращайтесь как с королевой, она все равно будет драться. Свяжи ее, но когда ты ее оседлаешь, она лбом разобьет тебе нос, а зубами вырвет кусок твоей щеки. Единственный способ — это лишить ее сознания или связать так, чтобы она не могла пошевелить даже мизинцем. Но какое тогда от нее удовольствие? Ведь тогда она все равно что покойница, верно? Сэр, — обратился он к Сидиру, — не могли бы вы привезти сюда приличных проституток из Арванета?

Охранник запустил пальцы в нестриженную шевелюру и сказал озадаченно:

— Но ведь все торговцы, все до одного, рассказывают о местных шлюхах или о том, как здешние девицы отдавались мужчинам ради собственного удовольствия.

— Мы здесь завоеватели, оккупанты. — Гонец сплюнул. — Это разные вещи. Привить культуру северянке, все равно что приручить скорпиона. Их всех нужно выселить отсюда. Изгнать.

Сидир слушал их и все больше мрачнел.

— Это свирепый народ, — медленно вымолвил он. — Я достаточно повоевал, и когда-то интересовался историей. Многие народы клянутся, что будут сражаться до последнего мужчины, но никогда этого не делают. Никто никогда еще не говорил, что они будут драться до последней женщины или до последнего ребенка. — Он резко поднялся. — А теперь — вперед!

К вечеру они были на месте. Холм располагался в нескольких милях от реки. Весь склон размером с плац-парад был изрезан бледно-желтыми известняковыми слоями. вокруг было пустое пространство, и уже одно это говорило о том, что здесь случилось. Солдаты унесли убитых и раненых после не-

прерывных жестоких атак. Время от времени между двумя каменными глыбами мелькала голова дозорного; иногда солнечный свет вспыхивал на обнаженном клинке. Но ничто не нарушало тишину, лишь изредка по склону с шорохом сыпались мелкие камешки. Даже шум, неизбежно создаваемый вооруженными людьми, был почти не слышен, терялся под эти небом. Лязг оружия и шелест знамен казались ничтожными шорохами в этом бесконечном пространстве.

— Я предложил им хорошие условия сдачи. Все, что мог, согласно приказу Главнокомандующего, — сказал Фелгэй. — Мы отведем их в резервацию, обеспечим всем необходимым, оставим лишь пару заложников. Но когда наш парламентер кончил читать условия, они пронзили его стрелой. Прямо под белым флагом, сэр! Если бы мы больше нигде не были нужны, я держал бы их здесь, пока они не передохли бы от голода и жажды.

— Другой подход мог бы оказаться удачнее, — ответил Сидир. — Я разделяю ваш гнев, полковник, но мы не можем приносить своих людей в жертву мести. Понятие перемирия явно им незнакомо. А что такое сделка, они знают — вспомните, как они торговали в мирное время. Я хочу попробовать...

Из веток, пучков травы и кольчуг для него соорудили заслон, такой большой, что его должен был нести перед Сидиром целый расчет. Он встал под скалой и крикнул в рупор:

— Дония Гервара среди вас?!

С мгновение он слышал только удары своего сердца, да тонкий свист ветра на острых кромках скал. Потом мужской голос по арванетски с акцентом спросил:

— Кто ее спрашивает?

— Я командую этой армией. Я знал ее, когда она была на юге в последний раз. Я Сидир из клана Шалиф. Здесь она или нет, и будет ли она со мною говорить?

— Ее здесь нет и она не стала бы с тобой говорить.

Сидир затаил дыхание. Сердце забилось громкими редкими ударами. Что ж, остается только вернуться в штаб.

— Выслушайте. — потребовал он. — Вы знаете, что вам оттуда не вырваться. У вас нет резервов. С вами жены, дети, старики. Неужели они должны умереть среди этих камней?

— Это лучше, чем умереть в загоне для скота.

— Выслушайте меня! Неужели мы — зверь и мясник, а не человек и человек? Я хочу сделать вашему народу предложение, продиктованное доброй волей. Я предлагаю вам вот что: вы можете оставаться свободными. Сложите оружие, не

применяйте его против нас, и мы вернем вам ваших животных и имущество. Только оставьте эти места. Идите на запад и расскажите своим собратьям, которых встретите по дороге, что Сидир прибудет в любое место, куда они захотят, если будут говорить о мире. Скажите это Донии.

— Мы должны это обдумать, — сказал рогавикьянец после некоторого молчания.

Солнце село, на западе догорала последняя оранжевая полоска заката. На востоке уже загорались первые звезды, когда тот же голос объявил:

— Мы согласны. Дайте нам пройти.

В прохладных голубых сумерках, низко над темной землей чертили свои зигзаги ласточки, где-то затявкали койоты. Сидир видел лишь тени рогавикьянцев, но вот они вышли на свет — факелы были высоко подняты над головами солдат, образовавших две сплошные стены. Впереди шел седой мужчина, — похоже, он разговаривал с Сидиром — и крупная женщина. Оба были одеты в оленьи шкуры, у обоих на лицах не было ни тени страха. Позади шли молодые охотники, мужчины и женщины, старики, подростки, матери вели за руки детей — некоторые громко плакали, другие шли молча, с широко открытыми глазами. Молодые матери несли на руках младенцев, беременные несли в своих телах еще нерожденных. Всего их было около двухсот человек.

Сидир расхаживал средь копий и доспехов своих солдат. Довольный, он поднял руку и приветствовал недавних врагов.

— Добро пожаловать! Я здесь хозяин...

«Йа-а!» Передние бросились на него. В руках у них сверкнули ножи. Рогавикьянцы налетели и справа и слева. Сидир едва успел выхватить пистолет, убил мужчину, но женщина смогла бы дотянуться до него, если бы охранник не размозжил ей голову. Начался хаос. Взрослые северяне убивали по два-три имперских солдата, прежде чем сами падали замертво.

Сидир не мог винить своих воинов за то, что они убивали детей, так же, как они давили бы едва вылупившихся детенышей гремучих змей. Может быть, во всеобщей неразберихе нескольким туземцам и удалось ускользнуть, но таких было немного.

Стоя среди мертвых солдат при тусклом свете факелов, он с болью подумал:

«Неужели они все с рождения сумасшедшие? Что еще можно сделать, кроме как вырвать их с корнем и очистить от них мир?»

XV

За три дня до того, как они добрались до стоянки Данхет, Джоссерек и Дония добились, наконец, расположения Кроны.

Все это время Джоссерек чувствовал, как растет в нем досада на его спутниц.

Когда он освещал фонарем спины тех женщин-бродяг, ему казалось, что его терпение вот-вот лопнет. Он не испытывал ничего подобного с тех пор, когда еще мальчишкой стоял перед судьей в Ичинге. Это чувство было хуже ненависти. Он продолжал путь, стиснув зубы. На стоянке он мог бы получить средства для поездки домой и заодно расспросить о дороге.

Уже на второй вечер Крона отвлеклась от своих размышлений и мягко обратилась к нему с каким-то вопросом. Она перестала дичиться и все чаще проявляла искренний интерес и дружеское участие к своим спутникам. На пятый день пути они добрались до Данхета, и в эту ночь Дония сама предложила себя Джоссереку.

Утром шестого дня они попрощались с хозяевами стоянки и с Кроной, расцеловав ее на прощание. В этих районах рогавикьянский дух чувствовался гораздо сильнее, чем в любом другом месте, где Джоссереку доводилось бывать раньше. Луна была уже в третьей четверти, и на равнинах было светло даже глубокой ночью.

На седьмую ночь Дония была медлительнее и задумчивее, чем обычно. Она часто тихонько улыбалась, смотрела на звезды, приподнявшись на локте, ерошила ему бороду. Если верить тому, что им рассказали в Данхете, к утру они должны были встретить какую-нибудь из семей Аулхонта. Он неловко попытался снова пробудить в ней нежность, хотел сказать, что все равно всегда будет заботиться о ней, но она не дала произнести эти слова. Она всегда уходила от этих разговоров. Он думал, способна ли она — или кто-нибудь еще из ее народа — смотреть на другого человека так, как он смотрел на нее.

На рассвете они быстро собрались и выехали, не разговаривая на эту тему. На равнине солнечные пятна перемежались с тенями облаков, стало немного прохладней. В стороне от дороги темнели сосновые рощицы, ивы свешивали свои ветви над болотами, заросшими брусникой, трава серебрилась на складках холмов, как шерсть здорового животного. От земли поднималось тепло, в воздушных потоках парил орел, рысь

грелась на скале, жеребец с гривой, развивающейся как флаг на ветру, вел табун своих кобылиц все дальше и дальше. Жизни здесь было в миллион раз больше, чем в других, даже более обширных краях. «Как все здесь радуются новому лету», — подумал Джоссерек.

Один раз они увидели вдали всадников.

— Это дозор, чтобы захватчики не застали врасплох, — решила Дония. В Данхете хорошо знали о частых набегах имперцев. И половины дня не проходило без нападения, но когда к рогавикьянцам подходило подкрепление, чужаки отступали. Дония злобно выругалась, когда узнала, что враги не только совершают опустошительные набеги на стоянки, а кроме того устраивают хорошо организованные облавы на крупных животных.

— Ты что, не хочешь узнать последние новости? — спросил Джоссерек, но Дония продолжала скакать в прежнем направлении, не обращая внимания на дозор.

— Мы скоро приедем.

В полдень они достигли цели путешествия. Палатки, фургоны, стада животных, люди образовывали вокруг пруда, заросшего кувшинками, лагерь.

— Э, да они-таки образовали союз, как мы и слышали, — произнесла Дония. — Ну что ж, так безопаснее. — Здесь Аулхонт, Вайлдгэйт, Дьювол Дэйл... Хэй! — И она пустила свою лошадь галопом.

Людей было много. Сегодня либо вообще никто не пошел на охоту, либо ушедших было очень немного. Большинство занималось забоем скота и готовились, чтобы двинуться дальше. Джоссерек заметил, что сам забой был поручен отдельным людям или группам родственников, которые занимались своим делом в нескольких ярдах друг от друга. На него и Донию они бросали короткие взгляды, немногословно приветствовали, когда они проходили мимо, хотя Джоссерек был чужестранцем, а Дония явилась после долгого отсутствия. Люди полагали, что если им понадобится помощь или сочувствие, они сами обратятся к кому надо, а навязывать что-либо, пусть даже из лучших побуждений, невежливо. Это было мало похоже на прием, оказанный путникам в Братстве Равен Рэст, но тогда и ситуация была иной, включая само их появление. Но здесь Донию ждала семья, поэтому она не останавливалась, чтобы перекинуться с кем-нибудь парой слов, да никто от нее этого и не ждал.

Около своего шатра она осадила лошадь. Шатер — больше и красивее большинства остальных — был сделан из вощеного

шелка, а не из кожи. На главном куполе развевалось знамя — серебряное шитье на темной ткани. Родственники Донии были заняты на улице: резали скот, обдирали его, скоблили шкуры, готовили на костре еду, чистили доспехи; несколько мальчиков тренировались в стрельбе из лука, не из охотничьего, а из боевого, девочки кидали ножи или тонкие стилеты; маленькие дети ухаживали за грудными младенцами. Вокруг костра лениво развалились ленивые собаки, с насеста поглядывали соколы. Было на удивление тихо. Подойдя поближе, Джоссерек увидел, что работающие люди негромко переговариваются друг с другом, иногда обмениваются улыбками или дружескими жестами, но шума и суматохи, обычно свойственных дикарям, не было и в помине. Пожилой мужчина, слепой и лысый, сидел на складном стуле, сжимая в руке палку с набалдашником в виде змеи. Он пел для работающих, голос его был сильным и чистым.

Когда подъехали гости, он замолчал, почувствовав перемену. Мгновенно повсюду стало совсем тихо. Тишина установилась сразу, так бурный поток, попадая в запруду, сразу же затихает. Потом один высокий мужчина оторвался от своей работы. Работа была нелегкой, поэтому он был совершенно раздет. Несмотря на то, что его рыжие волосы и борода были тронуты сединой, на вид ему было лет тридцать, а то и меньше. Его тело, если не считать сморщенного шрама на правом бедре, было телом молодого человека.

— Донія, — сказал он тихо-тихо.

— Ивен, — так же тихо ответила она и спешилась.

«Это ее первый муж», — вспомнил Джоссерек.

Донія и Ивен взялись за руки и с минуту смотрели друг другу в глаза. Потом они двинулись к другим членам семьи. Муж Орово, некогда он добывал металл в Рунге, коренастый блондин; муж Беодан, еще молодой человек, заметно моложе ее, худой и слишком смуглый для северянина; муж Кириан, чьи рыжие волосы были заплетены в косы — он был лишь на год старше ее старшего сына. Младшие дети по праву сразу бросились в объятия матери, она перецеловала их всех: Вальдеванию, которой было четыре года, Лукеву, семи лет от роду, Гильеву, одиннадцати лет. Сыну Федору было уже пятнадцать, он мог и подождать немного, как и Жано, у которого уже была жена и ребенок.

Когда Джоссерек увидел, как все они окружили Донию, гордую своей большой семьей, он вспомнил миф народов Фелинского океана. Миф об Эле, чудесном дереве, плоды кото-

рого олицетворяли Семь Миров. Когда наступит конец света, шторм Хидран сорвет их с ветвей.

Он услышал радостную скороговорку Кириана: «Мы что, должны ждать до захода солнца, пока ты пригласишь нас домой?» Он также слышал, как она ответила: «Жди своей очереди, а очередь...» Джоссерек не разобрал конца фразы.

Беодан обнял ее сзади, запустив ладони под рубашку. Он тоже говорил что-то, чего Джоссерек тоже не мог понять, но слова мужа заставляли ее рычать, как счастливую львицу. «Да, я читал, мне говорили, — вспомнил Джоссерек, — у здешнего народа был свой диалект, поколение сменяло поколение, пока этот диалект не превратился в абсолютно новый язык, на котором говорят только люди их крови. Вот уж не думал, что это так сильно заденет меня.»

Когда он подумал, что Дония отсутствовала четверть этого жестокого года, даже не зная, кто из ее близких жив, а кто нет, он решил, что все вели себя очень сдержанно.

«Из-за меня, — подумал он. — Или, может быть, не только из-за меня? Ведь здесь и другие люди.»

Ближе остальных к ней стояли четверо одиноких родственников, которые тоже входили в число ее домочадцев. «Нет, — признал он, — одинокими их не назовешь — служанка, чей взгляд обещает много чего, решительная женщина — охотница, умелый плотник, властный управляющий.» Потом Донию приветствовали члены других семей. Насколько он мог судить — а разобраться во всем этом становилось все труднее и труднее — их отношение к Донии подтверждало, что она их вождь. «Нет, «вождь» — не то слово. Ни один рогавикьянец никогда ни над кем не властвовал». Позднее он обнаружил, что даже отношения между родителями и детьми складывались на добровольной и взаимной основе, хотя распространение родственных связей сглаживало острые углы. Все жители Аулхонта и большая часть жителей Гервара очень высоко ценили ее совет, соглашались с ее решениями, считались с ее действиями. Ее возвращение доставило всем огромную радость.

Им нужно было, чтобы кто-нибудь вдохнул в них веру в победу. Очень долго они рассказывали о том, что произошло в последнее время. Гарнизоны противника овладели всем течением реки Югулар. Солдаты продвинулись еще дальше, они свирепствовали, жгли, убивали. Сопротивление стоило северянам многих жертв, изрядно ослабило их, но они не покинули этих мест. Каждая стычка делала их опытнее и мудрее, каж-

дый следующий бой все дороже обходился врагу. В руках имперцев оказался личный зимний сад Донии и его окрестности. Несколько дней назад они согнали с насиженных мест два братства — Броукен Экс и Фалрмур. Это известие получено от пленных имперцев. Члены арванетской Гильдии были либо подкуплены, либо испугались мести. Как бы то ни было, они охотно сообщили, что вождь захватчиков планирует пройти на восток через тундру и захватить Неизвестный Рунг.

Возвышаясь над своими людьми, которые сидели на земле, Дония кивала головой.

— Ничего утешительного я и не ожидала, — спокойно сказала она. — Джоссерек прав. — Между делом его успели представить. — Ни один народ не в состоянии в одиночку одолеть этих волков. Надо собрать общее собрание земляков, но не в конце лета, а сразу, как только будут оповещены собратья в Сондр Кэттл.

— Это возможно? — мягко, как обычно, спросил Ивен.

Губы Донии сделались тонкими, едва прикрывая зубы:

— Я расскажу вам все, и вы поймете, что это необходимо. — Она тряхнула головой, широко раскинула руки и воскликнула: — Но не сейчас. Прежде чем я сообщу вам эту страшную весть, пройдет день и ночь. О, отцы моих детей... — дальше Джоссерек не понял ни того, что говорила она, ни того, что ей отвечали. Он стоял, чувствуя себя совершенно одиноким.

Пока ее люди готовили еду, питье, лампы, меха, палатку, фургон, лошадей, пока им весело помогали их друзья, Дония играла со своими детьми и внуком. Несколько человек подошли к Джоссереку. Они разговаривали с ним охотно, но, как он и предполагал, сдержанно, предлагали свои услуги и помощь.

Когда Дония удалилась со своими супругами, начали прибывать люди Вайлдгейта и Дьюфола Дэйла, чтобы встретиться с гостем.

Лагерь погрузился во тьму, и на небе высыпали звезды, когда единственная сестра Донии, Никиттэй-охотница, отвела Джоссерека в сторону и прошептала:

— Она спросила меня, хочу ли я. А я очень хочу.

— Не этой ночью, — выдавил он. Он не чурался хороших манер и, конечно, поблагодарил бы ее, если бы знал, как это сказать по-рогавикьянски.

XVI

Помня, какое впечатление произвел на Донию план Сидира истребить всех животных, Джоссерек мог предполагать, как воспримут его жители стоянки. Реакция жителей Данхета была не менее сильной. Кое-кто из жителей просто взорвался от негодования, воздух наполнился яростными криками.

Крона нашла этому объяснение: «Сама я не потеряла голову от ярости, хотя потрясение было велико. Большинство этих людей, как и я, живут не охотой. Охотой живут охотники, хотя охота — это скорее состояние души, чем просто промысел. Для таких людей зрелище бегущих животных — смысл их существования. Но стоянки — это всего лишь скопище строений, да еще место, где занимаются разными ремеслами. Если хозяева стоянки потеряют все это, они выстроят новую стоянку где-нибудь в другом месте, и святость родовых владений при этом затронута не будет». Было ли слово, которое она употребила, синонимом слова «святость»?

Позже Дония призналась Джоссереку, что не была уверена в правильности догадки Кроны. — Я никогда бы не подумала, что слова могут поразить меня, как удар молнии, как это было сначала. Я могла бы смириться с угрозой вторжения, да, пока это не касалось Гервара, смогла бы сохранить самообладание. Может быть, это потому, что в прошлом мы отражали любое вторжение, а значит, и в будущем посягательства на нашу землю не нанесут нам серьезного ущерба? Я не знаю. Я знаю только одно — это касается и животных тоже — в моих силах сохранять присутствие духа и оставаться жизнерадостной, пока я твердо уверена, что мы сможем остановить натиск. Может быть, я просто не могу поверить, что нас могут завоевать». Больше она ничего не сказала, ибо не могла полностью раскрыть перед ним свое сердце.

Когда она, взобравшись на фургон, обратилась к жителям лагеря, она первым делом потребовала, чтобы ни у кого из собравшихся не было при себе оружия. Услышав о планах завоевателей, некоторые начали кричать и метаться по равнине, как и она сама в свое время, впивались в дерн ногтями и зубами, кто-то уносился прочь на лошади, неистово нахлестывая ее, но большая часть осталась на месте, выражая свое отношение к известию лишь неровным гулом, кое-кто плакал, старики закрывали лицо руками и уходили.

— Я не знаю, почему они так себя ведут. Я уверена, что они и сами не знают. Возможно, такое глубокое потрясение

разбросало их в разные стороны. Они не соберутся снова, пока не успокоятся, это как свора рассерженных собак. — Она наморщила нос. — Ветер доносит дым их костров, ты чувствуешь? Неужели ты действительно ничего не ощущаешь?

«Неужели у этой породы людей начисто отсутствует понятие о политике? — недоуменно размышлял Джоссерек. — Невероятно!»

Дония соскочила на землю.

— Я побуду среди своих мужчин, — сказала она и оставила его одного.

К вечеру обитатели лагеря стали собираться. Семьи возвращались в свои жилища, одинокие парами уходили в кусты. По доносившимся оттуда звукам Джоссерек понял, что они утешали себя там вовсе не медовухой, в отличие от него самого. Его никто не приглашал. Ему выделили походную палатку, жители щедро делились с ним пищей, но в жизнь свою не допускали. Он знал, что это не из неприязни — рогавикьянцы понимали уединенность, как нечто само собой разумеющееся. Но сознание этого не облегчало ощущения тоски и заброшенности.

Никиттэй нашла его и немного утешила. Она не сказала ни одного слова, только часто дышала, а временами издавала что-то похожее то ли на стон, то ли на рычание, и оставила ему на память множество царапин. Это помогло ему почти не думать о Донии, и вскоре он заснул.

На следующее утро Никиттэй пришла снова и предложила покататься верхом.

— Сегодня все будут дремать целый день, да и завтра тоже. Потом они будут думать, бродить вокруг лагеря, разговаривать, пока им не надоест слоняться по солнцепеку. А мы с тобой все уже знаем, верно ведь?

— Верно, — он посмотрел на нее, скрыв подавленное настроение под приветливой маской. Хотя он знал, был уверен, что ни одна туземная женщина не сможет принести ему его. Она была на несколько лет моложе Донии, стройная, длинноногая, загорелая. Вокруг голубых глаз разбегались мелкие морщинки — от привычки всматриваться в даль, белокурые волосы были стянуты в конский хвост. Сегодня кроме рубашки, брюк и башмаков, почти таких же, как и у него самого, на ней было большой серебряное ожерелье с бирюзой. Оно было изготовлено из материалов, доставленных с юга, но работа была местной, его делали настоящие северные мастера.

— Ты уже знаешь, куда поехать?

— Да, — она не ответила конкретно, а он уже знал, что

вопросы, безобидные в каком-нибудь другом месте, здесь считались неуместными.

Она приготовила двух лошадей, уложила котелки, колбаски, большие лепешки, сушеные яблоки, оружие, и они отправились. Погода стояла тихая и прохладная, в небе висели бледные печальные облака, от земли пряно пахло. Вскоре они увидели большой корраль: охотники выследили стадо и загнали в ограду, хотя загон был явно мал для такого количества животных. Певчие птицы во множестве сидели на деревьях, кролики и сурки шуршали в траве, приглушавшей топот копыт.

Спустя некоторое время он сказал:

— Я никак не пойму, что ты имела ввиду, когда сказала, что люди не смогут решить, как им поступать. Разве не правильнее бы было организовать общее собрание?

— Им? — Никиттэй удивленно посмотрела на него. — А что ты имеешь ввиду?

— Я думал, что они будут... — он не знал слова «голосовать» по-рогавикьянски, и нерешительно закончил: — Либо отправятся на общее собрание, либо останутся в Герваре.

— Все Братство? — Никиттэй нахмурилась, обдумывая его слова. Ей не хватало знаний Донии о том, что творилось за пределами ее равнин, однако она была далеко не глупа. — А, понятно! Там произойдет вот что: люди будут обмениваться мнениями, чтобы легче было решать. В некоторых случаях, под влиянием семейных отношений, они будут поступать вопреки собственным желаниям. Но я могу тебе сказать, что главное уже решено. Гервар оставят лишь немногие, либо для того, чтобы вместе с нами поехать прямо в Сандр Кэттл, либо затем, чтобы оповестить другие народы.

— Короче, каждый решает сам, — понял Джоссерек.

— А как же иначе? Не бросать же землю, когда она в опасности. Даже на несколько недель... Немыслимо. Я тоже хотела бы остаться и убивать захватчиков — и Дония тоже, и все остальные, — если бы не нужно было предупредить людей, провести собрание, и если бы мы знали, что здесь остается достаточно защитников.

— Но разве они не захотят высказаться на общем собрании?

Никиттэй покачала головой, то ли смеясь, то ли сердясь.

— Ты снова о том же? Что они могут сказать? В Сандр Кэттл мы не сможем сделать ничего, разве что сообщить людям, как обстоят дела... а разобраться во всем поможете вы с Донией. — Она замолчала, собираясь с мыслями. — Естественно, люди будут обмениваться мнениями. Разве ты не зна-

ешь, зачем они собираются на встречи земляков? Обменяться новостями, соображениями о том о сем, а еще товарами, повидаться со старыми друзьями, завести новых, может быть, найти брачных партнеров... — Была ли в ее голосе хоть маленькая толика зависти? Пожалуй, нет, решил Джоссерек. На женщину здесь не оказывалось социального давления, обязывающего ее выходить замуж, к тому же, у незамужних были свои преимущества.

Им овладела растерянность. Он стукнул кулаком по седлу и воскликнул:

— Дьявол! Разве у вас не возникала мысль о сотрудничестве в больших масштабах, чем на уровне команды охотников?

— А зачем?

— Чтобы вас не уничтожили, вот зачем!

— А мы уже собрали большие отряды, чтобы встретить захватчиков.

— Если вы побеждали до этого, то только за счет своей численности... и жизни ваших людей уходили, как вода в песок. Если бы они были обучены и подчинялись приказам...

Казалось, Никиттэй смешалась.

— Но как это может быть? Разве люди — это прирученные животные? Разве их можно запрячь в одну упряжку, как запрягают лошадей? Разве они устанавливают волю одного над другими, как это делают собаки? Если их поймают, а потом освободят, вернутся ли они снова в неволю, подобно ястребам?

«Да, да и да, — думал Джоссерек. Он стиснул зубы так, что скулам стало больно. — Человек это первое из домашних животных. Рогавикьянцы... Какую форму приняло одомашнивание у них? Это фанатичное, бездумное, убийственное принуждение убивать тех, кто вмешивается в их дела, не считаясь ни с какой осторожностью, при полном отсутствии интереса к чужим делам...»

Но он смог только выдавить:

— Солдаты империи именно таковы, как ты сейчас сказала, дружок. В этом смысле они заслуживают презрения. Но в прошлом северяне слишком дорого платили за то, чтобы отразить агрессию. А теперь враги могут жестоко подавить сопротивление.

— Сомневаюсь, — уверенно ответила она. — Они редко бьются насмерть. После самых слабых пыток пленники выкладывают все, что им известно. Но можешь ты мне объяснить, почему они жалуются на то, что мы их убиваем. Что же еще мы должны с ними делать?

— Вы не держите пленных? — Джоссерек был поражен. — Никиттэй, они отомстят за это, они отыграются на каждом рогавикьянце, который попадет в их руки.

— Солдаты все равно всегда так делают. У нас есть опыт прошлых войн. А почему нет? Один пленный северянин полезнее для них, чем один из них — для нас. Но он представляет собой прямую угрозу.

— Обмен пленными...

— Что? Как можно делать честь предметом торговли?

«Ни переговоров, ни стратегии, ни тактики. Если бы у них все это было, если бы было... Солдаты Империи разбросаны по Рогавики. Организованное сопротивление могло бы разрушить их линии связи. Сидир никогда не пошел бы сюда, если бы допускал такую возможность.

Неужели я всерьез надеюсь уговорить этих... этих двуногих пантер изменить древние привычки? Я видел множество разных культур, но в большинстве из них люди предпочли объединиться и утратить часть личной свободы, чем рисковать потерять свободу вообще. Эти же готовы умереть, но не измениться. Может быть, потому, что такое изменение для них подобно смерти.

Я буду говорить на собрании земляков, а они будут смотреть на меня, не понимая, и я отправлюсь домой, а Дония... О, пусть лучше она погибнет в бою. Не дай бог, она выживет, будет голодать, ходить в отрепьях, заболеет туберкулезом, сопьется, будет нищенствовать и в конце-концов все равно погибнет».

Женщина положила свою ладонь на его руку.

— Тебе больно, Джоссерек? — тихо спросила она. — Я могу помочь.

Он был тронут. Такое участие было редким среди рогавикьянцев.

— Боюсь, что нет. — Он заставил себя улыбнуться. — Я беспокоюсь за вас.

Хотя он употребил местоимение во множественном числе, она кивнула и пробормотала: — Да, ты должно быть, не на шутку увлекся Донией, пока с ней путешествовал. — Помолчав, она сделала над собой усилие и добавила: — Ходят сказания о том, как чужестранцы увлекались женщинами Рогавики. Это не мудро, Джоссерек. Наши народы слишком непохожи. Женщина от этого не страдает, а мужчина — может. — А потом добавила, словно оправдываясь: — Только не думай, будто у нас, северян, нет любви. Я... я должна рассказать тебе, куда я держу путь сегодня. Туда, где лежат те,

кто пал в последнем бою с захватчиками. Это случилось прежде, чем вы добрались до нас. Там были два моих брата и три любовника, которые были для меня больше, чем просто партнерами. Я ведь могу больше не вернуться сюда... Может быть ты подождешь в стороне, пока я отыщу их могилы и отдам им долг памяти.

Он не решился спросить, чем был для нее он. Игра, любопытство или желание угодить Донии? По крайней мере она старалась быть доброй. Может быть, именно поэтому она преодолела в себе даже большие внутренние препятствия, чем он мог себе представить. Он был уже многим ей обязан и, без сомнения, будет обязан еще большим, пока они будут двигаться на запад. Дония теперь занималась своими мужьями, их у нее достаточно, а Никиттэй могла бы помочь ему пережить все это.

...На могилах не было никаких знаков, если не считать того, что они были свежие. Если верить путешественникам, такие смешанные захоронения совершались без особых обрядов. Но если в Аулхонте и были какие-нибудь обряды, Никиттэй совершила все их за тот час, пока была там одна. Позже, вернувшись к Джоссереку, она снова была веселой и радостной.

«После собрания земляков я уеду домой, — пообещал он себе. — Буду жить среди таких же людей, как я сам.»

XVII

Сондр Кэттл лежал в четырехстах милях от Сандог Трэйс; здесь всегда собирались семьи. Джоссерек выразил недовольство тем, как медленно ехали сопровождающие Донию два десятка человек. Она ответила, что спешить ни к чему: Как бы быстро не оповестили всех курьеры, жителям дальних районов понадобится время, чтобы добраться туда.

— И ты тоже можешь не торопиться, наслаждайся себе летом, — добавила она. — Может быть, потом нам не представится такой возможности.

Он ехал позади нее, солнечный свет отливал золотом на крупе ее жеребца и на ее волосах. «Даже если я покину тебя, я все равно не смогу тебя забыть так скоро.» — подумал он. Он путешествовал уже месяц — охотился, ловил рыбу, тренировался по пути, чтобы не потерять форму, выполнял работы по лагерю, после чего пил у костра сухую острую медовуху, пока в висках не начинала пульсировать кровь, слушал рассказы и рассказывал сам, обменивался с северяна-

ми песнями и мнениями — хотя никогда не раскрывал своих заветных мыслей — и наконец удалялся с Никкитэй в палатку, в которой они жили вдвоем.

Что касается знаний и навыков, то он уже обратил внимание, что большинство жителей стоянки были неграмотны. Некоторые писали и даже публиковали книги. Многие вели обширную переписку — почтовая служба работала очень хорошо, хотя была составлена из добровольцев. Всегда можно было найти человека, который занялся бы доставкой почты. Широкое распространение получили простые телескопы, компасы, астрогониометры, хронометры и другие приборы. В основном они импортировались, хотя в последнее время стали появляться и образцы местного изготовления. Медицина была развита хорошо, особенно в том, что касалось лечения ран. Жителей было немного, жили они на открытом воздухе, поэтому заболевания были редки. Зоология и ботаника тоже были хорошо развиты, в сверхъестественные силы мало кто верил, и когда Джоссерек упоминал об эволюции, все знали, о чем идет речь. Материаловедение было развито просто великолепно, особенно обработка природных материалов для получения волокон и тканей. Для этого требовалось много разнообразных химических веществ, которые в основном были покупными. Ремеслами занимались не только на стоянках, но и в большинстве зимних садов.

Лето было не только сезоном кочевий и охоты. Это было еще и время для занятий искусством. Почти все играли на музыкальных инструментах, на одном или двух, а всего их было удивительно много. Графика, резьба по дереву и кости, изготовление украшений, хотя и имели местные формы, но не уступали по уровню тем, что Джоссерек видел в других странах. Искусство песни, танца, драматическое искусство были даже выше, чем у других народов. Когда они проезжали мимо лагерей, там для путников устраивались часовые представления с оперой и балетом, которые просто ошеломили Джоссерека, хотя он мало что понимал в них.

Это были не какие-то там бродяги. Общество у них было богатое и сложное, традиции не нарушались столетиями. Более того, оно не было застывшим, в отличии от многих, а находилось на прогрессивном этапе, на подъеме.

И все же... и все же...

Явившись из индивидуалистической, наращивающей темпы развития промышленности, капиталистической страны, он привык к свободе в выборе религии и к тому, что ритуалы мало где соблюдаются. И все-таки его взволновало то, что эти

же черты он обнаружил и здесь. Те, кто искали знаний, — женщины, мужчины, проводники, одинокие мыслители или напротив, обычные люди, которые лишь изредка тратили на это время, — не были ни мудрецами, ни пророками. Самое подходящее название, которое он мог для них подобрать, было «философы», хотя часть философского поиска происходила у них в мускулах и потрохах, а не в мозгу. Большинство людей отличались безразличием, агностицизм прочно обосновался в мире их чувств. Если верить рогавикьянским историкам, мифы и магия существовали в прошлом, но были с легкостью развенчаны и заменены вполне научными теориями, что доказывало, насколько непрочными они были.

Церемонии, в отличие от артистических представлений, были короткими и скромными и носили светский, а не религиозный характер, например, для приема гостей. Ему рассказывали, что у семейств были в запасе более замысловатые церемонии, выработавшиеся в течении нескольких поколений, но насколько он мог судить, эти церемонии свидетельствовали только о семейных связях и служили для преодоления равнодушия между членами семьи. Во время этих церемоний можно было с любовью помянуть предков, но мысли, что эти предки тоже присутствуют при этом, благодаря каким-то сверхъестественным силам, даже не возникало. Об этом и хотела рассказать ему Никкитэй в минуты, когда она была склонна к интимным разговорам. Подробности она хранила в тайне, не давая этому никакого логического объяснения. Она просто не разглашала их, вот и все.

«Проклятье, — думал Джоссерек, — это не жители Киллимарейча, разбросанные по островам, у них должно быть единое общество среди безграничной первобытности. Они не должны чувствовать себя... обособленно? Нет, опять не то слово. Опять я не могу найти подходящие слова. Они ведут себя как кошки, но это, скорее всего, мне только кажется. Человек — животное, живущее в стае, как собака. Он, как собака, испытывает необходимость в мистических связях с кем-то более высокоорганизованным, чем он сам».

С грустной улыбкой он смотрел на колышущиеся на ветру травы, где охотился ястреб-перепелятник.

«Я тоже холостяк, солдат фортуны, бывший изгнанник, и все еще неизвестно, к какому кругу я принадлежу. Я нахожусь здесь не ради любопытства, я выполняю задание в интересах своей страны, которую несмотря на свои насмешки, хочу сберечь.

И я люблю Донию, а она предана своим мужьям. Может

быть, так же, как я предан ей. А также детям, друзьям, дому. Так?»

Он задумался. Неужели это яростное стремление убивать, рожденное вторжением в каждой рогавикьянской груди, неужели оно действительно происходит из любви к своей земле? Скажем, житель Киллимарейча будет драться за свой народ. Он будет участвовать в этой войне за пределами своей страны и при этом преследовать политические цели, а не просто обеспечивать себе возможность выжить, что никогда не пришло бы в голову северянину. Но его готовность к самопожертвованию имеет пределы. Если война станет для него безнадежной, он примет поражение, даже оккупацию, и постарается извлечь все, что можно, из такого положения дел. Рогавикьянцы на это явно не пойдут. Однако, как это ни парадоксально, если житель Киллимарейча, одержав победу не скоро простит тех, кто нанес серьезный ущерб его народу, то рогавикьянец с того самого момента, как последний завоеватель покинет его землю, готов возобновить с ним отношения, как будто ничего не произошло.

Может быть ключ к пониманию этого народа лежит в их домах, в структуре и организации их семей? Главным делом жизни является рождение новой жизни; у любого народа вокруг этого стержня вращается все остальное. Но нет, в этом Джоссерек уже разбирался, но понять этого не мог. Они были единственным из народов, которые Джоссерек знал, а может быть, единственными из всех животных на земле, кто настолько осторожно относился к воспроизведению потомства, что роста населения не наблюдалось.

Они никогда не поднимают свою численность выше той, что может прокормить их территория. Здесь либо вступают в действие естественные механизмы: например, трудно найти себе партнера при полигамных браках; либо рождаемость регулируется голодом, чумой и междуусобицами. Человек принадлежит к тем животным, у которых отсутствует регулятор размножения. Естественно, что время от времени он подвергается участи кроликов или леммингов. Но, будучи разумным существом, он может ее предупреждать при помощи разнообразных способов: это широко распространенное безбрачие, поздние браки, контрацептивы, аборты, убийства новорожденных и престарелых, эмиграция. Как правило, от неуправляемого роста населения страдают цивилизованные народы, а примитивные нации управляют рождаемостью. И то, что это удается северянам, не удивляло Джоссерека.

Однако в данном случае все работает на то, чтобы ради-

кально ограничить численность населения, с тем, чтобы реальные возможности и уровень технологии могли обеспечить потребности людей. Многоженство и рождение незаконнорожденных детей подвергалось осуждению. Существовало общепринятое мнение, что жена не должна рожать больше шести детей. Все это удерживало численность населения на низком уровне. История знает, что на время несчастий, когда смертность превышает рождаемость, существует молчаливое согласие относительно ослабления действий этого правила, но когда все приходит в норму, по такому же согласию восстанавливается статус кво.

Генетика заинтересовала Джоссерека. Женщины-красавицы привлекали внимание более зрелых поклонников или своих ровесников и выбирали лучших. Менее желанные женщины могли довольствоваться и мужчинами моложе себя и попросту выходили замуж один или два раза. Таким образом мужья последних получали значительную часть их наследства, и некоторые из них вступали в следующее поколение членами более преуспевающих семей. Может быть именно это и объясняет тот факт, что здесь никогда не было ни аристократии, ни правительства, ни государства, ни власти, ни руководства? Все это могло существовать только в самом примитивном виде и лишь при том условии, что все согласны с их существованием.

Преимущества малой численности населения были очевидны. У северян было изобилие дикого скота и других природных богатств. Это высвобождало время и создавало экономические условия для развития культуры, которая выдерживала конкуренцию с культурами многих цивилизованных наций, которые денно и нощно трудились. Еще более важным казалось жителям Рогавики, что вокруг них много пространства. Густонаселенные земли юга приводили их в откровенный ужас. Дония как-то заметила: «Я не смогла бы оставаться в Арванете долго — у них там пахло так же, как если бы я находилась среди толпы людей». У рогавикьянцев действительно чуткие носы, как и у собак, но это могло быть следствием тренировки, а не сознательного управления резервами организма.

«Проблема состоит в том, — думал Джоссерек, — что длительное благосостояние в обществе противоречит интересам частных предпринимателей и бюрократов, которые, к тому же, располагают реальной властью, и в конце концов, этому благополучию приходит конец. Поэтому общинные земли страдают от перенаселения, леса безжалостно вырубаются,

реки загрязняются, уничтожаются дикие животные, затухает торговля, прогресс сдерживается всевозможными ограничениями и налогами — это происходит при любом известном общественном строе, племенном, монархическом, демократическом, теократическом, капиталистическом, патриархальном и любом другом. А рогавикьянцы — анархисты, они не имеют представления об альтруизме, у них нет даже такого слова. Какое-нибудь отдельное товарищество могло бы усилится, привлечь дополнительную рабочую силу и богатеть за счет экспансии. После этого оно могло бы посмеиваться над неодобрительным отношением к себе со стороны других групп: ведь став самостоятельным, оно выходит из-под контроля властей. Вскоре каждая народность стала бы стремиться поступать так же, чтобы не превратиться в жертву. Конечно, на деле этот процесс сложнее, но все же...

Что заставляет их сохранять образ жизни таким, каков он есть? Ведь ими, несомненно, движет более сильное чувство, нежели простое желание сохранить материальное благополучие для своих потомков, особенно если оно их самих не удовлетворяет. Многие из них заинтересованы в развитии торговли, другие хотели бы ее сократить, некоторые хотели бы иметь больше огнестрельного оружия, чтобы легче было охотиться, другие боялись попасть в зависимость от его поставщиков.. и так далее... и каждый из них, он или она, свободны в своем выборе, хотя и не в состоянии спровоцировать достаточное количество своих собратьев на нарушение существующих отношений.

Такое едва ли когда-нибудь произойдет. Единственное серьезное нарушение этих отношений, о котором я когда-либо слышал, это наличие категория беглецов. Но они представляют собой патологический слой населения, который по той или иной причине ненавидит всех остальных. Но ни войны, ни наследственная вражда, ни редкие кражи, ни рукопашные стычки эти отношения не нарушат...

Они не святые, эти люди. Они надменны, алчны, они бесстыдно лгут при заключении сделок; за пределами своего Братства они далеко не доброжелательны, у них отсутствует какая-либо вера; существует, правда, некое подобие этики, да и та весьма прагматична. Более того, они распахнуты навстречу чужеземным идеям, но остаются верны себе век за веком. Каким же образом им это удается?

Это выше человеческого понимания».

Сондр Кэттл возник на фоне ровной безлесной равнины, покрытой золотисто-зеленой, волнующейся травой. Земля эта

напоминала ту, на которую ступили Джоссерек и Дония, сбежав с корабля Сидира — кажется, прошло уже столько лет! — только эта местность была немного суше. Ближайшая стоянка была по размерам меньше обычной. Она выглядела уединенной, притаившейся среди возведенных человеком стен из пирамидальных тополей, защищавших ее от ветра, дождя, снега, засухи, града, пылающего багрового лета и морозной белой зимы. Пристанище было слабо освещено, весь вид его от края до края внушал неопределенный страх.

Он и раньше встречал нечто подобное — селения, разбросанные вокруг Оренстейна, в восточном Ованге и западной Андалине. Вследствие каких-то явлений в земле образовались кратеры диаметром три-четыре мили. Копая провалившуюся почву, люди обнаружили спрессованные, треснувшие от морозов и поврежденные корнями деревьев обломки, еще сохранившие какое-то подобие формы, приданной когда-то людьми. Еще глубже, случалось, находили остатки древних городов; их можно было найти и на лежащих по краям провалов холмах. Это натолкнуло ученых Киллимарейча на мысль, что когда с полюсов надвигался ледник, цивилизация уничтожила себя в борьбе за обладание истощающимися природными ресурсами, при этом была высвобождена какая-то неведомая энергия.

Их оппоненты отвергали эту теорию. Как правило, раскопки показывали, что катастрофы случались в густонаселенных районах. Не было оснований утверждать, что энергии, способные сокрушить мир, находились в руках человека. Теория о периодических значительных наступлениях и отступлениях ледника была нова, зыбка и спорна. Ее доказательства опирались в основном на пример прибрежных районов, которые первоначально были покрыты водой. И куда же еще могла исчезнуть вода, кроме как превратиться в лед? Что же, оспаривая консервативные учения, можно допустить, что одни материки вздыбились под воздействием земных сил, а другие были затоплены океаном. И случилось это, скорее всего, тысячи, а не миллионы лет назад. Видимо, эти же силы образовали и кратеры. А может быть, в этом виноваты метеориты. С тех пор, как Виклис Балалох доказал, что стреляющие звезды — это не что иное, как падающие с неба камни, многие из этих камней были обнаружены, причем некоторые из них были очень большими. Дождь из огромного количества камней мог смести всю мировую цивилизацию, оставив лишь жалкие кучки невежественных крестьян и дикарей, чтобы они могли начать все сначала.

Джоссерек увлекся этой проблемой после того, как Мул-

вен Роа дал ему книги и журналы. Чтение оказалось захватывающим. Как здорово было жить в эпоху, когда знания выплескивались на поверхность. Но по мере того, как они приближались к Сондр Кэттл, открывающееся перед ним зрелище все больше нагоняла на него тоску. Неисчислимые эпохи, неизмеримые глубины — все это было обречено, не осталось ничего, кроме черепков и костей... Один раз он видел череп гигантской рептилии, вмурованный в осыпающуюся скалу, сквозь его пустые глазницы сквозили ветры вечности. Безжизненность, которую время превратило в камень, не могла ни слышать, ни чувствовать. Он посмотрел на скачущую рядом Донию и невольно подумал о ее черепе.

«О, я пытаюсь их собрать и вразумить. Что я еще могу сделать? Только попытаться, прежде чем уеду домой».

Кратер был усеян лагерными постройками, расположенными, как всегда, на порядочном расстоянии друг от друга. Народ Гервара поселился здесь задолго до того, как начал кочевать по равнине. Не взирая на повод для собрания, атмосфера была благодушной. Люди расхаживали туда-сюда по зеленым впадинам, болтали, пели, пили, веселились; люди встречались и уходили по двое-трое — старые друзья, юноши и девушки, неженатые женщины и холостые мужчины, просто знакомые и те, кому было что обсудить. Джоссерек предпочел бы остаться один, но многие из тех, кто был наслышан о нем, искали его общества, и вежливость требовала, чтобы он с ними поговорил. Однако потом, когда стемнело, и ему понадобилось общество, его оставили в одиночестве. Никкитэй нашла себе кого-то еще.

Ночью его преследовали кошмары.

К утру всех оповестили, и собрание началось. Его целью было не столько организовать людей, сколько познакомить их с планами завоевателей. Дония и Джоссерек притащили фургон на дно кратера и уселись на его подножку. Она мало говорила, а его занимал лишь ее профиль, тепло, исходящее от ее тела, сложный аромат ее кожи — дым, плоть, солнечные волосы, высушенный ветром пот, но все эти запахи заглушало нечто, чему не было названия, ибо это исходило лишь от кожи рогавикьянских женщин... и походило то ли на полынь, то ли на розовый куст. К полудню она решила, что настала пора обратиться к собравшимся.

Аудитория была небольшой. Собралось около пятидесяти человек из разных семей, в основном жены. Они сидели или стояли так, чтобы можно было слышать. Остальные разместились небольшими группками в самой низкой ложбине. Стратегические места заняли люди с сильными легкими, их

зычные голоса помогали передавать речь. Никто их не назначал и никто не платил этим людям, они наслаждались своим занятием, это придавало им вес в собственных глазах.

— У нас плохие вести, — начала Дония.

Ее речь не была торжественной — на подобных сборищах рогавикьянцы говорят по существу. Более эмоциональный язык они используют при личных разговорах, и в этих случаях их речь близка к поэзии.

«О, неуемная страсть весенних табунов, приди со ржаньем, высеки молнии из камня, оседлай неоседланное, вспаши невспаханное», — шептала она ему в тот час, когда они оставались под луной одни, это и многое другое, вместо того, чтобы просто сказать: «Я люблю тебя».

Опасаясь непредсказуемой реакции, курьеры Донии не рассказали им о том, что планируется превращение их страны в развалины, а только предупредили, что это вторжение будет не таким, как раньше, и необходимо разработать новый план ответных действий. А сегодня она прямо говорила обо всем, что знала.

Это взволновало собравшихся не так сильно, как людей из ее лагеря. Похоже, чем больше было собрание, тем менее остро оно реагировало. Кроме того, большинство присутствующих было из западных районов долины Югулара. Враг еще не вступил на их землю, и не вступит еще, как минимум, с год. Угроза была еще довольно далека от них, и они могли воспринимать все с определенной долей спокойствия.

И все-таки они кричали, посылали проклятия, потрясали кулаками и клинками. Дония дала им час, чтобы выпустить пары, после чего перевела их внимание на Джоссерека.

— Жители Севера...

«Что я могу сказать им?» У Джоссерека были недели, чтобы все спланировать, обговорить, поспорить, обдумать; но теперь времени не оставалось. Слова застревали в горле.

— ...совместные действия по единому большому плану...

«Какому плану? Согласно которому они встречают баромьянскую конницу в лоб после того, как месяц или два их обучают такие же неопытные инструкторы, как они сами, в то время, как у противника закаленные потомственные солдаты?»

Раздались крики, такие же далекие и тонкие, как свист сурков.

— ...драться сейчас, не дожидаясь, пока враг пересечет ваши границы после победы на востоке, зажать его между двумя фронтами...

«Каким образом? Сидир стянул свои войска в верховьях реки. Если превосходящие силы противника и заставят его отступить, ему нужно лишь отойти к своим опорным базам и позволить атакующим упереться в дула его пушек. Я уже не верю, что рогавикьянцы способны вести массированные атаки».

— ...холодный, продуманный расчет вместо слепой ярости...

«Какой расчет я могу им предложить? Я, который пытался их понять и которому это не удалось? От меня здесь никакой пользы. Хорошо бы мне уехать домой. Но могу ли я оставить ее здесь перед лицом смерти?»

Его речь медленно подходила к концу. Когда он закончил, раздался дружелюбный одобрительный гомон. Потом подошли несколько человек и поинтересовались, что именно он предлагает. За него ответила Дония. Она сказал, что цель данного собрания заключается в том, чтобы выработать конкретные действия. Пусть люди взвесят то, что услышали, обсудят, поделятся своей мудростью. Когда у кого-нибудь появится идея, пусть он выскажет ее перед всеми, завтра или через день.

Наконец они остались одни на фургоне, под небом, покрытым грозовыми тучами. Приближающийся шторм дохнул им в лица холодным ветром, горизонт быстро наливался медным светом. Он повернулся к ней взял за руки и взмолился:

— Что мы можем сделать? Что мы можем, кроме как умереть?

— Мы? — мягко спросила она. Ее волосы окаймляли высокие скулы и зеленые глаза.

— Я готов остаться, — запинаясь произнес он. — Если ты, если ты... будешь со мной...

— Джоссерек, — сказала она, помолчав, не отпуская его и не сводя с него глаз. — Я не была добра к тебе, да? А теперь пойдем ко мне в палатку.

Он уставился на нее с изумлением. Его сердце билось, отвечая на удары грома за горизонтом.

— Ты думаешь о моих мужьях? — Она улыбнулась. — Они тоже любят тебя. Да и с ними я бываю не всегда, не каждую ночь. Идем.

Она спрыгнула на землю. Когда он, ошеломленный, спрыгнул следом, она спокойно взяла его за руку и увела к себе.

Утром он проснулся в хорошем настроении, зная, что ему делать.

XVII

Если верить записям, которые Сидир сделал во время своего путешествия, он вступил в Неизвестный Рунг в Звездный день, восемнадцатого Ауса. Но это не имело значения — это была всего лишь запись, сделанная сведенной холодом и болью рукой, в книге, страницы которой шелестели на ледниковом ветру. Здесь не существовало времени. Если оно когда-то и было, то явно застыло, закоченело в пространстве и запустении.

Усталая голова работала медленно. «И всего-то?» — подумал он, когда патрульный вскрикнул и указал вперед. Легендарный город казался совсем маленьким у подножья обледеневших гор.

Горы закрывали три четверти горизонта: слева, впереди и справа они образовывали гигантскую дугу, и полоска земли, по которой, спотыкаясь, переставляла копыта его лошадь, была лишь узеньким проходом между ними. Они поднимались все выше и выше, преодолевая террасы и склоны, крутые откосы и каменные завалы, туда, где небо сходилось с землей. Предгорья были покрыты зарослями, и чем выше они забирались, тем сказочнее казалось чистое сверкание зелени и синевы под безоблачным небом. Тут и там на фоне серо-стальных гор сияли радуги. Расселины каньонов были бледно-голубого цвета. Талая вода струилась тысячами ручейков, которые ниже сливались в ревущие потоки. Несколько раз до Сидира доносился грохот снежных лавин, сверкающая пыль поднималась к солнцу или к тучам, набухшим дождем, или к незнакомым созвездиям, окрашивая все в белый цвет, словно в преисподней извергался невидимый вулкан.

Он чувствовал холодное дыхание ледника. Оно проникало сквозь одежду и кожу до самых костей. Не прошло и дня после выхода из Фулда, что лежал на северо-востоке улганских земель, а он уже ощутил влияние ледника. Леса пропали, трава высохла, прерии превратились в тундру. На твердых бурых кочках росли только мхи да лишайник. Мокрая от летних дождей земля прилипала к копытам, ехать приходилось едва ли не со скоростью улитки, лошади слабели с каждым днем; люди не могли найти сухого места, чтобы отдохнуть и обогреться; их силы тоже были на исходе.

Завывали ветры, низвергались ливни, чавкала слякоть, крупный град оставлял на теле кровоподтеки, но и это было лучше, чем москиты, мириадами нападавшие днем. Сидир по-

думал, что их жужжание будет до самой смерти мучить его в ночных кошмарах. Наверное, даже лежа в могиле он будет слышать этот многоголосый писк, и хлопать, хлопать по лицу, по плечам, по спине... и это будет выматывать его, доводить до безумия, он будет путаться в одеждах, мазаться вонючим соком растений, лихорадочно дрожать от яда, медленно проникающего в мозг. Иногда мелькал заяц, лисица, куропатка или карибу, в некоторых водоемах плавали дикие утки и гуси, с наступлением темноты слышалось уханье совы. Они были бы рады даже нападению туземцев, лишь бы увидеть человека!

Сегодня они были измучены чуть меньше. Обнаружив, что, воздушные потоки, идущие от ледника, относят насекомых в сторону, они придерживались их границы. Это удлиняло путь, к болотам добавились ледяные надолбы, но даже если бы они ехали напрямик, то вряд ли сэкономили бы время: у них не было ни карт, ни засечек, ни отметок. Жителям Арванета не запрещалось посещать Рунг, но в последнем поколении никто не отваживался на такой поход. Наиболее надежным ориентиром для Сидира было то, что город лежал прямо перед ледником, в конце глубокой впадины.

И вот он, наконец, здесь. Цель видна. Он перевел взгляд на мрачную местность, простирающуюся к югу, навел бинокль на резкость и напряг глаза, пытаясь различить дворцы города, о котором были сложены тысячи легенд, но увидел лишь темное пятно неправильной формы, из которого кое-где торчали остроконечные башни.

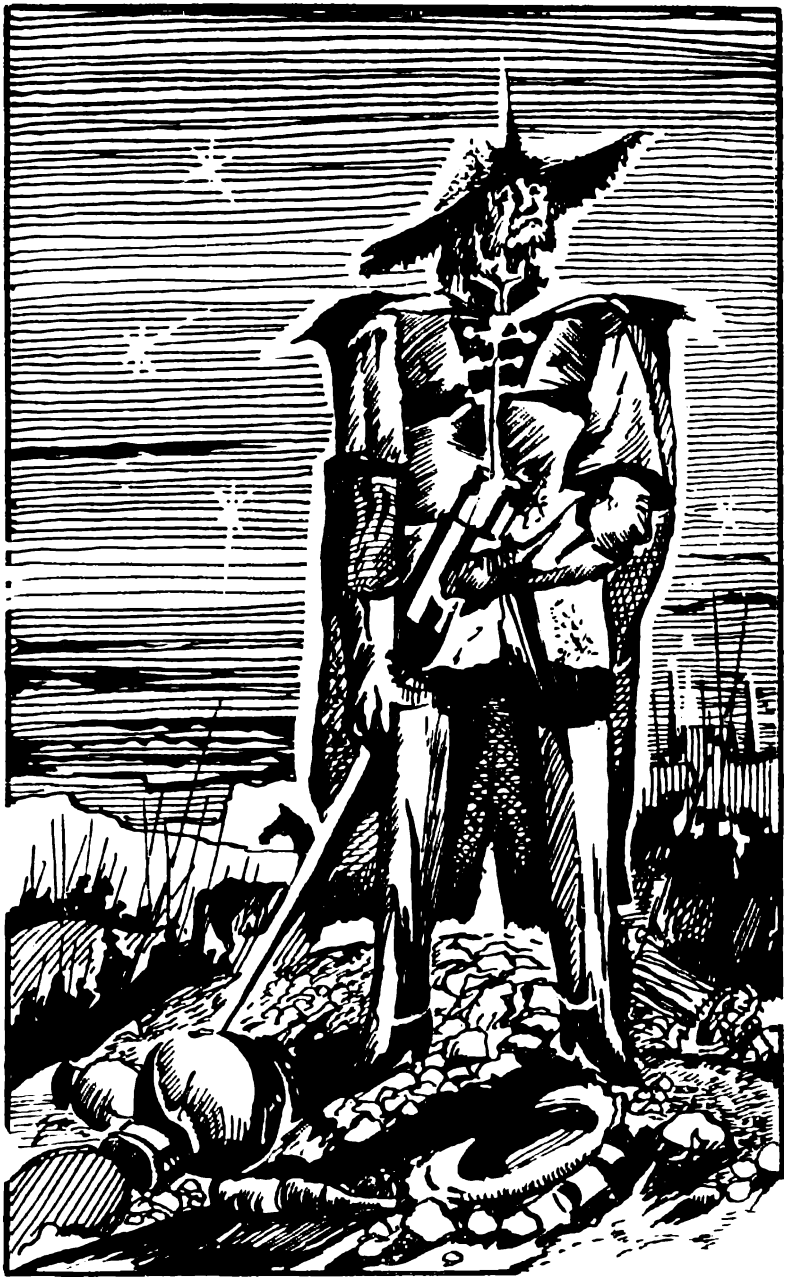
Полковник Девелкэй ехал рядом.

— Должно быть, это он, а? — Его голос прерывался от усталости. — Что будем делать, сэр?

Сидир задумчиво посмотрел на него. Командир Полка Барракуд, эскадрон из которого принимал участие в экспедиции, был молод, точнее когда-то был. Тундра и ледник состарили его: давно не бритые щеки ввалились и были покрыты рубцами и шрамами, глаза потускнели, плечи поникли, словно кожаный мундир был слишком тяжел для них. Лошадь, на которой он ехал, хромала, ее копыта были разбиты о камни, голова ее повисла, под шкурой, залепленной подсохшей грязью, были видны ребра. «Неужели и я выгляжу так?» — подумал Сидир.

— Вперед, прямо, — приказал он. — Конечно, мы примем необходимые меры предосторожности. Когда подъедем поближе, решим, какие именно. Эту ночь проведем в Рунге.

— Главнокомандующий в этом уверен? Я хочу сказать,



что противник может свободно двигаться в этом лабиринте, а мы — нет.

— Мы постараемся не делать глупостей. Как только мы выедем на открытое место, где сможем совершить маневр и открыть огонь, мы будем в состоянии отразить любую атаку. Но откровенно говоря, я сомневаюсь, чтобы они здесь были. Их торговые пути перерезаны; что им здесь делать? Не забывайте, что Рунг не принадлежит этому народу. Они просто считают его своей собственностью и поэтому не будут защищать его с таким фанатизмом, как свои охотничьи угодья. — Сидир поднял голову, ветер взметнул красное перо на его шлеме. Он носил его, считая талисманом жизненной энергии. — Полковник, там сухое жилье, наши люди больше не будут спать в сырости. Вперед!

Девелкэй подал знак своему горнисту. Негромкий, теряющийся в громадах гор, призыв к атаке прокатился по склонам.

Солдаты рысью ринулись вперед. Реяли знамена, сверкали наконечники копий. Это были славные парни. Кроме Эскадрона Молота, состоящего из баромьянцев, здесь была еще группа рагидьянских всадников; такой отряд мог бы образовать целый гарнизон. Среди конных были рассредоточены стрелки с винтовками, мулы везли боеприпасы для них.

Они и им подобные так жестоко расправились с жителями Улгана — весь луг Элк был обнесен изгородью из скелетов, — что за все время перехода им не попался никто из местных. Но пустота не испугала их: они знали, что местное население уводило стада своих животных прочь от реки, подальше от имперских фуражиров. Тундра с ее незримыми ужасами спасовала перед их волей. Без сомнения, они могли превратить и этот город в груду развалин.

Прошел час, тени от ледника вытянулись. И тут огромность Рунга начала доходить до сознания Сидира.

Все чаще встречались холмы, возникшие на месте разрушенных селений. Наконец, весь ландшафт превратился в один огромный холм, состоящий из десятков и сотен холмов поменьше. Он взобрался на вершину одного из них, чтобы осмотреться. Среди мха и пучков травы он видел обломки, битый кирпич, черепки, осколки, остатки чего-то гладкого, наподобие свернутых кусков затвердевшей резины. Его взгляд остановился на кресте, торчавшем из земли. Дыхание рвалось из груди, оно жгло гортань сильнее ветра.

Повсюду в мире над землей были видны останки древних городов, но только останки. Они торчали, пока их не закапывали жители более населенных районов. Рунг был слишком

большим, чтобы охватить его взглядом. Ледник подступал к нему так близко, что стал его обрамлением, так же, как небо и земля. Большая часть зданий была разрушена, хотя бы вот это, которое сейчас попирали копыта его лошади. Но дома были расположены так тесно, что образовывали одно неровное возвышение.

Все поросло кустами, но кое-какие здания еще сохранились и они стояли, защищая от ветра и удерживая тепло. Над грудами булыжников, высота которых могла поспорить с высотой холмов, поднимались выступы стен, обрубки дымовых труб, похожие на пьяные кривые столбы. И только в одном районе Сидир увидел скопление башен. Они стояли далеко, так что он едва мог их рассмотреть.

Они вздымались на фоне ледника и неба, их темные громады, казалось, парили в вышине. Время обтекало их. Пустые проемы окон, в оградах не хватало целых секций, стены были открыты непогоде и крысам, перекрытия провалились сквозь полы этаж за этажом, входы были похоронены под красными наносами почвы, все, до самых венцов, где теперь гнездились ястребы и совы, обросло мхом. И все-таки это были башни. Их воздвигла такая сила, что они пережили народы, империи, целые исторические эпохи; и прежде, чем рухнет последняя из них, они переживут богов.

Потрясенный до глубины души, Сидир поскакал к ним.

Патрули сообщили, что повсюду парит запустение. И хотя среди этих кладбищ могли бы спрятаться тысячи врагов, Сидир не верил в это. Он повел свой отряд по заросшим тропам, которые раньше были проспектами, и не было слышно ни единого оклика, ничего, за исключением эха, отражавшегося от развалин. Казалось, в нем слышалась легкая насмешка, но это мало волновало Сидира. Его маленький отряд не стоил того, чтобы рушить на его головы нависшие громады ледника.

Он понял, что интуиция не подвела его, когда обнаружил первые следы северян. Это произошло у подножия полуразрушенного колосса, который выходил на заваленную обломками площадь; тень от него уже погрузила окрестности в сумерки. Гигантская руина отчетливо выделялась своими неровными стенами на фоне голубого неба. Кусты у ее подножья были вырублены, вырыты очаги, у развалин были сооружены хижины, над которыми можно было натянуть маскировочные навесы. Следы копыт и сухой навоз говорили о том, что лошади еще совсем недавно ходили по расчищенному проходу, ведущему к югу. Особенно бросались в глаза груды стальных брусков, медной проволоки, алюминиевых листов и еще ка-

ких-то экзотических металлов. Рогавикьянцы раскапывали Рунг летом. Зимой, когда тундра замерзала, они возвращались, чтобы вывезти трофеи. Вероятно, они покинули свое жилище, чтобы драться с завоевателями.

— Здесь мы и обоснуемся, — решил Сидир.

Люди спешились, разбрелись по округе, выбирая себе место для ночлега. Теперь их тела отдохнут куда лучше, чем за весь прошедший месяц. А души... Они мало разговаривали, старались говорить шепотом. Глаза возбужденно блестели.

Сидир и Девелкэй вошли в башню. Внутри было немного светлее, чем снаружи — через отверстия в западном фасаде сюда проникали солнечные лучи, — но над головой все было погружено во мрак. Были видны только несколько балок, покрытых тенетами. К земле свисала цепь с крюком вполне современной работы. Воздух был сырой, изо рта шел пар, слова не звенели, отражаясь от стен, как это должно бы быть. В воздухе пахло ржавчиной.

— Они спускаются с вершины к подножью, верно? — заметил Девелкэй. Им не надо подкапывать фундамент и опорные балки. Хм, на мой взгляд, от ржавчины уцелели лишь некоторые стены, прикрытые штукатуркой и резиновой обшивкой. Рогавикьянцы все это отдирают и расправляются с металлом с помощью пил или паяльных ламп.

— Это кощунство, — пробормотал Сидир.

— Не знаю, сэр, не знаю. — Девелкэй получил хорошее образование, но был таким же тугодумом, как и прочие баромьянцы. — До сегодняшнего дня я никогда по-настоящему не представлял себе, каким богатством владели наши предки. Они также оставили нам мощные шахты и нефтяные скважины, разве не так?

«В лучшем случае лишь некоторые земли на побережье, — подумал Сидир, — подтверждают теорию о том, что они находились под водой в те дни, когда был построен Рунг». Он знал немного больше. Именно приморцы, а не рагидьянцы исследовали скалы в поисках древнего прошлого, более древнего, чем само время. Но чувство неотвратимости времени холодом пробежало по позвоночнику и до самых кончиков пальцев.

— Так почему бы нам это не возродить? — продолжал Девелкэй. — Ведь никто никогда не сможет больше возвести такой город.

«Неужели именно поэтому вымерли предки? Неужели они освоили такую малую часть земли, что ледник подмял ее

всю? Или земли осталось так мало, что они уже не могли продолжать жить на ней так, как привыкли.»

— Но у наших детей есть право использовать все, что возможно и как возможно, верно, сэр?

«А что мы можем? Пока я своими глазами не увидел все это...»

В сознании Сидира промелькнуло морщинистое лицо Юрусана. Ученый из Наиса имел беседу с учеными из Арванета, а потом сообщил своему коллеге из Хаамандура: «Много лет назад, когда Арванет был сильным и энергичным, исследователи дошли до Рунга. Мне встречались описания, сделанные ими. Они цитировались в более поздних работах, хранящихся в библиотеке. В них говорится, что предки предпринимали огромные усилия по спасению земель — они прорыли грандиозные каналы, возвели большие плотины. В результате ледник окружил эти земли, а не пересек их. Весь мир охватила смертельная борьба цивилизаций... И вот что я думаю: ведь уничтожение постигло этих людей очень быстро. Неужели смерть обрушилась на них из-за того, что они сами натворили?»

«Я никогда не понимал, ни что такое Рунг, ни что такое Ледник, пока не увидел все это собственными глазами.»

— Мы так и поступим. Главнокомандующий был абсолютно прав, поставив перед нами эту задачу. Признаюсь, у меня были сомнения, но вы были правы, сэр. Эти варвары едва прикоснулись ко всему этому богатству. После того, как мы установим здесь должное правление, современные методы...

«Он все еще не понимает.»

Сидир посмотрел на простое лицо полковника и медленно произнес:

— Мы не можем оставаться здесь долго.

Он не стал ничего объяснять. Немного погодя, почти машинально, он взял фонарь и один пошел на холм. Он поднимался вверх по бетонным ступеням, почти полностью разрушенным, скользким от вечернего мороза. Наконец он взобрался на площадку, которую северяне соорудили на самом верху. Там он стоял и дрожал. На западе солнце уже скрылось за ледником, который теперь вырисовывался смутной темной стеной под блеклым зеленым небом. Над черными буграми повисла луна. Небо на востоке было цвета свернувшейся крови. Появилось несколько звезд. Внизу замерзшее озеро и замерзшая крепость ловили мигающие блики. Ветер замер, и наступила глубокая тишина.

«Я ошибался, — признался он сумеркам. — Я и своих лю-

дей ввел в заблуждение. Мы не можем использовать то, что захватили здесь. Может быть, мы не сможем даже удержать это. Теперь я сомневаюсь, что стоит хотя бы попытаться. — Он собрал все свое мужество. — В конце концов... Да, приручeнная и заселенная земля, да, прямой путь, проложенный через тундру, да, здесь богатства, которые трудно себе представить. Но не для нас и не сейчас. Для нас этот путь слишком тяжел, страна слишком сурова, а руины слишком велики. Лето уходит, наступает зима, близко подступает голод.

Этого я не учел. По всему течению Югулара, в каждом опорном пункте полагают, что только им так не везет. Но я-то читаю все их донесения. Повсюду северяне гораздо лучше, чем я думал, справляются с отводом диких стад в недоступные для нас места. Что ж, они сами звери, и знают их повадки... И Дония... такая же волчица, если она еще жива».

Он поднял голову. Конечно, это говорило его усталое тело, а не рассудок. И это он знал. Хотя он и рассчитывал кормить свою армию за счет охоты, он никогда не ставил свои планы в зависимость от этого. Вскоре им будет не хватать свежего мяса, но у них будет хлеб, бобы, рис, крупа, они могут ловить подо льдом рыбу. Они могли увидеть, как он отползает со своим отрядом; но они могли подумать, что это отступление временное. Возможно, придется годами преследовать неуловимого, ловкого, коварного врага, но они выполнят свою задачу до конца. Это вопрос стойкости. В конце концов они захватят весь Андалин для себя и для своих потомков.

«Так почему же я печален? Чего я боюсь? Дония, где ты? Ночь опускается на нас обоих».

XIX

Сразу после собрания хозяйка Аулхонта на несколько дней присоединилась к группе охотников. Собрание разошлось, но такое большое сборище неизбежно распугало все дикие стада в округе. Дония собиралась охотиться с неделю. Джоссерек остался на стоянке Сондр Кэттл, он упорно работал и даже отклонил пару заманчивых предложений от местных девушек. К его удивлению здесь имелось все необходимое для того, что он задумал. Здесь, на стоянке, был и торговый центр, и мастерские, и постоялый двор. Девушки смирились с тем, что все свое время он посвящает работе. Он не стал объяснять им, что это помогает ему отвлечься, чтобы не так сильно тосковать по Донии.

Она вернулась через неделю и сразу же узнала, что Джоссерек создал здесь лабораторию. Лаборатория была большая, утрамбованные земляные стены были окрашены в белый цвет, через окна поступало много солнечного света, хотя солнце грело мало. На верстаке лежали ручные и электрические инструменты. Джоссерек обрабатывал напильником медный брусок.

Он услышал, что за спиной отворилась дверь, оглянулся и увидел ее. Позади нее лежал залитый солнцем двор, и на какой-то момент она показалась ему тенью в ореоле золотых волос. Потом он различил руки, ноги, шею. На ней были простые туфли и короткая туника из оленьей замши.

— Джоссерек... — сказала она.

Кровь бросилась ему в лицо, он подошел к ней, и первый поцелуй был долгим-долгим. Но вот он опомнился, прикрыл дверь и снова повернулся к ней.

Она со смехом оттолкнула его.

— Потом. В более подходящем месте. Скоро. — И вдруг, сразу став серьезной, спросила: — Ну, как вы тут жили?

«Она спрашивает не обо мне, — эта мысль резанула его, как нож. — Хотя...»

Когда она уделяла ему столько же внимания, сколько и своим мужьям, он верил, что ласки ее искренни, хотя никогда не смел даже подумать, что ее чувства зашли так же далеко. Сама возможность любовного плена ушла для него вместе с юностью, а рогавикьянцы, похоже, не признавали такой возможности ни в каком возрасте. Если даже они допускали более глубокое чувство, чем простая привязанность или преданность, то они не распространяли его за пределы своих семей. Не стоило удивляться радости, которую испытывала Дония от общения со своими мужьями. И бесполезно было к ним ревновать. Это были славные парни, они сердечно принимали Джоссерека, принимали и его связь со своей женой; более того, они изо всех сил старались продемонстрировать ему свою дружбу.

Но бок о бок с ней ехали они, а он должен был плестись позади.

Он сглотнул, стиснул кулаки и заставил себя успокоиться.

— Хорошо, — ответил он. — А как твоя поездка?

— Хорошо. О, я расскажу тебе, как Орово гнался за месяцем... но это потом. Она сжала его руку, он почувствовал дрожь ее пальцев. — Можешь ты наконец объяснить, чем ты тут занимаешься?

«Это ее страна находится в опасности. В подобных обсто-

ятельствах я хотел бы услышать новости, а уж потом занимался бы личными делами. Правда, у меня нет такого чувства единства с родиной, как у нее».

— Я тебе ничего об этом не говорил, потому что не был уверен, что прибор заработает, — извинился он. — Я мог бы этим заняться вплотную еще раньше, Дония, но здесь была ты, и я не хотел терять ни одной секунды, которую мог бы провести с тобой. Теперь я уверен, что он заработает. Все будет готово через два-три дня.

Она высвободилась из его рук и подошла к верстаку посмотреть, что он там собрал. Он с удовольствием показал ей все. Искры затрещали между борнами индукционной катушки, в стеклянном электроскопе раскрывались и закрывались, словно крылья бабочки, золотые лепестки, прыгала стрелка компаса, реагируя на изменение магнитного поля.

— Да ведь таким прибором можно переговариваться через тысячу миль! — воскликнула она. — Я никогда не слышала ни о чем подобном. Как ты смог сохранить все эти знания в своей голове?

— Это не так уж и сложно: простой излучатель и переносная антенна. Самым сложным было найти все необходимое для получения энергии. Как сказать «серная кислота» по-рогавикьянски, как различить предлагаемые жидкости, как проверить выходы батарей со свинцовыми пластинами, которые вы делаете? Кроме того, некоторые размеры следовало выдержать очень точно, или, по крайней мере, выдержать их соотношения. Надо было подобрать такие сопротивления, катушки и емкости, чтобы получилась длина волны, необходимая для активации палубного приемника, настроенного на нее.

Ее живой ум быстро все схватывал.

— А как ты делаешь измерения? Наверное, наши линейки тебе не подходят?

— Нет, — улыбнулся он. — Я пользуюсь своими. Понимаешь, занимаясь своими исследованиями, я вынужден был наспех сооружать соответствующие приборы. Поэтому я знаю длину и толщину различных частей своего тела. А зная это, я могу довольно точно определить количество воды для получения определенного веса и построить маятник для определения времени. Если мне необходима еще более высокая точность... — Он протянул руку, на которой была татуировка в виде якоря, змеи и дельфина. — Если ты присмотришься, то увидишь здесь маленькие отметки. Они были сделаны очень аккуратно.

Она в восторге хлопнула в ладоши:

— Значит ты скоро сможешь переговариваться с жителями приморья?

— У нас не получится двустороннего разговора, — ответил он. — Я могу лишь передавать сообщения при помощи точек и тире, которые они должны принять своим прибором. Но я ведь уже рассказывал раньше, что мои шефы забросили меня в Андалин не в одиночку и не наугад, на верную погибель. Этим же занимаются и другие наши агенты на территории Империи. А несколько торговых судов в Харрикейнском море и проливе Дольфин на самом деле — наши боевые корабли.

— А еще.. — он понял, что на некоторое время придется перейти на арванетский язык, — для выполнения этого задания мне присвоили на службе внеочередное звание. Если я потребую выслать мне навстречу группу или, что еще важнее, передать мои сообщения или предложения руководству в Ичинге, они это сделают. — Он снова перешел на рогавикьянский. — А это устройство здорово сэкономит время. Без него мне понадобились бы месяцы, чтобы разыскать наши корабли, потом еще месяцы, чтобы приступить к действиям, а тем временем твои земляки страдали бы и умирали, да и земле был бы причинен непоправимый вред. Я не верю, что Сидир будет в эту зиму сидеть сложа руки. А так... к тому времени, когда я встречусь со своими на побережье Дольфина, мои ребята уже начнут действовать.

От радости у нее выступили слезы, они повисли на густых ресницах и блестели.

— И ты разобьешь его, Джоссерек, дорогой! Ты освободишь нашу землю от его орды. — Она обняла его.

Все что он мог сделать, это отступить назад, скрестив руки на груди, покачать головой и как можно мягче ответить:

— Я? Нет, Дония. И не моряки, и не лорды из провинций, и не бандиты из Арванета. Лишь вы, сами северяне, сможете освободить себя, если повезет.

Обиженная и удивленная, она запротестовала:

— Но раньше, до того, как я уехала, ты говорил мне... ты говорил, что приморцы могут поднять город... отрезать армию Сидира...

— Я говорил, что такое возможно, — ответил он. — Сидир покинул дельту Югулара, оставил ее почти не защищенной. — И все же нас будет недостаточно, понадобится много рогавикьянских воинов.

— Да-да, я понимаю это. Ты же слышал, как на собрании многие кричали, что выступят по первому зову. Их семьи,

что остались дома, поступят так же, а членов семей в десятки раз больше.

— Дорогая, ты еще не понимаешь, — вздохнул он. — Не знаю, смогу ли я тебе объяснить. И все-таки выслушай меня. Мы, жители Киллимарейча, не можем выступить в открытую. Наша страна не желает войны с Империей. Нас не признают за своих и отправят в Рагид, чтобы тот судил нас... от нас будут открещиваться до тех пор, пока обе державы будут в состоянии делать вид, будто мы безымянные добровольцы неизвестно из какой части Материнского океана, которые полезли в эту кашу, чтобы чем-нибудь поживиться. — Он увидел ее недоумение — правительства, политика, закон, пираты, юридические закавыки... бессмысленные, непонятные слова... — и быстро продолжил: — Пойми, лорды из глубинных районов Арванета могут поднять своих людей, Братья Кинжала, сведущи в уличных боях, торгаши помогут в заключении сделок и в интригах, но нам все равно понадобится немало северян. И даже если все сложится удачно, все равно армия Сидира еще не будет уничтожена. Он же не бросится домой напрямик, он будет возвращаться по реке Югулар, чтобы собрать все, что он разбросал по ее берегам. И тогда нам понадобится много северян.

Она стояла молча, сплетая и расплетая пальцы. Наконец она прошептала:

— Ты получишь их. Вести быстро разносятся от лагеря к лагерю.

Он кивнул. Прежде чем уехать, она продумала все, и в своих дальнейших действиях он опирался на то, что она сказала. Живущие на равнинах семьи не сразу пошлют своих воинов. Они просто не могут. Их земли подвергли мечу, они разорены. Но территории к востоку от них, в районах Диких лесов, еще не захвачены, и эти должны откликнуться сразу. В основном ему придется рассчитывать на добровольцев из западных регионов от гор Тян-Шана до равнин Старрока. Таким образом они объединялись и в прошлом, помогая друг другу отражать нашествия цивилизованных народов. На сей раз возникла угроза уничтожения всех животных, всем стадам грозит истребление, это должно поднять тысячи и тысячи.

— Скажи только, где и когда мы должны собираться, — попросила Дония.

— Я не могу сказать точно прямо сейчас, — ответил Джоссерек. — Это будет не очень скоро. Я должен поехать на юг, встретиться там со своими людьми, помочь им поднять народ. На это уйдет, самое малое, два месяца, а то и три.

Только тогда мы пошлем за первым контингентом союзников. Сможешь ли ты... сможет ли кто-нибудь к этому времени собрать их в тех селениях, чьи зимние сады находятся недалеко от границы?

— Да.

— Я сообщу, где они должны будут к нам присоединиться. Дополнительные силы помогут нам победить имперские войска в том районе. Гарнизоны не многочисленны, а базы не сильно укреплены. Но потом все усложнится. Сидир соберет свои войска и двинется быстрым маршем вниз по реке. Нам придется туго, если мы встретим его спиной к морю. Мы должны будем двигаться на север. И второй, более крупный контингент рогавикьянских войск должен будет встретить нас в верховьях реки в точно оговоренное время. Смогут они это сделать?

— Думаю, что да.

— Возникнет проблема продовольствия. Это будет зимой.

— Все приедут со своей едой. Одна мысль, что они смогут свободно охотиться, будет поддерживать людей... после победы, по дороге домой.

— Если победим... Дония, я не могу читать будущее. У меня нет другого плана, кроме как захватить Арванет. Пока нет. А что потом, я не знаю. — Он откинулся на скамье и впился пальцами в ее край. — Может быть, ты и сможешь собрать войско, равное или превосходящее по численности Сидира. Но сможете ли вы его победить? У них ведь не только ружья и броня. У них еще вымуштрованные солдаты и высокий боевой дух. Если их уланы атакуют нас, сможем ли мы заставить тысячу рогавикьянских копьеносцев стоять плечом к плечу? Думаю, что нет. Скорее всего, они разомкнут ряды и будут биться поодиночке, они будут сражаться очень храбро, но погибнут.

— Отвага значит больше, чем смерть, — тихо возразила она.

Он вдруг ощутил почти физическую боль.

— Дония, ты будешь там?

— Во втором контингенте? Конечно. А как же иначе? То есть, если враг покинет Гервар.

— Я не хочу, чтобы тебя убили! Послушай, поедем со мной на юг.

— Что? — Она удивленно посмотрела на него.

— Когда я поеду отсюда, поедем вместе. Ты... и те, кого ты захочешь взять с собой. Это тоже рискованно, но не так смертельно опасно, как партизанская война и, наконец, по-

следний бой с целой армией, если ты доживешь до этого времени.

— Джоссерек, о чем ты говоришь? Я не могу уехать. Я и здесь-то осталась не по своей воле. Гервар окружен!

— Да-да, — быстро ответил он, — я понимаю, что тебе ненавистна сама мысль о том, чтобы бросить свой народ. Но ты поможешь им намного больше, если поедешь со мной. Подумай. Я... моим приморцам, жителям Арванета... всем нам нужен кто-нибудь, кто хорошо понимает северян, понимает, что они могут, а что нет. Кто-нибудь, к кому бы они прислушивались, и кто имел бы опыт общения с цивилизованными народами. Такой человек — ты. Я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из рогавикьянцев разбирался во всем лучше тебя. А вдвоем мы составим хорошую команду. Разве не так? — Он собрался с духом. — Дония, ты должна это сделать. Это твой долг перед Гервaром.

Он ждал ее ответа, в тишине раздавались только удары его сердца, измученные глаза женщины внимательно смотрели на него. Неужели он причинил ей боль? Когда она все-таки заговорила, ее голос звучал глуше, чем раньше, и не так ровно.

— Давай лучше поговорим о нас с тобой, дорогой. Давай уйдем.

«Рогавикьянцы — дети неба».

Она взяла его за руку. Рука у нее была теплая и твердая. Они молча вышли на двор. Деревья стоянки шелестели и бросали беспокойные тени, ветер дул с запада, но в нем чувствовался наступающий на юг холод.

Она не отпускала его. Вскоре они ушли на милю от стоянки. Небольшая канава, несколько построек да пыльная полоса засеянной озимыми земли — вот и все, что говорило о присутствии человека. Повсюду расстилалась степь, до самого края земли волновались травы по пояс высотой. Мириады травинок побледнели и теперь отливали серебром. Пахло травой и солнцем. Сотни черных дроздов наполняли воздух шелестом крыльев. Волнами прокатывались их негромкие нежные голоса. Высоко над ними пролетала стая журавлей, немыслимо белая на голубом фоне.

Когда Дония наконец заговорила, Джоссерек был рад, что они продолжали идти. Это помогало ему унять дрожь. Она смотрела прямо перед собой, и ему показалось, что в ее голосе звучала воля, даже мужество.

— Дорогой, я боялась, что это произойдет. Уже и раньше случалось, что иноземец и наша женщина становились близки... и между ними возникало нечто большее, чем обычный

интерес... Конец никогда не бывал хорошим. Оставь меня, пока не стало слишком поздно. Теперь я могу причинить тебе только боль.

Он посмотрел на нее и с трудом выдавил:

— Неужели ты боишься, что я обижу твоих мужей, и это все испортит? Нет. Конечно, я хотел бы один обладать тобою, но... — Он хрипло кашлянул. — Ты даешь мне так много, когда мы вместе, что я даже сомневаюсь, может ли один человек удовлетворить тебя.

Она закусила губу. — Чего ты хочешь?

— Разреши мне навсегда остаться с тобой.

— Это невозможно.

— Почему?

— Джоссерек, я очень хорошо к тебе отношусь. Ты был внимательным другом, увлекательным собеседником и хорошим любовником. Неужели ты думаешь, что я не взяла бы тебя в свою семью, если бы могла?

Он вздохнул.

— Да, я знаю, что не могу стать истинным обитателем равнин. Для меня это слишком поздно. Но я в состоянии усвоить все, что необходимо.

Она отрицательно мотнула янтарной головой. — Я уверена, что ты сможешь освоить все, но не это. Твоя душа далека от рогавикьянцев. Ты никогда не сможешь думать и чувствовать, как мы. Да и мы никогда не доверим тебе тайну. Поверь, такое уже пытались сделать, причем не один раз. Вступали в семью, женились, пытались жить нашей жизнью. Это никогда не получалось и не может получиться. Мы приходим в бешенство, если нам слишком долго докучают. Чаще всего, мы в этом случае убиваем. Ни ты, ни какой-либо другой чужестранец не может прожить среди нас дольше, чем год или два. И одиночество — у него нет никаких развлечений, кроме как обладать женщиной, а та его избегает — чаще всего приводит его к самоубийству. Я не хочу, чтобы такое произошло с тобой. Иди своей дорогой, а пойду своей, и мы оба сохраним счастливые воспоминания.

Он волновался все больше, но заставил себя сказать:

— Я не уступлю. И ты не уйдешь от меня. Давай попробуем найти общий путь.

Она замедлила шаг, бросила на него испуганный взгляд:

— Ты хочешь остаться в Герваре?

— Нет, я вряд ли смогу это сделать. Это ты поедешь в Арванет. Дай мне все объяснить подробно, коснувшись прак-

тических деталей. Ты нам очень там нужна. Кто ты здесь? Еще один боец, хотя и талантливый...

Она оборвала его, резко остановившись. Какое-то время она стояла, уставившись в траву, струящуюся вокруг нее по ветру и обвивавшую его ноги. Потом она расправила плечи, взяла обе его руки в свои и твердо сказала:

— Одно это говорит о том, что нас разделяет пропасть. Ты думаешь, будто я могу делать, что хочу? Нет, Джоссерек, не могу. На мою родину вторглись захватчики, и я должна помочь защитить ее. Ты спросишь, зачем я здесь, почему бы мне не поехать туда, где я могу быть более полезной. Могу ответить просто: во-первых, я не сказала тебе, чего мне стоил приезд сюда. Без моих мужей, без нашей помощи друг другу я бы не выдержала. Говоря между нами, разум победил желания. То же самое можно сказать о тех, кто приехал с нами, хотя у каждого свое. Мы даже сохранили жизнерадостность, ибо знали, что долго это не продлится. Нам нужно только передать сообщение, а потом дать тебе время подготовиться: ведь ты сказал, что у тебя есть план. И кроме того, это хоть и не Гервар, но все равно северная земля. Это почти что дом, отсюда до дома один день быстрой езды. Но насовсем уехать в чужую страну я не могу. Никто из нас не может. Семьи, чьи территории еще не осквернены, могут присоединиться к вам. И они охотно сделают это, чтобы опередить противника. Среди них я найду тебе советников. Но сама я не могу ехать. Не могу и еще раз не могу.

— Почему же? — прошептал он.

— Я сама не знаю, — ответила она. — А что заставляет нас дышать?

Ответ поразил его, как удар грома.

— Джоссерек! — Испуганная, она обняла его. — Ты здоров?

«Я должен думать еще. Может быть, я обнаружу, что ошибаюсь. О Добрый Дельфин, сделай так, чтобы я ошибался».

— Все в порядке, — пробормотал он.

— Ты бледен. Ты замерз?

Он пришел в себя.

— Конечно, я расстроен. Понимаешь, ты останешься, а я обязан уехать.

— Скоро?

— Я закончу свой прибор за два-три дня. Я должен его испытать и быть уверенным, что мое сообщение дойдет по назначению. Буду менять частоту, хотя это совершенно не обя-

зательно. Буду ловить атмосферные разряды. Лишь бы только подольше побыть с тобой, дорогая — любовь всех нас делает лжецами. А тем временем мы разошлем курьеров, и они приведут мне советников, о которых ты говорила.

— Верно, я могу подождать... хотя бы неделю, а остальные наши могут возвращаться раньше. Надежда дает силы. — Дония подошла к нему. — И каждая ночь будет твоей, дорогой, только твоей.

XX

Странно было снова оказаться на борту корабля. Когда Джоссерек вышел из предоставленной ему отдельной каюты, вкус соленого ветра на губах, его свист в снастях, скрип такелажа и рыболовного снаряжения, рокот и брызги волн, качающаяся под ногами палуба напомнили ему, насколько он изменился за недавнее время.

Полдюжины рогавикьянцев, бывших с ним, тоже едва узнали его. Он был гладко выбрит и коротко пострижен. Он уже успел раздать кожаные и шерстяные рогавикьянские вещи морякам-новобранцам. Северяне обменивались с моряками улыбками и рукопожатиями, но все еще чувствовали себя неловко. В белых гребнях волн мелькали грязно-бурые плети водорослей, взлетала пена; земля, с которой забрало их это судно, превратилось в пятнышко на северном горизонте.

— Адмирал примет меня, — сказал Джоссерек. — Хочешь пойти со мной, Феро?

— Да, — кивнул торговец из семьи Валики, главный проводник и советник Джоссерека. — А что делать остальным нашим людям?

— Мм-м... ты ведь знаешь, какие цивилизованные люди эти вожди. Что не говори, а большинство ваших ребят не последует тем советам, которые им давали, а сейчас мы лишь собираемся обменяться сообщениями. Вас удобно разместили?

— Мы бы сказали — оригинально, — ответил Феро. — Хотя мы очень устали с дороги, сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из нас уснул среди такого скопища тел. Можно оставить снаружи хотя бы наши вещи?

Джоссерек осмотрелся. Судно «Прайл офф Алмерик» было приспособлено для торговых нужд, но помимо всего прочего на палубе были установлены орудия.

— Я уверен, что можно. Места много, и мы наверняка высадим вас на берег до того, как начнутся военные действия.

Адмирал Роннах принял их в своем кабинете. Он происходил из рода Дэррэйн, из того же, что и Джоссерек, но это никак не влияло на их отношения. Для адмирала имела значение лишь служба, которую представлял Джоссерек, одетый сейчас в форменный голубой китель с изображением золотой летучей рыбы.

— Приветствую вас, джентльмены. Прошу садиться. Полагаю, мы можем говорить по-рагидьянски? Сигары? Как вы добрались от того места, откуда подали нам сигнал?

— Добирались верхом. Дорога была тяжелой, — ответил Джоссерек. Никакими словами нельзя было передать то, что им довелось пережить. Им пришлось пересечь Югулар, избегая имперских патрулей, и идти на восток почти до диких лесов, а потом они свернули на юг, в песчаные прибрежные низины. Ни один пункт, предусмотренный для встречи, не был безопасен.

— Что ж, мы действительно уже начали беспокоиться: день за днем посылали лодки, а они возвращались пустыми, — ответил Роннах. — На мой взгляд, во всем этом слишком много странного.

Джоссерек напрягся.

— Сэр, а как обстоят дела в данный момент?

— Боюсь, что фактов нет, одни эмоции. Радиосообщения между нами и Ичингом не проходили, стоял сплошной треск. Вы понимаете, они были бы счастливы, если бы узнали, что Рагид отступил на несколько пунктов — при условии, что это не означало бы для них войны. Поэтому все должно носить неофициальный характер. И все-таки нужны точные сведения, прежде чем нам разрешат предпринять что-нибудь серьезное. У нас появилось несколько агентов на берегу, в городе тайно собран передатчик, но это почти все.

Джоссерек кивнул.

— Я и не ожидал ничего большего. «И все-таки, я позволял себе надеяться ради Донии.» — Вероятно мне придется действовать своими средствами, а также помогать вашему штабу, бороться с нашим руководством дома и бог знает, что еще.

Феро слушал молча. В его глазах, глазах пантеры, явно не было понимания происходящего.

Дождь бушевал до тех пор, пока бурные потоки воды не смыли с улиц Арванета летнюю грязь и осеннюю опавшую листву и не смыли их в каналы. Через окно Казиру были видны опустевшие улицы Лэарса — все дома, притоны, трактиры были погружены в сумрак. Хэлл Клойстер едва виднелся над крышами. А эта комната была уютна, стены были обиты бархатом сливового цвета, ярко светили лампы, отражаясь в хрустале и серебре. В комнате пахло благовониями.

Вице-глава Братства Рэттлбоун откинулся в кресле, затянулся сигаретой с марихуаной, медленно выпустил дым через ноздри — его высохшее лицо сморщилось от удовольствия — и пробормотал:

— Да, вы совершили героическое путешествие. Но боюсь, что лично я не склонен к героизму. Умирать глупо — это удел молодых.

Джоссерек шевельнулся в своем кресле.

— Вы что же, хотите так все и оставить? Вас будут преследовать, пока имперские констебли не вырвут ваше Братство с корнем, пока не прикончат последнего из вас, — с досадой произнес он. — Выехав на дорогу в Ньюкип, я обратил внимание на пугала среди полей, я слышал, будто они сделаны из кожи пойманных убийц. По-моему такая смерть позорнее, чем от меча.

— Но неудачливые мятежники умрут еще менее элегантно, —заметил Казиру. — Наши мучения в Лэарсе еще терпимы. Оккупационные силы слишком рассредоточены и могут лишь изредка устраивать на нас облавы. Они редко ловят кого-нибудь путного. Самые крупные наши проблемы возникают от того, что Гильдии отказывают нам в покровительстве.

— Одно только это со временем вас задушит, — Джоссерек подался вперед. — Послушайте, я предлагаю вам союз с северянами и морскими народами, на который вы надеялись. Я не прошу, чтобы вы решились прямо сейчас. Вы явно не можете этого сделать. Честно говоря, моя сторона желает получить разумные гарантии успеха, прежде чем мы выступим. Я один из людей, которые ведут переговоры с разными слоями населения этого города. Мы должны договориться и скоординировать усилия, иначе глупо начинать восстание. Разве мы с вами не можем разобраться со всеми проблемами на месте? И потом, если перспективы покажутся вам многообещающими, разве вы не сможете и в будущем поддерживать эти контакты?

— Это потребует времени, — предупредил Казиру.

— Я знаю, — невесело ответил Джоссерек.

— Но... да, на таких условиях вы представляете для меня интерес, — Казиру поклонился. — Вы будете моим желанным гостем.

Эрсер эн-Гаван, Святейший Советник Мира, облаченный в традиционную серую одежду, восседал на мраморном троне, который был высечен так давно, что в спинке и на сидении протерлись дыры, и вертел в руках маленький глобус из дымчатого хрусталя, который всегда носил на груди. На глобусе была выгравирована карта, причем береговые линии и границы ледника сильно отличались от тех, что были изображены на современных картах. Убранство комнаты было строгим, занавеси опущены. Джоссерека привели сюда, предварительно завязав глаза. Он знал только, что находится где-то в Храме Короны.

— Знай, — прошелестел голос мудреца, — я принимаю тебя только потому, что сведения, которые ты сообщил мне через посредников, сулят неблагоприятное развитие событий. Возможно я заставлю тебя сказать больше, чем ты хочешь. Я вытяну из тебя все, что ты знаешь, прежде чем арестую и отправлю к имперским инквизиторам.

— Конечно, — ответил Джоссерек, не опуская лица. — А вы, сэр, понимаете, что я всего лишь связной, и те люди, от лица которых я говорю, не представляют правительство Киллимарейча? Агентурные данные доказывают, что... хм-м... вашим владениям грозит нарушение спокойствия. Возможны как вторжение извне, так и внутренний мятеж. Мы полагаем, что Ичинг не будет возражать, если мы предоставим наши лучшие службы, чтобы свести ущерб к минимуму. Но окончательное решение за вами.

— Признаюсь, мне непонятно, почему вы не передадите ваши данные Имперскому Совету.

— Мы сочли, Ваша Мудрость, что Совет Мудрейших даст нашим сообщениям наиболее правильную оценку и посоветует, как поступить дальше. Разве Совет не является составной частью имперского правления в Арванете?

— Да, его предназначение заключается и в этом... Вы намекаете, что мы могли бы выбросить отсюда имперские силы и провозгласить суверенитет? При этом вы предлагаете помощь северных варваров и приморских мореплавателей?

— Верно, Ваша Мудрость. Будет это иметь успех или нет, Киллимарейча непосредственно не касается, хотя я мог бы напомнить Вашей Мудрости, что насильственное присоединение

Арванета к Рагиду никогда нами не признавалось. Мы считаем, что остановить развитие событий невозможно, но вы сможете их хотя бы контролировать.

— Например, заключив предварительные договоры с другими слоями общества...

— Я предлагаю вам назвать это правительство правительством национального освобождения, Ваша Мудрость.

— Может быть...

— Или коалицией. Сэр, если мои руководители смогут помочь свести кровопролитие к минимуму, установив надежные связи между различными заинтересованными сторонами, они будут счастливы.

Эрсер почесал свою раздвоенную бородку.

— Нам было бы удобнее, если бы вы попытались уговорить имперского Главнокомандующего отказаться от продвижения вверх по реке. Арванет пережил многих завоевателей, и эти ничем не отличаются от других. Несколько десятилетий, несколько столетий... а смерть — это навечно.

— Что ж, Ваша Мудрость, — начал Джоссерек, — я уже говорил вам, что мы очень мало знаем о планах северян...

Ни у кого не было новостей о Донии, ибо никто не приехал из Гервара, да никто и не мог оттуда приехать, пока Сидир находился в Фулде. Джоссерек уже перестал ждать. Пользуясь посредничеством Феро, он отвел в сторону Таргантара из семьи Луки: эта семья более других годилась на роль семьи вождя.

Охотники ждали. Их было сотни и сотни. Никакие наблюдатели не могли их обнаружить, они рассредоточились по всем болотам Анвара. Лишенные листьев деревья и кусты, сухие стебли камыша шелестели над замерзшей водой; они все-таки давали какое-то укрытие, особенно когда свет был тусклым и серым, валил густой мокрый снег, окутывая землю, погружая ее в мертвый сон.

— Ты уверен, что все войско в сборе? — спросил Джоссерек. Таргантар пожал плечами.

— Нет, — ответил он. — Как я могу быть уверен? Но у меня достаточно причин, чтобы так полагать.

Он описал систему связных, которая была разработана рогавикьянцами, а не просто организована какой-то там группой исключительно в военных целях. Ничего удивительного в том, что у них существовала такая система, не было, особенно если принять во внимание характер этих людей. В ос-

новном эта система была весьма разумна. Он был человеком, к которому поступала вся информация, и, в конечном итоге, именно от него поступило сообщение, что им пора выезжать на собрание в Сондр Кэттл. Дония подробно рассказала обо всем этом ему, его жене и другим мужьям его жены. Он знал, сколько приблизительно человек отправилось на юг, к этому району, отозвавшись на вызов Феро. Он также знал, что это число несколько раз уточнялось по мере поступления сообщений от союзников. Целая сеть связных была готова оповестить все лагеря практически моментально.

— А можете вы пожить здесь еще несколько дней, но так, чтобы никто об этом не узнал?

— Думаю, что да, — кивнул Таргантар. — Между границей и этими дикими местами расположено не так уж много ферм; и вероятно, любая группа наших людей, которая будет проходить мимо, догадается поступить так, как мы договаривались: брать в плен их обитателей. Любой житель болот мог бы разнести слух о нашем присутствии по всей округе. Но всякий, кто охотился или торговал к востоку от гор Идис, должен препятствовать возникновению и распространению таких слухов.

— Хорошо. Понимаешь, мы решили, что важнее сначала поднять сельских жителей, особенно на севере. Если лорды возьмут контроль над провинциями, то сообщения будут распространяться гораздо медленнее.

— Верно. Но надо торопиться. Это место слишком сырое и мрачное для нас.

— Самое большее — три-четыре дня. Потом вы получите вызов.

— Что нужно будет делать?

— Обогнуть город и выйти на главный путь, Гранд Ист. Вы ведь помните, что от него идет единственная пешеходная дорога через Лагун. У нас нет ни плотов, ни лодок, которые были у рагидьянцев когда те напали на Арванет.

— Хм... Я помню, что в самом конце там стоит мощный бастион.

— Именно этим и займутся Братья Кинжала, — сказал Феро. — Они нападут изнутри, откроют вам ворота, покажут, где размещаются войска. Кавалерия и артиллерия будут бессильны. Тамошние улицы — все равно что горные ущелья.

— Оч-чень хорошо, — Таргантар вынул свой клинок, провел пальцем по лезвию и улыбнулся.

В эту зимнюю ночь весь Арванет стал охотничьим угодьем рогавикьянцев.

Им хватало света звезд, сияния луны, даже их отражения от сверкающего льда скованной морозами реки Скай. Когда им попадались отдельные солдаты, они, охотники с острым, волчьим чутьем, прятались среди теней. Потом они пускали в ход свое оружие, а их собаки лаяли до тех пор, пока не кончалась ночная схватка. Затем они искали новую добычу.

Несколько подразделений имперцев засели в домах и отвечали на атаки рогавикьянцев ружейным огнем. Но это не играло особой роли, пусть сидят себе за стенами. Скоро прибудут приморцы, которые знают, как пользоваться трофейным оружием. По радио поступило сообщение, что Ньюкип пал после недолгой бомбардировки, и буксиры скоро притащат вверх по течению пару военных кораблей.

Перед дворцом Голин, распластавшись на мостовой, лежали убитые. Они защищали дворец с яростной храбростью, но лучники-северяне в сумерках подошли поближе и обрушили на укрепления дождь стрел со стальными наконечниками, после чего пал последний из защитников.

Джоссерек возглавил победителей, и они двинулись дальше. До этого момента он оставался на заднем плане, не участвуя в беспорядочных бесчисленных схватках, которые то вспыхивали, то прекращались, сливаясь в одну кровавую суматоху, что длилась час за часом, захватывала улицу за улицей, оставляя кровь меж булыжников мостовой, где ее жадно вылизывали дворняги, да падаль для здоровенных городских крыс. Но в этом здании находились службы и апартаменты Сидира, и поэтому Джоссерек на время забыл о Донии. Может быть, здесь он найдет ключ к натуре баромьянца, и это поможет ему спланировать дальнейшие действия против Сидира. В Ичинге Джоссереку обещали дать нескольких опытных людей, и тогда они двинутся на север. Но этих людей будет мало, их горстка растворится среди неорганизованной орды необученных и плохо подготовленных рогавикьянцев. Имея численное преимущество, используя поддержку с тыла и ловко ориентируясь в запутанном лабиринте улиц, рогавикьянцы смогли захватить Арванет, но едва ли смогли бы долго его удерживать. У них не будет ни одного из перечисленных преимуществ, когда они встретятся с Сидиром...

Сопротивление защитников было окончательно сломлено. Испуганные слуги бросились врассыпную, когда окровавленная толпа ворвалась в сводчатые коридоры и устремилась в

великолепные комнаты. Джоссерек признал мажордома по ливрее в одном из убегавших.

— Стой! — крикнул он, но тот припустил еще быстрее, и тогда рогавикьянская женщина сняла с пояса лассо, раскрутила и бросила его. Рухнула задетая петлей хрустальная люстра.

Джоссерек приставил кончик ножа к шее упавшего слуги.

— Где здесь самая высокая по рангу особа? — потребовал он.

— Им-имперский Наместник... — выдавил дрожащий слуга, — Лунный Зал...

Сам Юрусан Зот-Зора? Прекрасно! Наместника следовало захватить в качестве заложника, причем как можно скорее, высказывая, однако, всяческое почтение к его высокой особе. Виноваты, мол, лишь обстоятельства.

— Веди нас, — приказал Джоссерек. Он поднял слугу за воротник и повел, подталкивая сзади коленом.

В зале, где единственная лампа бросала на стены бледный свет, похожий на лунный, торжественно восседал старый человек. Когда нападающие ворвались в комнату, он поднял пистолет.

— Нет... — выдохнул он. — Стойте, где стоите.

Джоссерек махнул рукой, чтобы идущие за ним отступили назад. Мышцы живота напряглись, он почувствовал, как на коже мгновенно выступил пот, как бешено забился пульс. Стараясь говорить спокойно, Джоссерек произнес:

— Вы должно быть, тот, кто говорит от лица Империи. Мы не желаем вам вреда, сэр.

— А вы представляете приморцев, — констатировал Юрусан спокойным голосом, в котором проскальзывало чуть ли не сожаление. — В телеграмме из Ньюкипа, пока он еще держался, говорилось... Ну что ж, стоит ли возмущаться тем, что житель Киллимарейча поступает именно так, как это свойственно от природы его народу?

— Это неверно... простите, сэр. Ситуация сложная, и мы...

Юрусан поднял свободную руку. Она была на удивление тонкой — рука мудреца, а не воина.

— Прошу вас, не оскорбляйте меня. Ведь я говорю от лица Славного Престола и законы чести не позволяют мне сносить оскорбления. — Помолчав, он добавил уже более мягким тоном: — Если вы действительно не имеете против меня ничего дурного, сделайте доброе дело, прежде, чем я умру. Отойдите в сторону. Дайте мне полюбоваться на этих великолепных зверей.

Онемев от удивления, Джоссерек отступил в сторону, пропуская в дверь рогавикьянцев. Некоторое время Юрусан пристально рассматривал женщину с лассо. Наконец он улыбнулся и спросил на языке Рогавики:

— Милая, из какой ты семьи?

— Я из семьи Старрок, — ответила она.

— Я так и думал. Ты похожа на них. Ты, случайно, не родственница Брузы, что зимовала у озера Пайн? Ей, наверное, столько же лет, как и мне, если она еще жива.

— Она умерла.

— Ну, что ж, — произнес Юрусан, поднимая пистолет.

Джоссерек прыгнул, но опоздал. Прогремел выстрел.

Снова пошел снег. Теперь он был сухим, снежинки кололи, словно маленькие копья, ветер, завывая, крутил и швырял его в лицо. За стенами штаба, который раньше принадлежал Сидиру, крутились белые сумерки, оконные стекла превратились в фантастические витражи, расписанные морозом, лишь лампа да огонь в камине рассеивали темноту в кабинете.

— Понсарио ан-Остраль, сэр — доложил караульный матрос и впустил купца. Джоссерек оторвался от стола, на котором были разложены бумаги. Арванетец самодовольно улыбнулся, два раза заученно поклонился, сложил руки на груди и ждал, что ему скажут. Растаявшие снежинки блестели на волосах, усах, на меховом воротнике.

— Садитесь, — сказал Джоссерек.

«Насколько я могу судить, этот жирный лис хочет пригрозить чем-то, а заодно что-нибудь выпросить».

— Спасибо, сэр. — Понсарио взял стул и разместил на нем свой зад. — Стоит ли говорить, что я был очень удивлен, когда меня представили капитану Джоссереку Дэррейну?

— А вы ожидали увидеть здесь адмирала Роннаха? У него очень важные дела, он занят наведением порядка. — Надо же кому-то управлять, пока люди в Лэарсе не начали голодать, в то время, как дюжина дурацких фракций ссорятся по поводу того, как лучше организовать правление.

Понсарио посмотрел на него блестящими глазами.

— Да простит мне капитан простую мужскую прямоту, смею ли я предположить, что великолепный адмирал Роннах может своею властью гарантировать поддержку достаточно компетентному и ответственному руководству, если оно себя таковым проявит. В нашем теперешним нестабильном поло-

жении на передний план выступят, скорее всего, фанатики, бездушные авантюристы, а также те, кто надеется исчезнуть, прихватив с собой пару-другую мешков с городской казной... Именно такие...

— А остальные боятся того, что Сидир вернется и накажет тех, кто поддержал нас?

— Капитан, восстание против Империи уже состоялось, но ваша страна, насколько мне известно, его не поддержала.

— Конечно, не поддержала. Верно, также, что приморские каперы втянуты в трехсторонний спор между Рагидом, Арванетом и Рогавикой. Это не входит в юрисдикцию Киллимарейча. Узнав о сложившейся ситуации, наш флот по их просьбе послал свои корабли, находившиеся в этих районах, для оказания помощи.

Понсарио прищурился и сказал деловым тоном:

— Ладно, если вы предпочитаете такой язык, я не буду возражать.

— Несколько наших людей планируют сопровождать рогавикьянцев на север, когда они туда отправятся, а это будет скоро, — продолжал Джоссерек, — Разумеется, в качестве обычных наблюдателей. Надеюсь, вы это понимаете. Но мы примем участие в событиях, если нас попросят.

— Я прекрасно понимаю, капитан, — заверил Понсарио.

Джоссерек составил пальцы домиком и посмотрел сквозь них.

— Мне известно, что вы сотрудничали с Сидиром... более того, тесно сотрудничали, — сказал он с тигриной мягкостью. — Было бы очень полезно, если бы мы могли обсудить этот вопрос в деталях... только вы и я. Тогда я буду знать, чего можно ожидать от Сидира... Что, например, могло бы заставить его заключить мир?

— Ничто, сэр, — Понсарио вспотел.

— Что ж, тогда каких действий можно от него ожидать?.. Никто не должен знать, о чем мы тут с вами говорили. Поправьте меня, если я ошибусь, но разве Гильдии не испытывают трудностей после того, как они подчинили свои интересы интересам Империи? Если Арванет останется независимым, я думаю, что Гильдии смогут рассчитывать, гм-м... на влиятельных зарубежных друзей.

Понсарио был осторожен, но вовсе не медлителен.

— Да, капитан, я хорошо понял вашу точку зрения. А вы, конечно, понимаете, что я не могу сообщить ничего по-настоящему ценного. Но ведь вы просто желаете поговорить о Сидире, так? Он удивительный человек...

Джоссерек верил, что жирный купец говорит правду. Все совпадало с тем, что он уже знал из других источников. Понсарио даже дал несколько полезных советов, которые вполне могли бы пригодиться в войне против Сидира. У него были торговые связи по всей реке Югулар, и он знал эту великую реку во все времена года и во всех ее проявлениях. Так же хорошо он знал хозяйство Империи, поскольку в свое время достаточно много торговал с ней. Джоссерек задумался, пытаясь обобщить и осмыслить все, что он узнал.

Быстро армия до Арванета не дойдет. Сидир двинется из Фулда, забирая с собой все гарнизоны по мере того, как будет их проходить, С ними же будет двигаться все их снаряжение, орудия и боеприпасы, поскольку рогавикьянцы наверняка прочешут все оставленные крепости и уничтожат все, что не смогут забрать с собой. Перевозить тяжести в зимнее время крайне трудно. Без сомнения, он будет двигаться по льду Югулара, таща свои грузы на санях. Это будет легче, чем везти их на повозках по выбитым и изуродованным дорогам, но тоже очень тяжело. Когда он подойдет к южной границе, ему придется выбраться на берег — лед там недостаточно прочен. Суда не смогут встретить его там, поскольку плавучие льды делают зимнюю навигацию чрезвычайно опасной, и река зимой не судоходна до самого Арванета. По той же самой причине, экспедиция, которая выйдет ему навстречу, на север, не сможет взять с собой большой груз. Капитану Джоссереку — то есть варварам, вместе с которыми пойдут капитан Джоссерек и его люди — не стоит рассчитывать на собственную артиллерию.

— Послушайте, сэр, мой вам добрый совет — держитесь сзади, — продолжал Понсарио. — У северян нет иных шансов — да и не было никогда, — кроме как покорно умереть от пуль и копий Сидира. И у мятежников нет никакой надежды на успешное сопротивление ему, когда он наконец прибудет сюда. Вся компания закончится меньше, чем за год, а потом последует возмездие. К тому времени, когда он снова обратит лицо на север, не останется никого, кому вздумалось бы восставать. Поэтому, если достопочтенное правительство Киллимарейча не собирается сохранять здесь постоянное военное присутствие, самое лучшее, что оно сможет сделать, это использовать свое влияние, чтобы обговорить условия немедленной капитуляции. Вы, капитан... Капитан?!

— Прошу прощения, — встрепенулся Джоссерек, — я задумался.

Внутри у него все пело, перекрывая вой метели на улице. Теперь он знал, как можно добраться до Донии.

Если только она жива.

XXI

На границе самых южных племенных земель, Лено на востоке и Яир на западе, Югулар круто поворачивал сначала в одну сторону, потом в другую — русло руки напоминало здесь гигантскую подкову. В нижней ее части лежал остров. Должно быть, течение отрезало его от берега совсем недавно, ибо он был почти вровень с берегами реки. До самой вершины он был покрыт деревьями, усыпанными сверкающим снегом. Северяне назвали его Горн Нез. Здесь они собрались, чтобы разбить стоянку.

Сидир узнал об этом еще за несколько дней до того, как добрался сюда, когда к нему до срока присоединились его гарнизоны. Солдаты говорили, что местное население оказалось более многочисленным и организованным, чем они предполагали. Тем не менее, справиться с регулярной армией им не удалось. Сидир сделал выговор офицерам. У дикарей не было ни таланта, ни опыта, чтобы вести правильную осаду или организовать штурм. Любое укрепление, обороняемое с помощью огнестрельного оружия, могло отразить их натиск, сколькс бы их ни было. И если они наконец объединились перед лицом всеобщей опасности, которую представляла для них Империя, то стали от этого только уязвимее — хвала богам войны.

Но он не особенно бранил своих солдат. Там, на той стоянке могла быть Дония.

Его армия с трудом пробиралась вперед. Разведчики доложили, что рогавикьянцы притихли и доедают свои запасы, укрывшись под навесами или в своих повозках. Ежедневно к ним подходили новые силы. Несомненно, они рассчитывали на сильного и жестокого союзника — на зиму. И зима делала свое дело. Она измотала и людей и животных — морила голодом, обмораживала, калечила, убивала. Волки, койоты и стервятники следовали за солдатами Империи.

И все-таки армия двигалась вперед без остановок. Ни усталость, ни боль, ни потери не могли сломить тех, кто донес имперские знамена с верховий Хаамандура до границ ледника. Хотя металл остывал так, что от прикосновения к нему на нем оставалась кожа, никто из баромьянцев не расстался с ожерельем мужества — многие подвязывали под него ка-

ую-нибудь тряпку и шутили, что, хорошо еще, что его носят а шее, а не на каком-нибудь другом месте. Когда быки останавливались от усталости, крестьянская выносливость рагидьянских пехотинцев позволяла им самим тащить фургоны, ока животные отдыхали. Кончились запасы топлива, никто е знал, где и как добыть его. Солдаты ели свой скудный рацион в сыром виде, делились друг с другом чаем, который ак-то ухитрялись приготовить, спали, сбившись в кучи, прием с внешней стороны — по очереди. Зачастую на таких алких биваках баромьянцы пускались в пляс, размахивая уками и притопывая, а рагидьянцы заводили песни.

«Они дотянут, — подумал Сидир. — Скоро они доберутся о менее суровых место и там придут в себя. Потом они вновь озьмут Арванет в свои руки, накажут по-справедливости редателей и еще до наступления лета устроят победный пир. Но если еще они сначала встретятся с противником, сколько ы того ни было — орда против орды — и очистят землю от тих бродяг, что ж, на следующий год они будут обладать евером, подобно тому, как мужчина обладает женщиной.»

Ему очень хотелось самому поверить в это.

В день Дракона, 17 Ухэба, он встал до рассвета с мыслью, то сегодня будет битва. Вечером он добрался до верхнего изиба реки и долго наблюдал из леса за берегом реки. Берег азался не таким уж опасным. Рогавикьянцы знали о том, что н здесь, но, если не считать разведчиков, не покидали остова. Крошечные огоньки указывали места, где они располалались. Эти огоньки растянулись на мили вокруг острова вниз о реке. Он прикинул, что численности их силы примерно авны, и что противник, видимо, лелеет дикую надежду использовать Горн Нез в качестве крепости, при необходимости одтягивая подкрепления с тыла.

— А пока, — сообщил полковник Девелкэй Сидиру, — ни очистили лед от снега. Теперь у нас есть очищенная дога по излучине.

Командующий нахмурился:

— Мм-м, не могут же они быть полными идиотами, — казал он. — Хотя мы очень мало знаем о падении Арванета, - чертовски мало! — но ясно, что северяне играли там не спомогательную роль. Именно они и взяли Арванет.

— Сэр, кто-то заранее все подготовил, кто-то сказал им, то надо делать и дал волю. И ничего больше.

— Несомненно. Интересно, а этот кто-то до сих пор среди их? Мы будем продвигаться осторожно.

Сидир плохо спал, так было почти каждую ночь после то-

го, как Дония оставила его. А среди ночи его несколько раз поднимала тревога за своих людей. Он стыдился, что лежит в теплой сухой постели, а они — под застывшим на морозе Серебристым Путем. Конечно, так было нужно. Несколько лишних утепленных палаток были бы обузой, их пришлось бы тащить через торосы высотой в гору без какой-либо помощи. А если у Главнокомандующего в бою все будет плыть перед глазами, это приведет к ненужным потерям. И все равно комфорт раздражал его.

Ординарец принес ему кофе и зажег фонарь. Есть перед боем было неразумно. Он оделся — нижнее белье, толстая рубашка, колет, брюки, сапоги, шпоры, доспехи, портупея, копье, меч, латные рукавицы. Выйдя на улицу, он снова почувствовал, как плохо баромьянское снаряжение защищает от холода. Он тяжело втягивал в себя воздух и выдыхал белые клубы пара. Воздух окутывал лицо, словно густая холодная жидкость. Вокруг стояла тишина, только под ногами громко хрустел снег. Верхний лагерь лежал в полумраке, под последними звездами, бледнеющими на западе, а с востока на него накатывался тоскливый рассвет. Деревья были похожи на скелеты, ветки были белыми от инея и жесткими как кость. Сидир стоял на крутом обрыве и все смотрел вниз, на реку. Там виднелись неясные фигуры, в которых, если присмотреться, можно было различить зарядные ящики, орудия, тягловых животных и солдат, присматривающих за всем этим. Издалека доносилось ржание лошадей. Блестели стволы орудий. Сегодня они раскалятся, бросая ядра в живые тела. Почти на милю, до другого берега тянулся сверкающий лед. За ним виднелась, сливаясь вдали с сумраком ночи, покрытая инеем земля.

Нахлынуло одиночество, и это ощущение неприятно поразило его. Зыбкий лунный свет воскрешал воспоминания о прошлом в Хаамандуре — там, под вулканами Зангазенге, жена, женщина его молодости, которую звали Энг, родила ему шестерых детей. Перед ним вставал и Наис с его великолепными дворцами и Надейна, его вторая жена, женщина, которая разделила с ним его зрелые годы... Были ли они вообще когда-нибудь?

Он укротил свое сердце и двинулся меж рядов солдат и офицеров, отдавая приказы, воодушевляя людей на битву.

Солнце поднималось все выше, становилось светлее, чистая белизна снега отливала мягкой голубизной, лед заискрился, словно алмазные или хрустальные россыпи.

Загудели рога, затрещали барабаны, раздались резкие команды — армия выступила.

Сидир был уже готов двинуться вместе с нею, когда к его охране подскакал всадник, перебросился с охранниками несколькими словами, подъехал вплотную к Сидиру и осадил коня.

— Сэр, кажется, они выслали парламентеров.

— Что? — Он растерялся — такого никогда не бывало.

— Их с полдюжины, сэр. Они покинули остров и взбираются на лошадях по склону, у них зеленый флаг, и они направляются прямо к нам. Неприятель не проявляет никакой активности, если не считать дозоров на берегу. С ними нет никого, и у них только ручное оружие.

— Переговорите с ними, — решил Сидир. — Если они действительно хотят переговоров, ведите их сюда.

Следующие полчаса он никак не мог успокоиться — кровь кипела, хоть он и пытался сладить с ней. Он старался не думать о причинах этого беспокойства, пытался чем-нибудь заняться. Его воины двигались быстро, и рядом почти никого не осталось, когда привели рогавикьянцев..

Он сидел в своей палатке, на скамье, заложив ногу за ногу. Полог был откинут, сквозь проем виднелись стволы деревьев, утрамбованный снег, двое верховых караульных; блеснул наконечник копья, мелькнул красный флажок и наконец появились парламентеры. Они ехали на лохматых лошадях, которые шли по снегу намного легче, чем лошади южан, да и похудели меньше. Сами парламентеры были одеты в оленьи шкуры, за плечами развевались накидки с капюшонами. Они осунулись, щеки были тронуты морозом, солнцем и ветром, но на лицах легко читалась гордость. Проезжая мимо охраны, они даже не придержали лошадей.

Их предводитель нес флаг. Капюшон у него съехал с головы, янтарные волосы играли в лучах восходящего солнца. Он узнал ее и имя молотом ударило в мозгу Сидира. Дония! На это он не смел даже надеяться. Он едва не бросился ей навстречу, но это было невозможно на глазах солдат и варваров. Он остался сидеть, лишь в висках у него звенели литавры.

Она остановилась у палатки, воткнула знамя в снег и одним прыжком соскочила с лошади. Мустанг фыркал, нетерпеливо бил копытом. Держа поводья в руке, она улыбалась. Она улыбалась.

— Приветствую тебя, Сидир, старый боец! — громко произнесла она.

— Приветствую тебя, Дония Гервара, — ответил Сидир чужим голосом. — Если ты приехала с миром, это хорошо. Входи.

«Посадить ее у своих ног, как собаку? Не хотелось бы».

Мужчины вошли в палатку следом за ней. Четверо были одной расы с Донией, и совсем молодые, и совсем зрелые. Кириан, Беодан, Орово, Ивен — ее мужья, как сказала она. Пятый удивил Сидира. Сначала он подумал, что этот парень рагидьянец-перебежчик, потом решил, что он может быть родом из Танвы, но услышав, что его называют Джоссереком Дэррейном, понял, что тот из Киллимарейча. Да, он вспомнил это имя, а также различные слухи, которые заносили на север беженцы и шпионы. Эти сплетни перескакивали и на кораблях. На мгновение Сидир даже забыл про Донию.

— Садитесь, — резко сказал он. — что вы хотите сказать?

Сидя у его правого колена, она посмотрела вверх со смелостью, которую он слишком хорошо помнил, и ответила:

— Если вы сдадитесь, мы позволим вашим людям уйти домой.

Он не сразу подыскал нужные слова.

— Дония, тебе не стоило бы дерзить.

— Нет, Сидир, я говорю серьезно, — ответила она. Сегодня ее глаза казались изумрудными. — Конечно, мы не хотим тратить жизни наших людей. Мы не держим на вас зла, и не будем держать, если вы сейчас же уберетесь из нашей страны. Даже народы Яир и Лено пальцем вас не тронут, если увидят, что вы уходите. Уходите. Оставьте для верности ваше тяжелое оружие и уходите с миром. Не умирайте на чужой земле, не оставляйте сиротами своих детей. — Мягким движением она положила руку ему на бедро и оставила ее лежать там. Рука жгла его, как огонь. — В былые времена мы были друзьями, Сидир. Мне хотелось бы, чтобы мы искренно пожелали друг другу благополучия.

Он сжал кулаки, собирая свою волю, и выдавил усмешку.

— Мне нечего вам предложить кроме того, что вы уже слышали — заключите мир с Империей. Но поскольку вы не желаете принять это, я дам вам добрый совет. Уходите с нашего пути. Мы выполняем повеление Престола, и если кто-нибудь попытается нам препятствовать, мы сметем его и проложим себе путь.

— Дикие животные бодаются со скалами, потому что они не способны думать, — тихо произнес ее муж Ивен. — Вы полагаете, что будете по нам стрелять, топтать лошадьми, рубить саблями. А что, если мы первыми нападем на вас? Потребуются долгие минуты, чтобы перезарядить ваши пушки. Кавалерийская атака может нарваться на длинные копья. Мы будем сражаться рука об руку, спиной к спине, мужчина к

мужчине, или женщина к мужчине. Северянин обычно проворнее южанина, и наша манера атаковать действует ему на нервы... Все это вам известно. Черви всей долины знают это, пожирая сжатый нами урожай.

— Согласен, — ответил Сидир. — Но вы не подумали о том, что и мы можем все это учесть. К примеру, на лугу Элк наши всадники окружили ваших, согнали их в кучу и перемололи, а тем временем ваши пешие болваны были наголо разбиты нашей пехотой. Моя тактика испытана и проверена. Либо вы сдаетесь и бежите, либо наша армия сотрет вас в порошок.

«Чего я хочу? — с болью подумал он. — Я хорошо знаю, что даже если всех вас уничтожим, нам это дорого обойдется. Если же вы скроетесь в своих дебрях, нам понадобится лет десять, чтобы передавить вас, как паразитов, потеряв при этом неизвестно сколько солдат».

Рука Донии все еще лежала у него на бедре. Проникающий в дверь солнечный луч тронул тоненькие золотистые волоски у нее на запястье.

Крупный смуглый мужчина, Джоссерек из Киллимарейча, шевельнулся в углу. Ему не доставало кошачьего спокойствия рогавикьянцев. Почему-то Сидиру показалось, что и от него исходит горечь.

— Подумай, Сидир, — произнес он. — Ты ведь собираешься вернуть Арванет. Допустим, ты прорвешься сквозь нас, но чего это будет тебе стоить?

Баромьянец изобразил подобие улыбки. Он разозлился, и от этого почувствовал облегчение.

— Вы требуете наши орудия? Какой смысл нам будет тогда идти на Арванет?

Джоссерек ухмыльнулся.

— У рогавикьянцев, когда они наступали на город, вообще не было никаких орудий, да и сейчас нет.

— А у приморцев?

— Мы пришли сюда не затем, чтобы говорить о политике. Хотя я с удовольствием поговорю и о ней, если вы сдадитесь.

«Может быть удастся узнать, что в действительности произошло в Арванете? Что-то там странное... Нет.»

— Если вы сегодня останетесь живы, Джоссерек, я снова вас об этом спрошу.

«Стоит мне пошевелить пальцем, и охрана арестует их. Можно потом допросить их с пристрастием.

Но этого не будет, пока ты находишься среди них, Дония».

— Я не понимаю. — Она едва не плакала, — Я не пони-

маю... народы, которые могли бы быть друзьями, учиняют войны... воюют далеко за пределами своих границ... Кто от этого выигрывает, Сидир?! Ваши люди? Те, кто остались дома? Неужели когда-нибудь мой дом угрожал твоему? Зачем вы здесь?

— Мы принесли с собой цивилизацию, — ответил он автоматически и услышал, как Джоссерек фыркнул. Остальные мужчины, казалось, были озадачены не меньше Донии.

Ему неудержимо хотелось погладить ее склоненную голову. Но это увидят его солдаты. Какое-то время он сидел молча, потом произнес:

— Я бы возненавидел тебя, если бы ты пришла просто так. Я действительно не понимаю, как ты можешь говорить и решать за тысячи твоих людей, которые терпеть не могут, когда ими командуют? Ты можешь мне это объяснить?

Она задохнулась, ее рука сжала его бедро.

— Что ты им должна? — продолжал он. — Почему ты здесь? Весной я дал тебе обещание: пусть люди Гервара помогут нам, и тогда они будут свободны от Империи, пока сами не захотят прийти под ее высокую руку. Сейчас я повторяю свое обещание.

Все молчали. В палатку задувал холодный ветер.

— Что ж, — печально закончил он, — ты можешь по крайней мере принять безопасность от меня лично. Оставайся здесь, в моей палатке... Дония, кто бы не захотел... Не ввязывайся в бой. Оставайся жить. Ты вольна уйти, когда захочешь. Но я надеюсь найти тебя здесь, когда вернусь.

После этого она взглянула на него, и он заметил, что сожаление на миг смягчило гордые черты ее лица.

— А ты тоже останешься? — с вызовом спросила она. — Спасибо, но это не по мне. — И сразу же, словно радуга показалась из облака: — Давай простимся друзьями.

Она махнула рукой. Ее мужчины кивнули, поднялись и вышли из палатки. Она тоже поднялась, но лишь затем, чтоб развязать дверной полог. Ткань упала с мягким шумом, в палатке стало темно. Дония повернулась к нему.

Может быть, поцелуй был совсем коротким. Он забыл о времени. Не знал он и того, долго ли стоял и смотрел, пока она со своими товарищами не скрылась из вида.

Ординарец, седой слуга-баромьянец, осмелился спросить: — Подать лошадь Главнокомандующему? Они скоро начнут наступать.

Сидир передернул плечами.

— Да! — Он понял, что выкрикнул это. — Да, едем! Дьявольски холодно...

Пока он ждал, пока садился в седло, пока ехал, его не оставляло двойственное чувство, будто он боролся сам с собой. Неужели его околдовали? Нет, цивилизованные люди не верят ни в заклятия, ни в волшебниц. Любой мужчина, взрослый мужчина — прежде, чем он им станет — это... тупое и неудержимое, как половое влечение у быка... нет, вовсе не так просто и не так безобидно — ведь бык никогда не допускает, чтобы одна самка превращалась для него в солнце, вокруг которого вращается весь мир с приходом весны... Дония прекрасная женщина, но что он позволил ей с собой сделать? Лучше бы она умерла сегодня. Пусть она лежит убитая, и пусть поскорее наступит конец... неважно какой.

Но пока он может держать в руках меч, у него есть долг.

Они доехали до реки. Он на минуту остановился, чтобы оценить ситуацию, и ему удалось опуститься на грешную землю.

Его люди стояли недалеко от того места, где река уходила на восток, поэтому сверху он видел и свои и вражеские порядки. Обрывистый берег круто спускался вниз, красноватая почва и голубые ледяные гребни резко выделялись на белом. Половина его кавалерии заняла вершину, торчащую между двумя берегами, лошади в тяжком, тускло отсвечивающем металле выглядели мрачно на фоне ярких плащей и флагов. По равнине рассыпались крошечные рогавикьянские всадники, издали похожие на жуков.

Снег вокруг был истоптан и изрыт, кое-где на речном льду он подтаял, покрыв его серыми пятнами.

Справа от Сидира двигались солдаты Империи, слышался топот конницы, тяжелая поступь пехоты, громыхание артиллерии. Из этого шума выделялся грохот барабанов, задавая ритм движению. Армия наступала ровными сплоченными рядами, каждый полк представлял собой единое целое, глотки извергали пар, как единая глотка, и это чудовищное дыханье смешивалось с таким же дыханием соседнего полка. Копья и пики волнами поднимались и опускались над марширующими колоннами, словно шел неодолимый прилив.

«Это мои непобедимые сыны, — пронеслось в сознании Сидира, — а Империя — их мать.»

Немного поодаль и слева возвышался остров Горн Нез — ледяной дворец, на котором росли многоветвистые копья, чьи наконечники сверкали под утренним небом. Враг кучками толпился вдоль берегов острова. В полумиле позади разместился основной отряд.

«Нет, — подумал он с презрением, — отрядом эту стаю кошек никак не назовешь.»

У них очевидно хватало ума, чтобы понять, что их всадники бессильны против баромьянцев, поэтому у них не было видно ни одной лошади. Несколько сот воинов, расположившихся вокруг острова, держали на привязи собак. Эти звери уже нанесли его солдатам чувствительные потери. Как и их хозяева, они вызывали своей жестокостью панический страх у цивилизованных людей.

Длинные луки рогавикьянцев доставят немало хлопот, но больше беспокоиться не о чем. Если не считать немногочисленных украденных орудий, он видел лишь кожу да шерсть, из которых были пошиты «доспехи» противника.

Тыловые резервы, если их можно было так назвать, казались еще менее организованными. Они стояли отдельными небольшими группками, прижавшись к обоим берегам. Между ними река была пуста — путь домой был открыт.

Девелкэй, который все время оставался рядом с Главнокомандующим, откашлялся.

— Кажется, я понимаю их план, сэр, — начал он. — Когда мы ударим, на нас налетят лучники, выпустят стрелы и рассыплются по лесу, пока мы не изготовим пушки. Боюсь выкурить их оттуда будет непросто. Их пехота постарается или расколоть наши силы, или прижать к одному берегу. Тылы, воспользовавшись тем, что мы заняты пехотой, перейдут в наступление.

Сидир кивнул.

— Дальше этого их тактика не идет.

«Удивительно, что их хватило хотя бы на это. Это план Донии? Или того парня из Киллимарейча?»

— Мы сможем попросту прорваться сквозь их боевые порядки, но это займет много времени и будет дорого нам стоить. — Он повернул голову к адъютанту. — Двиньте наши войска вниз по течению реки и остановите за островом.

— Что, сэр? — на красном широком лице Девелкэя отразилась неуверенность. — Я не думал, что вы прибегнете к таким чрезвычайным мерам.

Правая рукавица Сидира рассекла воздух.

— Мы разом покончим с этим. Расположите кавалерию по флангам их авангарда и отсеките их от основных сил. Мы заманим их в ловушку, а потом атакуем и разобьем по частям. Пора положить этому конец!

Девелкэй промолчал, но по его лицу было видно — он прекрасно понял, что замыслил Сидир. Если не произойдет ничего неожиданного, то вся армия Империи окажется на реке, а это означает, что северяне, когда будут отступать, — нет, когда они

обратятся в бегство, — полезут на берега. Берега крутые, там люди будут проворнее лошадей. Таким образом, многие рогавикьянцы могут спастись. Уланы не смогут их преследовать.

Стараясь не думать о Донии, Сидир объяснил:

— Я решил, что не стоит уничтожать их всех. По крайней мере, не сегодня. У нас нет времени, мы слишком нужны в Арванете. Вы ведь знаете, что загнанный в угол рогавикьянец опасен, как бешеный пес. Они отнимут у нас много жизней. На следующий год мы вернемся сюда и расправимся с ними, если этот урок не заставит их быть умнее.

«... Сам я, может быть, и не вернусь сюда. Я мог бы попросить о переводе. Не знаю. Сейчас наша задача состоит в том, чтобы прорваться сквозь них и заплатить за это как можно дешевле. Поставить точку и уехать от Донии».

— Да, сэр, — неохотно согласился Девелкэй. — Разрешит ли мне Главнокомандующий присоединиться к своему полку?

— Да, — ответил Сидир и тут же добавил: — С тобой боги, друг из Рунга.

Они обнялись и разъехались.

На спуске пришлось спешиться и вести лошадей в поводу. от напряжения на коже выступал пот и тут же замерзал. Когда Сидир снова сел в седло, он увидел, что всадники на берегу получили его приказ и теперь тоже спускались на лед, ведя лошадей за собой. За это время противник, видимо, уже успел атаковать, хотя баромьянцы занимали господствующие высоты, а сверху и снизу их прикрывали стрелки. Но основная часть северян оставалась на месте, словно парализованная.

Сидир, окруженный конвоем, быстро пересек лед. Копыта звенели по зеленоватой поверхности. Сидира поджидал его знаменосец — золото сверкало на алом полотнище флага, Звезда Империи над родовым орлом клана Шалиф. Как хотелось бы ему, чтобы это знамя развевалось в авангарде! Когда-то так и было, но это было давно, тогда и сами баромьянцы были безжалостными варварами. Но теперь, когда они стали цивилизованным народом, они знали, что своим предводителем не следовало рисковать без надобности.

Цивилизованные... Дония не понимала, зачем он воюет, не понимала, что он подразумевает под словами «закон», «государственность», «благосостояние», «братство под покровительством Славного Престола». Когда здешние пустоши превратятся в возделанные поля, когда на них вырастут дома, в которых царит счастье, когда на острове Горн Нез расцветут сады, когда гуманность победит жестокость, познает ли душа северянки покой?

«...Положить конец!»

— Открыть перекрестный огонь!

Раздались сигналы рожков. Армия Сидира обрушилась на северян.

Они ждали в засаде у замерзшего леса. Кавалерия, зашедшая в тыл противнику, несокрушимой стеной стояла за спинами северян. Кавалерия, наступавшая справа, перешла с рыси на легкий галоп.

Длинные луки напряглись и зазвенели, посыпались стрелы. Но все лучники целили в него. Повсюду раздавалось предсмертное ржанье лошадей, люди вылетали из седел и валились на землю, насквозь пронзенные стрелами. Прогудела труба. Вверх и вниз по реке галопом с пиками понеслись уланы. Позади Сидира его пехотинцы издали дикий боевой клич и двинулись вслед за конницей влево и вправо. На освободившееся место выкатывали орудия.

Его лошадь летела так плавно и легко, что он мог пользоваться биноклем. Люди, которых он увидел впереди среди деревьев, не были похожи на рогавикьянцев. Не за рыбой же они бросились к лункам во льду, оставив свои позиции! Киллимарейч, трижды предатель цивилизации! Сидир почувствовал, что отдал бы все, только бы достать саблей Джоссерека.

Вперед, вперед!

Ряды врага смешались. Они толпились на острове, среди леса и ледяных торосов. Атаковали их псы. В первых рядах должно быть некоторое смятение. Огромные животные рычали и щелкали зубами. Но мечи и пистолеты справятся с ними. Два подразделения конницы одновременно атаковали остров. Подошла и пехота — пики, клинки, ружья и барабаны под победным знаменем Империи.

Вокруг стоял страшный рев.

Сидир почувствовал, как что-то молотом ударило его по черепу. Белый мир и голубое небо закружились в красном вихре, обрушились на него и все потемнело.

Он очнулся в реке. Его лошадь билась в плавающих льдинах и испуганно ржала, но этот звук терялся среди воплей тонущей армии. Вода неудержимо заливала ее, обжигала холодом, темнела на белом снегу.

Главное теперь — не потерять стремена, иначе стальные доспехи утянут под воду. Головы животных торчали из потока бурлящей воды вокруг Сидира. Тонущие люди бешено молотили руками по воде, потом шли на дно. Они хватались за льдины, но те переворачивались и хоронили их под собой. Рядом с ним из глубины показалась рука, потом лицо, по кото-

рому струилась черно-зеленая вода. Оно было совсем молодым, почти мальчишеским. Но полынья был слишком широка: пальцы поцарапали лед, и человек пропал.

«Это дело рук того парня из Киллимарейча, — пронеслось в сознании Сидира. — Его и ему подобных Они знают, что мы не умеем плавать. Они привезли со своих кораблей взрывчатку и взорвали лед. А этих варваров посадили здесь не для того, чтобы драться с нами, а чтобы ввести нас в заблуждение... Неужели все мужчины и женщины северян знали об этом? Что ж, может быть и так. Даже самый последний рогавикьянец способен сохранить секрет так же глубоко, как ледник схоронил предков.»

Поверх обломков льдин он видел, как тысячи воинов тыловых подразделений рогавикьянцев подъехали к краю воды и двинулись вдоль берега. Как только имперские солдаты добирались до берега, их убивали.

«Почему я не догадался?

Неужели Дония, когда приезжала ко мне, знала, что может лишить меня разума? Похоже, что да. Я для нее только враг, а она говорила, что нет других врагов, кроме захватчиков, но уж для них не может быть никакой чести. Все методы хороши. В этой волчице нет ничего человеческого».

Горн Нез возвышался над ним, чистый, как зима, если не видеть кричащих красных пятен крови вокруг убитых солдат.

Он вытащил саблю и заставил свою лошадь плыть к острову.

Рогавикьянцы подобрались и ждали.

XXII

Весна приходит в Гервар незаметно. Когда Дония ехала в одиночестве из Аулхонта, она уже совсем наступила. Длинные горные кряжи и равнины блестели, дочиста промытые предрассветным ливнем. Становилось все теплее, солнце разогревало землю, влага поднималась от земли белыми струйками тумана, понемногу растворяющимися в воздухе. Скопившиеся в углублениях лужицы то и дело подергивались легкой рябью от порывов ветерка. Трава была еще короткая и нежная, ярко-зеленая, густо пересыпанная голубыми незабудками. Сосновые рощицы почти не изменились, но ивы мягко покачивали длинными серебристо-зелеными прядями и на березах трепетала́ свежая листва. Безоблачное небо было наполнено солнечным светом и звенело от птичьих голосов. Вда-

леке лось присматривал за своими самками и телятами. Их шкуры были необычно красными, какими бывают только весной. На темени вожака светилось белое пятно. Ближе резвились зайцы, фазаны шумно вспархивали из зарослей, первые пчелы летали в поисках взятка, сверлили воздух стрекозы. Воздух переливался, клубился, пахло то землей, то рекой.

Дония направила своего иноходца на запад, и ехала, пока ее сад не пропал из виду. Наконец, она нашла то, что искала — большой плоский камень, выступающий над гладью речки. Она спешилась, привязала лошадь, сбросила с себя одежду и счастливо растянулась на нем, подставив тело солнцу, ощущая ногами, спиной, ладонями тепло нагретого камня. Некоторое время она наблюдала за пескарями, которые копошились среди лежащих на дне булыжников, а течение ласкало ее босые ступни. Потом она достала письмо, которое пришло накануне с почтовым верховым, что останавливался в Фулде. Она не стала читать его своим близким и не была уверена, что ей этого хотелось бы.

Листки шуршали меж пальцами. Письмо было написано неуклюжими каракулями, с частыми ошибками, но по-рогавикьянски, и мысли, изложенные в нем, были понятны и ясны.

«В Арванете, в ночь после равноденствия.

Джоссерек Дэррейн приветствует Донию, хозяйку Аулхонта в Герваре.

Дорогая моя,

Когда это письмо дойдет до тебя, через два или три месяца, я уже уеду из Андалина. Ты больше меня не увидишь. В тот день, когда мы с тобой прощались, я думал, что смогу вернуться после того, как отвезу своих товарищей обратно и закончу все дела, которые еще у меня остались в Арванете. Но я понял, как ты была права и добра, когда хотела, чтобы я оставил тебя ради своего же блага.

В вашем языке нет подходящих слов, которыми я мог бы выразить то, что хочу тебе сказать. Ты, наверное, помнишь, как я однажды пытался это сделать, а ты пыталась меня понять, но у нас обоих ничего не получилось. Может быть, ты чего-то не можешь чувствовать, а чего-то не дано мне... Но об этом позднее.

Ты говорила, что любишь меня. Остановимся на этом, этого достаточно».

Дония отложила письмо и долго сидела, глядя на горизонт. Наконец она снова принялась за чтение.

«...хотят знать, что произошло и чего следует ожидать.

Твой словарь, как и мой, ограничен. Я буду использовать слова арванетского языка. Надеюсь, они помогут тебе что-то понять. Короче, новости хорошие.

Уничтожение всей имперской армии было сокрушительным — это ты, конечно, можешь себе представить. Адмирал Роннах по моему совету сделал вид, будто он не в курсе дела и даже не знает, как все произошло. Несомненно, до Наиса рано или поздно доползут слухи, что при этом сражении присутствовали некие «советники», но это произойдет не скоро, да и слухи будут туманными, так что узнать что-нибудь толком будет невозможно. И вы, северяне, можете впредь поступать так же с любым агрессором, кем бы он ни был.

Несомненно, Империя не решится на вторую попытку, по крайней мере в течение нескольких лет. По-моему, они и вовсе никогда не решатся на это. Среди сдерживающих факторов будет постоянное присутствие приморцев в проливе Дольфин — мы охраняем там свои законные интересы.

Понимаешь, при помощи наших переговорных устройств, представитель Киллимарейча в дипломатической миссии в Рагиде может существенно влиять на обстановку. Престолу не остается иного выхода, как съесть гнилое яблоко и подписать договор, который в значительной степени отражает интересы Ичинга.

Арванет признается независимым государством и его независимость гарантируется обеими великими державами. Ни одна из них не будет вводить туда свои вооруженные отряды, а будут поддерживать с ним только торговые связи. Время покажет, кто станет истинными правителями города, — Империя, которая ведет захватническую политику по всему побережью Гальф, или же приморцы, которые развивают торговлю и основывают колонии в Харрикейнском море. Я же считаю, что править не будут ни те, ни другие: в Арванете появилось собственное правительство. Старый порядок восстановлен, а этот порядок пережил многие другие.

Что же касается северян, то торговля с ними будет немедленно возобновлена. И вас оставят в покое».

Дония перечитала этот отрывок дважды, долго думала, потом вернулась к письму.

«Будет больно, если это окажется не так. Даже сейчас все прошедшее жжет, словно свежая рана. Но уже сейчас все не так плохо, как было раньше, а должно стать еще лучше.

Ты помнишь, как перед прощанием мы стояли рука в руке на берегу Югулара и сквозь медленно падающий снег смотрели, как успокаивается лед вокруг Горн Нез? Такое же чувство у меня и сегодня. Я смею надеяться, что скоро наступит потепление, и воды потекут свободно и привольно. Тебя ожидает целый мир чудес и приключений, которые ты не могла видеть даже в самых причудливых снах».

Она нахмурилась, тряхнула головой, начала было перечитывать, но потом вздрогнула и стала читать дальше.

«Кажется, теперь я знаю, что ты из себя представляешь, и это помогает мне понять, что же такое я сам.

Помнишь тот день, когда ты вернулась с охоты в Сандр Кэттл, и мы вместе ушли гулять в прерию? Ты сказала, что никогда не было и не может быть такого, чтобы женщина Рогавики делила свою жизнь с чужестранцем. Неожиданно я понял, что это не предрассудок, не замшелая традиция, не искусственный барьер, а сама правда.

С тех пор я жил этой мыслью, изучал ее, пытался отвергнуть, как нереальную, а потом открыл глаза и увидел, что все вокруг меня наполнено этой идеей. Наконец я собрался с духом и начал разрабатывать ее, насколько это возможно. Я не первый чужестранец на этой территории — едва ли, после стольких-то столетий; кое-что я узнал из книг и разговоров со сведущими людьми (не называя твоего имени!). Возможно, я оказался первым, кто пришел к этой мысли, зная кое-что об эволюции и рассматривая жизнь именно с этой точки зрения.

Ты проявляла живой интерес, когда мы разговаривали о том, что киты и дельфины являются двоюродными братьями и принадлежат к одному роду животных, когда-то возвратившихся с суши в море, в то время как тюлени и моржи принадлежат к другому роду, а пингвины и вовсе птицы и тоже живут в воде, хотя пресмыкающиеся предки птиц и млекопитающих должны были вымереть много лет назад. Ты так этим интересовалась, что я уверен — это осталось в твоей памяти, хотя ты могла забыть многое другое из того, о чем пишу».

Дония кивнула. Она скользнула взглядом по пескарям в речке, стрекозам, лягушке, ящерице, по своей лошади, пробежала рукой по своему телу.

«Человек — тоже животное. Легко увидеть, что у него и у обезьяны общий предок и что он до сих пор эволюционирует в разных условиях жизни по всему миру. Иначе зачем ему так много лиц и цветов кожи?

Но все эти различия проникают в нашу плоть неглубоко, не глубже, чем у разных пород собачьего племени. Подобно волку, койоту и собаке, народы разных рас могут давать потомство, и это потомство в свою очередь способно к размножению. Их можно воспитать согласно любому образу жизни и мысли.

Человеческий образ... Расы пользуются одними и теми же абсолютами, которые существуют, вероятно, так же давно, как мозг или палец.

Но это не относится к вам, рогавикьянцам.

Я не могу точно сказать, что произошло на равнинах Андалина после наступления ледника. Я предполагаю, что случайно возникли какие-то новые силы, сопротивляющиеся среде, и их обладатели приспособились лучше остальных, благодаря то ли удаче, то ли собственному упорству. Они эволюционировали, пока не превратились в абсолютно новых людей.

Вы сами не поняли своей уникальности, поскольку, как и все прочие, принимали себя, как нечто разумеющееся. Теперь я верю твоим рассказам, будто у рогавикьянок и чужестранцев редко бывают общие дети, а если и бывают, то бесплодные. Раньше я думал, что это лишь предлог, чтобы избавляться от нежеланных детей, но дело, конечно, не в этом. Вы, как и все прочие, скрываете истинные мотивы даже от самих себя, так что, похоже, моя догадка верна. Посуди сама.

В любом другом месте, повсюду, человек — это коллективное, стадное животное; назови как хочешь. Общества типа моего, где каждому индивиду предоставляется широкая свобода, встречаются редко, а понятие свободы и само восприятие ее человеком определяются самим обществом.

Я неизбежно употребляю неверные выражения. Для тебя «общество» — это всего лишь «класс чужестранцев». Ты знаешь какие они разные, скажем в Арванете, Рагиде, Диких лесах или к западу от гор Мункастл. Но про себя, молча, ты допускаешь, что люди сами решают, какой образ жизни им вести. «Свобода» для тебя заключается в том, что ты можешь отдавать другим излишки рыбы, пойманной в запруде, или что-нибудь еще в этом роде. Если я скажу тебе, что это право, за которое люди сражались и умирали, ты лишь дико посмотришь на меня. Под словом «индивид» я не имею ввиду «уникальную личность»... но я, кажется, выражаюсь совсем уж непонятно.

Вероятно, мне не удастся объяснить тебе, насколько странно то, что вам, рогавикьянцам, удалось создать высокоразвитую и непростую культуру, которая в то же время является исключительно охотничьей. Вам никогда не быть ни фермерами, ни крепостными крестьянами, вам никогда не знать ни королей, ни императоров.

Лучше я попытаюсь вас описать с точки зрения стороннего наблюдателя. Рогавикьянец, будь то мужчина или женщина, по своей природе — и от рождения — эмоционально независим, если не считать случаев, когда они ловят случайно забредшего на их территорию нарушителя, — его обычно убивают, ибо не знают, что еще с ним делать, — они не чувствуют необходимости принуждать других к чему-либо ни силой, ни другими методами, типа тех, которые они используют со своими домашними

животными. Точно так же они не испытывают ни малейшего желания, осознанного или неосознанного, чтобы ими руководили. Если не говорить о животных, я сомневаюсь, способны ли они вообще командовать или подчиняться.

Рогавикьянцев невозможно привязать к дому.

Во всем остальном мире людей можно приучить к дому, это чуть ли не самое главное. Чаще всего человек появляется на свет уже настроенным на то, чтобы жить дома и вести хозяйство, это существо не только учат тому, что ради выживания оно должно работать и заботиться о своем вожде, но оно уже рождается с этим. Тех, кто поступал иначе, наказывали, пока они не поумнели, а те, кому наказание не шло впрок, гибли под давлением масс.

Вы, рогавикьянцы, хорошо сотрудничаете, поскольку вы живете небольшими тесными группами. Но если кто-нибудь из вас отказывается выполнять свою долю обязанностей, или плохо подчиняется, или угрожает вам, как вы на это реагируете? Вы просто поворачиваетесь к нему спиной. Вы, как индивид, не желаете больше иметь с ним, как с индивидом, ничего общего. Или, чаще, с нею. Еще одна ваша странная особенность заключается в том, что ваши женщины более агрессивны и предприимчивы, чем мужчины, хотя мужчины и храбры. Когда не подчинившийся вашим правилам отвергается достаточным количеством людей, он превращается в изгоя, а чаще всего, его ждет жалкая смерть.

У вас нет законов, лишь здравый смысл и кое-какие обычаи. Я уверен, что самый сильный стимул для вас — желание доставить удовольствие тому, кого вы любите. У вас нет ни судов, ни судопроизводства: приговоры вы выносите на основе взаимного согласия. Уровень вашей самодисциплины весьма высок, ровно как и уровень интеллекта, но они появились лишь в результате естественного отбора. Те, у кого их не хватает, не могут иметь потомство.

Вам совершенно необходимо свободное пространство, и эта потребность в вас так сильна, что превосходит даже желание жить. Может быть, отсюда все и идет: ваши браки, ваши ремесла, ваше чувство своей земли, вся ваша социальная структура — словом, ваши души. (И снова я употребляю рогавикьянские слова, хотя не уверен в их значении.)

Феромоны? Это слово употребляется в Киллимарейче. Так называются выделения у животных, с помощью которых они могут влиять на своих собратьев. Грубым примером этого может служить мускусный запах зверей в период размножения. По мнению наших натуралистов, муравьи и пчелы трудятся

вместе за счет именно феромонов. Например, они указывают путь к тому месту, где находится пища. Кто знает, может, нечто подобное существует и у людей?

Может быть, рогавикьянцы выдыхают некое вещество, которое в определенной концентрации вызывает беспокойство. Понимаешь, вы просто не можете этим дышать; а может, вы не переносите запах человека в сочетании с ним. И чем больше людей скапливается на вашей территории, тем неуютнее становится вся ваша жизнь».

Дония задумчиво покивала головой.

«Как и почему все это происходит, никто не знает. Но вот мое мнение: когда наступал ледник, поначалу всего остро не хватало, пока природа не приспособилась к изменившимся условиям и не наступило новое изобилие. Тем временем те люди, которые не хотели жить большими тесными стадами, сумели лучше приспособиться к жизни на равнинах, чем те, кто жил там раньше.

Может быть, эти предполагаемые феромоны являются продуктом химических реакций, происходящих в теле, и могут оказывать еще более странное воздействие. Я не думаю, Дония, дорогая, что ты когда-нибудь об этом задумывалась, но ты, да и почти все женщины вашей породы являются мечтой любого мужчины-чужестранца начиная с периода его полового созревания. Кто еще может доставлять радость такому количеству мужчин, наслаждаться каждым из них и при этом не испытывать болезненного принуждения, не попадать в зависимость, а оставаться активной во всех сферах жизни? Я могу точно сказать тебе, что такое удается лишь очень немногим женщинам-чужестранкам, а, скорее всего, ни одной из них.

Но одно лишь это не может служить оправданием того, как вы обращаетесь с нашими мужчинами. Я понимаю, что вам ничего от них не нужно. Несмотря на все это, на ваше высокомерие, даже бессердечие, ветренность, несмотря на все это, как невинны ваши рогавикьянские женщины! Вы предупреждаете нас. Неужели это самое вещество проникает в нас и оказывает такое воздействие, а мы устроены так, что у нас нет никакого противоядия? Ведь вы не опасны для своих мужчин, верно?

Именно поэтому вы никогда не влюблялись в нас так, как мы в вас — и как, может быть, вы влюбляетесь в своих мужчин. Здесь я использовал свой родной язык».

Дония отдыхала под солнцем, около ручья. Ветер усилился и растрепал ее волосы. Из-под коряги выскользнула щука — речной волк.

«Ну вот, любимая моя, я и подошел к концу. «Наконец-то», наверное, думаешь ты. Но видишь ли, если не считать всех этих

моих размышлений, которые когда-нибудь смогут тебе пригодиться, у меня нет для тебя никакого подарка. Но сначала я должен объяснить тебе ход моих мыслей, а уж потом я смогу сказать тебе, к чему они меня привели, хотя все это довольно просто. Может быть, я прав, может быть, ошибаюсь, но вот что я думаю.

Повсюду на земле люди — домашние животные.

Лишь рогавикьянцы — животные дикие, единственные за все время существования мира.

Я не знаю, плохо это или хорошо. Может быть за вами будущее, а может, вы обречены, а может, и мы и вы проживем бок о бок еще миллионы лет. Не будем думать о конце.

Близится утро, я смертельно устал, но я хочу отдать это письмо в руки человеку, который сегодня отправляется на север, хотя сезон путешествий уже миновал. Но у меня нет больше ничего, что могло бы сделать тебя осторожнее. У меня есть лишь тяжелое осознание того, что ты и я, Дония, не можем быть мужем и женой точно так же, как не могут быть супругами соколица и морской лев. Ты говорила мне об этом в прерии, а потом среди снегов, у реки. А сейчас я попытался объяснить тебе, почему это так.

Прощай навсегда, моя любимая соколица.

Твой Джоссерек».

Уже наступил полдень, когда она, наконец, улыбнулась — ее улыбка была мягче, чем он когда-нибудь видел. Она поднялась одним движением, постояла над ручьем, потом разорвала его письмо на мелкие клочки и долго смотрела, как их уносит ветром.

— Я донесу твои мысли до моего народа, — сказала она вполголоса, — если верить твоим словам, ты хочешь такой же свободы, как наша.

Она оделась, села на лошадь и поехала домой, в Аулхонт.

СЛОМАННЫЙ МЕЧ

Предисловие

Под конец лета Господня 1081 Сигват, сын Тордара, путешествовал по Готландии с миссией, доверенной ему норвежским королем Олафом. Большинство готландцев по-прежнему чтили древних богов, и в одной одиноко стоящей усадьбе Сигвата и его друзей не пустили на постой, потому что готовились к алферблоту или пиру. В те времена мужчина, получивший хорошее воспитание, в любое время дня и ночи умел сложить песню. Сигват был скальдом, и сказал он:

«Держись подальше, чтобы не разгневал
Ты Одина, — нам женщина сказала.
— Язычники мы, и сегодня будет
У нас священный вечер. Понял, глупый?»
Хозяйка, та, что не по-христиански
Меня прогнала от ворот усадьбы,
Сказала мне, что в этот вечер будут
Они чтить альвов.*

Так рассказывает об этом Heimskringla Снорри Стурлусона. Другие источники сообщают, что, когда военные корабли викингов приближались к дому, с их носов снимали драконьи головы, чтобы не обидеть альвов. Здесь эти существа предстают

* Альвы — низшие природные духи скандинавской мифологии, позднее, в германской мифологии, называемые эльфами. Делились на светлых (белых) и темных (живущих в земле). Последних в германской мифологии стали называть гномами.

перед нами такими, какими и были изначально, то есть богами.

Конечно, к тем временам, когда жители Севера начали писать книги, альвы стали обычными богами-покровителями типа греческих дриад или ками из какой-нибудь японской реки. «Старшая» и «Младшая Эдда» поместили многих из них в Асгарде, где они — слуги Асов. Однако именем этим называли два разных народа, владевших двумя из Девяти Миров. Альфхейм принадлежал высоким и красивым светлым альвам, а Свартальхейм, означающий родину темных альвов, населяли низовики. Любопытное наблюдение: эти последние в дошедших до нас рассказах играют куда более важную роль.

Позднее альвы еще больше теряют свое значение в фольклоре, превратившись всего лишь в духов, уменьшившись в размерах и забыв о родстве с по-прежнему могущественными низовиками. И все-таки дух Альфхейма сохранялся и в Средние Века, и в эпоху Возрождения в виде Страны Чудес, жители которой были человеческого роста, однако обладали неземной красотой и магическими способностями.

В наше время Дж. Р. Р. Толкиен до некоторой степени вернул альвам их прежний вид в превосходной эпопее «Властелин Колец», но решил при этом сделать их не только прекрасными и образованными; они также мудры, серьезны, честны, добры и дружелюбны ко всему живому. Короче говоря, его альвы более принадлежат стране Глорианы*, нежели той усадьбе в языческой Готландии. Разумеется, в этом нет никакого несоответствия, совсем наоборот: так было необходимо для замысла профессора Толкиена.

Лет двадцать назад один молодой человек, которого звали так же, как и меня, вернулся во времени еще дальше — в девятый век — и убедился, что и альвы, и боги имели совершенно иной характер. Девятый век был не из мягкосердечных, особенно в Европе; тогда процветали жестокость, алчность и распущенность. Преступления, совершенные викингами в Англии и Франции, были ничуть не меньше тех, которые Карл Великий совершил по отношению к саксонцам, или того, что первые крестоносцы творили в Иерусалиме. Правда, цивилизация двадцатого века тоже не грешит особенным гуманизмом, но ей очень далеко до абсолютной жестокости, которая бывала нормой в истории.

Поскольку люди склонны лепить богов и полубогов по своему образу и подобию, писатель этот представил альвов и

* Королева альвов в поэме Спенсера.

Асов существами аморальными, которые, разгневавшись, становились совершенно безжалостными. Это соответствует тому, что можно прочесть о них в обоих «Эддах» и сагах.

Писатель решил развлечься и рационализировал общепринятые концепции. Ему казалось совершенно естественным, что жители Страны Чудес были более развитыми технически, чем современные им люди. Дорогие читатели, предположите, что действительно существовали некогда расы, владевшие колдовством, то есть умевшие контролировать внешние явления с помощью психических способностей, до сих пор неизвестных нашей науке. Предположите, что существа эти могли жить необычайно долго, менять свой облик и тому подобное. Такой метаболизм имел бы определенные недостатки, к примеру: невозможность находиться под лучами солнца или катастрофические электрохимические реакции, вызываемые прикосновением к железу. Но разве эти бессмертные не могли компенсировать свои слабые стороны, используя цветные металлы и свойства их сплавов? Разве корабли альвов не могли «мчаться на крыльях ветра» потому, что корпуса их практически не испытывали трения? Правда, тот тип каменного замка, который мы обычно себе представляем, не существовал в Европе времен короля Альфреда, но народы Страны Чудес могли строить такие издавна. Таким образом, все заметные в романе анахронизмы оказываются просто достижением рас более древних, чем люди. Зато аристократическая культура воинов, консервативная по причине долгой жизни, вряд ли могла породить крупные научные достижения. Поэтому не стоит искать порох или паровые машины в руинах Страны Чудес.

Что касается дальнейшей судьбы персонажей, остающихся в живых под конец этой книги, Меча и самой Страны Чудес — которой, вероятно, уже нет на Земле — это совершенно другая история, и, возможно, когда-нибудь я ее поведаю.

I

Жил некогда муж по имени Орм, прозванный Сильным, сын Кетила Асмундсона, вольного землепашца на юге Ютландии. Род Кетила жил там с незапамятных времен и владел обширными землями. Супругой Кетила была Асгерд, незаконнорожденная дочь Рагнара Мохнатые Штаны, так что Орм был из доброго рода, но как пятый сын не мог рассчитывать на большое наследство.

Орм Сильный стал моряком и летом часто отправлялся в походы. Кетил умер, когда Орм был еще юношей, и Асмунд, старший из братьев, принял хозяйство после отца. Так продолжалось до тех пор, пока Орм, которому исполнилось двадцать лет, не подошел к брату и не сказал:

— Несколько лет сидишь ты здесь, в Химмерланде, пользуясь тем, что принадлежит нам. Другие братья тоже хотят иметь свои наделы, но если мы поделим землю, не говоря уже о выделении приданого сестрам, то станем бедняками, и никто не вспомнит о нас, когда мы умрем.

— Это правда, — согласился Асмунд. — Лучше всего нам работать вместе.

— Я не буду пятым у руля, — ответил ему Орм. — У меня к тебе другое предложение. Дай мне три корабля со снаряжением, запасы пищи и оружие для тех, кто пойдет со мной, и я найду землю для себя и отрекусь от всех притязаний на родовое владение.

Асмунду это очень понравилось, тем более, что еще два брата решили плыть с Ормом. До весны он приобрел три длинных корабля, снарядил их и нашел в округе множество молодых и небогатых мужчин, которые охотно поплыли бы на запад. Когда наступил первый ясный день, корабли Орма, невзирая на волнение, вышли из Лимфиорда, и Асмунд никогда больше не видел братьев.

Гребцы быстро гнали корабль к северу и вскоре оставили за собой вересковые заросли и густые леса Химмерланда. Обогнув Скаген, они поймали попутный ветер и поставили паруса, а поскольку повернулись к дому кормой, надели на носы кораблей драконьи головы. Ветер свистел в снастях, морская пена лизала палубу, чайки кричали вокруг рей. Радость наполнила сердце Орма, и он сложил такую вису:

Белогривые кони —
(ты слышишь их ржанье?) —
крутобокие, сильные
мчатся на запад.
Опьянев от холодных
ветров, они фыркают
и встают на дыбы,
И несут мои грузы.

Отправившись так рано, Орм добрался до Англии раньше остальных викингов и завладел богатой добычей. В конце лета он остановился в Ирландии. Сын Кетила никогда больше не покидал западные острова, каждое лето собирал он богатую

дань, а зимой продавал часть полученных богатств, чтобы купить новые корабли.

Но в конце концов и ему захотелось обзавестись собственным домом. Орм объединил свой небольшой флот с крупной флотилией Гаторна, которого англичане звали Гатрамом, и, сражаясь под началом этого ярла, многое получил, но и потерял тоже немало, когда король Альфред победил в битве под Этандуном. Сам Орм и часть его людей прорвали окружение и ушли, а позднее узнали, что Гатраму и другим, попавшим в плен датчанам, даровали жизнь при условии принятия христианства. Орм понял, что теперь наступит шаткий мир между его народом и подданными короля Альфреда и уже нельзя будет безнаказанно, как прежде, грабить Англию.

А потому в поисках нового дома отправился он на земли, прозванные позднее «страной датчан».

Там он нашел удобное местечко на берегу небольшой бухты, в которой могли бы стоять его корабли. Хозяин земли, богатый и довольно влиятельный англичанин, не хотел ее продавать, тогда Орм вернулся ночью со своими людьми, окружил усадьбу и сжег ее. Упрямый англичанин, его братья и большинство слуг погибли в огне. Говорили, будто мать убитого — колдунья — спаслась, потому что нападавшие позволили уйти всем женщинам, детям и невольникам, желавшим покинуть горящий дом. Колдунья прокляла убийцу своих сыновей: старший сын викинга будет воспитываться вне мира людей, а сам Орм выкормит волка, который однажды растерзает его.

Поскольку в округе жило уже много датчан, родственники убитого не посмели выступить против убийцы, но приняли от Орма выкуп и плату за землю, сделав его тем самым законным хозяином. Орм поставил новую просторную усадьбу и другие постройки, а поскольку имел много золота, многочисленную дружину и громкую военную славу, вскоре его признали великим вождем.

Прожив год на новом месте, он решил, что ему нужно жениться, поехал со многими воинами к английскому олдермену Ательстану и попросил руки его дочери Эльфриды, о которой говорили, что она красивейшая девушка всего королевства.

Ательстан хмыкал и крякал, но Эльфрида сказала Орму прямо в лицо:

— Я никогда не выйду за язычника.Ты можешь взять меня силой, но клянусь, это не доставит тебе радости.

Эльфрида была стройной девушкой с мягкими каштановыми волосами и блестящими серыми глазами, а Орм — высоким плечистым мужчиной с загорелым лицом и выцветшими от солнца и морского ветра кудрями. Однако он чувствовал, что по-своему она сильнее его, и потому, подумав, сказал:

— Раз уж я поселился в стране, жители которой чтут Белого Христа, следует мне заключить мир с Ним и Его народом. Воистину, так уже поступило большинство датчан. Я приму крещение, если ты согласишься выйти за меня, Эльфрида.

— Это не повод! — воскликнула она.

— Подумай только, — хитро ответил Орм, — если ты за меня не выйдешь, я не буду крещен и тогда, если верить вашим жрецам, душа моя будет проклята. Ты ответишь перед своим богом за то, что допустила такое. — Сказав это, он тихо шепнул Ательстану: — А кроме того, я сожгу твой дом и сброшу тебя со скалы в море.

— Да-да, дочь моя, мы не можем обречь человеческую душу на проклятье, — быстро сказал олдермен.

Эльфрида сопротивлялась недолго, поскольку Орм был статным мужчиной с хорошими манерами. Кроме того, роду Ательстана мог пригодиться такой влиятельный и богатый союзник. Вот так Орм крестился, после чего женился на Эльфриде и забрал ее в свой дом. Жили они хорошо, хотя и не всегда согласно.

В округе не было ни одной церкви, поскольку все их сожгли викинги, и по просьбе супруги Орм пригласил в свой дом священника, для которого хотел построить церковь во искупление прежних грехов. Как человек предусмотрительный, он не хотел обидеть ни одной божественной силы, а потому ради обеспечения покоя и хорошей добычи посреди зимы он приносил жертвы Тору, весной — Фрейру, а также Одину и Эгиру, чтобы удача не оставляла его и в море.

Всю зиму он спорил из-за этого со священником. Наконец, весной, незадолго до рождения Эльфридой ребенка, потерял терпение, выбросил духовника за порог и велел ему убираться прочь. Эльфрида постоянно упрекала мужа в этом, и наконец разозленный Орм заявил, что не вынесет больше бабьей болтовни и сбежит подальше. Он вышел в море раньше, чем собирался, и все лето опустошал побережья Шотландии и Ирландии.

Едва корабль Орма исчез из виду, у Эльфриды начались схватки, и она родила большого красивого мальчика, которого по желанию отца назвала Вальгардом — древним именем его

рода. Поскольку при доме не было священника, а ближайшая церковь находилась в двух или трех днях пути, Эльфрида немедленно послала туда невольника.

Она радовалась рождению сына, гордилась им и пела ему колыбельную, которую слышала когда-то от матери:

«Спи, моя птичка,
Самая красивая,
Солнышко садится,
Хорошо пусть спится.
Спи, моя малютка,
На груди у мамы.
Звездочка светится.
Хорошо пусть спится.
Спи, моя крошка,
Сам Господь поможет
От зла защититься.
Хорошо пусть спится».

II

Имрик, ярл альвов, отправился ночью в путь, посмотреть, что нового в стране людей. Были холодные весенние сумерки, близилось полнолуние, иней блестел на траве, а звезды светили ярко и резко, как зимой. Ночь была очень тихой, только ветер шелестел в ветвях деревьев, а весь мир заливало море движущихся теней и холодного белого сияния. Конь Имрика был подкован сплавом серебра, и копыта, стуча в землю, громко звенели.

Альв въехал в лес. Деревья окутывал густой мрак, но вдали виднелось красное зарево. Приблизившись, он понял, что это огонь просвечивает сквозь стены хижины, сплетенной из ветвей и обмазанной глиной. Хижина стояла под большим раскидистым дубом, с которого друиды некогда срезали смолу. Ярл альвов почувствовал, что там живет колдунья, он слез с коня и постучал в дверь.

Ему отворила женщина, такая же старая и сгорбленная, как и вековой дуб. Перед ней стоял альв; лунный свет отражался от шлема, кольчуги и сивого, словно туман, коня, что щипал позади подстриженную траву.

— Добрый вечер, мать, — сказал Имрик.

— Пусть ни один из альвов не зовет матерью меня, родившую супругу рослых, как тополя, сыновей, — буркнула колдунья, однако подала ему рог пива. Видимо, живущие поблизости селяне снабжали ее продуктами и пивом, а она им платила чарами. Внутри хижины Имрику пришлось согнуться

и сдвинуть груду костей и прочего мусора, прежде чем он сумел сесть на единственную скамью.

Он смотрел на колдунью странно раскосыми глазами альвов, цвета закрытого туманом неба, без видимого зрачка. В глазах Имрика мелькали тени древнего знания, потому что он долго жил на свете, хотя выглядел по-прежнему молодым: широкий лоб, торчащие скулы и тонкий нос. Серебристо-золотые кудри, более тонкие, чем паутина, спускались из-под рогатого шлема на закрытые красным плащом широкие плечи альва.

— На памяти последних поколений альвы редко заглядывали к людям, — сказала колдунья.

— Да, мы были слишком заняты войной с троллями, — ответил Имрик, и голос его звучал, как вздох ветра в кронах далеких деревьев. — Но теперь у нас перемирие, и мне интересно, что произошло за последние сто лет.

— Многое, но хорошего мало, — буркнула ведьма. — Из-за моря явились датчане, убивают, жгут, грабят; захватили для себя большую часть восточной Англии и еще не знаю что.

— Это не так уж плохо. — Имрик разгладил усы. — Когда-то тем же занимались англы и саксы, до них пикты и шотландцы, еще раньше — римляне, перед ними — бритты и галлы, а до них... Впрочем, история длинна и не кончится на датчанах. И я, следящий за этим почти от сотворения этой земли, не вижу здесь ничего плохого, поскольку могу с интересом проводить время. Хотел бы я увидеть этих пришельцев.

— Тебе не нужно далеко ездить, — ответила колдунья, — потому что Орм, прозванный Сильным, живет на берегу моря в одной ночи пути на смертном коне.

— Это не расстояние для моего жеребца. Я поеду туда.

— Подожди. Подожди, альв! — С минуту колдунья сидела, бормоча что-то под нос, и слабый свет небольшого очага отражался в ее глазах так, что казалось, будто два красных огонька движутся среди дыма и теней. Потом она радостно расхохоталась и крикнула: — Да, да, езжай, альв, к дому Орма на берег моря! Орм далеко, но его супруга охотно тебя примет. Недавно она родила сына, но его еще не крестили.

При этих словах Имрик насторожился.

— Это правда, колдунья? — спросил он тихим бесцветным голосом.

— Да, клянусь Сатаной. У меня свои способы, чтобы всегда знать, что творится в этом проклятом доме. — Одетая в лохмотья старуха, сидя на корточках перед слабо тлеющими

углями, раскачивалась взад-вперед, и огромные бесформенные тени носились по стенам хижины. — Пойди и убедись сам.

— Я не осмелюсь забрать ребенка датского вождя. Он может быть под опекой Асов.

— Нет. Орм христианин, хоть и не очень ревностный, а его сын до сих пор не посвящен ни одному из богов.

— Плохо приходится тем, кто пытается меня обмануть.

— Мне терять нечего, — ответила колдунья. — Орм сжег моих сыновей в их собственном доме, и мой род угаснет вместе со мной. Я не боюсь ни богов, ни дьяволов, ни альвов, ни троллей. Я сказала тебе правду.

— Поеду посмотрю, — решил Имрик и встал. Кольца его кольчуги серебристо зазвенели. Завернувшись в широкий красный плащ, он вскочил на белого жеребца.

Он мчался через поля и леса, словно дуновение ветра, словно полоса лунного света. Страна людей раскинулась далеко и широко: тенистые деревья, высокие холмы, белые от инея луга, дремлющие в лунном сиянии. Тут и там под звездным небом темнели человеческие усадьбы. Какие-то существа кружились в темноте, но то были не люди. Имрик услышал вой волка, топот маленьких ножек между корнями дуба, заметил блеск зеленых глаз лесного кота. Животные знали, что рядом проезжает ярл альвов, и уходили поглубже во мрак.

Вскоре альв добрался до усадьбы Орма. Овины, сараи и дома прислуги, построенные из грубо отесанных бревен, с трех сторон окружали мощеный булыжниками двор. С четвертой вздымались к небу украшенные резными драконами крыши, выделявшиеся на фоне звезд. Имрик нашел маленькую комнатку с другой стороны дома. Собаки, учуяв альва, зарычали, но прежде, чем успели залаять, Имрик обратил на них страшный взгляд белесых глаз и рукой начертал в воздухе какой-то знак. Собаки отползли, тихо поскуливая.

Как блуждающий ночной ветер, альв подъехал к нужной комнате, колдовским способом открыл изнутри окно и заглянул внутрь. Свет луны упал на ложе, серебристой линией обрисовывая фигуру Эльфриды в облаке распущенных волос. Но Имрика интересовал только ребенок, прижимающийся к матери.

Ярл альвов рассмеялся, хотя лицо его осталось неподвижным, как маска, закрыл окно и повернул на север. Эльфрида вздрогнула, проснулась и прижала к себе спящего ребенка. Глаза ее вновь подернулись туманом беспокойных снов.

III

В те времена народы Страны Чудес еще жили на поверхности земли, но даже тогда что-то необычайное простиралось над их имениями, словно их подвесили между мирами смертным и сверхъестественным. Место, которое в определенное время могло выглядеть как обычный холм или лес, в иную пору сверкало неземным великолепием. Поэтому люди избегали северных гор, известных как горы альвов.

Имрик ехал в сторону Альвгейта, который выглядел не каменистым холмом, а высоким замком со стройными башнями, бронзовыми воротами и мощеными мрамором дворами. Стены коридоров и комнат покрывали красивейшие волшебные гобелены с меняющимися узорами и сверкающие драгоценные камни. В лунном сиянии жители Альвгейта танцевали за стенами замка. Имрик проехал мимо, направляясь к главным воротам. Копыта его коня разбудили эхо, и невольники-низовики заторопились услужить ему. Спрыгнув на землю, он направился к замку.

Там блеск бесчисленных свечей преломлялся в золоченых и выложенных дорогими каменьями мозаиках, создавая ослепительную игру цветов. Из комнат доносились звуки музыки: плеск арф, причитания волынок и шепчущие, как горные ручьи, флейты. Фигуры на гобеленах и коврах медленно двигались, словно живые; полы, стены и ребристые, закрытые голубоватой дымкой высокие потолки напоминали живое серебро: оно непрерывно изменялось, хотя никто не смог бы сказать, как это происходит.

Имрик спустился в подземелье, где тишину нарушало лишь звяканье его кольчуги. Внезапно его окружила темнота, лишь изредка разгоняемая светом факелов, а воздух подземелья остудил его грудь. Время от времени слышался лишь лязг металла да жалобный стон, отдающийся эхом в сырых коридорах, пробитых в камне. Но ярл не обращал на это внимания. Как и все альвы, он двигался быстро, словно кот, тихо и ловко сходя вглубь темноты.

Наконец он остановился перед дубовой дверью, усиленной бронзовыми прутьями, зелеными от плесени и потемневшими от времени. Только Имрик имел ключ от трех больших замков. Бормоча заклинания, он открыл замки и рванул дверь. Пронзительно заскрипели петли — ведь минуло уже триста лет с тех пор, как дверь открывали в последний раз.

В камере за дубовой дверью сидела женщина из рода

троллей, прикованная к стене за шею настолько тяжелой бронзовой цепью, что она могла бы удержать на якоре корабль. Бледный свет воткнутого за дверью факела падал на ее огромное тело, нагое и мускулистое. Она была совершенно лысой, а ее зеленая кожа странно подергивалась. Повернув к Имрику отвратительную голову, она скривила губы в жуткой гримасе, ощерила белые зубы, но глаза ее были пусты, как два черных колодца, в которых можно утопить душу. Имрик держал ее здесь девятьсот лет, и она помешалась.

Ярл альвов взглянул на свою пленницу, стараясь, однако, избегать ее взгляда, и тихо сказал:

— Мне снова нужен подменыш, Гора.

Голос троллицы был подобен раскату подземного грома:

— Хо-хо, — сказала она, — он снова ко мне пришел. Приветствую тебя, кто бы ты ни был, пришелец из ночи и хаоса. Неужели никто не сотрет улыбки с лица вселенной?

— Поспеши, — сказал Имрик. — Я должен совершить замену до рассвета.

— Поспеши, поспеши! Осенние листья спешат по ветру, снег спешит с неба на землю, жизнь спешит в могилу, а боги спешат к забвению. — Голос безумной гремел в подземных коридорах. — Все вокруг — пепел и прах, несомый бездумным ветром, и только бормотание безумцев повторяет музыку звездных сфер. Ха, вот красный петух на куче навоза!

Имрик снял со стены бич и больно стегнул ее. Троллица затряслась и легла на землю. Быстро, поскольку не любил касаться ее холодной, влажной кожи, Имрик сделал все, что требовалось, а потом обошел вокруг нее девять раз против солнца, напевая песню, которой не смог бы повторить ни один человек. Эльф пел, а троллица дрожала, раздувалась и стонала от боли. Когда он обошел ее в девятый раз, Гора закричала так, что заболели уши, и родила мальчика.

Человеческий глаз не отличил бы его от сына Орма, разве что потомок троллицы и альва яростно взвыл и укусил свою мать. Имрик перевязал пуповину и взял подменыша на руки, чем сразу успокоил его.

— Мир — это мясо, гниющее на мертвом черепе, — бормотала Гора. Она вздрогнула, звякнув цепью, и легла на землю. — А рождение — разведение червей. Уже сейчас губы не скрывают зубов трупов, а вороны выклевывают глаза. Ветер вскоре раскидает кости. — Она завыла, когда Имрик закрыл за собой дверь. — Он ждет меня, ждет на холме, под безумными ударами тумана, ждет уже девятьсот лет. Черный петух каркает.

Имрик вновь закрыл дверь камеры на три ключа и торопливо поднялся по лестнице. Создание подменышей не доставляло ему удовольствия, но шанс заполучить человеческого ребенка был слишком ценен, чтобы его упустить.

Выйдя во двор замка, он увидел, что погода испортилась. Черные тучи мчались по небу, месяц бежал от подступающего мрака. На горизонте ярилась гроза, исписывая пространство между небом и землей рунами молний. Ветер свистел и выл.

Имрик вскочил в седло и направил коня на юг. Они неслись мимо вершин и склонов, мчались по долинам и среди деревьев, раскачиваемых ветром. Месяц посылал в мир призрачные белые фигуры, и ярл Имрик казался одной из них.

Он скакал, и плащ его трепетал, как крылья нетопыря. Свет луны отражался от его кольчуги и от его глаз. Когда он ехал по ровному берегу страны датчан, огромные волны разбивались у его ног, обрызгивая пеной щеки. Раз за разом зигзаги молний освещали бушующую водную пустыню, в надвигающемся мраке раскаты грома звучали гораздо громче, чем стук больших колес на небе. Имрик снова и снова торопил коня: он не хотел встречать Тора этой ночью.

Во дворе Орма он вновь открыл окно Эльфриды — она не спала, прижимала ребенка к груди и успокаивала его. Порыв ветра закрыл ей лицо волосами, ослепив на мгновенье. Она решит, что это ветер как-то открыл окно.

Молния осветила небо, ударил гром. Эльфрида почувствовала, что ребенок выскользнул у нее из рук, и торопливо подхватила его.

— Слава богу, — прошептала она, — я выпустила тебя, но успела поймать.

Эльфрида прижимала к себе раскричавшегося ребенка. Нужно было его накормить, чтобы успокоить. Мальчик начал сосать, но при этом больно укусил ее.

Громко смеясь, Имрик ехал домой. Внезапно ему ответило странное эхо, и он натянул вожжи, чувствуя холод возле самого сердца. Сквозь прореху в тучах сноп лунного света упал на фигуру, пересекшую Имрику путь. Он мельком заметил восьминогого коня, несшегося быстрее ветра, и всадника с длинной седой бородой и в шляпе, закрывающей его лицо. Лунный свет отразился от наконечника копья и одного глаза страшного наездника.

— Хей, хо-хей! — промчался он мимо альва с дружиной мертвых воинов и сворой воющих псов. Их вызвал его рог; копыта небесных скакунов грохотали, как град по крыше. А потом всадники исчезли, и над миром разразился ливень.

Имрик стиснул губы. Встреча с Дикими Охотниками не предвещала ничего хорошего тому, кто их увидел, и он сомневался, что Одноглазый Охотник случайно оказался рядом с ним. Однако нужно было ехать домой. Вокруг сверкали молнии, и Тор мог швырнуть молот куда угодно. Имрик закутал сына Орма в плащ и пришпорил коня.

IV

Имрик назвал украденного ребенка Скафлоком и отдал на воспитание своей сестре Лее. Она была так же красива, как и ее брат — с хрупкими, точеными чертами лица, серебристо-золотые пряди спускались из-под драгоценной диадемы, а в темно-голубых глазах сверкали лунные точки. Носила она одежды из паутинного шелка, а когда танцевала в лунном сиянии, зрителям казалось, что это пляшет белое пламя. Она улыбалась Скафлоку бледно-розовыми полными губами, а молоко, волшебным образом переполнявшее ее груди, было в его устах и жилах, как сладкий огонь.

На торжество выбора имени явились многие знатные Эльфгейма и привезли с собой великолепные подарки: кубки и кольца прекрасной работы, выкованные низовиками мечи, кольчуги, шлемы и щиты, наряды из парчи и атласа, а также талисманы. Поскольку альвы, подобно богам, гигантам, троллям и прочим родственным существам, не знали старости, у них было мало детей, они рождались раз в несколько столетий. Каждое такое рождение было крупным событием, однако гораздо значительнее считали они взять на воспитание человека.

Во время пиршества раздался вдруг оглушительный топот копыт, от которого задрожали стены замка и зазвенели бронзовые ворота. Стражники поднесли к губам трубы, но никто не посмел преградить путь всаднику, а сам Имрик приветствовал его низким поклоном, выйдя к главным воротам.

Это был высокий красивый муж в кольчуге и шлеме, сиявших куда слабее его глаз. Земля дрожала под копытами его скакуна.

— Добро пожаловать, Скарнир, — сказал Имрик. — Твой визит — высокая честь для нас.

Посланник Асов ехал по залитому лунным светом двору. На боку его подпрыгивал меч Фрейра, сверкавший, как само солнце; он получил его за поход на Йотунхейм за Гердой. В руках он держал другой меч, длинный и широкий, без следа

ржавчины, хотя и покрытый землей, в которой тот пролежал много лет, и сломанный пополам.

— Я привез подарок к именинам твоего приемного сына, Имрик, — сказал он. — Береги этот клинок, а когда мальчик достаточно подрастет, чтобы владеть им, скажи ему, что гигант Болверк может снова сделать меч целым. Ибо придет время, когда Скафлоку отчаянно понадобится хорошее оружие, и тогда дар Асов пригодится ему.

Скирнир бросил сломанный меч на землю, повернул коня и исчез во мраке. Альвы стояли молча: они знали, что, даря меч, Асы преследовали какую-то свою цель, но должны были повиноваться.

Никто из альвов не мог коснуться железа, поэтому ярл вызвал невольников-низовиков и приказал им поднять меч. Под его присмотром сломанный клинок отнесли в самые глубокие подземелья Альвгейта и замуровали в нише возле камеры Горы. Имрик начертал на стене рунные знаки, после чего ушел и долго избегал этого места.

Минуло несколько лет, но альвы так и не получили от богов никаких известий.

Скафлок рос на глазах. Он был красивым мальчиком, высоким и веселым, с голубыми глазами и льняными волосами. Более шумный и своевольный, чем немногочисленное потомство альвов, он рос так быстро, что вскоре стал зрелым мужчиной, тогда как товарищи его детских игр вовсе не изменились. Эльфы не склонны нежничать со своими детьми, но Лея баловала Скафлока, баюкая его песнями, которые были как море, ветер и шелест листьев. Она научила его придворным манерам и корибанскому шагу, которым пользовались под открытым небом, танцуя босиком по росе, опьяненные лунным сиянием. Часть магических знаний он получил именно от нее — песни, которые могли ослепить и завлечь, песни, передвигавшие скалы и деревья, а также беззвучные песни, под которые зимними ночами плясали полярные сияния.

У Скафлока было счастливое детство, оно прошло в играх с молодыми альвами и их друзьями. Многие из них были духами, навещавшими окрестные холмы и долины. Он жил в королевстве чар, и смертные люди и животные, забредавшие туда, порой уже не возвращались. Не все обитатели этой страны были безобидны или дружелюбно настроены, поэтому Имрик приказал одному из своих гвардейцев сопровождать мальчика в его прогулках по округе.

Духи вод кружились в тумане вокруг водопадов; их голоса эхом отражались от окрестных скал. Скафлок смутно видел их грациозные тела в радужной оболочке. Ясными ночами, привлеченные светом луны, они выходили из воды, садились на поросшие мхом берега, совершенно нагие, за исключением водорослей, вплетенных в волосы, и гирлянд из водяных лилий. Тогда дети альвов разговаривали с ними. Духи вод могли бесконечно рассказывать о быстрых реках и живущих в них рыбах и жабах, выдрах и зимородках, о залитом солнцем каменистом дне потоков, о таинственных озерках, где вода была спокойна и зелена, и о том, как они сами мчатся по водопадам в грохоте, брызгах и радужных дымках, чтобы молнией рухнуть вниз и проказничать в омутах.

Вокруг Альвгейта встречались и другие водоемы: болота и тихие темные горные пруды, куда Скафлоку не разрешали ходить, поскольку их жители не любили пришельцев.

Воспитанник Имрика часто бывал в лесу и говорил с его маленькими жителями — скромными гномами с бородами до пояса, одетыми в серо-зеленые наряды и длинные остроконечные шапки. Гномы жили между корней самых крупных деревьев и радовались визитам детей альвов. Однако взрослых альвов они боялись и были довольны, что никто из них не может втиснуться в их дома... разве что уменьшиться до размеров гнома, чего трудно ждать от аристократов.

Жили вблизи Альвгейта и несколько гоблинов. Когда-то они имели большое влияние в Стране Чудес, но Имрик напал на них с огнем и мечом, и те, что уцелели и не были изгнаны, утратили прежнюю силу. Теперь они скрывались по пещерам, но Скафлоку удалось подружиться с одним из них, благодаря чему он узнал несколько сокровенных секретов гоблинов.

Однажды мальчик услышал откуда-то издали необыкновенные звуки свирели, тронувшие его, и тут же побежал в долину, откуда они доносились. Он научился ходить так тихо, что оказался перед музыкантом до того, как он его заметил. Это было странное существо, похожее на человека, но с козлиными ногами, ушами и рогами. Оно играло на тростниковой свирели мелодию такую же печальную, как и его глаза.

— Кто ты? — спросил удивленный Скафлок.

Тот опустил свирель и хотел убежать, но потом успокоился и сел на пень.

— Я фавн, — сказал он. У него был странный акцент.

— Никогда не слышал о таком. — Скафлок уселся на траву, скрестив ноги.

В серых сумерках фавн грустно улыбнулся. Первая звезда замерцала над его головой.

— В этих местах кроме меня нет ни одного фавна. Я изгнанник.

— Откуда ты пришел, фавн?

— С юга, вскоре после того, как умер великий Пан, а Элладой завладел новый бог, имени которого я не могу произносить. Для прежних богов и духов не осталось места на родине. Жрецы нового бога вырубили священные рощи и построили церкви. Я помню, как кричали дриады, хотя те их не слышали, и как крики эти дрожали в горячем воздухе, словно должны были остаться навечно. Они всегда будут звучать в моих ушах. — Фавн тряхнул кудрявой головой. — Я бежал на север, но теперь думаю, что мои соплеменники, которые остались, чтобы сражаться, и погибли от рук экзорцистов, были мудрее меня. Это было очень давно, молодой альв, и не знаю, что больше мучило меня: уходящее время или одиночество. — Слезы сверкнули у него на глазах. — Нимфы, фавны и сами боги превратились в прах, их святыни стоят пустыми и медленно превращаются в руины. А я... я брожу по чужой земле. Меня презирают здешние боги, сторонятся местные жители. Это страна туманов, дождей и суровых зим, страна гневных серых морей и бледных лучей солнца, с трудом продирающихся сквозь тучи. Здесь нет изумрудной воды, невысоких холмов, скалистых островков и любимых теплых лесов, в которых ждали нас нимфы. Не найти мне здесь винограда и осыпанных плодами фиговых деревьев, величественные боги уже не живут на высоком Олимпе.

Фавн вдруг умолк, замер, прислушиваясь, потом прыгнул в кусты. Скафлок оглянулся и увидел альва-гвардейца, идущего, чтобы отвести его домой.

Но чаще всего мальчик бродил по лесу один. Он мог переносить солнечный свет, которого избегали коренные жители Страны Чудес, а Имрик не считал, что его воспитаннику грозит какая-то опасность от смертных зверей. Потому-то Скафлок уходил гораздо дальше других детей из Альвгейта и узнал эту страну гораздо лучше, чем человек, проведший там всю жизнь.

Из диких животных лучше всего к альвам относились лисы и выдры; считалось даже, что их объединяет какое-то родство, и если у них был какой-то язык, альвы знали его хорошо. От лисиц Скафлок узнал секреты лесов и лугов, тропки, вьющиеся сквозь испещренные солнечными пятнами тени, и множество мелких знаков, рассказывающих обо всем

тому, кто умеет пользоваться чувствами, данными ему природой. Благодаря выдрам перед воспитанником Имрика открылся мир, окружающий озера и потоки; мальчик научился плавать, как его проворные учителя, и незаметно скользить по подлеску, едва скрывающему половину его тела.

Так же хорошо узнал он и других животных. Самая пугливая птица садилась ему на руку, когда Скафлок свистел на ее языке, а медведь приветливо ворчал, когда мальчик входил в берлогу. С тех пор, как он начал охотиться, олени, лоси, зайцы и куропатки избегали его, но с некоторыми из них он заключил мир. Рассказ о жизни Скафлока среди животных мог бы быть длинным.

Так проходили годы, неся его в будущее. Он выбегал из замка весной, когда несмело зеленела первая трава, когда проснувшиеся от зимнего сна леса звенели от пения птиц, реки боролись с тающим льдом, а редкие белые цветы блестели среди льда, словно забытые клочки снега. Летом он бегал нагишом, загорелый, с выгоревшими на солнце волосами, гоняя по холмам бабочек и скатываясь по траве вниз, пьяный от самой радости жизни. Ясными же ночами, бывшими сонным воспоминанием дня, он бродил под звездным небом среди пения сверчков по росе, сверкающей в лунном свете. Его омывали обильные осенние дожди, а в полдень он вил себе венок из пылающих листьев и неподвижно стоял под порывами ветра, вслушиваясь в крики улетающих птичьих стай. Зимой, когда вокруг бушевала метель, а лес стонал под ветром, он скользил среди хлопьев снега или прятался под поваленными ветром деревьями. Порой мальчик стоял на заснеженных полях, залитых лунным светом, и слушал, как лед на озере трещит от холода, пробуждая среди холмов далекое эхо.

V

Когда Скафлок начал подрастать, Имрик занялся им сперва понемногу, но со временем все больше, пока не сделал из него настоящего воина Эльфхейма. Поскольку люди жили недолго, они учились быстрее обитателей Страны Чудес, и ум Скафлока развивался даже быстрее, чем его тело.

Мальчик научился ездить на скакунах Эльфхейма — полных удивительного очарования черных и белых жеребцах и кобылах, быстрых и неутомимых, как ветер. Каждую ночь но-

сился он от Кайтнесса до Лэндсэнда* — только в ушах свистело. Научился он владеть мечом, копьем, луком и боевым топором. Менее ловкий и более медлительный, чем альвы, со временем он стал сильнее их, мог носить боевое снаряжение столько времени, сколько требовалось, и был при этом настолько грациозен в движениях, что любой другой смертный рядом с ним выглядел бы неуклюжим, как медведь.

Скафлок охотился в округе один или в обществе Имрика и его свиты. Его стрелы пронзили не одного оленя с великолепными рогами, а копье выпило кровь многих кабанов. Случалось ему преследовать по лесам и вершинам и другую, более опасную дичь: единорогов и грифонов, которых Имрик привез с края света для своего удовольствия.

Сын Орма научился придворным манерам альвов, их гордой осанке, бесконечным интригам и цветистой речи. По ночам он мог нагим танцевать под звуки арф и свирелей, опьяненный лунным сиянием, как самый дикий из альвов. Он мог играть и петь их удивительные ритмичные песни, более древние, чем человек; постиг мастерство скальдов настолько хорошо, что говорил стихами так же легко, как и обычной речью. Он изучил все языки Страны Чудес и три человеческих, мог перечислить все изысканные блюда альва и жидкие огни, плещущиеся в запыленных бутылках в замковых подвалах, но это не притупило его любви к черному хлебу, соленому мясу, сладким от солнца ягодам и холодной воде горных ручьев.

Когда первые волосы покрыли щеки юноши, альвини стали уделять ему больше внимания. Не ведающие страха перед богами и имеющие мало детей, альвы не знали супружества, причем альвини более требовали любви, чем альвы, которых природа сделала менее страстными, нежели смертных мужчин. Благодаря этому Скафлок имел большой успех среди жительниц Альвгейта и изведал немало приятных минут.

Наитруднейшей и самой опасной частью его воспитания была наука магии. Имрик присматривал за ним с тех пор, как мальчик научился чему-то большему, чем простым чарам, которые мог наводить даже ребенок. Правда, Скафлок не мог узнать магию так хорошо, как его приемный отец, поскольку родился он человеком и ждала его недолгая жизнь, но он стал в ней так же искусен, как большинство альвов. Для начала научился он находить и избегать железа, которого не мог вынести ни один альв, тролль или гоблин. Даже когда

* Юго-западная оконечность полуострова Корнуолл.

его заверили, что с ним ничего не случится и для подтверждения этих слов он коснулся гвоздя в доме селянина, он все равно по привычке продолжал держаться от него подальше. Потом узнал мальчик руны, лечащие раны и болезни, научился защищаться от несчастья и наводить чары на врагов. Запомнил песни, которые могли вызвать или прекратить грозу, послать хороший или плохой урожай, вызвать гнев в груди смертного или укротить его. Скафлок научился добывать из залежей неизвестные людям металлы, сплавы которых занимали в Стране Чудес место стали. Умел он набрасывать покров тьмы и превращаться в животных, шкуры которых надевал на себя. Под конец обучения узнал он могущественные руны, песни и заклятия, способные воскрешать мертвых, открывать будущее и заставлять повиноваться даже богов. Обращались к ним в крайнем случае, ибо никто не хотел испытать их страшное влияние или подвергнуться мести, которую они могли навлечь.

Скафлок часто бывал у моря. Часами сидел он на берегу, вглядываясь в расплывчатую линию горизонта, где беспокойные волны встречались с небом. Его никогда не утомлял шум волн, соленый запах, резкий ветер и переменчивый нрав океана. Он был из рода моряков, и море было у него в крови. Скафлок разговаривал с тюленями на их лающем языке, а чайки кружились над его головой, сообщая вести со всего света. Порой, когда его сопровождали другие воины, из морской воды появлялись русалки, выжимая свои длинные зеленые волосы, и вскоре все они развлекались вовсю. У них была холодная влажная кожа, и еще долго потом Скафлок чувствовал на губах вкус рыбы, но это ему не мешало, потому что он любил морских дев.

В пятнадцать лет он почти сравнялся ростом с Имриком, имел широкие плечи, крепкие мускулы и длинные светлые кудри, контрастировавшие с загорелой кожей. С его искреннего лица с выразительными чертами улыбались полные губы и большие голубые глаза. Обычный смертный сказал бы, что в глазах Скафлока, видевших больше, чем глаза простого человека, кроется какая-то тайна, проступающая и в его пружинистом, барсовом шаге.

Однажды Имрик сказал ему:

— Ты достаточно вырос, чтобы не пользоваться больше моим старым оружием, а получить взрослое. Кроме того, меня вызывает король альвов. Мы поплывем за море.

Услышав это, юноша радостно вскрикнул, повернул коня и поскакал по землям людей, колдуя лишь от потребности что-то сделать. Он заставил горшки танцевать на печи, коло-

кола — зазвенеть на башнях, топоры же сами рубили дрова для очага. С помощью волшебной песни он загнал корову на крышу хижины селянина, вызвал ветер, разбросавший его сено по всей округе, и пролил на двор золотой дождь. Накинув на плечи плащ тьмы, он целовал девушек, работавших на полях в сумерках, трепал им волосы и швырял в ров их кавалеров. Позднее много дней подряд служили мессы, чтобы остановить поток колдовства, но к тому времени Скафлок был уже в море.

Длинный черный корабль Имрика плыл под надутым парусом по вызову короля альвов. Команда его состояла из отборных воинов, поскольку им могли встретиться тролли или кракен. Скафлок стоял на носу корабля, украшенном головой дракона, жадно вглядываясь вдаль. Он рано получил колдовское зрение и видел ночью так же хорошо, как днем. Высмотрев стадо дельфинов, серебристо-серых в свете луны, он поздравил знакомого старого самца. А однажды они встретили кита, по бокам которого с шипением стекала вода. Раскосые глаза альвов и их воспитанника Скафлока видели такое, что только снилось или лишь на мгновение мелькало перед смертными моряками: русалок, поющих и играющих в морской пене, затонувшую башню Ис, короткую вспышку белизны с золотом и протяжный крик сокола вверху — валькирии, спешащие на какую-то битву на востоке.

Ветер пел в снастях, волны с шумом омывали палубу. Перед рассветом корабль Имрика добрался до другого берега моря, был вытащен на пляж и укрыт с помощью волшебства.

Альвы спрятались под ним, но Скафлок большую часть дня кружил по округе. Забравшись на дерево, он удивленно разглядывал возделанные поля, исчезающие на юге. Дома людей были здесь иными, чем в Англии. Юноша заметил среди них высокий серый замок какого-то барона и посочувствовал трудной жизни людей, обитавших в его мрачных стенах. Он ни за что не поменялся бы с ними.

Когда опустилась ночь, альвы сели на привезенных из Англии коней и вихрем помчались вглубь суши. К полуночи они достигли гористой местности, где лунный свет отбрасывал узкие серебристые тени и широкие полосы мрака на вершины, скальные обрывы и далекий зеленоватый ледник. Альвы ехали узкой тропой, высоко держа свои копья. Звенели украшения на конской упряжи, длинные перья и плащи развевались по ветру. Копыта лошадей звучно стучали по камням, будя ночное эхо.

Внезапно вверху кто-то хрипло задул в рог, а другой от-

ветил ему снизу. Альвы услышали звон металла и звук шагов, а когда доехали до конца тропы, увидели отряд низовиков, охраняющих вход в пещеру.

Кривоногие воины едва доходили Скафлоку до пояса, но плечи их были широки, а руки длинны. На темных бородатых лицах читался гнев, глаза горели под кустистыми бровями. В руках они держали железные мечи, топоры и щиты. В прошлом светлые альвы победили их своими копьями и стрелами, превосходя в быстроте, ловкости и, к тому же, стратегии.

— Чего вы хотите? — загремел предводитель низовиков. — Разве альвы и тролли причинили нам мало вреда, нападая на наши земли и беря в полон наших братьев? Но сейчас нас больше, и если вы приблизитесь, мы убьем вас.

— Мы прибыли с миром, Мотсогнир, — ответил Имрик. — Хотим просто купить ваши изделия.

— Я хорошо знаю тебя, Имрик по прозвищу Хитрый, — жестко ответил Мотсогнир. — Ты хочешь усыпить нашу бдительность.

— Я дам заложников, — предложил ярл альвов, и король низовиков принял его предложение. Оставив несколько альвов разоруженными и в окружении своих воинов, Мотсогнир повел остальных вглубь пещеры.

Внутри горы огни разгоняли мрак, там низовики неутомимо работали в своих кузницах. Их молоты били так громко, что у Скафлока разболелась голова. Здесь возникали самые необычайные предметы — украшенные драгоценностями чаши и кубки, тонкой работы кольца и ожерелья червонного золота, здесь ковали оружие из металла, вырванного из сердца горы, оружие достойное богов, ведь низовики работали когда-то и для богов. Умели они вырезать могучие руны и заклятия и вообще обладали необычайными способностями.

— Я бы хотел, чтобы ты сделал боевое снаряжение для моего приемного сына, — сказал Имрик.

Кротовьи глаза Мотсогнира нашли в полумраке высокую фигуру Скафлока, а зычный голос заглушил стук молотов.

— Э-э, ты снова занялся старыми штучками с подменышами, Имрик? Однажды ты сам станешь жертвой своего плутовства. Но поскольку это человек, полагаю, он захочет иметь оружие из стали.

Скафлок заколебался. Он не мог сразу избавиться от многолетних предрассудков, но знал, что должен это сделать. Бронза была слишком мягкой, а необычайные сплавы альвов — слишком легки, чтобы он мог полностью использовать свою немалую силу.

— Да, из стали, — решительно сказал он.

— Это хорошо, — буркнул Мотсогнир и повернулся к кузнецам. — Скажу тебе, парень, вы, люди, хоть и слабы, ничего не знаете и живете недолго, превосходите силой альвов и троллей, даже гигантов и богов. И то, что вы можете касаться холодного железа — лишь один из источников вашей силы. Эй! — крикнул он. — Эй, Синдри, Текку, Драупнир, помогите-ка мне!

Перестук молотов стал быстрее, полетели искры, зазвенел металл. Так искусны были низовики, что прошло совсем немного времени, и Скафлок уже надел крылатый шлем и сверкающую кольчугу. Щит он повесил на спину, меч на бок, а в руке держал топор — все было отковано из голубоватой стали. Юноша радостно крикнул, сделал топором и мечом мельницу и издал пронзительный боевой клич альвов.

— Ха! — сказал он, возвращая меч в ножны. — Пусть тролли, гоблины или даже гиганты посмеют приблизиться к Эльфхейму! Мы ударим на них, как молния, и перенесем войну на их земли!

И он сочинил такую вису:

Продолжается борьба,
И мечи звенят в горах,
Стали лязг зовет на бой,
Доносясь до облаков,
Стрелы гневные летят,
Топоры взмывают к небу,
Ударяют о кольчуги,
Крошат шлемы и щиты.
Продолжается борьба:
Копий дождь врага бичует,
Воины безумно рубят,
Прорывая строй врага,
Раздается битвы гром,
Кровь пятнает топоры.
Серый волк и черный ворон
Пожирают мертвецов.

— Хорошо сказано, хотя, может, и не ко времени, юноша, — холодно заметил Имрик. — Однако помни — не касайся никого из наших своими новыми игрушками. Идем отсюда. — Он протянул Мотсогниру мешок золота. — Вот плата за вашу работу.

— Я бы предпочел свободу невольникам из нашего народа, — сказал король низовиков.

— Они нам слишком нужны, — сказал Имрик и вышел.

На рассвете его отряд укрылся в пещере, а следующей ночью въехал в большой лес, где стоял замок короля альвов. Его окружал сложный узел колдовства, который Скафлок

не умел разгадать. Смутно видел он высокие стройные башни на фоне луны, голубоватый сумрак, в котором мерцало и танцевало множество звезд, слышал музыку, пронизывающую тело и кости, чтобы коснуться самой души, но пока не оказались они в тронном зале, не смог ничего увидеть отчетливо.

В окружении своих сановников, на троне из тени сидел король альвов. Корона и скипетр его были из золота, а пурпурные одежды сливались с царившим вокруг полумраком. Волосы и борода короля поседели, и он, единственный из альвов, имел морщины на лбу и щеках. В остальном лицо его казалось высеченным из мрамора, лишь глаза горели.

Имрик низко поклонился, а воины его свиты опустились на колено перед своим владыкой. Когда король альвов заговорил, голос его прозвучал, как песня ветра.

— Здравствуй Имрик, ярл британских альвов!

— Здравствуй, господин, — ответил Имрик и заглянул в спокойные, но страшные глаза короля.

— Мы собрали всех на совет, — сказал владыка, — узнав, что тролли снова готовятся к войне. Нет сомнения, что вооружаются они против нас, и вскоре следует ждать конца перемирия.

— Это хорошо, господин. Наши мечи ржавеют в ножнах.

— Может, и не так хорошо, как тебе кажется, Имрик. В прошлый раз альвы прогнали троллей и вторглись бы в их страну, когда б не заключили мира. Иллреде, король троллей, умен и не начнет войны, пока не убедится, что стал сильнее, чем прежде.

— Я подготовлю свои провинции к войне, господин, и разошлю лазутчиков.

— Хорошо... Может, они узнают что-то интересное, хотя наши надежд не оправдали. — Теперь король альвов перевел взгляд на Скафлока, у которого холодело сердце всякий раз, когда он пытался выдержать этот горящий взгляд. — Слышали мы о твоем подменыше, Имрик, — буркнул владыка. — Нужно было спросить нашего согласия.

— Времени не было, господин, — оправдывался ярл. — Мальчик был бы крещен, прежде чем я успел послать известие и получить от тебя ответ. Сейчас трудно украсть ребенка.

— И очень рискованно, Имрик.

— Да, господин, но дело это стоящее. Ты сам знаешь, что люди могут делать многое такое, что недоступно альвам, троллям, гоблинам и им подобным. Они могут пользоваться всеми металлами, касаться святой воды, ходить по освящен-

ной земле, произносить имя нового бога — ведь даже старым богам приходится уступать дорогу кое-чему, что не вредит людям. Нам, альвам, нужен такой воин.

— Подменыш, которого ты оставил на его месте, тоже мог бы делать все, о чем ты говорил.

— Это так, господин, но ты же хорошо знаешь дикую и злобную натуру таких полукровок. Ему нельзя верить в вопросах магии, как этому человеку. Эльфам приходится плодить подменышей, иначе люди убедились бы, что их дети украдены, и могли бы воззвать к мести богов.

До сих пор разговор шел о том, что все понимали, не торопясь, как это принято у бессмертных, но теперь король альвов резко сказал:

— А можно ли верить этому человеку? Достаточно ему обратиться к новому богу, и он для нас потерян. Может, он уже стал слишком силен?

— Нет, господин! — Скафлок выступил вперед и взглянул владыке альвов прямо в глаза. — Я бесконечно благодарен Имрику за то, что он спас меня от бесплодной и слепой жизни смертного. Я — альв во всем, за исключением крови. Ребенком я сосал грудь альвини, говорю на языке альвов и сплю рядом с девушками альвов. — Он поднял голову и говорил почти вызывающе. — Только позволь, господин, и я стану лучшим из твоих псов. Но если выгнать пса из дому, он становится волком и начинает охотиться на стадо своего хозяина.

Некоторых альвов испугала такая откровенность, но король лишь кивнул и мрачно улыбнулся.

— Мы верим тебе, — сказал он. — Действительно, в прошлом воспитанники Эльфхейма показали себя храбрыми воинами. Что касается тебя, меня беспокоит лишь дар, полученный от Асов в день выбора имени. Я чувствую в этом их руку, а их цели никогда не совпадали с нашими.

Содрогнулись собравшиеся альвы, а некоторые начертили в воздухе рунные знаки, но Имрик заявил:

— Господин, даже боги не могут изменить предначертания Норн*, и я считаю недостойным терять самого многообещающего из людей из-за смутных опасений перед будущим.

— Да будет так, — кивнул король альвов, и совет занялся другими делами.

После окончания совета был дан пир. У Скафлока кружилась голова от роскоши, царившей при дворе владыки альвов. Когда наконец он вернулся домой, его наполняло такое

---

* Богиня судьбы в скандинавской мифологии.

презрение и вместе с тем такая жалость к людям, что долгое время он не хотел иметь с ними ничего общего.

Прошло еще с полдюжины лет. Эльфы не изменились, но Скафлок так вырос, что невольникам-низовикам при дворе Имрика пришлось переделать его вооружение. Юноша был теперь выше и шире в плечах, чем его приемный отец, он стал самым сильным воином всего королевства. Он мерялся силами с медведями и дикими турами, мог обогнать оленя. Никто во всем Альфхейме не мог натянуть лук Скафлока или свободно владеть его топором, будь он даже не из железа.

Лицо юноши несколько вытянулось; воспитанник Имрика отпустил усы, такие же светлые, как и длинные волосы, спадавшие на его плечи. Вместе с тем он стал еще веселее и несдержаннее, чем прежде, обожал плутовские выходки и опасные проделки. Он превратился в большого забияку и пьяницу, стал озорным колдуном, вызывающим вихрь только для того, чтобы поднять у девушек юбки. Не в силах обрести покой, он кружил по стране, охотясь на самых опасных зверей, каких удавалось найти. Выискивал в болотах чудовищных потомков Грандела и убивал их, получая порой ужасные раны, излечить которые могли только чары Имрика. Несмотря ни на что, он всегда был готов отправиться на поиски новых приключений, но потом валялся целыми неделями, почти не двигаясь с места, и мечтательно вглядывался в плывущие по небу облака. В другой раз в зверином облике, овладев неизвестными людям чувствами, искал лесов и вод, чтобы проказничать как выдра, мчаться огромными прыжками, как волк, или гордо парить, как орел.

— Никогда в жизни не испытал я трех вещей, — похвалился он однажды. — Страха, поражения и несчастной любви.

Имрик странно посмотрел на него.

— Ты еще слишком молод, чтобы познать крайности человеческой жизни.

— Я больше альв, чем человек, приемный отец.

— Пока — да, — был ответ.

Однажды Имрик снарядил около дюжины длинных кораблей и отправился в дальний поход. Флот ярла британских альвов переплыл восточное море и ограбил гоблинов, населяющих его скалистое побережье. Потом альвы вторглись в глубь страны, напали на какой-то город троллей и сожгли его, предварительно перебив всех жителей и захватив их имущество. Хотя война еще не была объявлена, такие рейды практиковались обеими сторонами для пробы сил. Продолжая плыть на север, а потом на восток через удивительную белую страну

туманов, холода и дрейфующих ледяных гор, Имрик, Скафлок и их воины обогнули неизвестный мыс, проплыли каким-то проливом и направились на юг, где сражались с драконами и грабили местных демонов. Затем вновь отправились на запад, держась береговой линии до тех пор, пока она не повернула на юг, и тогда устремились к северу. Самая яростная битва разыгралась на пустынном берегу с толпой изгнанных богов, похудевших, высохших, обезумевших от одиночества, но по-прежнему обладающих ужасающей силой. Имрик победил, но после битвы альвам пришлось сжечь три корабля, поскольку не осталось никого, кто мог бы вести их дальше.

Иногда они встречали людей, но не обращали на них особого внимания, ведь их интересовала лишь Страна Чудес. Смертные же видели их только мельком, но и при этом испытывали ужас. Альвы воевали не со всеми подряд: в большинстве королевств их принимали гостеприимно и охотно с ними торговали, что являлось причиной долгих стоянок. Три года спустя корабли Имрика вернулись в Альвгейт, груженные богатствами и пленниками. Это был великий поход, и весть о нем разошлась по Эльфхейму и соседним королевствам, а Имрик и Скафлок покрыли себя славой.

VI

Все эти годы колдунья жила в лесу в обществе своих воспоминаний, пробуждавших в ее душе ненависть и жажду мести. Пробуя то одно, то другое, она сумела немного повысить свою силу и теперь могла вызывать духов земли и общаться с демонами воздуха, которые научили ее кое-чему. Оседлав метлу, слетала она на Черный Шабаш на горе Брокен. То была жуткая встреча, во время которой мерзкие древние чудовища пели вокруг черного алтаря, пили кровь из больших котлов, но хуже всего были молодые женщины, принимавшие участие в безбожных обрядах и совокуплявшиеся с демонами.

Колдунья вернулась с шабаша гораздо умнее, взяв в приживалы крысу, которая острыми зубками кусала ее высохшие груди и пила из них кровь, а ночами лежала на подушке возле своей хозяйки и пищала ей на ухо во время сна. Теперь колдунья решила, что обрела достаточно сил, чтобы вызвать того, кого хотела.

Молнии били вокруг ее логова, а саму ее окружало голубое сияние и смрад адских бездн. Смутная фигура, перед ко-

торой она простерлась ниц, была по-своему красива, как любой грех в глазах неисправимого грешника.

— О, многоименный Князь Тьмы, — воскликнула колдунья, — я хочу, чтобы ты исполнил мое желание, и готова заплатить за это обычную цену.

Тот, кого она вызвала, заговорил с ней тихо, терпеливо объясняя:

— Ты далеко зашла, моя дорогая, но еще не принадлежишь мне душой и телом. Милосердие тех, кто живет наверху, безгранично, и ты будешь проклята, лишь отрекшись от него сама.

— А что мне с этого милосердия? — спросила колдунья. — Оно не отомстит за моих сыновей. Я готова отдать тебе душу, если ты отдашь мне в руки моих врагов.

— Этого я сделать не смогу, — ответил гость, — но дам тебе возможность поймать их в ловушку, если ты окажешься хитрее.

— Этого достаточно.

— Однако подумай, разве ты уже не отомстила Орму? Благодаря тебе он живет с подменышем вместо старшего сына, и существо это может принести ему много зла.

— Но настоящий сын Орма счастлив в Эльфхейме, да и остальные дети быстро растут. Я хотела бы стереть с лица земли его мерзкое потомство, как он поступил с моим. В этом мне не помогут языческие боги и Тот, чьего имени лучше не произносить. Поэтому ты, Повелитель Тьмы, должен стать моим другом.

В глазах, задумчиво смотревших на нее, горели огоньки холоднее зимних морозов.

— Языческих богов тоже интересует это дело, — зажурчал спокойный голос. — Как ты, наверняка, слышала, Один, знающий судьбы людей, строит планы, исполнение которых длится много лет. Но я помогу тебе, дам силу и знание, так что ты станешь могучей колдуньей. И подскажу способ мести, безотказный, если только твои враги не окажутся умнее, чем ты думаешь.

В мире существуют три Силы, которым не могут противостоять ни боги, ни демоны, ни люди. Силы, которых не победит колдовство, не одолеет никакая мощь: Белый Христос, Время и Любовь.

Первый может только разрушить твои планы, так что старайся, чтобы ни Он, ни его последователи никоим образом не включились в схватку. Ты сумеешь этого добиться, если будешь помнить, что Небо оставляет низшим существам свободу

выбора, тем самым не заставляя их следовать его заповедям. Даже чудеса лишь открывают перед людьми еще одну возможность выбора.

У второй Силы имен больше, чем у меня, — Судьба, Предназначение, Закон Норны, Доля, Необходимость, Брахма и бесконечное множество иных — но к ней нельзя обращаться, потому что она никого не слушает. Тебе не понять, как может она сосуществовать со свободой выбора, о которой я говорил, как не постичь и того, что одновременно могут быть старые и новые боги. И прежде, чем использовать свои самые сильные заклинания, ты должна подумать над этим, пока не поймешь всей душой, что у правды столько обликов, сколько разумов, пытающихся ее постичь.

Третья Сила смертоносна и может причинять вред в той же мере, что и помогать, но именно ею ты и воспользуешься.

Потом колдунья поклялась ему и узнала, где и каким образом может получить нужное ей знание. На этом встреча закончилась.

И лишь одно осталось ей непонятным: когда гость выходил из хижины, колдунья пригляделась к нему внимательнее и заметила, что это не тот, кто был вначале. Увидела она необычайно высокого мужчину, шедшего молодо и быстро, хоть и носил он длинную бороду, седую, как волчья шерсть. Одет он был в развевающийся плащ, в руке держал копье, а из-под широких полей шляпы смотрел на мир всего один глаз. Колдунья вспомнила того, кто любил принимать всевозможные обличья в своих бесконечных походах по миру, и содрогнулась.

Однако гость исчез — видела она его лишь мгновенье, а может, ей что-то привиделось в звездном свете, — и ей не хотелось думать ни о чем, кроме утраты близких и скорой мести.

Если не считать дикого и шумливого нрава, подменыша нельзя было отличить от настоящего ребенка, и хотя Эльфриду порой удивляло поведение ребенка, ей и в голову не приходило, что это вовсе не он. Она крестила его именем Вальгард, как хотел того Орм, пела ему, играла с ним и была ему очень рада. Только кормление причиняло ей сильную боль, потому что подменыш сильно кусался.

Когда Орм вернулся домой, он обрадовался, увидев такого красивого и сильного мальчика.

— Великий воин будет! — воскликнул он. — Будет храбро сражаться, ездить верхом и плавать по морю. — Он осмот-

релся по сторонам. — А где собаки? Где мой старый верный Грам?

— Грам мертв, — бесцветным голосом ответила Эльфрида. — Он хотел броситься на Вальгарда и разорвать его, поэтому я приказала убить бедное безумное животное. Но, видимо, оно заразило других собак, которые рычат и убегают, когда я выношу ребенка во двор.

— Это странно, — сказал Орм, — в нашей семье всегда любили коней и собак.

По мере того, как Вальгард рос, становилось ясно, что ни одно животное не хочет находиться рядом с ним: скот убегал, кони фыркали и брыкались, коты шипели и забирались на деревья; мальчику пришлось рано научиться владеть копьем, чтобы отбиваться от собак. Вальгард тоже не любил животных, раздавал им пинки и проклятия и быстро стал заядлым охотником.

Подменыш рос хмурым, молчаливым, непослушным и любил дикие забавы. Невольники ненавидели его за злобу и жестокие шутки, которых он для них не жалел. И со временем, хоть она и пыталась с этим бороться, Эльфрида перестала любить своего старшего сына.

Однако Орм любил Вальгарда, хотя они не всегда ладили. Когда он наказывал сына, каким бы сильным ни был удар, мальчик никогда не кричал от боли. А когда обучал его владению мечом и со свистом опускал клинок, словно желая разрубить череп Вальгарду, тот даже не вздрагивал. Подменыш вырос сильным и ловким юношей, тянулся к оружию, словно с ним родился, и никогда не проявлял ни страха, ни жалости. У него не было настоящих друзей, зато приверженцев хватало.

У Орма с Эльфридой родились еще несколько детей: два многообещающих сына — рыжий Кетил и темноволосый Асмунд — и две дочери, Асгерд и Фреда, унаследовавшая красоту матери. Поначалу они играли под присмотром матери, потом начали бродить по округе. Эльфрида очень любила их, Орм тоже, но его любимцем был Вальгард.

Странный, молчаливый, сторонящийся людей юноша вступал в возраст мужчины. Внешне он мало отличался от Скафлока, но волосы его были темнее, кожа светлее, а взгляд — каменный. Угрюмо стиснутые губы подменыша улыбались только тогда, когда он проливал кровь или причинял боль, но и тогда это был лишь оскал. Более высокий и сильный, чем большинство мальчиков его возраста, Вальгард не общался с ровесниками, разве что вставал во главе их, готовя какую-

нибудь проказу. Он редко помогал по хозяйству, если не считать забоя скота, и предпочитал одинокие прогулки.

Орм так и не построил церкви, как собирался, но когда соседи его воздвигли святыню на собственные средства, не запрещал своим людям ходить туда на службы. Эльфрида уговорила священника поговорить с Вальгардом, но юноша рассмеялся ему в лицо:

— Я не буду кланяться твоему плаксивому богу, — сказал он, — да и никакому другому тоже. Если обращение к ним вообще имеет какой-то смысл, то жертвы, которые мой отец приносит Асам, помогают больше каких-то молитв, которые вы возносите Христу. Будь я богом, меня можно было бы умилостивить кровавыми жертвами, но человека скупого, который только дразнил бы меня сладкими молитвами, я растоптал бы вот так! — И ногой в тяжелом сапоге он наступил священнику на ногу.

Услышав об этом, Орм рассмеялся. Слезы Эльфриды не помогли, и священник получил лишь небольшую компенсацию.

Больше всего Вальгард любил ночь и часто уходил по ночам из дому. Влекомый лишь ему известными лунными чарами, он мог бежать по-волчьи до самого рассвета и хотя не знал, чего хочет, испытывал пронзительную печаль и тоску по чему-то неопределенному. Расцветал он лишь убивая, калеча, уничтожая — тогда он разражался диким смехом, и кровь троллей стучала у него в висках!

Однажды он заметил девушек, работающих в поле в платьях, липнущих к потным телам, и с тех пор нашел себе новое развлечение. Был он сильный, пригожий и имел хорошо подвешенный язык, которым умел пользоваться, и вскоре Орму пришлось выплачивать отступные за опозоренных дочерей и невольниц.

Поначалу его это мало заботило, но все изменилось, когда Вальгард поссорился по пьянке с Олафом, сыном Сигмунда, и убил его. Орм заплатил выкуп, но понял, что его сын стал опасен для окружающих. Последнее время сын Кетила большую часть года проводил дома, совершая только мирные торговые поездки, но в то лето он забрал старшего сына в поход.

Это стало истинным откровением для юноши, быстро снискавшего уважение товарищей благодаря отваге и умению владеть оружием, хоть им и не нравилось, что он понапрасну убивает безоружных. Через некоторое время Вальгард начал впадать в боевое безумие: он трясся, исходил пеной, грыз край щита и рвался вперед, рыча и убивая. Его меч превра-

щался в кровавую молнию, подменыш не чувствовал ран, а его лицо было так страшно, что многие враги замирали от ужаса и покорно ждали смерти. Когда приступ кончался, Вальгард некоторое время бывал очень слаб, но к тому времени его обычно окружала гора трупов.

Только грубые и бесчувственные люди общались с берсеркером, и только такими Вальгард хотел командовать. Каждое лето он отправлялся за добычей, с отцом или без него, и вскоре Орм вообще перестал трогаться с места. Войдя в пору расцвета, подменыш снискал себе ужасающую славу, добыв при этом достаточно золота, чтобы купить собственные корабли. Он подобрал в свою дружину самых отъявленных негодяев, и Орм запретил ему высаживаться вблизи его имения.

Остальных детей Орма любили почти все. Кетил пошел в отца: он был высокий, веселый, всегда готовый подраться или напроказить, а когда подрос, часто выплывал в море. Только однажды сплавал он в поход, поссорился там с Вальгардом и с тех пор предпочитал торговать. Асмунд был стройным, спокойным, хорошо стрелял из лука, хотя не любил сражений, и все больше забирал в свои руки управление хозяйством. Астерд выросла высокой, светловолосой и голубоглазой девушкой с крепкими руками, а Фреда с каждым днем все больше напоминала мать.

Вот так обстояли дела, когда колдунья решила, что пришло время захлопнуть ловушку.

VII

Однажды сумрачным осенним днем, когда в воздухе пахло дождем, а листья превращались в золото, медь и бронзу, Кетил с несколькими товарищами отправился на охоту. Еще не отъехав далеко, они увидели белого оленя, такого большого и красивого, что едва поверили своим глазам.

— Это животное достойно короля! — воскликнул Кетил. Он дал коню шпоры, и они помчались над пнями и камнями, перескакивая через стволы и огибая деревья, продираясь сквозь кусты и дробя опавшие листья, а ветер свистел у них в ушах, и лес превратился в разноцветную полосу. О диво, собаки неохотно приняли участие в погоне, и хотя Кетил ехал не на лучшем коне, он опередил и псов, и прочих охотников.

Перед ним в вечернем полумраке маячил белый олень, несшийся большими прыжками, его рога выделялись на фоне неба, словно крона дерева. Холодный дождь сыпался между

нагими ветвями, но Кетил почти не чувствовал его. Он не замечал времени, растущего расстояния от дома, упиваясь галопом коня и радостью погони.

Наконец он выскочил на небольшую поляну и едва не догнал оленя. Хотя было уже темно, юноша метнул копье в белый силуэт, но едва сделал это, олень словно съежился, растаял, как туман, исчез, и только крыса пробежала по сухим листьям.

Тут Кетил понял, что сильно опередил своих товарищей и заблудился в лесу. Холодный ветер зашумел в темноте. Конь Кетила дрожал от усталости, и он имел на то право — ведь они оказались в неизвестной части леса, забравшись далеко на запад от имения Орма. Юноша не мог понять, что придавало сил животному, почему оно до сих пор не пало, и, вспомнив невероятное происшествие, почувствовал, как по спине его пробежали мурашки.

На краю поляны, под большим дубом, стоял небольшой домик. Кетила удивило, кто может жить в такой глуши и чем он живет, если вокруг не видно даже следов возделанной земли. Но здесь он мог найти убежище для себя и своего коня в опрятном, крытом соломой деревянном доме, в окнах которого весело плясал огонь очага. Сойдя с коня, он поднял копье и постучал в дверь.

Она открылась, явив его взору красиво убранную комнату, а за ней — пустую конюшню. Однако Кетил видел только стоявшую на пороге женщину и не мог оторвать от нее глаз. Он чувствовал, что сердце его замерло, а затем начало метаться, как лесной кот в клетке.

Незнакомка была высока, а платье с низким вырезом подчеркивало все округлости ее чудесного тела. Темные волосы опускались до колен, окружая идеальный овал лица, белого, как морская пена. Ее полные губы были красны, как кровь, нос чуть горбат, а из-под бровей, сквозь заслон ресниц, смотрели испещренные золотистыми точками зеленые глаза, казалось, читавшие в душе Кетила. Ошеломленный юноша подумал, что до сих пор не знал, насколько красива может быть женщина.

— Кто ты? — спросила она тихим певучим голосом. — Чего хочешь?

У Кетила перехватило дыхание, сердце его колотилось как безумное, заглушая все, но он сумел ответить:

— Я Кетил, сын Орма. Заблудился в лесу во время охоты и хотел бы просить ночлега для моего коня и. для меня.

— Здравствуй, Кетил, сын Орма, — сказала женщина и

улыбнулась ему так сладко, что сердце едва не выскочило у него из груди. — Немногие сюда заглядывают, и я всегда им рада.

— Ты живешь одна? — спросил он.

— Да, но не сегодня ночью! — рассмеялась она, а Кетил обнял ее.

Орм разослал людей расспросить соседей, однако никто ничего не знал о его сыне. Спустя три дня датчанин понял, что с Кетилом случилось что-то недоброе.

— Он мог сломать ногу, наткнуться на разбойников или попасть в другую беду. Асмунд, завтра едем на поиски.

Вальгард лежал на скамье, держа в руке рог с медом. Два дня назад он вернулся из летнего похода, оставил корабли и людей в собственном имении, расположенном недалеко от отцовского, и на время заглянул домой, больше ради хорошей кухни и выпивки, чем для того, чтобы повидаться с семьей. Свет очага играл на его угрюмом лице.

— Почему ты говоришь об этом только Асмунду? — спросил он. — Я тоже здесь.

— Вот уж не думал, что вас с Кетилом объединяет братская любовь, — ответил Орм.

Вальгард оскалил зубы и осушил рог.

— Нет ее между нами, — сказал он, — и все же я отправляюсь на поиски и надеюсь, что найду его и приведу домой. Что может быть хуже для него, чем если его найду я.

Орм пожал плечами, а в глазах Эльфриды сверкнули слезы.

Они выехали на рассвете — группа всадников и свора лающих псов — и вскоре разъехались по лесу. Вальгард пошел один и пешком, как делал это всегда. Вооружился он большим топором, накрыл светлую шевелюру шлемом, но остальным своим одеянием напоминал лесного хищника. Втягивая в ноздри свежий воздух, он кружил, выискивая след, используя для этого свои нечеловеческие способности. Вскоре он наткнулся на едва заметные следы копыт, вновь широко улыбнулся, но не затрубил в рог, а побежал по следу.

Шло время, и Вальгард забирался все дальше, в самую густую часть леса, куда никогда еще не забредал в своих одиноких скитаниях. Небо посерело, и тучи одиноко висели над скелетами деревьев. Сухие листья кружились по ветру, словно

духи, спешащие по своим делам, а стоны и завывания ветра трепали Вальгарду нервы. Подменыш чувствовал — что-то не так, но он никогда не обучался магии и не знал, почему волосы поднимаются у него на голове.

К сумеркам он забрался в лес очень далеко, устал, проголодался и был очень зол на Кетила, что тот причиняет ему столько хлопот. Его ждала ночь вне дома, — сейчас, когда подступала зима, — и он поклялся отомстить брату.

Но вот в сгущающемся мраке что-то сверкнуло. То был не блуждающий огонек, а пламя, то есть укрытие, если это только не лагерь разбойников. «Если так, — подумал Вальгард, — я с радостью их перебью».

Ночь опередила его на пути к одинокому дому, пошел дождь со снегом. Вальгард осторожно прокрался к окну и заглянул внутрь сквозь щель между ставнями.

Довольный Кетил сидел на скамье возле очага. В одной руке он держал рог с пивом, а другой ласкал женщину, сидевшую у него на коленях.

Эта женщина! О, всемогущие боги, что это была за женщина! Вальгард со свистом втянул воздух. Он никогда даже не мечтал, что может быть женщина, хотя бы подобная той, что, смеясь, сидела на коленях у Кетила.

Подменыш подошел к двери и ударил в нее обухом. Через некоторое время Кетил открыл дверь и вышел на порог с копьем в руке посмотреть, кто пришел. К тому времени дождь со снегом валил не на шутку.

Разозленный Вальгард загородил собою дверь. Кетил выругался, но отошел в сторону и впустил его внутрь. Вальгард был весь в снегу. Глаза подменыша сверкнули при виде сидевшей на скамье женщины.

— Не очень-то ты гостеприимен, брат, — сказал он и разразился смехом. — Держишь меня на дворе, а ведь я прошел много миль, пока ты забавлялся со своей любимой.

— Я не звал тебя сюда, — угрюмо ответил Кетил.

— Вот как? — Вальгард продолжал рассматривать женщину, а та посмотрела ему в глаза и улыбнулась.

— Ты здесь желанный гость, — прошептала она. — Еще никогда я не видела мужа, подобного тебе.

Вальгард снова рассмеялся и повернулся, чтобы посмотреть на удивленного брата.

— Приглашал ты меня или нет, дорогой брат, я все равно проведу ночь здесь. А поскольку в постели место только для двоих, а я проделал долгий и тяжелый путь, боюсь, тебе придется спать на конюшне.

— Не бывать этому! — крикнул Кетил и так стиснул руку на древке копья, что побелели суставы. — Будь на твоем месте мой отец, Асмунд или кто другой с нашего двора, я охотно уступил бы им место. Но ты злодей и берсеркер, будешь спать на соломе.

Вальгард насмешливо захохотал и замахнулся топором. Острие приговоздило копье к притолоке, отрубив наконечник.

— Убирайся отсюда, братец! — приказал он. — А может, тебя вышвырнуть?

Ослепленный гневом, Кетил ударил его древком копья. Охваченный яростью Вальгард прыгнул, топор его описал дугу и рассек череп Кетила.

Охваченный боевым безумием подменыш замахнулся и на прекрасную хозяйку, но та протянула к нему руки. Вальгард обнял ее и поцеловал так, что губы их начали кровоточить. Женщина громко рассмеялась.

Проснувшись на следующее утро, Вальгард увидел Кетила, лежащего в луже крови. Мертвые глаза глядели на него, и подменыш почувствовал угрызения совести.

— Что я наделал... — прошептал он. — Убил собственного брата.

— Ты убил более слабого мужчину, — равнодушно сказала женщина.

Вальгард встал над телом брата.

— Между нашими ссорами мы прожили несколько прекрасных минут, Кетил, — пробормотал он. — Я помню, как мы нашли новорожденного теленка, пытавшегося встать на дрожащие ножки, помню ветер, секущий наши лица, и солнце, сверкающее на волнах, когда мы вместе вышли в море, и мед, который пили на Рождество, когда метель ярилась вокруг дома нашего отца. Я помню, как мы вместе бегали, плавали и кричали, брат. Теперь все кончилось, ты уже только труп, а я иду по мрачному пути... и все же, спи спокойно. Спи спокойно, Кетил, спи спокойно.

— Если скажешь об этом людям, тебя убьют, — предупредила его прекрасная незнакомка. — Это не вернет ему жизни, а в могиле нет поцелуев и любви.

Вальгард кивнул, поднял тело и унес его в лес. Не желая вновь касаться топора, он оставил его в черепе убитого, а над могилой устроил каменное надгробие.

Когда он вернулся в одинокую избушку, любовница уже ждала его, и вскоре он забыл обо всем. Она была прекраснее солнца и знала о любви все.

Через неделю Вальгард решил, что нужно вернуться до-

мой, иначе другие найдут его или начнутся драки между командами кораблей. Однако прекрасная незнакомка не пожелала пойти с ним.

— Это мой дом, и я не могу его покинуть, — сказала она. — Но ты приходи, когда захочешь, мой любимый Вальгард, я всегда встречу тебя с радостью.

— Я скоро вернусь, — пообещал он. Ему в голову не пришло забрать любовницу силой, хотя прежде он обходился так со многими другими женщинами. Она отдалась ему сама, что было необычайно ценным даром.

Отец встретил его с радостью, потому что боялся потерять и этого сына. Впрочем, остальные особой радости не выказали.

— Я искал далеко на западе и на севере, — сказал Вальгард, — но не нашел Кетила.

— Он наверняка уже мертв, — сказал Орм, чувствуя, что его охватывает печаль. — Мы тоже искали много дней, но нашли только его коня, блуждавшего по лесу. Нужно устроить тризну.

Вальгард провел с семьей лишь несколько дней, после чего снова ускользнул в лес, пообещав вернуться на тризну по Кетилу. Асмунд проводил его задумчивым взглядом.

Младшего брата удивило, что Вальгард избегал разговоров о судьбе Кетила, а еще более странным показалось, что он отправился на охоту, как сказал сам, когда зима уже на пороге. Медведей он уже не найдет, а остальные звери стали такими пугливыми, что люди не хотели гоняться за ними по снегу. Почему Вальгарда не было так долго и почему он ушел так быстро?

Так подумал Асмунд, и через два дня после ухода подменыша отправился по его следам. Снег с тех пор не выпадал, поэтому следы были хорошо видны. Асмунд пошел один, скользя на лыжах по широким пространствам, где кроме него не было ничего живого, и ему становилось все холоднее.

Вальгард вернулся через три дня. Издалека и не очень явились соседи в дом Орма на тризну по Кетилу, и пир начался. Берсеркер молча пересек людный двор.

Эльфрида дернула его за рукав.

— Ты видел Асмунда? — робко спросила она. — Он тоже пошел в лес и еще не вернулся домой.

— Нет, — коротко ответил Вальгард.

— Не хотела бы я за месяц потерять двух сыновей и остаться с самим плохим из них, — сказала Эльфрида и отвернулась.

Вечером гости встретились в большом зале, чтобы пить в честь умершего. Орм сидел на своем высоком стуле, справа от него разместился Вальгард. Мужчины расселись по скамьям, расставленным вдоль стен, и принимали рога сквозь пламя и дым костра, горевшего во рву между ними. Женщины ходили взад-вперед, следя, чтобы рога всегда были полны. За исключением семьи умершего, все гости веселились в красном мерцающем свете, и множество пар глаз провожало взглядом обеих дочерей Орма.

Орм был весел, как и пристало воину, смеющемуся над смертью, но никто не мог сказать, что крылось за его веселостью. Эльфрида не могла сдержать слезы и тихо плакала. Вальгард сидел молча, осушая рог за рогом, и скоро голова у него пошла кругом. Крепкий напиток только усугубил его плохое настроение. Вдали от любовницы и вооруженных стычек ему нечем было заняться, кроме раздумий о своем поступке, и он видел во мраке перед собою лицо Кетила.

Пиво лилось рекой, вскоре все мужчины перепились, и дом наполнился разговорами. Внезапно сквозь шум пробился громкий стук в дверь. Засов был поднят, но резкий звук привлек внимание гостей. Из сеней в комнату вошел Асмунд.

Был он бледен и едва стоял на ногах, а в руках держал что-то длинное, завернутое в плащ. Взгляд его обежал комнату, ища только одного человека, и постепенно все разговоры стихли.

— Здравствуй, Асмунд! — воскликнул Орм. — Мы уже начали беспокоиться за тебя.

Однако Асмунд продолжал смотреть прямо перед собой, и те, что проследили его взгляд, заметили, что устремлен он на Вальгарда.

— Я привел гостя на тризну, — сказал он наконец глухим голосом.

Орм сидел неподвижно, хоть и побледнел как полотно, а Асмунд опустил свою ношу на пол. Была она настолько замерзшей, что могла стоять, опираясь о его плечо.

— Ужасно холодна была могила, в которой я его нашел, — сказал он, и слезы потекли у него из глаз. — Это было плохое место, и я решил, что мы покроем себя позором, устраивая пир в его честь, пока он лежит в лесу, наедине со

звездами. И я принес Кетила домой... Кетила с топором Вальгарда в голове!

Он распахнул плащ, и свет очага осветил замерзшую кровь вокруг топора. Волосы Кетила побелели от инея, мертвые губы улыбались Вальгарду, в открытых глазах отражалось пламя. Опираясь на Асмунда, он не отрывал мертвого взгляда от подменыша.

Орм медленно повернулся к берсеркеру, который широко открытыми глазами вглядывался в Кетила. В это мгновение Вальгарда охватила ярость, он выскочил из-за стола и крикнул Асмунду:

— Лжешь!

— Все знают твой топор! — ответил Асмунд. — Люди добрые, хватайте братоубийцу и вяжите его! Он заслужил виселицу.

— Я имею право защищаться, — выкрикнул Вальгард. — Дайте мне взглянуть на этот топор.

Никто не шевельнулся — все были слишком потрясены. В глухой тишине, сопровождаемой лишь треском пламени в очаге, Вальгард прошел через зал к сеням.

У входа стояло в козлах оружие. Проходя мимо, подменыш схватил копье и бросился бежать.

— Не уйдешь! — воскликнул Асмунд и выхватил меч, чтобы преградить ему путь, но Вальгард ткнул его копьем. Пронзив незащищенную грудь Асмунда, оно пригвоздило его к стене так, что он остался стоять возле Кетила, по-прежнему опирающегося о его плечо. Два мертвых брата вглядывались в своего убийцу.

Вальгард завыл, охваченный боевым безумием, глаза его засверкали, как у рыси, пена выступила на губах. Рыча от ярости, Орм бросился за ним, схватил чей-то меч и напал на подменыша. Вальгард вырвал из-за пояса нож, которым помогал себе при еде, левой рукой оттолкнул в сторону клинок Орма и вонзил нож в грудь датского вождя.

Брызнула кровь, Орм упал, а Вальгард вырвал меч из руки убитого. Подоспели другие мужчины, отрезая убийце дорогу к бегству. Подменыш зарубил ближайшего, его громкий рев эхом отразился от крыши.

Огромное помещение наполнилось движением: одни пытались найти безопасное место, другие пытались схватить безумца. Меч Вальгарда запел, и еще трое свободных земледельцев рухнуло на пол. Несколько других схватили стол и, держа его перед собой, оттеснили берсеркера от стоек с оружием. Остальные вооружились.

Однако в переполненном зале все происходило слишком медленно. Вальгард, размахивая мечом, пошел на мужчин, стоявших между ним и дверями, нескольких ранил, остальные отскочили в сторону, и подменыш оказался у двери. Но в сенях стоял воин, успевший схватить меч и окованный железом шит. Вальгард атаковал его, но меч застрял в щите.

— Слишком слаб твой меч, Орм! — крикнул он, а когда воин бросился на него, подменыш вытянул руку назад и вырвал топор из головы Кетила. В вихре схватки его противник забыл об осторожности. Первый удар берсеркера отшвырнул в сторону щит, второй отрубил несчастному правую руку. Вальгард выскочил за дверь.

Вслед ему полетели копья, но он уже скрылся в лесу. Кровь отца какое-то время стекала с него, но потом замерзла и перестала помогать собакам, посланным по следу. Даже уйдя от них далеко, подменыш продолжал бежать, боясь замерзнуть. Трясясь и рыдая, он бежал на запад.

VIII

Колдунья ждала, сидя одна в темноте. Наконец, что-то скользнуло через крысиный ход, она глянула на почти невидимый глинобитный пол и увидела своего приживала.

Исхудавший и усталый, он не сказал ничего, пока не добрался до ее груди и не напился крови. Потом разлегся на коленях хозяйки, поглядывая на нее сверкающими глазками.

— Ну, — спросила она, — как твое путешествие?

— Долгое и неприятное, — ответил он. — Под видом нетопыря на крыльях ветра я полетел в Альвгейт. Бродя вокруг комнат Имрика, я часто бывал на волосок от смерти — эти проклятые альвы очень ловки и сразу раскусили, что я не просто крыса. И все же мне удалось подслушать их разговоры.

— Их план таков, как мы предполагали?

— Да. Скафлок поплывет в Троллхейм, чтобы напасть на Иллреде. Он надеется убить короля или хотя бы помешать подготовке к войне — сейчас, когда официально объявлено об окончании перемирия. Имрик останется в Альвгейте готовить свою провинцию к обороне.

— Это хорошо. Старый ярл слишком хитер, но Скафлок, предоставленный самому себе, наверняка попадет в ловушку. Когда он отправляется?

— Через девять дней. С ним будет около пятидесяти кораблей.

— Корабли альвов плавают очень быстро, и он окажется в Троллхейме в ту же ночь. Я научу Вальгарда призывать ветер, и с его помощью он будет там через три дня. Я оставлю ему еще три дня на сборы, чтобы он явился к Иллреде незадолго перед Скафлоком. Придется его здесь задержать, а ему еще нужно будет время добраться до своих людей. Что ж, управлять им будет не очень трудно, потому что теперь он изгнанник и бежит сюда с отчаянием в сердце.

— Ты обошлась с ним слишком сурово.

— У меня нет на него зла — ведь он не потомок Орма, а лишь мое орудие в трудной и опасной игре. Уничтожить Скафлока будет куда труднее, чем убить его братьев или отомстить сестрам. Этот воспитанник альвов просто посмеялся бы над моими чарами. — Колдунья оскалилась в полумраке. — Да, Вальгард лишь инструмент, чтобы выковать оружие, которое пронзит сердце Скафлока. Что касается самого Вальгарда, я дам ему возможность высоко подняться среди троллей, особенно если они победят альвов. Надеюсь, падение Скафлока будет вдвойне горьким, если из-за него погибнет Эльфхейм.

Колдунья снова села и стала ждать, наученная этому горькому искусству многолетним ожиданием мести.

На рассвете, когда серый свет полз по снегу и обледеневшим деревьям, Вальгард постучал в дверь своей любовницы. Она открыла ему сразу, и он с порога упал ей в объятия. Подменыш был едва жив от холода и усталости, его покрывала засохшая кровь, лицо осунулось, глаза дико блестели.

Любовница подала ему мясо, пиво, удивительные навары из трав, и вскоре он уже мог прижать ее к себе.

— Только ты у меня осталась, — пробормотал он. — Женщина, красота и распутство которой стали причиной моего несчастья. Нужно тебя убить, а потом броситься на меч.

— Зачем ты это говоришь? — спросила она с улыбкой. — И что в этом плохого?

Он зарылся лицом в ее пахучие волосы.

— Я убил своего отца и братьев. Я — изгнанник и никогда не смогу искупить свою вину.

— Что касается убийств, — сказала она, — они доказывают лишь, что ты сильнее тех, кто тебе угрожал. Разве важно, кем они были? — Она уставилась на него своими зелеными глазами. — Но если тебя мучает мысль об убийстве родственников, успокойся, в этом ты не виноват.

— Как так? — он ошеломленно заморгал глазами.

— Ты не сын Орма, Вальгард, прозванный Берсеркером. Я обладаю двойным взглядом и говорю тебе, что ты даже не человек. Ты из такого древнего и благородного рода, что с трудом мог бы вообразить свое истинное происхождение.

Вальгард замер, сжав руки на ее запястьях так, что они посинели, и крикнул изо всех сил:

— Что ты сказала?

— Ты подменыш, подкинутый Имриком, ярлом альвов, вместо первенца Орма, рожденный невольницей, дочерью Илреде, короля троллей.

Вальгард оттолкнул ее от себя, холодный пот выступил у него на лбу.

— Это ложь! — простонал он. — Ложь!

— Это правда, — спокойно ответила женщина и вновь подошла к нему. Вальгард отпрянул, тяжело дыша, а она неумолимо продолжала: — Почему ты совершенно не похож на детей Орма или любого другого смертного мужчины? Почему смеешься над богами и людьми и живешь в одиночестве, о котором забываешь лишь в походе? Почему ни одна из женщин, побывавших в твоей постели не родила тебе ребенка? Почему тебя боятся животные и малые дети? — Она приперла его к стене и не спускала с мужчины глаз. — Почему, если не потому, что ты не человек?

— Но я вырос, как все люди, я могу касаться железа и святых предметов, и я не колдун.

— В этом и состоит преступление Имрика: он украл у тебя твое наследие, сделал тебя подобным украденному ребенку. Ты вырос среди людей, вел жизнь человека, и в ней не было ничего, что могло бы пробудить дремлющую в тебе колдовскую силу. Имрик украл у тебя долгую жизнь, чтобы ты мог вырасти, состариться и умереть за время, отпущенное людям, чтобы не беспокоили тебя святые предметы и прочие вещи, которых боятся альвы. Но он не мог тебе дать человеческой души, Вальгард, и умерев, ты уподобишься погашенной ветром свече, без надежды на небо, ад или дворы старых богов, и жизнь твоя будет не дольше человеческой.

Услышав это, Вальгард оттолкнул любовницу и выскочил за дверь. Она улыбнулась ему вслед.

Похолодало, разбушевалась метель, но Вальгард притащился в дом прекрасной женщины только в темноте. Он устало горбился, но в глазах горело темное пламя.

— Теперь я верю тебе, — буркнул он, — и не поверю ни во что другое. Я видел духов и демонов, безумствующих сре-

ди метели, летящих вместе со снегом и смеющихся надо мной, проносясь мимо. — Он уставился в темный конец комнаты. — Меня затягивает тьма, жалкая моя жизнь близится к концу. Я потерял дом, семью, а души, выходит, никогда не имел. Я был только тенью, созданной великими Силами, которые задуют теперь свечу моей жизни. Спи спокойно, Вальгард, спи спокойно... — Он зарыдал и опустился на ложе.

Женщина таинственно улыбнулась, легла рядом с берсеркером и поцеловала его губами, похожими на вино и огонь. А когда он молча повернулся к ней, прошептала:

— То были слова не Вальгарда, прозванного Берсеркером, величайшего из воинов, чье имя вызывает страх от Ирландии до Гардарики. Я думала, тебя обрадуют мои слова и ты своим топором добьешься лучшей судьбы. Ты сурово отомстил за меньшее зло, чем кража самой твоей сути и заключение в тюрьму, какой является жизнь смертного.

Вальгард постепенно приходил в себя и, лаская любовницу, чувствовал, как возвращаются к нему его прежние силы вместе с ненавистью ко всему, кроме нее. Наконец он сказал:

— А что мне делать? Как отомстить? Я не могу увидеть даже альвов и троллей, разве что они сами этого захотят.

— Я научу тебя всему этому, — ответила она. — Для меня не составит труда дать тебе колдовское зрение, с которым рождаются все обитатели Страны Чудес. Потом, когда станешь сильнее всех человеческих владык, если захочешь, можешь уничтожить тех, кто тебя обидел или смеялся над клеймом изгнанника.

Вальгард сощурился.

— Как? — медленно спросил он.

— Тролли готовятся к войне со своими извечными врагами — альвами, — ответила она. — Вскоре Иллреде, король троллей, поведет войско на Эльфхейм. Наверняка он сначала ударит на Имрика, здесь, в Англии, чтобы обеспечить фланги и тылы перед походом на юг. А среди лучших воинов Имрика будет его приемный сын Скафлок, не боящийся ни железа, ни святых предметов и к тому же колдун. Если бы ты отправился к Иллреде, преподнес ему ценные дары и предложил свои услуги, то получил бы высокую должность в его войске. При штурме Альвгейта ты мог бы убить Имрика и Скафлока, тогда Иллреде, несомненно, назначит тебя ярлом британских земель альвов. Потом, познав магию, ты стал бы еще сильнее — да, ты можешь восстановить справедливость, стать настоящим альвом или троллем и жить вечно!

Вальгард разразился лающим смехом, как охотящийся волк.

— Воистину неплохо! — воскликнул он. — Как убийце, изгнаннику и нечеловеку мне нечего терять, а получить я могу многое. Если уж присоединяться к силам холода и тьмы, я сделаю это с радостью и потоплю заботы в битвах, не снившихся людям. О, женщина, женщина, ты много для меня сделала и, хоть дурной это был поступок, спасибо тебе за это!

И он занялся с ней любовью, но когда заговорил снова, голос его звучал спокойно и бесстрастно.

— Как я попаду в Троллхейм? — спросил он.

Женщина открыла сундук и вынула из него завязанный кожаный мешок.

— Ты должен выплыть в день, который я тебе укажу, — сказала она. — Когда твои корабли выйдут в море, развяжи этот мешок — в нем ветер, который тебя туда доставит. Тогда же ты получишь колдовской взгляд и сможешь увидеть селения троллей.

— А что станет с моими людьми?

— Они будут частью твоего дара Иллреде. Тролли развлекаются, охотясь на людей в горах, и сразу почувствуют, что твои матросы — негодяи, за которых не вступится ни один бог.

Вальгард пожал плечами.

— Если уж быть троллем, то таким же коварным, как они, — сказал он. — Но что еще я могу подарить ему? У короля наверняка хватает золота, драгоценностей и ценных тканей.

— Дай ему кое-что получше, — посоветовала женщина. — У Орма были две красивые дочери, а тролли сладострастны. Если ты свяжешь их и заткнешь им рты, чтобы они не могли перекреститься или произнести имя Иисуса...

— Нет, только не они, — в ужасе отшатнулся Вальгард. — Я рос вместе с ними и вообще причинил им достаточно зла.

— Именно они, — настаивала любовница. — Чтобы Иллреде принял тебя на службу, докажи ему, что порвал все связи с людьми.

Вальгард отказывался, но любовница льнула к нему, целовала и расписывала будущее его богатство так, что он наконец сдался.

— Хотел бы я знать, кто ты такая, о худшая и прекраснейшая из женщин, — сказал он.

Она тихо рассмеялась, прижимаясь к его груди.

— Ты забудешь обо мне, покорив нескольких альвинь.

— Нет, мне никогда не забыть обуздавшую такого, как я.

Женщина продержала Вальгарда в своем доме столько, сколько сочла нужным, делая вид, что готовит заклятия, дарующие двойное зрение, и рассказывая о Стране Чудес, но не это было ему нужно — ее красота и любовное мастерство приковали к ней Вальгарда крепче самых прочных цепей.

Наконец, когда в сумерках пошел снег, она сказала:

— Тебе лучше отправиться сейчас.

— Мы отправимся вместе, — ответил он, — потому что я не могу без тебя жить. Если не пойдешь сама, возьму силой, но ты должна быть со мной.

— Хорошо, — вздохнула она. — Хотя ты можешь передумать, когда я дам тебе колдовское зрение.

Она встала, взглянула на сидящего мужчину и погладила его по щеке. На губах ее играла грустная улыбка.

— Ненависть — жестокая хозяйка. Не думала, что снова буду счастлива, Вальгард, и сердце мое разрывается, потому что мы должны расстаться. Желаю тебе счастья, любимый. А теперь, — она коснулась кончиками пальцев его век, — смотри!

И Вальгард увидел.

Уютный домик и высокая белолицая женщина развеялись как дым. Он сидел в хижине, сплетенной из ветвей, обмазанных глиной, где небольшой костер из коровьих лепешек бросал слабый свет на груду костей и тряпок, ржавую посуду и перекошенные колдовские приспособления. А перед ним сидела дряхлая ведьма — маска из морщинистой кожи была натянута на беззубый череп. К ее высохшей груди прижималась крыса.

Обезумев от ужаса, он с трудом поднялся. Колдунья искоса наблюдала за ним.

— Любимый, — проквакала она, — мы пойдем на твой корабль? Ты ведь поклялся не расставаться со мной.

— Из-за тебя я стал изгнанником! — завыл Вальгард, схватил топор и бросился на нее. Но едва он замахнулся, тело ведьмы съежилось, и по глинобитному полу шмыгнули две крысы. Топор ударил по земле, но они уже они скрылись в норе.

Вне себя от ярости Вальгард взял ветку и сунул ее в огонь. Когда она разгорелась, он коснулся тряпок и соломы, а потом, пока горела хижина колдуньи, стоял снаружи, готовый зарубить любого, появившегося из нее, но он видел толь-

ко скачущие языки огня, слышал свист ветра и шипение тающего снега.

Когда от хижины остались только угли, он прокричал:

— Из-за тебя я потерял дом, семью и надежду, из-за тебя решил отказаться от жизни среди людей и отправиться в страну мрака, из-за тебя стал троллем! Слушай меня, ведьма, если ты еще жива. Я сделаю, как ты советовала: стану ярлом троллей в Англии, а когда-нибудь, может, и королем всего Троллхейма и устрою охоту на тебя, используя всю силу, которой буду тогда владеть. Ты сама, люди, альвы и любой, вставший у меня на пути — все почувствуют силу моего гнева. Я не успокоюсь, пока не спущу с тебя шкуру за то, что ты своим наваждением разбила мне сердце!

Он повернулся, побежал на восток и вскоре исчез среди вьюги. Сидя под землей, колдунья и приживал улыбнулись друг другу — все получилось так, как они хотели.

Дружина Вальгарда состояла из самых дрянных викингов. Большинство из них были изгнаны с родины, их всех неохотно встречали, куда бы они не явились; потому-то подменыш и купил имение, чтобы им было где зимовать. Жили они с удобствами, обслуживаемые невольниками, но были так сварливы и буйны, что только их предводитель мог с ними справиться.

Узнав о преступлении Вальгарда, они поняли, что скоро уже из страны датчан явятся покончить с ними, поэтому привели в порядок корабли и приготовились к отплытию. Однако они никак не могли решить, нужно ли им отправляться сейчас, зимой, и страшно ссорились, даже дрались друг с другом. Не вернись Вальгард, они так и дождались бы врагов.

Подменыш вошел в усадьбу на закате солнца. Плечистые заросшие мужи сидели, опорожняя рог за рогом, и можно было оглохнуть от их криков. Многие храпели на полу рядом с собаками, другие орали и пререкались, а зрители чаще подзуживали их, чем мирили. Тут и там в мерцающем свете очага бегали испуганные невольницы и женщины, давно выплакавшие все глаза.

Вальгард подошел к пустому высокому стулу — огромная, пугающая фигура с лицом более угрюмым, чем когда-либо прежде, и большим топором, прозванным Братоубийцей, на плече. Когда матросы увидели его, в доме постепенно воцарилась тишина, такая глубокая, что стало слышно, как трещит огонь в очаге.

— Здесь нельзя оставаться, — заговорил Вальгард. — Хотя вы никогда не бывали в доме Орма, окрестные жители воспользуются случаем, чтобы от вас избавиться. Но все складывается удачно. Я знаю место, где можно добыть огромные богатства и славу. Мы отправимся туда послезавтра на рассвете.

— Где это место и почему бы не отплыть завтра? — спросил один из капитанов, покрытый шрамами старик по имени Стейнгрим.

— Мне нужно кое-что сделать в Англии, и этим мы займемся завтра, — ответил Вальгард. — А что касается первого вопроса, то наша цель — Финляндия.

Все зашумели, а Стейнгрим повысил голос и сказал:

— Это самая глупая болтовня, которую я когда-либо слышал. Финляндия бедна и лежит за морем, которое опасно даже летом. Что там можно добыть, кроме смерти в волнах или чар колдунов? В лучшем случае несколько землянок, дающих убежище от непогоды. Зато нам рукой подать до Англии, Шотландии, Ирландии, Оркнейских островов или Валлонии к югу от Пролива, где можно захватить богатую добычу.

— Я приказал, и ты будешь слушаться, — с нажимом сказал Вальгард.

— Нет, — ответил Стейнгрим. — Думаю, ты спятил в этом своем лесу.

Подменыш набросился на упрямого капитана, и его топор раскроил Стейнгриму голову.

Какой-то матрос заорал, схватил копье и ткнул им Вальгарда, но Берсеркер сделал шаг в сторону, выхватил древко из рук противника и повалил его на пол. Вырвав топор из черепа Стейнгрима, подменыш стоял неподвижно в слабом свете очага и мерил матросов холодным взглядом.

— Кто еще не согласен с моим приказом? — спокойно спросил он.

Никто не сказал ни слова, даже не шевельнулся. Вальгард вернулся к своему высокому стулу и произнес:

— Я поступил так жестоко, потому что у нас уже нет той свободы, что прежде. Мы погибнем, если не будем едины. Я знаю, на первый взгляд мой план кажется безумным, но Стейнгриму следовало выслушать меня до конца. До меня дошли сведения, что этим летом некий богач построил имение в Финляндии и там есть все, что душа пожелает. Они не ждут викингов зимой, поэтому мы легко захватим имение. А плохой погоды я не боюсь, потому что, как вы знаете, могу ее предвидеть и чувствую, что идет попутный ветер.

Матросы вспомнили, как много получили под предводительством Вальгарда, а у Стейнгрима не было среди них ни родственников, ни друзей. Все закричали, что пойдут за Вальгардом куда угодно. Тело убрали, пьянка началась снова, а берсеркер собрал своих капитанов.

— Прежде чем покинуть Англию, заглянем в одно место неподалеку. — Это будет нетрудно, и мы добудем там много сокровищ.

— Что это за место? — спросил кто-то.

— Поместье Орма, прозванного Сильным. Его хозяин мертв и не сможет его защитить.

Даже такие негодяи, как они, сочли этот поступок подлым, но не посмели противоречить вождю.

IX

Пир, данный в честь умершего Кетила, стал тризной и по Асмунду с Ормом. Помрачневшие гости пили молча, потому что Орм был мудрым вождем и, хотя не ходил в церковь, был любим всеми, как и его сыновья. Земля еще не замерзла окончательно, и на следующий день после убийства юноши начали копать могилу.

В нее затащили лучший корабль Орма, положили в него сокровища и столько еды и питья, чтобы хватило на долгое путешествие; потом убили псов и коней и тоже разместили их на корабле. Туда же сложили убитых Вальгардом, одев в лучшие наряды, с оружием в руках и прочим снаряжением. Орм хотел, чтобы его похоронили так, и заставил жену обещать ему это.

Несколько дней спустя, когда все было готово, Эльфрида подошла к открытой могиле и встала в сером свете зимнего утра, глядя на Орма, Кетила и Асмунда. Распущенные волосы вдовы спадали на груди умерших, закрывая ее лицо от глаз собравшихся.

— Священник сказал, что это тяжкий грех — убить себя и лечь рядом с вами, — прошептала она. — Меня ждет тяжелая жизнь. Кетил и Асмунд, вы были хорошими сыновьями, и ваша мать тоскует о вашем смехе. Кажется, еще вчера я пела вам колыбельные, а вы были так малы. И вдруг вы превратились в длинноногих юношей, на которых было приятно смотреть. И Орм, и я гордились вами, а теперь вы лежите так спокойно, и только снежинки ложатся на ваши лица. Как странно. — Она покачала головой. — Я не могу поверить, что вас больше нет, это не может быть правдой.

Потом она улыбнулась Орму.

— Мы часто ссорились, но это ничего не значило, потому что ты любил меня, а я любила тебя. Ты был добр со мной, Орм, и сейчас, когда ты умер, мир стал пустым и холодным. Я молю всемогущего Бога простить тебе то, что ты делал вопреки его заповедям. Ты многого не знал, хотя умел плавать на корабле, собственными руками делать для меня полки и сундуки или вырезать игрушки для детей. А если Бог не примет тебя на небо, я буду молиться, чтобы он разрешил мне сойти в ад и быть там с тобою. Да, хоть ты и уходишь к своим языческим богам, я пошла бы за тобой. А теперь прощай, Орм, которого я любила и продолжаю любить.

Она наклонилась и поцеловала его.

— Холодны твои губы, — сказала она, оглядываясь по сторонам, — и потому ты не хочешь меня поцеловать. Этот мертвый муж на корабле вовсе не ты... так где же ты, Орм?

Ей помогли сойти с погребальной ладьи, и участники траурной церемонии долго трудились, засыпая землей корабль и устроенную над ним погребальную камеру. Когда они закончили, над морем поднялся большой курган, и волны бежали по песку, напевая траурные песни.

Священник, не одобрявший языческих похорон, не захотел освятить землю, но сделал все, что мог, и Асгерд заплатила ему за много служб по душам отца и братьев.

Среди собравшихся был некий юноша, Эрленд, сын Торкела, жених Асгерд.

— Пустым стал этот двор, когда с него ушли мужчины, — сказал он.

— Ты прав, — ответила девушка. Холодный морской ветер швырял в лицо снег и путал ее длинные кудри.

— Лучше мне остаться здесь с несколькими друзьями и привести все в порядок, — добавил он. — Потом мы поженимся, Асгерд, а твои мать и сестра будут жить с нами.

— Я не выйду за тебя, пока Вальгарда не повесят, а его люди не сгорят в их собственном доме, — гневно заявила девушка.

Эрлен невесело улыбнулся.

— Тебе не придется долго ждать. Уже сегодня стрела войны переходит из рук в руки. Если они не сбегут раньше, чем я думаю, наш край избавится от этой заразы.

— Это хорошо, — кивнула Асгерд.

Большинство собравшихся на тризну гостей уже разъехались, но жители усадьбы по-прежнему сидели за столом в обществе Эрленда и полудюжины других мужчин. Когда опустилась ночь, подул сильный ветер, неся на крыльях снег, а потом послышался град, словно ночные гномы затопали по крыше. Большой зал был темным и мрачным; люди собрались в одном углу. Говорили мало, зато много пили.

Эльфрида прервала молчание:

— Кажется, я слышу что-то снаружи, — сказала она.

— А я — нет, — ответила Асгерд. — Едва ли сегодня вечером кто-то пустится в путь.

Фреда, которой не нравился погасший взгляд матери, коснулась ее руки и робко сказала:

— Ты не одна, твои дочери никогда тебя не забудут.

— Да... да, — Эльфрида слабо улыбнулась. — Род Орма будет жить в вас. Сладкие ночи, проведенные вместе, не пропали даром. — Она посмотрела на Эрленда. — Будь добр со своей женой — она из рода вождей.

— Да разве может быть иначе? — спросил он.

Внезапно в дверь заколотили, и громкий голос заглушил рев ветра:

— Открывай! Открывай или мы разобьем дверь!

Мужчины схватились за оружие, а невольник открыл дверь... и пал на месте, зарубленный топором. В сени вошел Вальгард, высокий, угрюмый, покрытый снегом, прикрываемый с обеих сторон щитами викингов.

— Пусть женщины и дети выйдут наружу, — заговорил он, — я дарую им жизнь. Дом окружен моими людьми, и я собираюсь его сжечь.

Брошенное кем-то копье со звоном отскочило от окованных железом щитов. Запах дыма стал сильнее.

— Тебе мало того, что ты уже сделал? — воскликнула Фреда. — Можешь сжечь этот дом, но лучше я останусь внутри, чем приму от тебя жизнь.

— Вперед! — крикнул Вальгард и, прежде, чем кто-либо успел его остановить, вместе с дюжиной викингов ворвался в зал.

— Через мой труп! — Эрленд вытащил меч и напал на Вальгарда. Топор, прозванный Братоубийцей, описал дугу в воздухе, со звоном откинул в сторону клинок Эрленда и вонзился в грудь несчастного. Эрленд рухнул на пол, а Вальгард перепрыгнул через труп и схватил Фреду за руку. Другой викинг схватил Асгерд, остальные образовали вокруг них круг. Защищенные кольчугами и латами, они без труда пробились к двери, убив еще трех защитников.

Когда разбойники покинули дом, оставшиеся в живых друзья Эрленда вооружились получше и попытались сделать вылазку, но часть из них перебили, а остальных загнали обратно воины, стоявшие у каждого входа. Эльфрида крикнула и побежала к двери — викинги пропустили ее.

Вальгард как раз закончил вязать руки Асгерд и Фреде и крепил веревки, чтобы тащить девушек силой, если они не захотят идти сами. Крыша усадьбы горела ярким пламенем. Схватив Вальгарда за руку, Эльфрида, рыдая, взывала к нему среди огня:

— Ты хуже волка! Какие новые несчастья готовишь ты последним своим родичам? Почему обратился против своих сестер, не сделавших тебе ничего плохого? Как ты можешь топтать сердце своей матери? Отпусти их, отпусти!

Глаза Вальгарда холодно смотрели на нее с каменного лица.

— Ты не моя мать, — сказал он наконец и ударил ее. Эльфрида без чувств упала на снег, а подменыш отвернулся и дал знак своим людям отнести пленниц в бухту, где были его корабли.

— Куда ты нас забираешь? — рыдала Фреда, а Асгерд плюнула ему в лицо.

Губы Вальгарда искривила легкая улыбка.

— Я не сделаю вам ничего плохого, — сказал он. — Скорее, окажу услугу, подарив вас некоему королю. — Он вздохнул. — Я вам завидую. А пока, зная моих людей, буду следить за вами.

Женщины, не желавшие погибать в огне, вывели детей из дома. Разбойники надругались над ними, но потом отпустили. Другие остались внутри со своими мужьями. Языки пламени вздымались высоко, освещая всю усадьбу, и вскоре вспыхнули остальные строения, но только после того, как их ограбили.

Вальгард уплыл, как только убедился, что все внутри погибли, ибо хорошо знал, что соседи заметят пожар и поспешат на помощь. Викинги спустили корабли на воду и поплыли в море, гребя под ветер, гнавший ледяные волны на палубу.

— При такой погоде нам никогда не добраться до Финляндии, — ворчал кормчий Вальгарда.

— Я думаю иначе, — заметил подменыш.

На рассвете, как велела ему колдунья, он развязал кожаный мешок. Ветер тут же поменял направление и стал дуть с кормы, прямо на северо-восток. Подняли паруса, и корабли буквально полетели вперед.

Когда соседи прибежали к имению Орма, они нашли лишь

дымящееся пепелище. Несколько женщин и детей, рыдая, бродили вокруг в сером свете утра. Только Эльфрида не плакала и ничего не говорила. Неподвижно сидела она на кургане, пустыми глазами всматриваясь в море, и ветер трепал ее одежду и волосы.

Три дня и три ночи корабли Вальгарда плыли, подгоняемые метелью. Один утонул, но удалось спасти большую часть команды. Остальные викинги без устали вычерпывали воду и роптали, но близость Вальгарда в зародыше подавляла любую мысль о неповиновении.

Почти все это время подменыш стоял на носу своего корабля, завернувшись в длинный кожаный плащ, покрытый коркой соли и снега, и думал. Однажды какой-то викинг вздумал ему воспротивиться, так он убил его на месте, а труп вышвырнул за борт. Сам он говорил мало, и это вполне устраивало команду, не хотевшую, чтобы он смотрел на них так странно.

Вальгард не отвечал на просьбы Асгерд и Фреды сказать, куда он везет их, но кормил и поил хорошо, устроил убежище под носовой палубой и запретил команде беспокоить их.

Поначалу Фреда отказывалась есть.

— Я ничего не приму от убийцы, — сказала она. Полоски соли на ее щеках оставляла не только морская вода.

— Ешь, чтобы сохранить силы, — советовала ей Асгерд. — Ты ничего не берешь у него — ведь все это он награбил. Может, у нас появится возможность бежать, если мы попросим бога о помощи.

— И думать забудьте, — приказал Вальгард, подслушавший их разговор. — Если услышу хоть слово об этом, насидитесь с кляпами во рту.

— Делай что хочешь, — ответила Фреда, — но молитва идет из сердца, а не из уст.

— И одинакова бесполезна в обоих случаях, — оскалился берсеркер. — Многие женщины молили своего бога, попадая в мои руки, но немногим это помогло. Не хочу больше слышать разговоров о боге на этом корабле. — Вальгард не ждал для них помощи с неба, но лишенные душ народы Страны Чудес так хорошо знали магию, что Сила, превосходящая их собственную, вызывала у них панический страх даже своими именами и знаками.

Он снова задумался, а сестры умолкли. Викинги тоже говорили мало, так что слышался только свист ветра в такелаже, шум моря и потрескивание балок. По небу плыли серые облака, из которых попеременно сыпали то снег, то град. Корабли одиноко раскачивались на волнах.

Вечером третьего дня под низко висящим небом, таким серым, что оно само могло вызвать сумерки, они увидели Финляндию. Волны разбивались о белесые скалы с почти нагими вершинами, лишь кое-где покрытыми снегом и льдом, да поросшими редкими искривленными деревцами.

— Плохая страна, — вздохнул кормчий Вальгарда, — и я не вижу имения, о котором ты говорил.

— Направь корабль в фиорд перед нами, — приказал подменыш.

Ветер буквально втолкнул их в фиорд, и вскоре угрюмые скалы преградили им путь. Матросы обнизили мачты, вытащили весла, и корабли поплыли в сторону каменистого берега. Вальгард пригляделся и увидел троллей.

Они были не так высоки, как он, но почти в два раза шире, с толстыми, как сучья, руками, доходящими до колен. Кожа их была зеленой, влажной и холодной. Волосы имели лишь немногие, а их большие круглые головы с плоскими носами, огромными ртами, из которых торчали огромные клыки, и остроконечными ушами больше напоминали голые черепа. Глубоко посаженные глаза троллей не имели белков и походили на бездонные черные ямы.

Большинство троллей не носило одежды, в крайнем случае — несколько шкур, хотя ветер был леденящим. Вооружение их составляли палицы, топоры, копья, стрелы и пращи — все слишком тяжелое, чтобы это могли поднять люди. Впрочем, некоторые носили шлемы и кольчуги, а также оружие из бронзы или эльфийских сплавов.

Вальгард даже содрогнулся при виде их.

— Ты замерз? — спросил какой-то викинг.

— Нет, нет, все в порядке, — буркнул он, а мысленно добавил: «Надеюсь, колдунья говорила правду и альвини красивее этих. Но из них будут отличные воины».

Викинги вывели корабли на мелкое место, затем вытащили их на берег, а сами неуверенно стояли, поглядывая по сторонам. Вальгард смотрел, как подходят тролли.

Схватка была короткой, но страшной, поскольку люди не видели своих противников. Время от времени какой-нибудь тролль касался железа и обжигался, но большинство знали, как избегать этого металла. Их смех рождал среди скал громовое эхо, когда они разбивали людям головы, разрывали их на куски или гонялись за ними по берегу.

Кормчий Вальгарда видел, как погибли его товарищи, а вождь стоял неподвижно, опираясь на топор. Заревев от ярости, он бросился на берсеркера.

— Твоих рук дело! — крикнул он.

— Верно! — ответил подменыш и схватился с ним среди лязга стали. Скоро он убил кормчего, а тем временем и битва на пляже кончилась.

Предводитель троллей подошел к Вальгарду, камни хрустели у него под ногами.

— Мы слышали о твоем прибытии от нетопыря, который одновременно был крысой, — прогремел он по-датски. — Спасибо за отменное развлечение. Король ждет тебя.

— Сейчас приду, — ответил Вальгард.

Он уже успел заткнуть рты сестрам и связать им руки за спиной. Ошеломленные увиденным они, спотыкаясь, шли по глубокому ущелью, а затем по голому склону горы, между невидимыми стражниками в пещеру, а затем в комнату Иллреде.

Огромная резиденция короля троллей, высеченная в камне, была богато украшена драгоценностями, украденными у альвов, низовиков, гоблинов и других племен Страны Чудес, а также у людей. Огромные геммы сверкали среди прекрасных гобеленов, драгоценных кубков и накрытых дорогими тканями столов из черного дерева и слоновой кости, а костры, горящие вдоль большого зала, освещали богатые наряды сановников-троллей и их дам.

Невольники из альвов, низовиков или гоблинов кружили по залу с мисками мяса и чарами, полными напитков. Это был великолепный пир, для которого, кроме человеческих младенцев и детей племен Страны Чудес, украли скот, коней, свиней и вина с юга. В задымленном зале звучала музыка, которую любили тролли.

Вдоль стен стояли гвардейцы, неподвижные, словно языческие идолы, а красные отблески огня играли на остриях их копий. Тролли, сидевшие за столом, пожирали угощение и переругивались громоподобными голосами. Однако высшие сановники неподвижно сидели на своих резных стульях.

Взгляд Вальгарда устремился к Иллреде. Король был тучен, с огромным морщинистым лицом и длинной бородой из зеленоватых прядей. Когда он посмотрел на гостя своими черными глазами, подменыш почувствовал холодок страха.

— Здравствуй, великий король, — сказал он, стараясь не показывать страха. — Я Вальгард, прозванный Берсеркером, прибыл из Англии поискать место в твоем войске. Мне сказали, что ты отец моей матери, и я хотел бы получить причитающееся мне наследство.

Иллреде кивнул головой в золотой короне.

— Я знаю об этом, — сказал он. — Добро пожаловать в Троллхейм, на твою родину, Вальгард. — Он перевел взгляд на дочерей Орма, которые, не в силах стоять, сели на пол. — А это кто?

— Небольшой подарок, — ответил подменыш. — Дочери моего приемного отца. Надеюсь, они тебе понравятся.

— Ха-ха, ха-ха, ха, ха! — Смех Иллреде громом раскатился в тишине. — Отличный дар! Я уже давно не держал в объятиях человеческих дев. Добро пожаловать, Вальгард!

Он соскочил на пол, глухо загудевший под его тяжестью, и подошел к съежившимся девушкам. Фреда и Асгерд с ужасом смотрели по сторонам. Можно было с легкостью прочесть их мысли:

«Где мы? В темной пещере Вальгард говорит с пустотой, но это эхо, а не его голос».

— Пора вам увидеть ваш новый дом, — загоготал Иллреде и коснулся их век. Они тут же обрели колдовское зрение и увидели короля троллей, склонившегося над ними. Остатки мужества покинули их, и даже сквозь кляпы, закрывавшие рты, слышны были крики ужаса.

Иллреде вновь расхохотался.

X

Набег альвов на Троллхейм обещал быть особенным. Команды пятидесяти длинных кораблей состояли из лучших воинов британских альвов, а маскировали и защищали их чары самого Имрика и его мудрейших магов. Считалось, что под таким прикрытием они сумеют незаметно доплыть до самых фиордов королевства троллей в Финляндии; но далеко ли удастся альвам зайти вглубь суши, зависело от сопротивления, которое они там встретят. Скафлок надеялся, что они доберутся до покоев Иллреде и привезут голову владыки троллей. Нетерпение съедало его.

— Но будь осторожен, — предостерег Имрик. — Убивай и жги, но не расходуй воинов в мелких стычках. Мы выиграем больше, если познаем их силу, чем если ты изрубишь тысячу троллей.

— Сделаем и то, и другое, — широко улыбнулся Скафлок. Он стоял беспокойно, как молодой жеребец, глаза его горели, а из-под повязки выбивались буйные светлые волосы.

— Не знаю, не знаю, — Имрик был очень серьезен. — Чувствую я, что ничего хорошего не выйдет из этого похода, и охотно отменил бы его.

— Если ты это сделаешь, мы поплывем без позволения, — заявил Скафлок.

— Да, я это знаю. А я могу и ошибаться. Так что плыви, и пусть тебе повезет.

Ночью, сразу после захода солнца, воины отправились на берег. Восходящий месяц бросал серебряные снопы лучей на вершины и обрывистые склоны альвовых гор, на морской берег, от которого они поднимались, и на тучи, гонимые ветром, что заполнял все небо пронзительным свистом. Лунный свет искрился на белогривых волнах, с грохотом бьющихся о скалы, мерцал на оружии и доспехах воинов-альвов, а корабли на берегу казались тенями.

Завернувшись в плащ, Скафлок стоял, ожидая остальных своих солдат. К нему подошла Лея, бледная в лунном сиянии, со сверкающими глазами, в облаке серебристо-золотых кудрей.

— Хорошо, что я тебя увидел! — воскликнул Скафлок. — Пожелай мне удачного похода и спой песню на счастье.

— Я не могу попрощаться с тобой как следует из-за твоей железной кольчуги, — тихо ответила она, и голос ее звучал, как шепот ветра, журчание воды и звон колокольчиков, слышимый издалека. — Мои чары бессильны против ждущей тебя злой судьбы. — Он заглянула ему в глаза. — Я точно знаю, что ты плывешь прямо в ловушку, и в память о молоке, которым я тебя кормила, когда ты был ребенком, и поцелуях, которые дарила, когда ты стал мужчиной, прошу остаться дома этот единственный раз.

— Достойный бы то был поступок для предводителя похода, из которого можно привезти голову врага, — гневно ответил Скафлок. — Никто не заставит меня унизиться до такого.

— Да-да, я знаю. — И слезы заблестели на глазах Леи. — Жизнь людей коротка, и все же они сами бросаются в объятья смерти, словно это красивая девушка. Скафлок, когда-то я качала тебя в колыбели, всего несколько месяцев назад спала с тобой ясными летними ночами, и для меня, бессмертной, все осталось почти таким же, как было. И не будет иным день — а придет он вскоре — когда твой изрубленный на куски труп станет пищей для воронов. Я никогда тебя не забуду, Скафлок, но боюсь, что поцеловала в последний раз.

И она запела:

Сегодня вечером ветер дует к морю,
А беспокойная морская братия
Покидает дома, чтобы мчаться с чайками
И бороздить волны носами ладей.
Не задержат их ни руки женщин,
Ни блеск огня, ни плач детей,
Когда друг-ветер расскажет им
О волнах и играх морских течений.
Обнимут их серебристая пена и гибкие водоросли.
Ветер, о ветер, старый бродяга,
Серый и быстрый, разве ты не боишься
Женских проклятий, когда от их груди
Отрываешь любимых на смерть и погибель?
Смеющиеся волны, холодные и соленые,
Уложат их в сырую могилу,
Когда отдадут они морю свои жизни.
А их женщины будут рвать свои волосы.

Скафлоку не понравилась песня, предвещавшая несчастье. Повернувшись к воинам, крикнул он, чтобы спускали корабли на воду и поднимались на палубу, но едва оказавшись в открытом море, сразу забыл о дурных предчувствиях.

— Этот ветер дует уже три дня, — сказал Голтан, его товарищ по оружию. — И чувствуется в нем колдовство. Может, какой-то чародей плывет на восток?

— Как мило с его стороны избавить нас от нужды призывать свой ветер, — рассмеялся Скафлок. — Но если они плывут на восток три дня, значит, его корабль построили руки смертных. Мы поплывем гораздо быстрее.

Поставили мачты, подняли паруса, и стройный корабль с головой дракона на носу отправился в путь. Они плыли, как ветер, как снег, как замерзающая водяная пыль, белая в лунном свете, и волны кипели, когда неслись они по беспокойным водам. Альвы путешествовали быстрее всех прочих народов Страны Чудес — будь то пешком, верхом или на корабле — и еще до полуночи увидели вдали отвесные скалы Финляндии.

Скафлок оскалился в волчьей ухмылке и сложил такую вису:

Альвы рано прибыли
На восток к Троллхейму,
Чтобы спеть тут песни
Копий и мечей.
Троллям привезли они
Богатые подарки:
Черепа разбитые,
Распоротые животы.
Тролли побегут.

Слушай эти крики!
Страх пред факелами
Скрутит им кишки.
Братья будьте добры
Вы к несчастным троллям:
Их дурные головы
Срубите наконец.

Собравшиеся на палубе альвы расхохотались, свернули паруса, убрали мачты и сели на весла. Готовый к бою флот вошел в фиорд, но воины не заметили никаких постов врага. Вместо этого увидели они другие корабли, вытащенные на берег — три драккара смертных, команды которых лежали среди скал, растерзанные на куски.

Скафлок спрыгнул на берег с мечом в руке; его плащ развевался на ветру.

— Это странно, — обеспокоенно сказал он.

— Похоже, они укрылись здесь от бури, а тролли напали на них, — откликнулся Голтан. — И случилось это недавно. Смотри, кровь еще не засохла, а тела теплые. Убийцы наверное пошли доложить Иллреде.

— Тогда нам сказочно повезло! — воскликнул Скафлок, не ожидавший, что им удастся застать троллей врасплох. Он не стал дуть в рог, а сделал знак мечом. Ни он, ни альвы не беспокоились об убитых — ведь это были всего лишь люди.

Альвы попрыгали на мелководье и вытащили корабли на берег. Несколько воинов остались охранять их, а Скафлок повел главные силы по дороге вглубь суши.

Они миновали ущелье и вышли на склон горы, где ослепительно сверкал снег, а вершина ее задевала небо. Ветер выл и хлестал их холодными ладонями, рваные тучи плыли по небу, то и дело закрывая месяц, и казалось, что он беспокойно подмигивает. По-кошачьи ловкие, альвы взобрались по обрывистым скалам, направляясь к пещере, зиявшей в склоне.

Подойдя ближе, они заметили выходящую оттуда группу троллей, вероятно, отряд береговых стражников, возвращающийся на свои посты.

— Быстро перебить их! — приказал Скафлок, заглушая свист ветра.

Он бросился пантерой, за ним — альвы. Прежде, чем тролли сообразили, что происходит, засвистел металл, и это был последний звук, который они услышали. Конечно, звуки схватки донеслись до селения троллей, и, когда воины Скафлока вошли в пещеру, их встретило мощное сопротивление.

Какой-то воин ткнул Скафлока копьем толщиной с молодое деревце. Воспитанник Имрика принял удар щитом, отбил

копье в сторону и атаковал противника. Железный клинок пронзил тролля и остановился в его сердце. Внезапно Скафлок заметил краем глаза палицу, опускавшуюся слева и грозившую разбить ему голову. Он заслонился щитом, но сила удара была так велика, что Скафлок покачнулся и отступил на шаг. Ему даже пришлось опуститься на колено, но он сумел освободить свой меч и снизу подсек троллю ногу. Когда он встал, его клинок описал широкую дугу и голова еще одного тролля слетела с плеч.

Защитники отступали шаг за шагом, пока не оказались в большой пещере. Альвы радостно закричали, довольные, что появилось место для боя, известного им лучше всего. Воины сняли со спин луки, и стрелы с серым оперением полетели из-за первого ряда альвов. Когда защитники попытались отойти, их строй нарушился и битва разделилась на множество поединков. Не защищенный кольчугой тролль редко мог противиться подвижному альву.

Часть атакующих погибла с размозженными головами и пронзенными телами, многие получили ранения, но для троллей битва эта обернулась кровавой резней. Лишь королевская гвардия невозмутимо стояла в проходе, ведущем к пиршественному залу своего господина. Когда альвы разделались с троллями-кнехтами и атаковали гвардейцев, немногим удалось прорваться сквозь этот угрюмый строй — было слишком тесно, чтобы исход битвы решили их быстрота и ловкость. Альвы в беспорядке отступили, оставив убитых и раненых. Их стрелы не пробивали стены щитов, закрывавших троллей от глаз до колен.

Скафлок отметил, как высок был проход в комнаты Иллреде.

— Я покажу вам дорогу! — крикнул он. В помятом шлеме, с покореженным щитом он был весь в зеленой крови троллей, мешавшейся с его собственной, красной. Рассмеявшись, он сунул зазубренный меч в ножны, схватил копье, разбежался и, упершись древком, перескочил над головами врагов в большой зал.

Падая, он вновь вытащил меч, глухо ударился ногами о землю и молниеносно повернулся. Гвардейцы носили доспехи, но их руки и ноги были частично обнажены. Железный клинок Скафлока тремя ударами повалил трех троллей.

Другие повернулись, чтобы разделаться с ним, но альвы навалились на поредевший строй гвардейцев, прорвали его и ворвались в пиршественный зал.

Скафлок увидел Иллреде в дальнем конце зала: старый

тролль сжимал в руках копье, но сидел на троне неподвижно, как скала. Воспитанник Имрика кинулся к нему. Два тролля, попытавшиеся остановить его, упали под ударами меча. И тут какой-то воин преградил ему путь.

На мгновение Скафлок остолбенел от удивления, увидев за опускающимся топором собственное гневное лицо, и лишь в последний момент успел-таки подставить щит. Топор незнакомца был сделан не из мягкой бронзы и не из легкого сплава, а из стали. Он не выщербился в битве, и, ударив в край щита Скафлока, ослабленный многочисленными ударами, он расщепил дерево и тонкую железную оковку, и остановился, лишь вонзившись в плечо воспитанника альвов.

Тот попытался остановить топор, одновременно ударяя мечом сверху, но незнакомец отскочил назад, вырвав оружие из раны с такой силой, что Скафлок пошатнулся, а затем вновь атаковал его. Воспитанник Имрика отбросил бесполезный щит — железо с лязгом встретилось с железом, посыпались искры. Оба противника носили шлемы и кольчуги. Правда, хотя Скафлок хорошо овладел умением наносить удары и отражать их, но меч, которым он сражался в ту ночь, был плохо уравновешен для такого поединка. Кроме того, сын Орма знал, что лишенный щита воин не может устоять против врага, вооруженного тяжелым топором. Перебежав на другое место, он начал понемногу отходить.

А затем их разделили, и Скафлоку пришлось драться с троллем, который изрядно помучил его, прежде чем пал. Тем временем незнакомец бился с альвами. Он пробился к Иллреде, и оставшиеся в живых тролли окружили их. Быстро прорубив себе проход к задней двери, они исчезли за ней.

— За ними! — рявкнул Скафлок в угаре схватки, но Голтан и другие вожди убедили его, что нужно отступить.

— Это было бы неразумно, — заявили они. — Взгляни — дверь открывается в темные пещеры, уходящие вглубь горы, там легко попасть в засаду. Лучше покрепче закрыть ее с этой стороны, чтобы Иллреде не мог послать против нас чудовищ из недр земли.

— Да, пожалуй, — неохотно признал Скафлок.

Он окинул взглядом большой зал. Поначалу он жадно считал нагроможденные там сокровища, но вскоре взгляд его опустился на тела альвов, лежащие на скользком от крови полу. И все же их было немного, если сравнивать с потерями врага. Альвы тем временем добивали раненых троллей — их

громкие крики и стоны быстро стихли — и перевязывали своих раненых.

И тут Скафлок увидел нечто не менее удивительное, чем двойника, сражающегося на стороне врага: у подножия трона Иллреде связанные и с кляпами лежали две смертные женщины.

Он подошел к ним, и они сжались от страха, когда он вынул нож.

— Не бойтесь, я хочу освободить вас, — сказал он по-датски и перерезал путы. Женщины встали, дрожа и прижимаясь друг к другу. Скафлок удивился, когда одна из них, высокая и светловолосая, проговорила сквозь слезы:

— Убийца, какое новое зло ты замыслил?

— Почему?.. — начал было Скафлок. Зная язык людей, он редко пользовался им и говорил с певучим акцентом альвов. — Что я такого сделал? А может, тебе понравилось лежать связанной?

— Не смейся над нами, Вальгард, — ответила золотоволосая девушка.

— Я не Вальгард, — возразил Скафлок, — и не знаю его, разве что это тот воин, с которым я дрался. Я Скафлок из Альвгейта и не принадлежу к друзьям троллей.

— И правда, Асгерд! — воскликнула младшая девушка. — Он не может быть Вальгардом. Смотри, у него нет бороды, он носит иную одежду и говорит как-то странно.

— Не знаю... — пробормотала Асгерд. — Может, смерть вокруг нас — это какой-то его фокус? Может, он наводит чары, чтобы нас обмануть? О, я ничего не знаю, кроме того, что Эрленд и все наши близкие мертвы. — И она громко зарыдала.

— Нет-нет! — Младшая девушка прильнула к плечу Скафлока, изучая взглядом его лицо и улыбаясь сквозь слезы, как весеннее солнце сквозь завесу дождя. — Нет, чужеземец, ты не можешь быть Вальгардом, хотя и очень похож на него. Твои глаза смотрят тепло, губы умеют улыбаться. Да будет благословен...

Скафлок закрыл ей рот рукой, прежде чем она успела закончить.

— Не произноси этого имени, — поспешно сказал он. — Жители Страны Чудес не выносят даже его звука. Они не причинят тебе вреда, а я прослежу, чтобы вас доставили куда вы пожелаете.

Она кивнула, вглядываясь в его лицо широко открытыми глазами. Воспитанник Имрика опустил руку и долго смотрел

на девушку. Она была среднего роста, и сквозь обрывки платья каждый дюйм ее молодого, стройного тела сверкал красотой. Длинные блестящие волосы были цвета каштана с красноватым отливом, из-под темных бровей смотрели широко расставленные серые глаза, пробудившие у Скафлока смутные воспоминания. Однако он так и не вспомнил, что это было, и воспоминание вскоре растаяло.

— Кто вы? — медленно спросил он.

— Я — Фреда, дочь Орма из страны датчан в Англии, а это моя сестра Асгерд, — сказала она. — А кто ты, воин?

— Я — Скафлок, воспитанник Имрика из английских земель Эльфхейма, — ответил он. Девушка попятилась, в последний момент удержавшись от знака креста. — Говорю тебе, не бойся меня! — пылко добавил он. — Подожди здесь, я отдам распоряжение своим людям.

Альвы занялись грабежом покоев Иллреде. Осматривая боковые комнаты, они нашли невольников из своего народа и вернули им свободу. Наконец они вышли наружу; у входа в пещеру наткнулись на дома, сараи и конюшни и подожгли все. Хотя по-прежнему дул сильный ветер, погода улучшилась, и пламя взметнулось высоко к звездному небу.

— По-моему, нам больше нечего бояться Троллхейма, — заявил Скафлок.

— Не обольщайся, — осадил его Валка, прозванный Мудрым. — Мы застали их врасплох. Хотел бы я знать, сколько войска они собрали и далеко ли оно от этого места.

— Узнаем в другой раз, — ответил Скафлок. — А теперь вернемся к кораблям. Мы сможем попасть домой еще до рассвета.

Наделенные колдовским зрением Асгерд и Фреда стояли рядом, оцепенело глядя на то, что делали альвы. Удивительны были эти высокие воины, движущиеся тихо, как вода или дым. Не было слышно звука их шагов, только позвякивание кольчуг в ночи. Бледные, как слоновая кость, с тонкими чертами лица, звериными ушами и горящими глазами, они вызывали в девушках невольный страх.

И среди них кружил Скафлок, почти такой же бесшумный, с таким же кошачьим взглядом. А ведь внешне он напоминал смертного мужчину, и Фреда, вспомнив тепло его тела, такого отличного от холодной, шелковистой кожи альвов, которые случайно касались ее, не сомневалась уже, что это человек.

— Он, должно быть, язычник, раз находится среди этих существ, — заметила Асгерд.

— Да, наверное. Но он добрый и спас нас от троллей. — Фреда вздрогнула и поплотнее запахнулась в широкий плащ, который дал ей Скафлок.

Воспитанник Имрика протрубил в рог, подавая сигнал к отходу, и длинная молчаливая колонна альвов начала спускаться с горы. Скафлок шел рядом с Фредой, ничего не говоря, но часто поглядывая на нее.

Она была моложе его, еще со следами милой неуклюжести подростка в длинных ногах и стройном теле. Голову она держала высоко, и ее поблескивающие медью волосы, казалось, рассыпали искры в бледном свете луны. Скафлок решил, что они должны быть очень мягкими. Когда они спускались с крутого склона, он поддержал девушку, взяв ее небольшую ручку своей грубой рукой воина.

Внезапно среди скал прозвучал бычий рев рога троллей, ему ответил другой, потом еще один, эхом отражаясь от обрывистых склонов и несясь по ветру. Альвы замерли как вкопанные, прислушиваясь и раздувая ноздри, ища в ночном мраке неприятеля.

— Думаю, они перед нами и хотят помешать нам уйти, — сказал Голтан.

— Это плохо, — сказал Скафлок, — но еще хуже оказаться в тесном ущелье под градом камней. Пойдем рядом с ним.

И он сыграл призыв к битве на бронзовом горне, который несли для него. Альвы первыми создали большие горны и по-прежнему ими пользовались, хотя люди забыли о них, едва минул Бронзовый Век. Фреде и Асгерд он сказал так:

— Боюсь, что нам снова придется сражаться. Мои воины защитят вас, если вы не будете произносить имен, причиняющих им боль. Если вы это сделаете, они разбегутся, и тогда тролли, не слышавшие этих слов, могут убить вас стрелами.

— Плохо умирать без Его имени на устах, — ответила Асгерд, — но мы послушаемся твоего совета.

Скафлок рассмеялся и положил руку на плечо Фреды.

— Почему бы нам не победить в схватке за такую красоту? — весело спросил он.

Он поручил двум альвам нести девушек, которые не могли идти так быстро, как они, а другим — составить вокруг них стену из щитов. Потом он встал во главе отряда, ощетинившегося оружием, и повел его вдоль гребня в сторону моря.

Альвы шли легким шагом, прыгая с камня на камень, и оружие сияло в лунном свете. Увидев черную тучу троллей,

сбившуюся на фоне ночного Моста Богов, они издали боевой клич, ударили мечами по щитам и бегом бросились в битву.

При виде массы врагов Скафлок резко втянул воздух в легкие. Он прикинул, что на одного альва приходится около шести троллей. Если Иллреде так быстро сумел собрать такую орду, то каково же все его войско?

— Ну, хорошо, — сказал он вслух. — Каждому из нас придется убить по шесть троллей.

Альвы натянули луки. Медлительные тролли не могли укрыться от тучи стрел, раз за разом закрывавшей небо, и многие упали на землю. Но, как это обычно бывает, большинство стрел отскочило от скал или застряло в щитах, и вскоре запас их иссяк.

Тогда альвы бросились в атаку, и снова разгорелся бой. Рев рогов троллей и причитания горнов альвов, крики троллей, похожие на волчий вой, и боевой клич альвов, подобный крику сокола, громовые удары топоров о щиты и лязг мечей о шлемы — все взметнулось к звездному небу.

Топор и меч! Копье и палица! Расколотый щит, разрубленный шлем и разорванная кольчуга! Красный поток крови альвов, сливающийся с зеленым ручьем троллевой сукровицы! Полярные сияния, пляшущие танец смерти над головами!

Две высокие фигуры, почти не отличимые друг от друга, царили на поле битвы. Топор Вальгарда и меч Скафлока вырубали кровавые проходы в скученной массе воинов. Охваченный боевым безумием берсеркер исходил пеной, рычал и рубил. Скафлок молчал и тяжело дышал, но дрался не менее яростно.

Тролли окружили альвов с обеих сторон, и в тесноте, где быстрота и ловкость немного значили, огромная физическая сила троллей давала им преимущество. Скафлоку казалось, что вместо каждого щерящего зубы тролля, павшего под его мечом, с залитого кровью снега поднимаются двое других. Но он не мог отступить, а потому сжимал ручку нового щита и бил мечом снова и снова.

Так продолжалось, пока Скафлоку не встретился Вальгард, охваченный боевым безумием и ненавидящий все, связанное с альвами, а особенно — воспитанника Имрика. Они сошлись грудь в грудь, гневно глядя друг другу в глаза в призрачном лунном свете.

Клинок Скафлока зазвенел о шлем Вальгарда и вдавил его внутрь, а топор берсеркера отколол щепку от щита Скафлока. Тогда воспитанник альвов нанес удар сбоку и рассек подмененышу щеку так, что показались зубы. Берсеркер снова завыл

и осыпал противника градом ударов. Оттолкнув в сторону меч Скафлока, он до тех пор бил его по щиту, пока рука сына Орма не обессилела, и кровь не обагрила повязку на недавней ране.

А воспитанник Имрика ждал удобного случая. Как только подменыш слишком далеко выставил ногу вперед, Скафлок глубоко ранил его в лодыжку. Он мог бы искалечить берсеркера, но лезвие меча затупилось в схватке. Вальгард завыл и отступил. Скафлок двинулся за ним.

И тут удар, подобный падающему валуну, обрушился на шлем приемного сына Имрика, поверг его на колени. Это Иллреде, король троллей, оказался рядом и взмахнул утыканной камнями палицей. Вальгард вернулся с поднятым топором, но Скафлок отскочил в сторону, хотя у него шумело в ушах и боль сжимала виски стальным обручем, и топор подменыша ударил в землю. Какой-то альв их тех, что держали стену щитов, вышел вперед, чтобы убить берсеркера, прежде, чем тот вытащит топор, но дубина Иллреде размозжила ему голову. Вальгард поднял топор и сквозь брешь в строю ударил стоящего сзади альва. Однако топор вонзился в его живую ношу.

Стена щитов сомкнулась вновь и двинулась на подменыша и короля троллей, отступивших перед копьями альвов. Скафлок встал и вывел своих воинов с поля битвы, оставляя павших соратников. Иллреде тоже присоединился к своей гвардии, и только Вальгард остался в одиночестве там, где был. Приступ ярости у него прошел.

Залитый кровью, покачиваясь, стоял он над телом Асгерд.

— Этого я не хотел, — сказал он. — Воистину, мой топор проклят. А может, проклят я сам? — Удивленно провел он ладонью по глазам. — Но ведь они же не родственники мне, правда?

Ослабев после приступа, он сел возле мертвой Асгерд — битва переместилась в другое место.

— Теперь бы еще убить Скафлока и Фреду — и будет пролита вся кровь, которую я когда-то считал своей, — пробормотал он, гладя толстые золотистые косы умершей. — И хорошо бы сделать это с твоей помощью, Братоубийца. Эльфриду тоже... если еще жива. Я могу ее убить, почему бы и нет? Она же не моя мать. Моя мать — это огромное мерзкое существо, заточенное в подземелье Имрика, а Эльфрида, певшая мне колыбельные, мне никто.

Плохи были дела альвов, хоть и бились они отважно. Скафлок, дравшийся в первых рядах, окликнул их и вновь

собрал вокруг себя. Наведя порядок в рядах, он снова повел их в бой. Его меч сеял вокруг смерть — ни один тролль не мог устоять против сверкающей стали, и воспитанник Имрика неуклонно прорубал себе путь к морю.

Он заколебался лишь на мгновение, когда пал Голтан, пронзенный копьем.

— Теперь у меня на одного друга меньше, — сказал Скафлок. — Невосполнимая утрата. — Затем вновь возвысил голос: — Вперед, за Эльфхейм!

Остатки альвов пробились сквозь ряды троллей и вышли на берег. Валка, прозванный Мудрым, Флам с Оркнейских островов, Хлоккан Красное Копье и другие могучие альвы полегли, прикрывая отход, пока остальные добирались до кораблей. Часть альвов сбежала со склона, спускавшегося к берегу, разбрасывая остатки добычи, и это несколько ослабило натиск троллей, потому что Иллреде предпочитал вернуть свои сокровища, нежели потерять еще несколько своих подданных.

В живых осталось достаточно альвов, чтобы вести половину кораблей. Остальные сожгли волшебным пламенем. Потом они спустили драккары на воду, заняли места на борту и, с трудом выгребая, выплыли из фиорда.

Съежившаяся на дне корабля Скафлока Фреда увидела его, высокого и залитого кровью, на фоне диска луны. Он чертил в воздухе руны и произносил незнакомые ей слова. Ветер сменил направление, стал вихрем, затем ураганом. Корабли альвов с твердыми, как железо, парусами и согнутыми, как луки, мачтами помчались вперед. Они летели все быстрее и быстрее — как водяная пыль, как облака, как сон и чары, как блеск луны на воде. Скафлок стоял на носу корабля и пел колдовскую песню. С развевающимися волосами, позвякивая разодранной кольчугой, он походил на какого-то древнего бога или демона.

Сознание покинуло Фреду.

XI

Очнулась она на ложе из слоновой кости, застланном мехами и шелком; ее искупали и одели в парчовую рубаху. У ложа, на столике тонкой работы, она нашла вино, воду, виноград и другие южные фрукты. Но кроме этого девушка видела лишь темно-синий полумрак.

Поначалу она не могла вспомнить, где находится и что

случилось, но потом воспоминания ожили в ее памяти, и Фреда разрыдалась. Плакала она долго, но спокойствие было в самом воздухе, которым она дышала, и, вдоволь наплакавшись, девушка выпила вина, которое не просто ударило в голову, но сняло боль, словно добрая рука, положенная на сердце. Наконец сон сморил ее.

Проснувшись снова, она почувствовала себя совершенно свежей и отдохнувшей, а когда села, к ней подошел Скафлок, шагая сквозь голубое пространство.

От его ран не осталось и следа, он приветливо улыбнулся девушке. Одет он был в короткую, богато расшитую рубаху и юбку, под кожей играли мускулы. Сев рядом, он взял Фреду за руку и заглянул ей в глаза.

— Тебе лучше? — спросил он. — Я добавил в вино лекарство, излечивающее разум.

— Я чувствую себя хорошо, но... где я? — ответила она.

— В Альвгейте, замке Имрика, среди альвийских гор на севере страны, — сказал Скафлок, и от страха девушка широко раскрыла глаза.

— Никто не причинит тебе вреда, и все будет так, как ты пожелаешь, — успокоил он ее.

— Спасибо тебе, — шепнула девушка, — после Бога, который...

— Не произноси здесь святых имен, — предупредил Скафлок, — ведь альвы этого не выносят, а ты их гость. Но кроме этого ты можешь говорить все, что угодно.

— Ты не альв, — медленно сказала Фреда.

— Да, я человек, но воспитывался здесь. Я приемный сын Имрика, прозванного Хитрым. Ярл альвов стал мне ближе родного отца, кем бы он ни был.

— Как ты сумел нас спасти? Мы уже отчаялись.

Скафлок поведал ей о войне с троллями и о походе к пещере Иллреде. Потом снова улыбнулся и сказал:

— Лучше поговорим о тебе. У кого это такая красивая дочь?

Фреда вспыхнула и начала свою историю. Он слушал ее, но без особого интереса. Имя Орма ничего ему не говорило, поскольку Имрик, желая порвать связи своего воспитанника с людьми, сказал ему, что подменил ребенка далеко на западе страны. Кроме того, с помощью лишь ему известных средств, он воспитал Скафлока так, чтобы убить в нем интерес к своему происхождению. О Вальгарде Фреда знала лишь то, что он ее брат, который вдруг обезумел. Правда, Скафлок почувствовал в берсеркере что-то нечеловеческое, но занятый сво-

ими мыслями — особенно о Фреде — не углублялся в этот вопрос. Он решил, что в Вальгарда вселился демон, а удивительное сходство с собой приписал зеркальному колдовству — Иллреде мог применить его по многим причинам. К тому же никто из альвов, с которыми Скафлок разговаривал об этой необычной встрече, ничего не заметил. Потому ли, что альвов слишком захватила битва, или же Скафлоку это привиделось? Наконец воспитанник Имрика пожал плечами и забыл об этом деле.

Фреда тоже не задумывалась над сходством двух мужчин, поскольку никогда не спутала бы их. Их глаза, губы, мимика, походка, движения, речь, поведение и образ мыслей настолько отличались друг от друга, что она едва заметила сходство сложения и черт лица. Мимоходом подумала она, что у них, возможно, был общий предок — какой-нибудь датчанин, сто лет назад проведший лето в Англии, но потом она снова забыла обо всем.

Забот хватало и без того. Лекарство, которое она приняла, могло, правда, приглушить боль, но было не в силах стереть из памяти девушки жестокой правды о том, что случилось. Пока она говорила, потрясение и удивление необычайностью окружения, до сих пор сдерживавшие печаль, уменьшились, и Фреда закончила свой рассказ, рыдая на груди у Скафлока.

— Мертвы! — воскликнула она. — Все мертвы, кроме Вальгарда и меня. Я... я видела, как он убил отца и Асмунда, когда Кетил был уже мертв, видела мать, лежащую у его ног, видела смерть Асгерд. Теперь осталась только я. О, если бы я погибла вместо них. О, моя мать!

— Не падай духом, — неловко сказал Скафлок. Альвы ничего не говорили ему о такой великой скорби. — С тобой ничего не случилось, а я найду Вальгарда и отомщу ему за смерть твоих близких.

— Это не поможет. Двор Орма в руинах, а весь его род погиб, кроме обезумевшего сына и дочери, которой некуда идти. — Она прижалась к юноше, дрожа от страха. — Помоги мне, Скафлок! Я презираю себя за то, что боюсь, но ничего не могу с собой поделать. Я боюсь, потому что так одинока.

Одной рукой он взъерошил ей волосы, а второй поднял подбородок девушке так, что она поневоле посмотрела ему в глаза.

— Ты не одна, — произнес он вполголоса и легонько поцеловал. Губы Фреды — мягкие, теплые и соленые от слез — задрожали от прикосновения его губ.

— Выпей, — сказал он и подал ей чашу с вином.

Она сделала глоток, второй и сжалась в его объятиях. Он утешал ее, как мог, считая, что страдает она несправедливо,

а потому произнес шепотом заклинания, убравшие печаль из сердца Фреды скорее, чем делает это природа.

Девушка вспомнила, что она дочь Орма, прозванного Сильным, который, при всей своей буйной веселости, всегда был суров по отношению к себе и детей воспитал в том же духе. Он говорил обычно: «Никто не может избегнуть своего предназначения, но и никто не может отнять у человека отвагу, с которой он принимает свою судьбу».

Так что, Фреда в конце концов успокоилась и даже заинтересовалась чудесами, которые Скафлок обещал ей показать. Она села прямо и сказала ему:

— Спасибо тебе за доброту, я уже овладела собой.

Воспитанник Имрика рассмеялся:

— В таком случае тебе пора прервать пост.

Для нее приготовили платье из прозрачного паутинного шелка, которые носили альвини и, хотя Скафлок исполнил ее просьбу и отвернулся, когда она его одевала, щеки Фреды покраснели, потому что платье скрывало немногое. Но ей очень понравилось, что он надел ей на руки тяжелые золотые браслеты, а на голову — алмазную диадему.

Они прошли по невидимому полу комнаты и оказались в длинном коридоре, который медленно проявлялся, обретая четкую форму. Блестящие колоннады тянулись вдоль мраморных стен, а сказочно яркие фигуры на коврах и гобеленах медленно двигались в фантастическом танце.

То и дело мимо проходили невольники-гоблины — нечто среднее между альвами и троллями — зеленокожие и крепкие, но выглядевшие довольно мило. Фреда с тихим вскриком прижалась к Скафлоку, когда мимо прошел желтый демон, несущий светильник. Перед ним бежал низовик с большим щитом.

— Кто это? — прошептала Фреда.

Скафлок широко улыбнулся.

— Это катайский* шен, которого мы взяли в плен во время одного похода. Он силен и полезен, но, как и все его соплеменники, может двигаться только по прямой, а поворачивает лишь отскакивая от стены. Поэтому низовик ставит на поворотах щит под углом, чтобы шен мог отскочить от него, как свет от зеркала.

Девушка рассмеялась, и юноша с удивлением услышал чистый звук ее смеха. В веселье альвинь всегда скрывалась тень легкой насмешки, зато смех Фреды сверкал, как утро в пору цветения.

---

* Катай — древнее название Китая.

Сидя вдвоем за столом, они вкушали редкие блюда, а вокруг них звучала музыка. Скафлок сложил такую вису:

Вкусная пища и чара вина
Облегчают начало дружбы.
О, красавица,
Просто насытить
Желудок на рассвете.
Но мои глаза, ошеломленные
Видом Фреды,
Никак не насытятся яркой, как солнце,
Красотой девушки с юга.

Девушка опустила глаза, чувствуя, что щеки ее горят, и только улыбнулась.

Впрочем, ее тут же одолели угрызения совести.

— Как могу я радоваться так скоро после смерти моих близких? Молния повалила дерево, ветви которого защищали всю страну, и холодный ветер дует над бесплодными полями. — Тут она перестала выбирать слова и сказала попросту: — Все мы становимся беднее, когда уходят хорошие люди.

— Что ж, если они были хороши, тебе незачем их оплакивать, — сказал Скафлок. — Они освободились от забот этого мира и пришли к Тому, Кто Живет Наверху. Мне кажется, твой плач может лишь омрачить их счастье.

Когда они встали из-за стола, Фреда прижалась к его плечу.

— Священник говорил о смерти тех, кто умер без покаяния. — Она подняла руку к глазам. — Я люблю их, а они ушли, и я оплакиваю их в одиночестве.

Скафлок коснулся губами ее щеки.

— Пока я жив, ты не одна, — заявил он. — И не обращай внимания на то, что плел какой-то сельский священник. Что может он знать?

Они вошли в другую комнату, потолок которой находился так высоко, что казался темным. Фреда увидела стоящую там женщину неземной красоты, рядом с которой почувствовала себя маленькой и уродливой. Ее охватил страх.

— Как видишь, я вернулся, Лея, — приветствовал Скафлок женщину на языке альвов.

— Да, — ответила она, — без добычи и потеряв больше половины своих воинов. Это был неудачный поход!

— Не совсем, — возразил Скафлок. — Пало больше троллей, чем альвов, мы оставили врага рассеянным, а пленники, которых мы освободили, могут многое рассказать нам о нем. — Он обнял Фреду за талию и прижал к себе. Она охотно

прильнула к нему, боясь холодной белокожей чародейки, пронзавшей ее взглядом. — И видишь, какое чудо я привез из этого похода?

— Чего ты можешь хотеть от нее? — насмешливо спросила Лея. — Разве тебя тянет к тебе подобным?

— Возможно, — невозмутимо ответил Скафлок.

Альвиня подошла ближе, положила руку ему на плечо, вгляделась в лицо.

— Скафлок, — сказала она с нажимом, — избавься от этой девки. Отошли ее домой, если не хочешь убить.

— У нее нет дома, и она достаточно натерпелась, чтобы я обрек ее теперь на жизнь нищенки, — отрезал он и язвительно добавил: — Почему тебя волнует, чем занимается пара смертных?

— Да, волнует, — печально ответила Лея. — Я вижу, что предчувствие меня не обмануло. Свой тянется к своему — но не с ней, Скафлок! Возьми любую другую смертную девушку, кроме этой, ибо она явится причиной твоей гибели. Я чувствую это, как холод в костях. Ты встретил ее не случайно, и она причинит тебе много зла.

— Только не Фреда, — отважно сказал юноша и спросил, чтобы сменить тему разговора: — Когда вернется Имрик? Его вызвал король альвов вскоре после моего возвращения из Троллхейма.

— Скоро он будет здесь. Подожди его возвращения, Скафлок, может, он яснее разглядит несчастье, которое я лишь предчувствую, и предостережет тебя.

— Неужели я, сражавшийся с троллями и демонами, должен бояться обычной девушки? — фыркнул Скафлок. — Это даже не карканье, а гоготанье. — И он вывел Фреду из комнаты.

Лея остолбенело проводила их взглядом, после чего бросилась бежать сквозь длинные залы. Слезы застилали ей глаза.

Тем временем Скафлок и Фреда бродили по замку. Поначалу дочь Орма говорила мало и с достоинством, но любовный напиток, который она выпила, и чары, наведенные Скафлоком, заставили пробудиться теплые чувства в ее сердце и разуме. Она все чаще смеялась, восхищенно вскрикивала, говорила весело и ласково поглядывала на него. Наконец юноша предложил:

— Выйдем на двор, я покажу, что приготовил для тебя.

— Для меня? — удивилась она.

— А может, и для меня тоже, если Норны будут добры, — рассмеялся он.

Они прошли через двор и большие бронзовые ворота. Снаружи лучи солнца отражались от белого покрывала снега. Рядом не было ни одного альва. Двое людей направились к поблескивающему льдом лесу, и плащ Скафлока защищал их от холода. Их дыхания облаками пара поднимались к небу, и даже само дыхание причиняло боль. Волны прибоя монотонно шумели и ветер вздыхал среди темных пихт.

— Мне холодно, — сказала Фреда. Ее каштановые волосы были единственным темным пятном среди вездесущей белизны. — Повсюду, кроме твоего плаща, очень холодно.

— Слишком холодно, чтобы ты нищенкой бродила по миру.

— Найдутся такие, что примут меня к себе. У нас было много друзей, и наша земля — теперь, вероятно, моя — была бы хорошим приданым.

— А зачем тебе искать друзей где-то далеко, если они есть здесь? А что касается земли — смотри!

Они поднялись на вершину холма, окружавшего вместе с другими небольшую долину. Там, внизу, Скафлок наколдовал лето. Зеленые деревья росли у небольшого ручья с водопадом, цветы дремали в высокой траве. Пели птицы, рыбы выскакивали из воды, ланка и олень стояли, доверчиво глядя на людей.

Фреда удивленно вскрикнула и захлопала в ладоши, а Скафлок улыбнулся.

— Я сделал это для тебя, — сказал он, — потому что ты — лето, жизнь и радость. Забудь о зиме, смерти и несчастьях, здесь у нас собственное время.

Они спустились в долину, сбросили плащ и сели у водопада. Ветер шевелил их волосы, а ягоды окружали их плотным кругом. Собранные Фредой маргаритки, послушные воле Скафлока, сами собой сплелись в венок, который юноша повесил ей на шею.

Фреда не боялась Скафлока и его колдовской силы. Вытянувшись на траве, она грызла яблоко, которое он ей дал, — оно имело вкус вина и действовало так же — и слушала его слова:

Твой серебристый смех, дорогая,
Влечет меня, как зов войны.
Каштановые твои кудри оплели
Меня крепче тяжких оков.
Никогда не склонял я шеи
Для сладкого ярма,
Но теперь хочу познать
Темницу твоих рук.

Человек живет для радости,
Смеха и любви.
Если бы я мог сейчас тебя ласкать,
То чувствовал бы себя на небе.
Прекрасная колдунья, я жажду
Твоей любви. Выслушай меня:
Как Скафлок может сбежать от тебя,
Если ты поймала его в сеть?

— Так не годится! — слабо запротестовала она, подчиняясь очарованию его слов и улыбки.

— Почему не годится? Нет ничего более естественного.

— Ты — язычник, а я...

— Я же просил тебя не говорить об этом. Вот твоя кара. — И Скафлок поцеловал Фреду сначала легко, потом все жарче. Она попыталась его оттолкнуть, но у нее не стало сил. Правда, они вернулись, когда она ответила на его поцелуй.

— Тебе было плохо? — засмеялся Скафлок.

— Нет, — прошептала она.

— Я знаю, что совсем недавно тебя постигло огромное несчастье, но печаль проходит, и те, кого ты любила, наверняка хотели бы, чтобы все так и вышло.

Чудно, но печаль ее и вправду уже прошла. Осталась нежность и мимолетное сожаление. Воистину жаль, что они не могут его узнать!

— Тебе нужно думать о будущем, Фреда, особенно о будущем своего рода, из которого лишь ты осталась на свете. Я предлагаю тебе богатства и чудеса Эльфхейма и не требую никакого приданого, кроме тебя самой. Я буду беречь тебя изо всех сил, и первым из моих даров тебе пусть будет моя безграничная любовь.

Ничто не могло заставить возникнуть чувство, но раз уж оно пришло само, чары лишь ускорили таяние грусти и приход весны любви; для ее цветения не требовалось ничего, кроме молодости.

День кончился, и ночь пришла в оазис лета в горной долине. Влюбленные лежали на траве у водопада и слушали пение соловья. Фреда заснула первой.

Она лежала на руке у Скафлока, а ее рука покоилась у него на груди. Вслушиваясь в ее тихое дыхание, вдыхая запах волос и тела, чувствуя ее тепло и вспоминая, как она отдалась ему со слезами и смехом, юноша понял, что произошло очень важное.

Он расставил на нее сети скорее для забавы. Смертные девы, которых он разглядывал украдкой во время своих прогулок, редко бывали одни, а если и бывали, то казались

Скафлоку слишком тяжелыми телом и душой, чтобы тратить на них время. Во Фреде он встретил человеческую девушку, пробудившую в нем желание, и ему захотелось с ней переспать.

И тут он сам угодил в свои силки.

Но это его мало беспокоило. Лежа на траве, он улыбался Большой Медведице, бледно сиявшей в своем бесконечном странствии вокруг Полярной Звезды. Холодные и хитрые альвини умели многое, но никогда не открывали перед ним сердец, и, может, поэтому он не полюбил ни одну из них. Но Фреда...

Лея была права — свой тянется к своему.

XII

Через несколько дней Скафлок в одиночку отправился на охоту. Он бежал на заколдованных лыжах, которые вихрем несли его на вершину холма или в долину, через скованные льдом реки и заснеженные леса, и на закате солнца оказался на шотландской возвышенности. Он уже повернул к Альвгейту, привязав к спине добытую лань, когда заметил вдали огонь. Гадая, кто бы это мог разбить лагерь в этих негостеприимных местах, он поехал туда с копьем в правой руке.

Приблизившись, он увидел в вечернем полумраке огромного мужа, сидящего прямо на снегу и жарящего над огнем конину. Несмотря на ледяной ветер, он был лишь в юбке из волчьей шкуры; топор, лежавший рядом на земле, сиял неземным светом.

Скафлок ощутил присутствие какой-то силы, а когда заметил, что у незнакомца лишь одна рука, содрогнулся. Считалось не к добру встретить в сумерках Тюра* из рода Асов.

Но бежать было слишком поздно — бог уже смотрел в его сторону. Скафлок смело въехал в круг света, падающего от костра, и взглянул в задумчивые темные глаза Тюра.

— Здравствуй, Скафлок! — сказал Ас. Голос его гремел, как гроза, катящаяся по бронзовому небосклону. Единственной рукой он непрерывно вращал вертел над огнем.

— Здравствуй, господин. — Скафлок немного успокоился Лишенные душ альвы не почитали никаких богов, однако между ними и Асами не было никаких распрей. Некоторые альвы даже служили в самом Асгарде.

---

* В скандинавской мифологии — бог войны и поединков.

Тюр кивнул, приглашая человека, снять ношу со спины и присесть. Оба долго молчали, и тишину нарушало лишь шипение и потрескивание дров в костре, который ткал мерцающий ореол вокруг угрюмого узкого лица Тюра.

Наконец бог заговорил:

— Я чувствую войну. Тролли собрались ударить на Эльфхейм.

— Мы знаем это, господин, — ответил Скафлок. — Альвы готовы к войне.

— Борьба будет труднее, чем ты думаешь. На сей раз у троллей есть союзники. — Тюр мрачно смотрел в огонь. — Ставка будет больше, чем кажется альвам и троллям. В эти дни Норны спрядут до конца много нитей.

И снова повисло молчание, и опять его нарушил Тюр:

— Да, вороны летают низко, и боги склоняются над миром, дрожащим под копытами Времени. Слушай меня, Скафлок: скоро тебе понадобится именинный подарок Асов. Сами боги обеспокоены, и потому я, охраняющий законы войны, явился на землю.

Ветер разметал его черные кудри, и бог устремил пылающий взгляд на человека.

— Но я хочу предупредить тебя, хотя, боюсь, это не изменит приговора Норн. Кто был твоим отцом, Скафлок?

— Не знаю, господин, и никогда не интересовался. Но я могу спросить у Имрика.

— Не делай этого. Лучше попроси его никому не говорить того, что он знает, особенно тебе. Ибо горек будет для тебя день, когда ты узнаешь, кто был твоим отцом. И то, что последует за этим, принесет миру много зла.

Он снова кивнул, и Скафлок поспешно удалился, оставив добытую лань как дань за полученный совет. Несясь домой в свисте ветра и снега, он думал, насколько ценно предупреждение Тюра. Вопрос, кто же он на самом деле, без остатка завладел его мыслями, и ночь казалась ему полной демонов.

Он мчался все быстрее и быстрее, не замечая, что ветер безжалостно хлещет его, но не мог сбросить тяжесть с сердца и избавиться от гнетущих мыслей. «Только Фреда, — повторял он про себя, — только Фреда может избавить меня от страха».

На рассвете он увидел на фоне неба стены и башни Альвгейта. Альв-гвардеец дунул в рог, подавая сигнал привратникам, и Скафлок пронесся через ворота во двор. Сбросив лыжи, он вбежал в замок.

Имрик, вернувшийся накануне в Альвгейт, разговаривал с Леей.

— Что с того, что Скафлок влюбился в смертную девушку? — Он пожал плечами. — Это его дело, к тому же малозначительное. Или ты ревнуешь?

— Да, — призналась сестра. — Но тут кроется нечто большее. Сам взгляни на эту девушку и определи, может ли она каким-то образом стать оружием против нас.

— Гм... — Ярл британских альвов почесал подбородок и помрачнел. — Скажи, что ты о ней знаешь?

— Ее зовут Фреда, дочь Орма, она из погибшего рода с юга, из страны датчан.

— Фреда... дочь Орма?! — Имрик замер как вкопанный. — Но это значит, что...

В комнату ворвался Скафлок, его осунувшееся лицо и дикий взгляд удивили их. Отдышавшись, он обо всем рассказал альвам.

— Что имел в виду Тюр? — воскликнул он под конец. — Кто я, Имрик?

— Я знаю, что он имел в виду, — жестко ответил ярл, — и потому твое происхождение останется тайной, Скафлок. Скажу тебе только, что ты из доброго рода, ничем не опозорившего себя. — Потом, надев свою лучшую маску, он успокоил Скафлока и Лею.

Но когда они ушли, Имрик принялся ходить по комнате, бормоча себе под нос:

— Кто-то завлек нас на трудный и опасный путь. — Он стиснул зубы. — Может, стоило бы избавиться от этой девушки? Но нет, Скафлок охраняет ее всей своей мощью и, найди я способ, он наверняка узнает об этом и... Нужно сохранить тайну. Не в том дело, что парня это слишком взволнует — в делах любви он ведет себя, как истинный альв. Но если он узнает тайну своего происхождения, это станет известно и девушке, а ведь они нарушили один из важнейших человеческих законов. Отчаяние ее будет так велико, что она не остановится ни перед чем, а нам нужен Скафлок.

Имрик строил всевозможные планы, один хитрее другого. Подумал он и о том, чтобы направить внимание Скафлока на других женщин — но нет, его воспитанник сразу узнает любой любовный напиток, а над истинной любовью не властны даже боги. Однако, если это чувство умрет естественной смертью, тайна Скафлока потеряет всякое значение. И все же Имрик не посмел положиться на такой ничтожный шанс. Значит,

следовало похоронить тайну происхождения его воспитанника как можно глубже и как можно скорее.

Ярл британских альвов порылся в памяти. Насколько он помнил — ведь точно запомнить события растянутой на тысячелетия жизни дело нелегкое — только один человек, кроме него, знал всю историю.

Он послал за Огненным Копьем, своим доверенным гвардейцем — тот хоть и был всего лишь двухсотлетним юнцом, но отличался хитростью и хорошо знал магию.

— Лет двадцать назад к югу от Альвгейта жила в лесу некая колдунья, — сказал он. — Она могла умереть или уехать оттуда, но я хочу, чтобы ты ее выследил и, если она еще жива, убил на месте.

— Да, господин, — кивнул Огненное Копье. — Если позволишь мне забрать несколько охотников и собак, мы отправимся вечером.

Имрик дал ему еще несколько указаний.

— Бери все, что тебе нужно, и начинай, как только сможешь. Не спрашивай меня о причинах и никому не говори потом об этом деле.

Фреда с радостью встретила любимого в своих покоях. Хотя ее очаровало великолепие Альвгейта, она дрожала от страха каждый раз, когда Скафлок покидал ее. Жители замка — высокие проворные альвы и божественно прекрасные альвини, низовики, гоблины и другие, еще более необычные существа, работавшие на них, а также виверны*, используемые вместо соколов при охоте, львы и пантеры, содержавшиеся ради удовольствия, грациозные альвийские кони и собаки — все это было для нее совершенно чужим. Прикосновения альвов были холодны, их лица неподвижны, как у статуй, и, вместе с тем нечеловечески изменчивы. К тому же древний язык, одежда и обычаи разделяли их непреодолимой пропастью. Накрытый голубоватым туманом великолепный замок, бывший одновременно голой скалой, чары, наполняющие его вечный полумрак, духи, населяющие холмы, леса и воды — все угнетало ее своей необычностью.

Но когда Скафлок был рядом, Фреде казалось, что Эльфхейм находится на границе Рая. «Да простит мне Бог такие мысли, — шептала она, — как и то, что я не сбежала из этого языческого места в святой холод и мрак монастыря!»

---

* Двуногие крылатые драконы.

Скафлок был весел, полон жизни и дурачился до тех пор, пока Фреда не начинала смеяться вместе с ним. Из его уст лились песни, все в ее честь, его руки и губы приводили ее в неистовство, продолжавшееся, пока наслаждение не соединяло их тела воедино. Она видела его в битве и понимала, что как на землях, населенных людьми, так и в Стране Чудес найдется немного таких воинов. Она гордилась им, поскольку сама происходила из рода вождя. Но не оказалась ли она плохой дочерью и сестрой, если чары так быстро изгнали из ее сердца печаль, заменив безграничным счастьем? Но у нее не было выбора — ведь Скафлок не стал бы ждать, пока минует срок траура, а где найти лучшего отца для внуков Орма и Эльфриды?

Фреда знала, что он ее любит. Должен любить, иначе для чего он бы спал с нею и проводил вместе почти все свое время, хотя мог обладать любой альвиней? Она не знала, как глубоко ее тепло проникало в его душу, никогда прежде не испытывавшую подобного чувства. До встречи с Фредой Скафлок не понимал своего одиночества. Он знал, что если не заплатит определенной цены — а делать этого он не хотел — то должен будет когда-нибудь умереть, и жизнь его станет лишь краткой вспышкой в долгой памяти альвов. Поэтому ему хорошо было иметь рядом кого-то такого же, как он сам.

Несколько дней они были очень заняты: ездили на быстрых альвийских скакунах, плавали на стройных лодках и прошли пешком много миль по лесам и холмам. Фреда была хорошей лучницей, поскольку Орм хотел, чтобы женщины его рода умели защитить себя. С луком в руке и волосами, переливающимися всеми оттенками коричневого, она казалась молодой богиней охоты. Они глазели на чародеев и комедиантов, слушали музыкантов и скальдов, восхищавших альвов своим искусством, хотя оно было слишком утонченным для человеческого вкуса. Навестили они и друзей Скафлока: гномов, живущих между корней деревьев, стройных белых духов воды, старого фавна с печальными глазами и диких животных. Правда, Фреда не могла с ними разговаривать, только улыбалась и смотрела на них широко открытыми глазами.

Фреда мало думала о будущем. Разумеется, однажды ей придется отвести Скафлока в страну людей и уговорить принять крещение. Наверняка, это будет хороший поступок, за который ей простятся все нынешние грехи. Но это будет не скоро. В Альвгейте время, казалось, стояло на месте, и девушка потеряла счет дням и ночам; а ведь столько еще следовало сделать.

Она кинулась в объятия Скафлока. Все его тревоги рассеялись как туман при виде ее — молодой, стройной, гибкой, длинноногой; скорее девушки, чем женщины... его женщины. Он обхватил ладонями талию Фреды, подбросил ее вверх и снова поймал под аккомпанемент их общего смеха.

— Поставь меня на землю, — попросила она. — Поставь, чтобы я могла тебя поцеловать.

— Сейчас. — Скафлок снова подкинул ее и начертал в воздухе какой-то знак. Фреда повисла, потеряв вес, дрыгала ногами, задыхаясь от смеха и удивления. Юноша подтянул ее к себе, и теперь она висела над ним, касаясь губами его губ.

— Не хочу вытягивать шею, — решил он, тоже стал невесомым и наколдовал облако, но не сырое, а похожее на груду белых перьев, чтобы на нем можно было отдохнуть. Из центра его выросло дерево, сгибающееся под тяжестью всевозможных плодов, а радуги арками изогнулись среди его листьев.

— Однажды, безумец, ты забудешь часть своего искусства, упадешь и разлетишься на куски, — сказала Фреда.

Он прижал ее к себе и заглянул в глаза, а потом сосчитал все веснушки у нее на носу и поцеловал ровно столько раз.

— Нужно бы сделать, так чтобы ты стала пятнистой, как леопард, — сказал он.

— Я скучала без тебя, любимый, — тихо произнесла она. — Охота была удачной?

Скафлок помрачнел, вспомнив все.

— Да, пожалуй.

— Тебя что-то гнетет, любимый. В чем дело? Всю ночь звучали рога, я слышала шаги и топот копыт. Каждый день я вижу в замке все больше вооруженных воинов. Что происходит, Скафлок?

— Ты ведь знаешь, что мы воюем с троллями, — объяснил он. — Мы позволим им явиться к нам, потому что трудно одолеть горную твердыню, где сосредоточены все их силы.

Девушка вздрогнула в его объятиях.

— Тролли...

— Не бойся, — сказал Скафлок, стараясь развеять ее беспокойство. — Мы сразимся с ними на море и уничтожим их мощь. А каждому, кто высадится, дадим столько земли, чтобы хватило его похоронить. Когда мы с ними справимся, завоевание Троллхейма будет детской забавой. О, бой будет яростным, но Эльфхейму нужно очень постараться, чтобы проиграть.

— Я боюсь за тебя, Скафлок.

Он ответил ей песней:

Когда прекрасная гадалка
Беспокоится о вожде,
Он очень радуется,
Зная, что она его любит.
Милая, не грусти:
Меня радует дар,
Который ты мне даешь,
О, прекрасная женщина.

Одновременно он начал развязывать ей пояс. Фреда вспых-ула.

— Бесстыдник, — сказала она и занялась его одеждой.

Скафлок поднял брови.

— Почему? — спросил он. — Чего нам стыдиться?

Огненное Копье выехал следующей ночью, вскоре после ахода солнца. Он сам и дюжина его помощников оделись в еленые охотничьи рубахи, на которые набросили черные лащи с капюшонами. Их копья и стрелы были с наконечни-ами из сплава серебра, а вокруг коней кружили лающие эль-ийские псы — огромные дикие звери с красной или черной ерстью, огненными глазами и кинжально-острыми клыками, которых капала слюна. В жилах их текла кровь Гарма, Фен-ира и собак Диких Охотников.

Они двинулись в путь, когда Огненное Копье дунул в рог. опот копыт и лай собак эхом разносились среди холмов; ихрем неслись они в густом мраке между замерзших деревь-в. Среди мчащихся теней лишь изредка можно было заме-ить проблеск серебра, украшенные драгоценными камнями укояти мечей, кровавый блеск собачьих глаз, но шум, сопро-ождавший их охоту, донесся до самых дальних уголков леса. Охотники, смолокуры и бродяги, слышавшие этот гвалт, вздра-ивали и чертили знаки Креста или Молота, а дикие живо-ные прятались в свои логова.

Колдунья сидела на корточках в своем шалаше, который остроила там, где прежде стояла ее хижина. Она издали ус-ышала приближающийся отряд. Склонившись над неболь-им очагом, она буркнула:

— Альвы охотятся.

— Да, — пискнул приживал, а когда гомон приблизился, обавил: — Думаю, они охотятся на нас.

— На нас? — удивилась колдунья. — Почему ты так ду-аешь?

— Они едут прямо сюда, а ты далеко не подруга Скафлока, а значит, и самого Имрика. — Крыса запищала от страха и забралась ей за пазуху. — Скорее, мать, призови помощь, или нам конец.

Не было времени ни на обряды, ни на жертвы, поэтому она прокричала зов, которому ее научили, и тьма темнее ночи появилась за очагом.

Колдунья упала ничком. По облаку мрака пробегали холодные голубые огоньки.

— Помоги! — простонала она. — Помоги, альвы уже близко.

Глаза демона смотрели на нее без гнева или жалости. Шум приблизился.

— Помоги! — заплакала она.

Демон заговорил голосом, сливавшимся со свистом ветра и, казалось, идущим издалека:

— Зачем ты меня вызвала?

— Они пришли за моей жизнью.

— Ну и что? Однажды ты сказала, что тебя не волнует твоя жизнь.

— Моя месть еще не свершилась, — рыдала колдунья. — Я не могу умереть сейчас, не узнав, удался ли мой замысел и не пропала ли моя плата, которую я заплатила за это. Помоги своей служанке, господин!

— Ты не служанка моя, а рабыня, — зажурчал голос. — Какое мне дело, исполнятся ли твои желания? Я владыка зла, которое является суетой сует. Тебе кажется, что однажды ты вызывала меня и сторговалась со мною? Нет, тебя обманули. Это был кто-то другой. Смертные не продают мне свои души, а отдают их.

И Князь Тьмы исчез.

Колдунья завопила от страха и выбежала из шалаша. Эльфийские собаки, отпугнутые запахом того, кто был здесь недавно, залаяли и вернулись. Ведьма превратилась в крысу и забилась в нору под дубом друидов.

— Она близко! — крикнул Огненное Копье. — Собаки взяли след!

Псы окружили дуб. Комья земли полетели во все стороны, когда они, громко лая, принялись копать в поисках добычи. Колдунья выбежала, превратилась в ворону и устремилась вверх. Огненное Копье натянул лук, ворона упала на землю и вновь приняла облик старухи. Псы накинулись на нее. Крыса выскочила из-за пазухи колдуньи, но один из коней поднял подкованную серебром ногу и раздавил ее.

Собаки растерзали несчастную на кусочки, но пока они этим занимались, ведьма крикнула альвам:

— Да падут все мои проклятия, все несчастья на Эльфхейм! И скажите Имрику, что Вальгард Подменыш жив и знает обо всем.

Больше она ничего не успела сказать.

— Это была легкая охота, — заметил Огненное Копье. — Я думал, что придется прибегнуть к чарам, чтобы найти следы ее странствий за прошедшие двадцать лет, может, даже искать ее в чужих краях. — Он принюхался. — А теперь мы можем остаток ночи посвятить лучшей дичи.

Имрик щедро наградил охотников, но помрачнел, когда они с некоторым удивлением рассказали ему о последних словах колдуньи.

XIII

Вальгард добился высокого положения при дворе короля троллей и как внук Иллреде, и как могучий воин, пользующийся железом. Но вельможи-тролли смотрели на него искоса — ведь в жилах его текла и кровь альвов, а прибыл он из страны людей. Кроме того, они завидовали пришельцу, считали его выскочкой. Вот почему Вальгард не нашел друзей в Троллхейме. Впрочем, он их и не искал, поскольку вид, запах и обычаи этого племени вызывали у него отвращение.

Однако они были неустрашимы и необычайно сильны, а их колдуны владели силами, недоступными смертным. Народ этот был самым сильным в Стране Чудес за исключением, возможно, Эльфхейма. Такое положение вполне устраивало Вальгарда, ибо здесь он нашел случай отомстить и отыскать утраченное наследие.

Иллреде познакомил его со своими планами:

— Во время перемирия мы готовились к войне, — сказал он, — тогда как альвы бездельничали, интриговали и наслаждались. Мы не так многочисленны, как они, но вместе с народами, которые пойдут с нами, значительно превосходим их числом.

— А что это за народы? — спросил Вальгард.

— Мы покорили большинство племен гоблинов, а с другими заключили союз, — ответил Иллреде. — Они издавна обижены и на троллей, и на альвов, но я обещал им добычу и свободу для всех невольников их расы, а также место сразу за нами, когда мы завладеем Страной Чудес. Их много и они

отважные воины. Кроме того, у нас есть отряды из дальних стран — демоны с Байкала, шены из Катая, они из Чипанга и джины из мавританских пустынь, — значительно усилившие наши ряды. Они явились за одной добычей, и верить им до конца нельзя, но я использую их в бою соответственно их способностям. Есть также мародеры, явившиеся поодиночке или небольшими группами — оборотни, вампиры, гулы* и им подобные. Много у нас невольников из низовиков, и я пообещал им за службу свободу. Кстати, железо им не вредит.

Перед лицом такой армии альвы одиноки. Может, им удастся заполучить к себе несколько гоблинов, низовиков или еще кого-то, но это можно не принимать в расчет. В лучшем случае они могут надеяться на помощь сидов**, однако я разузнал, что те собираются стоять в стороне, если мы не тронем их остров.

Правда, предводители альвов хитры и знают магию, но я и мои вожди — тоже. — Иллреде хитро рассмеялся. — Мы сломаем Эльфхейм, как сухую палку на колене!

— А может, стоит обратиться за помощью к Йотунам? — предложил Вальгард, продолжавший изучать тайны мира, в котором оказался. — Они ведь в родстве с троллями, верно?

— Даже не заикайся ни о чем таком! — осадил его Иллреде. — Мы не посмеем позвать на помощь ледяных гигантов, так же, как альвы не призовут Асов. — Он даже вздрогнул. — Мы не хотим стать пешками в борьбе великих сил. Даже если бы они согласились, ни мы, ни альвы не решимся их вызвать, ибо если Асы или Йотуны вторгнутся в Мидгард***, другая сторона выступит против них, и тогда разразится последняя битва.****

— А как все это связано с новым богом?

— Лучше не говорить о тайнах, которых не можем понять. — Иллреде тяжело зашагал по высеченной в скале комнате, где они вели разговор в мерцающем свете факелов. — Именно из-за богов ни один из обитателей Страны Чудес не может причинить особого вреда людям, особенно тем, кто принял крещение. Немного колдовства, позаимствованный на ночь конь, украденный ребенок или женщина... и не больше,

---

* Демоны, оскверняющие могилы и питающиеся трупами.

** Ирландские альвы.

*** Центральная часть вселенной, населенная людьми.

**** Битва между богами и йотунами с их союзниками, после которой должен наступить Рагнарек — гибель богов и всей вселенной.

да и то не часто. Люди страшатся нас, но если бы они стали бояться сильнее, то обратились бы за помощью к богам, которые их опекают, и те бы их выслушали. Более того, они могли бы вызвать нового белого бога, и тогда — конец Стране Чудес.

Вальгард вздрогнул.

Той же ночью он отправился к неглубокой могиле Асгерд, выкопал ее тело и отнес на борт небольшой лодки. Затем поплыл на юго-восток, подгоняемый колдовским ветром — Иллреде научил его, как это делать, — пока не добрался до небольшого селения у залива Мори в Шотландии.

Сквозь мрак и снежную кутерьму нес он завернутое в плащ тело Асгерд. Пробравшись на кладбище, он выкопал в дальнем углу яму, положил в нее Асгерд и засыпал землей, чтобы никто не догадался, что он был там.

— Теперь ты спишь в освященной земле, сестра, как хотела бы, — прошептал подменыш. — Я сотворил много зла, но, может, ты согласишься помолиться за мою душу. — Он умолк и огляделся по сторонам, чувствуя неведомый прежде страх. — Зачем я здесь? Что я тут делаю? Она не моя сестра, я рожден благодаря чарам и не имею души.

Он громко завыл, прыжками вернулся к лодке и поплыл на северо-запад, словно за ним гнались демоны.

Наконец пришло время сбора отрядов троллей. Иллреде, не лишенный осмотрительности, не стал собирать армию в одном месте, где разведчики альвов могли бы ее выследить. Каждая часть флота выплывала из своего собственного порта, имея на борту флагманского судна колдуна или другого знатока магии, следившего, чтобы все одновременно прибыли в назначенное место. Место это лежало чуть севернее английских земель Эльфхейма, чтобы тролли могли высадиться на пустынных берегах, а не напротив крепостей альвов. Именно там Иллреде намеревался сломить морскую мощь альвов, а затем — двинуться на юг морем и сушей и завладеть всем островом. Тогда он оставил бы там часть своих сил, поручив им уничтожить уцелевших и не сдавшихся альвов. А тем временем его главные силы должны были переплыть Пролив и добраться до остальных провинций Эльфхейма. Одновременно часть отрядов выступила бы пешком из Финляндии, Венландии* и еще более восточных селений троллей. Таким образом тролли напали бы на короля альвов с запада и востока — а

* Славянские страны.

как только будет завоевана Англия, и с севера, — и уничтожили бы его.

— Эльфийские воины очень быстры, — сказал Иллреде, — но, думаю, на этот раз тролли окажутся быстрее.

— Дай мне власть над Англией, — попросил Вальгард, — и я прослежу, чтобы ни один альв не пережил времени, пока я буду ярлом.

— Я обещал это Груму, — ответил Иллреде, — но ты, Вальгард, тоже поплывешь со мною, и в Англии я сделаю тебя вторым после Грума.

Вальгард заявил, что ему хватит и этого, смерил Грума взглядом и подумал, что вельможу вполне может постигнуть какое-нибудь несчастье, и тогда он, Вальгард, станет ярлом Англии, как и предсказывала колдунья.

Он поднялся на борт флагманского корабля вместе с Иллреде и королевской гвардией. Это был большой корабль с высокими бортами и откованным низовиками железным тараном, весь черный, за исключением лошадиного черепа на носу. Воины-тролли носили оружие и доспехи из легких сплавов, хотя большинство из них взяли и каменное оружие — его вес соответствовал их огромной силе. Иллреде носил на черном шлеме золотую корону и богатые меха на кафтане из драконьей кожи, которую не могла пробить даже сталь. Остальные тоже были богато одеты; это была гордая и заносчивая гвардия. Только Вальгард не носил никаких украшений, его лицо застыло маской; тролли со страхом обходили берсеркера, избегая железного топора и доспехов.

В королевской части флота было гораздо больше кораблей. Большинство из них отличались необычайными размерами, и ночь оглашалась криками, пением рогов и топотом. Огромные корабли троллей двигались медленнее альвийских — они были шире, тяжелее и не так умело построены — и к утру они все еще оставались в море. Команды скрылись за щитами, защищавшими от ненавистного солнечного света, и позволили кораблям плыть дальше. Глаза смертных, не получивших колдовского зрения, не могли их увидеть.

На следующую ночь весь флот собрался в назначенном месте. Вальгард был потрясен: казалось, будто все моря покрыл сплошной ковер из кораблей. На каждом из них кишели воины, за исключением тех, на которых перевозили огромных косматых коней троллей. Капитаны настолько хорошо знали планы Иллреде, что каждый сразу и без суеты занимал свое место в строю.

Корабли и их команды были на диво разнородны. Длин-

ные, высокие, черные корабли троллей находились в середине, образуя клин с кораблем Иллреде на острие. Справа и слева размещались гоблины, частью на кораблях троллей, а частью на собственных стройных драккарах с красными змеями на носах; они были повеселее троллей, поверх серебряных доспехов носили фантастические наряды, а вооружены были, в основном, легкими мечами, копьями и луками. На флангах огромного флота расположились эскадры из дальних стран: вооруженные пиками огромные шены, они в разрисованных джонках, проворные джинны на галерах с прикованными к веслам невольниками и осадными машинами на палубах; еще дальше — барки крылатых демонов с Байкала, низовики в железных доспехах, чудовища гор, лесов и болот, сражавшиеся с помощью одних своих зубов и когтей. Всеми кораблями командовали тролли, и только самые доверенные союзники находились в первом ряду, прикрытые с флангов судами троллей. За первым клином находился второй, кроме того, на случай надобности имелись и резервы.

На кораблях троллей загудели рога, им ответили дудки гоблинов, гонги шенов и бубны джиннов. Тучи низко нависали над мачтами, море пенилось от бесчисленных весел. Блуждающие огоньки ползали по реям и снастям, насмехаясь над звездами в небе. Ветер вздыхал над головами, и беспокойные духи носились в тяжелых, снеговых тучах.

— Скоро начнется битва, — сказал Иллреде Вальгарду, — и ты обретешь мщение, которого так жаждешь.

Берсеркер ничего не ответил. Он всматривался во мрак.

XIV

Имрик много трудился после неудачного нападения альвов на Троллхейм. Он узнал о врагах не так уж много, потому что Иллреде и его чародеи плотно закрыли свою страну с помощью магии, но прекрасно понимал, что в Троллхейме собирается войско, состоящее из многих народов, которое, скорее всего, ударит сначала на Англию. Потому он и старался собрать все корабли и воинов со своей провинции и послал за помощью в пограничные страны.

Немного воинов прибыло из-за пределов Англии. Все провинции Эльфхейма сами готовились к обороне, к тому же альвы были слишком горды, чтобы сотрудничать даже друг с другом. Кроме того, оказалось, что всех наемных солдат Страны Чудес уже приманил на службу Иллреде. Имрик по-

слал призыв сидхам в Ирландию, обещая им богатую добычу и завоевание Троллхейма, но получил холодный ответ, что в Тир-нан-Оге и в пещерах лепрехунов уже достаточно золота и других богатств. Вот так ярл английских альвов обнаружил, что помощи из-за границы ждать нечего.

И все же силы его были велики, и по мере того, как от ночи к ночи увеличивались ряды альвов, росла их жестокая радость. Никогда, думали они, никогда прежде Эльфхейм не собирал такие силы. И хотя враги наверняка превосходили их численностью, в поединке воина с воином и корабля с кораблем альвы будут лучше. К тому же, они будут сражаться вблизи от родины, на водах и берегах, которые хорошо знали. Кое-кто из молодых воинов заявлял даже, что английские альвы не только победят флот троллей, но и сами без помощи извне сумеют перенести войну в Троллхейм и подчинить его своей воле.

С Оркнейских и Шетландских островов прибыл Флам — сын того Флама, что пал во время похода Скафлока, горя желанием отомстить за отца. Он и его братья считались лучшими капитанами во всей Стране Чудес, и теперь их флот мчался на юг. Щиты сверкали вдоль бортов, ветер свистел в снастях, а шипение моря, рассекаемого носами кораблей, с тем же успехом могло доноситься и из глоток, украшавших их змеиных голов.

С серых холмов и вересковых пустошей земли пиктов выступили воины в кожаных панцирях, с копьями и кремневыми ножами в руках. Они были ниже и крепче сложением, чем настоящие альвы, имели темную кожу, длинные черные волосы и бороды, окаймлявшие татуированные лица, поскольку в жилах у них текла кровь троллей, гоблинов и даже более древних народов, и пиктских женщин, похищенных в давно минувшие дни. Вместе с ними прибыло некоторое число менее значительных сидхов, века назад примкнувших к шотландским племенам: скачущие словно козы, уродливые лепрехуны и высокие красивые воины в сверкающих доспехах, гордо вышагивающие с копьями в руках, или едущие на боевых колесницах с клинками на ступицах колес.

С юга, с холмов и источенных пещерами берегов Корнуолла и Уэлса, верхом и на колесницах прибыли некоторые из самых старых альвов острова, одетые в кольчуги, со знаменами, повествующими о былой славе; зеленоволосые белокожие водяные, окружавшие себя вуалью зеленого тумана, чтобы удержать влагу на суше; несколько деревенских полубогов, когда-то привезенных сюда, а потом брошенных римлянами, и робкие лесные альвы, клан за кланом.

В землях англов и саксов их было немного, поскольку жители Страны Чудес, некогда обитавшие здесь, бежали или были изгнаны экзорцистами. Но те, что остались, откликнулись на призыв Имрика. Не следовало пренебрегать этими альвами, хотя часто они бывали бедны и туповаты — ведь многие из них гордились происхождением от Вейланда или даже самого Одина. Они были лучшими кузнецами всей провинции, поскольку имели в жилах примесь крови низовиков. Большинство из них собирались биться своими огромными молотами.

Но самыми красивыми и гордыми были те, кто жил вблизи Альвгейта. Вельможи, окружавшие Имрика, превосходили прочих альвов не только происхождением, но также красотой, мудростью и богатством. Они были вспыльчивы, шли в бой одетые ярко, как на свадьбу, и целовали свои копья, словно невест. Они хорошо знали магию и наводили страшные чары, чтобы сломить врагов и защитить друзей. Новоприбывшие альвы поглядывали на них со страхом, что, впрочем, не мешало им наслаждаться едой, питьем и ищущими развлечений женщинами, которые те присылали в их лагеря.

Фреда с большим интересом следила за сборами армии альвов. Зрелище этих необычайных воинов, гордо вышагивающих в сумерках и ночью, с лицами, лишь наполовину видимыми для ее глаз и потому еще более невероятными, вызывало и удивление, и восторг, и страх, и гордость. Ее любимый Скафлок занимал среди них высокое положение и имел власть большую, чем любой смертный король.

Но командовал он существами, лишенными душ. Фреда вспомнила медвежью силу троллей. А если он падет от их рук?

Эта же мысль пришла в голову и ему.

— Может, следовало бы отправить тебя к друзьям, в страну людей, — задумчиво сказал он. — Возможно, — хотя я в это и не верю, — альвы проиграют войну с троллями. Все знамения против нас, и если так сложится, тебе не будет здесь места.

— Нет-нет. — Она с ужасом взглянула на Скафлока, а затем спрятала лицо у него на груди. — Я тебя не покину... не могу.

Он погладил ее волосы.

— Я вернулся бы за тобой позднее.

— Нет... Может случиться, что кто-то каким-то образом уговорит меня или заставит остаться... не знаю, кто это может быть, кроме священника, но я слышала о таких случаях... —

Она вспомнила прекрасных альвинь, взгляды, которые они бросали на Скафлока, и решительно закончила: — Так или иначе, я тебя не покину. Остаюсь.

И он крепко обнял ее.

Пришла весть, что тролли вышли в море. В последнюю ночь перед тем, как самим отправиться в поход, альвы устроили в Альвгейте роскошный пир.

Пиршественный зал Имрика был огромен. Фреда, сидевшая возле Скафлока вблизи от высокого резного стула ярла альвов, не могла разглядеть дальних стен. Холодный голубоватый полумрак, который так любили все альвы, казалось, плыл дымкой, хотя сам воздух был чист и напоен запахом цветов. Зал освещался бесчисленными свечами, размещенными в тяжелых бронзовых шандалах, их серебристые, неподвижные огни отражались от развешанных по стенам щитов и золотых пластин с выгравированными на них затейливыми узорами. Стоявшие на снежно-белых скатертях тарелки, миски и чары тоже были сделаны из благородных металлов и украшены драгоценными камнями. И хотя Фреда привыкла в Альвгейте к изысканным блюдам, теперь у нее закружилась голова от множества яств — мяса, птицы, рыбы, приправ, сладостей, разных видов пива, меда и вин, которые подали в тот вечер.

Альвы щеголяли богатыми нарядами. Скафлок надел рубаху из белого шелка и плотно облегающие полотняные штаны, куртку с разноцветной вышивкой, слагающейся в затейливый лабиринт, золоченый пояс с кинжалом в ножнах из электрума, украшенных дорогими каменьями, сапоги из кожи единорога и пурпурную горностаевую накидку, стекавшую с его плеч, словно поток крови. Фреда была одета в прозрачное платье из паутинного шелка, переливающееся всеми цветами радуги. Алмазное ожерелье сверкало на ее небольшой крепкой груди, тяжелый золотой пояс охватывал талию, золотые браслеты украшали обнаженные руки, а на ногах она носила бархатные башмачки. Кроме того, оба они надели диадемы, сверкавшие самоцветами, как пристало сановнику Эльфхейма и его возлюбленной. Другие пирующие были разодеты не менее, даже самые бедные вожди из дальних стран носили украшения из самородного золота.

По залу плыла музыка — не только странные мелодии, которые так любил Имрик... но и звуки сидханских арф, и печальные ноты пищалок с западной стороны острова. Велись

разговоры, молниеносные, беспощадные, настоящие словесные поединки, полные утонченных насмешек и колкостей, громкий смех часто звучал над столами.

Но когда кончились разговоры и должны были выступать шуты, гости захотели сплясать танец мечей. Имрик нахмурился, не желая, чтобы все увидели дурные знамения, но этого требовали гости, и он не смог отказать.

Альвы и альвини вышли на середину зала, мужчины сбросили с себя одежды, сковывающие движения, а женщины — вообще все. Невольники принесли каждому меч.

— Что они делают? — спросила Фреда.

— Это старый военный танец, — ответил Скафлок. — Думаю, мне придется сыграть роль скальда, поскольку ни один человек не сможет станцевать его без вреда для себя, даже если знает все фигуры. Его танцуют под аккомпанемент девяноста девяти стихов, которые скальд должен сложить тут же. Если никто не получит раны, это считается знамением победы. Даже царапина — дурной знак. Не нравится мне это.

Альвы встали лицом к лицу и скрестили вверху мечи. За каждым из них стояла альвиня, напряженно ожидая. Линии танцоров терялись в голубоватом полумраке зала, образуя неф со сводом из сверкающих клинков. Скафлок встал перед стулом ярла.

— Начинайте! — громко крикнул Имрик.

Скафлок запел:

Продолжается борьба,
Враг на берег оттеснен,
Где сраженье говорит
Языком металла:
Звон мечей и топоров,
Лязг разносится вокруг,
Кровь дымится, и поют
Копья королей.

Как только он начал пение, танцоры двинулись вперед, и теперь звон металла вторил словам песни. Танцовщицы проворно скользнули между танцорами, каждый из них взял левой рукой правую руку женщины, и они кружились в танце под сужающимся сводом из мечей, пока звучали слова.

Скафлок продолжал:

Продолжается борьба,
Разъярилась, как гроза,
И уже кроваво блещут
Луны полные щитов.
Вихрем стрелы понеслись,

С громом копья полетели.
Много жен мужей утратят,
А невесты — женихов.

Альвини плясали среди мерцающих клинков, быстро и ловко выполняя фигуры танца, такие же сложные, как узор кружев пены на верхушках волн. Воины сближались друг с другом, проходили мимо, поворачивались, и каждый бросал свой меч партнеру напротив и хватал брошенный ему клинок.

Скафлок пел:

Продолжается борьба
Боевой пронесся клич,
По мечу стекает кровь,
Разлетаются щиты.
Гневно вспыхнули клинки,
Гулко разнеслись удары.
Волки воют, голодая,
Коршуны добычи ждут.

Танцоры кружились быстрее, чем мог бы заметить глаз смертного, их мечи со свистом мелькали между танцовщицами. Потом клинки запели свою песнь потише, и какая-то альвиня перепрыгнула через них, и сверкающие лезвия взметнулись сразу за ней. Теперь каждый танцор подхватил свою партнершу и окружил ее тело блестящей металлической лентой, после чего альвы вновь начали фехтовать, а альвини прыгали, как серны, когда мечи расходились.

Скафлок не умолкал:

Продолжается борьба,
Лязг металла призывает
Воинов потанцевать.
О, погибнут все они!
Гулко громыхают горны,
Призывая их на бой.
Да, гораздо легче было
Спать в объятиях любимых!

Прыгая и увертываясь, как белая молния среди лязга клинков, Лея воскликнула:

— О, Скафлок, почему твоя девушка, которая так тебя любит, не станцует с нами на счастье?

Скафлок не ответил, он пел дальше:

Продолжается борьба,
Скальд, что пел для вас вчера,
Нынче сам в игру вступает —
Ставка очень высока.
Смертным девам не пристало

Танцевать среди металла.
Поцелуй для них важнее,
Чем любое колдовство.

И в этот момент танцующие разом содрогнулись: Лея, больше следившая за словами Скафлока, чем за движениями партнеров, поранилась об один из мечей. Длинная красная полоса пересекла ее шелковистые плечи, но альвиня продолжала танцевать, брызгая кровью на других.

Скафлок заставил себя весело пропеть:

Продолжается борьба,
Кто-то должен проиграть.
Нынче только Норны знают,
Кто останется в живых.
Победитель неизвестен
В этой воинской игре,
Но враги без страшной битвы
Не войдут в Эльфхейм.

Тем временем другие женщины, потрясенные тем, что случилось с Леей, сбивались с ритма и натыкались на мечи, и Имрик приказал закончить танец, пока никто не погиб, предвещая еще большие несчастья. Пир закончился в напряженной тишине, прерываемой лишь шепотками шепотками.

Обеспокоенный Скафлок отвел Фреду в их покои, и на время оставил ее одну. Вернулся он, неся широкий пояс из серебряных пластин, к которому изнутри крепилась плоская бутылочка, тоже из серебра.

Он подал пояс Фреде.

— Пусть это будет моим прощальным подарком тебе, — сказал юноша спокойно. — Я получил это от Имрика, но хочу, чтобы носила его ты. Я по-прежнему считаю, что мы победим, но после проклятого танца мечей не уверен в этом.

Она приняла дар молча, а Скафлок продолжал:

— В бутылочке находиться редкое и сильное лекарство. Если счастье изменит тебе и враги будут близко, выпей его. Несколько дней ты будешь как мертвая, и каждый, увидевший тебя, оставит в покое или вышвырнет прочь; так поступают тролли с трупами чужаков. Когда ты проснешься, тебе, возможно, удастся скрыться.

— А зачем мне жить, если ты погибнешь? — печально спросила Фреда. — Лучше будет и мне умереть.

— Возможно. Но тролли не убили бы тебя сразу, а христианам нельзя убивать себя, правда? — По губам Скафлока скользнула усталая улыбка. — Это не самый лучший из прощальных подарков, но другого у меня нет.

— Я принимаю его и благодарю тебя, — прошептала она. — Но у нас есть и лучший дар, которым мы можем обменяться.

— Воистину! — воскликнул Скафлок, и вскоре они снова веселились.

XV

Флоты альвов и троллей встретились в открытом море, к северу от замка ярла, на следующую ночь, сразу после наступления темноты. Увидев огромные силы неприятеля, Имрик, стоявший рядом со Скафлоком на носу флагманского драккара, резко втянул воздух в легкие.

— У нас, английских альвов, военных кораблей больше всего в Эльфхейме, — но у троллей их в два раза больше. О, если бы меня послушали, когда я говорил, что Иллреде заключил перемирие только для того, чтобы лучше подготовиться к войне. Они не сделали ничего, хотя я молил их объединить наши силы и покончить с троллями раз и навсегда.

Скафлок знал кое-что о соперничестве, тщеславии, праздности и самообольщении эльфийских вельмож, ставших причиной их пассивности. Сам Имрик тоже был не без вины. Но сейчас вести такие разговоры было слишком поздно.

— Наверняка, не все там тролли, — сказал Скафлок. — Не думаю, чтобы гоблины или прочий сброд оказались очень опасными.

— Не смейся над гоблинами, они хорошие воины. — Напрягшееся лицо Имрика мелькнуло на мгновение во мраке, освещенное заблудившимся лучом луны, в котором танцевало на ветру несколько снежных хлопьев. — Колдовство не поможет ни одной из сторон, — продолжал Имрик, — ибо силы, которыми они владеют, примерно одинаковы. Исход битвы будет зависеть от армий, а мы слабее троллей.

Он покачал головой. Свет луны скользнул по серебристо-золотым кудрям Имрика и зажег голубовато-белые глаза.

— На последнем заседании королевского совета я настаивал, чтобы Эльфхейм сосредоточил все силы вокруг центра страны, позволив троллям занять внешние провинции, даже Англию, чтобы затем отбить их атаки и приготовиться к ответному удару. Но другие сановники не пожелали меня слушать. Теперь увидим, кто из нас был прав.

— Они, господин, — смело заметил Огненное Копье, —

потому что мы перережем этих свиней. А иначе... что, они будут пировать в Альвгейте?! Такие слова недостойны тебя. — Он поднял пику и жадно вгляделся вдаль.

Хорошо зная, что шансы слишком неравны, Скафлок думал только о битве. Это будет не первый раз, когда отважные воины победят более сильного врага. Всей душой желал он встретить в бою Вальгарда, безумного брата Фреды, причинившего ей столько зла, и расколоть ему череп.

А ведь если бы Вальгард не увез Фреду в Троллхейм, он, Скафлок, никогда бы ее не встретил. Выходит, он должник берсеркера, так что, пожалуй быстрая смерть, а не кровавый орел* на спине, должны выровнять их счет.

С обеих сторон затрубили рога, призывая на битву. Паруса и мечи были убраны, оба флота поплыли на веслах, соединив корабли канатами. Когда они сблизились, полетели стрелы; темной тучей промчались они над волнами, вонзившись в тела и в дерево. Три стрелы отскочили от кольчуги Скафлока, четвертая на волосок разминулась с его рукой и воткнулась в галеон**. Наделенный колдовским зрением юноша разглядел в ночном мраке тех, кому не повезло — и они погибли или были ранены стрелами троллей.

Месяц все реже появлялся из-за облаков, но блуждающие огоньки танцевали среди водной пыли и сами волны светились холодным белым светом. Было достаточно светло, чтобы убивать.

Затем с кораблей полетели копья, стрелы из духовых трубок и камни. Копье Скафлока пригвоздило правую руку какого-то тролля к мачте флагманского корабля Иллреде. В ответ прилетел камень, отскочивший от его шлема. Оглушенный воспитанник Имрика на мгновенье оперся на борт, и море остудило соленой водой его гудящую голову.

Вновь пропели рога, и первые линии кораблей столкнулись.

Корабль Имрика налетел на судно Иллреде, воины, стоявшие на носах, ринулись в битву. Меч Скафлока со свистом разминулся с топором какого-то тролля и ранил другого в руку. Приемный сын Имрика наклонился над рядом щитов на борту вражеского корабля, двигая своим так, чтобы отбить град ударов, и сам наносил их стальным мечом поверх его края. Слева Огненное Копье колол и рубил врагов своей пикой, рыча в боевом угаре и не обращая внимания на грозившие ему острия. Справа Ангор из земли пиктов яростно

---

* Викинги рассекали побежденным врагам спину и вытаскивали наружу легкие, так что они походили на птичьи крылья. Это и называлось «орлом».

** Украшение на носу корабля.

бился длинным топором. Некоторое время обе стороны обменивались ударами, и если кто-то падал, его место в строю занимал другой.

Потом Скафлок погрузил меч в шею какого-то тролля, а когда тот рухнул на палубу, Огненное Копье пронзил грудь врага, стоявшего сразу за убитым. Тогда Скафлок перепрыгнул на корабль Иллреде, втиснулся в брешь во вражеском строю и зарубил воина, стоявшего слева. А когда воин справа замахнулся на воспитанника Имрика, Ангор топором отсек ему голову, и она упала в море.

— Вперед! — крикнул Скафлок. Сражавшиеся рядом альвы устремились за ним. Стоя спинами друг к другу, они рубили троллей, рычавших вокруг. Другие альвы поспешили им на помощь, все больше их перебиралось на палубу вражеского корабля.

Мечи сверкали со всех сторон, плюясь кровью. Скрежет и лязг металла заглушал и шум моря и свист ветра. Над сражающимися возвышалась фигура Скафлока, глаза которого метали голубые молнии. Ему приходилось стоять чуть впереди альвов, чтобы железная кольчуга не повредила им, но зато они прикрывали ему спину. Одновременно щит приемного сына Имрика принимал неуклюжие выпады и размашистые удары троллей, а его меч то устремлялся вперед, то возвращался, словно атакующая змея. Вскоре враги отступили перед ним, и носы обоих кораблей опустели.

— Теперь на корму! — крикнул он.

Альвы двинулись вперед, мечи их сверкали над щитами, как дрожащие волны тепла над каменной стеной. Тролли яростно защищались. Альвы падали с разбитыми головами или подавались назад, когда вражеское оружие ломало им кости или наносило глубокие раны. И все-таки воины Иллреде отступали, и лишь их трупы, попираемые ногами альвов, оставались на досках палубы.

— Вальгард! — крикнул Скафлок, перекрывая шум. — Где ты, Вальгард?!

Подменыш выступил вперед, кровь стекала по его щеке.

— Меня оглушил камень, — сказал он, — но я готов к бою.

Скафлок бросился ему навстречу, между сражавшимися образовалось свободное пространство. Альвы заняли корабль Иллреде до подпорок мачты, а тролли столпились на корме. Обе стороны ненадолго замерли, но все больше альвов карабкались на борт флагмана троллей, а их лучники посылали во врагов дождь стрел с серым оперением.

Меч Скафлока и топор Вальгарда столкнулись среди лязга металла и снопов искр. На этот раз берсеркер не впал в неистовство, а дрался спокойно, угрюмо, стоя на палубе твердо, как скала.

Меч воспитанника альвов рубанул древко топора подменыша, но не рассек твердого дерева, обернутого кожей, а топор откинул меч в сторону. То же произошло со щитом, и Вальгард тут же нанес удар в образовавшийся просвет.

Подменыш не мог размахнуться во всю силу, и топор не пробил кольчуги, но левая рука Скафлока, державшая щит, бессильно опустилась. Вальгард ударил его по шее, но Скафлок опустился на одно колено, пытаясь одновременно ранить противника в ногу, и топор опустился на его голову.

Оглушенный Скафлок упал на палубу, а раненный в бедро Вальгард споткнулся. Оба раскатились в стороны, и битва обошла их.

Грум, ярл троллей, возглавил контратаку с кормы, его огромная дубина дробила черепа направо и налево. Ангор из земли пиктов пытался остановить натиск и сумел отсечь ему правую руку, но Грум перехватил дубину в левую и нанес удар, раздробивший альву череп. Но потом вельможе троллей пришлось убраться в сторону, в поисках укрытия, чтобы начертить лечебные руны над страшной кровоточащей раной.

Скафлок и Вальгард выбрались из-под скамей, нашли друг друга и продолжили поединок. Левая рука Скафлока обрела прежнюю ловкость, но нога Вальгарда продолжала кровоточить. Воспитанник Имрика ткнул подменыша мечом с такой силой, что клинок пробил кольчугу и достал ребра.

— Это за Фреду! — крикнул он. — Я убью тебя за то, что ты с ней сделал.

— Со мной еще не так плохо, как с тобой, — выдавил Вальгард и отбил топором новый удар Скафлока, хотя уже нетвердо стоял на ногах и сильно ослабел. Меч воспитанника альвов переломился пополам.

— Ха! — вскричал Вальгард, но прежде чем успел воспользоваться случаем, Огненное Копье бросился на него, как разъяренный кот, а вместе с ним и другие воины Эльфхейма. Альвы захватили флагманский корабль Иллреде.

— Делать тут больше нечего, — сказал Вальгард, — хотя надеюсь, братец, мы с тобой еще увидимся. — И выпрыгнул за борт.

Он хотел освободиться от кольчуги, прежде чем та утянет его на дно, но это было уже ни к чему. Многие корабли были протаранены или затонули посреди поля битвы. Мачта одного

из них плавала рядом, и Вальгард ухватился за нее левой рукой. В правой он продолжал сжимать топор, прозванный Братоубийцей, хоть и задумался на мгновенье, не бросить ли его.

— Нет, пусть даже проклятое, это хорошее оружие.

Другие воины, сумевшие избавиться от ненужной тяжести перед бегством с корабля, тоже держались за ту же мачту, что и Вальгард.

— Шевелите ногами, братья! — крикнул подменыш. — Мы доберемся до наших кораблей и еще победим в этой битве.

На палубе захваченного корабля альвы кричали от радости.

Скафлок спросил:

— Где Иллреде? Он должен быть где-то здесь, но я его не вижу.

— Может, летает поблизости, охраняя свой флот, как делает это Имрик в облике чайки, — ответил Огненное Копье. — Прорубим дыру в этой лохани и вернемся на наш корабль.

Там они застали Имрика.

— Как идет битва, отец? — весело спросил его Скафлок.

Ярл альвов ответил угрюмо:

— Плохо. Альвы бьются отважно, но на каждого приходится по два тролля. И отряды врагов высаживаются на берег, не встречая сопротивления.

— Плохие новости, — крикнул Гольрик из Корнуолла. — Нужно драться как демоны или проиграем битву.

— Боюсь, уже проиграли, — сказал Имрик.

Скафлок понял его не сразу. Оглядевшись вокруг, он заметил, что флагман ярла остался в одиночестве. Оба флота разделились на части, когда враги рассекли связующие корабли канаты, но тролли понесли меньшие потери. И слишком часто два корабля троллей тисками зажимали суда альвов.

— К веслам! — крикнул Скафлок. — Поможем им! К веслам!

— Хорошо сказано! — усмехнулся Имрик.

Корабль ярла альвов приблизился к ближайшему скоплению сражающихся кораблей, и тут же его засыпали стрелы.

— Стреляйте! — приказал Скафлок. — О, демоны ада, почему вы не стреляете?

— Наши колчаны пусты, господин, — ответил какой-то альв.

Закрываясь щитами, альвы бросились в гущу битвы. Два корабля альвов были окружены тремя судами наемников и драккаром троллей. Когда корабль Имрика приблизился, на него накинулись крылатые демоны с Байкала.

Альвы сражались мужественно, но им трудно было отражать атаки противника сверху. Они расстреляли последние стрелы, но крылатая смерть не отступала.

И все же они сумели приблизиться к кораблю гоблинов, с которого их засыпали стрелами. Скафлок перескочил через борт и атаковал врагов альвийским мечом, которым теперь сражался. Невысокие гоблины не могли долго противостоять ему. Воспитанник Имрика рассек пополам одного, другому распорол живот и срубил голову третьему, а Огненное Копье тем временем пронзил пикой двоих и пинком проломил третьему грудину. Лавина альвов ворвалась на палубу вражеского корабля, и гоблины отступили.

Скафлок добрался до тяжелых сундуков, в которых враги хранили запасы стрел, и перекинул их на корабль Имрика, а потом, вместо того, чтобы перебить оставшихся врагов, собравшихся на корме, протрубил отступление, ибо гоблины были им неинтересны. Вновь запели альвийские луки, и крылатые демоны рухнули в воду.

Тролли были уже совсем близко от них, а другие два корабля альвов готовились к схватке с гоблинами, они и джиннами.

— Если братья справятся с ними, мы сможем заняться троллями, — сказал Скафлок.

Зеленокожие воины зацепились за корабль альвов и под боевой клич перебрались на его палубу. Скафлок устремился навстречу им, но поскользнулся на окровавленном помосте и свалился между скамьями. Брошенное с огромной силой копье со свистом прошило воздух в том месте, где только что была его грудь, и поразило сердце Гольрика из Корнуолла.

— Спасибо, — буркнул Скафлок, поднимаясь. Тролли накинулись на него. Удары посыпались на его щит и шлем, Скафлок рубанул мечом по чьим-то ногам, и один из врагов повалился, но прежде чем он успел снова поднять меч, другой тролль замахнулся, целя ему в лицо. Скафлок отпихнул его щитом, обитым железом, враг завопил и отпрянул — железо сожгло ему половину лица. Юноша вновь выбрался на помост и присоединился к альвам.

Гром ударов и лязг металла разносился далеко вокруг. Снег падал все гуще, поднялся сильный ветер. Соединенные канатами корабли раскачивались и бились друг о друга, воины теряли равновесие, падали с верхней палубы, помоста и скамей на нижнюю и поднимались, чтобы сражаться снова. Вскоре щит Скафлока стал непригоден, он швырнул его в тролля, с которым обменялся ударами, и вонзил меч тому в сердце.

И тут же кто-то схватил его сзади. Скафлок боднул назад стальным шлемом, но ничего не изменилось — руки, похожие на дубовые сучья, продолжали сжимать его. Повернув голову, юноша заметил, что тролль одет в кожаную куртку с капюшоном и рукавицы. Используя альвийский прием, Скафлок быстро ударил между большим и указательным пальцем противника, но тот еще крепче стиснул его. Корабль накренился, и оба они покатились между скамьями.

Юноша никак не мог освободиться от захвата тролля и хорошо знал, что тот может сломать ему ребра. Упершись коленями в живот тролля, он стиснул пальцы вокруг толстой шеи врага и напрягся.

Ни один смертный не выдержал бы таких смертоносных объятий. Скафлок чувствовал, что силы покидают его, вытекая, как вино из перевернутой чаши. Напрягая мускулы, он изо всех сил сдавил шею тролля. Казалось, уже целую вечность перекатываются они по палубе, и он понимал, что долго не выдержит.

Наконец тролль, которому не хватало воздуха, опустил Скафлока и схватил его за запястья, но человек ударил врага головой об основание мачты с такой силой, что раздробил ему череп.

Потом он долго лежал на теле тролля, пытаясь отдышаться. Сердце колотилось как безумное, в ушах шумело. Он заметил, что над ним склонился Огненное Копье, и услышал восхищенные слова гвардейца:

— Еще ни один альв или человек не победил тролля в рукопашной схватке. Твой подвиг достоин Беовульфа и не будет забыт, пока стоит мир. Мы победим.

Он помог Скафлоку подняться на помост. Оглядевшись по сторонам сквозь снеговую завесу, человек заметил, что корабли наемников тоже очищены от врагов.

Но какой ценой! На трех кораблях не более двадцати альвов остались невредимыми, большинство же были тяжело ранены. Драккары альвов дрейфовали к берегу, заваленные трупами и немногими уцелевшими, слишком уставшими, чтобы просто поднять меч.

Напрягая в темноте зрение, Скафлок увидел, что один корабль троллей с полной командой на борту плывет прямо на них.

— Боюсь, что мы проиграли, — вздохнул он. — Можно только попробовать спасти то, что удастся.

Дракары альвов безвольно раскачивались на волнах, а на берегу уже ждали тролли, сидя на крупных черных конях.

Из снежной пелены вынырнула чайка, встряхнулась и превратилась в Имрика.

— Вы хорошо дрались, — угрюмо сказал ярл. — Почти половина кораблей врага уже никогда не выйдет в море, но в основном это корабли их союзников, а мы... мы разбиты. Те наши корабли, которые еще могут плавать, бегут в открытое море, а остальные ждут своей судьбы. — Слезы сверкнули на его глазах, может, впервые за много столетий. — Англия потеряна, да, боюсь, что и Эльфхейм тоже.

Огненное Копье стиснул свою пику.

— Мы падем в битве, — глухо произнес он.

Скафлок кивнул, но тут вспомнил о Фреде, ждущей его в Альвгейте, и ощутил новый прилив сил.

— Мы будем драться, — сказал он, — но для этого нам нужно сначала спастись.

— Хорошее дело, если ты сумеешь выбраться, — с сомнением ответил Огненное Копье.

Скафлок снял шлем, волосы его слиплись от пота.

— Для начала снимем доспехи, — сказал он.

Гребя из последних сил, альвы сумели подогнать корабли друг к другу и сцепили их крючьями. Перебравшись на один из них, они поставили мачту и подняли парус, но шансы на спасение были невелики, потому что тролли плыли по ветру, а корабли альвов находились довольно близко от берега.

Скафлок взялся за рулевое весло; часть его товарищей свернула парус, и корабль поплыл под углом к берегу. Тролли начали грести быстрее, чтобы или потопить драккар, или вытолкнуть на скалистый островок впереди.

— Это будет трудный маневр, — заметил Имрик.

— Труднее, чем им кажется! — Скафлок невесело улыбнулся и сощурился, пытаясь разглядеть что-нибудь сквозь снежную пелену. Он увидел волны, разбивающиеся о скалы, и услышал их шум. За скалами лежало мелководье.

Тролли преградили им путь справа, и Скафлок крикнул матросам, чтобы поставили парус и надели шлемы. Корабль повернул и помчался на врага. Тролли слишком поздно поняли намерение воспитанника альвов и попытались уйти в сторону, но драккар врезался в середину их корабля с такой силой, что заскрипели балки, вытолкнув его сначала на мель, а затем и на каменный островок. Оказавшийся в ловушке корабль был раздавлен!

Альвы Скафлока как безумные возились с парусом; весла корабля троллей сломались, когда они промчались мимо. Скафлок не рассчитывал спасти свой корабль, но надеялся,

используя вражеское судно, столкнуться с землей помягче и в дальнем конце рифа, где море было не таким яростным. Когда драккар альвов ударился о берег и застыл между скалами, только узкий каменный гребень отделял его от мелководья.

— Спасайся, кто может! — крикнул Скафлок. Они спрыгнули на скользкие камни, потом в воду, погрузившись по шею, и поплыли к берегу. На корабле остались только тяжело раненые, которые не могли двигаться. Этим несчастным предстояло утонуть вместе с разваливающимся судном, видя перед собой землю.

Альвы выбрались на берег и оказались далеко за линией троллей. Некоторые из всадников заметили беглецов и помчались, чтобы прикончить их.

— Разбегайтесь! — крикнул Скафлок. — Большинство из нас может спастись!

Сквозь падающий снег он видел, как тролли пронзают альвов копьями и давят их лошадьми, однако большая часть отряда сумела уйти от преследователей. В воздух вновь взмыла чайка, но на нее тут же накинулся могучий белый орел. Спрятавшись за камнями, Скафлок видел, как орел заставил чайку сесть на землю, где птицы превратились в Иллреде и Имрика.

На ярла альвов обрушились дубины троллей. Он неподвижно лежал в луже крови, пока враги вязали его.

Если Имрик погиб, Эльфхейм лишился одного из своих лучших вождей, но если был еще жив — горе ему! Скафлок скользил по заснеженной вересковой пустоши. Он почти не испытывал усталости, холода и боли от подсыхающих ран. Альвы были разбиты, и у него осталась лишь одна цель: добраться до Альвгейта и Фреды раньше троллей.

XVI

Подданные Иллреде укрылись от солнца и отдыхали несколько дней, потому что битва здорово измотала их, а после отдыха двинулась на юг — половина сушей, а половина морем. Корабли достигли пристани Альвгейта еще в ту же ночь, их команды сошли на берег, ограбили здания, стоявшие на открытом месте, и ждали вокруг замка подхода своих товарищей.

Отряды под командой Грума и Вальгарда двигались гораздо медленнее. Всадники обыскивали местность, и все немно-

гочисленные группы альвов, которые хотели сражаться, были истреблены поголовно, хотя и сумели нанести врагу немалый урон. Раскиданные тут и там усадьбы ограбили, а жителей собрали в длинные колонны невольников, которые шли, шатаясь от усталости, с руками, связанными за спиной. Имрик шел в первых рядах. Тролли пожирали запасы альвов, пили их напитки и развлекались с женщинами Эльфхейма, так что особо не спешили к Альвгейту.

С помощью колдовства обитатели замка узнали на рассвете, что Имрик проиграл битву. Потом, глядя с высоких стен на круг костров, окружавший крепость, на черные корабли, вытащенные на берег или стоящие на якоре в заливе Альвгейта, они убедились, что это не временная неудача, а полное поражение.

Фреда стояла, глядя в окно своей спальни, когда услышала позади тихий шелест шелка. Она повернулась и увидела Лею — в руке альвини сверкал нож.

Лицо Леи выражало боль и враждебность, теперь она уже не походила на статую слоновой кости, вырезанную мастером с юга.

— Вижу, ты не льешь слез о том, кто стал добычей воронов, — сказала она на языке людей.

— Я буду плакать, узнав, что он умер, — ответила Фреда. — Но в нем было слишком много жизни, чтобы поверить, будто сейчас он лежит мертвым.

— Где бы он ни был, какой толк от изгнанника? — холодно улыбнулась Лея. — Видишь этот кинжал, Фреда? Тролли встали лагерем вокруг Альвгейта, а ваш закон запрещает тебе убивать себя. Но если хочешь избегнуть судьбы, я охотно помогу тебе.

— Нет, я подожду Скафлока, — ответила Фреда. — А кроме того, разве у нас нет копий, стрел и воинских машин? Разве мало запасов воды и питья, разве стены не высоки, а ворота не крепки? Пусть те, кто остался в замке, защищают его ради тех, кто отправился на войну.

Лея опустила нож и долго смотрела на стройную сероглазую девушку.

— У тебя мужественная душа, — сказала она наконец, — и мне кажется, я начинаю понимать, что нашел в тебе Скафлок. Но твой совет типичен для смертных — поспешен и неразумен. Разве женщины могут защитить крепость, если пали их мужчины?

— Они могут попробовать или тоже пасть.

— Нет, у них другое оружие. — Жестокая улыбка сколь-

знула по лицу альвини. — Женское оружие, но чтобы им воспользоваться, нужно открыть ворота. Ты отомстишь за своего любимого?

— Да — с помощью стрелы, кинжала и яда, если понадобится!

— Тогда подари троллям свои поцелуи: быстрые, как стрела, острые, как кинжал, и смертоносные как яд. Таковы обычаи альвинь.

— Я скорее нарушу великий закон Того, Кто Живет Наверху и лишу себя жизни, чем стану распутничать с убийцами моего любимого! — гневно ответила девушка.

— Болтовня смертных! — насмешливо заметила Лея и таинственно улыбнулась. — На время меня развлекут ласки троллей. По крайней мере, это будет что-то новое за столько веков. Мы откроем ворота Альвгейта, когда прибудет наш новый ярл.

Фреда опустилась на колени и закрыла лицо руками, а Лея продолжала:

— Раз ты упорствуешь в человеческой глупости, я с удовольствием избавлюсь от тебя. Завтра на рассвете, когда тролли заснут, я выпущу тебя из замка со всем, что ты пожелаешь взять. Потом делай что хочешь. Полагаю, ты сбежишь в страну людей и добавишь свой голос к жалкому хору монашек, к которым никогда не является их небесный возлюбленный. Желаю тебе много радости!

И она ушла.

Некоторое время Фреда лежала на ложе, охваченная отчаяньем. Она не могла плакать, хотя слезы душили ее. Все умерли: ее близкие, любимый...

Нет!

Она села и стиснула кулаки — Скафлок не мог погибнуть. Она не поверит в это, пока не поцелует его бескровные уста, после чего, если Бог смилуется, ее сердце разорвется и она упадет мертвой возле любимого. Но если он жив... если лежит тяжело раненый, возможно, враги окружают его укрытие и Фреда очень нужна ему...

Она принялась торопливо собирать то, что могло ей пригодиться. Его шлем, кольчуга и одежда, которую он носил (она показалась ей странно пустой, гораздо более пустой, чем отложенный в сторону наряд какого-нибудь другого воина), топор, меч и щит, копье, лук, множество стрел. Для себя она тоже взяла легкую кольчугу, которой пользовались альвини. Она хорошо подходила к ее стройной фигуре, поэтому Фреда улыбнулась отражению в зеркале, надевая проволочную ша-

почку и золотистый крылатый шлем. Она нравилась Скафлоку в этом наряде, правда больше из-за веселой мины, чем из-за сходства с юношей.

Снаряжение должно быть из альвийского металла, ибо кони Страны Чудес не могли выносить железа, но она полагала, что хорошо использует и его.

К груде вещей она добавила еще пищу, меха, одеяла, сумку с набором для шитья и все, что могло им еще пригодиться.

— Я становлюсь хозяйкой! — сказала с улыбкой Фреда, и это простое слово обрадовало ее, как вид старого друга. Она взяла и другие вещи, значения которых не знала, но которыми очень дорожил Скафлок: шкуры волка, выдры и орла, палочки из ясеня и бука с вырезанными на них рунами и кольцо удивительной работы.

Упаковав все это, она нашла Лею. Альвиня удивленно взглянула на девушку, похожую на валькирию.

— Что ты собираешься делать? — спросила она.

— Мне нужны четыре коня, — ответила Фреда, — и помощь, чтобы навьючить на одного из них то, что я забираю. А потом выпусти меня отсюда.

— Еще ночь, тролли не спят и бродят по округе, а кроме того, кони альвов не могут путешествовать днем.

— Это не имеет значения. Они быстрее других, а сейчас важна только скорость.

— Да, ты сможешь добраться до рассвета до монастыря, если сумеешь пройти через лагерь врагов, и оружие, которое ты забираешь, может пригодиться тебе в пути. Но не рассчитывай сохранить золото альвов надолго.

— Я не беру золота и не собираюсь в страну людей. Выпусти меня через северные ворота.

Лея широко раскрыла глаза, а затем пожала плечами.

— Это глупо. Много ли стоит труп Скафлока? Но пусть будет, как ты хочешь, — мягко добавила она дрожащим голосом. — И поцелуй его разок от меня.

Фреда ничего не ответила, но подумала, что Скафлок, живой или мертвый, никогда не получит этого поцелуя.

Когда она покидала замок, густо падал снег. Ворота открылись беззвучно, а гоблины-стражники, которым обещали свободу за эту услугу, помахали ей на прощание. Фреда выехала, ведя за собой трех коней. Она даже не оглянулась — без Скафлока великолепие Альвгейта ничего не значило для нее.

Ветер свистел и хлестал девушку, холод пробирал до мозга костей, несмотря на теплые меха. Нагнувшись, Фреда прошептала коню на ухо:

— А теперь скачи быстро, очень быстро, лучший из скакунов! На север, к Скафлоку! Найди его — и будешь спать в золотой конюшне и всю свою долгую жизнь пастись на цветущем лугу, не зная тяжести седла.

Позади раздался громкий крик, и Фреда выпрямилась в седле. Ее охватил ужас. Больше всего на свете она боялась троллей, и вот они ее увидели...

— Скачи быстро, мой конь!

Конь рванулся с такой скоростью, что засвистело в ушах, и Фреда едва не свалилась с него. Даже с помощью колдовского зрения она мало что могла разглядеть сквозь тьму и снег, но услышала за собой топот копыт.

Все быстрее и быстрее мчалась она на север. Ветер хлестал ее и выл, преследователи визжали, грохотали конские копыта. Обернувшись, она увидела троллей, тенью темнее ночи мчавшихся во мраке. Если бы только можно было остановиться и приказать им вернуться домой во имя Христа! Однако стрелы летели гораздо дальше слов.

Снег падал все гуще. Вскоре тролли остались позади, хоть она и знала, что они будут неутомимо гнаться за ней. Скача на север, она приближалась к марширующей на юг армии Троллхейма.

Фреда заметила огонь на вершине холма — наверняка, это горело имение альвов. Отряды троллей были близко и, конечно, разослали повсюду своих разведчиков.

Словно в ответ на эту мысль, в темноте справа от нее послышался вой и топот копыт. Если они отрежут ее...

Из темноты вынырнула чудовищная фигура: огромный косматый конь чернее ночи, с глазами словно горящие угли, и на нем всадник с ужасным лицом — тролль! Альвийский скакун свернул в сторону, но недостаточно быстро. Всадник вытянул руку, ухватил повод и остановил коня.

Фреда в ужасе закричала, но прежде чем она успела произнести святое имя, тролль одной рукой сдернул ее с седла и прижал к себе, а другой зажал рот. Рука эта была холодной и воняла, как яма, полная змей.

— Хо-хо! — воскликнул тролль.

Из мрака ночи, словно призванный горячим желанием Фреды, тяжело дыша после долгого бега и от страха, что явился слишком поздно, вынырнул Скафлок. Опершись ногой о стремя тролля, он подпрыгнул и вонзил кинжал ему в горло.

А затем схватил девушку в объятия.

XVII

Когда войско троллей достигло Альвгейта, со стороны башен протрубил рог, и огромные бронзовые ворота открылись. Вальгард сощурился.

— Это какая-то ловушка, — сказал он.

— Не думаю, — ответил Грум. — В замке осталось мало воинов, а женщины ждут, что мы их пощадим. — Он затрясся от смеха. — А мы так и сделаем! Сделаем!

Копыта огромных коней загремели по плитам двора. Здесь было тепло и спокойно. В голубоватом полумраке, окутывавшем стены и стройные башенки, от садов тянуло ароматами цветов, плескались фонтаны и прозрачные ручейки журчали у небольших беседок, предназначенных для влюбленных парочек.

Женщины Альвгейта собрались перед замком, чтобы приветствовать завоевателей. Хотя Вальгард уже видел альвинь во время марша на юг и спал с ними, сейчас он пораженно воскликнул.

Вперед вышла одна из них, тонкие одежды подчеркивали все округлости ее тела. Красотой своей она превосходила остальных альвинь, как месяц звезды. Низко поклонившись Груму, она скорее пропела, чем сказала:

— Здравствуй, господин. Альвгейт сдается.

Грум напыжился.

— Долго стоял этот замок и много выдержал штурмов, — сказал он. — Но вы, кто предпочел признать власть Троллхейма, поступили мудро. Мы страшны для врагов, но щедро награждаем своих. — Он глуповато улыбнулся. — Скоро я одарю тебя. Как твое имя?

— Меня зовут Лея, я сестра ярла Имрика.

— Не называй его так, потому что теперь я, Грум, ярл Страны Чудес на этом острове, а Имрик — последний из моих невольников. Введите пленников!

Вельможи Альвгейта шли медленно, волоча ноги, склонив головы. Их грязные лица выражали горечь, плечи поникли под бременем более тяжким, чем цепи. Имрик шел первым. Слипшиеся от крови волосы торчали во все стороны, а босые ноги оставляли на земле кровавые следы. Альвы ничего не сказали, даже не взглянули на альвинь, когда их вели к подземельям. За ними шли обычные пленники — целая миля несчастных.

Со стороны берега подъехал Иллреде.

— Альвгейт наш, — сказал он, — и мы оставляем тебя, Грум, владеть им, пока мы будем завоевывать остальной Эльфхейм. Работы вам хватит — ведь в Англии, Шотландии и Уэлсе осталось еще много незавоеванных крепостей, и множество альвов скрывается в лесах и среди холмов.

Король троллей первым вошел в замок.

— Прежде чем уйти отсюда, нужно сделать кое-что еще, — сказал он. — Девятьсот лет назад Имрик схватил нашу дочь, Гору. Пусть теперь она обретет свободу.

Когда дворяне пошли за своим владыкой, Лея дернула Вальгарда за рукав. Она пристально смотрела на него.

— Сначала я приняла тебя за Скафлока, смертного, жившего среди нас, — прошептала она, — но чувствую, что ты — не человек...

— Нет, — скривился Вальгард. — Я — Вальгард Берсеркер из Троллхейма. В некотором смысле мы со Скафлоком братья, ибо ты видишь перед собой подменыша, рожденного троллицей Горой от Имрика. Меня подкинули вместо мальчика, который стал Скафлоком.

— Значит... — Лея крепче стиснула пальцы на его руке и прошипела: — Значит, ты Вальгард, о котором говорила Фреда? Ее брат?

— Да. — Затем он резко спросил: — Где она? — Подменыш тряхнул Лею. — И где Скафлок?

— Я... не знаю... Фреда бежала из замка, сказала, что хочет его найти...

— Если ее не схватили по дороге, — а я об этом не слышал, — значит, она с ним. Это плохо!

Лея улыбнулась, прикрыла веками глаза.

— Наконец-то я поняла, что имел в виду Тюр и почему Имрик хранил тайну, — прошептала она, затем смело обратилась к Вальгарду: — А почему ты решил, что это плохо? Ты убил всех из рода Орма, кроме этих двоих, и с твоей помощью их постигло нечто похуже, чем смерть. Если ты ненавидел родичей Орма, а так наверняка и было, какой же еще мести ты хочешь?

Вальгард покачал головой.

— Я ничего не имел против Орма и его рода, — буркнул он. Потом удивленно посмотрел вокруг, словно просыпаясь от дурного сна, и добавил: — Хотя должен был ненавидеть, чтобы причинить им столько зла... моим родным... — Он провел рукой по глазам. — Нет, они мне не родичи... или все-таки родичи?

Он покинул альвиню и поспешил за королем троллей. Лея пошла за ним следом, таинственно улыбаясь.

Иллреде уселся на высокий трон Имрика, уставился на внутреннюю дверь зала и тихо засмеялся, услышав шаги своих гвардейцев.

— Ведут Гору, — буркнул он. — Мою маленькую девочку, которая смеялась и играла у моих колен. — Он положил тяжелую руку на плечо подменыша. — Твою мать, Вальгард.

Троллица вошла, приволакивая ноги, исхудавшая, сморщенная, сгорбленная за сотни лет, проведенные в темном каземате. С ее похожего на череп лица смотрели пустые глаза, в которых лишь изредка мелькали тени воспоминаний.

— Гора! — Иллреде поднялся и вновь осел на трон.

Часто моргая, она огляделась по сторонам: годы в темноте почти лишили ее зрения.

— Кто зовет Гору? — пробормотала она. — Она умерла, господин, умерла девятьсот лет назад. Ее похоронили в подземелье замка, а белые кости поддерживают башни под звездами. Позволь бедной троллице покоиться в мире.

Вальгард отпрянул, вытянув руку, словно желая оттолкнуть создание, которое спотыкаясь брело в его сторону. Иллреде раскрыл объятия.

— Гора! — воскликнул он. — Гора, неужели ты не узнаешь своего отца? Неужели не узнаешь своего сына?

Голос троллицы глухо прозвучал в большом зале:

— Как может мертвый кого-то узнать? Как может он произвести кого-то на свет? Разум, который родил сны, стал лоном, полным червей. Муравьи бегают в пустоте там, где когда-то билось сердце. О, отдайте мне мою цепь! Отдайте любовника, обнимавшего меня во тьме! — Она заскулила. — Не воскрешай бедных испуганных мертвых, господин, и не буди безумцев, ибо жизнь и разум — это чудовища, живущие пожиранием того, что произвело их на свет.

Она склонила голову набок, прислушиваясь.

— Я слышу топот копыт на конце света — это Время несется в будущее. Снег падает с гривы его коня, молнии летят из-под копыт, а там, где промчалось Время, остаются лишь сухие листья, кружащиеся среди метели, которую оно вызвало. Оно все ближе, я слышу, как бегут от него миры... Отдайте мне мою смерть! — завопила она. — Пустите меня обратно в могилу, укрыться от Времени!

Рыдая, она скорчилась на полу. Иллреде сделал знак гвардейцам.

— Уведите ее отсюда и убейте, — приказал он, потом добавил, обращаясь к Груму: — Повесь Имрика за пальцы над очагом. Пусть висит, пока мы не завоюем Эльфхейм и не

придумаем для него награду. — Он встал и объявил: — Эй, тролли, готовьтесь в поход! Мы отплываем!

Хотя воины ждали пира в Альвгейте, никто не посмел возразить, и вскоре черные корабли направились на юг и исчезли за горизонтом.

— Тем больше останется нам, — рассмеялся Грум, посмотрел на бледного Вальгарда и добавил: — Думаю, ты хорошо сделаешь, если упьешься сегодня ночью.

— Я так и сделаю, — ответил берсеркер, — и уйду в бой, как только соберу солдат.

Теперь вожди троллей собрали в зале женщин Альвгейта и взяли тех, которые им приглянулись, а остальных отдали солдатам. Грум положил свою единственную руку на запястье Леи.

— Сдавшись, ты поступила мудро, — сказал он, щеря зубы, — поэтому я не допущу твоего унижения. Ты останешься женщиной ярла.

Она послушно пошла за ним, но проходя мимо Вальгарда, улыбнулась, искоса глянув на него. Берсеркер не мог отвести взгляд от альвини, он никогда не видел такой женщины. Рядом с ней от мог бы забыть о темноволосой колдунье, навещавшей его во снах.

Тролли обжирались несколько дней, после чего Вальгард повел своих солдат против другой крепости альвов, которая еще не пала, поскольку там укрылось довольно много воинов. Замок был невелик, но стены имел высокие и массивные, а стрелы защитников держали троллей на расстоянии.

Вальгард ждал весь день, а перед закатом под прикрытием кустов и камней подобрался почти к самым стенам, и сонные, плохо видящие стражники его не заметили. Когда стемнело, сигнал рога позвал троллей в атаку. Вальгард поднялся, размахнулся и закинул крюк на зубец. Поднявшись по привязанной веревке на вершину стены, он дунул в рог.

Альвы бросились на него, и, несмотря на железные доспехи и оружие, ему пришлось нелегко. Тролли быстро нашли веревку и последовали за ним. Когда они очистили от защитников часть стены, оставшиеся внизу воины смогли приставить к ней лестницы, и вскоре наверху было столько троллей, что они прорубили дорогу к воротам и впустили остальных.

Началось массовое избиение альвов, многих взяли в плен и в кандалах привели в Альвгейт. Вальгард ограбил и сжег все имения альвов вокруг и вернулся с огромной добычей.

Грум встретил его неласково, считая, что подменыш заслужил у троллей слишком большую славу.

— Мог бы остаться с гарнизоном во взятом замке. Здесь слишком тесно для нас двоих.

— Ты прав, — буркнул Вальгард, холодно глядя на ярла.

Все же Груму пришлось дать пир в его честь и посадить справа от трона ярла. Альвини прислуживали троллям, и Лея раз за разом подносила Вальгарду рог, полный крепкого вина.

— За нашего героя, величайшего среди всех воинов людей и Страны Чудес! — предложила она тост. Тонкий шелк просвечивал насквозь, и у Вальгарда закружилась голова не только от выпитого вина.

— Ты можешь поблагодарить меня и по-другому, — воскликнул он и посадил ее к себе на колени. Он страстно поцеловал альвиню, и Лея ответила ему тем же.

Грум, до этого сидевший молча и пивший рог за рогом, гневно зашевелился.

— Займись своим делом, неверная! — рявкнул он, а Вальгарду сказал: — Оставь мою женщину в покое. У тебя есть свои.

— Но эта нравится мне больше, — ответил подменыш. — Я дам тебе за нее трех других.

— Ха, я могу просто забрать этих трех, если захочу. Я — твой ярл, и то, что я выбираю, принадлежит мне. Оставь ее в покое.

— Добыча должна принадлежать тому, кто может лучше ее держать, а у тебя только одна рука.

Тролль вскочил со стула, ослепленный гневом, он ощупью искал меч, ибо его соплеменники привыкли пировать с оружием на боку.

— Помоги мне! — крикнула Лея.

Казалось, топор сам прыгнул в руку Вальгарда, и прежде чем Грум сумел вытащить клинок, топор подменыша перерубил ему шею.

Кровь хлынула из страшной раны, и тролль рухнул к ногам Вальгарда. Он взглянул на искаженное гневом бледное лицо берсеркера.

— Ты гнусен, — сказал Грум, — но она еще хуже, — и умер.

В зале поднялась суматоха, засверкало обнаженное оружие, и тролли бросились к трону ярла. Одни требовали смерти Вальгарда, другие клялись, что будут защищать его. Казалось, вот-вот начнется битва.

Тогда Вальгард сорвал с головы Грума окровавленную диадему, которую прежде носил Имрик, и надел ее. Потом вскочил на трон ярла и потребовал тишины.

Постепенно в большом зале стало тихо. Сверкали обнаженные клинки, чувствовался резкий запах страха, и все глаза смотрели на Вальгарда, а тот стоял гордо и уверенно.

Он обратился к собравшимся, и в голосе его звучал металл:

— Это случилось раньше, чем я ожидал, но должно было случиться рано или поздно. На что годился такой калека, как Грум, неспособный драться и могущий лишь жрать, пить и спать с женщинами, которые могли бы достаться более достойным мужам? Я, происходящий из рода не менее благородного, чем любой другой в Троллхейме, и доказавший, что умею побеждать, больше гожусь на место вашего ярла. Кроме того, я и есть ярл по воле моего деда, короля Иллреде. Это принесет выгоду всем троллям, особенно здесь, в Англии. Я обещаю вам победу, богатства, роскошную жизнь и славу, если вы назовете меня ярлом.

Он вырвал топор из головы Грума и поднял его.

— Если кто-то против, он может выступить на моем трупе, — заявил он. — А тем, кто останется мне верен, я отплачу стократ.

Воины, бравшие с Вальгардом замок альвов, принялись кричать в его честь, остальные, не хотевшие драться, поочередно присоединялись к ним, так что в конце концов берсеркер уселся на место ярла и пир продолжился. Грума не очень любили, близких родственников у него не было, а дальние согласились принять выкуп.

Позднее, оставшись в спальне наедине с Леей, подменыш мрачно взглянул на нее.

— Второй раз в жизни женщина толкнула меня на убийство, — сказал он. — Будь я умен, мне следовало бы четвертовать тебя.

— Я не могу тебе этого запретить, господин, — промурлыкала она и закинула руки к нему на шею.

— Ты знаешь, что я этого не сделаю, — хрипло ответил он. — Все это пустая болтовня. Моя жизнь и так достаточно невесела без покоя, который ты можешь мне дать.

И все же он не удержался от вопроса:

— Ты была такой и с альвами? Со Скафлоком?

Приподнявшись на локте, она склонилась над ним, так что ароматные волосы накрыли их обоих.

— Достаточно, что я такая с тобой. — И она поцеловала его.

Так Вальгард стал хозяином Альвгейта. Поначалу он часто выезжал в поле, захватывал альвийские крепости и уст-

раивал на беглецов охоты с собаками. Уцелело мало усадеб, а когда альвы пытались защищаться, он отправлял на них свои отряды. Часть пойманных воинов он посадил в подземелье, других послал на тяжелые работы, но большинство перебил, а женщин разделил между троллями. Себе он не взял ни одной, потому что жаждал только Лею.

С юга пришли вести, что армия Иллреде теснит альвов с их земель. Все провинции Страны Чудес в Валлонии и Фландрии уже принадлежали троллям. Только на севере альвы Скании были еще свободны, но тролли окружили их со всех сторон и преследовали, насколько позволяли густые леса тех мест. Вскоре армия Иллреде должна была вступить в центральные провинции Эльфхейма, где правил король альвов.

Люди порой замечали кое-что из происходившего — далекие огни, быстро проносящиеся тени, долетающий откуда-то лязг оружия, а пущенные наугад чары причиняли большое горе: мор скота, пропавшее зерно и несчастья в семьях. Порой какой-нибудь охотник натыкался на истоптанное, залитое кровью поле и смутно видел воронов, клюющих трупы, непохожие на людей. Люди собирались в одиноких усадьбах, клали железо под порог и молили о помощи различных богов.

Но время шло, и Вальгард все чаще пребывал в Альвгейте, ибо захватил уже все замки и города, которые нашел, и опустошил все от Оркнейских островов до Корнуолла. Альвы, сумевшие ускользнуть от него, прятались хорошо; они тайком нападали на его солдат; и многие тролли не возвращались в Альвгейт, травили пищу и воду, резали сухожилия лошадям, уничтожали оружие с помощью волшебной ржавчины и призывали метели, словно сама земля боролась с захватчиками.

Но все же тролли овладели всей Англией, и с каждым днем все крепче стискивали хватку. А Вальгард никогда прежде не тосковал о весне так сильно, как сейчас.

XVIII

Скафлок и Фреда укрылись в пещере, глубокой полости в отвесной скале, протянувшейся дугой от побережья далеко на север от альвийских гор. Дальше находился заледеневший лес, густевший к югу, а на севере постепенно переходящий в заросли вереска и сменяющийся голыми скалами. Это были угрюмые и негостеприимные места, где не жили ни люди, ни народы Страны Чудес, и поэтому они были так же безопасны,

как любое другое место, из которого можно было продолжать войну.

Беглецы могли лишь в малой степени пользоваться колдовством из опасения, что их обнаружат тролли, но Скафлок часто охотился в образе волка, выдры или орла, шкуры которых Фреда забрала из Альвгейта; а кроме того, частенько превращал морскую воду в пиво. Им приходилось много трудиться, чтобы не погибнуть в ту зиму — самую тяжелую из всех, которые Англия помнила со времен Великого Оледенения — и Скафлок большую часть времени проводил в поисках добычи.

Пещера была сырой и холодной, ветры свистели у ее входа, и волны разбивались у подножия скалы. Но когда Скафлок вернулся с первой долгой охоты, на мгновенье ему показалось, что он ошибся и попал не туда.

Огонь весело пылал в очаге, а дым выходил наружу через примитивную трубу, сплетенную из ивы и обтянутую сырыми шкурами. Другие шкуры закрывали стены и пол, а одна висела у входа в пещеру, преграждая доступ ветру. Кони были привязаны в глубине пещеры и жевали овес, который Скафлок наколдовал из водорослей. Запасное оружие было старательно начищено и установлено рядком, словно в дворцовой трапезной. Каждый меч, лук или копье украшала кисточка красных зимних ягод.

Фреда сидела на корточках у огня и жарила на вертеле мясо. Скафлок застыл на полушаге, при виде девушки сердце его замерло. Она была лишь в короткой тунике, и ее длинноногое, стройное тело с мягкими округлостями бедер, талии и груди, казалось, плыло в воздухе, как птица, парящая под облаками.

Фреда увидела Скафлока, и довольная улыбка осветила ее покрасневшее от жара, измазанное пеплом лицо и большие серые глаза. Она молча подбежала к нему, неуклюже, как длинноногий жеребенок, и они замерли в объятиях друг друга.

Юноша удивленно спросил:

— Как ты сумела все это сделать, дорогая?

Она тихо засмеялась.

— Я не медведь и не мужчина, чтобы сгрести кучу листьев и назвать это своим домом. Часть этих шкур у нас была, остальные я приготовила сама. О, я хорошая хозяйка. — Она прижалась к нему и продолжала дрожащим голосом: — Тебя не было очень долго, и у меня было много свободного времени. Приходилось чем-то заполнять дни, чтобы устать и спать ночью.

Руки Скафлока дрожали, когда он ласкал Фреду.

— Здесь не место для тебя. Жизнь изгнанника трудна и полна опасностей. Мне нужно отвезти тебя в селение людей, где ты могла бы дожидаться нашей победы или забыть о нашем поражении.

— Нет... нет, ни за что! — Она схватила его за уши и тянула, пока он не коснулся губами ее губ. Потом добавила полусмеясь-полуплача:

— Я тебя не покину. Нет, Скафлок, Не так то просто избавиться от меня.

— Честно говоря, — признался он, — не знаю, что бы я без тебя делал. Все потеряло бы смысл.

— Тогда не оставляй меня больше никогда. Я буду охотиться вместе с тобой. — Она указала на шкуру и жарящееся мясо. — Мне это знакомо.

— Как и многое другое, — он рассмеялся и добавил, вдруг помрачнев: — Я буду выслеживать не только диких животных, Фреда, но и троллей.

— И я тоже буду. — Лицо девушки застыло. — Думаешь, мне не за кого мстить?

Воспитанник Имрика гордо поднял голову, но тут же склонился снова, чтобы поцеловать Фреду, как рыболов, наклоняющийся над добычей.

— Да будет так! Доблестный Орм наверняка бы гордился своей дочерью.

Она провела пальцами по его щеке.

— Ты знаешь, кто был твоим отцом?

— Нет. — Он вздрогнул, вспомнив слова Тюра. — И никогда не знал.

— Это неважно, — улыбнулась девушка. — Я спросила потому, что и тобой он мог бы гордиться. Думаю, Орм, прозванный Сильным, отдал бы все свое богатство, чтобы иметь такого сына. Конечно, это не значит, что Кетил и Асмунд были слабыми. Но раз ты не его сын, он должен быть доволен, что ты соединился с его дочерью.

Шло время, зима становилась все суровее и выжить было все труднее. Голод часто гостил в пещере, и холод пробирался мимо кожаных преград и костра, так что Скафлок и Фреда согревались, только завернувшись вдвоем в медвежьи шкуры. Целые дни проводили они на обширных былых пространствах в поисках добычи, разъезжая на быстрых альвийских конях, не проваливающихся в снег.

Время от времени они натыкались на почерневшие пепелища усадеб альвов, и каждый раз Скафлок бледнел, как снег, и подолгу потом молчал. Иногда они встречали живых альвов, исхудавших и оборванных, но воспитанник Имрика не старался собрать отряд, ибо это только привлекло бы внимание врага, а толком сопротивляться ему они не могли. Это имело бы смысл, получи они помощь извне.

Скафлок постоянно выискивал троллей, и если находил их следы, они с Фредой бросались в погоню. Большую группу они засыпали издалека стрелами, после чего поворачивали и удирали, что было сил, или юноша ждал прихода дня, забирался в убежище, где спали тролли, и перерезал им горло. Когда врагов было не более двух-трех, он нападал на них с мечом в руке, свист которого становился последним звуком, который они слышали.

Охота эта непрестанно велась обеими сторонами. Часто любовники прятались в пещере или под каменной аркой, наблюдая за погоней, и только тонкий покров чар, сотканный руническими песнями Скафлока и защищавший от прямого взгляда, скрывал их следы. Когда они бежали после убийства двух-трех солдат от большого отряда троллей, им вслед летели стрелы, копья и камни, пущенные пращей. Из своей пещеры они видели, как проплывают мимо длинные корабли троллей, настолько близко, что можно пересчитать заклепки в щитах воинов.

И было холодно, очень холодно.

Ведя такую жизнь, они ближе узнали друг друга, узнали, что их тела — лишь часть того, что можно любить. Скафлок часто думал, стал ли бы он без Фреды сражаться с троллями. Ее стрелы убили множество врагов, а дерзкие планы засад погубили еще больше. Именно ее поцелуи в минуты отдыха побуждали его действовать, а помощь и утешение, которые она дарила ему в любое время дня и ночи, добавляли сил. Для Фреды Скафлок был самым сильным, отважным и лучшим из всех мужчин, ее мечом и одновременно щитом, любовником и соратником.

Девушка даже стыдила себя, что ей не мешает отсутствие у него веры. Скафлок объяснил ей, что святые слова и знаки могут повредить чарам, в которых они нуждались. Со своей стороны Фреда пришла к выводу, что было бы кощунством использовать их для получения превосходства в борьбе между двумя лишенными души племенами, что лучше, а может, даже и безопасней, не читать молитв. Что касается войны между альвами и троллями, то раз это была война Скафлока, она

стала и ее войной. Когда-нибудь, после победы, она уговорит его выслушать священника, и Бог наверняка поможет ее любимому поверить в него.

Жизнь изгнанников была тяжела, но девушка замечала, что ее тело приспосабливается к ней: чувства обрели остроту, мышцы — силу, а душа — твердость. Ветер подгонял кровь в ее жилах, звезды поделились блеском с ее глазами. Постоянно балансируя на острие меча, Фреда научилась наслаждаться каждой минутой, познала глубины, о которых прежде даже не подозревала.

Странно, думала она, что голодные, замерзшие, испуганные — они никогда не ссорились. Они думали и действовали как один человек, словно были вылеплены из одной глины. Между ними имелись только такие различия, которые отвечали желаниям другого.

— Когда-то я хвалился перед Имриком, что никогда не испытал страха, поражения и несчастной любви, — сказал Скафлок. Он лежал, положив голову на колени Фреды, а она расчесывала ему спутанные ветром волосы. — Он сказал мне тогда, что это крайности человеческой жизни. Я не понял, что он имел в виду, но теперь вижу, насколько он был мудр.

— Откуда он мог это знать?

— Не знаю, потому что альвы лишь изредка терпят поражения, очень редко испытывают страх и никогда — любовь. Но, встретив тебя, я нашел в себе все эти три крайности. Я становился больше альвом, чем человеком, но ты возвращаешь мне мою человечность, и я теряю альвийские навыки.

— Что-то альвийское попало и в мою кровь. Боюсь, я слишком мало думаю о том, что хорошо и свято, зато слишком много о приятном и полезном. Я становлюсь все грешнее.

Скафлок привлек ее лицо к своему.

— И хорошо делаешь. Эти рассуждения о долге, законе и грехе не приводят ни к чему хорошему.

— Ты кощунствуешь... — начала она, но Скафлок закрыл ей рот поцелуем. Она попыталась освободиться, и все кончилось любовной игрой, полной веселья и мнимой борьбы. К тому времени, как они закончили, Фреда забыла о дурных предчувствиях.

Когда тролли перестали опустошать земли альвов, они вернулись в крепости и редко покидали их, разве что отрядами слишком многочисленными, чтобы их можно было атаковать. Скафлок, убив несколько оленей, заготовил много мороженого мяса, но, оставшись без ратного дела, помрачнел

и уже не заигрывал с Фредой, а проводил дни, сидя в углу пещеры.

Девушка старалась развеселить его.

— Теперь нам не грозит опасность, — сказала она.

— Зато мы не можем сражаться, — ответил он. — Мы просто ждем конца. Эльфхейм гибнет, вскоре все королевства Страны Чудес будут принадлежать троллям. А я сижу здесь!

Однажды он вышел из пещеры и увидел ворона, парившего под свинцовым небом. Море набрасывалось на скалы у его ног, шумело и гневно рычало, готовясь к новому прыжку, а водяная пыль замерзала там, куда падала.

— Какие ты принес вести? — крикнул Скафлок на языке воронов. Разумеется, он воспользовался не этими словами, потому что языки зверей и птиц сильно отличаются от человеческого, но смысл был именно такой.

— Я прилетел с юга, из-за Пролива, чтобы обрадовать своих сородичей, — ответил ворон. — Валлония и Вендландия уже в руках троллей, Скания близка к этому, а войска короля альвов отступают к центральным провинциям государства. Нам хорошо пировать там, но воронам нужно торопиться, ведь война скоро закончится.

Скафлок пришел в такую ярость, что наложил стрелу на тетиву лука и убил ворона. Но когда мертвая птица упала к его ногам, гнев покинул юношу, сменившись печалью.

— Я поступил дурно, убив тебя, — тихо сказал он. — Ты не сделал мне ничего плохого, ты творил доброе дело, очищая мир от гниющих останков прошлого. Ты был другом, к тому же беззащитным, а я убил тебя, хотя позволяю своим врагам жить спокойно.

Он вернулся в пещеру и вдруг расплакался. Рыдания разрывали ему грудь. Фреда обняла его, успокаивая, как ребенка, пока он не выплакался в ее объятиях.

В ту ночь Скафлок не мог заснуть.

— Эльфхейм гибнет, — бормотал он. — Прежде чем сойдет снег, он будет только воспоминанием. Ничего не остается, кроме как выступить против троллей и забрать с собой столько, сколько смогу.

— Не говори так, — просила Фреда. — Этим ты предашь не только себя, но и меня. В сто раз лучше жить и бороться.

— Чем бороться? — с горечью спросил Скафлок. — Альвийские корабли затоплены или рассеяны по морям, воины пали, закованы в кандалы или прячутся, как мы с тобой. В замках альвов поселились ветер, снег и волки, а враг сидит на троне ярла. Альвы одиноки, наги, голодны и беззащитны...

Фреда поцеловала его, и в этот момент Скафлок увидел сияние меча, как бы высоко поднятого на фоне мрака.

Девушка почувствовала, что ее любимый напрягся, как стальной брус, долго дрожал, словно по этому брусу били тысяча молотов, а потом прошептал:

— Меч... подарок Асов... да, этот меч...

Фреда испугалась:

— О чем ты? Что это за меч?

Прижавшись к ней в темноте, Скафлок начал тихо шептать ей на ухо, словно боясь, что ночь его услышит. Он рассказал, как Скирнир привез сломанный меч, как Имрик спрятал этот клинок в стене подземелья Альвгейта, и как Тюр предупредил его, что близко время, когда ему потребуется подарок Асов...

Закончив, он почувствовал, что Фреда дрожит в его объятиях — она, которая охотилась на вооруженных троллей. Тихо и неуверенно девушка произнесла:

— Не нравится мне это, Скафлок. Плохая это вещь.

— Плохая? — воскликнул он. — Это наша последняя надежда. Один, знающий будущее, предвидел день гибели Эльфхейма... и дал нам меч, который должен этому помешать. Беззащитны? Мы покажем им, что все обстоит иначе.

— Плохо иметь дело с языческими вещами, особенно подаренными языческими богами, — умоляюще сказала она. — Только зло может выйти из этого. О, мой любимый, забудь об этом мече!

— Боги несомненно имеют какую-то свою цель, — согласился он, — но ей не обязательно противостоять нашим. Я думаю, Страна Чудес — это шахматная доска, на которой Асы и йотуны передвигают альвов и троллей в какой-то игре, превосходящей наше понимание. Но мудрый игрок заботится о своих пешках.

— Но ведь этот меч спрятан в Альвгейте.

— Я проберусь туда. У меня есть одна идея.

— Меч сломан. Как ты найдешь... как мы найдем гиганта, который сможет его починить? Как заставить его отковать заново меч, который будет использован против родственных ему троллей?

— Наверняка есть какой-нибудь способ, — в голосе Скафлока прозвучали металлические нотки. — Я уже даже знаю, как получить нужные сведения, хотя это очень опасно. Мы можем проиграть, но дар богов — последний наш шанс.

— Дар богов... — Фреда заплакала. — Говорю тебе, до

добра это не доведет, я чувствую это. Если ты начнешь поиски, Скафлок, мы расстанемся.

— Ты бросишь меня из-за этого? — с ужасом спросил он.

— Нет-нет, мой любимый... — Она прижалась к нему, чувствуя, как слезы застилают ей глаза. — Словно что-то шепчет у меня в душе... но я знаю!

Он прижал ее еще крепче и поцеловал так страстно, что у нее закружилась голова, а он сам рассмеялся от счастья. В конце концов она отбросила мрачные мысли, как недостойные супруги Скафлока, и радовалась вместе с ним.

Однако в ней пробудилась неведомая ей прежде тоска, ибо в глубине души она чувствовала, что их ждет мало таких вот радостных минут.

XIX

На следующую ночь, за несколько часов до рассвета они остановили коней. Скафлок не мог ждать, когда погибал Эльфхейм. Луна во второй четверти выглядывала из-за туч, ее бледный свет просачивался сквозь заснеженные кроны деревьев и отражался от снежного покрывала. В неподвижном морозном воздухе их дыхания поднимались вверх, как дым, слабо мерцая, словно духи, вылетевшие из уст умирающих.

— Мы не можем вместе идти в Альвгейт. — Шепот Скафлока казался неестественно громким в спокойном полумраке зарослей, в которых они укрылись. — Но я могу сделать это один, в виде волка.

— Почему ты так спешишь? — Фреда прижалась к его плечу, и юноша почувствовал соль слез на ее щеке. — Почему не отправиться туда днем днем, когда они будут спать?

— Я не могу превращаться в солнечном свете, — ответил он. — А когда проникну внутрь, день сейчас или ночь, не будет иметь значения — ведь большинство троллей могут с одинаковым успехом и спать, и бодрствовать. Пробравшись туда, я найду тех, кто сможет нам помочь. Прежде всего это Лея...

— Лея... — Фреда закусила губу. — Не нравится мне этот безумный план. А нет ли другого способа?

— Ничего больше не приходит мне в голову. А у тебя, дорогая, самая тяжелая задача — ждать здесь моего возвращения. — Он посмотрел ей в лицо, словно желая запомнить его мельчайшие детали. — Не забудь перед восходом поставить палатку из шкур, чтобы закрыть от солнца коней. И по-

мни, что я вернусь в человеческом облике, неся с собой груз. Так я могу идти днем, в безопасности до самых сумерек, но гораздо медленнее, так что, скорее всего, буду здесь завтрашней ночью. Будь осторожна, дорогая. Если заметишь троллей или если я не вернусь до третьего вечера, уходи отсюда, беги в мир людей и солнечного света!

— Я вынесу ожидание, — сказала она бесцветным голосом, — но покинуть это место, не зная жив ты или... — от волнения у нее перехватило горло, — умер, выше моих сил.

Скафлок спрыгнул с коня, и снег заскрипел у него под ногами. Он быстро разделся донага, дрожа от холода, обернул поясницу шкурой выдры, накинул на плечи шкуру орла и словно плащом накрылся шкурой волка.

Фреда тоже слезла с коня, и они горячо поцеловались.

— Прощай, дорогая, — сказал Скафлок. — Жди, я вернусь с мечом.

Он повернулся, не смея задержаться долее рядом с плачущей девушкой, и плотнее завернулся в волчью шкуру. Потом встал на четвереньки и произнес волшебные слова. Тело его дрогнуло и обрело иной облик, а мысли перепутались. Фреда видела, как он менялся — быстро, словно тая, и вот уже рядом стоит большой серый волк, сверкающий во мраке зелеными глазами.

Холодный нос на мгновение коснулся ее руки, Фреда взъерошила густую шерсть, и волк исчез.

Он мчался по снегу, лавируя между деревьями и кустами, как никогда не смог бы бежать в человеческом облике. Как волк он чувствовал себя очень странно. Взаимодействие костей, мускулов и сухожилий было иным, чем прежде. Ветер ласкал его шерсть, предметы он видел нерезко, все стало плоским и бесцветным, но зато слышал легчайший шелест, каждый вздох и шепот. Оказалось, что ночная тишина полна звуков — многие из них были слишком высоки, чтобы их смогли услышать люди. Воздух казался живым, следы щекотали нос Скафлока, он различал бесчисленные слабые запахи. Кроме того, были чувства, для которых нет слов в языке людей.

Ему казалось, что он попал в иной мир, и мир этот во всем отличен от того, который он знал. Изменилось не только его тело, но также разум и нервы. Его мысли кружили по волчьим тропам, узким и совсем не похожим на человеческие. В зверином облике он не мог думать о многом, а снова став человеком, не мог вспомнить всего, что чувствовал и думал, будучи волком.

Вперед и вперед! Ночь и мили уносились под его лапами, лес бурлил тайной жизнью. Он учуял запах зайца — перепуганного, скорчившегося поблизости, смотрящего на него широко открытыми глазами — и слюна заполнила пасть, но душа человека гнала его дальше и дальше. Заухала сова. Деревья, холмы, скованные льдом реки превратились в убегающую назад разноцветную полосу, месяц плыл по небу, а он все бежал.

Наконец на фоне посеребренных облаков показался силуэт Альвгейта, и холодные звезды, примерзшие к его башням. Альвгейт, Альвгейт, прекрасный и утраченный, ныне — обитель смертельных врагов!

Улегшись на снег, Скафлок пополз в сторону замка. Напрягая все волчьи чувства, он изучал местность — нет ли поблизости врага?

Змеиный запах троллей... Опустив хвост, он оскалил зубы. Замок смердел троллями и, что хуже всего, страхом, болью и затаенным гневом.

Слабым волчьим зрением он не мог разглядеть верха стены, под которой затаился, но отлично слышал шаги стражников, чувствовал их запах и дрожал всем телом от горячего желания перегрызть им глотки. «Спокойно, только спокойно», — мысленно приказал он себе. Стражники прошли мимо, и можно было снова сменить облик.

Поскольку он уже был животным, достаточно было пожелать измениться. Вновь Скафлок почувствовал, как тело его съеживается, а в голове все путается. Секунда — и он уже летел к небу на орлиных крыльях.

Теперь он видел очень хорошо, зрение стало нечеловечески острым, а наслаждение полетом, бесконечная красота неба и ветра пульсировали в его жилах. Но суровые разум и воля орла приглушили это чувство. У него не было глаз совы, и в воздухе он становился отличной мишенью для стрел троллей.

Пролетев над стеной и двором, он замедлил полет, и ветер засвистел в его перьях. Скафлок опустился возле замка, в тени башни, и снова сменил облик. Потом выждал некоторое время уже в шкуре выдры.

В этом виде у него не было такого нюха как у волка, зато видел он гораздо лучше и слышал не хуже. Каждый волосок на его теле вибрировал от ощущений, описать которые на человеческом языке невозможно. А быстрота, проворство и прекрасный сверкающий мех радовали тщеславную и игривую выдру.

Притаившись, он лежал, напрягая все чувства. Со стен донеслись удивленные крики — видимо, кто-то заметил орла, — и Скафлок решил не мешкать.

Он осторожно побежал вдоль стены, держась в тени. Выдра была слишком велика, чтобы он чувствовал себя в безопасности. Его шансы повысились бы, превратись он в ласку или крысу, но он не мог этого сделать. Хорошо, что Фреда привезла хоть эти три заколдованные шкурки. Он почувствовал нежность к девушке, но отогнал эти мысли прочь — сейчас для них не было времени.

Заметив открытую дверь, он скользнул внутрь. Дверь привела его в тыльную часть замка, но Скафлок знал каждый уголок и щель в лабиринте коридоров. Он пошевелил усами. Хотя место это воняло троллями, он чувствовал в воздухе тяжелый запах сна. Несколько врагов кружили поблизости, но он не сомневался, что без труда ускользнет от них.

Скафлок миновал трапезную. Тролли валялись на полу, храпя в пьяном сне. Гобелены были разодраны, мебель изрублена, а украшения из золота, серебра и драгоценных камней, собиравшиеся столетиями, разворованы. «Лучше бы нас победили гоблины, — подумал Скафлок. — Им хоть знакомы хорошие манеры. А эти грязные свиньи...»

Он поднимался по лестницам, направляясь в комнаты Имрика. Кто бы ни был сейчас ярлом, он наверняка спал там... рядом с Леей.

Выдра прижалась к стене, ощерив острые, как иголки, зубы. Ее желтые глаза сверкнули. Она почуяла тролля за поворотом — ярл поставил там стражника...

Серой молнией бросился волк на тролля. Сонный воин не знал, кто на него напал, пока волчьи клыки не сомкнулись на его горле. Он рухнул на пол, царапая своими когтями зверя, лежавшего у него на груди, и умер.

Скафлок съежился, кровь капала с его пасти. Вкус у нее был кислый. Ну и шум он устроил... хотя нет, тревоги не объявили... никто ничего не слышал... замок слишком велик. Придется рисковать, что тролли найдут тело прежде, чем он покинет замок. Да, его почти наверняка кто-нибудь найдет, поэтому...

Быстро, уже в человеческом облике, Скафлок изрубил шею тролля его собственным мечом, чтобы нельзя было понять, что убили его зубы, а не клинок. Может, тролли решат, что он пал в пьяной драке. «Лучше бы им так и решить», — угрюмо подумал юноша, вытирая губы и выплевывая зеленую кровь.

Вновь превратившись в выдру, он побежал дальше. Дверь на вершине лестницы, ведущая в комнаты Имрика, была закрыта, но он знал тайные шипение и свист, которые ее открывали. Проделав это, он приоткрыл дверь носом и вошел внутрь.

На ложе Имрика спали двое. Если новый ярл проснется, Скафлоку придет конец. Юноша пополз к ложу, каждое движение казалось ему очень шумным.

Добравшись, он встал на задние лапы и увидел на подушке божественно прекрасное лицо Леи в облаке серебристых волос, а рядом — голову светловолосого мужчины, лицо которого не утратило сурового выражения даже во сне. Это лицо было копией его собственного.

Так... значит Вальгард-преступник стал теперь ярлом. Скафлок с трудом удержался, чтобы не вцепиться волчьими клыками ему в горло, не выклевать орлиным клювом глаз и не погрузить морду выдры в растерзанные внутренности.

Но то были звериные желания. Поддавшись им, он наверняка поднял бы шум и навсегда потерял меч.

Он коснулся носом щеки Леи. Альвиня открыла глаза и узнала его.

Она медленно села. Вальгард вздрогнул и застонал во сне. Лея замерла. Берсеркер что-то пробормотал. Скафлок уловил обрывки фраз: «...подменыш... топор... О, мать, мать!»

Альвиня опустила ногу на пол, и, опираясь на нее, выскользнула из постели. Ее белое тело просвечивало сквозь завесу волос. Как тень вышла она из спальни, миновала вторую комнату и остановилась в третьей. Скафлок выбежал следом, и Лея тихо закрыла за ним все двери.

— Теперь можно поговорить, — прошептала она.

Юноша предстал перед ней человеком, и альвиня прижалась к нему, полусмеясь, полуплача. Она целовала его так долго, что, забыв о Фреде, он увидел, насколько прекрасна женщина, которую он держит в объятиях.

Лея заметила это и потянула его к ложу.

— Скафлок, — прошептала она. — Любимый...

Юноша опомнился.

— У меня нет времени, — жестко сказал он. — Я пришел за сломанным мечом, который мне подарили Асы.

— Ты устал. — Руки альвини гладили его лицо. — Ты мерз, голодал, тебе грозила смерть. Устрой себе передышку и отдохни. У меня есть тайная комната...

— У меня нет времени, — оборвал он ее. — Фреда ждет в самом сердце владений троллей. Проводи меня к мечу.

— Фреда? — Лея побледнела еще сильнее. — Значит, эта смертная девушка по-прежнему с тобой?

— Да, и она отважно воевала за Эльфхейм.

— Я тоже неплохо постаралась, — сказала Лея со странной смесью прежней иронии и сожаления в голосе. — Вальгард уже убил ради меня старого Грума, ярла троллей. Он силен, но я переделываю его по-своему. — Она наклонилась к нему. — Он лучше тролля, это почти ты... и все же не ты, Скафлок, а мне уже надоела эта роль.

— Торопись! — Он встряхнул ее. — Если меня схватят, это будет конец Эльфхейма. Каждая минута на счету.

Альвиня постояла молча, потом повернулась и выглянула через большое застекленное окно в мир, где облака поглотили месяц, а замерзшая земля ждала в тишине рассвета.

— Действительно, — сказала она. — Ты прав. Естественно, ты хочешь как можно скорее вернуться к своей любимой Фреде.

Она отвернулась от него и беззвучно засмеялась.

— Хочешь знать, кто был твоим отцом, Скафлок? Сказать, кто ты на самом деле?

Юноша закрыл ей рот рукой, чувствуя, как прежний страх хватает его за горло.

— Молчи! Ты слышала, что сказал Тюр?

— Закрой мне рот поцелуем, — ответила она.

— Я не могу ждать... — начал он, но потом повиновался. — Ну, теперь пойдем?

— Холоден был этот поцелуй, — пробормотала она. — Холоден, как повинность. Что ж, пошли. Но ты обнажен и без оружия. Оборотнем ты не сможешь забрать отсюда железный меч, поэтому оденься. — Она открыла сундук. — Вот рубаха, штаны, сапоги, плащ и все, что пожелаешь.

Скафлок торопливо оделся. Богато расшитые одежды наверняка принадлежали когда-то Имрику, а потом были перешиты для Вальгарда, потому что подошли ему идеально. На пояс он повесил топор. Лея накинула на себя огненно-красный плащ и повела его к другой лестнице.

Они спускались все ниже. На лестнице было холодно и царила глубокая тишина, но напряжение казалось невыносимым. Один раз они наткнулись на какого-то тролля, стоявшего на страже, и Скафлок уже потянулся за топором, но стражник только склонил голову, приняв его за подменыша. Ведя жизнь изгнанника, Скафлок отпустил бороду и стриг ее так же коротко, как и Вальгард.

Они достигли подземелий, где сырой мрак лишь изредка

разгонялся светом факела. Шаги Скафлока будили громкое эхо в коридорах, а темнота казалась осязаемой. Лея шла легко, не говоря при этом ни слова.

Наконец они дошли до места, где на каменной стене виднелись более светлые следы цемента, по которому Имрик когда-то начертал руничесние знаки. Рядом виднелась запертая дверь. Лея указала на нее.

— В этой камере Имрик держал мать подменыша, — сказала она. — Теперь он сам в ней, подвешенный за пальцы над негасимым огнем. Напившись, Вальгард развлекается, хлещет его бичом.

Скафлок так сильно сжал пальцы на рукояти меча, что они побелели. Но в глубине души он задавал себе вопрос: разве судьба Имрика хуже того, что он уготовил троллице, и кто знает, скольким другим? Разве Фреда — или Белый Христос, о котором она немного рассказала ему, — не правы, говоря, что зло рождает еще большее зло и тем самым приближает Рангарек?

Не пришло ли время гордости и мести уступить место любви и прощению, являющимися не достойными презрения слабостями, а величайшей победой, доступной человеку?

И все же Имрик воспитал его, а Эльфхейм был его родиной...

Почему он не мог узнать тайну своего рождения? Скафлок ударил топориком по стене.

Вдали послышались крики и топот ног.

— Тревога, — прошептала Лея.

— Думаю, нашли стражника, которого мне пришлось убить, — Скафлок ударил сильнее, цемент медленно отваливался от камня.

— Они видели, как ты входил в замок? — спросила альвиня.

— Меня могли заметить в виде орла. — Топорище переломилось. Скафлок выругался и продолжал бить обухом.

— Если Вальгард узнает об орле, он может догадаться, что это не простое убийство. А если он прикажет солдатам обыскать замок и нас найдут... Торопись!

Шум наверху усиливался, но здесь, внизу, он казался тише скрежета металла о камень или извечного звука капающей воды.

Скафлок вложил острие топора в щель и сильно нажал. Один, другой, третий раз — и камень выпал.

Юноша сунул руку в темную нишу и достал оттуда меч.

Обе части сломанного клинка были в земле. Когда-то меч этот был обоюдоострым и таким большим и тяжелым, что только самые сильные воины могли им владеть. Хоть и долго пролежал он в тайнике, но не заржавел, остался острым, как бритва. Гарда, рукоять и набалдашник эфеса зловеще поблескивали. На них выгравировали силуэт дракона таким образом, что они образовывали его хвост, туловище и голову, а заклепки казались сокровищами, на которых он сидит. Вдоль темного клинка тянулись руны, которых Скафлок не сумел прочесть, однако почувствовал, что самые могучие из них — на рукояти.

— Оружие богов, — сказал он. — Надежда Эльфхейма.

— Надежда? — Лея отпрянула, подняв руку, словно желая что-то оттолкнуть. — Кто знает? Сейчас, когда он у нас, мне кажется...

— О чем ты?

— Разве ты не чувствуешь силы и голода, заключенных в стали и держащихся в узде только этими рунами? Меч может брать свое начало от богов, но он им не принадлежит. На нем лежит проклятье, Скафлок, он принесет гибель всем, оказавшимся рядом с ним. — Она задрожала, но не от промозглого холода подземелья. — Я думаю, Скафлок, лучше всего снова замуровать этот меч.

— А на что-то другое можем мы рассчитывать? — Он обернул обе половины меча плащом и сунул подмышку. — Идем отсюда.

Лея неохотно проводила его к лестнице.

— Это будет опасно, — сказала она. — Нас наверняка заметят. Позволь мне говорить за нас обоих.

— Нет, ведь из-за этого ты окажешься потом в опасности... разве что уйдешь со мной.

Она обрадованно повернулась.

— Значит, ты беспокоишься за меня?

— Да, конечно, как и за весь Эльфхейм.

— А... Фреда?

— О ней я беспокоюсь больше, чем обо всем остальном мире, больше, чем за богов, людей и Страну Чудес, вместе взятых. Я люблю ее.

Лея отвернулась и сказала бесцветным голосом:

— Я сумею вывернуться. Всегда можно сказать Вальгарду, что ты меня заставил или обманул.

Они вышли наверх. Там царила суматоха, стражники бегали взад-вперед.

— Стой! — заорал какой-то тролль, заметив их.

Бледное лицо Леи вспыхнуло от гнева, как лед, освещенный отблесками огня.

— Ты смеешь останавливать своего ярла? — спросила она.

— Прости, господин, — пробормотал тролль. — Но я... только что видел тебя, господин...

Они вышли во двор. Все тело Скафлока, каждый нерв и мускул дрожали от безумного напряжения. Он чувствовал, что должен бежать, в любой момент мог раздаться крик, означавший, что его обнаружили. С трудом он заставил себя идти медленно.

Снаружи было немного троллей — первые белые полосы ненавистного им рассвета уже появились на востоке. Было очень холодно.

Лея остановилась у западных ворот и знаком приказала открыть их. Потом заглянула Скафлоку в глаза.

— Дальше ты пойдешь один, — тихо сказала она. — Ты знаешь, что нужно делать?

— Более или менее, — ответил он. — Я должен найти гиганта Болверка и уговорить его снова отковать для меня этот меч.

— Болверк-Зло Приносящий — само его имя предостерегает. Я начинаю понимать, что это за меч и почему никто из низовиков не возьмется его починить. — Лея покачала головой. — Вижу, ты упрямо стискиваешь губы, Скафлок. Тебя не остановят все силы ада... только смерть или утрата желания сражаться. Но как ты поступишь со своей любимой Фредой на время этого путешествия? — альвиня язвительно улыбнулась при последних словах.

— Она пойдет вместе со мной, хотя я попытаюсь убедить ее найти безопасное убежище. — Скафлок улыбнулся с гордостью и любовью. Слабый свет придавал его волосам бледно-золотистый оттенок. — Нас ничто не разлучит.

— А кто укажет тебе дорогу к гиганту?

Скафлок нахмурился.

— Это плохой поступок, — сказал он, — но я могу вызвать мертвого. Мертвым известно много, а Имрик научил меня заклинаниям, которые заставляют их говорить.

— Это отчаянный поступок, ибо мертвые ненавидят тех, кто будит их от вечного сна, и жестоко мстят за это. Ты устоишь против духа?

— Придется попробовать. Думаю, мои чары окажутся слишком сильными, чтобы он смог на меня напасть.

— Может не на тебя, а... — Лея умолкла, потом хитро продолжала: — Что, если его месть обрушится на тебя с помощью, скажем, Фреды?

Видя, что кровь отлила от лица юноши, она сама побледнела еще сильнее.

— Эта девушка так важна для тебя?

— Да. И даже еще больше, — хрипло ответил он. — Ты права, Лея. Я не могу пойти на такой риск. Лучше пусть падет Эльфхейм, чем... чем...

— Нет, подожди! Я хотела предложить тебе план, но сначала должна кое о чем спросить.

— Торопись, Лея, торопись!

— Один вопрос. Если Фреда тебя бросит — нет, не прерывай меня, чтобы сказать, что этого никогда не будет — если она все-таки это сделает, как ты поступишь?

— Не знаю. Не хочу даже думать об этом.

— Может, выиграешь войну и вернешься сюда? Снова станешь альвом?

— Возможно. Не знаю. Скорее, Лея!

Альвиня таинственно улыбнулась, томно глядя на Скафлока.

— Я хотела только сказать, — начала она, — что вместо воскрешения любого мертвеца, ты можешь вызвать тех, кто с радостью тебе поможет и за кого ты сможешь отомстить. Разве Вальгард не перебил всю семью Фреды? Воскреси их, Скафлок!

Мгновенье юноша стоял неподвижно, потом положил на землю обернутый плащом меч, обнял альвиню и крепко поцеловал. Снова подняв свою ношу, он выбежал в ворота и помчался к лесу.

Лея смотрела вслед, прижав пальцы к губам. Она еще чувствовала губы Скафлока. Если она права в том, чем был этот меч, произойдет то же, что уже было когда-то.

Вальгард узнал, что в замке видели его двойника. Ошеломленная, дрожащая от страха любовница сказала, что ее околдовали во время сна и она ничего не помнит. Но на снегу остались следы, а собаки троллей могли идти и по худшему следу.

На закате солнца ярл со своими солдатами отправился верхом в погоню.

Фреда стояла в зарослях, глядя сквозь освещенный призрачным светом луны лес в сторону Альвгейта.

Она ждала уже вторую ночь, и ей было очень холодно, так холодно, что она перестала ощущать мороз, превратившийся в часть ее самой. До сих пор она пряталась в кожаной палатке между лошадьми, но то были холодные эльфийские животные, а не теплокровные и сладко пахнущие человече-

ские скакуны. Удивительно, но мысль о конях Орма заставила девушку почувствовать себя очень одинокой. Ей показалось, что она — последнее живое существо в мире из лунного света и снега.

Но даже плакать она не смела. Скафлок, Скафлок, жив ли ты еще?

Поднялся ветер и погнал по небу темные тучи, отчего казалось, что месяц бежит от больших черных драконов, ненадолго проглатывающих его и выплевывающих снова. Ветер свистел и выл, хлестал девушку и кусал ее морозными клыками. «У-у-у, — пел он, наметая перед собой глубокий сугроб, белый в лунном свете, — мы поймаем тебя!»

«У-у!» — откликнулись рога троллей, и Фреда замерла. Страх пронзил ее сердце, как лезвие кинжала. Они охотились, а на кого, кроме...

Вскоре она услышала лай их псов, огромных черных тварей с горящими глазами, все ближе и ближе. О, Скафлок! Фреда побежала, почти не слыша собственных рыданий. Скафлок!

Над ней сомкнулась завеса мрака, девушка наткнулась на дерево и заколотила по нему кулаками:

— Уходи с дороги, проклятое, уходи, я нужна Скафлоку... О!

В лунном свете перед ней предстал незнакомый воин. Он был высок и стар, с длинными седыми, как волчья шерсть, волосами и бородой. Его плащ развевался по ветру, словно птичьи крылья, но копьем, которое он держал в руке, не смог бы владеть ни один смертный. Хотя шляпа с широкими полями бросала тень на его лицо, девушка заметила сияние единственного глаза.

Фреда отпрянула, тяжело дыша, и хотела призвать на помощь Господа, но ее остановил голос незнакомца, глубокий, неторопливый, похожий на вой ветра и вместе с тем невозмутимый, как ледник:

— Я пришел с помощью, не желая причинить вред. Ты хотела бы вернуть своего мужа?

Ошеломленная девушка опустилась на колени. На мгновенье в мерцающем лунном сиянии, сквозь завесу падающего снега, она увидела холм на расстоянии многих миль отсюда, на котором стоял Скафлок. Он был без оружия, утомлен и едва стоял на ногах. Псы были совсем рядом, их лай заполнял все вокруг.

Видение угасло. Фреда взглянула на возвышающуюся над ней темную фигуру.

— Ты Один, — прошептала она, — и мне нельзя говорить с тобой.

— Но я могу спасти твоего возлюбленного, — и только я в состоянии это сделать, потому что он язычник. — Бог пронзал ее, как копьем, взглядом своего единственного глаза. — Ты заплатишь цену, которую я потребую?

— Что тебе нужно? — простонала она.

— Торопись, сейчас собаки разорвут его!

— Я заплачу, заплачу...

Один кивнул.

— Тогда поклянись своей душой и всем, что для тебя свято, что, когда я приду, ты отдашь мне то, что находится под твоим поясом.

— Клянусь! — воскликнула она. Слезы заполнили ее глаза, и она расплакалась, как узник, внезапно получивший свободу. Один не так безжалостен, как о нем говорили, потому что потребовал такую мелочь, как лекарство, которое дал ей Скафлок. — Клянусь, господин, и пусть земля и Небо отрекутся от меня, если я не выполню клятвы.

— Это хорошо, — сказал бог. — Теперь тролли пойдут по ложному пути, а Скафлок перенесется сюда. Помни о своей клятве, женщина!

Туча заслонила месяц, снова стало темно. Когда она проплыла дальше, Одноглазый Странник исчез.

Фреда почти не заметила этого. Девушка жалась к Скафлоку, а тот, хотя и ошеломленный внезапным спасением от собак троллей и перенесением в безопасное место к своей любимой, был не настолько удивлен, чтобы не отвечать на ее поцелуи.

XX

Они провели в своей пещере всего два дня, пока Скафлок готовился к походу.

Фреда не плакала, хотя ее душили слезы.

— Ты думаешь, что уже рассвело, — сказала она на второй день, — а я говорю тебе, что ночь еще длится.

Он удивленно посмотрел на нее.

— Что ты имеешь ввиду?

— Этот меч переполнен бесчестьем, и то, что мы хотим совершить — плохо. Ничего хорошего из этого не выйдет.

Скафлок положил руки ей на плечи.

— Я понимаю, тебе не нравится, что я заставлю твоих

родных проделать этот беспокойный путь, — сказал он. — Мне тоже. Но кто из мертвых поможет нам, не причинив потом вреда? Останься здесь, Фреда, если не можешь этого вынести.

— Нет... нет, я буду с тобой даже перед открытой могилой. Я вовсе не боюсь своих родных. Живые или мертвые, мы всегда любили друг друга, а теперь любовь эта стала еще и твоей. — Фреда опустила голову и закусила губы, чтобы они не дрожали. — Если бы это придумал кто-то из нас, у меня не возникло бы дурных предчувствий. Но Лея, давая тебе этот совет, не желала нам добра.

— А зачем ей желать нам зла?

Фреда покачала головой и не ответила. Скафлок медленно произнес:

— Признаться, мне совсем не нравится твоя встреча с Одином. Такая малая цена не в его обычае, хотя я не могу понять, чего он хочет на самом деле.

— А этот меч... Скафлок, если этот сломанный меч снова станет целым, страшная сила ворвется в мир. Она причинит много зла.

— Троллям. — Юноша выпрямился, касаясь головой почерневшего от дыма свода пещеры, глаза его сверкали во мраке, как голубые молнии. — Нет иного пути, чем тот, на который мы вступили, хотя он труден и опасен. А кроме того, ни одному человеку не избегнуть своего предназначения. Лучше всего смело встретить свою судьбу, лицом к лицу.

— А я с тобой. — Фреда склонила голову на грудь Скафлока, и слезы полились из ее глаз. — Об одном только прошу тебя, мой дорогой...

— О чем же?

— Не езди сегодня вечером, подожди еще один день, только один, а потом поедем. — Она впилась пальцами в ее плечи. — Не больше, Скафлок...

Юноша неохотно кивнул.

— Но почему?

Она не захотела ответить, и позже, когда они занялись любовью, Скафлок забыл о своем вопросе. Но Фреда помнила. Даже прижимая его к себе и слыша биение его сердца на своем, она помнила и целовала его с еще большим жаром.

Она чувствовала, что это их последняя ночь.

Солнце взошло как бы нехотя, бледно светило в полдень и опустилось за тяжелые грозовые тучи, которые ветер гнал из-за моря. Белогривые волны с грохотом разбивались о прибрежные скалы. Как только стемнело, на небе послышался

топот копыт скакунов, более быстрых, чем ветер, лай и скулеж собак. Скафлок содрогнулся — это Дикие Охотники отправились за добычей.

Они с Фредой оседлали эльфийских коней, ведя за собой вторую пару, навьюченную имуществом, поскольку не собирались уже возвращаться в пещеру. Скафлок привязал к спине завернутый в волчью шкуру сломанный меч, а на бок повесил альвийский клинок. В левой руке он держал копье, а под мехами они с Фредой носили шлемы и кольчуги.

Когда они уезжали, девушка повернулась и взглянула на вход в пещеру. Она была холодна и пуста, но они провели в ней много счастливых дней и ночей. Оторвав наконец от нее взгляд, она смотрела уже только вперед.

— Едем! — крикнул Скафлок, и они помчались галопом.

Ветер выл и кусал их, дождь со снегом и водяная пыль создавали дрожащие занавеси, белые в капризном сиянии луны. Море с ревом разбивалось на скалистых островках и прибрежных клифах. Когда волны отступали, грохот камней напоминал стоны и крик вмерзшего в лед чудовища. Ветер ревел, сек дождем и снегом, море гудело, и шум этот доносился до облаков. Месяц бежал по небу так же быстро, как метель и альвийские кони, мчавшиеся по берегу.

Теперь быстрее, быстрее, о, лучшие из скакунов, неситесь как ветер на юг, разбивайте копытами лед, высекайте искры из камней! Скачите, пока вьюга свищет вам в уши, сквозь белую в лунном свете завесу снега и дождя, сквозь мрак и враждебные чары. Быстрее, быстрее на юг, на встречу с мертвыми!

Миновав пристань Альвгейта, они услышали рев рога. Даже обладая колдовским зрением, они не заметили замка, но услышали позади топот копыт, который, впрочем, скоро утих: тролли не могли ехать так же быстро, да и никогда не поехали бы туда, куда направлялись беглецы.

Быстро, быстро, сквозь лес, где ветер стонет меж обледеневших сучьев, кружит среди деревьев, хватающих голыми ветвями; через темную вершину холма, мимо замерзшего болота, на низины, через белые пространства — неситесь все дальше!

Фреда узнала местность. Хотя ветер по-прежнему сек снегом и дождем, тучи разошлись, и серп луны освещал заснеженные поля и выгоны. Когда-то она была здесь. Она вспомнила реку и усадьбу с темными окнами. Здесь она охотилась с Кетилом, там летним днем ловила рыбу с Асмундом,

на том лугу Асгерд плела для нее венки из маргариток... Как давно все это было!

Слезы замерзли на ее щеках, она почувствовала, как Скафлок коснулся ее плеча, и улыбнулась ему. Возвращение в родные края было болезненно для нее, но рядом с любимым она не боялась ничего. Вместе они справятся с чем угодно.

Они натянули поводья.

Молча сидя на тяжело дышащих, дрожавших от усталости конях, они медленно подъехали к месту, где некогда стояла усадьба Орма. Теперь из выбеленных луной глубоких сугробов торчали лишь обугленные балки. Над заливом поднимался курган, над которым покачивались и уходили высоко вверх голубовато-белые огни — холодные и угрюмые.

Фреда задрожала и перекрестилась. Так после захода солнца горели костры древних языческих героев. Возможно, ее безбожное намерение зажгло этот огонь, потому что Орм лежал в неосвященной земле. Но, независимо от того, как далеко зашел он в страну смерти, он по-прежнему оставался ее отцом.

Она не могла бояться человека, который держал ее на коленях и пел для нее песни, от которых тряслись стены дома... и все-таки сейчас дрожала всем телом.

Скафлок слез с коня, одежда его была мокрой от пота. Никогда прежде не пользовался он чарами, которые хотел вывободить этой ночью.

Подойдя к кургану, он остановился как вкопанный: на его вершине, словно высеченная из камня, сидела неподвижная фигура, черная в лунном свете и сиянии жутких огней. Если придется сразиться с призраком...

— Мама... — тихо, как маленькая девочка, прошептала Фреда. Скафлок взял ее за руку, и они вместе поднялись на курган.

Женщина, сидевшая там, не обращая внимания на призрачные огни, могла бы быть Фредой, подумалось ошеломленному Скафлоку. У нее были те же черты лица, такие же широко расставленные глаза и каштановые волосы. Но нет, нет... она была старше и исхудала от лишений, а щеки ее запали. Пустыми глазами вглядывалась она в море, и ветер развевал ее нечесаные волосы. На лохмотья, прикрывавшие ее исхудавшее тело, был накинут меховой плащ.

Когда Скафлок и Фреда подошли ближе, женщина повернула к ним голову.

— Здравствуй, Вальгард, — сухо произнесла она. — Вот

и я. Ты уже не можешь сделать мне ничего плохого, можешь только убить, чего я и сама желаю.

— Мама... — Фреда опустилась на колени перед сидящей женщиной.

Альврида взглянула на нее.

— Не понимаю, — сказала она. — Мне кажется, что это моя маленькая Фреда... но ты же умерла. Вальгард забрал тебя из дома, и ты не могла прожить долго. — Она покачала головой, улыбнулась и протянула руки. — Как хорошо, что ты покинула свою спокойную могилу и пришла ко мне. Я была так одинока. Иди, моя мертвая доченька, положи голову мне на грудь, а я спою тебе колыбельную, как в детстве, когда ты была ребенком.

— Я жива, мама, жива... и ты жива... — Фреду душили слезы, и она откашлялась. — Взгляни, потрогай, я теплая, живая. А это не Вальгард, а Скафлок, который спас меня от него. Это Скафлок, мой супруг, твой новый сын...

Эльфрида встала и тяжело оперлась на руку дочери.

— Я ждала, — сказала она, — ждала здесь, а они думали, что я безумна. Они приносят мне поесть и другие нужные вещи, но долго не сидят, боясь безумной, которая не хочет покинуть своих мертвых. — Она тихонько засмеялась. — Почему? Что в этом безумного? Безумцы те, кто покидает своих близких.

Она взглянула в лицо юноши.

— Ты похож на Вальгарда, — продолжала Эльфрида так же спокойно. — У тебя фигура Орма, а лицом ты похож и на него, и на меня. Но твои глаза мягче глаз Вальгарда. — Она вновь засмеялась. — Пусть скажут теперь, что я безумна! Я просто ждала, и вот двое моих детей вернулись ко мне из ночи и смерти.

— Мы можем вернуться домой еще до рассвета, — сказал Скафлок. Вместе с Фредой он помог Эльфриде спуститься с кургана.

— Мама жива, — прошептала девушка. — Я думала, она тоже погибла, но она уцелела и сидела здесь, брошенная всеми. Что я наделала!

Она плакала, а Эльфрида утешала ее.

Скафлок не стал ждать их. Он вбил вокруг кургана четыре рунные палочки, надел на большой палец левой руки бронзовый перстень с кремнем, встал с западной стороны могилы и поднял руки к небу. С востока кипело море, и месяц по-прежнему несся сквозь рваные тучи. Ветер гнал снег с дождем.

Скафлок произнес заклинание, скрутившее ему тело и об-

жегшее горло. Потрясенный силой, вошедшей в него, он воздетыми руками начертил в воздухе тайные знаки.

Сине-белое пламя взметнулось вверх, ветер застонал, как рысь, тучи поглотили месяц. Скафлок крикнул:

Проснитесь, вожди,
Павшие воины!
Скафлок зовет вас,
Будит своей песней.
Заклинаю вас,
Придите адскими тропами,
Мертвые воины, связанные рунами.
Проснитесь и отвечайте!

Курган застонал, выше и выше поднимался над ним ледяной огонь. Скафлок пел:

Могила, раскройся,
Выйдите, мертвые!
Павшие герои,
Выходите снова в мир!
Выйдите, держа
Заржавевшие мечи,
Лопнувшие щиты
И окровавленные копья.

И курган раскрылся. В нем стояли Орм и его сыновья, окруженные призрачными языками огня. Датский вождь воскликнул:

Кто смеет разбивать
Курган и заставляет
Воскреснуть нас
Всей силою заклятья?
Беги от гнева
Мертвых, о, смельчак!
Оставь нас спать
Спокойно в темноте.

Орм стоял, опершись на копье, одежда его была в земле, бескровное лицо покрывал иней, а глаза ярко горели даже среди пламени, плясавшего вокруг него. Справа от отца стоял Кетил, окостеневший и бледный, а рана на его голове чернела на фоне волос. Слева стоял Асмунд — неподвижный, накрытый тенью, закрывающий скрещенными на груди руками смертельную рану. За его спиной Скафлок смутно разглядел погребальный корабль и пробуждающуюся команду. Преодолев страх, он сказал:

Страх не изменит
Моих намерений.

Встаньте и отвечайте!
И пусть крысы заведутся
В ваших ребрах,
Если не ответите
На все, что я спрошу!

Приглушенный голос Орма ответил:

Глубок сон смерти,
Чародей.
Разбуженные мертвые
Разгневаны.
Духи отомстят тебе
Жестоко за то,
Что беспокоишь
Их кости в кургане.

Фреда подошла ближе.

— Отец! — окликнула она. — Отец, ты не узнал свою дочь?

Орм взглянул на нее, и гнев угас в его глазах. Он склонил голову и молча стоял среди пляшущего пламени. Заговорил Кетил:

Мы рады все
Красивой женщине.
Здравствуй, солнечная девушка,
Любимая сестра!
Могильный холод
Заморозил наши груди,
Но ты, сестра,
Греешь нас любовью.

Эльфрида медленно подошла к Орму, и они долго смотрели друг на друга в призрачном сиянии. Она взяла его за руки, холодные, как земля, в которой они лежали. Орм заговорил:

Страшен был для меня
Смертный сон.
От твоих слез, дорогая,
Рвалось мое сердце.
Змеи сочили в него
Свой яд,
Когда я слышал
Твой горький плач.
Я прошу тебя,
Любимая: веселись,
Пой и смейся.
Тогда смерть станет
Легкой дремой,
И я усну спокойно,
Увитый розами.

— У меня нет на это сил, Орм, — ответила она и коснулась его лица. — У тебя иней в волосах и земля на губах. Ты холоден, Орм.

— Я умер, разделила нас могила.

— Так пусть же больше этого не будет. Возьми меня с собой.

Орм коснулся губами ее губ. Тем временем Скафлок обратился к Кетилу:

Скажи мне, мертвый,
Расскажи мне, где
Живет гигант Болверк,
Известный оружейник.
Скажи мне также,
Воин, как
Заставить Болверка
Работать на меня.

Кетил ответил:

Ты зря пришел, колдун.
И поиски твои
Лишь приведут
К несчастьям многим.
Не спрашивай о Болверке,
Он принесет лишь зло.
А теперь оставь нас,
Покуда еще жив.

Скафлок покачал головой. Кетил оперся на меч и запел так:

Далеко, в Йотунхейме,
Вблизи Утгарда,
В глуби горы
Живет Болверк.
Корабль — туда доплыть —
Возьми у сидов.
Скажи ему, что Локи
Замыслил битву.

Он умолк, и тогда заговорил укрытый в тени Асмунд. В голосе его звучала печаль.

Сестра и брат,
Ужасную и жестокую
Судьбу нам уготовили
Безжалостные Норны.
Твои умершие родичи
Жалеют, что ты
Прочел заклятье,
Заставившее их сказать вам правду.

Фреду охватил ужас. Не в силах говорить, она подошла к Скафлоку, и они стояли рядом, вглядываясь в мудрые, печальные глаза Асмунда. Мертвец говорил

медленно, и белые языки огня танцевали вокруг его темной фигуры:

Закон живых —
Обязанность для мертвых.
Порою трудно
Быть ему послушным.
Но должен я произнести
Вам горькие слова:
Скафлок и Фреда,
Вы брат и сестра.
Привет, о, брат,
Отважный воин.
Невинна ты,
Сестра,
И все же ваша связь —
Кровосмешенье.
Теперь прощайте,
Несчастные дети!

С ужасным стоном курган закрылся. Пламя угасло, и вновь его освещали лишь бледные лучи луны.

Фреда отпрянула, попятилась, словно Скафлок вдруг стал троллем. Как слепой, подошел он к ней. Подавив рыдание, девушка повернулась и побежала прочь.

— Мама! — шептала она. — Мама!

Но в лунном сиянии курган был совершенно пуст. И никто из людей никогда больше не видел Эльфриды.

Рассвет пришел на землю. Свинцовые тучи низко висели над белой пустыней. Пошел снег.

Фреда сидела на кургане, глядя перед собой. Она не плакала. Скафлок укрыл коней в зарослях и сел рядом с девушкой. Лицо его и голос были печальны, как и рассвет.

— Я люблю тебя, Фреда.

Девушка не ответила, и Скафлок продолжал:

— Я не могу тебя не любить. Какая разница, что случайно в наших жилах течет одна и та же кровь? Это неважно. Есть человеческие народы, у которых такое супружество в порядке вещей. Фреда, идем со мной, забудь об этом проклятом законе...

— Это божий закон, — ответила она так же печально, как и он. — Я не могу нарушать его сознательно. Я и так уже тяжко согрешила.

— А я не стал бы слушать бога, который старается разделить двух настолько близких людей, как мы. Если бы он посмел приблизиться ко мне, я отправил бы его домой, воющего от боли.

— Да... ты язычник! — вскинулась она. — Воспитанник лишенных души альвов, для которых решился воскресить мертвых! — Девушка вспыхнула. — Вот и возвращайся к ним! Вернись к своей Лее!

Скафлок встал вслед за ней и попытался взять Фреду за руку, но она вырвалась. Он ссутулился.

— И нет никакой надежды для меня? — спросил он.

— Никакой. — Она начала спускаться с холма. — Я поищу соседнее имение. Может, смогу искупить то, что сделала. — Фреда вдруг повернулась к нему. — Пойдем со мной, Скафлок! Забудь о язычниках, прими крещение и примирись с Богом.

Он покачал головой.

— Только не с этим богом.

— Но я люблю тебя, Скафлок. Я очень тебя люблю и хочу, чтобы твоя душа попала на Небо.

— Если ты меня любишь, — ответил он, — останься со мной. Я не коснусь тебя, разве что как... брат. Но не покидай меня.

— Нет, — ответила она. — Прощай.

И побежала.

Скафлок бросился за ней; снег скрипел под их ногами. Обогнав Фреду, он остановился перед ней, заставив ее остановиться тоже. Она заметила, что он болезненно кривит губы, словно кто-то крутит нож у него в животе.

— Ты даже не поцелуешь меня на прощанье, Фреда? — спросил он.

— Нет. — Она говорила очень тихо и избегала его взгляда. — Я не смею.

И Фреда снова побежала.

Он смотрел, как она удаляется. Солнце высекало медные искры из ее волос — единственного темного пятна в серо-белом мире. Обежав несколько деревьев, девушка исчезла из виду, а Скафлок пошел другой дорогой, оставив за спиной пепелище имения Орма.

XXI

Через несколько дней долгая, тяжелая зима начала отступать. Однажды вечером, на закате солнца, когда Гулбан Глас Мак Грици стоял на вершине холма, южный ветер принес с собой слабое дуновение весны.

Опершись на копье, он стоял над заснеженным склоном, уходившим к морю, и смотрел вдаль. Небо на западе уже горело красным, а на востоке уже взошли звезды и таился

мрак, и там же Гулбан заметил плывущую рыбацкую лодку. Он сразу понял, что ее построили смертные руки и что она, скорее всего, куплена в Англии или украдена у какого-нибудь англичанина. Мужчина, сидевший у рулевого весла, тоже выглядел человеком из плоти и крови, но было в нем что-то странное, а одежду он носил альвийского покроя.

Когда странник выскочил из лодки и вытащил ее на берег, стражник узнал его. Правда, ирландские сидхи держались особняком от остальных народов Страны Чудес, но в прошлые годы они торговали с Эльфхеймом, и Гулбан вспомнил веселого юношу по имени Скафлок, сопровождавшего Имрика. Однако сейчас он был худым и угрюмым даже более, чем можно было ожидать, помня печальную судьбу его племени.

Скафлок поднялся на вершину холма и направился к высокому воину, темная фигура которого выделялась на фоне голубовато-зеленого, испятнанного красным неба. Подойдя, он узнал Гулбана Гласа, одного из пяти стражников Ольстера, и приветствовал его.

Сид ответил ему, склонив голову в золотом шлеме так низко, что длинные черные кудри закрыли ему лицо. В следующий миг он почувствовал зло, спящее в мешке из волчьей шкуры на спине Скафлока, и отступил на шаг.

— Мне велено ждать тебя, — сказал он.

Юноша удивленно посмотрел на стражника.

— Неужели у сидов так много ушей?

— Нет, — ответил Гулбан, — но они умеют распознавать важные знаки, а чего еще могут они касаться, как не войны между альвами и троллями? Потому мы ждали альва, несущего необычайные новости, и, полагаю, это ты и есть.

— Да! — ответил Скафлок. Глаза у него были красные, усталость прорезала глубокие морщины на лице, а небрежность в одежде была необычайна для Эльфхейма, какие бы тяжелые времена не наступили.

— Идем, — сказал Гулбан. — Луг, прозванный Длинноруким, считает это очень важным делом, потому что собрал в пещеру Круахану всех Туата Де Данаан и вождей других племен сидов. Но я вижу, что ты устал и голоден. Зайди сначала в мой дом.

— Нет, — ответил человек с откровенностью, чуждой альвам. — Дело не терпит отлагательств, а мне нужны еда и сон, чтобы держаться на ногах. Веди меня к совету сидов.

Гулбан пожал плечами и резко повернулся. Затем свистнул, и примчались два длинноногих скакуна сидов. Кони фыркали и держались поодаль от воспитанника альвов.

— Не нравится им твоя ноша, — заметил сид.

— Мне тоже, — коротко ответил Скафлок. Схватив коня за шелковистую гриву, он вскочил в седло. — Едем!

Лошади помчались почти так же быстро, как скакуны альвов, поднявшись над холмами и долинами, полями и лесами, озерами и замерзшими реками. По дороге Скафлок мельком заметил других сидов: всадника в блестящих доспехах с пугающим копьем, сгорбленного лепрехуна у входа в его землянку, худого мужчину с лицом, удивительно похожим на птичий клюв и серыми перьями вместо волос, легкую тень и тихий голос свирели, доносящийся из укромных рощ. В холодном воздухе висела дымка, блестящая над замерзшим снегом. Близилась ночь, зажглись звезды, яркие, как глаза Фреды... Нет! Скафлок усилием воли отогнал эту мысль.

Вскоре оба всадника оказались перед пещерой Круахану. Четверо стражников приветственно приложили мечи ко лбу. Затем они занялись конями, а Гулбан проводил Скафлока внутрь.

Зеленый, как море, свет заливал огромную пещеру. Со свода ее свисали сверкающие сталактиты, в украшавших стены щитах отражались горящие свечи. Хотя костра не разводили, в пещере было тепло и чувствовался слабый запах ирландского торфа. Землю устилал камыш, его тихий шелест под ногами был единственным звуком, который слышал Скафлок, подходя к столу совета.

На конце стола сидели вожди народа лупров, невысокие, сильные, небрежно одетые: Удан Мак Аудан, король лепрехунов, его наследник Бег Мак Бег, Гломхар О'Гломрах, плечистый и мускулистый, вожди Конан Мак Ригид, Герку Мак Гайрд, Метер Мак Минтан и Эсирт Мак Бег, одетые в звериные шкуры и носящие украшения из самородного золота. Среди них смертные могли чувствовать себя как дома.

Вершину стола занимали Туата Де Данаан, дети богини земли Дану, прибывшие из золотого Тир-нан-Ога на совет в пещере Круахану. Они сидели молча, прекрасные и величественные, и даже сам воздух казался напоен силой, переполнявшей их. Ибо Туата Де Данаан были некогда богами Ирландии, до того как Патрик* привел туда Белого Христа. Хотя они и вынуждены были бежать от Креста, но по-прежнему обладали огромной силой и продолжали жить в роскоши.

---

* Св. Патрик, начавший в 432 году миссионерскую деятельность в Ирландии.

На почетном месте восседал на троне Луг Длиннорукий. По правую его руку сидел молодой воин Ану Ог, а по левую — владыка морей Мананаан Мак Лир. Были там и другие вожди из племени богини Дану — Эохи Мак Элатан, Дов Берг, Кас Коррах, Колл Солнце, Мак Грейна и многие другие, все великие и прославленные. Они взяли с собой жен и детей, а также бардов и воинов, которыми командовали. Величественное, хоть и пугающее было зрелище.

Но не для Скафлока, которого не трогали величие, чудеса или опасности. Он приветствовал их с высоко поднятой головой, глядя прямо в темные глаза и суровое лицо Луга.

Луг ответил глубоким голосом, звучавшим, как дальние раскаты грома:

— Здравствуй Скафлок из Альвгейта. Выпей вина с вождями сидов.

Он сделал знак, чтобы воспитанник альвов сел на пустой стул слева от него, за Мананааном и его женой Фанд. Виночерпии принесли золотые кубки с вином Тир-нан-Ога, а барды заиграли на арфах печальную мелодию.

Вино было сладким и крепким, оно ударило Скафлоку в голову и, словно пламя, выжгло в нем усталость. Но тем яснее увидел он в своей жизни пустоту, которую уже ничто не заполнит.

Ангус Ог, светловолосый воин, спросил:

— Что творится в Эльфхейме?

— Вы и сами знаете, что ничего хорошего, — буркнул Скафлок. — Альвы бьются порознь и гибнут — так один за другим все народы Страны Чудес падут и будут поглощены Троллхеймом.

Луг твердо ответил ему:

— Дети Дану не боятся троллей. Мы одолели фоморов* и даже, когда позднее нас победили милезиане**, мы стали их богами — так что чего нам бояться? Мы бы рады прийти на помощь Эльфхейму...

— Воистину, рады! — Дов Берг ударил кулаком по столу. В зеленом полумраке пещеры его волосы вспыхнули огнем, а голос пробудил эхо. — Уже сто лет не было битвы, в которой можно было бы добыть великую славу! Почему бы нам не помочь?

---

* Фоморы — одноглазые и одноногие чудовища, первые жители Ирландии.

** Милезиане — сыновья Миля, легендарные предки современных ирландцев.

— Ты хорошо знаешь ответ, — произнес Эохи Мак Элатан, Отец Звезд. Он сидел, завернувшись в плащ из голубого сумрака, усеянный яркими световыми точками, мерцавшими также в его волосах и глубине глаз. — Это не обычная война в Стране Чудес, а извечная борьба между богами севера и их врагами из Страны Вечного Льда, и трудно решить, кого следует опасаться больше. Мы не рискнем нашей свободой, чтобы стать пешками на доске мира.

Скафлок стиснул руки на подлокотниках так сильно, что они побелели. Голос его слегка дрожал, когда он произнес:

— Я пришел не за помощью, хотя она очень нам нужна. Я хотел просить у вас корабль.

— А можно ли узнать, зачем? — спросил Колл. Лицо его сверкало, и огоньки плясали над блестящей брошью в виде солнца.

Скафлок быстро рассказал об именинном даре Асов и закончил такими словами:

— Я украл меч из Альвгейта и с помощью колдовства узнал, что смогу получить у сидов корабль, который доставит меня в Йотунхейм. И вот я здесь и прошу его. — Он склонил голову. — Да, я прибыл как нищий, но, если мы победим, альвы не поскупятся.

— Я хотел бы увидеть этот меч, — вставил Мананаан Мак Лир. Он был высокий, сильный и гибкий, его белая кожа и золотые волосы имели слегка зеленоватый оттенок. Сонные глаза владыки морей переливались зеленью, серым и голубизной, а тихий голос в любую минуту мог смениться громовым ревом. Одет он был богато, рукоять и ножны его меча украшало золото, серебро и драгоценные камни, но поверх всего он носил широкий кожаный плащ, видевший не одну непогоду.

Скафлок показал сломанный меч, и сиды, которые могли касаться железа и не боялись дневного света, склонились над ним. Впрочем, они тут же отпрянули, почувствовав, какой яд скрывает сверкающий клинок.

Луг поднял голову и сурово посмотрел на Скафлока.

— Дурная вещь, — сказал он. — В этом мече спит демон.

— А чего ты ожидал? — Человек пожал плечами. — Зато он приносит победу.

— Да, но кроме того — несет с собой гибель. Он станет причиной и твоей гибели, если ты будешь сражаться им.

— И что с того? — Скафлок поднял мешок. Когда части меча ударились одна о другую, звон металла далеко разнесся

в глухой тишине, воцарившейся после слов смертного. И было в этом звуке нечто, заставившее собравшихся вздрогнуть.

— Я прошу у вас только корабль, — продолжал Скафлок. — Прошу во имя дружбы, связывавшей альвов и сидов, во имя вашей воинской чести и во имя милосердия... как детей богини Дану. Вы дадите мне его?

Снова стало тихо. Наконец Луг сказал:

— Надо бы помочь тебе...

— Почему бы не помочь? — воскликнул Дов Берг, вынул нож и бросил его вверх. Нож, крутясь, упал ему в руку. — Почему бы не собрать армию сидов и не сразиться с варварами из Троллхейма? Какой серой и убогой станет Страна Чудес, если альвы проиграют!

— Успокойтесь! — приказал Луг. — Нужно хорошо подумать над тем, как поступить. — Он выпрямился во весь свой гигантский рост. — Ты наш гость, Скафлок Воспитанник Альвов. Ты сидел за нашим столом и пил наше вино. Сиды хорошо помнят, как их встречали в Эльфхейме. Мы не можем отказать тебе в такой малости, как корабль. К тому же, меня зовут Луг Длиннорукий, а Туата Де Данаан делают, что хотят, не спрашивая разрешения ни у Асов, ни у Йотунов.

При этих словах все закричали, выхватили мечи и ударили ими по щитам, а барды затянули боевые песни. Мананаан Мак Лир, спокойный и сдержанный среди общего шума, обратился к Скафлоку:

— Я дам тебе корабль. Хоть он не больше обычной лодки, это лучший корабль в моем флоте. Но им трудно управлять, а поскольку путешествие должно быть интересным, я сам поплыву с тобой.

Это обрадовало Скафлока. Большая команда была бы не лучше малой, а может, даже и хуже, ибо скорее привлекла бы к себе внимание, но нет спутника лучше владыки морей.

— Я мог бы поблагодарить тебя словами, — сказал он, — но сделаю это, поклявшись быть тебе братом.

— Ну-ну, не так быстро, — улыбнулся Мананаан, глядя на Скафлока с большим интересом, чем могло показаться со стороны. — Сначала мы еще отдохнем и попируем. Вижу, тебе не помешает немного веселья, а кроме того, поход в Страну Гигантов требует хорошей подготовки.

Юноша ничего не ответил, хотя в глубине души пришел в ярость. Он не желал сейчас никакого веселья, а вино напоминало ему...

Кто-то легонько тронул его за плечо. Он повернулся и оказался лицом к лицу с Фанд, супругой Мананаана.

Женщины Туата Де Данаан были прекрасны и величественны, поскольку родились богинями. Невозможно описать словами их красоту, но Фанд выделялась и среди них.

Ее шелковистые волосы, золотистые, как лучи солнца в погожий летний вечер, опускались до самых ног, платье переливалось всеми цветами радуги, полные белые руки сверкали от браслетов, украшенных дорогими камнями, но сама она затмевала красивейшие наряды.

Мудрые, подобные фиалкам глаза Фанд заглянули Скафлоку прямо в душу, голос ее звучал, как неземная музыка:

— Неужели ты хотел плыть в Йотунхейм один? — спросила она.

— Конечно, госпожа, — ответил юноша.

— Никто из людей не вернулся оттуда живым, кроме Тьялви и Логи, сопровождавших Тора. Ты или очень храбр или очень легкомыслен.

— А какая разница? Если я умру в Йотунхеме, это будет такая же смерть, как в любом другом месте.

— А если уцелеешь? — Фанд казалась скорее печальной, чем испуганной. — А если уцелеешь, ты действительно привезешь обратно этот меч и будешь сражаться им... зная, что в конце концов он обратится против тебя?

Скафлок равнодушно кивнул.

— Я вижу, ты смотришь на смерть, как на друга, — прошептала она. — Странный друг для такого юного человека, как ты.

— Это самый верный друг в мире, — ответил он. — Смерть всегда рядом с тобой.

— Мне кажется, ты теряешь разум, Скафлок Воспитанник Альвов, и это печалит меня. Со времен Кухулина*, — на мгновенье глаза ее затуманили слезы, — не было среди смертных подобного тебе. Меня беспокоит, когда я вижу, что веселый юноша становится угрюмым и замкнутым. Какой-то червь точит твое сердце, и боль заставляет искать смерти.

Скафлок ничего не ответил, лишь скрестил руки на груди и устремил взгляд куда-то вдаль.

— Но печаль тоже умирает, — продолжала Фанд. — Ты можешь перетерпеть ее. Я попробую защитить тебя своим искусством, Скафлок.

— Превосходно! — воскликнул он, не в силах больше выносить это. — Ты будешь чарами хранить мое тело, а она — молиться за мою душу!

---

* Мифический ирландский герой, сын Луга Длиннорукого, любовник Фанд.

Он резко повернулся в сторону кубков с вином. Фанд вздохнула.

— Ты поплывешь в угрюмой компании, — сказала она мужу.

Владыка морей пожал плечами.

— Пусть он изводит себя черными мыслями, мне это путешествие все равно нравится.

XXII

Три дня спустя Скафлок стоял на берегу моря, глядя, как один из лепрехунов вытягивает корабль Мананаана из грота, в котором тот был укрыт. Это была небольшая стройная лодка, она казалась слишком хрупкой для морских путешествий. Ее мачта были инкрустирована слоновой костью, а парус и снасти переплетены ярким шелком. На носу стояла прекрасная золотая статуя Фанд-танцовщицы.

Она одна проводила Скафлока и Мананаана. Остальные Туата Де Данаан попрощались раньше, и никого из них не было на берегу в это холодное туманное утро. Туман, как капли росы, поблескивал на волосах Фанд, а ее глаза казались темнее и блестели ярче, чем обычно.

— Пусть тебе повезет в путешествии, — сказала она Мананаану, — и возвращайся скорее к зеленым холмам Эрина* и золотым улицам Страны Молодости. Днем я буду смотреть на море, а ночью вслушиваться в волны, ожидая вестей о возвращении Мананаана.

Скафлок стоял в стороне. Он подумал, как могла бы проводить его Фреда, и мысленно сложил такие строки:

Несчастен тот
Кто отплывает ранним утром,
Не попрощавшись со своей любимой.
Водяная пыль
Холоднее, чем
Ее поцелуи.
Тяжело у меня на сердце,
Но как я могу забыть ее?

— Отплываем, — сказал Мананаан. Вместе со Скафлоком они сели в лодку и подняли сверкающий парус. Человек взялся за рулевое весло, а морской бог запел, аккомпанируя себе на арфе:

---

* Древнее название Ирландии.

Старый, беспокойный ветер,
Зову тебя из глубин моря и неба.
Веди меня в поход,
Ответь мне свежим дуновением.
С родных холмов,
Над морскими волнами,
Дуй, ветер, дуй! Моя песня свяжет тебя.
Южный ветер, морской ветер,
Явись и подхвати мой корабль.

Пока он пел, поднялся сильный ветер, и корабль помчался по зеленым холодным волнам, брызгавшим соленой водяной пылью. Лодка Мананаана была так же быстра, как альвийские корабли, и вскоре странники не могли отличить серого берега Эрина от серых туч на краю света.

— Мне кажется, поиски Йотунхейма потребуют чего-то большего, чем просто плаванья на север, — прервал молчание Скафлок.

— Это правда, — ответил Мананаан. — Нужны будут и чары, а прежде всего — неустрашимые сердца и крепкие руки.

Он прищурился, всматриваясь вдаль. Ветер теребил волосы, окаймлявшее лицо молодого бога, величественное и вместе с тем веселое.

— Первое дыхание весны проходит через мир людей, — сказал он. — Это была самая суровая зима за много столетий, и, думаю, сталось это из-за колдовства йотунов. А мы плывем в страну вечного льда, на их родину. — Он снова взглянул на Скафлока. — Уже давно я должен был отправиться в путешествие на край света. Разве я не король Океана? Жаль, что я ждал так долго и не сделал этого, пока Туата Де Даннаан были единственными богами и находились на вершине власти. — Он покачал головой. — Даже Асы, которые по-прежнему являются богами, не избежали потерь в своих походах в Йотунхейм. Что касается нас двоих, то... не знаю. Просто не знаю.

Он помолчал и смело добавил:

— Но я поплыву туда, куда захочу! В Девяти Мирах не будет вод, которых не избороздили корабли Мананаана Мак Лира.

Занятый собственными мыслями, Скафлок не отвечал. Лодка вела себя почти как живое существо. Ветер играл в снастях, а водяная пыль радужной завесой опускалась на статую Фанд. Воздух был холодный, но ярко вспыхнувшее солнце выпило туман и рассыпало алмазную пыль по волнам, резвившимся под голубым небом, покрытым пушистыми бе-

лыми облаками. Руль дрожал в руках Скафлока. Тронутый свежестью утра, юноша тихо сказал:

Прекрасен этот день,
Говорящий голосом ветра
С морем, где играют
Тысячи волн.
Дорогая, если бы только
Ты стояла со мной на палубе,
Какой веселой стала бы жизнь.
Грустишь ли ты обо мне, Фреда?

Мананаан внимательно пригляделся к нему.

— Этот поход потребует всего, что ты можешь дать, — сказал он. — Не оставляй ничего на берегу.

Скафлок покраснел от гнева.

— Я не просил в спутники того, кто боится смерти, — буркнул он.

— Муж, которому незачем жить, не слишком опасен для врагов, — заметил владыка морей. Потом быстро взял в руки арфу и запел одну из древних боевых песен сидов. Странно прозвучала она на просторах моря, неба и ветра. На мгновенье Скафлоку показалось, что он видит призрачное войско, готовящееся к битве, солнце, сверкающее на украшенных перьями шлемах и на лесе копий, освещающее развернутые знамена, слышит голос рогов и грохот колесниц, несущихся по небу.

Они плыли непрерывно три дня и три ночи. Ветер постоянно дул с юга, и лодка Мананаана неслась по волнам, как ласточка по воздуху. По очереди стояли они на вахте, спали в спальных мешках под небольшой носовой палубой, питались сушеной треской, сыром, сухарями, превращая морскую воду в питьевую с помощью колдовства. Они мало говорили между собой, потому что Скафлок не имел желания разговаривать, а Мананаан, как бессмертный, довольствовался своими мыслями. Но по мере тяжкой работы росло их взаимное уважение и доброжелательность, так что они вместе пели колдовские песни, которые провели их через границу Йотунхейма.

Корабль плыл очень быстро, и, забираясь все дальше на север в середине зимы, они чувствовали, что с каждым часом становится все холоднее и темнее.

Солнце все ниже поднималось над горизонтом, и наконец стало далеким бледным кружком, изредка выглядывавшим из-за снеговых туч. Мороз был силен и пробирался сквозь одежду, тело и кости до глубины души. Водяная пыль замерзала на снастях, иней покрыл золотую статую Фанд. Коснуться ме-

талла означало содрать кожу с пальцев, дыхание замерзало на усах.

Все глубже проникали они в мир ночи, плывя по черным, искрящимся серебром морям, между ледяными горами, призрачно маячившими в лунном сиянии. Темное небо было усеяно бесчисленными яркими звездами, между которыми плясали полярные сияния, напоминавшие Скафлоку жуткий огонь над курганом Орма. В чудовищной ледяной пустоте слышался только свист ветра и шум моря.

Они прибыли в Йотунхейм не как в одно из королевств Страны Чудес, а просто заплыли дальше, чем посмел бы это сделать корабль смертных, на воды, становившиеся все холоднее и чернее, так что в конце концов дорогу им освещали только звезды, луна и полярные сияния. Скафлок считал, что страна эта находится не на земле, а в удивительном измерении возле края всего, где мир вновь погружается в Бездну, из которой когда-то появился. Ему казалось, что он плывет из мира живых по Морю Смерти.

Через три дни после того, как они в последний раз увидели солнце, путешественники потеряли счет времени. Каким-то образом луна и звезды вращались в обратную сторону, а среди ветра, волн и моря время перестало существовать. Чары Мананаана стали подводить их, ибо слишком удалился он от мира, где они действовали исправно. Налетал встречный ветер, с которым справились бы немногие корабли, кроме лодки владыки морей. Начиналась метель, ветер сыпал снегом и дождем. Корабль раскачивался из стороны в сторону, черпал обжигающе холодную воду и противился рулю. Огромные ледяные горы выплывали из мрака, и путешественники едва избегали катастрофы.

Однако страшнее всего был туман — неподвижная, беззвучная серая взвесь, замерзавшая, сокращавшая видимость до половины локтя, проникавшая сквозь одежду и стекавшая по коже в сапоги, так что странники непрестанно стучали зубами от холода. Лодка останавливалась, тихонько покачиваясь на невидимой ряби, и в тишине слышен был только плеск волны и стук капель с обледеневших снастей. Двигаясь наугад, ругаясь и дрожа от холода, Скафлок и Мананаан пытались улучшить погоду с помощью колдовства, но у них ничего не получалось. Они чувствовали, как неведомые Силы ползут сквозь завесу тумана и жадно заглядывают внутрь корабля.

А потом вдруг налетал шквал, чаще всего с самой неподходящей стороны, и странники забывали о своем беспокойстве. Мачта стонала, шкоты ранили руки, пенистые валы

поддавали в борт, и корабль взлетал на волне к небу, чтобы сразу потом провалиться вниз, как в ад.

Скафлок пропел:

Черные волны с ревом,
Лезут на корабль,
Взбунтовались снасти и руль,
И ветер оделся в снежный плащ.
Моряки ругаются и падают,
Жалея, что подняли якорь.
Трудно варить пиво —
Ведь морская волна так солона.

Наконец пришло время, и они увидели землю. Увидели ее в свете звезд и полярных сияний, плясавших и мерцавших над голыми скалами и зеленоватыми ледниками. Волны разбивались на отвесных скалах, за которыми земля постепенно поднималась — огромный мертвый мир гор, ледовых полей и ветра, стонущего над вечными снегами.

— Там находится Йотунхейм, — сказал Мананаан, показывая рукой и пытаясь перекричать вой ветра и грохот волн. — Утгард, вблизи которого живет гигант Болверк, должен, по-моему, лежать к востоку от этого места.

— Ну, раз ты так считаешь... — буркнул Скафлок, уже давно утративший всякую ориентацию. Впрочем, ни один альв ничего не знал об этой стране, кроме страшных слухов.

Юноша не чувствовал усталости, она осталась где-то позади. Он словно стал кораблем с намертво закрепленным рулевым веслом, который плывет вперед, потому что не может иначе, и никого не будет волновать, если он вдруг утонет.

Но стоя так и глядя на ужасающее лицо Страны Гигантов, он подумал, что Фреда, должно быть, еще несчастнее его. Ведь он мог заняться поисками Болверка и не беспокоиться о ней, тогда как она знала лишь, что он отправился в опасное путешествие, и вряд ли могла заняться чем-то, кроме дум о нем.

«Раньше это не приходило мне в голову», — подумал Скафлок и вдруг почувствовал, что слезы замерзают на его щеках.

И тогда он пропел:

Моя любимая
Забудет меня позже, чем я ее.
Блуждать я буду
В одиночестве по тропам.

Печально мое сердце,
Хотя прежде радовалось.
И больше всего печалят меня
Ее страдания.

Пропел — и снова помрачнел. Мананаан оставил юношу в покое, поняв уже, что бесполезно пытаться вывести его из такого приступа меланхолии. Лодка помчалась на восток.

Ничто не двигалось в ледяной пустыне, кроме ломаемых волнами скал, снежных демонов, резвящихся в горах, и огней полярного сияния. Но морской бог чувствовал чье-то присутствие, ведь то была родная земля тех, кто угрожал богам викингов: Аса-Локи, Хеля, Фенрира, Йормунганда и Гарма, который в конце концов должен пожрать месяц.

До тех пор, когда Скафлок стряхнул с себя оцепенение, корабль проделал большой путь. Мананаан подплывал к каждому фиорду в поисках цели их путешествия. Владыка морей беспокоился, чувствуя близость Утгарда и не желая приближаться к этому мрачному городу.

— Мне сказали, что Болверк живет в какой-то горе, — сказал Скафлок, — а это означает пещеру.

— Да, но эта проклятая страна так и кишит пещерами.

— Это должна быть большая пещера со следами кузницы вокруг нее.

Мананаан кивнул и направил корабль к следующему фиорду. Только приблизившись к скалам, Скафлок смог оценить их размеры. Они были так огромны, что у него закружилась голова, когда он попробовал разглядеть их вершины, над которыми проплывали облака. Воспитаннику альвов показалось, что скальные стены валятся на него, что сам мир разваливается на кусочки, погружаясь в глубины моря!

Похожая на муравья лодка Мананаана подползла к утесам и заглянула в фиорд. Лабиринт островков и скал, торчавших так высоко, что закрывали звезды, терялся вдали, но Скафлок уловил слабый запах дыма и горячего железа и услышал далекие удары молота. Слова были лишними. Мананаан направил лодку в фиорд. Вскоре скалы закрыли доступ ветру с моря, и путешественникам пришлось взяться за весла. Они плыли быстро, но фиорд был так велик, что казалось, будто они почти не двигаются.

Становилось все тише, словно замерзли все звуки и только полярное сияние танцевало на их могиле. Со звездного неба упало несколько снежинок. Мороз пробирал до костей, и Скафлоку казалось, будто тишина, словно хищник, готовится к прыжку, жадно разглядывая пришельцев и гневно хлеща се-

бя хвостом по бокам. Каким-то образом он чувствовал, что за ним наблюдают.

Корабль владыки морей медленно проходил многочисленные повороты фиорда, направляясь к земле. С берега доносились странные звуки, будто что-то скользило по льду; ветер причитал над вершинами скал так высоко, что, казалось, дул между звездами.

Наконец корабль достиг широкого неровного склона горы, вершину которого венчала Полярная звезда. По ней сползал в море большой ледник, поблескивающий зеленью.

— Здесь мы высадимся, — сказал Мананаан.

Что-то зашипело за грудами ледяных глыб, высящимися возле ледника.

— Думаю, сначала нужно обойти стражника, — заметил Скафлок. Воспитанник альвов и его спутник собрались в путь, надев шлемы и кольчуги, на которые накинули плащи для защиты от мороза. Каждый взял в левую руку щит и повесил на пояс меч. Но Скафлок держал в руке еще топор, а Мананаан вооружился большим копьем, жало которого превращало слабый свет страны йотунов в сноп лунного сияния.

Лодка мягко вползла на лед и камни, так что Скафлок вышел, не замочив ног. Он вытащил суденышко из воды, пока Мананаан стоял на страже, всматриваясь в глубь суши. Оттуда доносился скребущий звук, будто кто-то тащил по камням нечто тяжелое.

— Наш путь погружен во мрак и страшно воняет, — заметил владыка морей, — но, если терять время, безопаснее он не станет.

И он двинулся в проход между обломками льда и камней размером с дом. Там было так темно, что приходилось идти наощупь в свете немногих звезд, видимых между камнями. Вонь становилась все сильнее, в ней было что-то холодное, а шипение и шорох приближались.

Миновав ущелье, уходившее к леднику, Скафлок заметил там длинный белесый силуэт и крепче стиснул эфес меча.

Неведомое существо выползло прямо на них. Боевой клич Мананаана разбудил разбудил дремлющее среди скал эхо, и владыка морей нацелил копье на огромное тело.

— С дороги, белый червяк! — крикнул он.

Червяк зашипел и бросился вперед, тело его задело валуны, и они закачались. Скафлок отскочил, а когда плоская голова оказалась рядом, рубанул ее топором. Червяк повернулся к нему, открывая пасть. Юноша плохо видел чудовище в темноте, но понимал, что оно способно проглотить его целиком.

Мананаан вонзил копье в белесую шею, и Скафлок снова рубанул чудовищную морду. Горло перехватило от гнилостного смрада. Глубоко вздохнув, он осыпал гнусную тварь градом ударов; капля крови или яда упала на него, проела куртку и обожгла руку.

Выругавшись, он сильнее рубанул червя по голове, но, разъеденный ядовитой кровью, топор развалился на куски. В ту же секунду Скафлок услышал, как сломалось копье Мананаана.

Выхватив мечи из ножен, Скафлок и морской бог снова бросились в атаку. Червяк отступил, и они двинулись за ним вверх по леднику.

Мерзкая это была тварь. Ее кольца извивались на полпути к вершине, белые, как кожа прокаженного, и более толстые, чем тело лошади. Высоко вверху раскачивалась змеиная голова, истекающая сукровицей и ядом. Сломанное копье Мананаана торчало в одном глазу, другой яростно смотрел на них. Тварь быстро высовывала и прятала язык, громко шипя при этом.

Скафлок поскользнулся на льду, и белый червяк бросился на него, но Мананаан оказался быстрее. Защитив товарища щитом, он рубанул мечом — клинок располосовал шею чудовища. Вскочив на ноги, Скафлок сделал тоже самое.

Разъяренное чудище атаковало, выбросив вперед одно из своих колец, и Скафлок покатился в сторону, в сугроб. Кольцо поймало Мананаана, но прежде, чем тварь успела его раздавить, владыка морей вонзил ей меч между ребрами.

Катясь, словно лавина, белое чудище удрало в сторону моря. Странники долго сидели в свете полярного сияния, тяжело дыша и дрожа от напряжения, прежде чем двинулись дальше.

— Наши мечи изъедены, — сказал Скафлок, — нужно вернуться за новыми.

— Нет, ведь эта тварь может поджидать нас у берега, а если так, то наш вид может снова привести ее в ярость, — возразил Мананаан. — Этих нам должно хватить до тех пор, пока мы не получим рунный меч.

Они медленно шли по гладкому, таинственно поблескивающему леднику, черная гора пред ними заслоняла половину неба. Ветер донес издали звуки ударов молота.

Странники поднимались, и вскоре сердца их заколотились как безумные, а легким стало не хватать воздуха. Приходилось часто отдыхать и даже дремать на гребне ледника. Оказалось, они правильно сделали, забрав с собой пищу, потому что ледяной язык оказался крут и коварен.

Ничто не двигалось вокруг, в окружающей морской пустыне не было признаков жизни, и лишь все отчетливей слышались удары кузнечного молота.

Наконец Скафлок и Мананаан достигли ледника на полпути к вершине горы, увенчанной Полярной Звездой. Туда вела узкая тропа, неровная, усеянная валунами и едва видимая во мраке. Путники обвязались веревкой и поползли вверх.

После многих падений, когда один спасал другого, судорожно цепляясь за скалы, они выбрались на скальную площадку перед входом в пещеру. Из глубины горы доносился лязг металла.

У входа бегал на цепи большой рыжий пес, он завыл и бросился на них. Скафлок поднял меч, чтобы убить его.

— Нет, — остановил его Мананаан, — Я чувствую, что смерть этого пса принесет нам несчастье. Попробуем пройти мимо него.

Держа щиты так, чтобы они перекрывали друг друга, путники вползли внутрь, как крабы, правыми плечами прижимаясь к скале. Пес бросался на них всем телом и выщербил зубами края щитов, а от неистового лая у них разболелись уши. Наконец они прошли так далеко, что цепная тварь уже не могла достать их.

Внутри царила темнота. Взявшись за руки, они шли наощупь по туннелю, ведущему в глубь горы, стараясь избегать ям и часто налетая на сталагмиты. Воздух внутри был не так холоден, как снаружи, но зато насыщен влагой, поэтому они почти не заметили разницы. Услышав шум воды, путники подумали, что это одна из рек, протекающих через ад. Молот бил все громче.

Дважды слышали они лай, рождавший в туннеле эхо, и останавливались, готовые к битве. Один раз их атаковало что-то большое и тяжелое, отгрызавшее куски от щитов. Хотя путники ничего не видели в темноте, они ухитрились убить неизвестное чудовище, так и не узнав, как оно выглядело.

Вскоре показалось красноватое сияние, похожее на свет одной из звезд в созвездии Охотника*. Путники заторопились и вошли в большой, покрытый инеем зал посреди горы.

Его освещал большой очаг, горевший слабым огнем. В красноватом свете, напоминавшем свежую кровь, они смутно заметили некие огромные предметы, которые могли быть инструментами кузнеца. Около наковальни стоял йотун.

---

* Орион.

Он был очень высок, так что странники с трудом различали в смрадном полумраке его голову, и вместе с тем так широк, что казался почти квадратным. На нем был только фартук из шкуры дракона, волосатое тело было таким же шершавым, как ствол старого дерева, а мускулы извивались под кожей, словно клубки змей. Спутанные черные волосы и борода опускались до пояса, ноги были короткими и кривыми, причем правая казалась короче левой. Кузнец был так горбат, что касался руками земли.

Когда Скафлок и Мананаан вошли в пещеру, гигант повернул в их сторону покрытое шрамами лицо с широким носом и ртом от уха до уха. Под выдающимися вперед надбровными дугами чернели огромные ямы — глаза были вырваны.

Голос йотуна напоминал шум рек, текущих через ад:

— Хо-хо! Триста лет Болверк работал в одиночестве. Теперь нужно расклепать клинок. — Он снял с наковальни то, над чем работал, и бросил в другой конец пещеры. Оно со звоном упало на кучу железяк и разбудило долго не смолкавшее эхо.

Скафлок смело подошел ближе, заглянул в пустые глазницы гиганта и сказал:

— У меня для тебя новая работа, Болверк, хотя она тебе и хорошо знакома.

— Кто ты? — воскликнул йотун. — Я чую запах смертного, в котором много от Страны Чудес. И второго тоже чую. Это полубог, но не принадлежащий ни к Асам, ни к Ванам. — Он пошарил вокруг себя. — Не нравитесь вы мне оба. Подойдите поближе, чтобы я мог разорвать вас на куски.

— У нас к тебе дело, — заметил Мананаан.

— Какое? — спросил Болверк, наполнив пещеру эхом, смолкающим только в центре земли.

Скафлок сказал:

Разгневанный Ас-Локи
Утомленный неволей,
Жаждет хорошей битвы.
Вот оружие, которым
Он должен владеть:
Прими, Болверк,
Убийцу героев.

Он открыл мешок из волчьей шкуры и бросил к ногам гиганта сломанный меч.

Болверк ощупал клинок.

— Да... — прошептал он. — Я хорошо помню этот меч.

Ко мне пришли низовики — Дирин и Двалин — которым нужно было отковать этот клинок, чтобы одновременно и откупиться от Свафрлама, и отомстить ему. Мы заключили в него лед, смерть и ураган, могучие рунные чары и стремление творить зло. — Он ощерился в усмешке. — Многие воины владели этим мечом, ибо он приносит победу. Сам его вид наносит раны, а лезвие никогда не тупится. Его сталь наполнена ядом, и раны, полученные от него, невозможно вылечить ни лекарством, ни колдовством, ни молитвой. Но на нем лежит проклятье: каждый раз, выходя из ножен, он должен напиться крови и в конце концов приводит к гибели того, кто им владеет.

Он наклонился вперед.

— Вот потому-то, — медленно сказал гигант, — очень давно Тор сломал его, чего не мог сделать никто в Девяти Мирах. С тех пор меч лежал в земле, забытый, но сейчас, если Локи нужно оружие, как ты говоришь, он снова напьется крови.

— Я этого не говорил, — буркнул Скафлок, — но хотел бы, чтобы ты так подумал.

Болверк не услышал его. Устремив пустые глазницы вдаль и погрузившись в раздумья, он гладил сломанный клинок.

— Значит, конец близок, — прошептал он. — Наступает последний вечер мира, когда боги и гиганты, убивая друг друга, опустошат землю. Сурт* будет извергать пламя, достающее до неба, солнце почернеет, земля погрузится в море, а звезды упадут. Кончится, кончится моя неволя — слепца, запертого внутри горы, кончится в блеске пламени! Хорошо, смертный, я откую этот меч!

И он взялся за дело. Звон металла наполнил пещеру. Сыпались искры, сопели мехи. Работая, Болверк колдовал, и от этого колдовства содрогались стены. Скафлок и Мананаан укрылись в тоннеле за пещерой.

— Не нравится мне это, и хотел бы я никогда сюда не являться, — сказал морской бог. — Зло просыпается для новой жизни. Никто никогда не называл меня трусом, но я не коснусь этого меча, да и ты тоже, если достаточно умен. Он станет твоей судьбой.

— И что с того? — угрюмо спросил Скафлок.

Послышалось шипение — гигант остужал меч в яде. Отравленные испарения жгли, касаясь голой кожи. Смертоносная песня Болверка гремела в пещерах.

---

* Огненный гигант, который должен сжечь мир.

— Не отвергай жизнь из-за несчастной любви, — убеждал Мананаан. — Ты еще молод.

— Все люди смертны, — ответил Скафлок, и на том разговор закончился.

Прошло еще немного времени, и вот гигант позвал их:

— Входите, воины!

Они вошли в кровавое зарево. Болверк держал в руке меч. Клинок сверкал в полумраке, похожий на голубой язык, и казалось, что вдоль его края пляшут язычки огня. Глаза дракона на рукояти блестели как живые, и золото, похоже, горело собственным огнем.

—Возьми его! — крикнул гигант.

Скафлок подхватил меч. Клинок был тяжелым, но юноша почувствовал, что силы его возросли, что он может свободно владеть им. Колдовской меч был так чудесно уравновешен, что сразу стал частью его самого.

Он описал им полукруг и ударил по камню, который тут же развалился пополам. Крича от радости, Скафлок закрутил мечом над головой, и клинок засверкал в темноте, словно летняя молния.

— Эгей! — крикнул Скафлок и пропел:

Продолжается борьба,
Скоро, скоро враг услышит
Песню грозную мечей —
Колдовской клинок готов!
Завывая от голода,
Он рубит железо,
Поет в разбитых черепах
И пьет потоки крови.

Болверк тоже рассмеялся.

— Да, владей им с радостью, — сказал он. — Убивай врагов: богов, гигантов или смертных — это не имеет значения. Меч снова цел, и близок конец света!

Он подал человеку украшенные золотом ножны.

— Лучше спрячь его сейчас, — продолжал он, — и не вынимай, пока не захочешь убивать. — Гигант оскалил зубы. — Но этот меч старается, чтобы его вынимали в самый неподходящий момент, и в конце концов — не сомневайся! — обратится против тебя.

— Пусть он сначала повалит моих врагов, — буркнул Скафлок, — а что будет потом, меня не волнует...

— Но, может, будет волновать... потом, — вполголоса заметил Мананаан и громко добавил: — Идем, нам нельзя здесь оставаться.

И они ушли, а Болверк стоял у своей наковальни, обратив к ним пустые глазницы.

Выбравшись наружу — пес на цепи съежился, жалобно скуля, — они быстро спустились по леднику, но когда были уже совсем рядом с лодкой, услышали позади грохот и обернулись.

На фоне звезд темнели фигуры трех гигантов, они двигались в их сторону. Забираясь в лодку, Мананаан сказал:

— Думаю, Утгард-Локи каким-то образом узнал о твоей проделке и не хочет, чтобы ты исполнил планы Асов. Нелегко будет покинуть эту страну.

XXIII

Поистине, стоило бы рассказать о войне, которую Мананаан Мак Лир и Скафлок Воспитанник Альвов выдержали в Йотунхейме. Следовало бы упомянуть о борьбе с разъярившейся метелью и неподвижным туманом, с волнами, скалистыми островами, с ледяной кровью и усталостью, настолько сильной, что лишь статуя Фанд, сверкавшая в вечной ночи, придавала им сил. Этот лучший из кораблей был вполне достоин награды позолотой и песней.

Йотуны, пытаясь покончить с пришельцами, наводили множество чар, и непрошенные гости изрядно от них пострадали, но и они владели колдовской силой и отвечали с лихвой, не только защищаясь от магии гигантов, но и вызывая бури, опустошавшие страну вечной ночи, спуская каменные лавины на поселения йотунов.

Впрочем, они никогда не вступали с гигантами в открытую схватку, хотя дважды, встречая одинокого йотуна, они убивали его. Они мужественно дрались с посланными против них морскими и земными чудовищами, не раз с трудом уходили от погони, особенно когда во время непогоды блуждали по округе, и каждый день их мог бы стать темой отдельной повести.

Надо бы рассказать и о том, как напали они на большое имение, чтобы украсть лошадей. Они подожгли его и забрали добычу, из которой кони составляли лишь малую часть. Украденных животных считали в Йотунхейме самыми мелкими из пони, но в мире людей и в Стране Чудес их сочли бы крупнейшими и тяжелейшими жеребцами. Это были черные косматые скакуны с огненными глазами и сердцами демонов. Но они привязались к новым хозяевам и спокойно стояли в

лодке, которая с трудом вмещала их. Вдобавок ко всему, они не боялись ни дневного света, ни железа, ни даже меча Скафлока и никогда не уставали.

Не каждый йотун был гигантом, безобразным и ненавистным — ведь некоторые из их рода были богами в Асгарде. Одинокий поселенец мог приветливо встретить незнакомых гостей и не слишком дотошно расспрашивать, чем они занимаются. Многие женщины имели человеческие размеры, встречались и симпатичные и дружелюбно настроенные. Разговорчивому Мананаану понравилась жизнь изгнанника, но Скафлок не взглянул вторично ни на одну из йотунских женщин.

Многое можно еще рассказать: о драконе и его сокровище, об огненной горе, о бездонной пропасти и о мельнице гигантов. Нужно бы упомянуть и о том, как странники ловили рыбу в одной из рек, вытекавших из ада, и что они там поймали. Истории о бесконечной борьбе и о колдунье из Железного Леса, о песне, которую напевало полярное сияние — каждое из этих приключений достойно увековечения и само по себе стало бы отдельной сагой. Но поскольку они не относятся к основной линии нашего повествования, мы оставляем их в хрониках Страны Чудес.

Достаточно сказать, что Скафлок и Мананаан выбрались из Йотунхейма и поплыли на юг, в воды Мидгарда.

— Сколько времени нас не было? — задумался человек.

— Не знаю, — владыка морей втянул в легкие свежий ветер и посмотрел в голубое небо. — А здесь весна. Что ты собираешься делать теперь, когда получил меч и пролил им много крови?

— Постараюсь присоединиться к королю альвов, если он еще жив. — Скафлок угрюмо посмотрел на линию горизонта. — Высади меня на южном берегу Пролива, и я найду его. И пусть тролли попробуют меня остановить! Мы очистим от них континентальный Эльфхейм, высадимся в Англии и отобьем ее. А потом отправимся на их родину и раздавим это проклятое племя.

— Если сможете, — нахмурился Мананаан. — Но попробовать стоит.

— Сиды помогут нам?

— Это дело королевского совета. Мы наверняка не сделаем ничего, пока альвы не высадятся в Англии, чтобы нашу страну не разграбили, пока воины будут в других местах. Но возможно, именно тогда мы и ударим, как ради самой битвы и славы, так и для того, чтобы убрать угрозу с фланга. —

Владыка морей гордо поднял голову. — Но что бы ни случилось — помня вместе пролитую кровь, преодоленные неприятности и жизнь, которой мы друг другу обязаны — Мананаан Мак Лир и его армия будут с тобой, когда ты вступишь в Англию!

Молча обменялись они рукопожатием, и вскоре Мананаан высадил на сушу Скафлока и его йотунского скакуна, а сам поплыл в Ирландию к своей Фанд.

Скафлок ехал на черном жеребце к королю альвов. Конь исхудал, его мучил голод, но он по-прежнему мчался во весь опор. Сам воспитанник ярла альвов уже не выглядел богачом: его одежда поблекла и изорвалась, кольчуга заржавела, а наброшенный на плечи плащ протерся во многих местах. За время странствий он исхудал, и его могучие мускулы теперь резко вырисовывались под кожей, туго натянутой на кости. Покрытое морщинами лицо Скафлока бесповоротно утратило юношеский вид и напоминало лицо бога-изгнанника: в минуты слабости на нем появлялось слегка ироничное выражение, а большую часть времени гостила горделивая сдержанность. Только развевающиеся по ветру волосы остались молодыми. Так мог выглядеть Локи, едущий на равнину Вигрид в последний вечер мира.

Скафлок ехал среди холмов, окруженный возрождающейся природой. Утром прошел дождь, земля размокла, а пруды и ручьи сверкали на солнце. Насколько хватало глаз, молодая трава стелилась зеленым ковром, и деревья покрылись почками — хрупким цветом новой жизни, предвестником весны.

Было по-прежнему холодно; ветер гулял среди холмов, теребил плащ Скафлока. Но это был весенний ветер, который резвился над землею, чтобы изгнать из нее зимнюю лень. Небо было голубым, солнце пробивалось сквозь бело-серые тучи, копья света били в траву. Хотя на юго-востоке громыхало, на фоне серой массы туч сверкала радуга.

Вверху послышался гогот диких гусей — странствующие птицы возвращались на родину. Дрозд пел в танцующей на ветру роще, а две белки играли в ветвях деревьев, похожие на маленькие рыжие огоньки.

Скоро придет время теплых дней и светлых ночей, зеленых и цветущих лугов. Что-то дрогнуло в сердце Скафлока, словно в нем проснулась давно позабытая нежность.

«О, Фреда, если бы ты была со мной...»

День клонился к вечеру. Скафлок ехал на своем неутомимом коне прямо, не пытаясь скрываться. Они двигались медленнее чем мог скакать йотунский конь, так, чтобы черный

жеребец мог кормиться в пути; и все-таки земля дрожала под его копытами. Незаметно въехали они в Страну Чудес, в центральную провинцию Эльфхейма, направляясь к горной твердыне, где должен был находиться король альвов, если он еще не склонился перед троллями. Повсюду виднелись следы войны — сожженные дома, сломанное оружие, обгрызенные кости, быстро рассыпающиеся во прах, как и все, принадлежащее Стране Чудес. Время от времени Скафлок встречал свежие следы троллей и тогда облизывал губы.

Наступила ночь, удивительно теплая и светлая после страны снега и мороза, откуда он прибыл. Скафлок ехал дальше, иногда задремывая в седле, но не переставая прислушиваться. Задолго до встречи с неприятельскими всадниками Скафлок услышал их и закрепил шлем.

Их было шестеро — мощные темные фигуры, смутно видимые в свете звезд. Их заинтересовал смертный в одежде и кольчуге наполовину альвийских, наполовину сидских, на коне, родственном их собственным, но еще более крупном и неуклюжем. Преградив ему путь, они потребовали:

— Именем Иллреде, короля троллей, остановись!

Скафлок дал коню шпоры, вытащил меч и бросился на троллей. Клинок Болверка вспыхнул во тьме призрачным голубым огнем. Юноша въехал в самый центр патруля, разрубил шлем и череп одному троллю, срубил голову второму, прежде чем остальные поняли, что происходит.

Один из всадников ударил Скафлока дубиной справа, другой — топором слева. Управляя конем коленями, воспитанник Имрика закрылся щитом от первого нападающего, а заколдованный меч устремился навстречу второму, разрубил рукоять топора и вонзился в грудь тролля. Описав клинком широкий полукруг, Скафлок рассек атакующего слева воина до самого пояса. Потом дернул поводья — его огромный конь поднялся на дыбы и раздробил копытами череп пятого всадника.

Последний закричал в ужасе и попытался удрать, но Скафлок швырнул меч, как копье. Клинок пронзил тролля насквозь и вышел из груди.

Потом он вновь отправился на поиски осажденного троллями короля альвов, а перед рассветом остановился у реки, чтобы вздремнуть.

Разбудил его шелест листьев и легкое содрогание земли — два тролля подкрадывались к нему. Юноша вскочил на ноги, вытаскивая меч, не имея возможности толком подготовиться к защите. Тролли накинулись на него, но он пронзил мечом щит, руку и сердце первого и поднял окровавленный

клинок. Второй тролль не успел остановиться и сам напоролся на заколдованный меч. Скафлок выдержал его удар с помощью нечеловеческой силы, исходившей от оружия Болверка.

— Честно сказать, это было слишком легко, — сказал он, — но не сомневаюсь, что мне подвернется и кое-что поинтереснее.

Он ехал целый день и около полудня наткнулся на пещеру, в которой спали несколько троллей. Скафлок убил их и съел их припасы. Ему было безразлично, что он оставляет за собой усеянный трупами след и что любой желающий может его выследить. Пусть!

К вечеру он достиг гор, высоких и прекрасных, чьи заснеженные вершины, казалось, плыли в воздухе на фоне заходящего солнца. Где-то грохотал водопад и шумели сосны. Странно, подумалось Скафлоку, что такой покой и красоту можно найти на поле битвы. Честно говоря, ему бы следовало быть здесь с Фредой и думать об их любви, а не скакать на мрачном черном коне с заколдованным мечом.

Но чему быть, того не миновать... Где-то она сейчас?

Он ехал все вверх, копыта его коня звенели на леднике. Ночь простерла свой плащ на небе, ясная и холодная на этой высоте. Почти полная луна освещала призрачным блеском вершины гор. Скоро Скафлок услышал издалека звук альвийского горна, жуткий в этой тишине. Сердце его забилось быстрее, он пришпорил коня и пустил его в галоп, с вершины на вершину, над пропастями. Ветер свистел в ушах, а топот железных подков будил дремлющее в горах эхо.

Послышался хриплый рев троллевского рога и сразу за ним — приглушенные расстоянием крики воинов и лязг оружия. Мимо пролетела стрела. Скафлок выругался и сжался в седле. Не было времени расправляться с лучником, впереди его ждала более крупная дичь.

Перескочив через скальный гребень, он окинул взглядом залитое лунным светом поле боя. Люди увидели бы только горную вершину, над которой кружились снежные демоны, и услышали бы лишь необычную ноту в шуме ветра, но наделенный колдовским зрением Скафлок заметил куда больше. Гора предстала перед ним могучим замком, чьи покрытые снегом башни достигали звезд. Его широким кольцом окружали черные палатки большой армии троллей. Одна из палаток была больше остальных, и над ней билось темное знамя, а на самой высокой башенке замка развевался стяг короля альвов. Владыки враждующих сторон наконец встретились.

Тролли штурмовали альвийскую крепость. Что-то крича, они поднимали лестницы, пытались карабкаться по ним; их было так много, что они закрывали полностью основание крепостных стен. У них было множество военных машин: мангонеллы, стреляющие огненными шарами, перелетающими через зубцы, ползущие к стенам осадные башни, полные воинов, тараны для разбивания ворот и катапульты, мечущие огромные валуны. Крики, топот ног и копыт, лязг металла, грохот бубнов и рев рогов наполняли ночь бурей звуков, от которой лавины сходили со склонов, а ледяные поля звенели в ответ.

Альвы стояли на стенах и отбивали атаки троллей. Коротко вспыхивали мечи, тучи стрел и копий закрывали месяц, кипящее масло лилось из котлов, лестницы рушились со стен, но тролли продолжали напирать, а альвов оставалось немного. Штурм явно близился к концу.

Скафлок выхватил меч, и клинок засверкал в холодном сиянии луны.

— Хей-хо! — крикнул Воспитанник Альвов, пришпорил коня и в снеговом облаке скатился со склона.

Подъехав к ущелью, преграждавшему путь, Скафлок стиснул коленями бока коня и оказался посреди неба, окруженный со всех сторон звездами. На другую сторону он обрушился с такой силой, что лязгнули зубы, но тут же помчался вниз по склону.

Лагерь троллей был почти пуст. Скафлок натянул поводья так, что конь сделал «свечку», наклонился с седла и подхватил головню из костра. От ветра она тут же вспыхнула, и Скафлок понесся вдоль лагеря, поджигая палатки. Вскоре многие из них уже пылали, и искры от них летели к остальным. Юноша заторопился к воротам альвийского замка, готовясь к схватке.

Как обычно, он держал рукоять щита в левой руке, а меч — в правой, управляя конем коленями и словами. Прежде чем тролли, штурмующие ворота, заметили его, Скафлок уже зарубил троих, и конь его задавил столько же. Задние ряды нападающих повернулись к нему, а его меч устремился вперед; он кружился и свистел, рубил шлемы и кольчуги, тела и кости, и возвращался, залитый кровью. Этот танец смерти продолжался бесконечно, Скафлок косил троллей, словно спелую пшеницу.

Враги окружили воспитанника Имрика со всех сторон, но ни один тролль не мог коснуться железной кольчуги, и Скафлока настигали лишь очень немногие удары, но и этих он почти не чувствовал, ибо держал в руках меч Болверка!

Он замахнулся, и чья-то голова скатилась на землю. Еще один взмах — и меч распорол живот другому всаднику. Третий удар рассек шлем, голову и мозг врага. Пеший воин ткнул его копьем и оцарапал плечо. Скафлок наклонился и зарубил тролля. Однако большинство врагов полегло от ударов и укусов йотунского коня.

Лязг и скрежет металла летел к небу, кровь дымилась на снегу, трупы плавали в зеленоватых лужах. Всадник на черном коне со страшным мечом в руках возвышался над полем битвы, прорубая себе дорогу к воротам замка.

— Руби, меч, руби!

Паника охватила троллей, и они беспорядочной толпой обратились в бегство.

— Эй, Эльфхейм! — крикнул Скафлок. — Этой ночью победа с нами! Сделайте вылазку, альвы, выходите и убивайте!

Кольцо огня — пылающий лагерь троллей, окружал поле боя и, увидев это, тролли перепугались. Узнали они и йотунского скакуна, и заколдованный меч. Кто же это сражался с Троллхеймом?

Скафлок ездил взад-вперед у ворот замка. Его залитая кровью кольчуга сверкала в лунном свете и в блеске огня, а из глаз, как и от меча, разлетались голубые молнии. Он насмехался над врагами и звал на битву альвов.

Испуганный шепот прокатился по толпе альвов:

— Это сам Один прибыл, чтобы воевать на нашей стороне... Нет, у него два глаза... это, должно быть, Тор... Или Локи, порвавший цепи... скоро конец света... Это смертный, одержимый демоном... Это сама смерть...

Заиграли горны, ворота открылись и выехали альвы. Их было значительно меньше троллей, но новая надежда озаряла их осунувшиеся лица и сверкала в глазах. Во главе их, на снежно-белом коне, в короне, сияющей под лунным светом, с развевающимися волосами и бородой, в плаще цвета сумерек поверх кольчуги, ехал король альвов.

— Не ожидали мы увидеть тебя живым, Скафлок! — воскликнул он.

— Но увидели, — ответил человек без тени прежнего страха, ибо ничто уже не могло испугать того, кто разговаривал с мертвыми и плавал в Йотунхейм, кому нечего было терять.

Король альвов всмотрелся в рунный меч.

— Я знаю этот клинок, — молвил он, — и вовсе не уверен, что рад видеть его на стороне Эльфхейма. Ну что же... — Он повысил голос: — Вперед, альвы!

Его воины атаковали троллей, и закипела кровавая битва. Мечи и топоры поднимались и опускались, поднимались и вновь опускались, залитые кровью, металл скрежетал и лопался, свистели копья и стрелы, кони топтали павших или, раненые, ржали от боли, воины рубились, стонали и падали на землю.

— Ко мне, Троллхейм! — Иллреде собрал своих солдат, сформировал из них клин и сам встал во главе его, чтобы разбить альвов. Его черный жеребец громко фыркал, топор не отдыхал и не промахивался, так что в конце концов альвы начали расступаться перед ним. Бледно-зеленое в лунном свете лицо владыки троллей искажала ярость, пряди бороды свивались, а глаза горели, словно черные светильники.

Увидев его, Скафлок завыл как волк. Повернув коня, он направил его к вражескому вождю, его меч свистел и разил неприятеля, словно лесоруб молодые деревца. Он казался полосой голубого огня.

— Ха! — рявкнул Иллреде. — Расступитесь, он мой!

В образовавшемся вдруг свободном пространстве они помчались друг к другу. Но когда король троллей увидел рунный меч, он замешкался и осадил коня.

Скафлок насмешливо крикнул:

— Твой час пробил! Мрак поглотит тебя и все твое злобное племя!

— Зло, совершенное в мире, никогда не было делом рук троллей, — спокойно ответил Иллреде. — И мне кажется, ты поступил стократ хуже любого из нас, вновь принеся этот меч на землю. Этого не сделал бы ни один из троллей.

— Ни один тролль просто не посмел бы это сделать! — рассмеялся Скафлок и напал на него.

Иллреде защищался храбро. Его топор задел йотунского коня по спине, и, хотя рана была неглубока, жеребец заржал и встал на дыбы. Скафлок попытался удержаться в седле, а Иллреде вновь ударил топором.

Человек подставил щит, тот лопнул, но погасил силу удара. Скафлок пошатнулся, и Иллреде подъехал ближе, чтобы разбить ему голову. Шлем вдавился от удара, и молодой воин не потерял сознания только благодаря необычайной силе, данной ему рунным клинком.

Иллреде вновь поднял топор, а Скафлок заслонился мечом, но слабо и неуверенно. Топор и меч столкнулись, посыпались искры, и оружие владыки троллей развалилось на куски. Скафлок тряхнул головой, чтобы вернуть себе ясность мысли, рассмеялся и отсек Иллреде левую руку.

Король троллей обмяк в седле. Клинок Скафлока свистнул еще раз и отсек противнику правую руку.

— Не пристало воину играть с бессильным врагом, — простонал Иллреде. — Это дело меча, а не твое.

Следующим ударом Скафлок убил его.

Страх охватил всех троллей, и они начали беспорядочно отступать. Альвы яростно рвались вперед, гром битвы эхом отдавался в горах. За альвийскими отрядами шел их владыка, а Скафлок сеял панический ужас среди врагов, успевая везде и рубя мечом, с которого, казалось, стекало голубоватое сияние... словно кровь.

Наконец тролли не выдержали и пустились бежать. Альвы преследовали их, яростно рубя или загоняя в горящий лагерь. Лишь немногим удалось уйти.

На рассвете король альвов сидел на коне, глядя на горы трупов, громоздящиеся вокруг стен замка. Холодный ветер развевал его волосы и гриву коня. Скафлок подъехал к владыке, исхудавший, усталый, обрызганный кровью и мозгом, но по-прежнему горящий жаждой мести.

— Это была великая победа, — сказал король альвов. — Но мы были почти последней альвийской твердыней. Тролли захватили почти весь Эльфхейм.

— Ненадолго, — ответил Скафлок. — Мы выступим против них, и к нам присоединятся все альвы, ведущие сейчас жизнь изгнанников. Если не хватит оружия, его можно взять у павших троллей. Это будет тяжелая война, но мой меч приносит победу. Кроме того, — добавил он, — у меня есть новое знамя, которое мы понесем перед нашей армией. Оно должно испугать врагов. — И он поднял копье с насаженной на него головой Иллреде. Мертвые глаза, казалось, смотрели, а губы — грозно улыбались.

Король альвов скривился.

— У тебя каменное сердце, Скафлок, — сказал он. — Ты очень изменился с тех пор, как я видел тебя в последний раз. Ну что же, пусть будет так, как ты хочешь.

XXIV

На рассвете Фреда добрела до дома Торкела, отца Эрланда.

Хозяин как раз встал и вышел во двор проверить, какая стоит погода. В первый момент он не поверил своим глазам: женщина-воин, с оружием и в кольчуге из незнакомого, по-

хожего на медь металла, в одежде иноземного покроя, идущая наощупь, словно слепая... да это же просто невозможно!

Он потянулся за копьем, которое держал за дверью, но рука его опустилась, когда он внимательнее пригляделся к девушке и узнал ее: хоть и истощенная, и равнодушная ко всему, но это была Фреда, дочь Орма.

Торкел проводил ее в дом, его жена Ааса вышла им навстречу.

— Долго тебя не было, Фреда... — добро пожаловать в дом!

Девушка попыталась ответить ей, но не смогла выдавить ни слова.

— Бедная девочка, — пробормотала Ааса, — идем, я помогу тебе лечь в постель.

Аудун, старший теперь сын Торкела, вошел в дом.

— На дворе мороз больше, чем в сердце благородной девицы, — сказал он, а потом спросил: — Кто это?

— Фреда, дочь Орма, — ответил Торкел. — Ей как-то удалось вернуться.

Аудун подошел к девушке.

— Это чудесно! — весело сказал он и обнял ее, но прежде, чем успел поцеловать в щеку, почувствовал отчаяние, терзающее душу девушки. Он отошел в сторону. — Что случилось?

— «Что случилось, что случилось!» — фыркнула Ааса. — Не задавай глупых вопросов несчастной девушке. А теперь убирайтесь оба, дайте мне уложить ее.

Потом, Ааса принесла ей поесть, а затем долго шептала и гладила по волосам, как мать. Девушка расплакалась и плакала долго, но удивительно тихо. Ааса обняла ее и позволила выплакаться, а потом Фреда уснула.

Торкел предложил ей пока пожить у них. Хотя вскоре она пришла в себя, но не была уже той веселой девушкой, какой все ее помнили.

Торкел спросил ее, что произошло, а когда Фреда побледнела и опустила голову, быстро добавил:

— Можешь не говорить, если не хочешь.

— Мне незачем скрывать правду, — сказала она еле слышно. — Вальгард увез нас с Асгерд за море, собираясь отдать какому-то языческому королю, чье расположение он хотел завоевать. Как только он высадился... на него напал другой викинг. Вальгард бежал, а Асгерд погибла в схватке. Этот другой вождь забрал меня с собой, но потом, вынужденный уладить какое-то дело и не имея возможности взять меня, оставил возле дома моего отца.

— У тебя странное вооружение.

— Его дал мне этот викинг, а он получил его еще от кого-то. Я часто сражалась рядом с ним, он был хорошим человеком для язычника. — Фреда засмотрелась на огонь, пляшущий в очаге. — Да, он был лучшим, храбрейшим и самым нежным из людей. — Она скривилась. — И почему бы ему не быть таким — ведь он происходит из хорошей семьи.

Она встала и быстро вышла во двор. Торкел проводил ее взглядом, дергая бороду.

— Она не рассказала нам всей правды, — буркнул он, — но это все, что мы когда-либо услышим.

Фреда не сказала больше даже священнику, который ее исповедовал. После разговора с ним она пошла одна погулять и остановилась на вершине холма, всматриваясь в небо.

Зима шла к концу, и был ясный, не очень холодный день. Снег сверкал белизной на молчаливой земле, а вверху раскинулось безоблачное небо.

Фреда спокойно произнесла:

— Я совершила смертный грех, не признавшись, с кем жила без свадьбы. Но я оставляю эту тяжесть себе и унесу ее в могилу. Отец небесный, ты знаешь, что наш грех был слишком чудесным, чтобы осквернять его сейчас чудовищным названием. Накажи меня, как пожелаешь, но пощади его, ибо он не ведал, что творит. — Она зарделась. — Кроме того, мне кажется, я ношу под сердцем то, что ты, Мария, должна помнить... — но он не должен страдать за грехи своих родителей. Отец, Мать и Сын, делайте со мною что хотите, но пощадите это невинное дитя.

Спустившись вниз, она почувствовала, что на сердце у нее стало легче. Холодный воздух целовал горящие щеки девушки, солнечные лучи зажигали медные вспышки в ее волосах, серые глаза сверкали. Улыбка блуждала по ее губам, когда она встретила Аудуна сына Торкела.

Хоть и ненамного старше ее, Аудун был высоким и сильным. Его считали хорошим хозяином, и он мог стать смелым воином. Светлые кудри окружали лицо, красневшее так же часто, как лицо девушки. Несмело улыбнувшись в ответ на улыбку дочери Орма, он подбежал к ней.

— Я... искал тебя... Фреда, — сказал он.

— Зачем? Я кому-то нужна?

— Нет, только... ну... да, я хотел... поговорить с тобой, — запинаясь, пробормотал он. Юноша шел рядом с девушкой опустив голову и лишь изредка поглядывая на нее.

— Что ты собираешься делать? — спросил он наконец.

Безмятежное настроение покинуло Фреду. Она взглянула на небо, потом на поля. Отсюда не было видно моря, но ветер в тот день дул так сильно, что донес до ушей девушки его неустанный, беспокойный шум.

— Не знаю, — ответила она. — У меня никого нет...

— Нет, есть! — воскликнул он, но тут язык его словно одеревенел и он не сказал ничего больше, хотя мысленно и проклинал себя за это.

Зима истекала ручьями под ударами весны, но Фреда продолжала жить в доме Торкела. Никто не упрекал ее в том, что она носит в себе ребенка. Не случись этого после того, что она пережила, все бы думали, что с ней не все в порядке. Поскольку была она здоровой и сильной, а может, из-за остатков альвийской магии, ее почти не тревожила тошнота и она могла работать наравне со всеми, а когда заняться было нечем, отправлялась на долгие прогулки, одна или в обществе Аудуна. Ааса рада была помощи и возможности поболтать, поскольку дочерей у нее не было вообще, а служанок немного; хозяйство их ничем не напоминало имение Орма. Впрочем, это супруга Торкела говорила почти все время, а Фреда вежливо ей отвечала, когда к ней обращались.

Поначалу время было для нее палачом, но не из-за тяжести греха и скорби по близким — это она могла вынести, а новая жизнь в ее лоне частично заменила их, — а из-за тоски по Скафлоку.

Он не подавал признаков жизни, а она не видела его с тех пор, как в последний раз он печально взглянул на нее у кургана Орма в то зимнее утро. Он ушел, окруженный со всех сторон врагами, в самую мрачную из всех стран, за сокровищем, которое должно было стать причиной его гибели. Где он сегодня? Жив ли еще или уже лежит мертвым, и вороны выклевывают ему глаза, когда-то светившиеся только для нее? Жаждал ли он смерти так, как когда-то Фреду? А может, просто забыл о том, чего не мог вынести, и отрекся от людей ради холодных объятий Леи? Нет, это невозможно, он не отверг бы любви, пока жив.

Но жив ли он, и если да... долго ли проживет?

Время от времени он снился ей, стоял перед нею как живой, держал в объятьях, и их сердца бились в одном ритме. Он шептал ей на ухо, смеялся, слагал любовные стихи, и игра

становилась любовью... Она просыпалась среди ночи, задыхаясь в душном мраке...

Фреда изменилась... После великолепия альвийского замка и безумных, но таких радостных дней охоты на троллей в лесной глуши, жизнь людей казалась ей серой и ограниченной. Поскольку Торкел крестился только для того, чтобы торговать с англичанами, Фреда редко видела священника, хотя и жаждала этого, зная, что согрешила. После чудес леса, холмов и моря церковь казалась ей угрюмой. Она по-прежнему любила Бога — ведь вся земля была его творением, а церковь — делом рук человека. — но не могла заставить себя встречаться с Ним очень часто.

Иногда она уходила по ночам, садилась на коня и ехала на север. Благодаря колдовскому зрению, она могла мельком видеть жителей Страны Чудес — убегающего гнома, сову, рожденную не из яйца, черный корабль, плывущий вдоль побережья. Однако те, кого она решалась спросить, бежали от нее, и девушка не могла ничего узнать о войне между альвами и троллями.

Но даже мельком замечаемый мир, необычайный и безумный, был миром Скафлока, и в некое короткое, но чудесное время она сама принадлежала к нему.

Она искала себе работу, чтобы не думать слишком много, а ее молодое здоровое тело расцветало. Когда недели превратились в месяцы, она почувствовала в себе то же волнение, которое заставляет птиц лететь за моря и раскрываться почки, похожие на кулачки младенца. Увидев себя в пруду, она поняла, что из девушки превратилась в женщину — ее стройная фигура округлилась, груди набухли, кровь быстрее кружила по телу. Она становилась матерью.

Если бы он мог сейчас увидеть ее... Нет-нет, это невозможно. Но она любила его, любила всем сердцем.

Зима ушла среди дождей и раскатов грома, первая зелень покрыла деревья и луга, птицы вернулись домой. Фреда увидела знакомую пару аистов, которые удивленно описывали круги над имением Орма. Они всегда гнездились на крыше его дома... Фреда расплакалась тихо, как весенний дождь, в сердце ее была пустота.

Хотя нет, ее вновь заполняло чувство — уже не прежняя безграничная радость, но спокойное удовлетворение. Ребенок в ее лоне рос, и в нем или в ней — это не имело значения — ожили все забытые надежды.

Она стояла в полумраке под цветущей яблоней, и лепестки падали сверху после каждого порыва ветра. Зима кончи-

лась. Скафлок жил в весне, в туче и в тени, в рассвете и закате солнца, в диске луны, говорил голосом ветра и смеялся вместе с морем. В бесконечном танце времен года через несколько месяцев должна прийти зима, за ней следующая, но она носила под сердцем прошлое лето, и все те, которые еще наступят.

Торкел готовился к торговому плаванию на восток, которое давно замыслил вместе с сыновьями. Это не нравилось Аудуну, и в конце концов он сказал отцу:

— Я не могу плыть.

— Что это значит? — воскликнул Торкел. — Ты, который больше всех нас мечтал об этом, теперь хочешь остаться дома?

— Ну... кто-то должен же здесь быть.

— У нас хорошие дружинники.

Аудун отвернулся.

— У Орма были не хуже.

— Наше имение меньше, чем у Орма, и значит, ближе к соседям. А кроме того, вспомни, что после нападения люди решили держать стражников на берегу. — Торкел быстро взглянул на сына. — Что тебя гнетет, парень? Говори правду! Ты боишься схватки?

— Ты же знаешь, что нет! — возмутился Аудун. — Хотя я никогда еще не проливал крови, но убью любого, кто это скажет. Просто я не хочу плыть в этом году, вот и все.

Торкел кивнул.

— Значит, дело во Фреде. Так я и думал. Но у нее нет родственников.

— Ну и что? Земли Орма принадлежат теперь ей, а у меня появятся деньги, когда в следующем году я поплыву с вами.

— А как же ребенок, зачатый бродягой, о котором она ничего не говорит, но, похоже, постоянно думает?

Разгневанный Аудун опустил голову.

— Это вина не ее и не ребенка, которого, если уж о том зашла речь, я охотно посадил бы себе на колено. Фреде нужен кто-нибудь, кто сможет помочь ей... да, помочь забыть о мужчине, который бросил ее. Если бы я мог найти его, ты увидел бы, как я боюсь схватки!

— Что ж, — Торкел пожал плечами. — Я могу приказывать тебе, но не твоему сердцу. Останься дома, если хочешь. — Он помолчал и добавил: — Ты прав, обширные земли Орма не должны пустовать. А из девушки может выйти хорошая жена, которая даст тебе много сильных сыновей. — Он улыб-

нулся, хотя взгляд его был полон беспокойства. — Добивайся ее и завоевывай, если сможешь. Надеюсь, судьба будет к тебе добрее, чем к Эрленду.

Когда поля были засеяны, Торкел уплыл с остальными сыновьями и другими юношами. Поскольку они собирались посетить несколько стран по другую сторону Северного Моря, назад их ждали только поздно осенью или в начале зимы. Аудун печально смотрел на уплывающий корабль, но когда, повернувшись, увидел рядом Фреду, решил, что поступил правильно.

— Ты действительно остался, чтобы следить за посевами? — спросила девушка.

Он покраснел, но ответил смело:

— Думаю, ты знаешь ответ.

Фреда отвернулась и ничего не сказала.

Дни становились все длиннее, и весна целиком вступила в свои права. Теплый ветер, плеск дождя, птичьи трели, обилие дичи, рыба, заполняющая реки, цветы и белые ночи... И все чаще Фреда чувствовала движения ребенка.

Но еще чаще рядом с нею был Аудун. Время от времени, в приступе раздражения, она гнала юношу прочь, и тогда его печальное лицо всегда вызывало у нее угрызения совести.

Он ухаживал за ней, сбивчиво говорил слова, которых она почти не слушала. Уткнувшись лицом в букет цветов, сорванных им для нее, она сквозь ароматные лепестки видела его робкую улыбку. Фреду удивляло, что такой рослый и практичный юноша был слабее ее.

Если они поженятся, он станет ее супругом. Но ведь это не Скафлок, а всего лишь Аудун. О, любимый!

Впрочем, со временем воспоминания о Скафлоке понемногу становились памятью о прошлогоднем лете. Они радовали сердце Фреды, но больше не ранили его, а тоска по любимому напоминала теперь спокойные воды горного озера, на которых танцуют солнечные зайчики. Бесконечно оплакивать его было бы слабостью, недостойной чувства, некогда объединявшего их.

Она полюбила Аудуна. Он будет хорошей защитой для ребенка Скафлока.

И вот пришел вечер, когда они стояли вдвоем на берегу моря, волны шумели у их ног, а солнце садилось, окрашивая облака золотом и краснотой. Аудун взял Фреду за руку и сказал:

— Фреда, ты знаешь, что я любил тебя еще до похищения, а в последние дни открыто добивался твоей руки. Поначалу ты не желала слушать, а потом не хотела отвечать. Сейчас я прошу у тебя искреннего ответа и, если такова твоя воля, не буду больше тебя беспокоить. Ты выйдешь за меня, Фреда?

Она взглянула ему в глаза и произнесла тихо и отчетливо:

— Да.

XXV

Конец лета на севере Англии был холодным и дождливым. Днем и ночью ветер хлестал альвийские горы, окутывая их серостью, разрываемой яркими молниями. Тролли редко осмеливались покидать Альвгейт, поскольку отряды их врагов были слишком многочисленны, хорошо вооружены и устраивали хитрые засады. Поэтому тролли бродили по замку, пили, играли, ссорились и снова пили. Мрачное настроение, охватившее их всех, превращало любое слово в повод для схватки не на жизнь, а на смерть. Одновременно их альвийские любовницы стали такими коварными, что дня не проходило без разрушенной дружбы, а то и поединка из-за женщины.

Тревожные слухи носились по темным коридорам замка. Иллреде пал, и его голова лежала в бочке соленой воды, становясь на время битвы вражеским знаменем. Новый король Гуро не мог удержать армию, как это удавалось Иллреде, и после каждого боя поспешно отступал. Демон на огромном коне с адским мечом и сердцем вел альвов к победе над двукратно превосходящим их противником.

Кое-кто утверждал, что Вендландия пала, а грозный вождь альвов окружил там троллей и не пощадил никого. Говорили, что можно было пройти по трупам троллей из конца в конец того страшного поля.

Другие утверждали, что крепости в Норвегии, Швеции, Готландии и Дании были атакованы и пали так же быстро, как до этого сдались троллям, а их гарнизоны были полностью вырезаны. В Ютийской бухте враг захватил целый флот, который использовал потом для нападений на сам Троллхейм.

Союзники и наемники, еще оставшиеся в живых, покидали троллей. Шептали, что отряд шенов выступил против соратников-троллей в Гардарике и перебил их. Восстание гоблинов стерло с лица земли три города — а может, пять или дюжину — в самом Троллхейме.

Альвы ворвались в Валлонию вслед за отступающей армией троллей, и отход этот окончился сокрушительным разгромом, а потом и резней, когда отряды троллей оказались припертыми к морю среди кромлехов и менгиров* Древнего народа. По замку ходили слухи о страшном коне, давящем воинов, и о еще более ужасном мече, рубившем металл, словно тонкую ткань, и никогда не тупившемся.

Вальгард становился все угрюмее и неразговорчивее, но старался хоть как-то поднять дух троллей.

— Альвы перегруппировались, — говорил он, — и обрели кое-какую силу. Ну и что с того? Разве не видели вы, как мечется умирающий перед смертью? Они напрягают последние силы, но этого всегда оказывается слишком мало.

Впрочем, кое-что тролли знали точно: все меньше кораблей добиралось до них через Пролив и с восточных морей, и привозили они все более мрачные вести, и в конце концов Вальгард запретил своим воинам разговаривать с их командами; что альвийские изгнанники под предводительством Флама и Огненного Копья с каждой ночью становились все более дерзкими, так что теперь даже целая армия не была в безопасности от выпущенных из засады стрел или быстрых конных или морских рейдов; что ирландские сиды вооружались как для войны; и что усталость, отчаяние и ненависть к товарищам ширились среди троллей как огонь, подстегиваемые интригами альвинь.

Вальгард бродил по замку от самых высоких башен, где гнездились теперь вороны и стервятники, до глубочайших подземелий — прибежищ жаб и пауков, рыча, колотя и даже убивая в приступе ярости. Он чувствовал, что его давят стены Альвгейта, изгнанники, набирающие силу отряды короля альвов и вся его жизнь. И ничего не мог с этим поделать.

Вылазки не имели смысла. Это было все равно, что бороться с тенями. Нападающие исчезнут, прилетевшая сзади стрела вонзится в спину какому-нибудь троллю, петля затянется вокруг шеи или яма с острыми кольями на дне разверзнется под его конем. Даже за столом никто не чувствовал себя в безопасности, потому что то и дело кто-нибудь умирал, явно отравленный, а равнодушные объяснения слуг не давали никаких следов, поскольку подсыпать яд мог и оскорбленный тролль.

Альвы были холодны и терпеливы, они превращали свои слабые стороны в сильные и выжидали подходящего момента.

---

* Древние мегалитические памятники.

Тролли не могли их понять и со временем стали бояться народа, который еще совсем недавно считали побежденным.

«А теперь он побеждает нас самих», — невесело подумал Вальгард. Впрочем, правду эту он старательно скрывал от своих солдат, хотя и не мог остановить ни пересуды, ни ссоры.

Он мог только сидеть на троне Имрика и до упаду пить огненное вино. Прислуживала ему Лея, и чара его никогда не пустовала. Он сидел молча, с затуманившимся взглядом, пока не валился без сознания на пол.

Однако иногда он тяжело вставал, пошатываясь, проходил через трапезную, где вожди троллей валялись среди луж вина. Взяв факел, Вальгард спускался по высеченным в камне ступеням, держась за холодную скользкую стену, добирался до двери застенка и открывал ее.

Покрытое черными пятнами засохшей крови белое тело Имрика висело в полумраке над красными углями. Присматривавший за очагом джинн следил, чтобы они всегда были горячими. Альвийского ярла подвесили над огнем за большие пальцы рук, без еды и питья. Его живот ввалился, кожа плотно обтянула ребра, язык почернел, но он был альв и не мог умереть от этого.

Непостижимый взгляд раскосых голубовато-белых глаз узника каждый раз пугал подменыша.

Вальгард широко улыбнулся, чтобы скрыть страх.

— Догадываешься, зачем я пришел? — хрипло спросил он, покачиваясь.

Имрик не ответил, и Вальгард ударил его по губам. Звук удара, раскачавшего тело узника, прозвучал в тишине подземелья необычайно громко. Джинн попятился, глаза и клыки его сверкнули в темноте.

— Ты хорошо это знаешь, если мозг еще не высох в твоем черепе, — сказал подменыш. — Я уже приходил сюда и снова приду.

Он снял бич со стены и провел по нему ладонью. Глаза его заблестели. Вальгард облизал губы.

— Ненавижу тебя, — сказал он и приблизил лицо вплотную к лицу Имрика. — Ненавижу за то, что меня породил, за то, что лишил принадлежавшего мне наследия. Ненавижу за то, что ты тот, кем я никогда не буду и не хочу быть — проклятый альв! Ненавижу за твои дела и потому, что нет под рукой твоего проклятого воспитанника. Но ты заменишь мне его... сейчас!

Он поднял бич, а джинн забился в угол камеры. Имрик не издал ни звука, даже не шелохнулся.

Когда у Вальгарда устала одна рука, он взял бич в другую, а когда заболела и эта, бросил его на пол и ушел.

Он начинал трезветь, и на смену опьянению пришли головная боль с холодом в сердце. Подойдя к окну, он услышал шум дождя.

Ненавистное троллям лето, о котором Вальгард так тосковал зимой, мечтая полежать в зеленых долинах на берегах рек, и которое провел, напрасно гоняясь за альвийскими изгнанниками или задыхаясь в стенах Альвгейта, наконец-то кончилось. Близок был и конец Троллхейма. Из Валлонии не было никаких вестей; последняя, которую они получили, говорила о поле, заваленном трупами троллей.

Ужели этот дождь никогда не перестанет? Вальгард вздрогнул, глядя в окно на промокший мир. Молния разодрала небо, раскат грома потряс подменыша.

Он потащился наверх, в свои комнаты. Тролли-охранники валялись в пьяном сне... неужели все они пьяницы и убийцы сородичей? Как найти среди этой вонючей и склочной толпы такого, перед кем можно открыть сердце?

Он остановился в дверях спальни, и Лея села на ложе. По крайней мере, она не уподобилась суке, как остальные альвини, и давала ему утешение, когда он в нем нуждался.

Вновь сверкнула молния, и пол задрожал от раската грома. Ветер завыл и плеснул дождем в стекла. Гобелены пошли волнами, огни свечей задрожали в холодном воздухе.

Вальгард тяжело сел на край ложа, а Лея закинула руки ему на шею. Она смотрела на него таинственно, как месяц; ее улыбка, шелковистая кожа и запах завлекали, хотя и были лишены тепла.

— Что ты делал, мой господин? — сладко спросила она.

— Сама знаешь, — буркнул он, — и никак не пойму, почему ты ни разу не пыталась меня остановить.

— Сильные делают со слабыми все, что захотят. — Она сунула руку ему под одежду, ясно давая понять, что он может с ней сделать, но Вальгард не обратил внимания на ее жест.

— Да, — ответил он и стиснул зубы. — Это хороший закон, когда ты силен, но сейчас тролли проигрывают, потому что Скафлок, — а все говорят, что это именно он, — вернулся с мечом, сметающим все на своем пути. Так какой же закон действует сейчас?

Он повернулся и угрюмо уставился на нее.

— Чего я свершенно не понимаю, так это падения крепостей. Даже победоносная в поле армия альвов должна поломать себе зубы на таких укреплениях. Ведь некоторые их них

альвы никогда бы не выпустили из рук несмотря на брошенные против них силы. Часть мы взяли голодом, а большинство сдались без борьбы, как эта. Во всех были сильные гарнизоны с большими запасами провианта, но мы теряли их, едва к ним подходил какой-нибудь отряд короля альвов. — Он тряхнул головой. — Почему?

Резко схватив ее за плечи он продолжал:

— Альвгейт не падет, не может пасть! Я удержу его, даже если сами боги выступят против меня. Я стосковался по битве, ничто так не развеселило бы меня и моих усталых солдат. И мы побьем их, слышишь? Мы отбросим их, а голову Скафлока я выставлю на копье на стену.

— Да, господин, — замурлыкала Лея, по-прежнему таинственно улыбаясь.

— Я силен, — рявкнул он. — Когда я был викингом, то убивал врагов голыми руками. Я ничего не боюсь и достаточно хитер, на моем счету много побед, а будет еще больше.

Руки его безвольно опали, а глаза потемнели.

— Но что с того? — прошептал он. — Потому что таким меня сделал Имрик, вылепив по образу и подобию сына Орма. Только потому я живу, а моя сила, облик и мозг такие же, как у Скафлока. — Он с трудом поднялся, глядя перед собой, как слепец, и крикнул: — Кто же я, если не тень Скафлока?!

Молния перечеркнула небо, осветив его адским огнем. Завыл ветер, загремел гром, дождь забарабанил по стеклам, и холодный порыв ветра задул свечи.

Вальгард с трудом держался на ногах, ища наощупь стены.

— Убью его, — бормотал он. — Зарою глубоко под дном моря. Убью Имрика, Фреду и тебя, Лея... всех, кто знает, что я вовсе не живу, что я дух, слепленный по образу и подобию человека... хладное тело, мои руки холодны... — Колесница Тора загремела по небу, и Вальгард взвыл: — Брось сюда молот! Шуми, пока еще можешь! Этими холодными руками я ухвачу колонны божественных дворцов и уничтожу их! Я затопчу весь мир! Призову бури, мрак и ледники с севера, и ветер будет засыпать пеплом мои следы. Я — сама Смерть!

Кто-то как безумный колотился в дверь, но его почти не было слышно сквозь шум дождя и завывания ветра. Вальгард взревел диким зверем и ухватил за шею усталого, промокшего тролля.

— Я начну с тебя. — И пена показалась у него на губах. Гонец дергался, но сил его оказалось мало, чтобы разжать эту хватку.

Когда тролль рухнул на пол мертвым, безумие покинуло Вальгарда. Дрожа, прислонился он к притолоке.

— Это было безумие, — прошептал подменыш.

— Может, с ним были другие, — заметила Лея, вышла на площадку и крикнула: — Эй, там! Ярл хочет говорить с тем, кто недавно прибыл.

Второй тролль, такой же усталый, как и первый, с открытой раной на щеке, неуверенно поднялся по лестнице так, чтобы они могли его видеть, но не пытался добраться до покоев ярла.

— Нас выехало пятнадцать, — простонал он. — Остались только двое — Хру и я. Изгнанники не давали нам покоя всю дорогу.

— Какие новости вы везли?

— Альвы высадились в Англии, господин. А еще мы слышали, что ирландские сиды под предводительством Луга Длиннорукого идут по Шотландии.

Вальгард кивнул.

XXVI

Под прикрытием осенней непогоды Скафлок переправил через Пролив лучших эльфийских воинов. Он командовал этой армией, поскольку король альвов остался, чтобы руководить теми, кому предстояло изгнать последних троллей с континентальных земель Эльфхейма. Король предупредил Скафлока, что вернуть Англию будет нелегко, и если тролли отразят удар, Британия станет для них крепостью, а потом и оплотом для контрудара.

Скафлок пожал плечами.

— Мой меч приносит победу, — сказал он.

Король альвов внимательно посмотрел на него, потом ответил:

— Будь осторожен с этим оружием. До сих пор оно хорошо служило нам, но рано или поздно должно обратиться против того, кто им владеет. Может, именно тогда, когда он будет сильнее всего в нем нуждаться.

Скафлока не обеспокоили слова короля. Конечно, он не хотел умирать сейчас — на свете было еще так много дел — но кто знает, будет ли ему даровано еще много лет жизни? Как бы то ни было, он не собирался избавляться от заколдованного меча. Клинок Болверка давал ему то, чего не могло дать ни что иное. В битве его не охватывало неистовство, на-

оборот, он никогда не был более рассудителен, его ум становился в эти минуты необычайно быстрым и гибким. Однако он не был уже просто самим собой, объединенный в одно целое с тем, что делал и с помощью чего сражался. Так должен чувствовать себя бог. Подобное чувство, хоть и несколько другое, охватывало Скафлока, когда он был с Фредой.

Он сосредоточил корабли, солдат и коней в укромных бухтах Бретани, послал сообщение вождям альвов в Англии, чтобы они начинали собирать рассеянных воинов, и однажды ночью, когда на севере разразилась буря, переправил свой флот через Пролив.

Дождь со снегом падал с неба, которое было черно, как смола, за исключением тех мгновений, когда его раздирала молния. При этом каждая капля и каждая травинка становились ослепительно белыми. Оглушительно гремел гром, ветер вздымал огромные волны, белые от пены и водяной пыли, которые вгрызались в берега. Даже альвы не осмелились поднять паруса и только гребли. Дождь и водяная пыль били им в лица, пропитывали одежду, голубые огоньки ползали по веслам и драконьим головам, украшающим альвийские корабли.

Из мрака показалась Англия. Альвы гребли с таким запалом, что казалось, порвут себе сухожилия. Волны вскипели на берегу и на рифах, ветер подхватил корабли и хотел швырнуть их на скалы или друг на друга.

С носа своего корабля Скафлок заметил мыс, к которому они направлялись, и на мгновение печаль сжала его сердце. Он тихо сказал:

Снова пригнал меня к дому
Беспокойный ветер.
Я подплываю к берегу
Прекрасной Англии.
Она где-то за этим берегом.
Увижу ли я ее когда-нибудь?
Горе мне, эта женщина
Не покидает моих мыслей.

Потом ему пришлось сосредоточиться, чтобы флот сумел безопасно обогнуть мыс, а когда это получилось, они нашли тихую бухту и небольшой отряд альвов, ждущих, чтобы прийти на помощь. Корабли вытащили на берег и привязали.

Затем воины занялись подготовкой к сражению. Какой-то капитан обратился к Скафлоку:

— Ты еще не сказал, кто должен остаться и охранять корабли.

— Никто, — ответил воспитанник альвов. — Все наши воины нужны на суше.

— Как?! Но ведь тролли могут наткнуться на наш флот и сжечь его! Тогда мы не сможем отступить.

Скафлок окинул взглядом морской берег, освещаемый вспышками молний.

— Для меня, — произнес он, — возврата не будет. Живой или мертвый, я не покину Англию, пока не вытесним из нее троллей.

Альвы смотрели на него со страхом. Высокий, закованный в железо, с колдовским мечом на поясе, он совсем не походил на смертного. Зеленоватые огоньки танцевали в его голубых глазах, и всем показалось, что он близок к безумию.

Скафлок вскочил на своего йотунского коня и крикнул, перекрывая вой ветра:

— Трубите в горны! Нынче ночью мы поохотимся!

Армия двинулась в путь. Примерно треть воинов ехала на лошадях, остальные надеялись вскоре добыть скакунов. В противоположность англам или датчанам, и подобно французам или норманнам, альвы предпочитали сражаться на суше на конях. Их мочил дождь, опавшие листья шелестели под ногами, молнии пронзали воздух, ветер пронизывал до костей — то было первое дыхание надвигающейся зимы.

Через некоторое время они услышали далекий рев боевых рогов троллей. Альвы подняли мечи и заулыбались. Взяв мокрые щиты в левые руки, они вновь задули в горны.

Скафлок ехал во главе клина эльфийских воинов. Он не испытывал радости, а мысль об еще одной резне наполняла его отвращением. Но он знал, что все станет совершенно по-другому, как только он вынет меч, и потому с нетерпением ждал битвы.

Появились тролли — темная движущаяся масса на фоне большой дюны. Видимо, они почуяли врага и выступили из ближайшего замка. Хотя их было меньше, чем альвов, пренебрегать таким противником не стоило. Более половины врагов были верхом, и Скафлок услышал, как кто-то за его спиной весело сказал:

— Скоро и у меня будет конь.

Ехавший справа от него командир был менее оптимистичен:

— Нас больше, но не настолько, чтобы мы легко могли разгромить их. Не раз отважные воины били более многочисленного врага.

— Я не боюсь, что нас одолеют, — ответил Скафлок, —

но плохо будет, если убьют много наших. Тогда следующий бой может стать для нас последним. — Он помрачнел. — Проклятье, где же главные силы английских альвов? Пора бы им уже встретиться с нами. Разве что посланцев перехватили по дороге...

Взревели рога троллей, зовя на бой. Скафлок вырвал меч из ножен и взмахнул им над головой; молния вспорола небо, и в ее свете колдовской клинок вспыхнул голубым огнем.

— Вперед! — крикнул воспитанник Имрика и пришпорил коня. Сила меча овладела им.

Копья и стрелы летали над головами сражающихся, но никто их не видел и не слышал среди обезумевшей непогоды. Ветер мешал целиться, так что вскоре раздался звон мечей.

Скафлок склонился в седле и замахнулся. На него набросился какой-то тролль, но колдовской клинок перерубил поднятые руки врага. Подъехал следующий, взметнув вверх топор, но клинок Болверка со свистом впился ему в шею. Какой-то пехотинец ткнул вождя альвов копьем. Наконечник отскочил от щита Скафлока, и конь сшиб тролля.

Топор и меч! Лязг металла и сноп искр! Разрубленный металл, израненное тело, воины, падающие на землю, демоническое сверканье молний!

В самом центре бился Скафлок, разя троллей одного за другим. Его меч застревал в кольчуге и в кости, сам он болезненно ощущал наносимые удары. Мечи и копья устремлялись к нему, но он отражал их щитом или рассекал заколдованным клинком. Протяжный свист его меча слышно было даже сквозь вой ветра и раскаты грома. Никто не мог противостоять ему, он пробился сквозь ряды троллей и атаковал их с тыла.

Но враги яростно защищались. Они перегруппировались, образовав круги, державшиеся крепко, и отовсюду засыпали альвов стрелами. Кони атакующих напарывались на упертые в землю копья, альвы падали под ударами топоров и палиц. Где же помощь? Где помощь?

И словно в ответ прозвучал звук рога, потом еще и еще один — боевой клич, град стрел и сотни воинов, появляющихся их темноты.

— Эльфхейм!

Впереди ехал Огненное Копье, кровь стекала по его пике, как дождь со шлема, лицо сияло от радости. Рядом с ним мчался Флам с Оркнейских островов, сжимая в руке испачканный кровью топор. В битву вступили и другие альвийские

вожди, словно вырастающие из земли, чтобы очистить ее от захватчиков.

Теперь уже было нетрудно справиться с противником, и уже только трупы троллей встречали рассвет. Скафлок устроил совещание с Огненным Копьем, Фламом и другими вельможами.

— Мы явились так быстро, как только смогли, — сказал Огненное Копье. — Нам пришлось задержаться в Рунхилле и разобраться с ним, потому что ворота раскрылись перед нами, а внутри было совсем немного троллей. Наши женщины отлично показали себя! Думаю, они закончат все и в Альварки, ведь большинство его гарнизона лежит здесь.

— Это хорошо, — кивнул Скафлок. Закончив битву и убрав меч в ножны, он вновь почувствовал усталость. Буря удалялась, ветер стих, шел сильный дождь, но небо на востоке посветлело.

— Сиды из Эрина тоже выступили, — вставил Флам. — Луг высадился в Шотландии, а Мананаан теснит троллей с северных вод и островов.

— Значит, он сдержал слово, — Скафлок повеселел. — Настоящий друг. Он единственный бог, которому я верю.

— Только потому, что он полубог, утративший большую часть своей силы и опустившийся до уровня жителей Страны Чудес, — буркнул Огненное Копье. — Неразумно связываться с богами... или гигантами.

— Да-а... Может, мы лучше поедем, чтобы укрыться от рассвета? — сказал Флам. — Сегодня мы спим в Альварки. Ох, и давно же я не спал в альвийском замке, рядом с альвиней!

Скафлок покривился, но ничего не ответил.

Хотя начало осени было в том году очень бурным, вскоре погода исправилась и долго оставалась неизменной, словно сама земля приветствовала своих любимцев. Многие остались в ней навсегда, и клены напоминали об этом цветом своих листьев. Другие деревья покрылись тысячами оттенков золота и бронзы и шумели среди холмов под сонным небом. Белки суетились, собирая запасы на зиму, олени потрясали рогами и гордо ревели, а в небе звучал протяжный крик диких гусей, улетающих на юг. В погожие ночи бесчисленные рои звезд светили так ярко, что казалось — протяни руку и срывай их с хрустальной черноты.

Удача сопутствовала альвам. На севере и юге, на востоке

и западе они громили врагов с минимальными потерями, поскольку имели не только страшных союзников, но с каждой неделей все лучше экипировались и получали подкрепления по мере того, как король альвов очищал от врагов континентальные земли Эльфхейма. Они легко возвращали себе свои замки. Зато тролли были полностью отрезаны от родины после того, как Мананаан установил блокаду английских вод. Под конец осени некоторые альвы начали жаловаться, что приходится немало потрудиться, чтобы найти тролля, который мог бы с ними сразиться. Но такое положение не радовало Скафлока, поскольку он знал, что скрывалось за ним. Как только Вальгард понял, что его войска разбиты в открытом сражении, он начал стягивать их к Альвгейту. На месте оставались небольшие группы троллей, которые так досаждали альвам, что те не могли уже нападать на большие отряды противника. Хотя Скафлок не сомневался, что захватит эту последнюю крепость, знал он и то, что цена победы может оказаться слишком высока.

Вообще-то это его не беспокоило, но оскорбляло гордость воина, поэтому он продумывал различные варианты, желая закончить кампанию с минимальными потерями. Но думал он медленнее, чем обычно, ибо другой вопрос не давал ему покоя.

И все это являлось следствием мира, который он принес измученной земле. Сражения сменились стычками, стычки — погонями, а затем прекратились и они. Его меч спал целыми днями и неделями, а потом вернулись воспоминания. До сих пор он надеялся, что рана в его сердце зажила, но оказалось, что это не так, и Скафлок не знал, что причиняло ему большую боль — бессонные ночи или сны.

Так обстояли дела, когда пришла зима. Душевные терзания Скафлока закончились однажды в стране датчан, когда Огненное Копье, которому он сказал то же, что и всем остальным, предоставив гадать, то ли надоела ему эта смертная девушка, то ли он оставил ее среди людей ради безопасности, нашел его и сказал:

— Наверное тебя заинтересует, что, проезжая в сумерках мимо одного имения, лежащего недалеко отсюда, я видел молодую женщину, похожую на Фреду, дочь Орма. Она была близка к разрешению от бремени, но мне показалось, что вместе с ребенком в ее лоне таится и печаль.

В тот вечер Скафлок выехал один. Черный йотунский жеребец шел шагом, не быстрее, чем смертный конь. Сухие ли-

стья шелестели под его копытами и танцевали перед ним на ветру. Оставшиеся на ветвях сохранили яркие цвета, словно из них собирались свить венок для всадника. Темнело, когда конь подошел к лесам, которые так хорошо знал ехавший на нем воин.

Скафлок не взял ни шлема, ни кольчуги. Ветер шевелил его волосы, выбивающиеся из-под проволочной шапочки, загорелое лицо с выразительными чертами застыло, словно отлитое из металла, но сердце колотилось как безумное, кровь шумела в ушах, ладони вспотели, а губы пересохли.

Сумерки сменились темнотой, полной таинственных звуков. Скафлок пересек ручей, по которому в сторону моря плыли сухие листья, похожие на маленькие коричневые кораблики. Слышалось уханье совы и скрип деревьев, но в остальном все накрывала тишина, среди которой пело лишь его сердце.

О, Фреда, Фреда, неужели ты так близко?

Когда Скафлок въехал во двор дома Торкела, отца Эрленда, на небе вспыхнуло множество звезд. Он прошипел какое-то слово, и собаки удрали без лая. В доме было темно, только из-под входной двери пробивался слабый свет очага.

Скафлок слез с коня, ноги подгибались под ним. Собрав всю свою волю, он заставил себя подойти к двери. Засов был задвинут, и он постоял немного, готовя колдовство, чтобы его отомкнуть.

Торкел был зажиточным хозяином, но не вождем, поэтому главная комната в его доме была невелика и в ней никто не спал, если не было гостей. Как обычно, Фреда засиделась допоздна у небольшого очага. Аудун пришел из глубины дома, глаза его сияли ярче огня.

— Я не мог спать, — сказал он, — поэтому оделся, надеясь, что мы сможем поговорить вдали от любопытных взглядов.

Он сел рядом с нею на скамью. Блеск огня окружил красноватым ореолом голову девушки. Фреда не закрывала волос, как это делали замужние женщины, а заплетала их в косы.

— Я с трудом верю в свое счастье, — сказал Аудун. — Со дня на день должен вернуться мой отец, и тогда мы поженимся.

Фреда улыбнулась.

— Сначала я должна родить ребенка и оправиться после родов, — напомнила она. — Это тоже должно произойти со дня на день. — Она посерьезнела. — Ты действительно не имеешь ничего против меня или его?

— Да как бы я мог? — ответил Аудун. — Сколько раз мне еще повторять это? Это твой ребенок, и мне этого хватает. Он будет для меня как мой собственный.

И он обнял Фреду.

Засов отодвинулся, дверь открылась, в дом ворвался ночной ветер. На фоне мрака появилась высокая фигура. Фреда встала и, не в силах произнести ни слова, пятилась, пока не уперлась в стену.

— Фреда! — каркнул Скафлок.

Девушке показалось, что железный обруч стиснул ее грудь. Подняв руки, она широко развела их в стороны.

Скафлок, словно лунатик, пошел к ней, и она сделала шаг к нему.

— Стой! — Молчание нарушил голос Аудуна, тень юноши выросла на стене. Сын Торкела схватил копье, стоявшее в углу, и сунул его между мужчиной и женщиной.

— Стой... я тебе говорю, стой! — выдавил он. — Кто ты? Чего хочешь?

Скафлок начертил в воздухе какой-то знак и произнес заклинание. Жители дома не проснутся, пока он находится внутри. Он сделал это машинально, как человек отгоняет надоедливую муху.

— Фреда, — повторил он.

— Кто ты? — крикнул Аудун, голос его сорвался. — Чего хочешь? — Он видел, как эти двое смотрели друг на друга, и, хотя он ничего не понимал, сердце его пронзила боль.

Скафлок смотрел над плечом юноши, почти не видя его.

— Фреда, — сказал он. — Любовь моя, моя жизнь. Пойдем со мной.

Она печально покачала головой, продолжая протягивать к нему руки.

— Я сплавал в Йотунхейм и вернулся, чтобы воевать. Мне казалось, Время и мечи освободят меня от тебя, но они не сумели. Не смог этого сделать ни убийца, которого я ношу на поясе, ни закон, ни боги и вообще ничто, существующее в Девяти Мирах. Так что же они значат для нас? Идем со мной, Фреда.

Девушка склонила голову. Лицо ее исказилось от боли, противоречивые чувства терзали сердце. Она тихо заплакала, слезы градом посыпались из ее глаз.

— Ты сделал ей плохо! — крикнул Аудун.

Он неловко ткнул копьем, которое, скользнув по кольчуге, распороло Скафлоку щеку. Альвийский вельможа фыркнул, как рысь, и потянулся за мечом.

Аудун вновь ударил копьем. Скафлок нечеловечески быстро отскочил в сторону, меч со свистом вылетел из ножен и перерубил древко копья пополам.

— Прочь с дороги! — потребовал воспитанник альвов.

— Ни за что, пока я жив! — Аудун от гнева и страха перед тем, что увидел в глазах Фреды, уже не владел собой, и слезы текли из его глаз. Выхватив кинжал, он бросился на Скафлока.

Меч Болверка вспыхнул голубым огнем, свистнул и опустился на голову юноши. Аудун поскользнулся, упал, ударившись о стену, и замер.

Скафлок уставился на окровавленный клинок, который держал в руке.

— Я этого не хотел, — прошептал он. — Я хотел только оттолкнуть его, забыв, что эта штука должна напиться крови каждый раз, когда вырвется из ножен...

Он поднял взгляд на Фреду. Она смотрела на него, дрожа как осиновый лист, рот ее был открыт.

— Я этого не хотел! — воскликнул он. — Да и какое это имеет значение? Идем со мной!

Она не могла выдавить ни слова, но потом все-таки сказала сдавленным голосом:

— Уходи. Сейчас же. И никогда больше не возвращайся.

— Но... — Скафлок шагнул вперед.

Девушка наклонилась и подняла кинжал Аудуна.

— Убирайся, — глухо приказала она. — Если подойдешь, я убью тебя.

— Хотел бы я, чтобы ты это сделала, — ответил он. Кровь сочилась из рассеченной щеки и капала на пол.

— Или покончу с собой, если понадобится, — решительно сказала Фреда. — Только тронь меня, убийца, язычник, желающий спать с собственной сестрой, как животное или альв. Только тронь меня, и я воткну этот нож себе в сердце. Бог простит мне меньший грех, если через него я избегну большего.

Скафлока охватила ярость.

— Да, зови своего бога, молись ему, скули! На что ты еще годна? Ты была готова продаться за ложку еды и крышу над головой, а это распутство чистой воды, неважно, сколько жрецов умиляется им... после того, в чем ты клялась мне. — Он поднял меч. — Лучше, чтобы мой сын никогда не родился, чем был отдан твоему богу.

Фреда выпрямилась.

— Ударь, если хочешь, — насмешливо сказала она. —

Юноши, женщины и нерожденные дети — разве они твои враги?

Скафлок опустил клинок и вдруг, даже не почистив его, убрал в ножны. Едва он это сделал, ярость его пропала, сменившись усталостью и раскаянием.

Сгорбившись, он склонил голову.

— Ты действительно отрекаешься от меня? — тихо спросил он. — Этот меч проклят, так что не я произнес те гнусные слова, не я убил этого бедного парня. Я люблю тебя, Фреда, люблю так сильно, что, когда ты со мной, мир прекрасен, как весенний день, и становится мрачным, как ночь, когда тебя нет. Как нищий молю я тебя: вернись ко мне.

— Нет, — простонала она. — Оставь меня в покое и уйди. — Она вдруг закричала: — Я не хочу тебя больше видеть! Убирайся!

Скафлок повернулся к двери, губы его дрожали.

— Когда-то я попросил у тебя прощальный поцелуй, — очень спокойно сказал он, — и ты не захотела мне его дать. Может, сделаешь это сейчас?

Фреда подошла к лежащему у стены Аудуну, присела и поцеловала его в губы.

— Мой дорогой, мой любимый, — прошептала она, погладила окровавленные волосы и закрыла ему глаза. — Да будет с тобой благоволение божье, мой Аудун.

— Тогда прощай, — сказал Скафлок. — Может, когда-нибудь я снова попрошу у тебя поцелуй... в последний раз. Сомневаюсь, что меня ждет долгая жизнь, но мне это все равно. Я люблю тебя, Фреда.

Он вышел, тихо закрыв за собой дверь. Чары перестали действовать, лай собак и топот копыт разбудили жителей дома. Собравшись в большой комнате, они увидели, что произошло; Фреда сказала им, что какой-то бродяга пытался похитить ее.

На рассвете пришло ее время. Ребенок был большой, а у нее были узкие бедра. Хотя она почти не стонала, роды были тяжелые и долгие.

Убийца кружил где-то рядом, поэтому нельзя было сразу послать за священником. Женщины помогли Фреде, как сумели, но лицо Аасы было мрачно.

— Сначала Эрленд, потом Аудун, — бормотала она. — Дочери Орма никому не приносят счастья.

На рассвете вооруженные мужчины отправились на поиски следов убийцы, однако ничего не нашли и вернулись вечером, сказав, что завтра один или два человека могут поехать

в церковь. Тем временем родился ребенок, красивый и голосистый мальчик, сразу начавший жадно сосать грудь Фреды. После полудня она лежала в боковой комнате, которую ей выделили, рядом с сыном.

Мать улыбнулась ребенку:

— Как ты красив, — полусказала-полупропела она, еще не совсем вернувшись из страны теней, где провела последние часы, и ничто не казалось ей вполне реальным, кроме ребенка. — Ты весь красный, сморщенный, но очень красивый. И твой отец тоже сказал бы это.

Слезы полились из ее глаз, как ручей в лесу, и она почувствовала на губах их соленый вкус.

— Я люблю его, — прошептала Фреда. — Пусть простит меня Бог, но я всегда буду его любить. И только это осталось мне от него.

Солнце догорело, опустились сумерки. Луна в третьей четверти ныряла в гонимые ветром тучи. Ночью будет буря, потому что уже прошла длинная осень, приветствовавшая возвращение альвов, и близилась зима.

Дом Эрленда съежился под небосклоном, деревья стонали на ветру, издали доносился шум моря.

Пришла ночь, и ветер превратился в метель, гнавшую перед собой сухие листья. Град застучал по крыше, как банда ночных грабителей. Фреда никак не могла заснуть.

Около полуночи она услышала вдали звук рога, и дрожь сотрясла ее тело. Ребенок заплакал, и она крепче прижала его.

Снова протрубил рог, но на этот раз громче и ближе, заглушив на мгновенье вой ветра и грохот волн. Послышался лай собак, непохожий на тот, что дочь Орма слышала прежде, громкий топот копыт заслонил небо, а земля отозвалась эхом.

«Всадники Асгарда, Дикие Охотники, — подумала Фреда, парализованная страхом. — Почему никто не слышит их?» Ребенок плакал на ее груди, ветер дергал рамы.

Копыта простучали по двору, и снова заиграл рог, да так громко, что содрогнулись стены дома. Лай неземных собак, звон бронзы и железа окружили дом.

Дверь комнаты Фреды выходила во двор. Кто-то постучал в нее.

Засов отодвинулся, и дверь распахнулась настежь. Ветер ворвался в комнату, раздувая плащ того, кто вошел внутрь.

Хотя в комнате не горел очаг, Фреда отчетливо разглядела пришельца. Ему пришлось нагнуться, чтобы не удариться о стропила, а наконечник копья, которое он держал в руке,

сверкал, как и его единственный глаз. Седые, как волчья шерсть, борода и волосы выглядывали из-под широкой шапки, закрывавшей лицо.

Вошедший заговорил голосом ветра, моря и пустого небосклона:

— Фреда, дочь Орма, я пришел за тем, что ты поклялась мне отдать.

— Господин... — Она отпрянула, защищенная только одеялом. Если бы Скафлок был здесь... — Господин, пояс в том сундуке.

Один рассмеялся:

— Ты думаешь, я хотел забрать лекарство? Нет, ты должна отдать мне то, что находилось под ним — ребенка, которого уже носила в своем лоне.

— Нет! — Фреда даже не услышала своего крика. Она спрятала за спину плачущего ребенка. — Нет, нет, нет! — Она села и сорвала со стены распятие. — Во имя Бога-Отца и Христа приказываю тебе уйти!

— Я не побегу от них, — сказал Один, — потому что, давая клятву, ты отказалась от их помощи. А теперь отдай мне ребенка!

Он оттолкнул женщину и положил младенца на сгиб свободной руки. Фреда выбралась из постели и бросилась ему в ноги.

— Чего ты хочешь от него? — прорыдала она. — Что ты с ним сделаешь?

Ночной странник ответил словно из безбрежных далей:

— Его ждет судьба великая и страшная, ибо игра между Асами, йотунами и новыми богами еще не закончилась. Тирфинг по-прежнему сверкает на шахматной доске мира, Тор сломал его, чтобы он не подсек корней Игтдрасила*. Потом я достал его и отдал Скафлоку, ибо Болверк, который один во всех Девяти Мирах мог снова его отковать, никогда не сделал бы этого для Аса или альва. Меч этот был нужен для отпора троллям, которым втайне помогал Утгард-Локи, чтобы народ, дружественный врагам богов, не захватил Эльфхейма. Но Скафлок не сможет оставить Тирфинг себе, потому что он не пожелает уничтожить всех троллей. На это никогда не пойдут йотуны; в таком случае они вступят в борьбу между альвами и троллями. Тогда и богам пришлось бы выступить против ледяных гигантов, и конец света стал бы совсем близок. Поэтому Скафлок должен погибнуть. Много лет ткал я сеть,

---

* В скандинавской мифологии вечнозеленый ясень, поддерживающий Вселенную.

благодаря которой этот мальчик был рожден и попал мне в руки. Однажды он возьмет в руки Тирфинг и будет носить его до конца жизни.

— Скафлок должен умереть? — Фреда схватила его за ноги. — И он тоже? О нет, нет!

— А зачем ему жить дальше? — холодно спросил Один. — Если бы ты отправилась в Альвгейт, куда он стремится, и сложила то, что разбилось в тот день возле кургана Орма, он с радостью отложил бы заколдованный меч и остался бы в живых. А теперь он погибнет — Тирфинг убьет его.

И Дикий Охотник ушел. Заиграл его рог, псы залаяли и завыли, копыта простучали и стихли вдали. Единственными звуками остались свист ветра, рев моря и плач Фреды.

XXVII

Вальгард стоял на самой высокой башне Альвгейта и наблюдал за сбором войск противника. Он стоял неподвижно, как скала, со скрещенными на груди руками и застывшим лицом, на котором жили только глаза. Рядом с ним стояли другие вожди гарнизона троллей и рассеянной армии, укрывшейся в последней и самой мощной из захваченных крепостей. Были они усталы и угнетены, многие ослабели от ран, и все со страхом смотрели на войско Эльфхейма.

Справа от Вальгарда стояла Лея, сверкая в лунном свете, вливавшемся сквозь незастекленные окна. Холодный ветер развевал ее одежду и волосы, на губах альвини играла легкая улыбка, а глаза таинственно блестели.

За стенами Альвгейта, на белых от инея и лунного сияния холмах расположилась армия альвов. Бряцали мечи, звенели кольчуги, играли горны, кони звучно били копытами по замерзшей земле. Щиты отражали снопы лунного света, а наконечники копий и лезвия топоров сверкали под звездами. Альвы устраивали лагерь. Кольцо палаток и костров окружало замок. Тут и там наблюдатели замечали смутные фигуры воинов.

Среди холмов громко простучали колеса, и показалась боевая колесница, сверкающая почти так же ярко, как солнце. Огоньки пробегали по косам на ее ступицах. Колесницу тянули четыре крупные белые лошади, потряхивающие головами и фыркающие, словно ветер в ущелье во время бури. Вооруженный копьем воин, стоящий рядом с возницей, возвышался над остальными воинами. Ветер развевал его темные

кудри, окаймлявшие величественное, но угрюмое лицо. Глаза его горели внутренним светом.

Какой-то тролль неуверенно произнес:

— Это Луг Длиннорукий. Он водил против нас Туата Де Данаан и косил нас, как траву. Шотландские вороны покрыли землю, как черный плащ, слишком сытые, чтобы летать. Не спаслось даже сотни наших.

Вальгард по прежнему молчал.

Одетый в серебристую кольчугу и красный плащ Огненное Копье объезжал стены замка. Его красивое лицо выражало насмешку, но жестокую. Он поднял вверх пику, словно хотел пронзить ею звезды.

— Он командовал изгнанниками, — буркнул другой тролль. — Их стрелы летели отовсюду. Они нападали на нас ночью, оставляя трупы и пепелища.

Вальгард не шелохнулся.

В бухте Альвгейта корабли троллей еще тлели или лежали разбитые на берегу. Длинные корабли альвов стояли на якорях, посверкивая щитами и оружием.

— Этими драккарами, которые отнял у нас Мананаан Мак Лир, командует Флам с Оркнейских островов, — хрипло заметил какой-то воин. — На морях уже нет наших кораблей, только один прорвался, чтобы сообщить, что альвы грабят и жгут берега Троллхейма.

Вальгард стоял, словно высеченный из темного камня.

На берегу моря альвы начали ставить палатку больших размеров, чем все остальные. К ней подъехал какой-то воин на чудовищно большом черном коне и вонзил в землю свой стяг-копье, с острия которого скалила зубы голова Иллреде. Мертвые глаза смотрели прямо на укрывшихся в башне соплеменников.

Какой-то тролль произнес срывающимся голосом:

— Это их предводитель, Скафлок, прозванный Смертным. Никто не может устоять против него. Он гнал нас на север как стадо овец, убивая без жалости. Меч, которым он владеет, рубит камень и металл, словно это тонкая ткань. Непонятно, человек ли он, адский ли демон.

Вальгард вздохнул.

— Я знаю его, — тихо произнес он. — И хочу убить.

— Ты не сможешь, господин. Его оружие...

— Молчать! — Вальгард повернулся, ожег троллей взглядом и начал ругаться: — Глупцы, трусы, мерзавцы! Пусть каждый, кто боится сражаться, выйдет к этому мяснику! Это не спасет вас, но вы хоть умрете быстро.

Что касается меня, я собираюсь разгромить его здесь, в Альвгейте.

Он заговорил голосом, громыхающим, как боевая колесница:

— Это последний оплот троллей в Британии. Мы понятия не имеем, как пали остальные, наши отступающие солдаты видели лишь развевающиеся над ними знамена альвов. Но все мы знаем, что в этом замке, никогда не бравшемся штурмом, собралось больше солдат, чем у наших врагов. Он защищен от колдовства и прямого штурма, мы можем потерять его только из-за своей трусости. — Он поднял большой топор, с которым никогда не расставался, и продолжал: — Сегодня ночью они разобьют лагерь и не сделают ничего больше. Скоро рассвет, и только на следующую ночь смогут они начать осаду и, вероятно, пойдут на штурм. Если они будут штурмовать Альвгейт, мы отбросим их от стен и сделаем вылазку. Если же нет, атакуем их сами, имея за спиной крепость, в которую сможем отступить, если дела пойдут плохо. — Вальгард оскалил зубы в улыбке: — Но, думаю, мы их победим. Нас больше, и любой сильнее противника в рукопашной схватке. Мы со Скафлоком найдем друг друга в битве, потому что не выносим один другого. Тогда я убью его и добуду победный меч.

Он умолк, а какой-то вельможа из Шотландии спросил:

— А как быть с сидами?

— Они тоже не всемогущи, — огрызнулся Вальгард, — Когда мы накосим столько альвов, чтобы доказать всем и каждому, что их дело проиграно, сиды сами запросят мира. Тогда Англия станет провинцией Троллхейма, защищающей родину от атаки, а мы будем собирать силы, чтобы снова выступить против короля альвов.

Он взглянул с башни в мертвые глаза Иллреде.

— А я, — закончил Вальгард, — сяду на твой трон. Хотя зачем? Зачем все это?

Спустя какое-то время после того, как стих жуткий ночной шум, один из дружинников набрался смелости, покинул ложе, зажег светильник от тлеющих углей очага и пошел взглянуть, что творится во дворе Торкела, сына Эрленда. Он нашел открытой дверь в комнату Фреды, дочери Орма, ее саму, лежащую на пороге без сознания, и всю в крови. Ребенок исчез. Воин занес девушку внутрь. Фреда бредила в лихорадке, выкрикивая такие вещи, что вызванный к ней священник

только покачал головой и перекрестился. Никто не находил смысла в ее словах. В следующие дни она дважды пыталась убежать, но каждый раз кто-нибудь замечал ее и приводил обратно. У женщины не хватало сил сопротивляться.

Но пришла, наконец, такая ночь, когда Фреда проснулась отдохнувшей — а может, это ей показалось — и лежала какое-то время, строя планы. Потом она сползла с кровати, стискивая зубы, чтобы не стучали от холода, и нашла сундук, в котором лежала ее одежда. Она надела шерстяное платье и длинный плащ с капюшоном. Потом взяла в руки ботинки и в чулках пошла на кухню, чтобы взять на дорогу хлеба и сыра.

Вернувшись в свою комнату, Фреда задержалась, чтобы поцеловать распятие.

— Прости меня, Господи, если сможешь, — прошептала она, — что люблю его больше, чем тебя. Я дурной человек, но это мой грех, а не его.

Она вышла из дома под звездное небо. Ночь была тиха, и только иней похрустывал под ее ногами. Фреда направилась к конюшне.

В замке весь день было тихо и темно. Лея медленно и осторожно подняла руку Вальгарда, лежавшую у нее на груди, положила ее на перину и скользнула с ложа.

Вальгард перевернулся, бормоча что-то сквозь сон. Его покинула энергия, которую он проявил днем; кожа плотно обтянула череп, свисая лишь под глазами и подбородком. Лея взглянула на него и взяла со стола кинжал.

Как легко было бы перерезать ему горло... Но нет, слишком многое зависело от нее. Если она поскользнется — а подменыш был чуток, как оборотень, даже во сне, — то может потерять все. Двигаясь тенью, она накинула на голое тело платье, подпоясалась и вышла из комнат ярла. В правой руке она держала кинжал, в левой — ключи от замка, взятые из тайника, который сама предложила Вальгарду.

На лестнице она встретила другую альвиню, та несла мечи из арсенала. Ни одна из них не сказала ни слова. Тролли метались в беспокойном сне. То и дело она проходила мимо охранников, которые окидывали ее похотливыми взглядами, а потом больше не обращали внимания. Вельможи часто посылали своих альвинь с различными поручениями.

Лея спустилась в подземелье, добралась до камеры, в которой томился Имрик, и открыла тройной замок.

Джинн уставился на нее из красноватого полумрака. Лея одним прыжком оказалась рядом с ним и прежде, чем он успел крикнуть, перерезала ему горло.

Раскидав костер, альвиня перерезала путы Имрика. Он тяжело свалился ей на руки и долго лежал замертво, когда она уложила его на пол.

Нацарапав лечебные руны на кусочках обугленного дерева, она положила их ему под язык, на глаза, на обожженные ступни и искалеченные руки. Потом зашептала заклинания. Исцеляемое тело судорожно изогнулось. Имрик застонал от боли, но не сказал ничего.

Лея сняла с кольца ключи и положила их возле брата.

— Когда оправишься, — тихо сказала она, — освободи запертых альвов. Их заперли в подземелье. Оружие будет спрятано в здании старого колодца за замком. Не ходите за ним, пока сражение не разгорится всерьез.

— Хорошо, — пробормотал Имрик сухими губами, — Я постараюсь найти еще воду, вино, кусок мяса... и все, что должны мне тролли. — Дикий блеск его глаз почти испугал Лею.

Тихо ступая босыми ногами, она пошла подземным переходом к покинутой ныне древней башне астрологов, вздымавшейся над стенами замка с восточной стороны. Поднявшись по крутой лестнице, она оказалась среди огромных инструментов из бронзы и хрусталя, а затем вышла на балкон, окружавший башню. Хотя она стояла в тени, заходящее солнце едва не ослепило ее своим сиянием и поразило гораздо более опасными невидимыми лучами. Альвиня с трудом разглядела за стенами высокого воина в сверкающей кольчуге, как просила об этом в послании, отправленном накануне осаждающим с нетопырем.

Она не знала, кто это такой. Наверное, один из сидов, а может, — тут сердце ее замерло — может, и Скафлок.

Склонившись над балюстрадой, она швырнула вниз кольцо с ключами. Оно описало в воздухе сверкающую дугу и оделось на копье неизвестного воина — это были ключи от ворот замка.

Лея облегченно вернулась в спасительный полумрак и птицей помчалась в комнаты ярла. Она едва успела скинуть одежду и скользнуть на ложе, как Вальгард проснулся.

Он встал и выглянул в окно.

— Вскоре солнце сядет, — сказал он. — Пора готовиться к битве.

Сняв со стены рог, он открыл дверь, выходившую на ле-

стницу, и протяжно протрубил. Стражники, услышавшие этот сигнал, передали его дальше, до самых отдаленных уголков замка, не зная, что это было знаком для каждой альвини, чтобы они, если смогут, вонзили нож в сердце тролля, которому принадлежали.

Фреда теряла сознание и вновь приходила в себя, когда ей грозило падение с коня. Из беспамятства ее вырывала боль незалеченного тела, и она спекшимися губами благодарила за это Бога.

Она забрала с собой двух коней и безжалостно подгоняла их. Холмы и деревья, мимо которых она проезжала, казались камнями, лежащими на дне быстрой речки. Порой они казались ей нереальными, как во сне, вокруг не было ничего настоящего, кроме шума, заполнявшего ее голову.

Она помнила, что конь один раз споткнулся и она упала в ручей, а когда поехала дальше, вода замерзала на ее одежде и в волосах.

Спустя целую вечность, когда солнце вновь заходило, такое же кровавое, как следы, которые она за собой оставляла, пал ее второй конь. Первый был мертв уже давно, а теперь погиб и второй. Дальше она шла пешком, налетая на деревья, которых не видела, продираясь сквозь кусты, рвавшие ее одежду и руки.

Шум в ее голове усиливался, она уже не знала, кто она такая, но это ее не волновало. Важно было лишь то, что она идет на север, в сторону Альвгейта.

XXVIII

На закате солнца Скафлок приказал трубить в горны. Альвы вышли из палаток, бряцая металлом и мстительно крича. Кони били копытами и ржали, колесницы грохотали по замерзшей земле, и целый лес копий вырос за альвийскими знаменами и головой Иллреде.

Скафлок сел на своего йотунского жеребца. Меч Тирфинг, казалось, шевелится у него на боку. Лицо воспитанника альвов напоминало маску забытого бога войны, исхудавшую, но ожесточенную.

— Ты тоже слышишь крики за стенами Альвгейта? — спросил Скафлок у Огненного Копья.

— Да, — широко улыбнулся альв. — Тролли наконец по-

няли, почему другие их замки пали так легко. Но им не схватить женщин, даже нам это было бы нелегко, поскольку там слишком много всевозможных укрытий.

Скафлок подал ему какой-то ключ с кольца, висевшего у него на поясе.

— Возглавишь атаку сзади, с тараном, — зачем-то напомнил он. — Когда мы откроем главные ворота, это должно привлечь внимание достаточного числа защитников, чтобы ты легко добрался до задних. Флам и Рукка атакуют слева и справа, а потом помогут нам, когда мы уже будем в замке. Сам вместе с сидами и гвардейцами, присланными королем альвов, ударю по главному входу.

Над восточным морем поднялся на небо огромный диск полной луны. В ее призрачном свете сверкал металл и глаза, белели знамена и альвийские скакуны. Прозвучали горны, и войско альвов снова подняло крик, вызвавший эхо среди скал и угасший лишь под звездами. А потом альвы и их союзники бросились в битву.

В ночи прозвучал протяжный свист. Наверняка тролли были потрясены, узнав, что треть их погибла во время сна, и что убийцы на свободе, в лабиринте замковых коридоров. Но они были отважными воинами, Вальгард приказал им занять свои места, и сейчас лучники посылали со стен Альвгейта стрелу за стрелой.

Большинство их отражалось щитами и кольчугами, но некоторые впивались в тела. Один за другим воины падали на землю. Кони ржали и поднимались на дыбы, а убитые и раненые усеяли склон горы.

Холм Альвгейта был крутым, и лишь одна узкая дорога вела к главным воротам. Но альвы не нуждались в дорогах. Испуская воинственные кличи, они прыгали по осыпям и скользким от инея камням, с валуна на валун. Закидывая на вершины скал веревки с крюками, они карабкались по ним, въезжали верхом туда, куда не посмела бы подняться ни одна коза. Вот они уже оказались на плоской площадке под стенами, и вверх взмыла туча стрел.

Скафлок двинулся по дороге к главным воротам, ведя за собой колесницы Туата Де Данаан. Они громыхали за ним, их колеса высекали искры и били по камню, а бронза, из которой их отлили, сверкала так, словно по-прежнему оставалась расплавленной. Стрелы отскакивали от шлемов, кольчуг и щитов сидов, и ни один воин не был ранен. Скафлок тоже не пострадал, пока мчался на черном коне по дороге, сотканной из мрака и воздушного лунного сияния.

Вот так альвы добрались до стен крепости. Тролли встретили их кипящей водой, горящим маслом, скользким как лед купоросом, копьями, камнями и страшным греческим огнем. Альвы дико кричали, когда плоть кусками отваливалась от их костей, уцелевшие отпрянули.

Скафлок окликнул их, желая как можно скорее вытащить меч. Воины составили из щитов «черепаху», и под ее прикрытием он подобрался к воротам.

Стоявший на стене Вальгард сделал знак солдатам, обслуживающим боевые машины — огромные валуны раздавят черепаху скорее, чем таран разобьет обитые бронзой ворота.

Скафлок сунул первый ключ в скважину, произнося заклинание. Потом второй, третий... Вальгард помог уложить на баллисту такой огромный валун, что затрещали балки. Тролли натянули жгуты.

Семь ключей, восемь... Скафлок взялся за рычаг. Девять ключей — и ворота открылись!

Скафлок сжал коленями бока коня, тот встал на дыбы и ударил передними копытами в ворота. Они открылись, и воспитанник Имрика промчался сквозь пробитый в толстой стене тоннель во двор, посеребренный лунным сиянием. За ним ворвались колесницы Луга, Дова Берга, Ангуса Ога, Эохи, Колла, Кехта, Мак Грейни, Мананаана и всех остальных. Ворота были взяты!

Стоявшие за ними стражники оказали отчаянное сопротивление. Какой-то тролль ранил топором йотунского жеребца в ногу, тот поднялся на дыбы и принялся топтать воинов.

Скафлок вытащил Тирфинг из ножен. В полумраке колдовской меч горел голубым огнем, напевая песню смерти, поднимался и опускался вновь, атакуя быстро, как змея. Лязг и скрежет металла, свист клинков и грохот колесниц неслись к звездам.

Тролли отступали. Вальгард завыл, в глазах его вспыхнули зеленоватые огоньки, и он возглавил контрудар со стен на двор. Всей силой обрушились они на фланг нападающих. Повалив топором одного альва, он выдернул оружие из раны и зарубил другого, после чего разбил щит третьему.

От задних ворот доносился грохот тарана. Тролли начали забрасывать его камнями, горшками с горящим маслом, копьями и стрелами, и тут на них накинулась толпа исхудавших и оборванных воинов, жаждущих крови — то были освобожденные Имриком узники. Тролли повернулись, чтобы встретить их, и в эту минуту Огненное Копье открыл ворота.

— В замок! — вскричал Вальгард. — В замок! Удержим его!

Тролли пробились к нему и окружили плотным кольцом щитов. Отражая удары альвов и сами напирая со всех сил, они пробились к главной двери Альвгейта.

Она была закрыта.

Вальгард бросился на нее, но его топор отскочил от гладкой поверхности, и он сумел открыть дверь, лишь вырубив из нее замок.

Толпа троллей устремилась внутрь, но из темноты засвистели стрелы, и воины начали падать на плиты двора. Вальгард отпрянул, его левую руку пронзила стрела. Изнутри донесся насмешливый голос Леи:

— Альвини держат этот дом для своих любовников, лучших, чем те, что были у них в последнее время. Так-то, Тень Скафлока!

Вальгард повернулся и вырвал стрелу из раны, а потом завыл, пена показалась на его губах. Размахивая топором, он бросился назад во двор, рубя все, что попадалось по пути. Битвенное безумие овладело им.

Скафлок дрался, чувствуя необычайную силу, которую давал ему рунный меч. Тирфинг был как огонь в его руке. Брызгали кровь и мозг, головы падали на камень, конь оскальзывался на вырванных внутренностях, а он сражался без отдыха, холодный, сдержанный, спокойный, как никогда, и вместе с тем настолько поглощенный боем, что сплотился с колдовским мечом в единое целое. Он раскидывал смерть, как сеятель зерно, и там, куда он направлял свой меч, ряды троллей нарушались.

Луна появилась из-за моря — странно, что оно было таким спокойным — и возник мост, соединивший ее со стенами Альвгейта. Лучи ее осветили ужасные сцены. Мечи мелькали молниями, копья кололи, топоры и палицы наносили удары, воины кричали от боли. Кони с гривами, слипшимися от пролитой крови, поднимались на дыбы, давили сражающихся, болезненно ржали. Воины смещались то в одну, то в другую сторону, топча тела павших.

Луна поднималась все выше, и вот уже со двора Альвгейта стало казаться, что восточная башня пронзает ее сердце. Строй троллей окончательно сломался.

Их осталось немного, альвы гонялись за ними по двору и белому склону горы.

— Ко мне, ко мне! — прогремел клич Вальгарда. — Сюда, тролли!

Скафлок услышал его и повернул коня. В воротах возвышалась плечистая фигура подменыша, с ног до головы залитая кровью и окруженная трупами альвов. Около дюжины троллей пытались пробиться к нему, чтобы защищаться до последнего.

Это он был виновником всего зла... Меч Тирфинг мог бы улыбнуться губами Скафлока. Вальгард, Вальгард, пробил твой час! И Скафлок пришпорил коня.

Пока он мчался к Вальгарду, ему показалось на мгновение, что он видит сокола, взлетевшего в воздух откуда-то из-за моря и помчавшегося в сторону месяца. Холодок пробежал у него по спине — Скафлок понял, что скоро умрет.

Вальгард заметил его и широко улыбнулся. Опершись на стену он поднял топор. Черный жеребец поднялся на дыбы, чтобы раздавить его, но подменыш размахнулся изо всех сил и размозжил коню череп.

Такую тяжесть могла удержать только стена. Когда жеребец рухнул, земля содрогнулась, а Скафлок вывалился из седла. Ловкий как альв, он извернулся в воздухе, чтобы приземлиться на ноги, но ударился о стену и покатился вглубь ворот.

Вальгард вырвал топор из головы коня и побежал, чтобы убить врага. Скафлок выполз из портала на залитый лунным светом склон горы, у подножия которой раскинулась бухта Альвгейта и море. Его сломанная правая рука безвольно висела. Отбросив щит, он взял меч в левую руку, кровь капала с его разбитого лица и стекала по клинку.

Вальгард подошел ближе.

— Многие дела закончатся сегодня ночью, — сказал он, — и твоя жизнь тоже.

— Мы родились почти одной ночью, — ответил Скафлок, и кровь текла из его рта, пока он говорил это, — значит, и умрем почти одновременно. — Затем он язвительно добавил: — Если я умру, как можешь остаться в живых ты, моя тень?

Вальгард яростно крикнул и замахнулся топором. Скафлок подставил меч. Топор Братоубийца столкнулся с заколдованным клинком и с треском лопнул, рассыпав сотни искр.

Скафлок попятился, восстановил равновесие и снова поднял Тирфинг. Вальгард шел на него с пустыми руками, рыча как дикий зверь.

— Скафлок! Скафлок!

При звуке этого голоса воспитанник Имрика молниеносно повернулся. Фреда бежала к нему, спотыкаясь, усталая, ск-

ровавленная, в изодранной одежде, но это была Фреда, она вернулась к нему.

— Скафлок, — позвала она, — дорогой мой...

Вальгард прыгнул вперед и вырвал меч из руки врага. Подняв, он с размаху опустил его.

Потом завыл и снова поднял. Под слоем крови клинок сверкал неземным голубым огнем.

— Я победил! — крикнул он. — Я — владыка мира и топчу его ногами! Собирайся, тьма!

Он размахнулся, но клинок повернулся в скользкой от крови ладони подменыша и обрушился на него самого, повалив с ног своей тяжестью, разрубив шею и вонзившись в землю. Пригвожденный им, Вальгард лежал, глядя на сверкающий меч, и чувствовал, как вместе с кровью уходит его жизнь. Он попытался его вытащить, но лишь перерезал себе вены на запястьях. Вот так закончилась жизнь Вальгарда Подменыша.

А Скафлок лежал с разрубленным плечом и грудью, лицо его в лунном свете было белым, как полотно. Но когда Фреда склонилась над ним, он сумел улыбнуться.

— Я умираю, любимая, — прошептал он. — Ты слишком хороша для мертвого воина и слишком красива, чтобы плакать. Забудь обо мне...

— Никогда... никогда. — Слезы ее капали на него, как весенний дождь.

— Ты поцелуешь меня на прощанье? — спросил он.

Его губы были уже холодными, но женщина горячо поцеловала их, а когда вновь открыла глаза, Скафлок лежал в ее объятиях мертвым.

Первые лучи зари осветили небо на востоке, когда Имрик и Лея вышли из замка.

— Зачем лечить эту девушку и отправлять домой? — В голосе альвини не было радости от победы, одержанной ее народом. — Лучше отправь ее в ад — это она погубила Скафлока.

— Такова была ее судьба, — ответил Имрик. — И помогая ей, мы можем кое-что сделать для него. Хотя нам, альвам, незнакомо чувство, мы можем сделать кое-что, от чего утешилось бы сердце нашего друга.

— Мы не знаем любви? — произнесла Лея, но так тихо, что он не услышал. — Ты мудр, Имрик, но и твоя мудрость имеет предел.

Она взглянула на Фреду — та сидела на замерзшей земле, обнимая Скафлока. Женщина пела ему колыбельную, которую когда-то хотела спеть их ребенку.

— Судьба была к ней добрее, чем ко мне, — сказала Лея.

Имрик сделал вид, что понял ее и кивнул.

— Если уж об этом зашла речь, — сказал он, — то все люди счастливее жителей Страны Чудес или богов. Лучше жизнь, подобная падающей звезде, что горит во тьме, чем бессмертие, не замечающее ничего, кроме себя самого. — Он взглянул на меч, по-прежнему торчащий в шее своей жертвы. — Я чувствую, что близок день, когда Страна Чудес исчезнет, когда король альвов сначала превратится в лесного духа, потом развеется как туман, а боги исчезнут. И что хуже всего, я вовсе не уверен, что будет плохо, если бессмертные не будут жить вечно.

Ярл подошел к рунному мечу.

— Что касается этого, — он повернулся к невольникам-низовикам, шедшим за ним, — мы заберем его и бросим далеко в море. Но вряд ли это что-то нам даст. Волю Норн изменить невозможно, а этот клинок еще не совершил своего последнего зла.

Вместе с невольниками он сел в лодку, чтобы проследить за выполнением своего решения. Тем временем Мананаан Мак Лир забрал Фреду и тело Скафлока, чтобы заняться душой первой и воздать последние почести второму. Вернувшись, Имрик медленно направился в Альвгейт рука об руку с Леей, ибо близился уже холодный рассвет.

На этом и кончается сага о Скафлоке Воспитаннике Альвов.

СОДЕРЖАНИЕ

Восставшие миры
перевод с англ. С. Борисова 5

Зима мира
перевод с англ. А. Молокина и Л.Терехиной 161

Сломанный меч
перевод с англ. Н. Гузнинова 363

Литературно-художественное издание

Пол Андерсон

ВОССТАВШИЕ МИРЫ

Ответственный редактор
Д. А. Овинников
Редактор **С. Ульянов**
Художник **М. Раев**
Технический редактор **М. Александров**
Корректор **Г. Шиханов**

Подписано к печати 6.05.93. Формат 84×108/32.
Бумага типографская
Гарнитура «Таймс». Печать высокая.
Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 30,24.
Тираж 100 000 экз. Заказ 1813. С 004.
Издательство «Пересвет». 300600, г. Тула,
Красноармейский пер., 27
Нижегородские фирмы «Параллель», «Фрегат».
Отпечатано с оригинал-макета на Тверском ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР Министерства печати и информации Российской Федерации. 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.